Сельма

Лагерлёф

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Задуманная как учебник шведской географии, эта книга вот уже более века находит новых читателей по всему миру среди детей и взрослых. В России давно завоевал популярность сокращенный пересказ волшебной истории о мальчике, отправившемся с гусиной стаей в Лапландию.

Полная версия «Удивительного путешествия Нильса Хольгерссона…» — это новое знакомство с любимыми героями, народные предания и занимательная география.

- С. Лагерлёф
  - ТОМ ПЕРВЫЙ
    - I МАЛЬЧИК
      - ДОМОВОЙ
      - ДИКИЕ ГУСИ
      - КЛЕТЧАТАЯ СКАТЕРТЬ
    - II АККА С КЕБНЕКАЙСЕ[3]
      - ВЕЧЕР
      - НОЧЬ
      - ГУСИНЫЕ ЗАБАВЫ
    - III ЖИЗНЬ ДИКИХ ПТИЦ НЕБЕСНЫХ
      - В КРЕСТЬЯНСКОЙ УСАДЬБЕ
      - ВИТШЁВЛЕ
      - В ПАРКЕ ЗАМКА ЭВЕДСКЛОСТЕР
    - IV ЗАМОК ГЛИММИНГЕХУС
      - ЧЕРНЫЕ КРЫСЫ И СЕРЫЕ КРЫСЫ
      - АИСТ
      - ЗАКЛИНАТЕЛЬ КРЫС
    - V ВЕЛИКИЕ ЖУРАВЛИНЫЕ ПЛЯСКИ НА ГОРЕ КУЛЛАБЕРГ
    - VI НЕНАСТЬЕ
    - VII КРЫЛЬЦО С ТРЕМЯ СТУПЕНЬКАМИ
    - VIII У РЕКИ РОННЕБЮ
    - IX КАРЛСКРУНА[10]
    - X ПОЛЕТ НА ОСТРОВ ЭЛАНД[12]
    - XI НА ЮЖНОМ МЫСУ ОСТРОВА ЭЛАНД
    - XII БАБОЧКА-ВЕЛИКАНША
    - XIII ОСТРОВОК ЛИЛЛА КАРЛСЁН
      - БУРЯ
      - ОВЦЫ
      - ЧЕРТОВ ПРОВАЛ
    - XIV ДВА ГОРОДА

- ГОРОД НА ДНЕ МОРСКОМ
- ГОРОД НА СУШЕ
- XV САГА О СМОЛАНДЕ
- XVI ВОРОНЫ
  - ГЛИНЯНЫЙ ГОРШОК
  - ПОХИЩЕННЫЙ ВОРОНАМИ
  - ЛАЧУГА
- XVII СТАРАЯ КРЕСТЬЯНКА
- XVIII ОТ ГОРЫ ТАБЕРГ ДО ХУСКВАРНЫ
- XIX БОЛЬШОЕ ПТИЧЬЕ ОЗЕРО
  - ЯРРО — ДИКИЙ СЕЛЕЗЕНЬ
  - МАНОК
  - КАК ЛЮДИ ХОТЕЛИ ОСУШИТЬ ОЗЕРО
- XX ПРЕДСКАЗАНИЕ
- XXI СЕРМЯЖНЫЙ ЛОСКУТ

○ ТОМ ВТОРОЙ

- XXII САГА О КАРРЕ И СЕРОШКУРОМ
  - КОЛЬМОРДЕНСКИЙ ЛЕС
  - ПЕС КАРР
  - БЕГСТВО ЛОСЯ СЕРОШКУРОГО
  - БЕСПОМОЩНЫЙ
  - БАБОЧКИ-«МОНАШЕНКИ»
  - ВЕЛИКАЯ ВОЙНА С БАБОЧКАМИ-«МОНАШЕНКАМИ»
  - ВОЗМЕЗДИЕ
- XXIII ВОЛШЕБНЫЙ САД[24]
- XXIV В ПРОВИНЦИИ НЕРКЕ
  - ИСЕТТЕРС-КАЙСА
  - ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ЯРМАРКИ
- XXV ЛЕДОХОД
- XXVI РАЗДЕЛ НАСЛЕДСТВА
- XXVII В БЕРГСЛАГЕНЕ[30]
- XXVIII ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД
- XXIX РЕКА ДАЛЬЭЛЬВЕН
- XXX ЛЬВИНАЯ ДОЛЯ НАСЛЕДСТВА — ДОЛЯ БРАТА
  - СТАРЫЙ ГОРНЯЦКИЙ ГОРОД
  - САГА О ФАЛУНСКОМ РУДНИКЕ
- XXXI ПРАЗДНИК СВЯТОЙ ВАЛЬБОРГ
  -
  - РАССКАЗ ЧЕРСТИ С ТОРФЯНОГО БОЛОТА
- XXXII В ПОИСКАХ КОРМА
- XXXIII НАВОДНЕНИЕ
  -

- ЛЕБЕДИ В БУХТЕ ЙЕЛЬСТАВИКЕН
- НОВЫЙ ЦЕПНОЙ ПЕС
- XXXIV САГА ОБ УПЛАНДЕ
- XXXV В УПСАЛЕ
  - СТУДЕНТ
  - ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК
  - ИСПЫТАНИЕ
- XXXVI ДУНФИН-ПУШИНКА
  - ГОРОД, КОТОРЫЙ ПЛАВАЕТ НА ВОДЕ
  - СЕСТРЫ
- XXXVII СТОКГОЛЬМ
- XXXVIII ГОРГО-ОРЕЛ
  - В ГОРНОЙ ДОЛИНЕ
  - В НЕВОЛЕ
- XXXIX ВПЕРЕД, ЧЕРЕЗ ЙЕСТРИКЛАНД!
  - ДРАГОЦЕННЫЙ ПОЯС
  - ПРАЗДНИК ЛЕСА
- XL ДЕНЬ В ХЕЛЬСИНГЛАНДЕ
  - БОЛЬШОЙ ЗЕЛЕНЫЙ ЛИСТ
  - КАК ОДНАЖДЫ ЖИВОТНЫЕ ВСТРЕЧАЛИ
- XLI В ПРОВИНЦИИ МЕДЕЛЬПАД
- XLII УТРО В ОНГЕРМАНЛАНДЕ
  - ХЛЕБ
  - ЛЕСНОЙ ПОЖАР
- XLIII ВЕСТЕРБОТТЕН И ЛАПЛАНДИЯ
  - ПЯТЕРО РАЗВЕДЧИКОВ
  - СЕВЕРНЫЙ КРАЙ ПУСКАЕТСЯ В СТРАНСТВИЕ
  - СОН
  - ВСТРЕЧА
- XLIV ОСА-ПАСТУШКА И МАЛЕНЬКИЙ МАТС
  - БОЛЕЗНЬ
  - ПОХОРОНЫ МАЛЕНЬКОГО МАТСА
- XLV СРЕДИ ЛАПЛАНДЦЕВ
- XLVI НА ЮГ! НА ЮГ!
  - ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПУТИ
  - НА ГОРЕ ЭСТБЕРГЕТ
  - САГА О ЙЕМТЛАНДЕ
- XLVII ПРОВИНЦИЯ ХЭРЬЕДАЛЕН И ЕЕ ПРЕДАНИЯ
- XLVIII ВЕРМЛАНД И ДАЛЬСЛАНД
- XLIX МАЛЕНЬКАЯ ГОСПОДСКАЯ УСАДЬБА
- L КЛАД НА ШХЕРЕ
  - НА ПУТИ К МОРЮ

        - ДАР ДИКИХ ГУСЕЙ
    - LI МОРСКОЕ СЕРЕБРО
    - LII БОЛЬШАЯ ГОСПОДСКАЯ УСАДЬБА
        - СТАРЫЙ И МОЛОДОЙ ГОСПОДИН
        - САГА О ВЕСТЕРЪЁТЛАНДЕ
        - ПЕСНЯ
    - LIII ПУТЕШЕСТВИЕ В ВЕММЕНХЁГ
    - LIV У ХОЛЬГЕРА НИЛЬССОНА
    - LV ПРОЩАЙТЕ, ДИКИЕ ГУСИ!
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34

- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

С. Лагерлёф
Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона
с дикими гусями по Швеции
Сказочная эпопея

ТОМ ПЕРВЫЙ

I МАЛЬЧИК

ДОМОВОЙ

Воскресенье, 20 марта

Жил на свете мальчик — долговязый, тощий, со светлыми, будто выгоревшими волосами. Не так уж мало он успел прожить на свете — лет четырнадцать, а проку от него было немного. Ему бы только есть, спать да бездельничать. А вот проказничать он был мастер.

Как-то однажды воскресным утром собрались его родители в церковь. Мальчик, одетый в кожаные штаны, рубашку и безрукавку, сидел на краю стола и радовался: «Ну и повезло же мне! Отец с матерью уйдут из дому, и я наконец-то буду сам себе хозяин. Захочу — сниму со стены отцовское ружье и постреляю. И никто мне не запретит».

Но отец словно услышал эти его мысли. Уже стоя на пороге, он вдруг обернулся и сказал:

— Коли не идешь с нами в церковь, сиди дома и читай воскресную проповедь. Понял?

— Ладно, — ответил мальчик. А про себя подумал: «Захочу — почитаю, не захочу — не буду».

Тут его матушка — ну до чего ж проворная! — подскочила к полке, висевшей на стене, схватила книгу и, раскрыв ее на странице с проповедью, которую пастор должен был читать в этот день, положила на стол у окошка. Тут же рядом она положила и раскрытый молитвенник. Потом придвинула к столу большое кресло, купленное в прошлом году с аукциона на Вемменхёгском пасторском дворе. А ведь прежде никому, кроме отца, сидеть в этом кресле не дозволялось!

Мальчик тем временем смотрел на мать и думал: зря она так старается, все равно больше одной-двух страниц он читать не станет. Но отец опять словно угадал мысли сына и, подойдя к нему, строгим голосом сказал:

— Смотри, читай хорошенько! Когда вернемся, перескажешь мне каждую страницу, и если хоть что-нибудь пропустишь, пеняй на себя!

— В проповеди четырнадцать с половиной страниц, — добавила матушка (и когда только сосчитала?). — Садись за работу сейчас же, чтобы успеть все прочесть.

И они ушли. А мальчик, стоя в дверях и глядя им вслед, уныло думал: «Идут небось да радуются, что такую ловушку мне

подстроили. Засадили за свою проповедь, корпи теперь, пока не вернутся».

Но отец с матерью вовсе не радовались, а наоборот — были сильно удручены.

Бедняки крестьяне, они так упорно трудились на своем взятом в аренду крохотном клочке земли, что в последнее время стали жить в достатке: кроме поросенка да кур, которых поначалу они только и могли прокормить, завелись в их хозяйстве и коровы, и гуси. Таким прекрасным весенним утром они могли бы идти в церковь в радости и веселье, если бы их не мучили мысли о сыне. Отец горевал, что сын непослушен, ленив, учиться не хочет, работы не любит. С грехом пополам приспособили гусей пасти… Одним словом, недотепа… Мать отцу не перечила: что правда, то правда. Но она больше печалилась о другом: очень уж злого нрава ее сын — жесток с животными и недобр к людям.

— Как бы смирить его злобу да смягчить его нрав! — все повторяла мать. — Не то накличет он беду и на себя, и на нас!

А сын меж тем долго стоял в раздумье: читать проповедь или нет. И наконец решил, что на сей раз лучше не противиться. Войдя в горницу, он уселся в отцовское кресло и целый час повторял вполголоса слова проповеди, пока не начал дремать от собственного бормотания.

На дворе же, хотя было всего лишь двадцатое марта, стояла чудесная погода. Ведь мальчик жил на самом юге провинции Сконе, в одном из приходов Вестра Вемменхёга, и весна здесь была уже в полном разгаре. На деревьях набухли почки, рвы наполнились водой, а на обочинах зацвела мать-и-мачеха. Вьющиеся по каменной ограде двора растения стали коричневыми и блестящими. Буковый лес вдали словно распушился и прямо на глазах становился все гуще и гуще. Ярко голубело небо в вышине, и сквозь полуотворенную дверь в горницу доносилось пение жаворонков. По двору расхаживали куры и гуси, а коровы, почуявшие приход весны даже в хлеву, время от времени растревоженно мычали.

Мальчик читал и клевал носом. «Нет, ни за что не усну, — твердил он, борясь с дремотой, — не то мне до полудня проповедь не вызубрить».

И все-таки уснул.

Долго он спал или нет, только разбудил его легкий шум за спиной.

Прямо перед ним на подоконнике стояло небольшое зеркало, а в нем видна была вся горница. И в тот самый миг, когда мальчик, очнувшись ото сна, поднял голову, он явственно увидел в зеркале, что крышка сундука, принадлежавшего матушке,

откинута!

А ведь в этот громадный дубовый сундук, окованный железом, никому, кроме нее, заглядывать не дозволялось. В сундуке она хранила все, что досталось ей по наследству от матери и чем она особо дорожила. Там лежали старинные женские наряды из красного сукна со сборчатыми юбками, с короткими лифами, с расшитыми бисером нагрудниками. Были там и белые накрахмаленные головные повязки, и тяжелые серебряные застежки, и всякие подвески и цепочки. Таких нарядов и украшений никто нынче не носил, и матушка не раз задумывалась, не расстаться ли ей с этой стариной, да все как-то не хватало духу.

И вот сейчас крышка сундука была поднята. Мальчик не мог понять, как это случилось. Ведь он видел собственными глазами, что, прежде чем уйти из дому, матушка заперла сундук на замок. Да разве оставила бы она сундук открытым, когда сын один дома?

Тут мальчик не на шутку перепугался: может, в дом забрался вор? Не смея шевельнуться, он во все глаза глядел в зеркало, ожидая, что вот-вот там кто-то появится.

Вдруг какая-то черная тень упала на край сундука. Она становилась все отчетливее и отчетливее. Да это же вовсе не тень, это кто-то живой, понял мальчик. Он смотрел и не верил своим глазам: верхом на краю сундука сидел самый настоящий домовой!

Увидев домового, мальчик не особенно испугался — чего пугаться такого малыша? Хоть он не раз слышал про домовых, но и представить себе не мог, что они так малы. Этот, на краю сундука, был не более ладони. Его сморщенное, безбородое лицо казалось очень старым. Одет домовой был в черный долгополый кафтан, темные панталоны до колен и черную широкополую шляпу. Но воротник и манжеты, отороченные белыми кружевами, башмаки с пряжками, подвязки с бантами придавали ему нарядный и даже щеголеватый вид. Вытащив из сундука расшитый бисером нагрудник старинной работы, домовой с восхищением стал его разглядывать. Он всецело погрузился в это занятие и не заметил, что мальчик проснулся.

А мальчику вдруг пришла в голову озорная мысль: что, если спихнуть домового в сундук и прихлопнуть сверху крышкой? Или сыграть с ним еще какую-нибудь веселую шутку?..

Но коснуться домового руками у мальчишки не хватило духу, и он стал озираться по сторонам: чем бы столкнуть его в сундук? Взгляд мальчика блуждал по горнице от деревянного диванчика к столу с откидными краями, от стола к очагу, от печных горшков к кофейнику, стоявшему на полке у очага, от ведра с водой у

дверей к посудному шкафу, через полуоткрытую дверцу которого виднелись ложки, ножи и вилки, блюда и тарелки. Глянул он и на отцовское ружье — оно висело на стене рядом с портретом датской королевской четы,[1] — и на герань, и на фуксии, которые цвели на подоконнике. Наконец он заметил старую мухоловку, висевшую на оконном косяке.

В мгновение ока сорвал он ее с гвоздя и, метнувшись по горнице, накинул сетку на край сундука. И сам не поверил своей удаче: неужто он и впрямь поймал домового?!

Бедняга беспомощно барахтался на дне глубокой мухоловки, а вылезти оттуда не мог.

Сперва мальчик даже растерялся и не знал, что делать со своей добычей. Он только размахивал мухоловкой туда-сюда, чтобы помешать домовому вскарабкаться наверх.

Вдруг домовой заговорил; он горячо молил отпустить его на волю.

— Я, право же, заслуживаю куда лучшего обхождения за то добро, что сделал твоей семье за долгие-долгие годы, — сказал он. — Отпустишь меня — подарю тебе старинный серебряный далер, серебряную ложку и еще золотую монету, а она ничуть не меньше крышки карманных часов твоего отца!

Хотя эти обещания показались мальчику не больно-то щедрыми, он сразу же пошел на сделку с домовым и перестал размахивать мухоловкой, чтобы тот мог выбраться на волю. По правде говоря, теперь, когда домовой оказался в его власти, Нильс перепугался… Он понял наконец, что имеет дело со страшным, чуждым ему существом из волшебного мира. Кто его знает, этого нелюдя… Поскорее бы от него избавиться…

Но когда домовой уже почти вылез из мухоловки, мальчик вдруг спохватился: как же ему не пришло в голову выговорить себе побольше всякого добра? И перво-наперво потребовать: пусть домовой поколдует, чтобы он, Нильс, получше запомнил воскресную проповедь. «Ну и дурень же я! Чуть не отпустил его!» — подумал он и снова стал трясти мухоловку, чтобы домовой скатился вниз.

Но вдруг он получил такую страшную затрещину, что в голове у него зазвенело. Он отлетел к одной стене, потом к другой и в беспамятстве повалился на пол, да так и остался лежать.

Когда он очнулся, в горнице никого, кроме него, не было; домового и след простыл. Крышка сундука была заперта на замок, а мухоловка висела на своем обычном месте. И если бы не правая щека, горевшая от пощечины, мальчик решил бы, что ему все померещилось. «Отец с матушкой наверняка скажут, что это мне

приснилось, — подумал он. — И никакой поблажки из-за домового не сделают, спросят все до единого словечка. Примуська я лучше опять за книгу».

Но когда он пошел к столу, ему стало не по себе. Что за притча? Разве горница может вырасти? Однако же до стола пришлось сделать гораздо больше шагов, чем всегда. А что сталось с креслом? Рядом со столом оно не казалось выше прежнего, но мальчик вынужден был сперва взобраться на перекладину между его ножками, а оттуда вскарабкаться на сиденье. Такое же чудо приключилось и со столом. Чтобы увидеть книжку, пришлось влезть на подлокотник кресла.

«Да что же это такое творится? — снова сам себя спросил мальчик. — Уж не заколдовал ли домовой и стол, и кресло, и горницу?»

Книга по-прежнему лежала на столе, с виду все такая же. Но с ней произошло что-то уж вовсе несусветное: чтобы разобрать хоть слово, мальчику пришлось влезть на книгу!

Все же он прочитал несколько строк, но когда поднял голову и нечаянно взглянул в зеркало, то увидел в нем маленького-премаленького человечка в кожаных штанишках, с остроконечным колпачком на голове.

— Ишь ты! Еще один! А одет точь-в-точь как я! — всплеснув от удивления руками, воскликнул мальчик. Малыш в зеркале проделал то же самое.

Тогда мальчик стал дергать себя за волосы, щипать руки и кружиться по горнице. И тот, в зеркале, мгновенно повторял все его движения.

Мальчик раза два обежал вокруг зеркала, чтобы поглядеть, не спрятался ли там, сзади, какой-нибудь малыш, но никого не нашел. И вот тогда он наконец все понял и задрожал от страха: домовой заколдовал его, и малыш, которого он видел в зеркале, — он сам.

ДИКИЕ ГУСИ

И все-таки мальчик не мог поверить, что превратился в домового. «Мне это, наверно, снится или чудится. Через минуту-другую я опять стану прежним», — думал он.

Он зажмурился и немного погодя снова взглянул в зеркало, надеясь, что наваждение исчезло. Но не тут-то было — он оставался таким же маленьким. Правда, он ничуть не изменился. Светлые, словно выгоревшие волосы и веснушки на носу, заплатки на кожаных штанишках и штопка на чулке — все было как прежде, только все маленькое-премаленькое.

Нет, сколько ни стой, сколько ни жди — все равно зря. Надо что-то делать. А лучше всего, пожалуй, скорее отыскать домового и помириться с ним.

Мальчик спрыгнул на пол и пустился на поиски. Он искал за шкафами, заглядывал под стулья, под деревянный диванчик и в очаг. Он залезал даже в крысиные норки — все без толку!

И чего-чего только, плача и моля, не сулил он этому нелюдю-домовому! В жизни он никогда больше не обманет, не даст волю злобе, не заснет над проповедью! Только бы ему снова стать человеком — он будет добрым, примерным и послушным мальчиком! Но все обещания были напрасны. Домовой исчез.

Вдруг мальчик вспомнил, что матушка однажды говорила, будто домовые предпочитают жить в коровниках. И он решил тотчас отправиться туда. К счастью, дверь была приотворена, не то он не смог бы дотянуться до щеколды.

Он, как был в одних чулках, выскользнул из горницы в сени и стал искать свои деревянные башмаки. Искал и думал: как же он наденет эти огромные неуклюжие деревянные башмаки на свои маленькие ноги? И вдруг увидел на пороге крошечные башмачки. Тут мальчик еще сильнее испугался. Если уж домовой так предусмотрителен, что заколдовал даже его башмаки, значит, он не скоро снимет заклятие!

На старой дубовой доске, лежавшей у крыльца, прыгал воробей. Увидел он мальчика да как закричит:

— Чик-чирик! Чик-чирик! Гляньте-ка на Нильса Гусопаса! Теперь он Малыш-Коротыш! Ай да Нильс Хольгерссон. Ай да Малыш-Коротыш!

Гуси и куры, бродившие по двору, тотчас уставились на мальчика и подняли ужасный переполох.

— Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку! — закричал петух. — Поделом ему! Ку-ка-ре-ку! Он дергал меня за гребень!

— Ко-ко-ко! Ко-ко-ко! — закудахтали куры. — Поделом ему! Ко-ко-ко! Ко-ко-ко! Поделом!

Гуси же, тесно сгрудившись в стаю, вытянули шеи и загоготали:

— Га-га-га! Кто бы мог такое сделать? Кто бы мог такое сделать! Га-га-га!

Но самое удивительное — мальчик прекрасно понимал все, что они говорили. «Я, должно быть, знаю теперь язык птиц, потому что сам превратился в домового», — сказал он самому себе. Застыв как вкопанный на крыльце, он стал удивленно прислушиваться к речам птиц.

Невыносимо было слышать, как куры, не переставая, кудахтали:

— Ко-ко-ко! Ко-ко-ко! Поделом ему! Ко-ко-ко! Ко-ко-ко! Поделом!

Швырнув в них камнем, он крикнул:

— Цыц, негодницы!

Но он не подумал о том, что теперь ему, такому малышу, никого не устрашить. Куры ринулись к нему, обступили со всех сторон и закудахтали:

— Ко-ко-ко! Ко-ко-ко! Поделом тебе! Ко-ко-ко! Ко-ко-ко! Поделом!

Мальчик бросился от них наутек, но куры помчались следом, так громко кудахтая, что он чуть не оглох. И ему никогда бы от них не избавиться, не появись во дворе домашний кот. Стоило курам завидеть кота, как они тотчас смолкли и начали рыться в земле, притворяясь, будто ни о чем другом на свете, кроме червяков, и не помышляют.

Мальчик кинулся к коту,

— Милый Мур! — взмолился он. — Ты, верно, знаешь каждый потайной уголок, каждую норку во дворе?! Будь добр, скажи, где отыскать домового!

Кот ответил не вдруг. Он уселся на землю, обвив передние лапы кольцом пышного хвоста, и уставился на мальчика. Кот был большой, черный, с белым фартучком на груди. Его тщательно вылизанная шубка лоснилась на солнце. Когти он втянул, а серые глаза зажмурил так, что они превратились в узенькие щелочки. Он казался самым добродушным котом на свете.

— Еще бы мне не знать, где живет домовой, — ласковым голосом промяукал кот. — Но с чего ты взял, что я расскажу об этом тебе?

— Милый Мур, помоги мне! — снова взмолился мальчик. — Разве ты не видишь? Он заколдовал меня.

Кот чуть приоткрыл зажмуренные глаза, вдруг позеленевшие от сверкнувшего в них злого огонька.

— Мяу! Мяу! Мур-мур-мур! — злорадно замурлыкал он. — Уж не за то ли я стану помогать тебе, что ты частенько дергал меня за хвост?

Слова эти рассердили мальчика, и он, снова позабыв, как мал и беспомощен, рванулся к коту, закричав:

— А вот еще раз дерну!

Что тут сделалось с котом! Невозможно было поверить, что это тот самый Мур! Шерсть вздыбилась, спина выгнулась колесом, хвост напружинился, лапы напряглись. Кошачьи когти судорожно царапали землю, уши прилегли к голове, глаза широко раскрылись и загорелись красным пламенем. Кот страшно зашипел. Но Нильс не испугался и даже шагнул ему навстречу.

Тогда кот одним прыжком свалил мальчика с ног и, встав ему на грудь передними лапами, прижал к земле. Мальчик почувствовал, как острые когти впиваются ему в тело сквозь безрукавку и рубашку, а в горло вонзаются страшные кошачьи клыки. И он закричал что было сил.

Но никто не пришел ему на помощь, и мальчик в ужасе подумал, что настал его последний час.

Вдруг кот втянул когти и отпустил его.

— Ну вот, — промяукал он, — на первый раз хватит. Я тебя прощу ради хозяйки. Мне хотелось только, чтобы ты знал, кто из нас теперь сильнее.

И кот ушел, гладкий и смирный, как всегда.

Мальчик был так сконфужен, что не мог слова вымолвить, и поспешно отправился в коровник искать домового.

В коровнике стояли всего три коровы. Но когда туда вошел мальчик, они подняли такой шум, словно их было не меньше тридцати. Коровы мычали, лягались, метались в стойлах, тряся цепями, словом, неистовствовали так, как будто Нильс опять науськивал на них чужую собаку.

Мальчик хотел спросить у коров, где домовой. Но голос его потонул в их громком мычании.

— Му-му-му! — мычала Майская Роза. — Вот счастье-то: есть еще на свете справедливость! Попробуй подойди — я так тебя лягну, не скоро забудешь!

— Попробуй подойди, — грозилась Золотая Лилия, — попляшешь на моих рогах! Я отплачу тебе за осу, что ты запихнул мне в ухо!

— Попробуй подойди — узнаешь, каково это, когда в тебя швыряют деревянными башмаками, как ты швырял в меня летом! — вторила ей Звездочка.

Майская Роза, самая старшая и самая мудрая, гневалась больше всех.

— Попробуй подойди, я отплачу тебе за все твои проделки, за то, что ты столько раз выбивал скамеечку из-под твоей матушки, когда она садилась доить меня. И за все подножки, которые ты ей ставил, когда она несла подойник с молоком. И за все слезы, которые она пролила здесь, в коровнике, из-за тебя!

Мальчику хотелось крикнуть коровам, что он раскаивается в своей жестокости и никому никогда больше не причинит зла! Пусть только они скажут, где домовой! Но коровы даже не слушали его и бушевали по-прежнему. И он, испугавшись, как бы они не вырвались из коровника, решил, что лучше ему самому уйти.

Мальчик потихоньку выбрался снова на двор. Он совсем пал

духом, так как понял — никто в усадьбе не поможет ему найти домового. Ну а что проку, если он даже найдет его?

Мальчик взобрался на широкую, заросшую терновником и ежевикой каменную ограду, опоясывавшую торп,[2] и задумался: что будет, если ему не удастся снова стать человеком? То-то удивятся отец с матушкой, когда вернутся домой! Да и не они одни! Вся страна станет диву даваться. Из Эстра Вемменхёга, из Торпа, из Скурупа да и со всего Вемменхёгского уезда сбегутся люди, чтобы поглазеть на него, начнутся ахи да охи. Может статься, отец с матушкой повезут его на ярмарку в Чивике и будут показывать за деньги!

Нет! Только не это! Пусть никто на свете никогда его больше не увидит!

До чего же он, Нильс, несчастный! Никого нет на свете несчастнее его! Ведь он больше не человек, он — чудище!

Только теперь дошло до него, что с ним случилось.

Его лишили всего: он не сможет играть с другими мальчишками, не сможет наследовать торп после смерти родителей, и никогда не найти ему девушку, которая захочет стать его женой.

Он сидел, глядя на отчий дом, небольшой, с выбеленными стенами, весь словно прижатый к земле высокой и крутой соломенной крышей. Службы были тоже невелики, а клочки пашни такие узкие, что там едва ли удалось бы поворотить лошадь. Но как ни мал, как ни беден этот торп, теперь и он слишком хорош для Нильса! Крысиная норка под половицами конюшни — вот единственное пригодное для него жилье!

Стояла на диво прекрасная погода: небо было голубым как никогда, журчали ручьи, на деревьях распускались почки, щебетали птицы. Только Нильс был убит горем. И никогда ему больше не радоваться!

Ой, сколько в небе перелетных птиц! Возвращаясь из заморских краев, они перелетали Балтийское море, держа путь прямо на самый южный мыс Швеции Смюгехук. Теперь они направлялись на север. Среди них были, конечно, разные птицы, но Нильс узнал только диких гусей, летевших клином.

Уже не одна стая диких гусей пронеслась мимо. Они летели высоко-высоко, но он все-таки слышал, как они кричали:

— Летим в горы, на север! Летим в горы, на север!

Увидев домашних гусей, которые расхаживали по двору, дикие гуси спускались ниже и гоготали:

— Га-га-га! Га-га-га! Летите с нами! Летите с нами! В горы! На север!

Дворовые гуси невольно вытягивали шеи и прислушивались.

На первых порах они благоразумно отвечали:

— От добра добра не ищут! От добра добра не ищут!

Однако с каждой новой стаей диких гусей, проносившихся мимо, их все сильнее и сильнее одолевало беспокойство.

Как, должно быть, чудесно в такую прекрасную погоду парить в воздухе, свежем, легком… И домашние гуси начали взмахивать крыльями, словно испытывая непреодолимое желание последовать за своими дикими сородичами. Но старая гусыня была настороже и всякий раз твердила:

— Не сходите с ума! Опомнитесь! Диких гусей ждут и голод, и холод!

И все же среди домашних гусей нашелся один молодой гусак, который, слушая призывный клич диких сородичей, воспылал желанием присоединиться к ним.

— Я полечу со следующей стаей! Пусть только прилетит! — сказал он.

И вот в небе показалась новая стая; дикие гуси снова стали кричать:

— Летите с нами! Летите с нами! В горы! На север!

Молодой гусак ответил:

— Подождите! Подождите! И я с вами!

Он сумел подняться в воздух, но крылья, не привычные к полету, не выдержали, и гусак камнем рухнул на землю.

Должно быть, дикие гуси услыхали его крик. Повернув, они медленно полетели назад, высматривая, не летит ли он за ними.

— Подождите! Подождите! — снова закричал, пытаясь взлететь, молодой гусак.

Все это видел и слышал мальчик, растянувшийся на каменной ограде. «Немалый будет убыток, — подумал он, — если молодой гусак улетит. То-то будут горевать отец с матушкой, когда вернутся домой и хватятся его».

Снова позабыв, как он мал и беспомощен, мальчик спрыгнул с ограды и, очутившись посреди гусиного стада, крепко обхватил гусака за шею.

— Только посмей улететь! — пригрозил он.

В этот самый миг молодой гусак, взмахнув крыльями, наконец-то взлетел. Но сбросить мальчика он уже не мог. Не успел Нильс и глазом моргнуть, как оказался высоко в воздухе. Глянув на быстро удалявшуюся землю, он похолодел от страха: если прыгнуть вниз — разобьешься насмерть.

Что ему оставалось делать? С большим трудом Нильс перебрался на гладкую, скользкую спину гусака и обеими руками вцепился в гусиные перья. Голова у него кружилась, в ушах стоял страшный гул от непрестанно хлопавших по обеим сторонам

крыльев.

КЛЕТЧАТАЯ СКАТЕРТЬ

Мальчик не сразу пришел в себя. Ветер бил ему в лицо, в глазах рябило, в ушах по-прежнему стоял страшный гул. Тринадцать гусей, окружавших его сплошным кольцом, хлопали крыльями и гоготали. Казалось, вокруг завывает буря. Он не знал, высоко ли, низко ли они летят и куда лежит их путь.

Как бы это разузнать? Надо собраться с духом и взглянуть вниз, но вдруг у него снова закружится голова?

Дикие гуси летели чуть ниже и чуть медленней, чем всегда, ведь их новый спутник — молодой гусак — с трудом дышал в разреженном воздухе. И они его щадили.

В конце концов мальчик все же заставил себя посмотреть на землю и увидел, что под ним расстилалась огромная скатерть, поделенная на невообразимое множество крупных и мелких клеток. Он видел сплошные клетки: косые, продолговатые, но все с ровными, прямыми краями. Ничего круглого, ничего изогнутого!

«Куда ж я залетел?» — удивился Нильс.

— Что это за огромная клетчатая скатерть внизу? — спросил он громко, хотя и не ожидал ответа.

К его удивлению, дикие гуси, окружавшие его, тотчас закричали:

— Пашни да луга! Пашни да луга!

И тут мальчик понял, что огромная клетчатая скатерть, над которой он пролетал, — не что иное, как равнина провинции Сконе, светло-зеленые клетки на ней — озимая рожь, желтовато-серые — прошлогоднее жнивье, бурые — клеверные поля, а черные — пустующие пастбища да незасеянные пашни. Рыжеватые с золотистой каймой клетки — наверняка буковые леса. Ведь в буковых лесах высокие деревья в самой глубине леса зимой обнажаются, меж тем как низенькие буки, растущие на лесной опушке, сохраняют сухие желтые листья до самой весны. Виднелись внизу и темные клетки с чем-то серым посредине. То были большие огороженные усадьбы с почерневшими соломенными крышами и мощенными камнем дворами. А еще можно было различить зеленые, обведенные коричневым ободком клетки — сады, где уже вовсю зеленели лужайки, хотя окаймлявшие их кусты и деревья стояли еще голые, темнея лишь бурой корой.

Яркая пестрота клеток развеселила Нильса. Он даже засмеялся.

— Плодородная и добрая земля! Плодородная и добрая земля! — загоготали гуси, словно осуждая его за смех. И у него вновь сжалось от горя сердце. «Могу ли я радоваться? — подумал он. — Ведь со мной случилась самая страшная беда, какая только может стрястись с человеком!»

Но чем дальше летели гуси, тем меньше думал Нильс о своей беде, тем меньше усилий ему требовалось, чтобы удержаться на спине гусака. Его внимание привлекали птичьи стаи, летевшие на север. Они громко перекликались между собой, и в небе стоял страшный шум и гомон.

— Неужто вы только нынче перелетели море? — кричали одни.

— Да, представьте себе! — отвечали гуси.

— Как, по-вашему, здесь уже весна? — спрашивали другие.

— Пока нет, ни листочка на деревьях, вода в озерах холодная! — слышалось в ответ.

Пролетая над усадьбой, где расхаживали домашние птицы, гуси спрашивали:

— Как зовется эта усадьба? Как зовется эта усадьба?

И петух, задрав голову, горланил:

— Усадьба зовется Малая Пашня! Все как и было! Все как и было!

Большая часть дворов, по обычаям Сконе, носила, видимо, имена своих хозяев: усадьба Пера Матсона или же Уле Бусона. Но петухи придумывали свои названия, более подходящие, как им казалось. На дворах бедняков-арендаторов они орали:

— Эта усадьба зовется Бескрупово!

А петухи, что жили на самых бедных торпах, кричали:

— Усадьба зовется Маложуево! Маложуево, Маложуево!

Зато большие, зажиточные крестьянские усадьбы петухи пышно величали: Счастливое Поле, Яичная Гора, Денежная Кубышка.

В господских же усадьбах петухи были очень кичливы и не снисходили до шуток. А один из господских петухов горланил так громко, словно хотел, чтобы голос его донесся до самого солнца:

— Это усадьба помещика Дюбека! Все как и было! Все как и было!

Чуть подальше другой петух кричал:

— Это Сванехольм — Лебяжий Остров! Пусть весь мир знает!

Но тут мальчик заметил: гуси уже не летели вперед по прямой, а все кружились и кружились над всей равниной Сёдерслетт, словно радуясь, что снова вернулись в Сконе и могут поприветствовать каждую усадьбу.

Вот они пролетели над двором, где в окружении множества

низеньких домишек громоздилось несколько больших строений с высокими трубами.

— Это Юрдбергский сахарный завод! — закричали местные петухи. — Это Юрдбергский сахарный завод!

Мальчик так и подскочил на спине гусака: как же он сразу не узнал это место? Завод был неподалеку от его дома, и в прошлом году он нанимался сюда пасти гусей. Оказывается, когда смотришь вниз с высоты птичьего полета, все выглядит иначе.

И как он мог забыть… Как он мог забыть Осу-пастушку и маленького Матса, своих прошлогодних товарищей? Хотел бы он знать, пасут ли они здесь гусей и нынче. Вот бы они удивились, если б им кто сказал, что высоко-высоко в небе над ними летит Нильс!

А стая уже летела к Сведале и к озеру Скабершё, а потом, миновав Беррингеклостер и Хеккебергу, вернулась обратно. За один день мальчик узнал о Сконе больше, чем за всю свою жизнь.

Когда в тот день диким гусям случалось увидеть домашних, они замедляли полет и, от души веселясь, кричали:

— Летим в горы, на север! Летите с нами! Летите с нами!

— В стране еще зима! Рановато вы явились! Возвращайтесь назад! Назад! Назад! — отвечали домашние гуси.

Дикие гуси опускались ниже, чтоб их лучше было слышно, и призывно кричали:

— С нами! С нами! Мы научим вас плавать и летать!

Домашние гуси злобно шипели и не удостаивали их ответом.

Тогда дикие гуси опускались еще ниже, так низко, что почти касались лапками земли, а потом вдруг с молниеносной быстротой взмывали ввысь, словно кто-то гнался за ними.

— Ой, ой, ой! — кричали они. — Разве это гуси?! Это просто овцы! Это просто овцы!

Оставшиеся на земле домашние гуси, задыхаясь от злости, орали им вслед:

— Чтоб вас всех подстрелили, всех до одного! Всех до одного!

Слушая шутки и перебранку гусей, Нильс смеялся. Потом вдруг вспоминал о беде, что сам навлек на себя, и горько плакал. Но немного погодя снова смеялся.

Никогда прежде не доводилось ему мчаться с такой быстротой, хотя он сызмальства привык к бешеной скачке верхом. Он даже не подозревал, что здесь, наверху, воздух так свеж, так напоен чудесными запахами земли и смолы. Какое это блаженство — лететь высоко-высоко над залитой солнцем землей, а тебя обвевает ласковый душистый ветер, и кажется, будто ты улетаешь от всех бед и забот, от всех мыслимых и немыслимых горестей.

II АККА С КЕБНЕКАЙСЕ [3]

ВЕЧЕР

Большой белый гусак был безмерно счастлив и гордился тем, что летает вместе со стаей диких гусей над равниной Сёдерслетт да еще и дразнит домашних птиц. Но счастье — счастьем, а к обеду он стал, однако, заметно сдавать. Гусак старался глубже дышать и быстрее взмахивать крыльями, но все равно на много гусиных корпусов отстал от других.

Когда дикие гуси, летевшие в хвосте, заметили, что домашний гусь не в силах поспеть за ними, они стали кричать гусыне-предводительнице:

— Акка с Кебнекайсе! Акка с Кебнекайсе!

— Что там у вас? — спросила гусыня, летевшая во главе косяка.

— Белый отстает! Белый отстает!

— Скажите ему: лететь быстрее легче, чем медленнее! — ответила гусыня-предводительница, продолжая мчаться вперед.

Гусак попытался было последовать ее совету и лететь быстрее, но это так утомило его, что он опустился чуть ли не к самым верхушкам подстриженных ветел, окаймлявших луга и пашни.

— Акка, Акка! Акка с Кебнекайсе! — закричали гуси, летевшие позади и видевшие, как трудно приходится гусаку.

— Что там еще? — сердито спросила гусыня-предводительница.

— Белый падает на землю! Белый падает на землю!

— Скажите ему: лететь выше легче, чем ниже! — все так же продолжая мчаться вперед, ответила гусыня-предводительница.

Гусак попытался было последовать и этому совету и подняться ввысь, но так запыхался, что у него чуть не разорвалось сердце.

— Акка, Акка! — снова закричали гуси, летевшие в хвосте.

— Оставите вы меня наконец в покое или нет? — еще более сердито и нетерпеливо спросила гусыня-предводительница.

— Белый вот-вот рухнет на землю! Белый вот-вот рухнет на землю!

— Скажите ему: кто не в силах следовать за стаей, пусть возвращается! — по-прежнему продолжая мчаться вперед, ответила гусыня-предводительница. Ей и в голову не пришло замедлить полет.

«Так вот, стало быть, как», — подумал гусак. Он понял, что дикие гуси вовсе и не собирались брать его с собой в горы, в Лапландию. Они лишь ради забавы выманили его из дому.

Он страшно злился, что силы покидают его и он не сможет доказать этим бродягам: домашний гусь тоже на что-нибудь да годен. Но всего обиднее было другое! Ведь ему посчастливилось встретиться с самой Аккой с Кебнекайсе! Хоть он и был домашним гусем и никуда дальше ворот усадьбы не ходил, но не раз слышал о гусыне по имени Акка, которая прожила на свете уже более ста лет. Акку уважали самые знатные гуси на свете и почитали за честь присоединиться к ее стае. Зато никто так не презирал домашних гусей, как Акка и ее стая. Понятно, что белому гусаку очень хотелось доказать, что он им ровня и летает ничуть не хуже.

Он медленно тянулся в хвосте стаи, раздумывая, не повернуть ли ему и в самом деле домой. И вдруг услышал голос малыша, сидевшего на его спине:

— Дорогой Мортен-гусак, ведь ты никогда прежде не летал и тебе просто невмоготу лететь с дикими гусями в горы на север, до самой Лапландии. Не лучше ли повернуть назад, покуда ты не вымотался вконец?

Хуже Нильса для гусака никого на свете не было. И лишь только до него дошло, что этот червяк воображает, будто полет в Лапландию ему, Мортену, не под силу, он тут же решил лететь туда, чего бы это ни стоило.

— Еще одно слово, и я сброшу тебя в первую попавшуюся яму, — прошипел гусак. Гнев удесятерил его силы, и он полетел, почти не отставая от других гусей.

Ясное дело, долго выдержать такой полет он бы не смог, но это, к счастью, не потребовалось. Солнце быстро садилось, и не успели Нильс с Мортеном опомниться, как гуси опустились на берегу озера Вомбшён.

«Видно, здесь и заночуем», — подумал мальчик и соскочил со спины гусака.

Он стоял на узком песчаном берегу. Перед ним простиралось довольно обширное озеро, почти сплошь еще покрытое льдом, почерневшим, неровным, испещренным трещинами и полыньями, как обычно бывает весной. Ледяное поле уже оторвалось от берегов, и со всех сторон его окружал широкий пояс темной сверкающей воды. Уже недолговечный, лед все еще нагонял зимний холод на всю округу.

На другой стороне озера виднелись светлые уютные домики небольшого селения. А там, где приземлились гуси, лишь глухо шумел большой сосновый лес. Если на открытых местах земля

уже повсюду освободилась от снежного покрова, то здесь, под гигантскими ветвями сосен, все еще лежал снег. Он то таял, то замерзал и под конец сделался твердым, словно лед. Казалось, будто хвойный лес силой удерживал зиму.

Мальчику подумалось, что он попал в страну диких безлюдных пустошей и вечной зимы. Ему стало так страшно, что он чуть не разревелся. К тому же он целый день ничего не ел и очень проголодался. Но где взять еду? Ведь в марте ни в поле, ни на деревьях ничего съедобного не растет.

Что же с ним будет? Кто его приютит, накормит, кто постелет постель, обогреет у очага, защитит от хищных зверей?

Между тем солнце скрылось, от озера повеяло пронизывающим холодом, над землей сгустилась мгла. В лесу непрестанно слышались какие-то шорохи, точно кто-то крался в тиши. Сердце мальчика сжимал жуткий страх.

Куда девалась радость, охватившая Нильса, когда он летел высоко в небе? Ему было уже не до смеха. Он в ужасе стал озираться по сторонам в поисках своих спутников. Ведь теперь у него никого больше не было!

Но тут он увидел, что молодому гусаку приходится еще хуже. Мортен лежал на том самом месте, где приземлился; казалось, он вот-вот испустит дух. Шея его безжизненно вытянулась, глаза закрылись, дыхание еле слышным шипением вырывалось из клюва.

— Дорогой Мортен-гусак! — сказал мальчик. — Попробуй глотнуть воды. До озера рукой подать!

Но гусак даже не шевельнулся.

Прежде, пока не случилась с ним беда, Нильс был жесток со всеми животными, и с этим гусаком тоже. Но теперь он понимал, что Мортен — его единственная опора. И в страхе, что может его потерять, Нильс стал тормошить гусака, потом обхватил его за шею и попытался подтянуть к воде. Однако это оказалось нелегко. Гусак был крупный, тяжелый, а Нильс такой маленький! Но в конце концов мальчик все же подтащил Мортена к озеру и столкнул его в воду.

Какое-то мгновение гусак неподвижно лежал в тине, но вскоре высунул оттуда клюв, потом шею, фыркнул — и вот он уже плывет среди тростника и бревен гати.

Прямо перед ним на полосе открытой воды плавали дикие гуси. Пока белый гусак приходил в себя, они, забыв и о нем, и о Нильсе, уже успели искупаться и почиститься, а теперь лакомились полусгнившими водорослями.

Через некоторое время белый гусак подплыл к берегу с маленьким окунем в клюве и положил его к ногам мальчика.

— Спасибо, что столкнул меня в воду! Это тебе!

Впервые за весь день Нильс услышал ласковое слово. Он так обрадовался, что хотел было обнять гусака, но не посмел. Сначала он, правда, решил, что сырую рыбу есть не станет, но потом рискнул попробовать.

Он ощупал карманы: при нем ли нож? Вот удача: нож висел сзади на пуговице штанов. Правда, теперь он был не длиннее спички, но Нильсу все же удалось очистить и выпотрошить им окуня. Он тут же его и съел. «Видать, я и впрямь больше не человек, а домовой, раз ем сырую рыбу!» — подумал мальчик. Ему стало стыдно за себя.

Пока Нильс ел, гусак молча стоял рядом. Когда же мальчик проглотил последний кусочек, он тихо сказал:

— Похоже, мы попали к таким спесивым гусям, которые презирают все племя домашних птиц!

— Да, это сразу видно, — подтвердил мальчик.

— Мне выпала бы на долю большая честь, если б я мог сопровождать их в горы, до самой Лапландии, и доказать, что домашний гусь чего-нибудь да стоит.

— Да-а? — протянул мальчик. Он не верил, что у Мортена хватит сил на такой перелет, но перечить ему побоялся.

— Одному мне такое путешествие едва ли по силам, — продолжал гусак. — Вот я и хочу спросить, не полетишь ли ты со мной, не поможешь ли мне?

Мальчик думал только об одном: лишь бы поскорее вернуться домой; потому-то он крайне удивился словам Мортена и не сразу нашелся что ответить.

— Я-то думал, мы с тобой враги, — помедлив, молвил он.

Но гусак, казалось, вовсе забыл об этом и помнил только, что мальчик недавно спас ему жизнь.

— Мне пора уже вернуться к отцу с матушкой, — сказал Нильс.

— Ладно, я доставлю тебя к ним по осени, не бойся! — пообещал молодой гусак. — Я не брошу тебя, пока не отнесу к порогу родного дома.

Мальчик рассудил, что хорошо бы подольше не показываться на глаза родителям, и хотел было уже согласиться лететь в Лапландию, как вдруг за спиной его раздался страшный шум: дикие гуси разом вышли из воды и, громко хлопая крыльями, отряхивались. Затем во главе со своей предводительницей они гуськом направились к Мортену-гусаку и мальчику.

Когда белый увидел диких гусей вблизи, ему стало не по себе. Как мало походят они на домашних! И совсем они ему не родня: и ростом гораздо меньше, и по оперению другие — все

какие-то серые да в крапинку! Белого же среди них — ни одного! А глаза их просто пугали: они словно светились желтыми огоньками. Белому гусаку всегда внушали, что ходить подобает медленно и вперевалку, а эти гуси вовсе и не ходили, а как-то чудно подпрыгивали. Но по-настоящему он испугался при виде их лап — огромных, стертых и израненных; сразу видно, что эти нарядные, пестрые птицы на самом деле из бедного, бродячего племени и дорог они не выбирают.

Не успел Мортен-гусак шепнуть мальчику: «Отвечай на их вопросы, но не проговорись, кто ты», — как дикие гуси были уже тут как тут.

Остановившись, они стали без конца отвешивать поклоны. И, подражая им, домашний гусак тоже не раз и не два склонял шею в глубоком поклоне.

Поздоровавшись, гусыня-предводительница обратилась к чужакам:

— Ну а теперь расскажите, кто вы такие?

— Обо мне многого не скажешь, — молвил гусак. — Родился я в Сканёре, прошлой весной. По осени продали меня Хольгеру Нильссону в Вестра Вемменхёг, с той поры я там и жил.

— Стало быть, ты не того роду, которым можно гордиться, — сказала гусыня-предводительница. — Откуда же в тебе такая спесь, что ты посмел лететь вместе с нами?

— Мне просто хочется доказать вам, диким гусям: и мы, домашние, чего-нибудь да стоим, — ответил гусак.

— Где тебе это доказать! — насмешливо молвила гусыня-предводительница. — Какой ты мастер летать, мы уже видели. Но, может, ты силен в другом? Может, ты плавать горазд?

— Нет, и этим я похвалиться не могу, — ответил молодой гусак. Он подумал, что гусыня-предводительница все равно уже приняла решение отослать его домой, и ответил без утайки: — Я переплывал только через ров.

— Зато ты, верно, мастер бегать, — заметила гусыня.

— Где ж это видано, чтобы домашний гусь бегал! Я никогда этого не делаю, — гордо возразил гусак, чувствуя, что совсем испортил дело своим ответом.

И до чего ж он изумился, когда гусыня-предводительница сказала:

— Ты отвечаешь смело, а смелый может стать добрым спутником, даже если поначалу у него маловато умения. Ну а если мы позволим тебе остаться с нами на несколько дней, покуда не увидим, чего ты стоишь, ты согласишься?

— С радостью! — воскликнул счастливый гусак.

Тогда гусыня-предводительница, указав клювом в сторону

мальчика, спросила:

— Кто это с тобой? Такого крохи я еще в жизни не видывала.

— Это мой товарищ! — ответил гусак. — Всю жизнь он пас гусей. Он, думаю, пригодится нам в пути.

— Да, домашнему гусю такой спутник-гусопас, может, и нужен, — отвечала дикая гусыня. — Как его звать?

— Имен у него много, — смутился гусак, застигнутый врасплох — он не хотел выдавать Нильса и называть его человеческое имя. — Чаще всего его зовут… Малыш-Коротыш! — наконец нашелся он.

— Он что — из племени домовых? — спросила гусыня-предводительница.

— В какое время вы, дикие гуси, обычно отправляетесь спать? — поспешно спросил гусак, пытаясь избежать ответа. — У меня уже глаза слипаются.

Гусыня, разговаривавшая с молодым гусаком, была, как видно, очень стара: льдисто-серая, как бы седая, без единого темного перышка; голова — крупнее, лапки — грубее, сильнее стерты, чем у других гусей. Перья гусыни топорщились от старости, шея была тощая, сама же она — костлявая-прекостлявая! И только глаза ее оставались неподвластны времени. Они светились ярче и казались моложе, чем у всех других гусей.

Торжественно обратилась она к молодому гусаку:

— Знай же, гусак! Я — Акка с Кебнекайсе; гусь, что обычно летит ближе всех ко мне справа, — Юкси из Вассияуре, а гусыня, что летит слева, Какси из Нуольи![4] Знай также, что второй гусь справа — Кольме из Сарекчёкко, вторая слева — Нелье из Сваппаваары, за ними летят Вииси с гор Увиксфьеллен и Кууси из Шангелли. И помни — все они, как и шестеро гусят, что летят в самом хвосте — трое справа, трое слева, — гуси с высоких гор, гуси из самых знатных семейств! Не вздумай считать нас бродягами, которые заводят знакомство с первым встречным. И знай, что мы не позволим делить с нами ночлег тому, кто не пожелает сказать, какого он роду-племени!

При этих словах гусыни-предводительницы мальчик поспешно выступил вперед. Его огорчило, что гусак, так бойко отвечавший, когда речь шла о нем самом, уклонился от ответа, когда дело коснулось его, Нильса.

— Я не стану утаивать, кто я такой, — сказал он. — Зовут меня Нильс Хольгерссон, я сын крестьянина-арендатора. До самого нынешнего дня я был человеком, но утром…

Закончить ему не удалось. Стоило ему только сказать, что он был человеком, как гусыня-предводительница отступила, на три

шага назад, а остальные гуси и того дальше. Вытянув шеи, они сердито зашипели на мальчика.

— Это я почуяла с той самой минуты, как увидела тебя на здешнем берегу, — молвила Акка. — А теперь убирайся, да поскорее! Мы не потерпим среди нас человека!

— Быть того не может, чтобы вы, дикие гуси, боялись такого кроху, — заступился за мальчика гусак. — Завтра он, ясное дело, отправится домой, но нынче ему придется заночевать здесь, среди нас. Неужели кто-нибудь из нас возьмет грех на душу и допустит, чтобы этакий бедняга сам защищался ночью от лиса или от ласки?

Дикая гусыня снова подошла ближе, но видно было, что она с трудом преодолевает страх.

— Я научена бояться всякого, кто называет себя человеком, велик он или мал, — сказала она. — Но коли ты, белый гусак, поручишься, что этот малыш не причинит нам зла, так и быть, пусть остается на ночь! Однако же, сдается мне, наше ночное пристанище не годится ни тебе, ни ему: ведь мы собираемся заночевать на плавучей льдине посреди озера.

Этими словами гусыня надеялась поколебать решение гусака. Но не тут-то было!

— Вы очень благоразумны, раз выбрали такое надежное место для ночлега, — похвалил Мортен диких гусей.

— Ладно! Но ты в ответе за то, что этот человек завтра отправится домой.

— Тогда придется и мне с вами расстаться. Да, да, и мне тоже, — молвил гусак. — Я поклялся не бросать его.

— Ты волен лететь куда вздумается, — сказала гусыня-предводительница и, поднявшись в воздух, перелетела на льдину посреди озера. Остальные гуси один за другим последовали за ней.

Мальчик был удручен тем, что из его путешествия в Лапландию ничего не получится, и вдобавок он боялся ночевать на холодной льдине.

— Час от часу не легче, Мортен, — пожаловался он гусаку. — Мы ведь околеем с холоду на этой льдине!

Но гусак не пал духом.

— Не бойся! — утешил он мальчика. — Только собери побольше сухой травы. Сколько сможешь.

Когда Нильс набрал полную охапку сухой осоки, гусак, схватив его за ворот рубашки, перенес вместе с травой на льдину. Дикие гуси уже спали там стоя, спрятав клюв под крыло.

— Расстели-ка траву, чтоб я мог встать на нее, не то лапы ко льду примерзнут! — попросил Мортен. — Помоги мне, я помогу

тебе!

И едва Нильс выполнил его просьбу, как гусак снова подхватил его за ворот рубашки и сунул к себе под крыло.

— Тебе будет здесь тепло и уютно, — сказал он и крепче прижал мальчика крылом.

Усталый мальчик глубоко зарылся в гусиный пух и ничего не ответил. Ему и впрямь было тепло и уютно, и он мгновенно уснул.

НОЧЬ

Правду говорят, что весенний лед всегда ненадежен и доверяться ему нельзя. Среди ночи плавучая льдина переместилась по озеру Вомбшён и одним краем прибилась к берегу. Случилось так, что Смирре-лис, живший в ту пору на восточном берегу озера, в парке замка Эведсклостер, приметил диких гусей еще вечером. Отправившись ночью на охоту, он увидел эту льдину. Такая удача ему и не снилась! И лис прыгнул на льдину, надеясь поживиться.

Только Смирре подкрался к стае, как — вжик! — поскользнулся. Его когти громко царапнули по льду. Гуси проснулись и захлопали крыльями, намереваясь взлететь. Но куда им было состязаться в ловкости со Смирре! Лис рванулся вперед словно стрела, выпущенная из лука, и успел схватить одну из гусынь. Волоча ее за крыло, он кинулся обратно на берег.

Однако в ту ночь дикие гуси, на их счастье, были не одни на льдине. Хоть и маленький, а все же нашелся у них защитник! Когда белый гусак расправил крылья, мальчик упал на лед и проснулся. Ошарашенный, он некоторое время сидел, не понимая, отчего такой переполох. Но увидев, как по льдине, держа в зубах гусыню, бежит коротколапый песик, мальчик ринулся следом, чтобы отнять гусыню. Белый гусак успел крикнуть ему вслед:

— Берегись, Малыш-Коротыш! Берегись!

«Чего бояться такого маленького песика?» — подумал мальчик и помчался что есть духу.

Услыхав стук деревянных башмачков Нильса, дикая гусыня, которую волочил Смирре-лис, не поверила своим ушам. И как ни худо ей было, подумала: «Смешно, этот малявка надеется отнять меня у лиса! Кончится тем, что он свалится в какую-нибудь промоину».

Но мальчик отчетливо различал в темноте каждую трещину, каждую полынью и храбро их перепрыгивал. Ведь у него был теперь зоркий глаз домового, он хорошо видел в ночном мраке.

Меж тем Смирре-лис уже карабкался по береговому откосу в том месте, где причалила льдина.

— Брось гусыню, ворюга! — закричал ему мальчик.

Смирре не знал, кто кричит, но не стал оглядываться и терять время, а лишь ускорил бег.

Он помчался в густой буковый лес; мальчик, не думая об опасности, последовал за ним. Он не мог забыть, с каким страхом и презрением встретили его вечером дикие гуси. Пусть же знают, что человек, даже маленький, стоит большего, нежели все прочие создания на земле.

Время от времени мальчик кричал «псу», чтобы тот бросил добычу

— А еще пес называется! И не стыдно тебе красть гусей! Кому говорю, брось гусыню, не то задам тебе трепку, своих не узнаешь! Не бросишь — расскажу твоему хозяину, как ты себя ведешь!

При этих словах Смирре-лис захохотал и чуть не выпустил гусыню — он наконец-то понял, что его принимают за какого-то паршивого пса, который боится трепки! Ведь Смирре был отпетым разбойником, грозой всей округи! Он не довольствовался, как другие, охотой на крыс и полевок, а разбойничал даже в усадьбах, крал кур и гусей. И его, понятно, рассмешили слова мальчика. Подобной чепухи он не слыхивал с тех пор, как был маленьким лисенком.

Мальчик мчался за лисом во всю прыть. Толстые стволы огромных буков так и мелькали перед его глазами. Он был уже совсем близко от лиса.

— А я все-таки отниму у тебя гусыню! — заорал он что есть мочи и схватил Смирре за хвост. Но удержать лиса у него не хватило сил. Смирре рванулся и поволок мальчика за собой, да так быстро, что сухая буковая листва вихрем закружилась вокруг.

Тут-то Смирре сообразил — ведь его преследователь совсем неопасен! Лис остановился, положил гусыню на землю, придавив ее передними лапами, и уже раскрыл было пасть, чтобы перегрызть ей горло… Но внезапно передумал — ему захотелось подразнить этого малыша, который гнался за ним.

— Тяв! Тяв! — залаял он. — Беги ябедничай хозяину, да поживее, пока я не задрал твою гусыню.

Ну и удивился же Нильс, увидев острую мордочку «пса», за которым он бежал! А какой у него хриплый и злобный голос! Еще и издевается! От возмущения мальчик и страха не почувствовал. Упершись ногами в корень бука, он еще крепче вцепился в лисий хвост. И едва лис снова разинул пасть над горлом гусыни, мальчик изо всех сил дернул его за хвост и поволок за собой. Ошарашенный Смирре, не сопротивляясь, дал оттащить себя на

несколько шагов. А дикая гусыня оказалась на свободе. Тяжело взмахнув крыльями, она поднялась в воздух. Одно ее крыло было ранено, к тому же она ничего не видела в ночном мраке и была беспомощна в лесу, точно слепая. Прийти на выручку мальчику гусыня не могла. С трудом найдя просвет в темных буковых кронах, она полетела назад к озеру.

Нильс был вне себя от радости, что спас гусыню.

Проводив злобным взглядом ускользнувшую добычу, Смирре кинулся на мальчика.

— Не гусыня, так хоть ты мне достанешься! — прорычал он.

— И не мечтай! — ответил Нильс, все еще крепко держась за лисий хвост.

Всякий раз, когда Смирре пытался схватить мальчика, кончик хвоста вместе с Нильсом относило в другую сторону. Начался такой пляс, что буковая листва вихрем закружилась вокруг. Смирре все вертелся и вертелся волчком, но достать своего врага, крепко вцепившегося в его хвост, никак не мог.

Нильс, опьяненный удачей, поначалу только смеялся и дразнил лиса. Но Смирре, старый опытный охотник, был на редкость выносливым и неутомим, и скоро мальчик стал опасаться, как бы в конце концов лис его все-таки не схватил.

Вдруг взгляд Нильса упал на ближний молодой бук. Стремясь вырваться к солнцу из-под свода вековых буков, он изо всех сил тянулся вверх и был тонкий, как прутик. Мальчик выпустил лисий хвост и в один миг вскарабкался на деревцо. А Смирре-лис еще довольно долго кружился вокруг собственного хвоста.

— Будет тебе плясать! — не выдержал наконец мальчик.

Подобного бесчестья Смирре снести не мог. Неужели эта жалкая козявка возьмет над ним верх?!

И лис улегся под деревом — сторожить мальчика. Сидеть верхом на слабой ветке Нильсу было не очень-то удобно, но перебраться на другое дерево он не мог: слишком далеко для него были ветки высоких соседних буков. А спуститься вниз он просто не отваживался.

Нильс страшно замерз, руки его окоченели, и он с трудом держался за ветку. Мальчика сильно клонило ко сну, но он не смел заснуть из страха свалиться вниз.

Как жутко было ночной порой в лесу! Прежде он и представить себе не мог, что такое ночь! Казалось, будто весь мир окаменел и никогда более не вернется к жизни.

Но вот начало светать, и мальчик повеселел: все опять оживало, становилось прежним, хотя мороз был еще более жгучим, чем ночью. Наконец взошло солнце. Оно было не золотым, а багровым, и Нильсу почудилось, что вид у него

сердитый. И с чего это солнце гневается? Не оттого ли, что за время его отлучки ночь так сильно выстудила землю, сделала ее такой мрачной?

Во все стороны солнце посылало крупные пучки своих лучей, словно желая посмотреть, сколько бед натворила ночь. Все вокруг стыдливо покраснело, будто оправдываясь. Заалели тучи на небе, гладкие шелковистые стволы буков, густо сплетенные ветки древесных крон, иней, покрывавший буковую листву на земле. Разгоравшийся все ярче и ярче солнечный свет мигом разогнал ужасы ночи. Оцепенение как рукой сняло, и откуда ни возьмись появилась всякая живность.

Черный дятел с красным клобучком — желна — забарабанил клювом по древесному стволу. Прилетел скворец с корешком в клювике, на верхушке дерева запел зяблик. Из гнезда выскочила белка и, усевшись на ветку, принялась щелкать орех.

И Нильс понял, что это солнце сказало всем маленьким птичкам и зверькам: «Просыпайтесь! Вылетайте, вылезайте из своих гнезд и норок! Я здесь! Нечего вам больше бояться!»

С озера доносились клики диких гусей; они выстраивались к полету. И вот уже все четырнадцать пронеслись над лесом. Нильс попытался было окликнуть гусей, но они летели так высоко, что вряд ли могли расслышать его голос. Они, наверное, думали, что лис давным-давно съел мальчика, и даже не стали искать его.

Нильс чуть не заплакал от обиды и страха. Но на небе уже сияло солнце, золотисто-желтое, радостное, вселяющее мужество и надежду в сердца всех живущих на земле.

«Успокойся, Нильс Хольгерссон, — как бы говорило ему солнце. — Тебе нечего бояться или тревожиться, пока я здесь».

ГУСИНЫЕ ЗАБАВЫ

Понедельник, 21 марта

Какое-то время, примерно столько, сколько требуется гусю на завтрак, в лесу все оставалось как обычно. Но вот, ближе к полудню, под густыми буковыми кронами вдруг показалась дикая гусыня. Она летела медленно, неуверенно, выискивая дорогу меж мощных стволов и ветвей. Едва завидев гусыню, Смирре-лис, сидевший под молодым буком, вскочил и приготовился к прыжку. Дикая гусыня не уклонилась в сторону и пролетела совсем низко над лисом. Смирре подпрыгнул, но промахнулся, и гусыня полетела дальше к озеру.

Немного погодя появилась другая дикая гусыня. Она летела точно тем же путем, что и первая, только еще ниже и еще

медленней. Она проплыла над самой головой Смирре, и он, высоко подпрыгнув, даже коснулся ушами ее лапок. Но и эту гусыню ему схватить не удалось; цела и невредима, она бесшумно, будто тень, продолжала скользить к озеру.

Потом показалась третья дикая гусыня. Она летела еще ниже и еще медленней, с трудом пробираясь меж буковых стволов. Пружинистый прыжок Смирре-лиса — и гусыня на волоске от гибели; но и ей как-то удалось спастись.

Вскоре появилась четвертая дикая гусыня. Она летела так медленно и так неумело, что поймать ее вроде бы ничего не стоило, но Смирре все же побоялся опять промахнуться и благоразумно решил: пусть себе летит мимо. Однако гусыня летела прямо на Смирре, опускаясь все ниже и ниже, и лис не выдержал. Он подпрыгнул, да так высоко, что задел гусыню лапой, но и на этот раз добыча от него ускользнула.

Не успел Смирре перевести дух, как показались три гуся рядком. Они летели точно тем же путем, что и гусыни. Смирре отчаянно прыгал то за одним, то за другим, пытаясь их поймать, но гуси ловко увертывались.

Затем появилось сразу пятеро гусей, которые летели гораздо лучше прежних. Они долго кружились над лисом, стараясь заставить его прыгать, но Смирре устоял перед соблазном.

Прошло какое-то время, и вдруг Смирре увидел среди деревьев еще одну дикую гусыню, тринадцатую в стае. Она была так стара, что в ее поседевшем оперении не осталось ни единого темного перышка. Похоже, она плохо владела одним крылом и летела — аж жалость брала — беспомощно, вкривь-вкось, почти касаясь земли. Смирре даже не понадобилось высоко прыгать — он преследовал гусыню большими скачками почти до самого озера. Но и на сей раз — все напрасно.

Когда же, распластав широкие крылья, появился новый гусь, четырнадцатый, мрачный лес словно озарился — таким ослепительно белым он был. Увидев его, Смирре собрал все свои силы и подпрыгнул чуть не до самых верхушек деревьев, но белый гусь, цел и невредим, пролетел, как и все другие, мимо.

На некоторое время в буковом лесу наступил покой. Казалось, уже пролетели все гуси. Смирре наконец вспомнил про своего пленника и, подняв глаза, взглянул на молодой бук. Но малыша и след простыл.

Подумать, куда он делся, Смирре не успел: с озера, медленно проплывая под покровом леса, возвращалась первая гусыня… Вслед за первой появилась вторая, за ней третья, потом четвертая… Вот пятый гусь… Вереницу замыкали старая льдисто-серая гусыня и большой белый гусак. Все они летели медленно и

низко, а над головой Смирре опускались еще ниже, как бы предлагая себя поймать. Смирре как сумасшедший гонялся за ними, прыгая чуть не до вершин деревьев, но схватить хотя бы одну птицу ему никак не удавалось.

Это продолжалось бесконечно. Гуси прилетали и улетали, потом прилетали и улетали снова, по-прежнему целые и невредимые. Смирре-лис был вне себя. Он еще хорошо помнил голод нынешней зимы, помнил морозные дни и ночи, когда ему приходилось до изнеможения рыскать по округе в тщетных поисках добычи. Перелетных птиц тогда не было, крысы попрятались в стылые норы, кур позапирали в курятниках. А сегодня превосходные дикие гуси, нагулявшие жир за морем на немецких нивах и вересковых пустошах, целый день кружились над самой его головой, и он даже не раз задевал их лапами. Но утолить свой голод так и не сумел!

Смирре был уже не молод. Не раз за ним по пятам гнались собаки, свистели над ухом пули. Однажды он долго отсиживался в своей норе, меж тем как гончие сторожили все отнорки и казалось, вот-вот его схватят. Но даже тогда он не испытывал такого отчаяния, как сегодня. Ужаснее этого дня Смирре-лису переживать не доводилось.

Утром, пока еще не начались гусиные забавы, Смирре выглядел роскошно. Гуси только диву давались его щегольству. Шкура у него была ярко-рыжая, грудь белая, нос черный, а хвост пышный, будто страусовое опахало. Но к вечеру шерсть лиса взмокла от пота и повисла клочьями, глаза потускнели, он прерывисто дышал, высунув язык, из его пасти стекала пена.

Лис уже не чуял ног от усталости, голова кружилась, перед глазами так и мелькали дикие гуси. Теперь он гонялся даже за солнечными бликами, игравшими на земле, за злосчастной бабочкой-крапивницей, которая прежде времени появилась на свет из своего кокона.

Целый день дикие гуси без устали летали взад-вперед, мучая Смирре. Он был так истерзан, затравлен, что мог вот-вот потерять рассудок. Но гуси, не испытывая к нему ни капли жалости, продолжали свои забавы, хотя и понимали, что лис уже плохо различает их и прыгает даже за их тенями.

И только когда Смирре, готовый испустить дух, в изнеможении упал на кучку палой листвы, гуси оставили его в покое.

— Теперь ты знаешь, лис, каково придется тому, кто дерзнет поднять лапу на Акку с Кебнекайсе! — напоследок крикнули дикие гуси прямо ему в ухо.

С тем они и улетели, оставив наконец Смирре в покое.

III ЖИЗНЬ ДИКИХ ПТИЦ НЕБЕСНЫХ

В КРЕСТЬЯНСКОЙ УСАДЬБЕ

Четверг, 24 марта

В эту самую пору случилось в Сконе происшествие, о котором немало толковали в округе. О нем даже писали в газетах, но многие сочли его просто-напросто небылицей, так как не могли найти ему объяснения.

А произошло вот что: в орешнике на берегу озера Вомбшён поймали белку и принесли ее в ближнюю крестьянскую усадьбу. На крестьянском дворе все от мала до велика обрадовались красивой зверюшке с пушистым хвостиком, умными любопытными глазками и проворными лапками. Обитатели усадьбы собирались целое лето любоваться ловкостью белочки, ее веселыми забавами. Они живо привели в порядок старую беличью клетку — маленький зеленого цвета домик — и проволочное колесо. В домике с дверцей и оконцем белке предстояло кормиться и спать: туда положили подстилку из листьев и несколько орехов, поставили плошку с молоком. А проволочное колесо предназначалось белке для забав: здесь она могла бегать, кружиться, карабкаться.

Люди думали, что осчастливили белочку. И очень удивлялись, что она не хотела обживать свой домик, а печально сидела, забившись в уголок, и время от времени жалобно повизгивала. К корму она не притрагивалась и ни разу не покружилась в проволочном колесе.

— Боится, видать, — говорили люди. — Завтра, как освоится, станет и есть, и забавляться.

Но вскоре белочка была забыта — в крестьянской усадьбе спешно готовились к празднику, и никто даже не думал, каково зверюшке в неволе. Женщины усердно жарили и пекли. Но то ли у них медленно поднималось тесто, то ли сами хозяйки замешкались, только с выпечкой сильно припоздились и кухарничали еще долго после того, как стемнело.

Одна лишь старая хозяйка не могла ни стряпать, ни печь — уж очень преклонных лет она была. Удрученная тем, что осталась в стороне от праздничных хлопот, старушка не легла спать, а села в чистой горнице у окошка и стала глядеть на двор. Из открытых дверей поварни струился яркий свет зажженных свечей. Двор, со всех сторон обнесенный постройками, был так хорошо освещен, что старушка видела даже трещинки в штукатурке на

противоположной стене. Видна ей была и ярче всего освещенная беличья клетка и белка, неустанно прыгавшая из домика на колесо и обратно. «Чем это обеспокоена белка?» — подумала старая хозяйка, но тут же решила, что яркий свет мешает зверюшке спать.

В усадьбе между хлевом и конюшней были широкие крытые въездные ворота, на которые также падал свет. И вот когда время уже близилось к полуночи, старушка вдруг увидела, как из-под арки ворот осторожно крадется на двор крохотный мальчуган. Сам ростом с ладонь, но в деревянных башмаках и кожаных штанах, ну что твой работник! Не иначе, это домовой, подумала старушка, но нисколечко не испугалась. Ведь она не раз слышала, будто домовой водится в здешней усадьбе, хотя никогда прежде его не видывала. А домовой, все знают, где ни появится, всюду приносит счастье.

Домовой тем временем уже бежал по мощенному камнем двору прямо к беличьей клетке. Но клетка висела высоко, дотянуться до нее он не смог и пошел к сараю, где хранилась рыболовная снасть. Взяв удилище, он прислонил его к клетке и в один момент взлетел по нему вверх — прямо как заправский моряк по канату. Очутившись у клетки, он стал трясти дверцу зеленого домика, чтобы отворить ее. Старая хозяйка спокойно сидела на своем месте: она знала, что дети заперли дверцу на висячий замок из боязни, как бы соседские мальчишки не украли белочку. Малыш и в самом деле не смог отворить дверцу клетки. Тогда белка вскочила на проволочное колесо и долго что-то говорила домовому. Выслушав пленницу, он съехал по удилищу вниз на землю и выбежал из ворот усадьбы.

А старушка осталась сидеть у окошка, словно надеялась еще раз в эту ночь увидеть домового. И впрямь — немного погодя малыш вернулся. Он мчался так, что ноги его едва касались земли. Старая хозяйка явственно видела его своими дальнозоркими глазами. Она даже различила в руках домового какую-то ношу, но не могла понять, что же это такое. Ношу из левой руки он положил на камни, а ношу из правой взял с собой наверх и передал белке, выбив стекло в оконце домика своим маленьким деревянным башмачком. Затем он съехал вниз, поднял то, что положил на камни, и, снова вскарабкавшись наверх, отдал это белочке. А потом так же поспешно умчался прочь.

Тут уж старая хозяйка не могла усидеть в горнице. Она поднялась, вышла на двор и тихонько притаилась в тени насоса. Только в засаде она была не одна: кое-кто, также заметив малыша, сгорал от любопытства. То была домашняя кошка.

Осторожно подкравшись, она прижалась к стене дома в нескольких шагах от яркой полоски света. Немало времени провели старушка и кошка в ожидании этой холодной мартовской ночью. Старушка начала было подумывать, не пойти ли ей обратно в горницу, как вдруг услыхала стук деревянных башмачков по мощеному двору. Она увидала, что малыш-домовой, как и прежде, что-то несет и это что-то пищит и барахтается у него в руках. И тут старую хозяйку осенило: домовой-то бегал в орешник за детенышами бельчихи и принес их ей, чтобы они не подохли с голоду.

Старая хозяйка затаила дыхание, боясь спугнуть домового, но тот, видно, не заметил ее. Зато сверкнувшие рядом зеленым огнем кошачьи глаза заставили его замереть на месте, как раз когда он собирался положить одного бельчонка на камни, а с другим махнуть к клетке. Он стоял и беспомощно озирался по сторонам. Внезапно домовой увидел старую хозяйку и, недолго думая, протянул ей бельчонка.

Старушке не хотелось оказаться не достойной его доверия. Нагнувшись, она взяла бельчонка и держала его в руках, пока домовой относил в клетку другого. Потом он вернулся за первым бельчонком и тоже переправил его в клетку.

Утром за завтраком старушка, не в силах таиться, рассказала домочадцам о том, что произошло ночью. Ее, ясное дело, высмеяли: привиделось, мол, все старой во сне. Да и никаких бельчат в эту пору, ранней весной, не бывает. Но старая хозяйка упрямо стояла на своем кто не верит, пусть заглянет в беличью клетку. И вот в зеленом домике на подстилке из листьев все увидели четверку полуголых, полуслепых бельчат, которым было не более двух дней от роду.

Увидев их, хозяин усадьбы сказал:

— Быль это или небыль, одно ясно — все в нашей усадьбе повели себя так, что нам надобно стыдиться и людей, и зверей.

С этими словами он вытащил из клетки молодую бельчиху со всем ее выводком и положил их в передник старой хозяйки.

— Ступай с ними в орешник, матушка, — велел он, — и отпусти на волю!

Вот об этом-то происшествии и шли немалые толки. О нем даже писали в газетах. Но большинство людей в него не верили: просто не могли объяснить, как такое могло произойти.

ВИТШЁВЛЕ

Суббота, 26 марта

Несколько дней спустя случилось еще одно удивительное событие. Однажды утром на засеянном поле, неподалеку от большого поместья Витшёвле, что в восточной части провинции Сконе, опустилась стая диких гусей. Тринадцать из них были обычные, заурядного серого цвета, а один гусак — белый. У него на спине сидел малыш, одетый в желтые кожаные штаны, зеленую безрукавку и белый колпачок.

В поле, на которое опустились гуси, земля была с заметной примесью песка, как и повсюду в приморье. Ведь Балтийское море было совсем близко! Повсюду, куда ни кинь взгляд, виднелись обширные сосновые леса. В былые времена здесь, видимо, укрепляли наносные пески.

Дикие гуси паслись уже целый час, оставив в дозоре одного из стаи. Внезапно гусь-сторожевой взмыл в воздух, громко хлопая крыльями, чтобы предупредить об опасности, — на меже появилось несколько ребятишек. Гуси тотчас поднялись в воздух, и только белый продолжал спокойно пастись. Увидав, что другие улетают, он поднял голову и закричал им вслед:

— Чего испугались? Это всего-навсего дети!

Малыш, прилетевший на спине гусака, сидел на бугорке у лесной опушки, пытаясь вылущить из сосновой шишки лакомые семена. Меж тем дети подошли к нему уже так близко, что он не осмелился у них на виду пересечь поле. Вместо того чтобы бежать к белому гусаку, он поспешно спрятался под большим сухим листом репейника, криком предупредив гусака о грозящей опасности.

Но белого, видно, не так-то просто было испугать — он даже не смотрел, куда идут дети.

А они тем временем свернули с межи, пересекли поле и уже подходили к гусаку. Когда он наконец поднял голову, дети были совсем рядом. Ошарашенный, сбитый с толку, гусак совсем позабыл, что умеет летать, и стал поспешно спасаться бегством. Дети помчались за ним, загнали в канаву и там схватили. Старший, сунув его под мышку, понес в усадьбу.

Увидев это, малыш, лежавший под листом репейника, вскочил, намереваясь отнять гусака у детей. Но вспомнив, как он мал и слаб, в бессильном бешенстве бросился на свой бугорок и замолотил кулаками по земле.

Гусак кричал что есть сил:

— Малыш-Коротыш! Помоги! Малыш-Коротыш! Помоги!

— Нашел кого просить о помощи! — горько рассмеялся мальчик. Но все-таки поднялся и пошел следом за гусаком: «Не могу помочь, так хоть узнаю, что они с ним сделают».

Дети намного опередили его, но Нильс не упускал их из виду

до тех пор, пока путь ему не преградила ложбина, на дне которой с шумом бежал весенний ручей. Ручей был совсем неширок, да и глубиной не отличался, но мальчик все равно долго бежал вдоль ручья, не находя местечка, где бы его перепрыгнуть.

Пока Нильс переправлялся через ручей и выбирался из ложбины, дети исчезли. Правда, на узкой тропке, что вела в глубь леса, остались их следы.

И мальчик пошел по этим следам.

Вскоре он добрел до перекрестка, где, должно быть, дети расстались: отсюда следы расходились в разные стороны. Мальчик растерялся.

Но тут на поросшем вереском пригорке он вдруг увидел белую пушинку. Мальчик понял: Мортен нарочно бросил ее у обочины, чтобы подать ему, Нильсу, знак, показать, куда его понесли. Малыш снова двинулся в путь, уже по лесу. Гусака он так и не увидел, но всюду, где только возникала опасность заблудиться, лежали белые путеводные пушинки. Он так и шел от одной к другой. Они вывели его из лесу, провели пашнями прямо на дорогу, а оттуда — на аллею господской усадьбы. В самом конце аллеи мелькнул вдруг фронтон дома и башни красного кирпича, украшенные вверху светлыми узорами. Вот тут-то Нильс и смекнул, куда девался гусак. «Дети, видать, потащили его в поместье на продажу. Может, беднягу уже успели заколоть», — сказал мальчик самому себе.

Чтобы проверить свою догадку и поточнее разузнать о судьбе гусака, он с удвоенной быстротой помчался вперед, к дому. К счастью, в аллее ему не попалось ни одной живой души — ведь теперь ему приходилось бояться встреч с людьми.

Перед большими сводчатыми воротами старинного поместья, выходившими на восток, Нильс остановился. За ними он увидел огромный внутренний двор, обрамленный каменным четырехугольником замка. Туда он идти не посмел и застыл в раздумье: что же ему делать?

Малыш все еще стоял в нерешительности, приложив палец к носу, как вдруг услыхал за спиной шаги. Оглянувшись, он увидел длинную вереницу людей и, поспешно шмыгнув за бочку с водой, которая, по счастью, стояла у самой арки, притаился»

Это были ученики Высшей народной школы, совершавшие прогулку в сопровождении учителя. У сводчатых ворот учитель велел молодым людям немного подождать, а сам отправился узнать, нельзя ли осмотреть старинный замок Витшёвле.

Путники, видимо, совершили длительный переход, им было жарко, они устали. Одному из них захотелось пить, и он подошел к бочке зачерпнуть воды. На плече у него висела жестяная

коробка на ремне — ботанизирка.[5] Он снял ее и бросил на землю, чтобы не мешала. При этом крышка отскочила, и все увидели лежавшие в жестянке весенние цветы.

Ботанизирка упала совсем рядом с малышом, и он мгновенно решил этим воспользоваться: вот он, счастливый случай попасть в замок и узнать, что же сталось с гусаком! Быстренько юркнув в жестяную коробку, Нильс притаился под цветами мать-и-мачехи и подснежниками.

Не успел он спрятаться, как молодой человек поднял ботанизирку и снова повесил ее на плечо, предварительно захлопнув крышку. В это время вернулся учитель — его ученикам разрешили осмотреть замок, — и вся вереница потянулась на внутренний двор, где учитель повел рассказ про старинное поместье Витшёвле.

Он вспомнил о первобытных людях, живших здесь тысячи лет назад в скалистых гротах и земляных пещерах, в палатках, крытых звериными шкурами и в плетенных из ветвей шалашах. Немало времени прошло, прежде чем они научились ставить дома из древесных стволов. А потом! Сколько им пришлось трудиться в поте лица, прежде чем они смогли вместо бревенчатых лачуг с одной-единственной горницей воздвигать замки с сотнями покоев, подобные Витшёвле!

— Лет триста пятьдесят назад стали появляться такие замки, их строили богатые, власть имущие люди, — продолжал учитель. — Сразу видно, что Витшёвле воздвигнут в те смутные времена, когда войны и разбой непрестанно угрожали миру и покою в Сконе. Замок тогда окружал ров, наполненный водой, через ров был перекинут мост, который поднимался в час опасности. Над аркой ворот и поныне высится дозорная башня, но уже нет сторожевых галерей, тянувшихся вдоль всего замка, и угловых башен с мощными, метровой толщины стенами. И все же Витшёвле был воздвигнут еще не в самую тяжкую ратную пору. Возводивший этот замок Йенс Брахе немало положил трудов и на его убранство, превратив Витшёвле в великолепное, богато украшенное жилище. Доведись вам попасть в громадный каменный замок Глиммингехус, выстроенный всего лет на тридцать раньше, вы бы непременно заметили, что Йенс Хольгерссон Ульфстанд, его зодчий, помышлял лишь о том, как построить большое, прочное и неприступное укрепление. О красоте и об удобствах он и не думал. Зато если бы вы видели такие замки, как Марсвинсхольм, Свенсторп и Эведсклостер, появившиеся на одно-два столетия позже Витшёвле, вы бы сразу сказали, что они были построены в более мирные времена. Господа, возводившие эти поместья, не окружали их крепостными

стенами, а старались лишь создать просторные и роскошные жилища…

Долго длился рассказ учителя — малыш, томившийся взаперти в ботанизирке, начал уже терять терпение. Ведь он должен был лежать тихонько, как мышка, чтобы хозяин жестянки не обнаружил, кого он носит с собой. Наконец все общество отправилось в замок. Но случая выскользнуть из жестяной коробки Нильсу так и не представилось. Ученик Высшей народной школы не снимал ботанизирку с плеча, и малышу волей-неволей пришлось сопровождать его по всем покоям.

До чего же медленно тянулось время! Учитель останавливался на каждом шагу, что-то объясняя.

В одном из покоев сохранился старинный камин, и возле него учитель рассказывал о всевозможных очагах, которыми в разные времена пользовались люди. Начинали они с плоской каменной плиты посредине горницы; у этого очага дымовая отдушина была наверху, в потолке, через нее в жилище врывались и дождь, и ветер. Затем появилась большая, кирпичной кладки печь без трубы; от нее в доме было тепло, но стояли дым и чад. Когда же строили Витшёвле, додумались уже и до открытых каминов с широкими трубами, из которых вместе с дымом улетучивалась и большая доля тепла.

Если раньше Нильс и бывал горяч и нетерпелив, то нынче ему пришлось запастись терпением — уже целый час он лежал без движения.

В одном из покоев замка учитель остановился возле дедовской кровати с высоким балдахином и роскошным пологом и стал рассказывать, на чем, бывало, в прежние времена спали люди.

Учитель не спешил. Откуда ему было знать, что в ботанизирке томится взаперти бедный малыш и ждет не дождется, когда учитель прервет свой затянувшийся рассказ.

В покое, обитом позолоченной кожей, учитель долго говорил о том, как люди с незапамятных времен украшали стены. Возле фамильного портрета он поведал о причудах моды в одежде, в парадных залах описывал старинные свадебные и погребальные обряды. Он не преминул рассказать и о многих славных мужах и женах, некогда живших в замке, о мужах и женах из датского рода Брахе[6] и семьи Барнекоу, обитавших здесь; о Кристиане Барнекоу, что отдал своего коня королю во время бегства; о Маргарете Ашеберг — жене Челля Барнекоу, которая, оставшись после него вдовой, пятьдесят три года заправляла поместьем и всей округой. Жил здесь и банкир Хагерман, сын бедного торпаря из Витшёвле, который, разбогатев, смог откупить все поместье. А

Шёрнсверды! Ведь это благодаря им жители Сконе обзавелись новыми удобными плугами. И тогда старые деревянные плуги, такие громоздкие и тяжелые, что их едва могли стронуть с места три пары волов, можно было сдать в музей.

Пока учитель рассказывал, малыш ни разу не шевельнулся. Да, теперь-то он понял, каково приходилось отцу с матерью, когда он, бывало, из озорства запирал за ними дверцу погреба! Теперь он сам уже несколько часов сидел взаперти… А учитель все продолжал рассказывать.

Под конец он снова вывел всех на внутренний двор и там заговорил о том, чего стоило людям создать себе орудия труда и оружие, одежду и жилища, домашнюю утварь и украшения. Он сказал, что старинный замок, подобный Витшёвле, — верстовой столб на пути человечества. Здесь видно, чего достигли люди за последние триста пятьдесят лет, и можно самим судить, вперед или назад шагнули они с тех пор.

Услышать дальнейший рассказ Нильсу уже не привелось. Ученик, в ботанизирке которого он сидел, снова захотел пить и незаметно юркнул в поварню — попросить глоток воды. Вот здесь-то и надо было искать гусака! Шевельнувшись, мальчик нечаянно нажал на крышку, и она отскочила — ведь крышки жестяных коробок всегда отскакивают. Ученик, не придав этому значения, снова захлопнул ее. Но зоркая кухарка насторожилась: уж не змея ли у него в жестянке?

— Да нет, у меня там всего лишь несколько растений, — заверил ее ученик.

— Но там что-то шевелилось, — стояла на своем кухарка.

Тогда ученик снова открыл крышку, чтобы доказать: она, мол, ошибается.

— Погляди сама… — Но закончить фразу он не успел.

Нильс ни минуты больше не мог оставаться в ботанизирке. Прыг — и он уже на полу. С быстротою молнии он выбежал из поварни. Служанки — за ним, хоть и не успели разглядеть, кто это промчался мимо.

Рассказ учителя был прерван громкими криками.

— Держите его, держите! — вопили все, кто выбежал из поварни.

Ученики тоже кинулись за малышом, пытались перехватить его в воротах, но попробуй поймай такого кроху! Прошмыгнув как крысенок, он благополучно выбрался на волю.

Нильс не посмел бежать по открытой аллее и, свернув в противоположную сторону, пробежал через сад на задний двор. И все время за ним по пятам с криком и хохотом гнались люди. Бедняжка мчался что есть мочи, но казалось, его вот-вот

настигнут.

Пробегая мимо лачуги одного из работников усадьбы, он услыхал вдруг гоготанье гуся и тут же увидел на крыльце белую пушинку. Так вот куда упрятали Мортена! Стало быть, он, Малыш-Коротыш, шел раньше по ложному следу. Забыв о погоне, он проворно взобрался на крыльцо и вошел в сени. Но дальше проникнуть не смог — дверь в горницу была заперта. Нильс слышал, как жалобно гоготал в горнице его товарищ, но никак не мог отворить дверь. Тем временем погоня приближалась, а в горнице все истошней кричал гусак. И, набравшись храбрости, малыш изо всех сил забарабанил в дверь.

На стук вышел ребенок. Заглянув в дом, Нильс увидел женщину, которая, сидя посреди горницы, крепко держала Мортена, собираясь обрезать ему крылья. Это ее сын поймал гусака, и она вовсе не думала причинить ему зло, а хотела лишь пустить к своим собственным гусям, подрезав прежде крылья, чтобы он не улетел. Но худшей беды для Мортена нельзя было и придумать, поэтому он и бился и гоготал изо всех сил.

Счастье еще, что женщина не успела подрезать ему крылья. Только два пера упало из-под ее ножниц, когда дверь вдруг отворилась и на пороге появился какой-то чудной малыш. Такого женщине в жизни видеть не доводилось, и она вообразила, будто это сам Гуа-Ниссе, домовой. Выронив в страхе ножницы, она всплеснула руками и выпустила гусака.

Оказавшись на воле, тот кинулся к двери и, успев на ходу схватить мальчика за ворот рубашки, в мгновение ока очутился на крыльце. Сильно изогнув шею, он бросил малыша к себе на гладкую, мягкую спину и, раскинув крылья, взмыл ввысь.

Изумленные обитатели Витшёвле долго-долго глядели им вслед.

В ПАРКЕ ЗАМКА ЭВЕДСКЛОСТЕР

В тот день, когда гуси так потешались над лисом, Нильс с утра до вечера проспал в заброшенном беличьем дупле. Проснулся он в глубокой печали. «Теперь-то меня как пить дать отошлют домой, а тогда волей-неволей придется встретиться с родителями», — думал он.

Но когда он отыскал диких гусей, купавшихся в озере Вомбшён, никто даже не обмолвился о том, что ему пора в путь, «Они, наверно, считают, что белый гусак очень устал и не в силах нынче вечером отнести меня домой», — решил мальчик.

На другое утро гуси проснулись на рассвете, задолго до восхода солнца. И он с Мортеном сопровождал их на утреннюю

прогулку, с минуты на минуту ожидая, что его отправят домой. Но, видимо, дикие гуси не хотели, чтобы гусак пустился в дальний путь не подкормившись. Как бы там ни было, Нильс только радовался каждой секунде промедления.

Дикие гуси направились на восток от озера, к поместью Эведсклостер.

До чего же красиво было это поместье! Высокий замок, великолепный, мощенный камнем внутренний двор, обнесенный низкими стенами. Роскошный старинный парк с беседками, с живыми изгородями, густыми лиственными аллеями, прудами, фонтанами, прекрасными деревьями и веселыми подстриженными лужайками, по краям которых уже пестрели первые весенние цветы. Когда дикие гуси пролетали над поместьем в этот ранний утренний час, ни одна живая душа еще не пробудилась ото сна. Убедившись в этом, гуси подлетели к собачьей конуре и закричали:

— Что за жалкая лачуга? Что за жалкая лачуга?

Из конуры тотчас же выскочил разъяренный цепной пес и залаял:

— Так, по-вашему, это лачуга, бродяги вы этакие? Разве вы не видите, что это высокий замок из камня? Не видите, какие в нем великолепные стены? А сколько окон? А какие огромные ворота, какая чудесная терраса? Гав, гав, гав! И это, по-вашему, лачуга? Эх вы!!! Посмотрите, какой здесь двор, сад, теплицы, какие мраморные статуи! И это, по-вашему, лачуга? Разве при лачугах бывает такой парк, такие буковые леса и орешники, дубовые рощи и ельники, луга и заказник, в котором полным-полно косуль? Гав, гав, гав! Так, по-вашему, это лачуга? Эх вы! Видели вы когда-нибудь лачуги, при которых было бы столько всяких служб — не меньше, чем в целом селении! Много вы знаете лачуг с собственной церковью и пасторским двором? Лачуг, чьи хозяева распоряжаются господскими поместьями и крестьянскими хемманами,[7] арендными землями и домишками статаров?[8] Гав, гав, гав! И это, по-вашему, лачуга? Эх вы! Эта лачуга — богатейшее поместье во всей Сконе, побирушки вы этакие! Нет такого клочка земли, видного с ваших туч, чтоб он был неподвластен этой лачуге! Гав, гав, гав!

Все это пес выпалил единым духом — гуси не мешали ему, молча кружа тем временем над усадьбой. Но только он, задохнувшись, умолк, они весело закричали.

— Что ты злишься? Мы спрашивали вовсе не про замок, а про твою собачью конуру!

Нильс развеселился было от этой шутки, но тут же опять стал серьезным. Подумать только! Сколько любопытного, а порой и

забавного он мог бы услышать и увидеть, если бы ему разрешили лететь с дикими гусями через всю страну, на север, до самой Лапландии! Раз уж приключилась такая беда, ничего лучше путешествия не придумаешь…

Между тем дикие гуси перелетели на одно из бескрайних полей к востоку от поместья. Здесь они много часов подряд щипали пырей. А Нильс отправился в ореховую рощу, граничившую с полем, в надежде отыскать хоть несколько орешков, оставшихся с осени.

Пока он бродил по роще, мысли о возможном путешествии не покидали его. Он рисовал себе радужные картины странствий с дикими гусями, допуская, правда, что ему придется частенько голодать и холодать, зато уж ни работать, ни читать надобности не будет. Тут к нему подошла старая седая гусыня-предводительница: нашел ли он что-нибудь съедобное? — полюбопытствовала она.

— Нет, не нашел, — ответил мальчик.

Тогда Акка попыталась помочь ему. Орехов не отыскала и она, зато ей удалось обнаружить несколько ягод, висевших на кусте шиповника. Мальчик жадно съел их, подумав, как ужаснулась бы матушка, знай она, что он питается сырой рыбой да перезимовавшими ягодами шиповника.

Когда дикие гуси наконец насытились, они снова потянулись вниз к озеру, где до самого обеда забавлялись разными играми. Чего стоило одно их состязание с белым гусаком! Они плавали наперегонки, бегали и летали. Огромный домашний гусь старался изо всех сил, но его неизменно побеждали быстрые и ловкие дикие гуси. Нильс тоже не оставался в стороне от забав: сидя на спине гусака, он подбадривал его, давал советы и веселился ничуть не меньше других. На озере стоял оглушительный крик, хохот и гоготанье. Удивительно, как его не слышали обитатели поместья.

Утомившись, гуси перелетели на лед и несколько часов отдыхали. После полудня они часок-другой щипали траву, потом купались и снова забавлялись в воде у ледяной закраины, пока не село солнце. Тогда они наконец угомонились и стали устраиваться на ночлег.

«Вот это житье так житье! Как раз по мне, — радовался мальчик, залезая под гусиное крыло. Но тут же вздохнул — Только завтра меня, наверное, все равно отошлют домой!» Прежде чем заснуть, он размечтался: если гуси возьмут его с собой, он сразу избавится от вечных попреков за свою леность. Тогда день-деньской можно будет бить баклуши, забот никаких — разве что о еде. Но ему так мало нынче надо!

Нильс мысленно рисовал себе чудесные картины. Чего только он не увидит! Каких только приключений не выпадет ему на долю! Не то что дома, где лишь знай работай, надрывайся. «Только бы полететь с дикими гусями, и я бы ни капельки не печалился, что меня заколдовали», — думал мальчик.

Теперь Нильс страшился только одного: как бы его не отослали домой. Но прошел вторник, за ним среда, а гуси все молчали. Мальчик меж тем все больше свыкался с жизнью на диких безлюдных пустошах. Он воображал, будто огромный, словно лес, уединенный парк при замке Эведсклостер принадлежит ему одному, и ничуть не тосковал по тесной горнице и лоскуткам полей в родных краях.

У него то появлялась надежда остаться со стаей, то исчезала. Четверг начался, как и другие дни. Гуси щипали травку на бескрайних полях, мальчик искал в парке, что бы поесть. Немного погодя к нему подошла Акка: нашел ли он что-нибудь съедобное? — полюбопытствовала она, как и в прошлый раз.

— Нет, не нашел, — ответил он.

Тогда Акка отыскала ему чахлый кустик тмина, еще сохранивший мелкие плоды. Когда мальчик поел, она стала ему выговаривать: мол, он слишком беззаботно бегает по парку, не зная, сколько у него, такого малыша, врагов. И начала перечислять всех, кого ему надо опасаться.

В парке — лиса и куницы; на берегу озера — выдры. Даже сидя на каменной ограде, надо быть всегда настороже: там может напасть ласка, которая пролезает сквозь самое узкое отверстие. Прежде чем улечься спать в куче палой листвы, следует поглядеть, не укрылась ли там впавшая в зимнюю спячку гадюка. В открытом поле нужен глаз да глаз на ястребов и канюков, орлов и соколов, парящих в облаках. В орешнике — остерегаться ястреба-перепелятника, а сорокам и воронам, что летают повсюду, и подавно доверяться нельзя. Когда же спускаются сумерки, надо держать ухо особенно востро: крупные совы летают совсем неслышно и могут приблизиться так, что и не заметишь.

Выслушав Акку и узнав, сколько зверей и птиц угрожают его жизни, Нильс понял, что он погиб. Смерти, правда, он не очень боялся, но ему не хотелось, чтобы кто-нибудь его съел. И он спросил Акку:

— Можно ли уберечься от хищных зверей и птиц?

Акка тотчас посоветовала ему, как это сделать. Надо подружиться с мелкими лесными и полевыми зверюшками, с беличьим и заячьим народцем. А еще с синицами, с дятлами и жаворонками. Коли они признают его своим, непременно помогут: и об опасности предупредят, и от врагов укроют, а в

случае крайней нужды — даже сообща защитят.

Но когда мальчик в тот же день к вечеру попытался последовать совету Акки и заручиться поддержкой Сирле, супруга молодой бельчихи, тот даже слушать его не захотел.

— И не жди добра ни от меня, ни от других мелких зверюшек, — сказал Сирле. — Думаешь, мы не знаем, что ты и есть Нильс-Гусопас?! Ведь это ты в прошлом году разорял ласточкины гнезда, разбивал скворушкины яйца, швырял воронят в канавы, ловил силками дроздов и сажал в клетки белок?! Нет уж, обходись сам, своими силами, и скажи спасибо, что мы еще терпим тебя среди нас и не прогнали всем миром.

Прежде, когда он был Нильсом-Гусопасом, мальчик ни за что на свете не стерпел бы такого ответа. Теперь же он от испуга будто воды в рот набрал: только бы дикие гуси не проведали, каким он был недобрым! С тех пор, как Нильс попал в стаю, он не осмелился ни на одну даже самую-самую безобидную проделку.

Да по правде говоря, теперь он был так мал, что и не мог причинить большого вреда. Хотя при желании у него хватило бы силенок разорить немало птичьих гнезд и разбить немало птичьих яиц. Он же вовсю старался быть добрым не выдернул до сих пор ни единого перышка из гусиного крыла, ни разу никому не надерзил и всякое утро, здороваясь с Аккой, снимал колпачок и вежливо кланялся.

После встречи в четверг с Сирле мальчик думал: наверно, дикие гуси не хотят взять его с собой в Лапландию оттого, что он такой злой. Услыхав вечером, что похитили молодую бельчиху, супругу самого Сирле, а детенышам их грозит голодная смерть, он решил помочь им. Как это ему удалось, уже известно.

Когда в пятницу мальчик явился в парк, зяблики на каждом кусточке распевали о том, как жестокие разбойники разлучили молодую бельчиху, супругу Сирле, с малыми детенышами и как Нильс-Гусопас отважился пойти к людям и спасти бельчат.

— Никого так не почитают в парке Эведсклостер, — щебетали зяблики, — как Малыша-Коротыша, который был грозой всех зверюшек и птиц в бытность свою Нильсом-Гусопасом! Сирле, муж молодой бельчихи, должен теперь одаривать его орехами, зайцы играть с ним, косули уносить на спине, лишь только покажется Смирре-лис, синицы предупреждать о появлении ястреба-перепелятника, а зяблики и жаворонки воспевать его геройский подвиг!

Мальчик был уверен, что и Акка, и дикие гуси слышали эти песни и похвала птиц зачтется ему. Однако пятница прошла, а никто и не подумал заикнуться: пусть мол, Нильс останется с ними.

До самой субботы гуси паслись на полях вокруг Эведа, и Смирре-лис их не тревожил. Но когда субботним утром они прилетели на поля, он был уже тут как тут — лежал в засаде. Им так и не удалось пощипать травы — лис гонял гусей с одного поля на другое. Акка поняла, что Смирре не собирается оставить их в покое. Она приняла решение перелететь со всей стаей на много миль дальше — через равнины уезда Фер и холмы горной гряды Линдерёдсосен. Гуси поднялись в воздух и опустились лишь в окрестностях поместья Витшёвле.

Но здесь, у Витшёвле, белого гусака, как уже говорилось, похитили. И не помоги ему Нильс, гусаку нипочем бы не спастись.

Возвращаясь в субботу вечером вместе с Мортеном к озеру Вомбшён, Нильс изнывал от желания узнать, что скажут Акка и дикие гуси. Уж сегодня-то он показал себя как нельзя лучше! Что правда, то правда, гуси не скупились на похвалы. И только одного-единственного слова, которое он особенно жаждал услышать, они так и не произнесли.

Снова настало воскресенье. Прошла уже целая неделя с того дня, когда мальчика заколдовали. Он по-прежнему был мал, но теперь, похоже, это не очень его огорчало. В воскресенье после полудня он сидел, примостившись на ветке высокой раскидистой ивы на берегу озера, и играл на тростниковой дудочке. Вокруг теснилось множество синиц, зябликов и скворцов — сколько могло поместиться на дереве. Птицы громко распевали, а Нильс пытался подражать им на своей дудочке. Но он был так неискусен и так фальшивил, что у его маленьких наставников все перышки вставали дыбом. Бедные пташки жалобно вскрикивали и в отчаянии всплескивали крылышками. Слушать, как они изо всех сил стараются научить его, было так забавно, что Нильс засмеялся и выронил дудочку.

Потом он заиграл снова, и снова у него ничего не получилось. Огорченные пташки сетовали:

— Нынче, Малыш-Коротыш, ты играешь хуже обычного. Ты не взял ни одной правильной нотки. О чем ты думаешь, Малыш-Коротыш?

— Совсем о другом, — признался Нильс.

И правда, его занимала лишь мысль о том, сколько времени он останется с дикими гусями. А может, его еще нынче отошлют домой?

Внезапно мальчик отбросил дудочку и соскочил с дерева. Он увидел, что к нему длинной вереницей во главе с Аккой направляются дикие гуси. Они шли непривычно медленно и торжественно. Нильс понял: сейчас он узнает, какое они приняли

решение.

Гуси остановились, и Акка молвила:

— Ты вправе, Малыш-Коротыш, удивляться моей неблагодарности — ведь ты спас меня и стаю от Смирре-лиса. Но я привыкла благодарить не словами, а делами. И кажется, Малыш-Коротыш, нынче мне удалось оказать тебе большую услугу. Я послала гонца к домовому, который тебя заколдовал, с наказом поведать ему, сколь благородно ты повел себя с нами. Поначалу домовой и слышать не желал о том, чтобы снять с тебя заклятье, но я слала гонца за гонцом, и он сменил гнев на милость. Домовой просил передать тебе: вернись домой — и ты снова станешь человеком.

Как обрадовался мальчик, когда дикая гусыня начала свою речь! Но по мере того как она говорила, радость его угасала. Не вымолвив ни слова, он отвернулся и горько заплакал.

— Это что такое? — спросила Акка. — Кажется, ты ожидал от меня еще большей награды?

А мальчик думал о беззаботных днях, о веселых забавах, о вольной жизни, о приключениях и путешествиях высоко-высоко над землей. Больше их ему не видать!

— Не хочу быть человеком! — захныкал он. — Хочу лететь с вами в Лапландию!

— Предупреждаю, — сказала Акка, — этот домовой очень своенравен. Боюсь, если ты не вернешься домой сейчас, упросить его еще раз будет трудно.

Дурной все-таки был этот мальчишка! Все, чем бы он дома ни занимался, казалось ему просто-напросто скучным! Никого в жизни он никогда не любил: ни отца с матерью, ни школьного учителя, ни товарищей по школе, ни мальчиков из соседних усадеб. Единственные, с кем он более или менее знался, были Оса-пастушка и маленький Матс, которые, как и он, пасли на полях гусей. Но и этих детей он не любил по-настоящему. Да какое там любил! И привязан даже не был! Он ни по ком не тосковал, ни к кому не стремился.

— Не хочу быть человеком! — уже кричал Нильс. — Хочу лететь с вами в Лапландию! Думаете, почему я целую неделю был таким добрым?!

— Я не могу запретить тебе лететь с нами, раз ты сам этого желаешь, — сказала Акка. — Только подумай хорошенько, может, ты все-таки больше хочешь вернуться домой? Настанет день, когда ты раскаешься в своем поступке.

— Нет, — ответил мальчик, — не в чем мне раскаиваться. Мне никогда не жилось так хорошо, как с вами.

— Ну что ж, будь по-твоему, — согласилась Акка.

— Спасибо! — поблагодарил ее Нильс и от счастья заплакал так же бурно, как недавно плакал от горя.

IV ЗАМОК ГЛИММИНГЕХУС

ЧЕРНЫЕ КРЫСЫ И СЕРЫЕ КРЫСЫ

На юго-востоке провинции Сконе, неподалеку от моря, поднимается над равниной старинная крепость — замок Глиммингехус. Это высокое мощное каменное строение видно на много-много миль[9] вокруг. Замок Глиммингехус так огромен, что обычный жилой дом, стоящий рядом с ним, кажется игрушечным.

Наружные стены, перегородки и своды этой каменной громады необычайно мощны, и поэтому внутренние покои — невелики и малочисленны. Лестницы замка — узки, в привратницкой — не повернуться. Чтобы стены крепости сохранили свою неприступность, окна вырублены лишь в верхних покоях; в нижних их заменяют узенькие световые отдушины. В старые времена военного лихолетья, укрываясь здесь от врага, люди радовались этим могучим стенам точно так же, как ныне суровой зимой радуются теплой шубе, надежно защищающей от лютого холода. Когда же настали добрые мирные времена, люди не захотели больше жить в темных и холодных каменных залах крепости и переселились в жилища, куда проникает и свет, и воздух.

В те времена, когда Нильс Хольгерссон путешествовал по свету с дикими гусями, в замке Глиммингехус люди уже не жили, но необитаемым его назвать все же было нельзя. На крыше замка каждое лето селилась в большом гнезде чета аистов, на чердаке жила пара старых сов-неясытей, в потайных ходах с потолков свешивались летучие мыши, в очаге поварни ютился старый кот, а в подвале кишмя кишели сотни черных крыс старинного рода.

Вообще-то крысы не в большой чести у других животных, чего не скажешь о черных крысах из замка Глиммингехус. О них говорили всегда с превеликим почтением, ибо они выказали необыкновенную храбрость и стойкость в годину тяжких бедствий, обрушившихся на их племя. Они принадлежали к тому старинному роду крыс, что некогда был могуч и многочислен, а ныне — обречен на вымирание. Долгие-долгие годы черные крысы владели провинцией Сконе, да и всей страной. Они водились в каждом погребе, на каждом чердаке, в сараях и на сеновалах, в клетях и в пекарнях, в хлевах и в конюшнях, в церквах и в крепостных замках, в винокурнях и на мельницах, в любом воздвигнутом человеком строении. Но постепенно их

отовсюду изгнали и почти истребили. Лишь в старых заброшенных домах можно было встретить крыс из этого уже малочисленного племени. Много их было только в замке Глиммингехус.

Когда вымирают животные, в этом чаще всего бывают повинны люди. Но на сей раз все обстояло иначе. Люди, правда, боролись с черными крысами, но не могли причинить им сколько-нибудь заметного вреда. А победил их народец родственного племени — серые крысы.

Серые крысы не обитали в стране, подобно черным, с незапамятных времен. Они вели свой род от четы нищих пришельцев, что сто лет тому назад высадились на берег в Мальмё из трюма любекской шхуны. Бездомные, изголодавшиеся, они поселились в самой гавани, где плавали между сваями под причалами; кормились серые крысы отбросами, которые люди швыряли в воду. Ни разу не отважились они проникнуть в город, которым владели черные крысы.

Но по мере того как племя пришельцев росло, они становились все более дерзкими. Вначале серые крысы переселились в безлюдные, обреченные на снос старые дома, покинутые черными крысами. Они выискивали пищу в сточных канавах и в мусорных кучах, которой черные крысы брезговали. Выносливые, довольствующиеся малым и бесстрашные, они за несколько лет стали настолько могущественны, что вознамерились изгнать черных крыс из Мальмё. Они отняли у них чердаки, подвалы и склады, одних заморили голодом, других, не побоявшись вступить в открытую битву, загрызли насмерть.

Трудно объяснить, почему черные крысы не собрались в ополчение и не уничтожили врага, пока он был еще столь малочислен. Они, видимо, так уверовали в свое могущество, что не допускали и мысли о его утрате.

Захватив город Мальмё, полчища серых крыс двинулись в поход — завоевывать всю страну. Пока хозяева мирно сидели в своих имениях, племя пришельцев отнимало у них одну усадьбу за другой, селение за селением, город за городом. Серые крысы морили черных голодом, вытесняли, уничтожали. В Сконе черным крысам нигде, кроме замка Глиммингехус, удержаться не удалось.

Побежденное племя укрылось в старой крепости, за ее надежными стенами, не дававшими врагу проникнуть в Глиммингехус. Год за годом, ночь за ночью мужественно, с величайшим презрением к смерти отбивались осажденные от серых крыс. А великолепный старинный замок помогал черным крысам выстоять в этом единоборстве.

Надо признать, что пока черные крысы были в силе, их, ничуть не меньше, чем ныне серых, ненавидели все живые существа. И по справедливости: черные крысы набрасывались на несчастных закованных узников и терзали их, крали последнюю репу в погребе бедняка, кусали за лапки спящих гусей, похищали куриные яйца и покрытых желтым пухом цыплят, совершали тысячи других злодеяний. Но когда черных крыс постигла беда, казалось, все было забыто и ни одна живая душа не могла не восхищаться этими последними отпрысками погибавшего рода, которые столь долго сопротивлялись врагу.

Серые крысы, обитавшие в замке Глиммингехус и в его окрестностях, по-прежнему вели борьбу и не упускали ни малейшей возможности овладеть замком. Им бы оставить в покое малую стаю черных крыс из замка Глиммингехус, раз уж они, серые, завоевали всю остальную страну. Но где там! Серые крысы уверяли, что для них — дело чести раз и навсегда покончить с черными. Те же, кто хорошо знал серых крыс, понимали — Глиммингехус нужен им потому, что люди превратили замок в хлебный амбар, и серые не успокоятся, пока не захватят его.

АИСТ

Понедельник, 28 марта

Однажды ранним утром диких гусей, спавших стоя на льду озера Вомбшён, разбудил громкий крик из поднебесья:

— Курлы! Курлы! Трианут-журавль шлет поклон Акке — дикой гусыне и всей ее стае и приглашает их на гору Куллаберг! Завтра начнутся великие журавлиные пляски!

Акка, вытянув шею, отвечала:

— Поклон и спасибо! Поклон и спасибо!

Журавли полетели дальше, а дикие гуси еще долго-долго слышали их курлыканье. Пролетая над полями, над холмами, поросшими лесом, они кричали:

— Трианут-журавль шлет поклон и приглашает на гору Куллаберг! Завтра начнутся великие журавлиные пляски!

Дикие гуси очень обрадовались этой вести.

— Ну и счастливчик же ты! — сказали они белому гусаку. — Тебе доведется увидеть великие журавлиные пляски!

— Эка невидаль — журавлиные пляски! Что в них такого? — удивился гусак.

— Ничего подобного тебе и не снилось, — загоготали в ответ дикие гуси.

— Как же быть с Малышом-Коротышом? Не приключилось бы

с ним беды, когда мы завтра полетим на гору Куллаберг, — озабоченно сказала Акка.

— Нельзя оставлять Малыша-Коротыша одного! — воскликнул белый гусак. — Если журавли не разрешат ему поглядеть на их пляски, я останусь с ним.

— Ни одному человеку еще не дозволялось видеть встречу зверей и птиц на горе Куллаберг, — сказала Акка, — и я не смею взять с собой Малыша-Коротыша. Впрочем, мы еще поговорим об этом позднее. А сейчас надо как следует подкормиться.

Слова Акки послужили сигналом к отлету. Из-за Смирре-лиса гусыня-предводительница и на этот раз облюбовала пастбище подальше — она приземлилась на заболоченных лугах много южнее замка Глиммингехус.

Весь тот день мальчик просидел на берегу небольшого пруда. Хотя он и наигрывал на тростниковых дудочках, на душе у него было невесело: ведь он не увидит журавлиные пляски! Но он не решался сказать ни словечка ни белому гусаку, ни кому-либо из диких гусей.

Обидно, что Акка все еще ему не доверяет! Ведь он отказался снова стать человеком ради того, чтобы путешествовать по свету со стаей бедных диких гусей! Должны же они понять, что, стало быть, предавать их он не собирается! И еще они должны понять, что раз уж он стольким пожертвовал ради того, чтобы лететь с ними, то это просто их долг — показать ему все самое примечательное в стране.

«Не выложить ли мне им все начистоту?» — колебался Нильс. Однако время шло, а он все никак не решался открыть рот. Трудно поверить, но его удерживало своего рода почтение к старой гусыне — предводительнице стаи. И он понимал, что уговорить ее будет нелегко.

И все же к вечеру мальчик собрался с духом и, подняв понуро склоненную голову, хотел было подойти к Акке. Но тут его взгляд упал на широкую каменную ограду, что шла по краю заболоченного луга, где паслись гуси. От удивления мальчик громко вскрикнул, так что все гуси разом подняли головы и тоже уставились на ограду. Сначала всем показалось, что серые камни, из которых она была сложена, вдруг обрели ноги и пустились наутек. Но вскоре мальчик и гуси разглядели, что ограду перебегало целое полчище серых крыс. Они двигались с неимоверной быстротой, тесными, сомкнутыми рядами. И было их такое множество, что по ограде добрый час переливался сплошной серый поток.

Нильс боялся крыс, даже когда был большим и сильным мальчиком. Как же испугался он теперь! Две-три крысы легко

могли справиться с ним, таким маленьким и беззащитным! Нильс смотрел на это нашествие и чувствовал, как по спине у него от страха бегают мурашки.

Но самое удивительное, что гуси, казалось, питали к крысам не меньшее отвращение. Они не стали заговаривать с ними, а когда серая орда пробежала мимо, отряхнулись, словно между перьями у них застряла тина.

— Сколько серых крыс! — сказал Юкси из Вассияуре. — Это дурной знак!

Теперь Нильс твердо решил улучить минутку и упросить Акку взять его на гору Куллаберг. Но поговорить с гусыней ему снова не удалось — посреди гусиной стаи вдруг шумно опустился большой аист.

Глядя на аиста, можно было подумать, что туловище, шею и голову он одолжил у маленького белого гуся, но в придачу раздобыл себе большие черные крылья, длинные красные ноги и сильный, толстый снизу клюв, чересчур большой для его маленькой головки и тянувший ее книзу. Наверное, поэтому аист выглядел чуть озабоченным и печальным.

Акка поспешила ему навстречу, выгибая шею и без конца кланяясь. Она не очень удивилась, встретив его в Сконе ранней весной. Гусыня знала, что аисты, отцы семейств, прилетают сюда заблаговременно — проверить, не пострадало ли гнездо зимой, а их жены-аистихи гораздо позднее соизволяют прилететь из-за Балтийского моря. Но с чего бы она понадобилась аисту? Ведь эти птицы предпочитают водиться лишь со своими сородичами.

— Надеюсь, ваше жилье не пострадало, господин Эрменрих? — учтиво спросила Акка.

Правду говорят, что аист редко открывает клюв без того, чтобы не поплакаться. Речи его казались особенно печальными оттого, что Эрменриху стоило больших трудов начать разговор. Он долго трещал клювом, прежде чем заговорил хриплым, слабым голосом. И посыпались бесконечные жалобы: и гнездо-то, построенное на самом коньке высокой крыши замка Глиммингехус, совсем разорено зимними бурями, и корм-то ныне раздобыть в Сконе негде, и имения-то его, аистиные, жители Сконе мало-помалу себе присваивают — осушают его болота, вспахивают его заболоченные земли. Поэтому он намерен переселиться в другую страну и никогда более сюда не возвращаться.

Аист все сетовал и сетовал, а Акка, дикая гусыня, не имевшая на всем белом свете ни кола ни двора, невольно думала: «Мне бы ваши заботы, господин Эрменрих, уж я из одной гордости не стала бы жаловаться! Вы, оставаясь диким и вольным, все же в

милости у людей. Никому и в голову не придет пустить в вас пулю или украсть хотя бы одно яйцо из вашего гнезда». Но все эти мысли она оставила при себе, а аисту лишь сказала:

— Неужто вы пожелаете переселиться из замка, служившего прибежищем аистам с тех пор, как его построили?

Тут аист поспешно спросил, видели ли гуси серых крыс, которые шли походом на замок Глиммингехус.

— Да, я видела этот сброд, — ответила Акка.

Тогда он стал рассказывать про отважных черных крыс, которые вот уже много лет храбро отстаивают от пришельцев замок.

— Но нынче ночью замок Глиммингехус окажется во власти серых крыс, — вздохнув, сказал аист.

— Почему именно нынче ночью, господин Эрменрих? — спросила Акка.

— Потому что почти все черные крысы отправились вчера вечером на гору Куллаберг, понадеявшись, что их серые недруги, как и все звери, также поспешат туда. Но вы знаете, серые крысы остались дома и собирают ополчение, чтобы ночью проникнуть в замок. Ведь его охраняют всего несколько горемычных старых крыс, которые не в силах были добраться до горы Куллаберг. И по всему видно, серые крысы добьются своего. А я столько лет жил в добром согласии с черными. Не по душе мне оставаться по соседству с их врагами!

Акка поняла: аист возмущен поступком серых крыс, но, конечно, он ничего не сделал, чтобы отвести беду, и прилетел только для того, чтобы посетовать на свою участь.

— А вы не догадались послать гонца за черными крысами, господин Эрменрих? — спросила гусыня.

— Нет, — ответил аист, — это ни к чему. Пока они вернутся, замок будет взят серыми крысами.

— Напрасно вы так уверены в этом, господин Эрменрих, — возразила Акка. — Я знаю одну старую дикую гусыню, которая не допустит такого позора.

Пораженный аист поднял голову и во все глаза уставился на Акку. Он знал, что когти и клюв старой гусыни давно уже не годились для битвы. К тому же она была дневной птицей и в темноте становилась сонливой и совсем беспомощной, а крысы сражались только по ночам.

И все-таки Акка была полна решимости помочь черным крысам. Она позвала Юкси из Вассияуре и, не обращая ни малейшего внимания на недовольство гусей, приказала ему увести их на озеро Вомбшён.

— Всем нам будет лучше, коли вы меня послушаетесь, —

повелительно сказала она. — Мне надобно слетать в большой каменный замок, но если вы последуете за мной, люди непременно увидят нас и подстрелят. Я возьму с собой только Малыша-Коротыша. От него-то будет польза: ведь он способен не спать по ночам и хорошо видит в темноте.

Строптивый мальчишка в тот день был особенно не в духе. Услыхав слова Акки, он выпрямился, чтобы казаться выше ростом, заложил руки за спину и, задрав нос, выступил вперед, намереваясь сказать, что он вовсе не собирается лететь с гусыней и биться с серыми крысами. Пусть ищет помощников в другом месте!

Увидев мальчика, аист встрепенулся, и в его горле что-то забулькало, словно ему стало смешно. С молниеносной быстротой он опустил клюв и, схватив Нильса, подбросил его на несколько аршин в воздух. Семь раз повторил он свою проделку, невзирая на испуганные крики мальчика и возгласы гусей:

— Что вы делаете, господин Эрменрих? Это вам не лягушка! Это же человек, господин Эрменрих!

Наконец аист посадил мальчика на землю — целого и невредимого.

— Полечу-ка я обратно в Глиммингехус, матушка Акка. Когда я отправился сюда к вам, все обитатели замка были до смерти напуганы. Надо рассказать им, что дикая гусыня Акка и человечий детеныш Малыш-Коротыш летят следом, чтобы спасти их. То-то они обрадуются!

С этими словами аист вытянул шею, взмахнул крыльями и полетел как стрела, пущенная из туго натянутого лука. Акка поняла, что аист смеется над ней, но это ее ничуть не смутило. Она терпеливо ждала, пока Нильс отыщет свои деревянные башмаки, слетевшие с ног, когда аист подбрасывал его в воздух. Потом посадила его на спину и последовала за аистом. Мальчик не сопротивлялся и ни словом не обмолвился о том, что не хочет лететь с ней. Аист так разозлил его! Это красноногий верзила воображает, будто Нильс ни к чему не годен только потому, что мал! Ничего, он еще покажет ему, каков Нильс Хольгерссон из Вестра Вемменхёга!

Вскоре Акка уже стояла в огромном аистином гнезде на крыше замка Глиммингехус. Днищем этому прекрасному гнезду служило большое колесо от телеги; сверху были наложены в несколько рядов ветви и дерн. Посреди гнезда была круглая ямка. Тут позднее будет сидеть на яйцах аистиха. Тогда здесь можно будет любоваться не только чудесным видом равнины Сконе, но и цветами шиповника и золотистого очитка, выросшими в этом старом гнезде.

Но сейчас на крыше творилось что-то несусветное. На краю аистиного гнезда сидела супружеская чета сов-неясытей и старый полосатый кот, рядом пристроились двенадцать дряхлых черных крыс с притупившимися зубами и слезившимися глазами. Вряд ли кому раньше доводилось встречать подобное общество в таком мирном соседстве.

С Аккой никто не поздоровался, на нее и на Нильса никто даже не взглянул. Всех занимали лишь длинные серые полосы, которые то тут, то там мелькали на еще голых после зимы полях.

Черные крысы сидели молча, в глубоком отчаянии. Они понимали, что не смогут защитить ни замок, ни собственную жизнь. Совы-неясыти непрерывно вращали своими огромными, в желтых кружках глазами и жуткими скрипучими голосами рассказывали про страшную жестокость серых крыс. Им, совам, теперь тоже придется покинуть свое насиженное гнездо — ведь серые крысы не щадят ни птичьи яйца, ни птенцов. Старый полосатый кот был уверен, что уж его-то серые крысы, лишь только проникнут в замок, первого загрызут насмерть. И он на чем свет стоит бранил черных крыс.

— Олухи вы этакие! Как можно было допустить, чтобы из замка ушли ваши лучшие войска? — возмущался он. — Как вы могли понадеяться на добропорядочность серых крыс? Уж это вовсе непростительно!

Двенадцать черных крыс отмалчивались, но аист, несмотря на всю свою печаль, не мог удержаться, чтобы не подразнить кота.

— Не бойся, Монс — домашний кот! — сказал он. — Разве ты не видишь, матушка Акка и Малыш-Коротыш прилетели сюда спасать замок! Можешь не сомневаться, теперь все будет в порядке. Что до меня, я собираюсь немного поспать, мирно и спокойно. Утром, когда я проснусь, в замке Глиммингехус наверняка не останется уже ни одной серой крысы!

Нильс подмигнул Акке — дескать, не дать ли пинка аисту? Тот как раз устроился на краю гнезда, поджав одну ногу. Но Акка, ничуть не рассердившись на аиста, удержала мальчика и спокойно сказала:

— Неужто такая старая птица, как я, не сможет отвести беду даже худшую, чем эта? Если папаша и мамаша совы, которые бодрствуют ночью, согласятся полететь с весточкой от меня, надеюсь, все уладится.

Совы, ясное дело, не отказали Акке. И тогда она попросила папашу сову отыскать черных крыс и посоветовать им немедля возвращаться домой. Мамашу сову она послала к Фламмеа — сове-сипухе, жившей в башне Лундского собора. И поручение ее было так таинственно, что речь о нем велась доверительным

шепотом.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ КРЫС

Время близилось к полуночи, когда серым крысам после длительных поисков удалось найти довольно высоко в стене подвала открытую отдушину. Чтобы проникнуть в нее, крысам пришлось встать друг другу на спины. И вот самая отважная из них уже сидит в отдушине, готовая ринуться в замок Глиммингехус, под стенами которого пали многие ее предки.

Серая крыса с минуту тихо сидела в отдушине, ожидая нападения. Хотя главная рать защитников замка наверняка ушла на гору Куллаберг, серая крыса все же была уверена, что черные враги, оставшиеся в замке, не сдадутся без боя. С замиранием сердца прислушивалась она к малейшему шороху, но кругом было тихо. Тогда предводительница серых крыс, набравшись храбрости, спрыгнула вниз, в кромешную тьму подвала.

Серые крысы, одна за другой, последовали за предводительницей. Они крались осторожно, боясь засады со стороны черных крыс. И только когда подвал больше не мог вместить ни одной серой крысы — а их во дворе оставалось еще немало, — они отважились двинуться дальше.

Хотя серые крысы никогда прежде не бывали в замке, они без труда находили дорогу в верхние покои, пользуясь ходами черных крыс. Карабкаясь по узким и крутым лестницам замка, серые крысы внимательно прислушивались. Гораздо больше, чем встреча в открытом бою, страшила их неизвестность: быть может, черные крысы, скрываясь в потайных норах, замышляют невесть что! Серые еще боялись поверить в свою удачу, когда безо всяких злоключений выбрались из подвала.

Там наверху их встретил запах спелого зерна, лежавшего большими кучами на полу. Но было еще не время наслаждаться плодами победы. Надо было захватить весь замок. Сначала крысы с величайшими предосторожностями обшарили мрачные пустые покои нижнего этажа — в одном зале они чуть не свалились в колодец, — обследовали холодный очаг старой поварни, внимательно осмотрели узкие световые отдушины, все до единой, но черных крыс так нигде и не нашли. Тогда с теми же предосторожностями пришельцы начали подниматься выше. Снова пришлось им, рискуя жизнью, с трудом проползать сквозь щели толстых стен, затаив дыхание, ждать, что враг вот-вот кинется на них. И хотя их неудержимо влек сладостный запах спелого зерна, они заставили себя тщательно осмотреть бывшую людскую, караульню и оружейную — всю до последнего уголка:

обнюхали могучие столбы, поддерживавшие ее своды, каменный стол, обыскали очаг и глубокие оконные ниши, оглядели дыру в полу, через которую в былые времена защитники замка лили кипящую смолу на головы вторгшихся в Глиммингехус врагов.

Черных крыс нигде не было!

Серые пробрались уже в большой парадный зал, столь же холодный и оголенный, как и другие покои старого замка, проникли даже в самую верхнюю горницу — огромную и пустынную. Единственное место, которое им и в голову не пришло обыскать, было большое аистиное гнездо на крыше. А там как раз в это время сова-неясыть, разбудив Акку, сообщила ей: Фламмеа, сова-сипуха, жившая в башне Лундского собора, выполнила просьбу гусыни и прислала то, что нужно Акке.

Добросовестно прочесав весь замок, серые крысы почувствовали себя спокойнее. Они решили, что черные ушли, не помышляя о сопротивлении. И с легким сердцем кинулись на горы зерна.

Но не успели они проглотить первые зернышки пшеницы, как со двора вдруг послышались резкие пронзительные звуки дудочки. Серые крысы, приподняв головы, беспокойно прислушались, потянулись на зов, но тут же вернулись к зерну и опять принялись пожирать пшеницу.

Снова раздались звуки дудочки, еще более громкие, резкие… И тут случилось нечто невообразимое. Сначала одна крыса, за ней другая, третья, наконец целое полчище крыс, бросив зерно, ринулось кратчайшим путем вниз, в подвал, чтобы поскорее выбраться из замка. На месте остались самые стойкие крысы, которые помнили о том, как трудно было захватить замок Глиммингехус, и не желали его оставлять. Но тут снова раздались звуки дудочки, и они против воли кинулись на ее зов, в диком неистовстве съезжая вниз по узким щелям в стенах, кувыркаясь и тесня друг друга, неудержимо стремясь выскочить из замка.

Посреди двора стоял какой-то малыш и играл на дудочке. Его окружала огромная стая крыс, зачарованно внимавшая ему. А крысы все прибывали и прибывали. На секунду малыш прервал игру и показал крысам «длинный нос». В этот миг они чуть не бросились на него, чтобы искусать до смерти, но стоило ему заиграть — и крысы снова были в его власти.

Но вот дудочка выманила из замка всех серых крыс до одной, и тогда малыш стал тихонько выбираться со двора на проселочную дорогу. Все серые крысы, не в силах противиться сладостным звукам, последовали за ним.

Малыш шел впереди, увлекая крыс на дорогу в Вальбю, все дальше и дальше от запасов зерна в замке Глиммингехус. Он

петлял и кружил, перескакивал через живые изгороди и канавы. И куда бы он ни шел, крысы неотступно следовали за ним, влекомые звуками его дудочки, похожей на маленький рог какого-то диковинного животного. В наши дни животных с такими маленькими рогами не найдешь! А кто сделал этот рог, того никто не знал. Фламмеа, сова-сипуха, нашла этот рожок в одной из ниш Лундского собора и показала Батаки-ворону. Думали они гадали и решили, что этот рог — один из тех, что в старину изготовляли волшебники, желавшие обрести власть над крысами и мышами. О том, что Фламмеа владеет таким сокровищем, Акка узнала от Батаки-ворона, своего старого друга.

Серые крысы и впрямь не могли устоять против этой дудочки. Мальчик шел впереди и играл до тех пор, пока не погасли звезды, а крысы неотступно следовали за ним. Он играл, когда занималась заря нового дня, он играл, когда всходило солнце, а целые полчища серых крыс все так же неотступно следовали за ним по пятам. И он уводил их все дальше и дальше от запасов зерна в замке Глиммингехус.

V ВЕЛИКИЕ ЖУРАВЛИНЫЕ ПЛЯСКИ НА ГОРЕ КУЛЛАБЕРГ

Вторник, 29 марта

Да, спору нет, много великолепных построек воздвигнуто в Сконе. Но разве найдется среди них хоть одна, стены которой могут сравниться по красоте со склонами старой горы Куллаберг, хотя она отнюдь не большая и не могучая?!

Куллаберг — невысокая, вытянутая в длину гора. На широкой ее крыше встречаются леса и пашни, а кое-где — вересковые пустоши. То тут, то там высятся круглые, поросшие вереском пригорки или оголенные холмы. Вершина особой красотой не блещет, да и вид там не лучше и не хуже, чем на любой другой возвышенности в Сконе. Но это только в том случае, если вы идете по проселочной дороге посреди горного гребня. Тут и в самом деле трудно избавиться от чувства легкого разочарования.

Однако стоит вам свернуть с дороги, подойти к краю горы и глянуть вниз на крутые ее обрывы — дух захватит от представшей перед вами картины. А глаза — разбегаются! Ведь Куллаберг — не то что другие горы, окруженные со всех сторон сушей — долами да равнинами. Куллаберг глубоко-глубоко вдается в море. У подножья этой горы нет даже самой узенькой полоски земли, и ничто не защищает ее от морских волн. Со всех сторон волны бьют в горные склоны, размывают и лепят их по своему желанию.

Потому-то так и живописны эти склоны, что разукрасили их море и его помощник — ветер. Есть на горе Куллаберг глубокие ущелья и черные скалистые пики, до блеска отполированные исхлеставшим их ветром, есть одинокие прибрежные гранитные столбы, торчащие из воды, и темные гроты с тесными входами. Отвесные голые полоски склонов перемежаются здесь с пологими, поросшими чернолесьем; маленькие мысики и заливы с мелкой шуршащей галькой сплошь изрезали берег. Вот величественные гранитные своды, изваянные над водой и напоминающие ворота, и остроконечные каменные глыбы, вечно обрызганные белой пеной, и множество валунов, отраженных в черно-зеленых, невозмутимо-тихих водах бухт. А вот вымытые в скалах пещеры, громадные расселины, так и влекущие храброго путника спуститься вниз, в глубь горы, до самой пещеры сказочного хозяина Куллаберга.

Буйно разрослись здесь, опутав скалы и ущелья, ползучие растения. Есть и деревья. Но сила ветра столь велика, что и

деревьям — да-да, не удивляйтесь — и деревьям, будто лозам, тоже приходится стелиться, чтобы удержаться на обрывах. Даже стволы дубов почти лежат, распростершись на земле, скрытые густыми кронами. А низкорослые буки раскинулись в ущельях как огромные лиственные беседки.

Великолепные горные склоны, безбрежное синее море, прозрачный пряный воздух — все это и делает гору Куллаберг столь милой сердцу людей. С утра до вечера в летние дни тянутся туда нескончаемые толпы. Труднее сказать, чем эта гора так привлекает зверей и птиц и почему они непременно там собираются раз в году на великие игрища. Но таков с незапамятных времен обычай. Если бы перенестись в те далекие времена, когда о берег, обдавая его пенными брызгами, разбилась самая первая волна, можно было бы объяснить, почему животные предпочли гору Куллаберг для своих ежегодных сборищ.

Благородные олени, косули, зайцы, лисы и прочие четвероногие поднимаются на гору Куллаберг накануне праздника ночью, чтобы их не заметили люди. Еще до восхода солнца направляются они к месту игрищ — вересковой пустоши слева от дороги, неподалеку от одной из самых крайних вершин.

Место игрищ со всех сторон окружено круглыми скалистыми пригорками, скрывающими пустошь от постороннего глаза. Увидеть ее можно, если только подойти совсем близко. Впрочем, маловероятно, чтобы в марте туда забрел какой-нибудь путник. Всех чужаков, которые в летнее время обычно бродят вокруг по скалам и карабкаются по горным склонам, уже много месяцев назад прогнали осенние бури. А смотритель маяка на горном мысу, старушка — владелица усадьбы Куллагорден и крестьянин с торпа Куллаторпет со своими домочадцами ходят привычными проторенными тропами, а не бегают по безлюдным вересковым пустошам.

Круглые скалистые пригорки на вересковой пустоши четвероногие занимают по семействам — таков старинный обычай. Каждое семейство держится особняком, хотя в этот день царит всеобщий мир и никто ни на кого не нападает. В этот день самый крохотный зайчишка может проскакать по лисьему пригорку, ничуть не опасаясь за свои длинные ушки.

Заняв места, звери начинают высматривать птиц. В день игрищ всегда стоит хорошая погода. Журавли умеют ее прекрасно предсказывать. Они не стали бы сзывать зверей и птиц, если бы ожидался дождь. Но хотя воздух чист и даль ясна, птиц не видно. А ведь им давно пора бы быть в пути — солнце уже стоит высоко в небе.

Вдруг над равниной то там, то тут появляются маленькие

темные тучки. И вот одна из них плывет вдоль берега Эресунда и внезапно взмывает ввысь к горе Куллаберг. Она нависает над самым местом игрищ, неторопливо поднимаясь и опускаясь, заливая всю пустошь пением и щебетом. Наконец тучка падает на скалистый пригорок, и он мгновенно покрывается серыми жаворонками, нарядными рыже-серо-белыми зябликами, крапчатыми скворцами и зеленовато-желтыми синицами.

Над равниной в сторону горы тянется еще одна тучка. Она останавливается над каждой усадьбой, над лачугами статаров и замками, над торговыми городками и селениями, над крестьянскими дворами и железнодорожными станциями, над рыбачьими поселками и сахарными заводами. И всякий раз всасывает с земли небольшой, взлетающий вихрем ввысь столб крошечных серых пылинок, и от этого все растет и растет, превращаясь в огромную тучищу, которая устремляется к горе Куллаберг. Тень от нее покрывает землю от прихода Хёганес до Мёлле. Застыв над местом игрищ, туча затмевает солнце. Серые воробьи дождем падают на один из скалистых пригорков, и проходит немало времени, прежде чем те, кто летели в самой середке, снова видят ослепительный свет солнца.

Но вот показалась самая большая из всех туч, вобравшая в себя слетевшиеся со всех сторон птичьи стаи. Серо-сизой тяжестью повисает она над землей, и ни единый луч солнца не может пробиться сквозь нее. Туча мрачна и внушает ужас, не меньший, чем грозовая. Она оглушает жутким шумом, криками, зловещим карканьем и хохотом. К счастью, вскоре она разражается ливнем громко хлопающих крыльями ворон и галок, воронов и грачей.

А в небе тем временем появляются какие-то причудливые полоски и знаки. Прямые пунктирные линии на востоке и северо-востоке — это лесные птицы с лесистых склонов Гёйнге: тетерева и глухари, летящие длинными рядами на расстоянии нескольких метров друг от друга. В виде треугольников, длинных зубцов, косых крючков и полукружий парят над Эресундом водоплавающие птицы, обитающие в Моклеппене близ прихода Фальстербу.

На великую встречу зверей и птиц в тот год, когда Нильс Хольгерссон путешествовал по свету с дикими гусями, Акка и ее стая прибыли позднее других. Да и не удивительно! Чтобы добраться до горы Куллаберг, Акке надо было лететь через всю Сконе. Мало того, сколько времени ушло на поиски Малыша-Коротыша, который, играя на дудочке, увел серых крыс на много миль от замка Глиммингехус. Папаша сова вернулся к утру с известием, что черные крысы прибудут в замок сразу же после

восхода солнца, и не беда, если волшебная дудочка совы-сипухи смолкнет, распустив серых крыс на все четыре стороны. Это уже никому не опасно!

В поисках Нильса Акке помогал господин Эрменрих-аист. И вовсе не Акка, а он первым увидел мальчика с его огромной серой свитой. Не раздумывая, он быстро опустился на землю, подхватил малыша клювом и взмыл вместе с ним ввысь. В своем гнезде, куда он доставил мальчика, господин Эрменрих попросил у него прощения за вчерашние обиды.

Это примирило Нильса с аистом, и они стали добрыми друзьями. Акка также выразила мальчику свое дружелюбие, не раз потершись своей старой головой о его руку. Она очень хвалила его за помощь попавшим в беду черным крысам.

Но мальчик, к чести его, не пожелал принять незаслуженную похвалу.

— Нет, матушка Акка, — сказал он, — я выманил серых крыс из замка вовсе не ради того, чтобы помочь черным. Я только хотел доказать господину Эрменриху, что Малыш-Коротыш на что-нибудь да годится.

И тогда, повернувшись к аисту, Акка спросила, не взять ли им Малыша-Коротыша на гору Куллаберг.

— По-моему, на него можно положиться как на самих себя, — добавила она.

Аист горячо поддержал ее:

— Ясное дело, надо взять Малыша-Коротыша на гору Куллаберг, матушка Акка. Это будет ему наградой за все, что он вынес нынче ночью ради нас. Да и мы, к счастью, не останемся перед ним в долгу. Я вел себя не очень достойно вчера вечером и за это сейчас готов сам отнести его на своей спине к месту встречи.

Ну и обрадовался же мальчик ласковым словам дикой гусыни и аиста! Ничего нет слаще на свете, чем похвала тех, кто мудр, умен и благороден.

На гору Куллаберг он летел, сидя на спине аиста. Нильс был польщен такой честью, но и страху натерпелся немало. Ведь господин Эрменрих был мастер летать и мчал вперед куда быстрее, чем дикие гуси. И если Акка спокойно летела по прямой, ровно взмахивая крыльями, то аист по-всякому развлекался в воздухе. Чего только не выделывал он в полете! То, спокойно распластавшись высоко в небе и не шевеля крыльями, плыл по воздуху, то камнем бросался вниз, и тогда казалось, что он вот-вот беспомощно рухнет на землю, то начинал описывать большие и малые круги или вихрем носился вокруг Акки. От страха Нильс не раз сжимался в комочек, но в душе не мог не признать —

прежде он не знал, что такое настоящий полет.

В пути у них была всего лишь одна остановка, когда на озере Вомбшён Акка присоединилась к своей стае, крикнув на лету диким гусям, что серые крысы побеждены. Отсюда путешественники прямиком полетели на гору Куллаберг и опустились на скалистый пригорок, предназначенный для диких гусей. Нильс с любопытством осматривал соседние скалы. Над одной из них поднимались развесистые рога оленей, над другой — хохолки серых цапель. Одна скала была сплошь рыжей от шубок лисов и лисиц, другая — черно-белой от перьев морских птиц, третья — серой от шкурок мышей. Дальний пригорок усеяли непрерывно каркавшие черные вороны, ближний — жаворонки, то и дело взлетавшие в воздух с радостной песней.

Как исстари ведется на горе Куллаберг, торжественное шествие на игрищах открыли вороны. Разделившись на две стаи, они летели навстречу друг другу, слетевшись — тут же разлетались и начинали все сначала. Танец их состоял из множества кругов, казавшихся непосвященным несколько однообразными. Вороны очень гордились своей пляской, не замечая, что все остальные с нетерпением ждут, когда она подойдет к концу. Пляска ворон показалась зрителям столь же мрачной и бессмысленной, как круговерть снежинок во время зимней бури. Все заметно приуныли и хотели скорее увидеть что-нибудь повеселее.

Ожидания их были не напрасны: не успели улететь вороны, как на пустошь хлынула лавина зайцев. Не заботясь о порядке, они мчались и поодиночке, и по трое-четверо в ряд. Затем, встав на задние лапки, зайцы с такой неудержимой быстротой ринулись вперед, что только их длинные уши замотались по сторонам. Они крутились на бегу, высоко подпрыгивая и барабаня себя передними лапками по бокам. Одни кувыркались, другие катились колесом, третьи вертелись волчком, четвертые скакали на передних лапках. Плясали они не в лад, зато своей живостью и весельем приободрили всех зверей, напомнили им, что зима позади, что вслед за весной, приносящей радость и веселье, шествует лето и скоро-скоро жизнь превратится в сплошной праздник.

После зайцев выступили большие лесные птицы. Сотни краснобровых глухарей в блестящем черно-буром оперении расположились на большом «певчем» дубе посреди площадки для игрищ. Сидевший на самой верхней ветке глухарь распушил перья, свесил крылья и красивым веером распустил хвост, так что стали видны белые перья подхвостья.

— Тэек, тэек, тэек! — защелкал-затоковал он, вытянув шею.

Затем, закрыв глаза, прошептал: — Сис, сис, сис! Послушайте, как прекрасно! Сис, сис, сис! — И сам в восторге забыл обо всем на свете.

Пока первый глухарь еще тянул свое «сис, сис, сис», трое других, сидевших веткой ниже, подали свои голоса. Не успели они довести песню до конца, как в хор вступили десять птиц, сидевших еще ниже. Так и пошло: песня переходила с ветки на ветку, пока наконец вся стая глухарей не принялась щелкать и токовать на все лады. Их восторг и ликование передались всем другим птицам и зверям. Еще недавно спокойная кровь жарко закипела. «Да, весна пришла, — думали многие из них. — Ее живительный огонь зажегся над землей. Конец зимним холодам!»

Успех, выпавший на долю глухарей, лишил покоя тетеревов. Но свободного «певчего» дерева, где бы они могли рассесться, не было, и тетерева ринулись на поросшую вереском площадку для игрищ. Из высокого вереска выглядывали лишь их красиво колыхавшиеся хвосты в виде лиры и тонкие клювы. Эти лесные петухи тут же забормотали, забулькали свое.

— Орр-орр-орр! Чуф-ши-ши-ши! Чуф-ши-ши-ши!

Только тетерева начали состязание с глухарями, как случилось нечто неслыханное. Воспользовавшись тем, что все звери и птицы были поглощены тетеревиными играми, один из лисов тихонько прокрался к скалистому пригорку, где расположились дикие гуси. Ступал он крайне осторожно и незаметно для других взобрался почти на самую скалу. Но тут вдруг какая-то гусыня все-таки увидела его и, не веря, что лис может тайком забраться к гусям с добрыми намерениями, подняла крик:

— Берегитесь, дикие гуси, берегитесь!

Лис схватил гусыню за горло, скорее всего чтобы заставить ее замолчать. Но дикие гуси уже услыхали крик и все до единого поднялись в воздух. На опустевшей скале животные увидели Смирре-лиса с мертвой гусыней в зубах.

За столь бесчестное нарушение мира в день игрищ Смирре-лиса постигла такая суровая кара, что до конца дней своих пришлось ему сожалеть о том, что, не сумев пересилить жажду мести, он пытался вот так вероломно добраться до Акки и ее стаи.

Смирре был мигом окружен целым полчищем лисов и лисиц, которые и вынесли ему приговор согласно древнему закону: нарушивший мир в день великих игрищ должен немедленно отправиться в изгнание. Ни один из лисьего народа не пожелал ходатайствовать о смягчении приговора. Все знали, что просителей тут же изгонят с места игрищ и никогда более не дозволят ступить туда лапой. Так Смирре был единодушно

объявлен вне закона, отныне ему запрещалось пребывать в Сконе. Лиса отлучили от жены и родичей, от охотничьих угодий, отчей норы, мест отдыха и убежищ, которыми он владел доныне, и предоставили право искать счастье на чужбине. А чтобы все лисы и лисицы в Сконе знали, что Смирре вне закона в здешних краях, старейший из лисов прокусил ему кончик правого уха. Почуяв запах крови, завыли и бросились на Смирре молодые лисы. Поневоле пришлось ему спасаться бегством. По пятам преследуемый молодыми лисами, он с позором удирал с горы Куллаберг.

Глухари и тетерева продолжали тем временем свои игрища. Птицы были так поглощены собственным токованием, что не заметили даже разбойничьей выходки Смирре.

После игрищ лесных птиц зрители увидели боевые турниры благородных оленей из Хеккеберги. Несколько пар оленей состязались одновременно. Стремительно бросались они друг на друга, сшибаясь и сплетаясь ветвистыми рогами и всячески стараясь оттеснить друг друга назад. Поросшие вереском кочки так и летели у них из-под копыт, пар клубился из ноздрей, из глоток вырывался жуткий рев, по взмыленным бокам стекала пена.

На скалистых пригорках царила мертвая тишина — все затаили дыхание. У восхищенных животных пробуждалась и отвага, и сила, готовность к борьбе и приключениям. Они не испытывали вражды друг к другу, и тем не менее на всех скалах воинственно хлопали крылья, топорщились хохолки, точились когти. Продли благородные олени из Хеккеберги еще немного свои состязания, на скалах началось бы страшное побоище. Всех охватила жгучая жажда жизни, желание показать, что они тоже преисполнены силы. Кончилась зимняя спячка!

Но благородные олени вовремя прекратили свои состязания, и тотчас от скалы к скале пронеслось:

— Теперь черед журавлей!

И вот со скалистого пригорка заскользили на пустошь серые, точно окутанные сумеречной дымкой, огромные длинноногие птицы со стройными шеями и маленькими головками, увенчанными хохолками из красных перьев. В каком-то таинственном забытьи соскальзывали они вниз и кружились, не то паря в воздухе, не то легко касаясь земли. Затейливо приподняв крылья, птицы исполняли какой-то сказочно прекрасный, невиданный танец. Казалось, будто серые тени затеяли игру, за которой едва ли в состоянии уследить взор. Не у туманов ли, витающих над уединенными болотами, обучились птицы этому танцу?

От пляшущих журавлей веяло каким-то волшебством. И все, кому никогда прежде не доводилось бывать на горе Куллаберг, поняли, почему этот весенний праздник носит название Журавлиные пляски. В них таилось нечто странное, даже дикое, хотя чувства, которые они возбуждали, были сладостные и томительные. Никто и не думал больше о битвах и сражениях. Зато все они — крылатые и бескрылые — жаждали теперь одного: отрешившись от тяжести бренного тела, тянувшего вниз, к земле, подняться в бесконечные выси, вознестись над облаками, поглядеть, что там, над ними.

Такую страстную жажду непостижимого, таинственного животные испытывали лишь раз в году, в тот день, когда они видели великие журавлиные пляски.

VI НЕНАСТЬЕ

Среда, 30 марта

Был первый дождливый день за все время путешествия. Пока дикие гуси оставались в окрестностях озера Вомбшён, стояла прекрасная погода. Но только они отправились в путь, как начался дождь. Промокшему насквозь Нильсу пришлось несколько часов, дрожа от холода, просидеть на спине гусака.

Утром, когда они снялись с места, небо было ясным и спокойным. Дикие гуси не спеша летели высоко в поднебесье, ровно взмахивая крыльями. Возглавляла клин, как всегда, Акка. Остальные гуси двумя косыми рядами тянулись за ней. На этот раз они не тратили время на шутливую перебранку с домашними животными, которых видели внизу на полях и во дворах. Но молча лететь им было тоже невмоготу — и они непрерывно, с каждым взмахом крыльев, издавали обычный призывный клич: «Где ты?» — «Я здесь!» — «Где ты?» — «Я здесь!»

Свою оживленную перекличку гуси прерывали время от времени для того, чтобы показать белому гусаку дорожные знаки, по которым они держали путь на север. Вехами в полете им служили покрытые скудной растительностью холмы горной гряды Линдерёдсосен, помещичья усадьба Увесхольм, колокольня Кристианстада, королевская усадьба Бекаскуг на узком мысу меж озерами Опманнашён и Ивешён, а также крутой обрыв горы Рюсбергет.

Летели они безо всяких происшествий, и когда стали появляться дождевые тучи, мальчик обрадовался — хоть какое-то развлечение. С земли дождевые тучи казались ему раньше серыми и скучными. Лететь же среди них в небе — совсем иное дело. Это — все равно что оказаться среди громадных повозок, разъезжающих по небу с кладью. На одних повозках громоздятся огромные серые мешки, на других — бочки, такие большие, что могли бы вместить целое озеро, на третьих — чаны и бутыли. Но вот будто кто-то невидимый подал заполонившим весь небосвод повозкам знак, и в тот же миг изо всех бутылей, чанов, бочек и мешков хлынули вниз потоки воды.

Шум первого весеннего дождя слился с радостным щебетом мелких пташек; в рощах и на лугах поднялся такой счастливый гам и крик, что дрогнул воздух, а мальчик, сидевший на спине гусака, аж подпрыгнул.

— Вот и дождь! С дождем приходит весна, весна приносит цветы и зеленые листочки, на зеленых листочках и цветах

появляются личинки и насекомые, личинки и насекомые кормят нас. А обильный хороший корм — самое лучшее на свете! — пели пташки.

Дикие гуси тоже радовались дождю. Ведь дождь пробудит растения от спячки, пробьет полыньи в ледяной крыше озер. Не в силах сохранять прежнюю серьезность, они веселыми криками оглашали все вокруг.

Пролетая над обширными картофельными полями в окрестностях Кристианстада, оголенными и почерневшими, гуси кричали им:

— Проснитесь, поля, и — за дело! Хватит лентяйничать! Теперь-то есть кому вас разбудить!

Поспешно прятавшихся от дождя людей гуси попрекали:

— Куда спешите? Неужто вы не видите, что с неба падают караваи хлеба и лепешки! Караваи хлеба и лепешки!

Огромная мрачная туча быстро неслась к северу, неотступно следуя за гусями. А те, казалось, вообразили, будто это они тащат ее за собой и, видя внизу большие сады, гордо кричали:

— Мы несем вам подснежники, мы несем вам розы, мы несем яблоневый и вишневый цвет, мы несем горох и бобы, репу и капусту! Кому охота, подставляйте горсть! Кому охота, подставляйте горсть!

Они еще долго так кричали, радуясь первому ливню. Но дождю не видно было конца. Он лил как из ведра и после полудня. Гуси, потеряв терпение, стали кричать жаждущим влаги лесам вокруг озера Ивешён:

— Мало вам, что ли? Мало вам, что ли?

Небо все больше затягивало свинцово-серой пеленой, а солнце спряталось так далеко за тучи, что никто не мог понять, где оно. Дождь все усиливался. Он тяжело барабанил по крыльям гусей, пробираясь сквозь жирные перья к самой коже. Дождевая завеса заслонила землю: озера, горы и леса слились в туманной круговерти, и стало невозможно разглядеть дорожные вехи. Гуси летели все медленнее, веселые крики смолкли. Мальчику стало очень холодно.

Хотя у Нильса было тяжело на сердце, но, мчась верхом в небе, он не терял мужества. Старался он не падать духом и тогда, когда после полудня дикие гуси приземлились под карликовой сосенкой посреди большого болота. Здесь было сыро и холодно, на отдельных кочках еще лежал снег, другие обнаженно торчали из полуталой ледяной воды. Нильс сразу же принялся за дело: он усердно искал мерзлую клюкву и бруснику. Но вот настал вечер, болото окутала такая густая мгла, что даже зоркие глаза мальчика ничего не могли разглядеть. Безлюдная дикая пустошь

вселяла в него ужас. Мокрый и озябший, он забрался под крыло гусака, но уснуть не мог. Ему слышались какие-то шорохи, шелест, тихие крадущиеся шаги, дальние грозные голоса. А где-то светло и тепло… «Хоть бы одну-единственную ночь провести среди людей, — думал мальчик. — Посидеть бы немного у очага и чего-нибудь поесть. К диким гусям я мог бы вернуться еще до восхода солнца».

Нильс тихонько выполз из-под крыла и соскользнул на землю. Не разбудив ни Мортена, ни других гусей, он осторожно и незаметно прокрался через болото.

Где на сей раз приземлились гуси — на землях Сконе, Смоланда или Блекинге, — мальчик толком не знал. Но перед тем как опуститься на болоте, он мельком сверху увидел большое селение, какие часто встречаются на севере и каких не увидишь на равнинах юга; туда-то он и направился. Вскоре он набрел на дорогу, которая вывела его на длинную, засаженную деревьями сельскую улицу, образованную стоявшими бок о бок усадьбами.

Жилые дома здесь были деревянные, нарядные, многие из них — с резными карнизами, с верандами, застекленными разноцветным стеклом. На окрашенных светлой масляной краской стенах четко выделялись голубые, зеленые и красные, точно огоньки, двери и оконные наличники. В теплых горницах болтали и смеялись люди. Разобрать их слов он не мог, но как отрадно было слышать человеческие голоса! А при виде освещенных окон страх с него как рукой сняло. Зато он снова почувствовал ту робость, которая теперь всегда нападала на него вблизи людей. «Как меня встретят, если я постучусь и попрошу позволения войти? — гадал мальчик. — Надобно, пожалуй, часок-другой присмотреться, прежде чем попроситься в дом», — решил он.

В это мгновение балконная дверь дома, мимо которого он проходил, распахнулась, и желтый свет заструился сквозь тонкие легкие занавески. Красивая молодая женщина вышла на балкон и оперлась на перила.

— Дождь идет, наступает весна, — сказала женщина.

При звуке ее голоса мальчик чуть не заплакал — такое безотчетное волнение охватило его. Впервые он почувствовал сожаление, что сам изгнал себя из мира людей.

Вскоре он оказался около торговой лавки. Перед ней стояла красная сеялка. Нильс долго смотрел на нее, потом влез на козлы, защелкал языком, воображая, будто правит лошадьми. Как весело было бы прокатиться на такой ладной машине по полю! На миг он даже забыл, кто он теперь, но вспомнив, быстро соскочил с сеялки. «Немало теряет тот, кто обречен жить среди птиц и

зверей», — с грустью думал охваченный беспокойством мальчик.

Проходя мимо почтовой конторы, он вспомнил о газетах, которые каждый день приносят вести со всех концов света. Аптека и жилище лекаря навели его на мысль о могуществе людей — ведь они могут бороться с болезнью и смертью… И чем дальше он шел, тем большим уважением проникался к людям.

Как и все дети, Нильс Хольгерссон не отличался предусмотрительностью. Подавай ему то, что захочется, — и все тут. А какой это будет куплено ценой, ему безразлично. Только сейчас он начал в полной мере понимать, как много утратил, решившись остаться домовым. Испуг охватил его: неужели ему не суждено снова сделаться человеком? И что нужно для того, чтобы опять стать обыкновенным мальчиком? Дорого дал бы он за добрый совет.

Нильс влез на крыльцо чужого дома и долго сидел в раздумье под проливным дождем. Он сидел час, сидел два и все думал, думал — аж голова у него пошла кругом. Но ничего дельного придумать не мог. В чем его спасение — он не знал.

«Слишком трудная эта задача для такого неуча, как я, — решил мальчик. — Все равно придется идти к ученым людям, они найдут средство от моей беды. Спрошу-ка я пастора, либо лекаря, либо школьного учителя».

Нильс решительно встал, передернув плечами от холода. Он насквозь промок, словно окунувшаяся в лужу собачонка.

И тут вдруг мальчик увидел большую сову, опустившуюся на ближайшее дерево. Из-под стропил ее приветствовала другая сова-неясыть.

— Ух-ух! Ух-ух! Чи-витт! Чи-витт! Наконец-то ты снова дома, сова болотная. Каково тебе жилось за морем? — заухала она.

— Спасибо тебе, сова лесная! Жилось мне неплохо. Что новенького случилось здесь за это время?

— У нас в Блекинге ничего особенного. А вот в Сконе одного мальчишку заколдовали и превратили в домового, да такого малюсенького! Ну что твой бельчонок! И он полетел в Лапландию на спине домашнего гуся.

— Удивительная новость, поразительная новость! И ему никогда не стать снова человеком? Никогда не стать снова человеком?

— Это тайна, сова болотная, это тайна, но тебе я ее открою! Домовой сказал, что если мальчик будет днем и ночью оберегать домашнего гусака и тот вернется домой цел и невредим, то…

— И что тогда, скажи? Что тогда? Что тогда?

— Полетим на колокольню, сова болотная, и ты все узнаешь! Как бы не подслушал кто на улице!

Едва совы скрылись, Нильс радостно подбросил свой колпачок в воздух.

— Если я буду днем и ночью оберегать домашнего гусака и тот вернется домой цел и невредим, я снова стану человеком! Ур-ра! Ур-ра! Я снова стану человеком!

Нильс громко кричал «ура», и просто удивительно, как его никто не услышал: в селении по-прежнему царила тишина. Со всех ног он пустился обратно на сырое болото, к диким гусям.

VII КРЫЛЬЦО С ТРЕМЯ СТУПЕНЬКАМИ

Четверг, 31 марта

На следующий день гусям предстоял перелет через уезд Альбу в провинции Смоланд. Но вернувшиеся из разведки Юкси и Какси сообщили, что воды там еще покрыты льдом, а вся земля — снегом.

— Га-га-га! Останемся здесь! — загоготали дикие гуси. — Мы не можем лететь через страну, где нет ни воды, ни травы!

— Останься мы здесь, неизвестно, сколько придется дожидаться тепла, может быть, целый месяц, — возразила Акка. — Полетим-ка лучше на восток, через Блекинге, авось удастся перебраться оттуда в Смоланд через уезд Мёре. Мёре совсем близко от побережья, там рано наступает весна.

И вот стая уже летит над Блекинге. При свете дня Нильс снова повеселел. Вчерашних страхов как не бывало, и он не мог понять, что это на него нашло. Теперь он, ясное дело, и не думал отказываться от путешествия с гусями и от жизни на безлюдных диких пустошах.

Тяжелая дождевая завеса обволокла Блекинге, и мальчик не мог разглядеть, какова она, эта провинция. «Хороша ли, плоха ли земля, над которой я пролетаю?» — гадал он, пытаясь припомнить, чему его учили в школе. Хотя что ему было припоминать? Ведь он не имел обыкновения готовиться к урокам. Не учил он и про Блекинге.

И вдруг мальчику явственно представилась его школа. Ученики сидят за маленькими партами и поднимают руки, учитель — лицо-то какое недовольное — на кафедре. А сам он, Нильс, стоит у географической карты и должен отвечать на какие-то вопросы о Блекинге. Время идет, а он молчит. Лицо учителя мрачнеет. Он хотел бы почему-то, чтоб ученики знали географию лучше всех других предметов. Вот учитель сходит с кафедры, берет у Нильса указку и отсылает его на место. Нильс как сейчас помнит, что он тогда подумал: «Мне это даром не пройдет».

Немного постояв у окна, учитель начинает рассказ про Блекинге. До чего ж увлекательно он говорит, если даже Нильс слушает учителя! Он и сейчас может вспомнить каждое его слово.

— Провинция Смоланд похожа на высокий-превысокий дом с елями на крыше, а перед ним широкое крыльцо, с тремя большими ступенями. И зовется то крыльцо Блекинге. Крыльцо это немалой величины. Оно тянется на восемь миль вдоль фасада смоландского дома, а тому, кто захочет спуститься с крыльца к

Балтийскому морю, придется идти целых четыре мили. И до того удобно спускаться по этому крыльцу из Смоланда к Балтийскому морю!

Немало времени потребовалось природе, чтобы высечь из гранита эти первые ступеньки, поначалу ровные и гладкие. Раз крыльцо такое древнее, у него теперь, само собой, совсем иной вид, нежели раньше. Не знаю уж, как там было в старину, вряд ли тогда пеклись о чистоте, да, пожалуй, и не нашлось бы такой метлы, чтобы подметать это огромное крыльцо. Постепенно оно стало зарастать мхом да лишайником, по осени задувало сюда сухую траву и листья, по весне с потоками воды заносило камни и щебень. Все это накапливалось и гнило, и под конец на площадках собралось столько чернозема, что здесь смогли пустить корни не только травы, но даже кусты и большие деревья. Однако с годами усиливалось и различие между тремя ступенями. Верхняя, самая ближняя к Смоланду, была покрыта большей частью тонким слоем земли и мелким гравием. Из деревьев здесь смогли прижиться только белая береза, черемуха да ель, которые способны выносить холода, нередкие на такой высоте, и довольствоваться малым. О скудости и бедности здешних мест можно судить по тому, как малы лоскутки полей, отнятые у лесных угодий, как скромны дома, которые строят себе люди, по тому, как далеко отстоит одна церковь от другой.

На средней ступеньке земля более плодородна и не скована так лютыми холодами. Деревья тут выше и более благородных пород: рябина и дуб, липа и плакучая береза. Здесь, в отличие от верхней ступеньки, много возделанных земель, больших и красивых домов. Понастроили тут также множество церквей и крупных селений вокруг них. И стала ступенька эта с виду куда лучше верхней.

Но прекраснее всех самая нижняя ступень; она обильно покрыта доброй землей, омывается морем и поэтому понятия не имеет о смоландских морозах. Тут, у моря, прекрасно произрастают, благоденствуя, и буки, и каштаны, и грецкий орех. Вырастают они высокими-превысокими — выше церквей. И пашни здесь самые большие, но люди занимаются не только земледелием и лесным промыслом. Многие отдают предпочтение рыбной ловле, торговле и мореплаванию. В этом богатом краю воздвигнуты и самые дорогие дома, и красивейшие церкви, а церковные приходы разрослись в торговые поселения и в города.

Но это еще не все о трех ступеньках. Представьте себе: на крышу смоландского дома обрушился дождь или ее затопил растаявший снег. Куда, по-вашему, стекает вода? А вот куда: она сбегает вниз по огромному крыльцу. Вначале она, вероятно, текла

во всю его ширину, но потом в нем появились промоины, и вода мало-помалу приучилась течь по нескольким размытым ею руслам. А вода она вода и есть: ни отдыха, ни покоя не знает. В одном месте промоет землю, просочится в нее и исчезнет как не бывало, в другом — вдруг появится снова. Долины в руслах рек она покрыла землей, позднее тут обильно разрослись кустарники, ползучие растения и деревья. В их зеленом обрамлении бешено мчатся вниз, к морю, водные потоки. Пенящимися водопадами падают они с края ступенек. Здесь-то неистовая сила воды и вращает колеса мельниц и фабричных машин. И петому у каждого водопада повырастали мельницы и фабрики.

Да разве все про эти ступеньки расскажешь?!

Припоминается еще одна история.

Жил некогда в огромном смоландском доме мудрый великан. Вот состарился великан, и стало ему трудно с огромного крыльца к морю спускаться — рыбу ловить. Если б еще обратно подниматься не надо было! И стал он думать, как бы заставить самих лососей вверх, против течения, к его жилищу плыть.

Взобрался он на крышу своего дома и давай оттуда со страшной силой громадные камни в Балтийское море через всю провинцию Блекинге швырять. Попадало тут в море камней видимо-невидимо. Испугались лососи и стали в устьях блекингских рек и речек спасения искать — вверх против течения устремились. Не остановили их ни пороги, ни стремнины, ни даже водопады. Плыли они плыли и очутились в самой глубине Смоланда, под рукой у старого великана.

Правда это или нет, видно из того, сколько островков и шхер разбросано у берегов Блекинге. Это все те громадные камни, которые великан в море швырял. Да и лососи с тех пор всегда из моря в блекингские реки плывут и, не страшась преград на пути, пробираются до их верховий в Смоланд.

Ну, а великану тому от смоландцев — вечная благодарность и честь! Ведь по сей день лососи в порожистых речках да каменоломни в шхерах кормят многих из них.

VIII У РЕКИ РОННЕБЮ

Пятница, 1 апреля

Ни диким гусям, ни Смирре-лису и в голову не приходило, что они, покинув Сконе, где-нибудь встретятся. Однако пути их скрестились в Блекинге, куда отправился Смирре-лис и куда полетели дикие гуси. Случилось это в безлюдном северном краю провинции. Смирре не нашел здесь ни одного парка при помещичьей усадьбе, ни одного заказника, где бывает полным-полно косуль с детенышами. Ну и зол же был лис, просто слов нет!

Однажды после полудня, рыская в глухих лесах Мелланбюгдена, неподалеку от реки Роннебю, он увидел в воздухе стаю диких гусей. Лис тут же заметил среди них одного белого гусака и сразу догадался, что это за стая.

Смирре погнался за гусями — не только чтобы хорошенько полакомиться, но и ради того, чтобы отомстить за все нанесенные ему обиды. Сначала гуси летели на восток, а у реки Роннебю повернули на юг. Значит, гуси ищут пристанище на берегу, обрадовался Смирре. Скорее туда! Уж теперь-то он без особого труда схватит одного-двух!

Река Роннебю не так уж велика и могуча, а легенд о ней сложено немало. Берега ее удивительно живописны. Река часто пролагает себе путь между обрывистыми горными склонами, что отвесно встают из воды. А наверху они сплошь поросли жимолостью и черемухой, боярышником и ольхой, рябиной и ветлой. До чего отрадно плыть прекрасным летним днем по маленькой темной реке и любоваться нежной зеленью, которая крепко обвивает грубые скалистые стены!

Правда, в тот холодный, ненастный, не то зимний, не то весенний день, когда дикие гуси оказались у реки, деревья еще стояли обнаженные, а окрестности были пустынны и мрачны. И никому не было дела до того, красивы ли берега реки Роннебю. Дикие же гуси были бесконечно счастливы, найдя под высокой скалистой кручей надежное и удобное пристанище. Это была песчаная отмель, такая узенькая, что стая едва-едва уместилась на ней. С одной стороны ее защищала река, стремительная и бурная, как всегда в пору весеннего половодья; позади высилась неприступная скалистая стена, а свисающие сверху ветки укрывали стаю от посторонних глаз. Лучше и не придумаешь!

Чувствуя себя в безопасности, гуси тотчас заснули. Не спал только Нильс. Его охватила тоска по людям, мучила какая-то

тревога, страх перед темнотой. Случись что — под гусиным крылом ничего не увидишь. А ведь ему нужно теперь особенно старательно оберегать своего гусака, если он хочет снова стать человеком. Мальчик выполз из-под крыла Мортена и сел рядом с ним на землю.

В это время на верху скалистой стены стоял Смирре и с досадой смотрел на спящую стаю. Он сразу понял, что место, где расположились гуси, хорошо защищено и для него недоступно.

«Брось охотиться за ними! — уговаривал он самого себя. — Разве можно спуститься вниз с такой кручи, разве можно переплыть такой бурный поток? А у подножья горы нет даже самой узенькой тропки, которая бы вела к отмели, где спят гуси. Где тебе их перехитрить! И думать забудь — охотиться за ними!» Но Смирре, как всякому другому из лисьего племени, трудно было отказаться от задуманного. Понадеявшись на случай, он улегся на самом краю обрыва, не спуская глаз с диких гусей. Сколько бед претерпел он по их вине! А теперь его изгнали из родных мест, из Сконе, и он вынужден скитаться в этом нищенском краю — Блекинге! Нет на них погибели! Пусть даже они достанутся на обед кому-нибудь другому, он все равно будет счастлив.

Вдруг Смирре услышал шорох — из ветвей высокой сосны, что росла неподалеку, выскочила белка, а следом куница, которая ее ожесточенно преследовала. Белка стрелой перелетела на соседнее дерево и понеслась с ветки на ветку легко и стремительно. Куница от нее не отставала, мчась по веткам так уверенно, словно по ровным тропинкам в лесу.

«Вот бы мне так, хоть наполовину, — позавидовал Смирре-лис, не замеченный ни белкой, ни куницей. — Не поздоровилось бы тогда этим гусям!»

Вскоре охота кончилась. Смирре направился к кунице, но остановился на почтительном расстоянии в знак того, что не собирается отнимать у нее охотничий трофей. Учтиво поздоровавшись, лис поздравил куницу с добычей — как и все его сородичи, Смирре умел говорить складно и красноречиво. Куница же едва удостоила его ответом. Она была настоящая лесная красавица: длинное узкое туловище, тонко очерченная головка, мягкая золотистая шерстка, светло-палевое пятно на шейке. Но при всей своей куньей красоте эта грубая лесная хищница воспитанностью не отличалась.

— Удивляюсь, — вкрадчиво произнес Смирре, — что такая искусная охотница довольствуется белками, тогда как совсем близко — рукой подать — есть дичь куда лучше!

Куница, нагло ухмыльнувшись, лишь хищно оскалила зубы,

но лис не унимался:

— Неужели ты не видала здесь под скалой диких гусей? — И добавил с издевкой: — Может, ты по скалам не умеешь карабкаться и тебе до них не добраться?

Шерсть куницы встала дыбом и, изогнув спину, она подскочила к лису.

— Ты видел диких гусей? — прошипела она. — Где они? Говори скорее, а не то горло перегрызу.

— Ну-ну, потише! Ведь я вдвое больше, чем ты, и не мешало бы тебе быть чуточку поучтивее. Да я только и мечтаю натравить тебя на диких гусей.

Мгновение — и юркая куница уже на краю обрыва. Смирре, глядя, как извивается ее узкое, змеиное туловище и как ловко она прыгает с ветки на ветку, думал: «У этой красавицы охотницы самое жестокое сердце во всем лесу. Ну и поблагодарят же меня гуси, когда проснутся!»

Но вместо предсмертного гоготанья гусей Смирре неожиданно услышал всплеск воды — это куница плюхнулась в реку. Тотчас же раздалось громкое хлопанье крыльев и вся стая гусей взмыла в воздух.

Смирре хотел было броситься вслед за гусями, но его разбирало любопытство: как это им удалось спастись? И он подождал, пека куница не выбралась на берег. Бедняга промокла насквозь и то и дело останавливалась — потереть передними лапками голову.

— Говорил я тебе, что ты растяпа и непременно скувырнешься в реку?! — презрительно пролаял Смирре.

— Вовсе я не растяпа. Нечего обзываться! — огрызнулась куница. — Я уже сидела на одной из нижних веток и прикидывала, как бы мне задрать побольше гусей. И вдруг — откуда ни возьмись — совсем маленький мальчишка, не больше бельчонка, как швырнет мне в голову камнем, да с такой силой, что я тут же свалилась в воду. И не успела я выбраться на берег…

Но Смирре-лису некогда было ее выслушивать, он уже несся вперед, боясь упустить стаю гусей из виду.

Акка в поисках нового места для ночлега стремительно летела на юг. Еще не совсем стемнело, к тому же полумесяц сиял высоко в небе и можно было кое-что разглядеть. К счастью, гусыня чувствовала себя в здешних краях как дома. Не раз по весне, когда она перелетала Балтийское море, ее заносило ветром в Блекинге. Она летела вдоль черной, извивающейся, точно змея, сверкающей реки до самого водопада Юпафорс над залитой лунным светом местностью. У водопада река сначала ныряет в подземный проход, а потом, чистая и прозрачная, будто вылитая

из стекла, бурным потоком низвергается в тесное ущелье, разлетаясь на дне его миллионами сверкающих брызг и покрываясь белой летучей пеной. У подножья бушующего водопада, на валунах, окруженных бурлящей водой, и приютилась стая, снова выбрав себе казавшееся безопасным местечко для ночлега. Но до захода солнца Акка вряд ли решилась бы здесь приземлиться: ведь окрестности водопада Юпафорс никак не назовешь дикими и безлюдными. На одном берегу недалеко от водопада расположена бумажная фабрика, на другом, крутом и обрывистом, раскинулся густой, весь заросший парк помещичьей усадьбы Юпадаль, где по скользким, опасным тропам вечно бродят люди, любующиеся бурным течением дикого потока внизу в ущелье.

Здесь, как и на песчаной отмели, диких гусей ничуть не волновали красоты столь прославленных мест. Не сладко было им спать на холодных, мокрых валунах у подножья водопада. Но может быть, хоть тут-то хищники оставят их в покое…

Гуси заснули. Один лишь Нильс, не знавший отдыха и покоя, бодрствовал, охраняя белого гусака.

Вскоре по речному берегу примчался к гремящему водопаду Смирре. Он сразу увидел гусей, спавших среди пенной круговерти. Нет, туда ему не добраться!

Вдруг, откуда ни возьмись, невдалеке от сидевшего на берегу Смирре из воды вынырнула выдра с рыбой в зубах. Лис направился к ней, но остановился на почтительном расстоянии в знак того, что не собирается отнимать у нее охотничий трофей.

— Эх ты! Довольствуешься какой-то жалкой рыбешкой, когда совсем рядом на валунах столько диких гусей! — презрительно заговорил Смирре. От нетерпения он даже не заботился о том, чтобы говорить складно.

Выдра даже не повернула головы. Кочевница, как и все ее сородичи, она не раз ловила рыбу на озере Вомбшён и прекрасно знала Смирре-лиса.

— Знаю, знаю, Смирре, как сладко ты поешь, когда хочешь выманить у кого-нибудь форель!

— Так это ты, Грипе! — обрадовался лис, узнав старую знакомую. — Не удивительно, что на диких гусей ты и взглянуть не желаешь: тебе до них все равно не добраться!

— Не добраться?

Это ей-то, дерзкой охотнице и отменной пловчихе с удобными плавательными перепонками на лапах, с сильным, как весло, хвостом и непромокаемой шубкой? Да нет на свете такого водопада, которого ей не переплыть! Повернувшись, она кинула взгляд на диких гусей и, отшвырнув в сторону рыбу, ринулась с

крутого берега в бурный поток.

Если бы дело происходило чуть попозже и соловьи юпадальского парка уже успели бы вернуться из дальних краев домой, они много-много ночей подряд воспевали бы опасное единоборство выдры Грипе с водопадом.

Это было отважное путешествие, достойное соловьиных песен. Волны не раз отбрасывали выдру в сторону и уносили вниз по реке. Но она не сдавалась и, сопротивляясь течению, переползая через камни, мало-помалу продвигалась все ближе к валунам, на которых спали дикие гуси.

Смирре неотрывно следил за выдрой. Вот-вот она вскарабкается на гусиный пятачок! Но вдруг, дико вскрикнув, Грипе рухнула с валуна, и волны понесли ее прочь, словно слепого котенка. Гуси громко загоготали, захлопали крыльями и поднялись в воздух. Им вновь пришлось покинуть свою стоянку.

Выдра вскоре выбралась на берег и молча стала зализывать переднюю лапу. Смирре осыпал ее градом насмешек, и Гриле, не выдержав оскорблений, разразилась целой речью:

— Уж что-что, а плавать-то я умею, Смирре. Я добралась до валунов, на которых спали гуси, и только было собралась к ним вскарабкаться, как вдруг, откуда ни возьмись, подбежал ко мне маленький-премаленький мальчишка да как кольнет лапу острой железкой! От боли я потеряла опору под ногами, течение подхватило меня, и не успела я выбраться на берег…

Но Смирре-лису некогда было ее выслушивать. Он уже несся вперед, боясь упустить стаю гусей из виду.

Снова пришлось Акке и ее стае обратиться той ночью в бегство. Луна еще не зашла, и ее свет помог гусыне найти новое место для ночлега, одно из тех, что она знала в здешних краях.

Стая гусей опять летела на юг вдоль сверкающей ленты реки. Позади осталась помещичья усадьба Юпадаль, темные крыши городка Роннебю и белопенный водопад. Акка вела стаю к целебному источнику, который также зовется Роннебю и находится чуть южнее этого городка, неподалеку от моря. Птицам было хорошо известно, что его купальни, курзал, гостиницы и летние домики для приезжих зимой пустуют, и бесчисленные птичьи стаи во время ненастья находят приют на их балконах и верандах. На одном из балконов устроилась на ночлег и стая Акки. Усталые гуси сразу заснули. Но Нильс спать не мог — боялся, забравшись под крыло Мортена, прокараулить его.

С балкона, где сидел Нильс, хорошо было видно широко раскинувшееся вдали море. И раз уж сон к нему не шел, мальчик стал смотреть, как здесь, в Блекинге, море встречается с сушей.

Ведь в разных местах они встречаются по-разному. Кое-где

суша спокойно спускается к морю своими плоскими, усеянными кочками заболоченными берегами. Море же приветствует сушу наносными песками, которые оно выбрасывает на берег в виде высоких валов и дюн. Но порой кажется, будто море и суша ненавидят друг друга настолько, что желают казаться много хуже, чем они есть. Суша, опускаясь к морю, воздвигает перед ним высокую скалистую стену, словно спасается от врага. В ответ на это море приступом идет на сушу: насылает яростные прибои, ревет, хлещет о берег и бьет с размаху в утесы. Кажется, что море жаждет растерзать сушу на части.

Но в Блекинге все было по-другому. Тут земля дробится на мысы, острова и скалистые островки — шхеры, а море делится на заливы, бухты и проливы. От этого, может, и кажется, что море и суша встречаются здесь в радости и согласии

Но прежде — о море. Пустынное и безбрежное, оно простирается далеко-далеко! А дел у него только и есть, что катить да перекатывать свои седые волны. Подступая к берегу, море наталкивается на первые шхеры и тотчас овладевает ими стирает с лица земли всю зелень и делает шхеры такими же голыми и седыми, как оно само. Первые шхеры раздеты и ограблены так, словно они побывали в руках у разбойников. Но ближе к берегу шхеры встречаются все чаще и чаще. Самые малые дети матери-земли, они будто взывают к милосердию. И море постепенно смягчает свой норов, становится все спокойней и ласковей. Все ниже вздымает оно волны, укрощает бури, щадит зелень в расселинах скал, разветвляется на мелкие заливы и проливы. А у самой суши становится таким кротким и безопасным, что даже маленькие суденышки отваживаются плавать в прибрежных водах. Светлое и ласковое, море, наверное, само себя не узнает.

А теперь — о суше. В Блекинге она довольно однообразна и почти всюду покрыта ровными полями. Лишь кое-где она то зашумит березовыми рощами, то встанет длинной цепью горного хребта, поросшего лесом. Кажется, земля только о том и думает, чтобы взрастить сосны да ели, овес, картофель да репу. Но вот какой-то морской залив глубоко врезается в сушу, и — хотя он ей безразличен — она окаймляет его березняком и ольшаником, словно залив этот — обычное пресноводное озеро. А вот еще один залив! И его она наряжает, как и первый. Но заливов все больше и больше, они все шире и шире и все глубже вторгаются в сушу, дробя на части пашни и леса. Тут земля уже не может оставаться равнодушной.

— Никак само море жалует ко мне в гости! — говорит она и начинает поспешно прихорашиваться, готовясь к встрече:

сглаживает и раздвигает холмы, высылает навстречу морю острова и островки — малых своих детей. Сосновый и еловый будничный убор она и знать больше не желает — сбрасывает с себя, будто старое платье, и щеголяет теперь в наряде из рослых дубов, лип и каштанов, украшает себя цветущими лугами. Теперь она до того изменилась, что напоминает парк в помещичьей усадьбе и, наверное, сама себя не узнает.

Особенно преображается суша летом. Сейчас же стояла ранняя весна, но Нильс даже ночью почувствовал, как привлекательно и дружелюбно приморье, и на душе у него стало немного спокойнее, чем раньше.

Внезапно внизу, в парке, раздался протяжный и жуткий вой. Мальчик поднялся на ноги и при свете ясного месяца увидел — на лужайке под балконом стоит лис. Смирре снова напал на след гусей. Но когда он понял, что и здесь они для него недоступны, он не удержался и завыл от злости.

Этот вой разбудил старую Акку, чуткую предводительницу стаи. Хотя гусыня почти ничего не видела в темноте, по голосу она сразу узнала лиса.

— Это ты, Смирре, рыскаешь тут по ночам? — спросила она.

— Да, я, — злорадно ответил Смирре. — Ну как, по душе вам шутки, которые я с вами сыграл? Надеюсь, вы запомните эту ночку?

— Значит, это ты натравил на нас и куницу, и выдру? — спросила лиса старая Акка.

— Кто же отказывается от славных подвигов? — ухмыльнулся Смирре. — Однажды вы показали мне, что такое гусиные забавы. Теперь ваш черед узнать, что такое забавы лисьи. И я не прекращу их, покуда хоть кто-нибудь из вас останется в живых. Даже если ради этого придется гоняться за вами по всей стране.

— А ты, Смирре, не подумал, как несправедливо с твоей стороны так подло травить нас, беззащитных? У тебя-то ведь и зубы, и когти! — сказала Акка.

Смирре решил, что Акка испугалась, и поспешно пролаял:

— Если ты, Акка, сбросишь мне вниз этого Малыша-Коротыша, который столько раз вставал мне поперек пути, обещаю заключить с тобою мир. Я никогда больше не стану преследовать ни тебя, ни кого-либо из твоей стаи.

— Я не могу отдать тебе Малыша-Коротыша, — возразила Акка. — Знай, что мы все, как один, охотно пожертвуем жизнью ради него.

— Раз вы так его любите, обещаю тебе, что он будет самым первым из всех, кому я отомщу, — пригрозил Смирре. — Помяни мое слово!

Акка ничего не соизволила сказать в ответ, и Смирре, глухо проворчав какие-то новые угрозы, смолк. Все стихло. Мальчик по-прежнему не спал. Но теперь он не мог заснуть, взволнованный словами старой гусыни. Никогда бы он не подумал, что ему доведется услышать такие возвышенные и прекрасные слова: кто-то готов пожертвовать ради него жизнью!

С этого часа уже никто не мог бы сказать о Нильсе Хольгерссоне, что он никого не любит!

IX КАРЛСКРУНА [10]

Суббота, 2 апреля

Это случилось лунным вечером в Карлскруне. Погода стояла ясная, тихая, хотя днем бушевала буря, лил дождь. Люди, вероятно, думали, что на дворе еще ненастье, и никто не смел носа из дому высунуть. Улицы были пустынны.

Как раз в это время к городу направлялась стая Акки с Кебнекайсе. До позднего вечера дикие гуси пробыли на островах, но и на ночь Акка решила отыскать надежное пристанище в шхерах, так как на материке, где бы они ни располагались на привал, их тут же спугивал Смирре-лис. И вот этим светлым лунным вечером гусыня-предводительница, миновав островки Вёммен и Пантархольмен, повела свою стаю к новому, намеченному ею убежищу.

Сидя на спине гуся, Нильс глядел то на небо, то на простиравшиеся под ним море и шхеры; все казалось ему чудным и призрачным. Небо больше не было голубым, его свод вздымался над головой мальчика словно купол из зеленого стекла. А внизу, насколько хватало глаз, молочно-белое море катило свои мелкие, отливающие серебром волны, увенчанные пенистыми гребнями. Посреди этой белизны высились черные, словно уголь, шхеры. Большие и малые, плоские и скалистые, они все казались одинаково черными. Да, даже жилые дома, церкви и ветряные мельницы, которые обычно бывают белыми либо красными, становились черными под опрокинутой над ними чашей зеленого неба. Землю внизу словно подменили, да и весь мир вокруг тоже.

Все равно, подумал Нильс, нынче ночью он ничего не станет бояться. Но не успел он об этом подумать, как вдруг увидел такое, что вмиг забыл о своем решении. То был высокий скалистый остров, покрытый угловатыми черными глыбами, а между этими черными глыбами сверкали искорки чистого золота. Мальчик сразу вспомнил о каменной глыбе Маглестен близ прихода Тролле-Юнгбю, которую тролли, обитающие под ней, порою возносят на высоких золотых столбах. Неужто здесь тоже что-нибудь подобное?

Но скалы и золото — это еще куда ни шло, а вот в воде вокруг острова плавала уйма всяких чудовищ! Они были похожи на китов, акул и прочих крупных морских животных. Но мальчик решил, что это морские тролли скопились вокруг острова, собираясь вскарабкаться на него и вступить в единоборство с троллями, живущими там.

А на суше все, должно быть, не на шутку перепугались: мальчик увидел, как огромный великан, стоявший на самой высокой вершине острова, в отчаянии простирает руки, словно предвидя страшные беды, грозящие обрушиться на него и на остров.

Мальчик по-настоящему струсил, увидев, что Акка начинает опускаться как раз на этот остров.

— Ой, нет, нет! Сюда не надо! — закричал он.

Но гуси продолжали снижаться, и вскоре, к величайшему удивлению Нильса, все предстало совсем в ином свете — будничном и обыкновенном. Большие скалистые глыбы оказались всего лишь домами! Сверкающие золотом пятна — фонарями и освещенными окнами! А весь остров — городом! Великан же, стоявший на самой высокой вершине острова и простиравший руки, — собором с двумя колокольнями, а морские тролли и чудища, которых Нильс видел сверху, — лодками и разными судами и суденышками, стоявшими на якоре вокруг острова. Со стороны, обращенной к суше, пришвартовались гребные суда, парусные шлюпки и небольшие пароходы, со стороны же моря стояли закованные в броню военные суда. Одни — широкие, с необычайно толстыми, наклоненными назад трубами, другие — длинные, узкие, способные скользить по воде, словно рыбы.

При виде великого множества военных судов мальчик сразу понял, что это за город. Ведь он всю жизнь бредил кораблями, хотя до сих пор имел дело лишь с бумажными корабликами, которые отправлял в плавание по придорожным канавам. Он не сомневался — столько военных судов может стоять только на рейде города Карлскруна.

Дедушка мальчика — старый матрос военного флота — до конца жизни каждый день рассказывал про Карлскруну, про большую гавань, про доки с военными судами, про корабельную верфь и про все чудеса, которые можно увидеть в этом городе. Мальчик почувствовал себя совсем как дома и радовался, что собственными глазами увидит все, о чем столько слышал.

Но пока гуси опускались на одну из колоколен с плоской кровлей, он успел лишь мельком увидеть башни и крепостные бастионы, запиравшие вход в гавань.

Колокольня была надежным убежищем, недоступным для лиса, и мальчик подумал, что хоть одну-единственную ночь он сможет провести спокойно под крылом у гуся. Не худо бы ему и чуточку выспаться. А когда рассветет, надо будет попытаться осмотреть корабельную верфь и суда.

Но Нильсу так не терпелось поскорее очутиться в гавани, что он не мог дождаться утра. Не прошло и пяти минут, как он

выскользнул из-под гусиного крыла и спустился по громоотводу и водосточным трубам на землю.

Вскоре он уже стоял на большой площади перед собором. Площадь была вымощена неровными, выпиравшими из земли камнями, и идти по ней маленькому Нильсу было так же трудно, как взрослому по усеянному кочками лугу. Тот, кто привык к сельской местности или к диким безлюдным пустошам, всегда испытывает страх, впервые попадая в город. Дома здесь выстроились строгими прямыми рядами и словно застыли, а улицы открыты всем взорам, и чужаку становится крайне неуютно оттого, что каждый может видеть его как на ладони. Вот и Нильс никогда еще не чувствовал себя таким маленьким и жалким, как этим вечером, стоя на большой площади Карлскруны. Он глядел на ратушу, на немецкую кирху, на большой собор Стурчюрка, с которого только что спустился, и желал лишь одного: поскорее вернуться обратно на колокольню к гусям.

К счастью, на площади было совершенно безлюдно, никого, если не считать за человека памятник, стоявший на высоком постаменте. Мальчик долго рассматривал памятник, гадая, кто бы это мог быть. Бронзовая статуя изображала рослого, крупного человека в треугольной шляпе, в сюртуке, в коротких до колен панталонах и грубых ботфортах. На его лице с длинным крючковатым носом и уродливыми толстыми губами застыло жестокое выражение. Вдобавок он держал в руках длинную палку, и казалось, вот-вот замахнется ею.

— Эй, губошлеп, чего тебе надо? — вызывающе крикнул мальчик.

Собственная дерзость вселила в него бодрость и, обойдя памятник, он, тут же забыв и думать о нем, свернул на широкую улицу, ведущую вниз, к морю.

Но не успел он миновать несколько домов, как ему послышалось, будто кто-то идет за ним следом, тяжело топая и постукивая палкой с железным наконечником по мощенной камнем мостовой. Уж не тот ли огромный бронзовый памятник с соборной площади отправился гулять по городу? Нильс побежал вниз по улице, прислушиваясь к шагам за спиной. В нем росла уверенность, что сзади идет тот самый бронзовый человек. Земля дрожала, дребезжали стекла домов. Кто еще, кроме Бронзового, может так тяжело ступать? И мальчик испугался, вспомнив, что он недавно сказал памятнику. Он не смел оглянуться и убедиться, праща ли то был Бронзовый.

«Может, он просто решил прогуляться, — понадеялся мальчик. — Неужто он в самом деле рассердился на меня за те слова? Да я ничего худого и не думал».

Вместо того чтобы спуститься прямо к верфи, Нильс свернул на улицу, ведущую на восток, надеясь скрыться от преследователя. Но вскоре и шаги Бронзового свернули на ту же улицу. Сердце мальчика сжалось от страха, он не знал, куда деваться. Где найти убежище, если все ворота на запоре? И тут по правую руку от себя, в глубине большого сада он разглядел старую деревянную церковь. «Вот где я смогу укрыться», — подумал мальчик и кинулся туда.

Мчась по посыпанной песком дорожке, он внезапно увидел впереди какого-то человека, махавшего ему рукой. «Видно, хочет мне помочь», — обрадовался мальчик. Он бежал уже из последних сил. Сердце так и колотилось у него в груди. Но каково же было его удивление, когда он подбежал ближе: человек, стоявший с краю дорожки на невысокой подставке, был деревянный. «Неужели это он махал мне рукой?» — в полной растерянности думал мальчик.

Забыв об опасности, он стоял, не сводя глаз с Деревянного, приземистого, коротконогого человека с широким краснощеким лицом, блестящими черными волосами и черной же окладистой бородой. Все на нем было деревянным — черная шляпа, коричневый сюртук с черным поясом, серые короткие панталоны до колен; чулки и башмаки — и те были деревянными. Деревянного человека только что выкрасили и покрыли лаком, отчего он весь блестел и сверкал при лунном свете. Это, верно, и придавало ему такой добродушный вид; мальчик тотчас же проникся к нему доверием.

В левой руке Деревянный держал деревянную же дощечку, на которой мальчик прочитал:

Прохожий, стой, остановись!
На слабый голос мой явись!
Мою ты шляпу подними,
Монетку в щелку опусти!

Так, стало быть, это не человек, а просто-напросто кружка для подаяний. Мальчик был разочарован. А он-то ждал настоящего волшебства! Но тут он вспомнил, что об этом Деревянном дедушка ему тоже рассказывал. Будто все дети в Карлскруне очень его любили. И, видно, дед правду говорил. Нильсу тоже не хотелось уходить от Деревянного. Казалось, ему много-много сотен лет — такой древней стариной веяло от него. Но с виду он был крепкий, жизнерадостный, добродушный — словом, такой, какими обычно представляются люди далеких стародавних времен.

Мальчику было так приятно и любопытно смотреть на Деревянного, что он вовсе позабыл о том, кто гнался за ним. Но тут он снова услыхал его шаги. Они быстро приближались. Куда скрыться? От церкви его еще отделял открытый пустынный двор.

И вдруг мальчик увидел, что Деревянный наклоняется и протягивает ему свою большую широкую руку. Одним прыжком мальчик очутился у него на ладони. Деревянный, подняв его, сунул под шляпу. Только мальчик скрылся под шляпой, только Деревянный снова вытянул руку, прижав ее к туловищу, как перед ним уже стоял Бронзовый; он с такой силой ударил по земле палкой, что Деревянный пошатнулся на своей подставке. Бронзовый зычным звенящим голосом спросил:

— Это еще кто такой?

Деревянный вскинул руку вверх, так что старое дерево, из которого его выточили, заскрипело, и, отдавая честь, ответил:

— С дозволения Вашего Королевского Величества, Русенбум! Некогда старший боцман на линейном корабле парусного флота «Дерзновенный», после выхода в отставку — церковный сторож при Адмиралтейской церкви, посмертно вырезан из дерева и поставлен на церковном дворе вместо кружки для подаяний.

Мальчик, сквозь щель в деревянной шляпе глядевший на Бронзового, ужаснулся, когда Деревянный сказал: «Вашего Королевского Величества». Он напряг свою память и вспомнил, что памятник на площади поставлен тому, кто заложил город. Бронзовый был не кто иной, как сам Карл XI. И угораздило же его, Нильса, налететь на этого короля!

— Молодец, Русенбум, хорошо отдаешь рапорт, — похвалил Бронзовый. — Скажи, не попадался ли тебе на глаза мальчуган, что нынче ночью бегает по городу? Сам крохотный, а дерзости хоть отбавляй! Только бы мне его поймать! Уж я проучу этого нахала!

И он снова гневно ударил палкой о землю; лицо у него от злости чуть не перекосилось.

— С дозволения Вашего Величества, я видел его, — отрапортовал Деревянный.

Мальчик под деревянной шляпой сжался в комок и задрожал от страха, но когда Деревянный продолжил свою речь, тотчас успокоился.

— Ваше Величество идет по ложному следу. Этот пострелёнок, видно, пробрался на верфь и спрятался там.

— Ты уверен в этом, Русенбум? Что ж ты стоишь, как чурбан, на своей подставке? Идем, поможешь мне найти его. Две пары глаз лучше, чем одна!

Но Деревянный жалобно ответил:

— Покорнейше прошу дозволить мне остаться на месте. Я только с виду здоровый и цветущий — ведь меня недавно покрасили. На самом-то деле я старый и дряхлый — весь из трухлявого дерева и не в силах шевельнуться.

Но Бронзовый, видимо, терпеть не мог, когда ему перечили.

— Это еще что за выдумки? Ты мужчина, Русенбум, или нет? — Подняв свою длинную палку, он гулко ударил Деревянного по плечу. — Ничего, выдержишь, Русенбум!

Бронзовый и Деревянный двинулись в путь. Они величественно шагали рядом по улицам Карлскруны. И вот уже впереди показались высокие ворота верфи. По ту сторону ворот расхаживал матрос-часовой, но они сумели улучить минутку, и король ударом ноги неслышно отворил ворота. Они незаметно проскользнули в гавань.

Перед ними раскинулась огромная верфь, поделенная свайными мостами. У причалов стояли военные суда, показавшиеся мальчику вблизи куда более грозными и огромными, чем сверху. «Я, стало быть, не совсем рехнулся, когда принял их за морских троллей», — подумал он.

— Как по-твоему, Русенбум, где всего разумнее искать мальчишку? — спросил Бронзовый.

— Такому, как он, наверно, легче всего спрятаться в модельной, — ответил Деревянный.

На узкой косе, тянувшейся вдоль всей гавани справа от ворот, стояли здания старинной постройки. Бронзовый подошел к какому-то дому с низкими стенами и маленькими окошками, но с крутой и высокой крышей. Ударом палки он распахнул настежь дверь и потопал вверх по лестнице с истертыми ступенями. Они вошли в большой зал, битком набитый небольшими судами с полной парусной оснасткой. Хотя никто ничего не сказал, мальчик сам догадался, что это модели судов шведского флота.

Каких только судов здесь не было! И старинные линейные корабли с пушками на бортах, с высокими надстройками на носу и на корме, с мачтами, сгибавшимися под тяжестью парусов и канатов; и небольшие суденышки, с банками для гребцов по бортам, курсировавшие в шхерах; и беспалубные мониторы; и богато раззолоченные фрегаты, на каких совершали свои путешествия короли. Были здесь и тяжелые броненосцы с башнями и пушками на широких палубах, которые в ходу и поныне, и блестящие миноноски, напоминавшие длинных, узких рыбин.

Мальчик, видевший из щелки все эти диковины, был совершенно ошеломлен. «Надо же, какие большие и красивые корабли строили у нас в Швеции!» — думал он.

Времени разглядеть все выставленное в зале у него оказалось предостаточно, потому что Бронзовый, увидев модели судов, забыл обо всем на свете. Он осмотрел все модели, от первой до последней, без устали расспрашивая о них. А Русенбум, старший боцман с «Дерзновенного», рассказывал все, что знал о тех, кто строил эти суда, о тех, кто их водил, и о том, какая судьба постигла этих людей. Он служил на флоте до 1809 года и мог поведать о строителе кораблей Чапмане и о реформаторе флота Тролле, о морских сражениях при Хугланде и Свенсксунде и о многом другом.

Он, впрочем, как и Бронзовый, великолепно разбирался в красивых старинных деревянных судах и мог немало о них порассказать, но, похоже, оба они не имели понятия о новых, одетых в броню кораблях.

— Сдается мне, ты, Русенбум, ничего не смыслишь в этих новых судах. Пойдем лучше, поглядим на что-нибудь другое, позанятней, — сказал Бронзовый.

Он, видно, и думать забыл про мальчика, и тот, сидя под деревянной шляпой, воспрянул духом.

Бронзовый и Деревянный стали обходить разные здания, где размещались парусная швальня, якорная кузница, столярная и машинная мастерские. Они осмотрели доки с большими подъемными кранами, провиантские склады — цейхгаузы, артиллерийский двор, арсенал, канатную и даже большой заброшенный док, взрывом высеченный в скале.

Они прошли на свайные причалы, где были ошвартованы военные суда; поднявшись на борт, они придирчиво, как два старых морских волка, осматривали суда. Одно их восхищало, другое удивляло, третье сердило.

Мальчик, надежно укрытый деревянной шляпой, с любопытством слушал их рассказы о том, как создавался шведский флот. Оказывается, было это нелегко и непросто. Иной раз люди жертвовали последний грош на постройку военных кораблей, даровитые мужи не щадили своих сил, чтобы улучшить и усовершенствовать эти суда. Немало было пролито крови, немало отдано жизней, прежде чем у Швеции появился флот, ставший оплотом отечества. Когда мальчик слушал эти рассказы, у него порой слезы навертывались на глаза. Он радовался, что узнал столько нового.

Под конец они вышли на открытый двор, где были выставлены штевневые украшения[11] старинных линейных кораблей. Более диковинного зрелища, чем там, мальчику видеть не приходилось. Лица, могущие внушить ужас, с крупными, почти дикими чертами, были отмечены печатью гордого неукротимого

духа, того самого, который помог строителям флота создать все эти огромные суда. Лица людей совсем иного времени. Нильсу казалось, что он становится еще меньше рядом с ними.

Вдруг Бронзовый скомандовал Деревянному:

— Шляпу долой перед теми, кто стоит здесь, Русенбум! Они все сражались за отечество!

Русенбум, так же как и Бронзовый, забыл, зачем они пришли в гавань. Не задумываясь, поднял он деревянную шляпу и воскликнул:

— Я снимаю шляпу перед тем, кто избрал это место для гавани, заложил верфь и создал флот! Ура королю, который вызвал все это к жизни!

— Спасибо, Русенбум! Хорошо сказано! Молодец, Русенбум! Но что это, Русенбум?

На лысой голове Русенбума, на самой макушке, стоял Нильс Хольгерссон. Он больше не боялся. Приподняв свой белый колпачок, он закричал:

— Ура, губошлеп!

Бронзовый изо всех сил ударил палкой по земле. Но мальчик так никогда и не узнал, что он собирался сделать. Брызнули первые лучи солнца, и в тот же миг оба — и Бронзовый, и Деревянный — исчезли без следа, словно были сотканы из тумана. Пока мальчик стоял разинув рот, с колокольни слетели дикие гуси и стали парить взад-вперед над городом. Наконец они заметили Нильса, и тогда большой белый гусак стрелой ринулся из-под облаков вниз и подобрал его.

X ПОЛЕТ НА ОСТРОВ ЭЛАНД[12]

Воскресенье, 3 апреля

Дикие гуси полетели к шхерам — пощипать траву. Там он повстречали своих родичей — больших серых гусей из породы гуменников. Те несказанно удивились при виде их. Ведь серые гуси хорошо знали, что малые дикие гуси, хоть и такие же серые с виду, как и они, имеют другие обычаи и охотнее летают над сушей, подальше от берега. Любопытные и назойливые, они не успокоились до тех пор, покуда дикие гуси не рассказали им, как их преследует Смирре-лис. Выслушав рассказ диких гусей, серая гусыня, столь же старая и мудрая, как сама Акка, молвила:

— Большая беда для вас, что лис объявлен вне закона в родном краю. Он наверняка сдержит слово и будет гнаться за вами до самого севера, до самой Лапландии. На вашем месте я бы не летела на север через Смоланд, а выбрала бы путь над морем на остров Эланд. Пусть лис потеряет ваш след! Хотите сбить его с толку — оставайтесь несколько дней на южном берегу Эланда. Корма там хорошие, да и общество недурное. Вы не пожалеете, если полетите туда.

Совет серой гусыни был и впрямь мудрым, и дикие гуси решились ему последовать. Наевшись досыта, они пустились в путь на остров Эланд. Никто из них там еще не бывал, но серая гусыня сообщила им верные дорожные приметы. Надо было лететь все прямо-прямо на юг до большого птичьего тракта, который тянется вдоль побережья Блекинге. Все птицы, которые зимуют на берегу Атлантического океана и весной намереваются лететь в Финляндию и Россию, пролетают мимо Эланда. Обычно они останавливаются на острове передохнуть. Найти дорогу туда нетрудно.

День стоял совсем летний, теплый и тихий; лучшей погоды для перелета над морем трудно было и пожелать. Единственное, что внушало опасение, это — небо; не ясное, не прозрачное, а пасмурно-серое, как будто затянутое дымкой. Громадные скопища туч возникали то тут, то там, нависая над самым морем и ухудшая видимость.

Скоро шхеры остались позади, и перед путешественниками раскинулось открытое море. Оно было совсем как зеркало. Нильс глянул вниз и удивился: под ним тоже были небо и облака. Ни земли, ни моря. У него так закружилась голова, что пришлось крепко прижаться к спине гусака. Сегодня лететь ему было даже страшнее, чем в самый первый раз. Казалось, он не сможет

удержаться на спине Мортена и вот-вот свалится вниз.

Когда же они достигли большого птичьего тракта, о котором говорила серая гусыня, стало еще хуже. Стая за стаей и вправду летели в том же направлении. Дикие утки и большие серые гуси, нырки (их еще черными утками или чернетями зовут), кайры и морянки, утки-пеганки и крохали, кулики и синьги — все следовали по одному и тому же, давно проторенному пути. Когда же мальчик, нагнувшись, посмотрел туда, где, по его мнению, должно было находиться море, он увидел, что там тоже летят целые полчища птиц, правда — вверх ногами, Нильс потерял всякое представление, где верх, где низ.

Птичьи голоса могли бы помочь мальчику вырваться из этого призрачного мира. Но птицы летели молча. Изнемогая от усталости, они горели нетерпением поскорее прилететь на место и усиленно работали крыльями. Никто не кричал и не пытался веселой шуткой подбодрить других. И мальчик не мог понять, где он: вокруг не было ничего, кроме туч да птиц.

«А если мы насовсем покинули землю? — сказал Нильс самому себе. — Вдруг мы возносимся ввысь, в небеса?!» Он стал гадать, что же он увидит там, наверху. Ему стало весело, даже голова перестала кружиться.

В тот же миг он услышал какой-то треск и увидел, как вверх тянутся тонкие струйки дыма.

Среди птиц поднялся страшный переполох.

— Стреляют! Стреляют! Стреляют с лодок! — в ужасе закричали они. — Поднимайтесь выше! Улетайте прочь!

И тут мальчик наконец понял, что они летят над самым морем, а вовсе не высоко в небе. Внизу он увидел длинные вереницы небольших лодок, откуда охотники палили не переставая. Стаи птиц, мчавшихся впереди, вовремя не заметили охотников, да и летели они слишком низко. Сотни темных комочков упали в море, и каждую погибшую птицу, громко и горестно крича, оплакивали их живые сородичи. Но дикие гуси остались целы и невредимы, так как их предводительница Акка с быстротой молнии взмыла вверх, увлекая за собой стаю. Для Нильса, которому только что казалось, будто он возносится в облака, это возвращение с неба на землю было ужасно. Он не мог прийти в себя от горя и негодования, несмотря на то, что стая Акки и уцелела. Неужели есть на свете люди, которые хотят застрелить таких чудесных гусей, как старая Акка, Юкси и Какси и белый гусак, да и другие тоже? Люди, видно, не понимают, какое злодейство они творят.

Но вот гуси снова понеслись вперед в недвижном воздухе. Вокруг воцарилась прежняя тишина, только некоторые

изнемогшие от усталости птицы время от времени выкрикивали:

— Скоро ли мы прилетим? А вы уверены, что мы не сбились с пути?

И летевшие впереди отвечали:

— Мы летим прямиком на Эланд, прямиком на Эланд!

Утки-кряквы устали, и их обогнали нырки.

— Чего торопитесь? — закричали им кряквы. — Хотите все съесть, чтобы нам ничего не осталось?!

— Корма хватит и вам, и нам! — успокаивали их нырки.

Острова Эланд еще не было видно, когда навстречу вдруг подул слабый ветерок. Он нес с собой большие клубы белого дыма. Казалось, где-то бушует пожар. Запаха гари, правда, не чувствовалось, и дым был не темный и сухой, а белый и влажный. Нильс скоро понял, что это просто туман.

Увидев первые белые облака, птицы испугались и ускорили полет. Но туман клубился все гуще и гуще и наконец окутал их со всех сторон. Вскоре он сгустился настолько, что ничего нельзя было разглядеть на расстоянии одного гусиного корпуса. И те птицы, что прежде стройным клином летели впереди, вдруг словно обезумели и беспорядочно носились то туда, то сюда, норовя вовсе запутать друг друга.

— Берегитесь! — кричали они. — Вы кружитесь на одном и том же месте! Так вы ни за что не доберетесь до Эланда!

Все хорошо знали, где находится остров, но изо всех сил старались сбить друг друга с толку.

— Гляньте-ка на этих морянок! — звучало в тумане. — Они летят назад к Северному морю!

— Эй вы, серые гуси! Берегитесь! — кричал кто-то с другой стороны. — Если и дальше так полетите, попадете на остров Рюген![13]

Большинство птиц хорошо знали здешние края и не позволяли себя одурачить — направить совсем в другую сторону. Но вот кому пришлось туго, так это диким гусям. Шутники заметили сразу, что дикие гуси не очень хорошо знают дорогу, и изо всех сил старались остановить их, сбить с пути.

— Куда путь держите, добрые птицы? — закричал какой-то лебедь, подлетев к Акке; вид у него был участливый и серьезный. Старой гусыне показалось, что на него можно положиться.

— Нам надобно на Эланд, но мы никогда раньше там не бывали, — призналась она.

— Плохи ваши дела! — озабоченно сказал лебедь. — Ведь вас заманили совсем в другую сторону. Вы — по дороге в Блекинге. Летим со мной, я покажу вам дорогу!

Они полетели вместе с ним, а когда он их увел довольно

далеко от большого птичьего тракта и они уже не слышали птичьих кликов, исчез в тумане.

Около часа дикие гуси летели наугад, пока им удалось снова отыскать других птиц.

Внезапно к ним подлетела какая-то дикая утка.

— Лучше вам сесть на воду, пока не рассеется туман, — сказала утка. — Где уж вам отыскать дорогу в здешних краях!

Как ни мудра была Акка, этим плутишкам удалось-таки сбить ее с толку. Скоро Нильсу стало казаться, что дикие гуси кружатся на одном и том же месте.

— Берегитесь! Разве вы не видите, что летаете только вверх-вниз, вверх-вниз? — крикнул, проносясь мимо, какой-то нырок.

Мальчик невольно ухватился за шею гусака. Он уже давно этого опасался.

Кто знает, сколько бы они еще так летали, не прокатись где-то вдали глухой гул пушечного выстрела.

Тут Акка, вытянув шею, захлопала крыльями и стремглав понеслась вперед. Теперь она знала, куда лететь. Ведь большие серые гуси как раз предостерегали ее: не садиться на самой южной оконечности острова Эланд; там стоит пушка, из которой люди имеют обыкновение стрелять во время тумана. Теперь Акка знала, куда лететь, и уже никто в целом мире не сбил бы ее с пути.

XI НА ЮЖНОМ МЫСУ ОСТРОВА ЭЛАНД

3–6 апреля

В самой южной части острова Эланд находится старинная королевская усадьба, и называется она Оттенбю. Это огромное, воистину королевское поместье. Оно протянулось поперек всего острова — от берега до берега. А примечательно поместье тем, что оно всегда давало пристанище несметным стадам животных. В семнадцатом веке, когда короли ездили на Эланд охотиться, все поместье было, по сути, большим оленьим заповедником. В восемнадцатом веке здесь был конный завод, где разводили чистокровных жеребцов благородных пород, и овечья ферма, где содержались сотни овец. В наши дни в Оттенбю не найдешь ни чистокровных коней, ни овец. Вместо них там обитают огромные табуны молодых жеребят, предназначенных для шведских кавалерийских полков.

Пожалуй, во всей стране не найдется такого благодатного места, где бы лошадям жилось лучше, чем здесь, в Оттенбю. Вдоль всего восточного берега на четверть мили тянется старинный овечий выгон — самый большой на всем Эланде; жеребята могут там щипать траву, играть и резвиться так же свободно, как их дикие сородичи на безлюдных пустошах. Здесь же раскинулась и знаменитая дубрава Оттенбю с могучими вековыми деревьями, дающая прохладу в жару и защищающая от резкого эландского ветра. Надо добавить, что поместье Оттенбю отделено от остального острова длинной стеной, которая тянется от одного берега до другого. Благодаря этой полуразрушенной стене жеребята знают, где кончается заповедник, и остерегаются выходить за его пределы на другие земли, где их может подстерегать опасность.

Но в Оттенбю обитают не только домашние животные. В старинных удельных землях и дикие могут рассчитывать на убежище и защиту. Поэтому-то они и бродят там целыми стадами. На острове сохранились олени старинных родов. Здесь в изобилии водятся зайцы, утки-пеганки и серые куропатки. Кроме того, и весной, и поздним летом поместье становится местом отдыха многих тысяч перелетных птиц. А кормятся они и отдыхают по большей части на заболоченном восточном берегу, чуть пониже овечьего выгона.

Здесь-то и опустились дикие гуси вместе с Нильсом Хольгерссоном, добравшись наконец до острова Эланд. Остров, как и море, был окутан густым туманом. Но сквозь его завесу

проглядывала полоска берега, где скопились бессчетные стаи птиц. И мальчик удивился, сколько их здесь, на такой узенькой полоске! Берег был низкий, песчаный, весь в заводях, усеянный камнями и кучами выброшенных на сушу водорослей. Нильс, будь его воля, и не подумал бы остановиться здесь на ночлег, но птицы, видимо, считали этот берег сущим раем. Дикие утки и серые гуси паслись на лугу; ближе к воде бегали улиты и разные береговые птицы. Нырки ловили в море рыбу, но самое большое оживление царило на низких, поросших водорослями отмелях вдоль берега. Птицы стояли там тесными рядами, заглатывая личинок, которые, должно быть, водились здесь во множестве. Несмотря на скученность, не слышно было, чтобы хоть одна-единственная птица пожаловалась, что ей не досталось корма.

Большинство птиц собирались лететь дальше и опустились на остров лишь передохнуть. И стоило только предводителю стаи почуять, что его сородичи как следует подкрепились, он говорил:

— Раз наелись, отправляемся в путь!

— Нет, погоди, погоди! Мы еще не насытились, — отвечали ему остальные.

— Это что же, вы будете есть до тех пор, пока не сможете шевельнуться? — спрашивал предводитель стаи, хлопая крыльями, и снимался с места. Но не раз случалось ему и возвращаться, так как его подопечные не могли заставить себя сразу следовать за ним.

Дальше всех от берега, на отмелях, поросших водорослями, расположилась стая лебедей. Они и не собирались выходить на сушу, а отдыхали, покачиваясь на воде. Время от времени лебеди опускали шею в воду и, раздобыв на дне что-нибудь лакомое, издавали громкие трубные крики.

Услыхав клики лебедей, Нильс поспешил в ту сторону, откуда они доносились. Ведь никогда прежде не выпадало ему счастье видеть диких лебедей вблизи, а тут они были совсем рядом.

Но лебединые клики привлекли не только мальчика. И дикие гуси, и утки, и серые гуси, и нырки, плавая меж отмелей, кольцом окружили лебедей и глазели на них. Лебеди, гордо вытягивая шею, отряхивались и поднимали крылья, точно паруса. Порой то один, то другой подплывал к дикому гусю или к большому нырку и бормотал несколько слов. И казалось, что птица, к которой обращался лебедь, оробев, едва осмеливалась раскрыть клюв для ответа.

Однако, нашелся один нырок, маленький, черненький баловник, которому надоели эти церемонии. Поспешно нырнув, он скрылся под водой. И тут же один из лебедей громко вскрикнул и поплыл, быстро-пребыстро перебирая лапками, так

что вся вода вокруг покрылась пеной. Немного успокоившись, он остановился и снова принял свой прежний величавый вид. Но вскоре точно так же закричал второй лебедь, за ним третий…

Нырок не мог дольше оставаться под водой и появился на поверхности — маленький, черненький, злобный… Лебеди ринулись к нему, но увидав, какая это жалкая малявка, отвернулись, словно считая ниже своего достоинства сводить с ним счеты. Тогда проказник снова нырнул и снова стал щипать лебедей за лапки, больно-пребольно! Но хуже всего, что лебедям не удавалось при этом сохранять свою величавость. И царственные птицы решили покинуть неподобающее им общество. Громко захлопав крыльями, они как бы для разгона стремительно проплыли довольно далеко по воде, а потом взлетели.

Когда лебеди скрылись, стало ужасно пусто. И те, кто раньше радовался проделкам нырка, начали нещадно ругать его за дерзость.

Мальчик отправился обратно, но по дороге засмотрелся на улитов. Они были похожи на маленьких-премаленьких журавлей своим небольшим туловищем, долгими ногами, длинной шеей и легкими бесшумными движениями. Только улиты были не серые, а бурые. Они выстроились длинной вереницей там, где волны разбивались о берег. Когда волна наступала на сушу, улиты отбегали назад. Стоило волне отхлынуть, все они бежали за ней. И так улиты развлекались часами.

Самыми красивыми среди птиц были пеганки, земляные утки. Они, верно, приходятся сродни обыкновенным диким уткам: у них такие же тяжелые коренастые туловища, широкий клюв и плавательные перепонки на лапах. Однако наряжены пеганки не в пример пышнее: перья — белые, вокруг шеи широкое золотисто-черное ожерелье, на крыльях — зеркальца с зелеными, красными и черными переливами, кончики крыльев — тоже черные, а головки — изумрудно-черные, блестящие будто шелк. Стоило пеганкам выйти на берег, как другие птицы шипели:

— Гляньте-ка на них! Ишь расфуфырились!

— Не наряжайся они так, не пришлось бы им гнезда в глубоких норах строить. Могли бы, как все прочие, высиживать яйца на солнышке! — насмехалась бурая утка-кряква.

— Пусть их выхваляются! Все равно они уродки! С таким-то клювом! — презрительно сказала одна из серых гусынь.

И правда, у пеганок под клювом была большая шишка, сильно вредившая их красоте.

Неподалеку от берега чайки и морские ласточки, летая над водой, ловили рыбу.

— Что у вас за рыба? — спросила одна из диких гусынь.

— Это колюшка, эландская колюшка, самая лучшая колюшка в мире! — отвечала ей молоденькая чайка. — Хочешь отведать? — И, набив клюв мелкой рыбешкой, она подлетела к гусыне, желая ее угостить.

— Фи! Да неужто, по-твоему, я стану есть такую гадость? — фыркнула дикая гусыня.

На следующее утро по-прежнему стоял густой туман. Дикие гуси бродили по зеленой луговине и щипали траву, а Нильс спустился на берег, чтобы собрать устричные раковины. Их там было видимо-невидимо! Мальчик подумал — завтра он может оказаться в таком месте, где вообще не раздобыть еды. Надо бы набрать устриц про запас, но во что? Нильс решил смастерить какую-нибудь тару. Он отыскал на лугу прошлогоднюю осоку, жесткую и крепкую, и стал плести что-то вроде маленького ранца. Немало времени ушло на эту работу, но, закончив ее, мальчик остался очень доволен.

В обед к нему вдруг прибежали дикие гуси — узнать, не видал ли он белого гусака?

— Нет, его со мной не было, — отвечал мальчик.

— Он был с нами еще совсем недавно, — сказала Акка. — Ума не приложу, куда он подевался.

В смертельном испуге мальчик вскочил на ноги и спросил: не видали ли они орла или лисицу? А может, и человек объявился?

Но никто ничего подозрительного не заметил. Должно быть, белый гусак заблудился в тумане.

Вот так беда! Мальчик тотчас отправился на поиски. Туман скрывал его от посторонних глаз, и он мог бегать где угодно, но в то же время туман сильно мешал его поискам. Нильс добежал по южному берегу до самого маяка и пушки, стоявшей на крайней оконечности острова. Берег повсюду кишел птицами. Но нигде никаких следов гусака! Мальчик осмелился даже пробраться в усадьбу Оттенбю и заглянул в дупло каждого векового дуба. Гусака нигде не было.

Нильс искал его до тех пор, пока мог хоть что-то различать в сгущавшихся сумерках. Скоро совсем стемнело, и пришлось отправиться назад, к восточному берегу. Нильс шел, тяжело ступая, вовсе подавленный. Что с ним станется, если он не отыщет гусака? Ведь белый ему нужнее всех на свете!

Мальчик брел по овечьему выгону. Вдруг какое-то белое пятно вынырнуло навстречу ему из тумана. Да это же белый гусак, целый и невредимый! Мортен-гусак тоже страшно ему обрадовался.

— Я совсем заблудился в тумане, — сказал он. Целый день

кружил и кружил по всему огромному лугу, но так и не отыскал дорогу к своим.

Мальчик, не помня себя от радости, обвил руками шею гусака, упрашивая его поостеречься и не отбиваться от других. И гусак торжественно обещал, что больше никогда в жизни так делать не станет. Никогда!

Но на другое утро, когда мальчик снова собирал на берегу раковины, прибежали гуси — узнать, не видал ли он белого гусака.

— Нет, не видал!

— Экая досада, гусак опять пропал. Наверно, опять заблудился в тумане, как вчера!

И снова Нильс, не помня себя от страха, бросился на поиски. Скоро он дошел до стены, окружавшей Оттенбю, и как раз в том месте, где стена обвалилась. Он легко перелез через нее и долго брел по прибрежной песчаной полосе, которая мало-помалу расширялась так, что на ней разместились и пашни, и луга, и крестьянские усадьбы. Искал он и наверху, на плоской возвышенности, занимавшей добрую половину острова; там не было никаких строений, кроме ветряных мельниц, а травяной покров был столь редок, что сквозь него просвечивал белый известняк.

Гусак как сквозь землю провалился. Уже вечерело, и надо было возвращаться на берег. На этот раз, должно быть, Мортен и в самом деле исчез. Нильс совсем пал духом и не знал, что делать.

Только он собрался снова перелезть через стену, как вдруг услыхал где-то рядом шум — обвалился камень. Обернувшись, он явственно различил — на каменистой осыпи, возле самой стены, что-то зашевелилось. Подкравшись поближе, он увидел, что на груду камней с трудом взбирается белый гусак и тащит в клюве какие-то длинные корешки. Гусак не заметил мальчика, а тот его не окликнул, решив, что сначала надо, пожалуй, разузнать, почему это он все время исчезает.

Вскоре ему все стало ясно. Сначала он услышал гусиное гоготанье, потом разглядел на самом верху каменистой осыпи молодую серую гусыню. Это она загоготала от радости при виде гусака. Мальчик подкрался еще ближе и услыхал, о чем они говорят. И вот что он узнал: у серой гусыни повреждено крыло, летать она не может. Стая ее умчалась, бросив гусыню одну. Она умерла бы с голоду, если бы накануне белый гусак не услыхал ее зова и не отыскал ее. Он стал носить ей корм. Теперь они оба надеялись, что она выздоровеет, прежде чем ему придется покинуть остров. Молодая гусыня все еще не могла ни летать, ни

ходить, и это очень ее печалило. Гусак же утешал бедняжку, уверяя, что еще не скоро отправится в полет. Под конец он, пожелав ей спокойной ночи, пообещал прийти завтра.

Когда гусак ушел, мальчик сам забрался на каменистую осыпь. Он страшно злился. Надо же, как его провели! Он собирался заявить серой гусыне, что белый — его собственный гусак, который должен отвезти его в Лапландию. Пусть не надеется, Мортен не останется здесь ради нее. Но когда мальчик увидел гусыню ближе, он понял, почему гусак два дня носил ей корм и почему не хотел рассказывать, что помогает ей. У серой гусыни была самая красивая на свете головка, нежнейшее шелковистое оперение и удивительно кроткие умоляющие глаза.

Увидев мальчика, она попыталась скрыться. Но ее левое крыло волочилось по земле и мешало ей двигаться.

— Не бойся меня, — сказал мальчик, начисто позабыв то, что он собирался ей наговорить. — Я — Малыш-Коротыш, друг Мортена-гусака… — И смолк, не зная, что еще сказать.

Среди животных порой встречаются такие необыкновенные, что при виде их теряешься в догадках: кто они? Уж не заколдованные ли это люди? Такой была и серая гусыня. Лишь только Малыш-Коротыш рассказал ей, кто он такой, она, чарующе склонив головку, заговорила таким необыкновенно красивым голосом и с таким удивительным достоинством, что мальчик ушам своим не поверил: неужели речь ведет самая обыкновенная гусыня?

— Я так рада, что ты пришел мне помочь. Белый гусак рассказывал, что умнее и добрее тебя нет никого на свете.

От этих слов мальчик даже смутился. «Никакая она не птица, — подумал он. — Это наверняка заколдованная принцесса».

Нильсу страшно захотелось ей помочь, и он, сунув свои крошечные руки под перья, ощупал ее поврежденное крыло. Оно не было сломано — скорее вывихнуто.

— Потерпи немного! — попросил он и, крепко-крепко взявшись за крыло у основания, повернул его. Для первого раза — а Нильс впервые решился на такое — он проделал это быстро и ловко, но все же, должно быть, причинил гусыне нестерпимую боль. Бедняжка, громко вскрикнув, упала среди камней и не подавала признаков жизни.

Мальчик ужасно испугался. Он хотел ей помочь, вправить крыло, а она вдруг взяла да и умерла. Спрыгнув с высокой осыпи, Нильс побежал к берегу. Ему казалось, что он убил человека.

Наутро туман рассеялся, и Акка велела гусям готовиться в полет. Все с ней согласились, кроме белого гусака. Мальчик-то

сразу понял, что Мортен не хочет улетать от серой гусыни. Но Акка не стала слушать его отговорок и пустилась в путь.

Нильс вскочил на спину гусака, и тот, медленно и нехотя, все же последовал за стаей. Мальчик искренне радовался, что они улетают с острова. Его терзали угрызения совести из-за серой гусыни и не хотелось рассказывать гусаку, что случилось, когда он попытался помочь ей. «Лучше, если Мортен-гусак никогда про это не узнает», — думал он, удивляясь все же тому, что белый гусак с легким сердцем улетает от серой гусыни.

И вдруг гусак повернул обратно. Мысль о ней пересилила все остальное. Будь что будет! Ну ее, эту Лапландию! Не может он лететь за стаей, зная, что юная беспомощная гусыня лежит там одна-одинешенька и умирает с голоду.

Несколько ударов крыльями, и он у каменистой осыпи. Но серой гусыни нет среди камней.

— Дунфин-Пушинка! Дунфин-Пушинка! Где ты? — без конца звал гусак.

«Лиса, наверно, наведалась сюда и унесла ее», — подумал мальчик. Но в тот же миг услышал, как ее дивный голос отвечает гусаку:

— Я здесь, Мортен-гусак, я здесь! Я принимала утреннюю ванну.

И из воды, цела и невредима, выходит свежая и чистенькая гусыня. Радостно рассказывает она гусаку, что Малыш-Коротыш вправил ей крыло, что она совсем здорова и готова сопровождать стаю.

Капли воды точно жемчужные брызги сверкали на ее отливающих шелковистым блеском перьях, и Малыш-Коротыш снова подумал: она — настоящая маленькая принцесса.

XII БАБОЧКА-ВЕЛИКАНША

Среда, 6 апреля

Гуси летели над продолговатым озером, которое отчетливо голубело внизу. У мальчика было легко на сердце. Он радовался полету, забыв, как печалился накануне, когда бродил по острову в поисках гусака.

В самой середине острова лежала голая возвышенность. Ее окружало кольцо доброй плодородной земли. И постепенно мальчик начал понимать то, о чем услышал вчера вечером.

Он отдыхал возле одной из многочисленных ветряных мельниц на холме. Вдруг появилось большое овечье стадо, а за ним два пастуха с собаками. Мальчик, сидевший в укромном местечке под мельничной лестницей, ничуть не испугался. Однако и овчары уселись на ту же самую лестницу старой мельницы, и мальчику оставалось лишь затаиться.

Один пастух, молодой парень, ничем не был примечателен; другой, почти старик, выглядел необычно: сам здоровый, костистый, а голова маленькая, лицо доброе и кроткое. Казалось, будто его тело и голова принадлежали двум разным людям.

Некоторое время он молча сидел, бесконечно усталым взором вглядываясь в туман. Потом заговорил с товарищем.

— Я расскажу тебе, Эрик, одну историю, — начал он. — Пришло мне как-то на ум, что в старину, когда и люди, и звери были не в пример крупнее нынешних, бабочки, наверно, тоже были куда больше.

Молодой не отвечал старику, но весь его вид как бы говорил: «Ладно уж, так и быть, уважу тебя, послушаю». Он вытащил из котомки хлеб с сыром и стал ужинать.

— Так вот, жила-была на свете бабочка, — продолжал старик. — Тулово у нее было много-много миль в длину, а крылья — широкие-преширокие, как озера. И до чего красивые были у нее крылья: лазурные, с серебристым отливом. Когда бабочка взлетала, все звери, птицы и насекомые глядели ей вслед.

Но в том-то и беда, что бабочка выросла огромной-преогромной, настоящей великаншей. Крылья еле-еле поднимали ее. Еще куда ни шло, если б она летала только над сушей! Ан нет, угораздило ее подняться над самым Балтийским морем! Да недалеко она залетела: поднялась буря и давай ее трепать. Тебе-то, Эрик, не надо объяснять, что такое шторм на Балтийском море. В один миг буря оторвала ей крылья и унесла их прочь. Бабочка, ясное дело, рухнула прямо в море. Долго ее кидало по

волнам то туда, то сюда, пока не прибило на скалистую подводную отмель близ Смоланда. Тут она и осталась лежать, вытянувшись во всю длину.

Сдается мне, Эрик, что, если бы бабочка упала на берег, она бы вскоре истлела и рассыпалась в прах. Но раз уж она очутилась в море, то пропиталась известью и стала тверда как камень. Помнишь, сколько нам попадалось камешков на берегу? А ведь то были вовсе не камешки, а окаменелые гусеницы! Сдается мне, и с этой бабочкой-великаншей случилось то же самое: окаменела она и сделалась длинной узкой скалой, что и поныне высится в Балтийском море. А ты как думаешь?

Он замолчал в ожидании ответа.

— Я хочу услышать, к чему ты клонишь, — сказал молодой овчар и кивнул ему, продолжай, мол!

— Знай, Эрик, что наш остров Эланд, где мы с тобой живем, — и есть та самая древняя бабочка. Если присмотреться, то северный конец острова — это ее круглая головка, от нее тянется на юг узенькая передняя часть туловища, еще дальше к югу — задняя; сперва она расширяется, потом переходит в тонкое острие.

Тут пастух снова замолчал и взглянул на товарища — а вдруг тот не верит его словам? Но молодой овчар преспокойно продолжал есть и только кивнул старику: давай, мол, рассказывай дальше.

— Не успела бабочка превратиться в известковую скалу, как ветром нанесло семян разных трав да деревьев. Попытались они пустить в той скале корни, но не тут-то было — на голом и гладком камне зацепиться трудно. Долго-долго на острове не могло вырасти ничего, кроме осоки. Это уж потом появились и овсяница, и солнцецвет, и шиповник. Но и поныне на горе Альварет не так уж много растений. Думаешь, им не хватает тепла или света? Нет, гора со всех сторон открыта солнцу, просто земля на ней больно скудная. Никому и в голову не придет пахать на ее вершине — ведь слой земли там совсем тонок. Ну а если и впрямь гора Альварет и окрестные скалы образовались из тулова бабочки, то ты, наверно, спросишь: откуда же взялась земля под горой?

— В самом деле, — сказал овчар, — откуда она, любопытно узнать.

— Ну так вот! Остров Эланд пролежал в море великое множество лет, а за это время все, что носится по волнам — и водоросли, и песок, и раковины, — скапливалось вокруг него да так и осталось. Вдобавок еще камни да щебень попадали сюда с восточных и западных склонов. Мало-помалу берега острова

расширились, и стали там расти и хлеба, и цветы, и деревья.

На самой вершине, на твердой спинке бабочки, пасутся только овцы, коровы да жеребята, а из птиц гнездятся одни лишь чибисы да ржанки. Тут нет никаких построек, кроме ветряных мельниц да нескольких сложенных из камня хижин, где ютимся мы, пастухи. Зато внизу, на побережье, раскинулись и большие крестьянские селения, и церкви с пасторскими усадьбами, и рыбацкие поселки, и даже целый город.

Старик выжидающе глянул на молодого. Тот, покончив с ужином, завязывал свою котомку.

— Непонятно, к чему ты клонишь? — спросил он.

Старый овчар все так же вглядывался в туман усталыми глазами. Они и устали-то, наверно, оттого, что вечно высматривали чудо, какого и на свете не бывает. Понизив голос до шепота, старик сказал:

— Одно хотелось бы знать, только одно: известно ли хоть кому-нибудь, что остров этот был бабочкой, летавшей здесь на больших блестящих крыльях? Знают ли об этом крестьяне, живущие в окрестных усадьбах под горой, рыбаки, промышляющие в море салаку, купцы в Боргхольме, дачники, наезжающие сюда каждое лето? Ведомо ли про то странникам, что бродят в развалинах замка Боргхольм, охотникам, что приходят сюда по осени стрелять куропаток, художникам, что сидят на горе Альварет и рисуют овец да ветряные мельницы?

— Ну да, — внезапно сказал молодой пастух, — кому-нибудь из тех, кто сидел здесь вечером на краю скалы, слушал пение соловьев в рощах под горой да глядел через пролив Кальмарсунд, наверняка приходило в голову, что остров это не простой и появился не как все другие острова.

— Хотелось бы знать, — продолжал старик, — неужто никому из этих людей никогда не мечталось приладить ветряным мельницам крылья, да такие огромные, чтобы они смогли поднять целый остров из моря. И заставили бы его летать, как бабочку. Вот это была бы бабочка! Всем бабочкам бабочка!

— Может статься, в словах твоих и есть доля правды, — сказал молодой овчар. — Летними ночами, когда небо чистое и его свод высоко-высоко вздымается над островом, и я порой думал: а остров-то не прочь подняться над морем и улететь далеко-далеко…

Но теперь, когда старику наконец удалось вызвать молодого на разговор, он не очень-то его слушал.

— Хотелось бы знать, — сказал он еще тише, — почему здесь, на горе Альварет, человека грызет какая-то непонятная тоска? Тоска эта терзала меня всю жизнь, и сдается мне, она

закрадывается в душу всякого, кому доведется сюда ступить. Хотел бы я знать, понял ли кто, кроме меня: это оттого, что наш остров — бабочка, которая тоскует по своим крыльям.

XIII ОСТРОВОК ЛИЛЛА КАРЛСЁН

БУРЯ

Пятница, 8 апреля

Переночевав на северном мысу острова Эланд, дикие гуси направились к материку. С большим трудом, преодолевая порывы сильного южного ветра, который дул над проливом Кальмарсунд и относил стаю к северу, гуси пробивались к суше. Показались уже первые шхеры. Вдруг послышался страшный шум. Казалось, тысячи птиц рассекают могучими крыльями воздух. Вода внизу внезапно почернела. Акка на мгновение замерла, распластавшись в воздухе, затем стремительно начала снижаться. Она хотела посадить стаю на воду, но не успела. Их настиг сильный шквал. Западный ветер гнал пред собой тучи пыли, соленую морскую пену и мелких пташек. Он подхватил и диких гусей и, швыряя их в разные стороны, понес в открытое море.

Разыгралась ужасная буря. Напрасно дикие гуси пытались повернуть назад, это было им не под силу. Ветер уносил их все дальше и дальше в Балтийское море. Остров Эланд остался где-то позади, внизу простиралось лишь пустынное и безбрежное море. Оставалось только лететь и лететь по воле ветра.

«Нет, нельзя сдаваться на милость буре и нестись надо всем Балтийским морем», — подумала Акка. С большим трудом стая все же сумела опуститься на воду. Волнение на море с каждой минутой все нарастало и нарастало. Зеленоватые волны со зловещим шипением накатывались одна на другую, слово соперничая друг с другом: кто круче, чей пенный гребень выше. Но диких гусей не страшили морские валы. Казалось, они даже радовались им. Они не выбивались из сил, плывя наперерез волнам. Спокойно дождавшись, когда их подхватит очередная волна, птицы то взлетали на ее гребне, то падали вниз. Словом, забавлялись точь-в-точь как дети на качелях. Беспокоило их только одно: как бы не разогнало стаю.

Бедные наземные птицы, гонимые бурей, пролетая мимо, с завистью кричали:

— Счастливчики вы, умеете плавать! Вам-то горя мало!

Но это веселое развлечение таило в себе большую опасность: взлеты и падения на волнах усыпляли гусей. Им хотелось откинуть голову назад, сунуть клюв под крыло и заснуть. А нет ничего опаснее такого сна. И Акка непрерывно кричала:

— Не спите, дикие гуси! Кто заснет — отобьется от стаи! Кто

отобьется от стаи — погибнет!

Гуси пытались бороться со сном, но тщетно. Они засыпали один за другим, да и сама Акка чуть не задремала. Вдруг она увидела, как в волнах мелькнуло что-то круглое, темное…

— Тюлени! Тюлени! Тюлени! — громко и пронзительно вскрикнула Акка и, хлопая крыльями, взмыла ввысь. Стая последовала за ней. Самое время! Один из тюленей подплыл уже так близко, что едва не схватил за лапки последнего замешкавшегося гуся.

И снова птиц подхватила буря и, не давая отдыха ни себе, ни им, погнала дальше в открытое море. Вокруг, насколько хватал глаз, виднелось только море, одно лишь пустынное бушующее море. Суши не было.

Набравшись храбрости, гуси снова опустились на воду. И все повторилось сначала: волны опять укачали их, опять им захотелось спать и опять приплыли тюлени. Не будь старая Акка настороже, ни один гусь не остался бы цел и невредим.

Весь день бушевала буря, весь день она бесчинствовала, нанося ужасающий урон бессчетным стаям птиц, которые как раз в это время года совершали перелет. Одних она сбила с пути и забросила в чужие края, где они умерли с голоду; другие, выбившись из сил, упали в море и утонули. Многие разбились о скалы, многие сделались добычей тюленей.

За целый день неистовство бури не ослабело, и под конец Акка стала думать: неужто и она, и ее стая обречены на гибель? Гуси смертельно устали, но вокруг по-прежнему, сколько они ни всматривались, не было видно никакого пристанища. Только на воде птицы время от времени могли передохнуть. Но к вечеру море внезапно покрылось огромными глыбами льда, ударявшимися одна о другую, и Акка больше не осмеливалась спускаться на воду. Она боялась, что льдины раздавят стаю. Дикие гуси пытались опуститься на эти глыбы, но один раз их смыла огромная волна, в другой раз на лед забрались безжалостные тюлени.

На западе море и небо уже окрасились багрянцем заката, а гуси все летели и летели куда-то, страшась наступления ночи. Этим вечером, полным неведомых опасностей, сумерки, казалось, настигали их быстрее обычного.

А земли по-прежнему не видно! Что будет со стаей, если всю ночь придется провести в море? Гусей либо затрут льдины, либо пожрут тюлени, либо буря разбросает их в разные стороны.

Зловещие черные тучи закрыли небо, поглотив луну; мрак быстро сгущался. Стало так жутко, что дрогнули даже самые мужественные сердца. Весь день над морем беспрерывно

раздавались крики перелетных птиц, взывавших о помощи, но никто на них не отзывался. Теперь же, когда в кромешной тьме не видно было, кто кричит, в этих зовах чудилось нечто мрачное, устрашающее. А внизу в море со страшным грохотом сталкивались и разбивались плавучие льдины. Тюлени затянули свои дикие охотничьи песни. Казалось, небо и земля вот-вот столкнутся между собой.

ОВЦЫ

Крепко обхватив шею белого гусака, мальчик напряженно всматривался вниз, в море. Внезапно ему почудилось, что оно зашумело сильнее прежнего. Он поднял глаза. Прямо перед ним, на расстоянии всего лишь несколько метров, высилась мрачная голая скала с острыми выступами. У ее подножья неистово бились, кипели и пенились волны. Дикие гуси летели прямо на скалу, как будто не замечая ее. Вот-вот они ударятся о нее и разобьются насмерть!

«Как же это Акка вовремя не заметила, что им грозит?!» — мелькнуло у Нильса в голове. Скала была уже совсем рядом. И вдруг он увидел полукруглый вход в пещеру. Туда-то и направили гуси свой полет: еще миг, и они были в безопасности.

Но прежде чем радоваться такому чудесному спасению, не лишним было проверить, все ли укрылись в пещере. Юкси, Кольме, Нелье, Вииси, Кууси, шестеро гусят, — считала Акка, — белый гусак, Дунфин-Пушинка и Малыш-Коротыш. Но Какси из Нушьи, гусыни, которая всегда летела первой слева, не было. Она исчезла, и никто ничего не знал о ее судьбе.

Но гуси даже не очень огорчились, узнав, что одна лишь Какси отбилась от стаи. Старая и мудрая Какси знала все пути-дороги, все привычки гусей и наверняка сумеет отыскать их и вернуться в стаю.

Сквозь отверстие в пещеру проникал слабый свет, и гуси смогли оглядеться. Пещера была глубока и просторна. Гуси шумно радовались, что нашли такое великолепное пристанище на ночь, но вдруг кто-то заметил несколько зеленых точек, блестевших в темном углу.

— Это чьи-то глаза! — вскричала Акка. — Здесь прячутся какие-то огромные звери!

Гуси ринулись к выходу, но Малыш-Коротыш, лучше всех видевший в темноте, закричал:

— Куда вы? Не бойтесь! Это всего-навсего овцы, они лежат у стены!

Скоро глаза птиц привыкли к тусклой мгле пещеры, и они

хорошо разглядели овец. Их было примерно столько же, сколько и гусей, да еще несколько крошечных ягнят. Огромный баран-великан с длинными закрученными рогами казался самым важным в стаде. К нему-то, низко приседая, и направились гуси.

— Рады встретиться в этом пустынном краю! — обратились они к барану. Но он словно и не слышал приветствия, продолжая молча лежать у стены.

Дикие гуси решили — овцы, как видно, недовольны тем, что они вторглись в их пещеру.

— Может, и не совсем пристойно было непрошеными гостями являться в ваше жилище, — сказала Акка. — Да что поделаешь, нас загнал сюда ветер. Мы день-деньской летели в эту страшную бурю, и нам было бы так кстати здесь переночевать.

Но и старую гусыню никто из хозяев долго не удостаивал ответом. Гуси услышали лишь, как несколько овец тяжело вздохнули. Акка хорошо знала, что овцы робкие и чудаковатые животные, но эти, казалось, вообще не имели ни малейшего представления о вежливости. Наконец старая овца с вытянутой унылой мордой жалобно проблеяла:

— Никто из нас не отказывает вам в пристанище, но наш дом — дом скорби, и мы не можем принимать гостей, как прежде.

— Да вы не беспокойтесь, — сказала Акка. — После того, что мы нынче претерпели, мы рады любому надежному местечку для ночлега.

Тут старая овца поднялась:

— Лучше бы вам лететь без отдыха в самую страшную бурю, чем оставаться у нас. Но раз уж вы здесь, не покидайте пещеры, не подкрепившись; чем богаты, тем и рады.

И она указала на яму с водой, рядом с которой лежала куча мякины и отрубей.

— Зима у нас на острове была нынче суровая, снежная, — продолжала старая овца. — Крестьяне, наши хозяева, привозили сено да овсяную солому, чтобы мы не подохли с голоду. А этот мусор — все, что осталось.

Гуси тотчас накинулись на еду. Они считали, что им очень повезло, и были в самом лучшем расположении духа. Правда, они заметили, что овцы чего-то боятся, но ведь всем известно, как пугливы эти животные. Вряд ли им грозит серьезная опасность! Насытившись, гуси собрались, как обычно, спать стоя. Но тут вдруг огромный баран поднялся и подошел к ним. Гусям никогда не приходилось видеть баранов с такими длинными толстыми рогами. И вообще, этот баран был не обычный: большой выпуклый лоб, умные глаза и благородная осанка придавали ему гордый и смелый вид.

— Я не хочу быть за вас в ответе и позволить вам заснуть, не рассказав, что на острове ненадежно, — молвил он. — В такие времена мы не можем принимать ночных гостей.

Тут Акка решила, что дело и впрямь нешуточное.

— Мы улетим сразу же, как только вы того пожелаете, — обещала она. — Но, может, вы поведаете нам сначала, что вас так терзает? Ведь мы ничего не знаем. Мы не знаем даже, куда попали!

— Это островок Лилла Карлсён, — ответил баран-великан. — Он находится близ Готланда,[14] и живут здесь одни лишь овцы да морские птицы.

— Вы — дикие овцы? — спросила Акка.

— Вы недалеки от истины, — согласился с ней баран. — Собственно, никаких дел с людьми у нас нет. Но есть старинный уговор меж нами и крестьянами из одной усадьбы на острове Готланд: они привозят нам корм в снежные зимы, а взамен уводят тех из нас, кто оказывается лишним. Островок мал, многих прокормить не может. Но обычно круглый год мы справляемся сами, а живем не в овчарнях с дверями и запорами, а в таких вот пещерах.

— Так, стало быть, вы тут и зимуете? — удивилась Акка.

— Да, — ответил баран. — Здесь на горе у нас круглый год тучные пастбища.

— Да вам живется куда лучше, чем многим другим овцам, — молвила Акка. — Ну, а что за беда вас постигла?

— Нынче зимой стояли лютые холода. Море замерзло, и три лисицы перешли сюда по льду да тут и остались. А кроме них, на островке опасных зверей не водится.

— Неужели лисицы осмеливаются нападать на вас?

— Днем-то нет; днем я могу постоять и за себя, и за своих овец с ягнятами, — сказал баран, тряхнув рогами. — Но лисицы подкрадываются к нам по ночам, когда мы спим в пещерах. Мы пытались бодрствовать, но надо же когда-нибудь и поспать: вот тогда-то они на нас и нападают. В других пещерах лисицы перерезали уже всех овец до единой, а там были стада не меньше нашего.

— Мало радости признаваться в своей беспомощности, — вступила в разговор старая овца. — Но мы беззащитны почти так же, как и домашние овцы.

— Думаете, лисицы придут сюда и нынче ночью? — спросила Акка.

— Да! А нам ничего не остается, как только ждать. Они были вчерашней ночью и украли ягненка. Они не успокоятся, пока хоть кто-нибудь из нас останется в живых. Так было во всех других

пещерах.

— Но если вы будете столь трусливы, весь ваш род вымрет, — сказала Акка.

— Да, видно, скоро всем овцам островка Лилла Карлсён придет конец, — проблеяла старая овца.

Акка заколебалась. Не очень-то ей хотелось снова бросаться навстречу буре, но благоразумно ли оставаться в пещере, где ждут таких гостей? Поразмыслив немного, она повернулась к мальчику.

— Хочешь нам помочь, Малыш-Коротыш? — спросила она. — Тебе ведь это не впервой.

— Ясное дело, хочу, — ответил Нильс.

— Жаль, конечно, что ты не сможешь выспаться, — молвила дикая гусыня, — но не мог бы ты посторожить пещеру и разбудить нас, если явятся лисицы?

Мальчик не очень-то обрадовался словам Акки. Но все же лучше бодрствовать в пещере, чем снова броситься ночью навстречу буре. И он согласился посторожить.

Укрывшись от ветра за камнем у самого выхода из пещеры, он уселся поудобнее.

Буря понемногу стихала. Небо мало-помалу прояснилось, и отсветы месяца заиграли на волнах. Мальчик выглянул из пещеры. Она находилась довольно высоко, и к ней вела в гору узкая, крутая тропинка. Видно, тут и надо ждать гостей.

Лисиц пока не было видно. Зато на песчаной отмели у подножья горы Нильс увидел нечто, показавшееся ему в первый миг куда страшнее лисиц. Там стояли огромные великаны или каменные тролли, а может быть, то были просто люди. Нет, это ему вовсе не померещилось. Он видел громадных людей совершенно явственно. Одни стояли на берегу, другие у самого подножья горы, словно собираясь вскарабкаться наверх. У одних были огромные круглые головы, у других головы не было, у третьих — не было рук. Но попадались среди них и такие, у которых спереди и сзади торчал горб. Подобных диковин Нильсу никогда прежде видеть не доводилось.

Смертельно испуганный, мальчик совсем забыл, что стоит на страже. Но вдруг он услыхал, как чьи-то когти царапнули о камень, и увидел, как по откосу карабкаются три лисицы. Теперь, когда опасность была близка, мальчик сразу успокоился и уже ни капельки не боялся. Надо будить гусей! «А как же овцы?» — неожиданно пришло ему в голову. Нельзя же бросать их на произвол судьбы. И он надумал поступить по-своему.

Нильс кинулся в пещеру и растолкал барана-великана.

— Поднимайтесь, батюшка! Попугаем маленько этих

лисиц! — и с этими словами мальчик взлетел на спину барана.

Хоть он и старался не шуметь, лисицы, должно быть, что-то услыхали. Подкравшись к пещере, они стали совещаться.

— Наверное, это овцы шевелятся, — шепнула одна. — Может, они проснулись?

— Давай иди, — пролаяла вторая. — Все равно они нам ничего не сделают!

— Нечего мешкать! — поддержала ее третья.

Лисицы тихонько прокрались в пещеру и остановились, принюхиваясь.

— Кого мы схватим нынче? — спросила первая.

— Барана-великана, — ответила та, что кралась последней. — Потом легче будет разделаться с остальными.

Сидя на спине старого барана, мальчик внимательно следил, как крадутся лисицы. Выбрав миг, он прошептал:

— Бодай их! Вперед!

Удар огромных рогов — и лисица, что кралась первой, отлетела к выходу из пещеры.

— Теперь левее! — крикнул мальчик, поворачивая огромную голову барана в сторону второй лисицы.

Новый страшный удар пришелся ей прямо в бок; она несколько раз перевернулась, вскочила — и была такова. Мальчику очень хотелось проучить и третью, но той уже и след простыл.

— На сегодняшнюю ночь с них хватит, — сказал мальчик.

— И я так думаю, — согласился баран-великан. — Ложись-ка теперь ко мне на спину да заройся поглубже в шерсть. Ты заслужил хороший сон и теплую постель после всего, что тебе пришлось нынче вынести.

ЧЕРТОВ ПРОВАЛ

Суббота, 9 апреля

На другой день баран-великан посадил Нильса на спину и стал показывать ему свои владения. Остров состоял из одного-единственного могучего утеса и напоминал громадный дом с отвесными стенами и плоской кровлей. С этой кровли-вершины, покрытой тучными пастбищами, Малыш-Коротыш хорошо рассмотрел остров и нашел, что он словно был создан для овец. На горе почти ничего не росло, кроме овсяницы да тех густых, низких, с пряным запахом трав, которые так любят овцы.

Но с этой кручи виден был не только овечий выгон, но и простиравшееся внизу море. На сей раз уже синее-синее, ярко

освещенное солнцем, оно катило свои сверкающие волны, то наступая на берег, то отступая от него. Местами, встречая скалистые выступы, волны рассыпались пенными брызгами. Прямо на востоке поднимались ровные, широко раскинувшиеся берега острова Готланд, на юго-западе лежал большой остров Стура Карлсён — такой же утес, как и маленький островок Лилла Карлсён. Когда баран-великан подошел к самому краю горной вершины, мальчик увидел на отвесных склонах прилепившиеся к ним птичьи гнезда. А в синем море, прямо под ним, уютно и мирно покачивались на воде чайки, гаги, буревестники, кайры и гагарки, занятые ловлей салаки.

— Какой прекрасный край! — восхитился мальчик. — Видно, вам хорошо здесь живется!

— Да, здесь и вправду неплохо, — согласился баран.

Похоже, он хотел еще что-то добавить, но смолчал и только вздохнул.

— Будешь бродить один — остерегайся расселин, что тянутся вниз с горы, — предупредил он немного погодя Нильса.

Скала и в самом деле во многих местах была изрезана глубокими и широкими расселинами, то тут, то там в ней зияли дыры и провалы. Самый большой из них назывался Чертов провал. Он был глубиной в несколько саженей и примерно в сажень шириной.

— Свалится туда кто-нибудь — ему конец, — заметил баран-великан.

И мальчику показалось, будто он сказал это неспроста.

Потом баран спустился вниз, на берег, и здесь Нильс смог уже вблизи разглядеть тех самых великанов, которые так напугали его ночью. Это были всего лишь скалистые столбы. Баран-великан называл их «останцы».[15]

Мальчик не мог наглядеться на них и думал: «Уж если когда-нибудь жили на свете тролли, что обернулись потом каменными столбами, так это, должно быть, они и есть».

Хотя песчаная отмель была очень красива, мальчику скоро захотелось подняться обратно на вершину горы. Здесь внизу ему стало жутко. Лисицы, видно, устраивали тут свои пирушки: на каждом шагу попадались обглоданные скелеты овец и не до конца съеденные туши. Встречались и вовсе нетронутые мертвые овцы — хищницы набрасывались порой на беззащитных животных отнюдь не потому, что их мучил голод, а только забавы ради, из одного охотничьего задора.

Баран-великан, не останавливаясь, спокойно проходил мимо мертвых овец, а Нильс при виде их испытывал настоящий ужас.

Снова поднявшись на вершину горы, баран-великан сказал:

— Хоть бы кто-нибудь умный и смелый увидел, какое здесь творится зло! Он не успокоился бы до тех пор, пока не покарал лисиц.

— Но лисицам ведь тоже надо чем-то кормиться, — возразил мальчик.

— Да, это так, — согласился баран. — Если бы лисицы истребляли животных ровно столько, сколько надобно, чтобы прокормиться, они были бы в своем праве. А эти — настоящие злодейки!

— Но крестьяне, хозяева острова, могли бы приехать сюда и помочь вам, — сказал мальчик.

— Они бывали здесь не раз, — ответил баран-великан, — но, увидев их, лисицы прячутся по пещерам да ущельям, и крестьянам не удается их подстрелить.

— Уж не думаете ли вы, что такой бедняга малыш, как я, может справиться с лисицами? Ведь это оказалось не под силу ни вам, ни даже крестьянам!

— Ты хоть мал, да удал и можешь многое сделать, — ответил баран-великан.

На этом они расстались.

Судьба овец очень тревожила мальчика. И, усевшись неподалеку от диких гусей, которые паслись на отлогом склоне, он стал думать, как помочь овцам. «Поговорю-ка я с Аккой и Мортеном-гусаком, — решил он, — может, они дадут мне добрый совет».

Немного погодя белый гусак посадил мальчика на спину и отправился вместе с ним в сторону Чертова провала.

По открытой горной вершине не спеша ковылял большой белый гусак. Он даже не пытался укрыться за кочками и бугорками, хотя предосторожность вовсе не помешала бы ему — ведь он был так приметен. Похоже, вчерашняя буря сильно потрепала птицу. Гусак хромал на правую лапку, а его левое крыло, точно сломанное, свисало и волочилось по земле.

Белый гусак вел себя так беззаботно, словно никакой опасности и в помине не было; не глядя по сторонам, он спокойно пощипывал травку. Мальчик, вытянувшись во весь рост, лежал на его спине и безмятежно глядел в синее небо. Он был уже таким умелым наездником, что без труда стоял и лежал на гусиной спине.

Могли ли столь беспечные мальчик и гусак заметить, как на склоне горы появились три лисицы? Вначале хищницы, знавшие, что задрать гусака на открытом месте почти невозможно, и не помышляли об охоте. Но так как заняться им было больше нечем, они, спустившись в одну из расселин, попытались приблизиться к

гусаку. Крались они очень осторожно, чтобы он и тени их не приметил. Лисицы были совсем недалеко, когда белый гусак, раскинув крылья, сделал попытку взлететь. Однако подняться ему не удалось. Обрадованные лисицы, решив, что он не может летать, уже не скрываясь, во всю прыть пустились к нему. На всякий случай они все же старались держаться под прикрытием кочек и камней. А гусак, казалось, по-прежнему не замечал, что за ним охотятся. И только когда лисицы разбежались для последнего прыжка, он метнулся в сторону. Лисицы проскочили мимо, но тут же вновь ринулись за убегавшим и прихрамывавшим гусаком.

Нильс, сидя задом наперед на спине гусака, громко подзадоривал их:

— Эй вы рыжие! Заелись бараниной! Не можете даже гуся догнать!

Обезумевшие от злости хищницы мчались за своей добычей что было сил. А гусак все удалялся от них в сторону большого провала. Приблизившись к нему, он, захлопав крыльями, перемахнул на другую сторону и, не останавливаясь, понесся было дальше. Но Нильс, похлопав его по шее, приказал:

— Стой, Мортен-гусак!

В тот же миг у них за спиной послышался тяжелый шум падения, дикий вой, царапанье когтей. Лисиц — как не бывало!

На другое утро смотритель маяка на острове Стура Карлсён нашел подсунутый под дверь кусок коры. Косыми буквами на ней было нацарапано:

> «Лисицы на острове Лилла Карлсён упали в Чертов провал. Поймайте их!»

Смотритель маяка так и сделал.

XIV ДВА ГОРОДА

ГОРОД НА ДНЕ МОРСКОМ

Суббота, 9 апреля

Наступила тихая, ясная ночь. Дикие гуси устроились на ночлег не в пещере, а на открытой горной вершине. Нильс лежал рядом с Мортеном в низкой сухой траве.

Луна светила так ярко, что мальчику было трудно заснуть. Он лежал и думал: сколько же дней прошло с тех пор, как он покинул свой дом? И подсчитал, что с того дня минуло три недели. Значит, сегодня Пасха.

«Нынче ночью все старухи-троллихи вернутся домой со своего ночного сборища на Блокулле,[16] Синей горе», — подумал он и усмехнулся.

В троллих и ведьм Нильс ни капельки не верил. Вот домового и водяных он немного побаивался.

Но какая бы нечисть ни показалась сейчас вблизи, он бы ее непременно увидел. С неба лился такой яркий свет, что ни одна черная точка не могла бы появиться незаметно.

Вскоре раздумья Нильса были прерваны необыкновенно красивым зрелищем. Высоко в небе плыла луна, полная, круглая, а рядом, чуть опережая ее, летел большой аист. Он появился неожиданно, словно вынырнув из самой луны. Под светлым куполом неба аист казался черным, а его распластанные крылья будто касались краев луны. Нильс отчетливо, словно на рисунке, видел его небольшое туловище, вытянутую узкую шею, свисавшие вниз длинные тонкие ноги. «Да ведь это господин Эрменрих!» — узнал аиста мальчик.

Несколько мгновений спустя аист (это был в самом деле господин Эрменрих) опустился рядом с мальчиком. Решив, что Нильс спит, он осторожно тронул его клювом.

Мальчик тотчас уселся на траве.

— Я не сплю, господин Эрменрих, — сказал он. — А как вы очутились здесь среди ночи и что нового в замке Глиммингехус? Вы желаете поговорить с матушкой Аккой?

— В такую светлую ночь трудно заснуть, — отвечал господин Эрменрих. — Вот я и отправился сюда, на островок Лилла Карлсён, разыскать тебя, друг мой Малыш-Коротыш. Что ты находишься здесь, я узнал от одной сизой чайки. А я гнездую в Померании и в Глиммингехус еще не перебрался.

Нильс был очень рад видеть господина Эрменриха. Они

болтали обо всем на свете, словно старые друзья. Аист даже пригласил мальчика прокатиться верхом в такую чудную ночь.

Нильс охотно согласился, но попросил вернуться к диким гусям до восхода солнца.

Эрменрих обещал, что он так и сделает. Нильс уселся на него верхом, и аист тут же взмыл ввысь. Господин Эрменрих вновь полетел прямо к луне. Он поднимался все выше и выше, оставляя море далеко внизу. Полет его был так легок, что казалось, будто он недвижно парит в воздухе.

Мальчик думал, что ночное путешествие только начинается, но господин Эрменрих вдруг стал снижаться.

Он опустился на пустынном морском берегу, покрытом ровным слоем мелкого песка. Вдоль берега тянулся длинный ряд холмов, поросших на вершинах песчаным овсом. Холмы были не очень высоки, но все же мальчик не мог разглядеть, что там за ними.

Примостившись на песчаном бугре, господин Эрменрих поднял одну ногу и, прежде чем сунуть голову под крыло, дал Нильсу совет:

— Можешь побродить часок по берегу, Малыш-Коротыш, пока я отдыхаю. Но не уходи далеко, а не то заблудишься.

Мальчик отправился к холму, чтобы с его высоты оглядеться вокруг. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как наткнулся носком своего деревянного башмака на что-то твердое. Нагнувшись, он увидел на песке маленькую медную монетку, изъеденную ржавой зеленью и оттого ставшую почти прозрачной.

Монетка никуда не годилась — Нильс даже не подумал сунуть ее в карман, а отшвырнул прочь носком башмака.

Выпрямившись, он не поверил своим глазам: в двух шагах от него поднималась высокая темная стена с большой башней над воротами.

Всего минуту назад, когда мальчик наклонился над монеткой, перед ним расстилалось море, безбрежное, сверкающее. Теперь его словно заслонила длинная зубчатая крепостная стена с башнями. В том месте, где прежде виднелась покрытая водорослями отмель, открылись в стене большие ворота.

«Да, без волшебства тут не обошлось! — подумал Нильс. — Но особо опасаться, наверное, нечего; ведь это не тролли, не домовые и не водяные, с которыми так страшно встречаться ночью».

Обуреваемый желанием узнать, какие диковины скрываются за великолепной стеной, он вошел в ворота. Под аркой сидели сторожевые, разодетые в пестрые платья с буфами на рукавах, и,

отставив алебарды, играли в кости. Они так увлеклись игрой, что не обратили внимания на мальчика, поспешно проскользнувшего мимо.

За воротами находилась просторная площадь, вымощенная большими каменными плитами. Вокруг стояли прекрасные высокие дома, меж ними открывались длинные узкие улицы. На площади перед воротами толпился народ. Мужчины были в длинных, отороченных мехом плащах, в шелковых панталонах. На голове они носили сдвинутые набекрень береты с перьями, на груди — тяжелые драгоценные цепи. Они были так разнаряжены, что вполне могли сойти за королей.

Женщины разгуливали в остроконечных чепцах и в длинных платьях с узкими рукавами. Они были тоже красиво одеты, но по щегольству, пожалуй, уступали мужчинам.

Все было ну прямо как в старинной книжке сказок, которую матушка как-то вынимала из своего сундука, чтобы показать Нильсу. Он с трудом верил тому, что видел.

Сам город поражал еще большей роскошью и великолепием, нежели наряды его обитателей. Обращенные к улице фасады домов, казалось, состязались между собой в красоте.

Позднее мальчик вспоминал, что видел ступенчатые фронтоны с фигурами Христа и его апостолов, стены со статуями в нишах, с многоцветными витражами, стены, казавшиеся полосатыми или клетчатыми от украшавшего их белого и черного мрамора.

Восхищаясь всеми этими чудесами и желая получше осмотреть необыкновенный город, Нильс ускорил шаги.

«Ничего подобного я никогда не видел и, наверное, ничего подобного в жизни не увижу», — повторял он самому себе.

Вскоре мальчик уже бежал по улицам города — вверх-вниз, вниз-вверх. Улицы были тесны и узки, но вовсе не пустынны и мрачны, как в знакомых ему городах. Повсюду были люди. Дряхлые старушки, сидя у дверей домов, пряли, но только без прялки, с помощью одного лишь веретена. Лавки купцов, словно торговые ряды на ярмарке, были открыты в сторону улицы. Возле своих домов трудились ремесленники. В одном месте варили ворвань, в другом дубили кожи, в третьем вили веревки.

Будь у мальчика побольше времени, он мог бы выучиться любому ремеслу. Нильс видел, как оружейники ковали тонкие кольчуги, а золотых дел мастера вправляли драгоценные камни в кольца и браслеты, как токари работали на токарных станках, башмачники подшивали подошвы к мягким сафьяновым башмакам, золотопряды сучили золотые нити, а ткачи ткали серебром и золотом.

Но мальчик нигде не останавливался, он спешил осмотреть этот внезапно возникший город, который мог — кто знает? — вдруг так же внезапно исчезнуть, как и появился.

Высокая стена окружала город точь-в-точь как изгородь пашню. Он видел эту зубчатую крепостную стену, украшенную башнями, в конце каждой улицы. По городской стене расхаживали ратники в сверкающих латах и шлемах.

Обежав весь город, мальчик оказался у ворот, выходивших к морю, прямо в гавань. Здесь стояли старинные суда с банками для гребцов и надстройками на носу и на корме. Некоторые суда, уже пришвартованные, принимали на борт кладь, другие только еще бросали якоря. Обгоняя друг друга, спешили носильщики и купцы. Повсюду царили суета и оживление.

Не задерживаясь и в гавани, Нильс свернул в город. Вскоре он вышел на большую площадь Стурторгет, где возвышался величественный собор с тремя высокими колокольнями и глубокими стрельчатыми арками ворот, украшенных барельефами. Стены были так изукрашены скульптором, что найти гладкий камень было невозможно.

А какое роскошное убранство внутри храма! Через открытые двери видны были золотой крест, мерцавший золотом кованый алтарь, священнослужители в шитом золотом облачении. Напротив собора стоял дом с башенками на крыше и одной-единственной, узкой и высокой, чуть не до небес, башней посредине. Как видно, то была ратуша. А меж собором и ратушей, вокруг всей площади, высились прекрасные дома с затейливо изукрашенными фасадами.

Решив, что самое любопытное он уже осмотрел, уставший Нильс пошел медленнее. Улица, на которую он свернул, была торговой. Наверное, здесь-то горожане и покупали свое роскошное платье. Множество людей толпилось в торговых рядах, где купцы раскидывали на прилавках цветастый тугой шелк, добротную златотканую парчу, переливчатый бархат, легкие, прозрачные платки и тонкие, будто паутинки, кружева.

Прежде, когда мальчик несся во всю прыть, никто не обращал на него внимания. Люди принимали его скорее всего за пробегавшего мимо серенького крысенка. Теперь же, когда он медленно шел по улице, один из купцов, разглядев его, начал зазывать к себе.

Нильс испугался и готов был уже ринуться прочь, но купец, широко улыбаясь, призывно махал ему рукой и расстилал на прилавке штуку роскошной шелковой камки, словно желая соблазнить мальчика.

Нильс отрицательно покачал головой. «Мне никогда в жизни

не разбогатеть так, чтобы я смог купить хотя бы аршин такой материи», — думал он.

Теперь его заметили и в других лавках. Куда ни глянь, вдоль всей торговой улицы в дверях стояли купцы, зазывая Нильса к себе. Оставив именитых покупателей, купцы занялись только им. Они бросались в самые укромные уголки своих лавок, доставая оттуда лучшие товары, чтобы предложить ему. От спешки и нетерпения у них дрожали руки.

Заметив, что мальчик продолжает идти своим путем, один из купцов перемахнул через прилавок и остановил его, схватив за руку. Затем выложил перед ним шитую серебром парчу и тканые ковры, переливающиеся всеми цветами радуги. Нильс рассмеялся. Неужели купец не понимает, что дорогие товары не для такого нищего бедняка, как он? Пусть увидит: у него ничего нет, тогда он оставит его в покое. Мальчик вытащил пустые руки из карманов и показал их купцу.

Но тот поднял один палец и, кивая головой, стал придвигать к нему груду роскошнейших товаров.

«Не может быть, чтобы все это стоило одну золотую монету», — усомнился Нильс.

Купец тем временем вынул стертую монетку самого малого достоинства и показал ее мальчику. Он просто сгорал от желания что-либо ему продать. К вещам, лежавшим на прилавке, он добавил два больших тяжелых серебряных кубка.

И Нильс не выдержал. Прекрасно зная, что у него нет ни единой монетки, он все же стал рыться у себя в карманах.

Другие купцы вытягивали шеи, пытаясь высмотреть, состоится ли торг. Заметив, что мальчик ищет в карманах деньги, они, набрав полные пригоршни золотых и серебряных украшений, перегнулись через прилавки и стали предлагать их ему, давая понять знаками, что в уплату им нужна всего-навсего одна мелкая монетка,

Нильс вывернул наизнанку и карманы штанишек, и карманы безрукавки, показывая, что у него ничегошеньки нет. И тут у всех этих осанистых купцов, несметно богатых, особенно по сравнению с Нильсом, слезы навернулись на глаза. Мальчика тронул их жалкий, несчастный вид. Как же помочь им, как успокоить? Он вдруг вспомнил позеленевшую медную монетку, которую недавно видел на берегу, и кинулся на ее поиски. К счастью, до входных ворот было недалеко. Вырвавшись за ворота, он вскоре нашел ту самую монетку, но когда поднял и хотел поспешить с ней назад в город, то перед ним снова расстилалась лишь морская гладь. Ни городской стены, ни ворот, ни сторожевых, ни улиц, ни домов — ничего не было, — одно лишь безбрежное море.

Нильс не смог удержаться от слез. Не привиделся ли ему этот прекрасный город? Нет, он так живо помнил его! И так искренне горевал, что он исчез.

— Кажется, ты тоже спишь стоя, как и я, — вывел Нильса из оцепенения проснувшийся господин Эрменрих. Чтобы дать знать о себе, аисту пришлось коснуться мальчика клювом.

— Ах, господин Эрменрих! — воскликнул мальчик. — Какой это город стоял тут совсем недавно?

— Ты видел город? — спросил аист. — Может быть, ты и вправду спал и тебе это приснилось?

— Нет, мне не приснилось, — возразил Малыш-Коротыш и рассказал аисту обо всем, что ему довелось пережить.

И тогда господин Эрменрих заметил:

— Что ни говори, Малыш-Коротыш, ты, наверное, заснул, и все это тебе приснилось. Но не скрою, что Батаки-ворон, ученейший среди птиц, однажды поведал мне, будто в стародавние времена стоял здесь на берегу город. И назывался он Винета. Богат, удачлив был тот город, и не было на свете его прекрасней. Но на беду предались жители Винеты высокомерию и расточительству. И в наказание за это, сказал Батаки, город затопило могучим потоком, и он погрузился в море. Однако жители города не умирают, а сам город не разрушается. Раз в сто лет, среди ночи, город Винета во всем своем великолепии восстает из вод морских и ровно час высится над землей.

— Так оно и есть, — подтвердил Малыш-Коротыш. — Ведь я сам это видел.

— А когда минет час, город снова погружается в море, если только купцам в Винете не удастся за это время заключить хотя бы одну торговую сделку с кем-нибудь, живущим на земле. Будь у тебя, Малыш-Коротыш, самая-самая мелкая монетка, чтобы заплатить купцу, город Винета остался бы на берегу, а его обитатели жили бы и умирали, как все другие люди.

— Господин Эрменрих, — сказал мальчик, — теперь мне понятно, почему вы прилетели за мной посреди ночи. Вы думали, я смогу спасти этот старинный город. Мне очень горько, что ничего не вышло, господин Эрменрих.

Закрыв глаза руками, он заплакал. И трудно сказать, кто был больше удручен — мальчик или господин Эрменрих, аист.

ГОРОД НА СУШЕ

Понедельник, 11 апреля

На второй день Пасхи, в полдень, дикие гуси вместе с

мальчиком направились в сторону острова Готланд. И вот уже огромный остров, ровный и гладкий, лежит прямо под ними. Как и в Сконе, земля здесь разбита на квадраты и повсюду разбросаны церкви и усадьбы. Но в отличие от Сконе пашни перемежаются лугами, а усадьбы не огорожены. Больших господских поместий со старинными, увенчанными башнями замками и обширными парками и вовсе нет.

Дикие гуси летели через Готланд из-за Малыша-Коротыша.

Вот уже два дня никто от него слова веселого не слышал. Он был сам не свой, а все оттого, что не мог забыть прекрасный город, который столь чудесно предстал перед ним, поднявшись со дна морского. И он не сумел спасти такой прекрасный город! Этого Нильс не в силах был себе простить. Он искренне горевал о судьбе великолепного города Винеты и его жителей — красивых, с гордой осанкой людей. И Акка, и белый гусак, обеспокоенные его печалью, пытались убедить мальчика, что все это ему приснилось, но Нильс был твердо уверен, что в самом деле видел прекрасный город.

Тут как раз вернулась в стаю и старая Какси. Буря отбросила ее к Готланду; гусыне пришлось облететь весь остров, прежде чем она услышала от ворон, что ее спутники прибились к острову Лилла Карлсён. Узнав, из-за чего убивается Малыш-Коротыш, Какси неожиданно рассудила так:

— Раз уж Малыш-Коротыш так сокрушается из-за этого старинного города, надо его горю помочь. Полетим скорее, и я покажу вам город, который видела вчера. Тогда он сразу утешится.

Дикие гуси простились с овцами и полетели к городу, который Какси хотела показать мальчику. Как Нильс ни печалился, а все же не мог не смотреть на землю, над которой пролетал. Глядя сверху на Готланд, он представил себе, что в былые времена этот остров от начала до конца был такой же высокой, крутой скалой, как и Лилла Карлсён, только, разумеется, намного больше. Но потом кто-то взял огромную скалку и стал раскатывать Готланд, словно тесто, пока тот не выровнялся. Однако остров не стал целиком ровным и гладким, как лепешка. Пролетая с дикими гусями вдоль берега, который чаще всего полого и незаметно спускался к морю, мальчик изредка видел высокие белые известковые стены с пещерами, остатки размытых и выветрившихся горных хребтов.

На острове Готланд путешественники прекрасно провели время до полудня. Стояла мягкая весенняя погода, на деревьях набухли крупные почки, луга запестрели первыми цветами, с тополей, колышась на легком весеннем ветерке, свисали

длинные, тонкие сережки, а в небольших садиках возле каждого дома зазеленели кусты крыжовника.

Весеннее тепло выманило людей из дому. И повсюду, будь то на проселочных дорогах или во дворах, как только собиралось несколько человек, затевались игры и забавы. Играли и резвились не только дети, но и взрослые: метали камни в цель, бросали вверх мячи, да так высоко, что они едва не ударялись о лапки диких гусей. Это было веселое и трогательное зрелище. И хотя Нильс все еще печалился, он не мог не признать: полет с дикими гусями над Готландом самый прекрасный! До него доносились звуки музыки и песен, он видел вереницы нарядных людей. Вот на лесном пригорке расположилось несколько мужчин в черно-красных одеждах. Они играли на гитарах и медных духовых инструментах. Дети с песнями водили хоровод. По дороге — явно на пикник — шла большая толпа людей из Общества трезвости. Мальчик узнал их по развевающимся над головами знаменам с надписями золотом. И пока они не исчезли вдали, он слышал их песни.

Вспоминая впоследствии Готланд, Нильс всегда будет видеть эти игры и слышать эти песни.

Он долго глядел вниз, но потом, случайно подняв глаза, с изумлением заметил, что гуси повернули на запад. И вот перед ним снова голубые необъятные морские просторы! А впереди на побережье раскинулся сказочный город.

Гуси летели с востока, а солнце уже клонилось к западу. И городские стены, башни, высокие фасады домов и церкви показались ему вначале совсем черными на глади светлого вечернего моря. Но удивительным было не это. Когда гуси подлетели ближе, Нильс уже не сомневался — этот город похож на тот, что он видел в пасхальную ночь. Похож и не похож! Он напоминал человека, который вчера был разодет в пурпур, усыпанный драгоценными камнями, а сегодня ходит в нищенских лохмотьях.

И этот город окружала высокая стена с башнями и воротами. Но башни стояли без крыш, необитаемые, пустые, а ворота не закрывались. Не было сторожевых ратников. Не было и того сказочного великолепия, которое поразило Нильса в пасхальную ночь; сохранился лишь голый, серый каменный остов города. Оштукатуренные стены нескольких сохранившихся высоких домов были безо всяких украшений. Но Нильс совсем недавно видел затонувший город и мог представить себе, как были украшены эти дома прежде: одни статуями, другие — черно-белым мрамором. Он смотрел на старинные церкви: почти все они стояли без крыш, голые и ободранные внутри. Оконные ниши

зияли пустотой, полы заросли травой, стены обвивал плющ. Но мальчик знал, что когда-то эти стены были красиво расписаны, а в богато украшенном, с золотым крестом алтаре кадили священнослужители в тяжелых парчовых одеждах.

Мальчик видел узкие улицы, почти безлюдные в этот послеполуденный час праздничного дня. И представлял, как некогда здесь ходили красивые, статные люди, а возле своих домов трудились тысячи ремесленников.

Однако Нильс Хольгерссон, поглощенный мыслями о прошлом, не понимал одного: этот город и поныне еще дивно прекрасен. Он не замечал на боковых улицах уютных домиков с темными стенами, обведенными по углам белой краской, с красной геранью за сверкающими чистотой оконными стеклами. Не видел он ни красивых садов и аллей, ни живописных, обвитых ползучими растениями развалин. Величие прошлого заслонило от него прелести настоящего.

Не один раз пролетели дикие гуси над городом взад и вперед, чтобы Малыш-Коротыш осмотрел все как следует, и под конец опустились на заросший травой пол в одной из разрушенных церквей, где и решили переночевать.

Гуси уже спали стоя, а мальчик все еще бодрствовал, глядя сквозь проломленную крышу на красноватое вечернее небо. Стоит ли горевать из-за того, что не удалось спасти утонувший город, раздумывал Нильс. Нет, не стоит. Ведь если бы город, который повстречался ему два дня назад, не погрузился снова на дно морское, может быть, мало-помалу и он пришел бы в такой же упадок, как и этот, только что увиденный. Город Винета тоже не смог бы противостоять силе времени, и на его безлюдных, пустынных улицах стояли бы церкви без крыш и дома без украшений. Так пусть уж лучше этот город во всем своем великолепии останется там, на дне морском.

«Что ни делается, все к лучшему, — решил мальчик. — Теперь даже если б я мог, я не стал бы спасать Винету». На том он и успокоился.

Наверно, многие в юности рассуждают так же, как Нильс. Но когда люди становятся старше и привыкают довольствоваться малым, они предпочитают обычный земной город, такой, как Висбю на острове Готланд, прекрасному, но недосягаемому городу Винета на дне морском.

XV САГА О СМОЛАНДЕ

Вторник, 12 апреля

Дикие гуси, благополучно перелетев море, оказались в уезде Чюст, в северном Смоланде. Уезд этот, как видно, так и не решил до сих пор — то ли ему остаться сушей, то ли стать морем. Бесчисленные морские заливы и проливы изрезали берег на острова и полуострова, на мысы и перешейки. Море затопило все низины, перед его натиском устояли только высокие холмы, вершины которых островками поднимались теперь над водой.

Дикие гуси летели со стороны моря; стоял вечер, и усеянная холмами суша мирно покоилась среди окружавших ее заливов и проливов.

Нильс невольно вспомнил Блекинге. Здесь, в Чюсте, как и там, суша и море встречались необычайно красиво и спокойно. Казалось, они хотели порадовать друг друга самым лучшим и прекрасным из того, чем владеют. На островах то тут, то там Нильс видел хижины и домики. Чем дальше, тем больше и лучше становились жилища людей. Наконец показались огромные белые господские усадьбы. Купы деревьев окаймляли берега, за ними лежали лоскутки пашен, а на вершинах невысоких холмов снова привольно росли деревья.

Дикие гуси опустились на голом островке в глубине залива Госфьерден — Гусиного. И сразу заметили, что за то время, пока они были на островах Эланд и Лилла Карлсён, весна вошла в силу. Правда, высокие чудесные деревья еще не оделись листвой, но земля под ними пестрела подснежниками, гусиным луком и фиалками.

Увидев этот цветочный ковер, дикие гуси перепугались: не слишком ли они замешкались на юге страны? И Акка тут же решила, что нечего тратить время и искать место для привала в Смоланде. Завтра же утром они вылетают на север, через Эстеръётланд!

Значит, ему, Нильсу, так и не придется повидать Смоланд! Это его немного огорчило. Ни об одной из провинций не слышал он столько историй, сколько о Смоланде, и очень хотел собственными глазами увидеть этот край. Прошлым летом, когда он ходил в гусопасах у одного крестьянина близ Юрдберги, он почти каждый день встречался с двумя бедными смоландскими ребятишками, братом и сестрой, которые также пасли гусей. Дети эти страшно досаждали ему рассказами о своем Смоланде. Особенно допекал Нильса маленький Матс. Оса-то уже вышла из

возраста, когда только бы кого-нибудь подразнить.

— А ты слыхал, Нильс-Гусопас, как сотворяли Смоланд и Сконе? — не раз спрашивал Матс. И стоило Нильсу ответить: «Нет!» — он тотчас начинал рассказывать старинное народное предание.

— Так вот, было это в ту пору, когда Господь сотворял мир. Однажды, когда он трудился, шел мимо Святой Петр. Остановился он, поглядел и спрашивает:

— Ну как, тяжелая работа?

— Да уж нелегкая, — отвечает Господь.

Не поверил Петр. Показалось ему, что сотворять землю — проще простого, и захотел сам попробовать.

— Может, передохнешь малость? — спросил он. — А я вместо тебя потружусь.

Но Господь не согласился.

— Не знаю, сколь ты сведущ в этом деле, могу ли я доверить тебе столь важную работу, — ответил он.

Рассердился Петр да и говорит, что он, мол, ничуть не хуже самого Господа может сотворять земли…

А тот как раз над Смоландом бился. И уже по тому, что успел сделать на севере и востоке, видно было, каким прекрасным и плодородным будет этот край. «То, что так хорошо начато, никому не испортить», — подумал Господь и сказал Петру:

— Ну что ж, поглядим, кто из нас лучше смыслит в таком деле. Ты впервые взялся за него, потому и продолжай начатое мной, а я стану сотворять новые угодья.

Петр тотчас согласился, и стали они трудиться каждый в своем краю. Господь перебрался подальше к югу и, быстро сотворив провинцию Сконе, пригласил Петра взглянуть на свою работу.

— И я уже все давным-давно закончил, — сказал Петр. По голосу его чувствовалось, как он доволен тем, что у него получилось на юге и западе Смоланда.

Провинция Сконе пришлась Петру по душе: куда ни кинь взгляд — всюду плодородные земли, просторные равнины и лишь кое-где то одна, то другая горушка. Вот уж где людям благодать!

— Чудесный край! — похвалил Петр. — Но мой еще лучше.

— Пойдем поглядим, — промолвил Господь.

Но когда Господь пришел туда, где трудился Петр, он прямо испугался:

— Креста на тебе нет! Что ты такое сотворил, Петр?

А Петру-то казалось, что ничего на свете нет лучше солнечного тепла. Вот он и наворотил в одну кучу великое множество камней да скал и поднял их поближе к солнцу. А

сверху настелил тонюсенький слой рыхлого чернозема и решил, что лучше и быть не может.

Тем временем в Смоланде пролились сильные дожди. Всю землю смыло, и кругом торчали лишь голые скалы! Только кое-где на каменных глыбах лежали глина и тяжелый гравий. Было ясно, что, кроме ели да можжевельника, мха да вереска, на тощих смоландских почвах ничего расти не будет. Вдоволь там было только воды. Она затопила все ущелья в горах. Она плескалась в бесчисленных озерах, реках и ручьях, не говоря уж о болотах и топях, простиравшихся далеко-далеко во все стороны. Но если в одних местах воды было в избытке, в других ее страшно недоставало, и огромные поля казались высохшими пустошами, где при малейшем дуновении ветерка тучами взметались вверх песок и земля.

— О чем ты думал, сотворяя такие угодья? — с досадой спросил Господь.

Петр оправдывался тем, что он-де хотел поднять землю выше, вровень с горами, чтобы она получала побольше солнечного тепла.

— Но ведь на ее долю придется немало и ночных холодов, — молвил Господь, — ведь с неба сходят и холода! Боюсь, что и та малость, которая здесь растет, померзнет.

Ясно, Петр об этом даже не подумал.

— Да, — огорчился Господь, — на этой скованной морозами земле вряд ли что родится… И ничего тут не поделаешь!

Когда маленький Матс доходил в рассказе до этого места, Оса-пастушка всякий раз его перебивала:

— Терпеть не могу, малыш Матс, когда ты говоришь, что в Смоланде так худо! Ты, видно, забыл, сколько там доброй земли! Вспомни хотя бы об уезде Мёре у пролива Кальмарсунд. Пашни там — одна возле другой, ну точь-в-точь как в Сконе. А землица до того добрая, плодородная! Чего там только не растет! И где найдешь лучшие посевы?

— А при чем тут я? — упрямился маленький Матс. — Я говорю то, что слыхал от других. За что купил, за то и продаю!

— А я не раз слышала, будто красивее побережья, чем в Чюсте, на свете нет. Вспомни-ка тамошние заливы, да каменистые островки, да рощи! А какие там господские усадьбы! — настаивала Оса.

— Да, это, пожалуй, верно! — сдавался маленький Матс.

— Разве ты не помнишь, — продолжала Оса, — ведь учительница говорила, будто таких людных да прекрасных мест, как в той стороне Смоланда, что расположена южнее озера Веттерн, в Швеции нет? А как красиво там большое озеро и

желтые песчаные его берега? А городок Гренна на острове, а Йёнчёпинг, его спичечная и бумажная фабрики! А Мункшё! А Хускварна[17] и большие заводы!

— Твоя правда! — снова соглашался Матс.

— Вспомни-ка, малыш Матс, остров Висингсё, его развалины, дубняк и старинные сказки об этом крае! Вспомни долину, откуда выбегает река Эмон, да селения, мельницы и лесопилку на ее берегах, целлюлозные и деревообделочные фабрики!

— Твоя правда! — уступал маленький Матс. Видно, он бывал всякий раз огорчен ее словами.

Но потом вдруг быстро поднимал голову.

— Ну и дурни же мы! — смеялся он. — Все, о чем ты говорила, находится в той стороне Смоланда, которая была уже до Петра. Там и вправду красиво-прекрасиво! Только и про Петров Смоланд тоже правду говорят. Однако же, — продолжал свой рассказ Матс, — Петр духом не пал и попытался утешить Господа:

— Не принимай это близко к сердцу! Подожди, я сейчас сотворю людей таких выносливых, что они смогут осушать и возделывать болота и очищать каменистую землю под пашни.

Лопнуло тут терпение Господне.

— Нет уж, — сказал он, — отправляйся-ка ты на юг, в Сконе. Я создал добрую, послушную плугу землю, ты же сотвори жителя Сконе. А уж смоландца я сотворю сам!

И сотворил Господь смоландца проворным, веселым, работящим, находчивым и умелым, способным добывать пропитание в бедном своем краю.

— А каким Петр создал жителя Сконе? — не в силах удержаться, всякий раз спрашивал Нильс Хольгерссон — сам родом из Сконе. (Хотя лучше бы ему помолчать!)

— А сам-то ты как думаешь? — отвечал маленький Матс с такой издевкой, что Нильс тут же кидался на него с кулаками. Но Матс был совсем еще кроха, и Оса-пастушка, всего на год старше, тотчас бросалась ему на помощь. Нежная и кроткая, она дралась как львица, если кто-нибудь, бывало, хоть пальцем тронет ее братца. Ну а Нильс Хольгерссон, ясное дело, не желал связываться с девчонкой. Он поворачивался к ним спиной и уходил. И обычно в тот день избегал встречи со смоландскими ребятишками.

XVI ВОРОНЫ

ГЛИНЯНЫЙ ГОРШОК

В юго-западной стороне Смоланда есть уезд, который зовется Суннербу. Местность там совсем гладкая, ровная, и тот, кто видит ее зимой, не иначе думает, что под снегом лежат обширные луга да плодородные поля. На равнинах-то по-другому и не бывает! Но когда в начале апреля снег в Суннербу наконец тает, оказывается, что под ним ничего нет, кроме сухих песчаных пустошей, поросших вереском, голых скалистых глыб да больших топких болот. Правда, там есть кое-где и поля, но они так малы, что о них не стоит и говорить. Редкие крестьянские домики, выкрашенные в серый или красный цвет, прячутся в березовых рощах, словно боясь, что их увидят.

Там, где уезд Суннербу примыкает к провинции Халланд, есть песчаная, поросшая вереском пустошь, такая громадная, что если встать у одного ее края, другого не увидишь. Растет там лишь один вереск. Эти маленькие растения с корявым стволом, искривленными веточками и сухими листиками воображают, будто они — деревья! И ведут себя как настоящие деревья, расстилаясь на широких просторах, словно леса, и выживают каждого, кто только вздумает попасть в их общество.

Единственное место, где не так безраздельно господствует вереск, — низкая, каменистая горная гряда, которая пересекает всю пустошь по самой ее середине. Там попадаются и можжевельник, и рябина, а кое-где даже высокие красивые березы. В те времена, когда Нильс Хольгерссон путешествовал по свету с дикими гусями, стояла на пустоши лачуга, окруженная небольшим клочком выкорчеванной пашни. Но люди, некогда жившие тут, вероятно, по каким-то причинам переселились в другие края. С той поры лачуга была необитаема, а поле — невспаханным.

Покидая лачугу, хозяева задвинули вьюшку, закрыли на крючки окошко и заперли дверь. Но забыли, что одно стекло в окошке выбито и только заткнуто тряпкой. Через некоторое время кто-то вытащил загнившую от летних ливней тряпку из окошка.

Да, эта каменистая горная гряда вовсе не была так необитаема, как могло показаться с первого взгляда; ее занимало многочисленное воронье племя. Само собой, вороны жили здесь не круглый год. Зимой они переселялись за море, но каждую весну возвращались на вересковую пустошь вить гнезда и класть

яйца. Летом же они рассеивались по усадьбам в уезде Суннербу и кормились тем, что воровали ягоды, яйца и птенцов, а осенью перелетали с одной пашни на другую по всему Йёталанду[18] и клевали зерна.

А тряпку из окошка вытащил самый крупный и рослый из вороньей стаи по имени Гарм Белоперый, которого иначе и не называли как Фумле или Друмле, а то и Фумле-Друмле, что значит Тяпа-Растяпа. Был Фумле-Друмле сильнее всех других ворон, да что из того! Вел он себя так бестолково, что его вечно выставляли на посмешище. А ведь Гарм Белоперый происходил из старинного знатного рода и по справедливости должен бы быть предводителем вороньей стаи, потому что эта честь с незапамятных времен принадлежала старейшему из рода Белоперых. Однако задолго до рождения Фумле-Друмле его родичи лишились власти, и она перешла к самому жестокому и дикому из вороньего племени по имени Иле — Буйный Ветер. Кое-кто, может, думает, будто все птицы, именуемые «воронами», живут на один лад. Но это вовсе не так. Есть целое племя добропорядочных ворон, которые питаются лишь зернами, червяками, личинками да падалью. Но встречаются среди ворон и настоящие разбойники. Они набрасываются на зайчат, на мелких пташек, а стоит им увидеть какое-нибудь птичье гнездо, как они тут же его разоряют.

Род, из которого вышел Гарм Белоперый, в старину вел строгую и скромную жизнь. Будучи вожаками стаи, его предки заставляли ворон вести себя так, чтобы другие птицы слова худого о них сказать не могли. Но ворон было много, и жили они впроголодь. Долго выдержать строгий пост они не могли, восстали против Белоперых и передали власть Иле — Буйному Ветру. А более страшного разбойника и разорителя гнезд свет не видывал. Правда, жена его Кора — Легкий Ветерок была еще хуже. Под их началом вороны начали вести такую жизнь, что их стали бояться больше, чем ястребов-тетеревятников и филинов.

Фумле-Друмле в стае, ясное дело, ни во что не ставили. Все считали, что он уродился в своих предков и в предводители не годится. Никто бы о нем и не вспоминал, если бы не его вечные глупости. Кое-кто поумнее, правда, говорил, что это, пожалуй, и к лучшему. Не будь Фумле-Друмле таким простофилей, ему бы несдобровать. Иле — Буйный Ветер и Кора — Легкий Ветерок не позволили бы ему, потомку древнего рода хёвдингов,[19] оставаться в стае.

Теперь же, особенно днем и при других воронах, они были довольно приветливы с ним и охотно брали с собой на охоту. А уж там все видели — ловкостью и дерзостью они намного

превосходили его.

Никто из ворон не знал, что это Фумле-Друмле вытащил тряпку из окошка. А если б узнали, немало удивились бы — неужто он, Тяпа-Растяпа, способен на такое! Приблизился к человеческому жилью! Сам-то Фумле-Друмле об этом помалкивал. И не без причин. Ведь однажды в кромешной ночной тьме, когда многие из стаи уже спали на своих ветвях, на Фумле-Друмле напали какие-то вороны и чуть не убили. С тех пор каждый вечер, лишь только смеркалось, он улетал с насиженного места ночевать в пустую лачугу.

Как-то в полдень, когда вороны уже навели порядок в своих гнездах на горной гряде Крокосен, что значит Воронья, им посчастливилось найти нечто необыкновенное. Иле — Буйный Ветер, Кора — Легкий Ветерок, Фумле-Друмле и несколько других ворон часто залетали в большую яму в одном из самых дальних уголков пустоши. Это был самый обыкновенный карьер, где добывали щебень, но вороны, страшно любопытные птицы, все снова и снова устремлялись туда, переворачивая каждую песчинку, чтобы докопаться, зачем люди вырыли такую яму. И вот в один прекрасный день, когда вороны расхаживали там взад-вперед, края ямы с одной стороны обвалились. Вороны поспешили туда и обнаружили среди обрушившихся камней, песка и щебня довольно большой глиняный горшок, прикрытый деревянной крышкой. Вороны, конечно, захотели узнать, что там внутри. Чего только они не вытворяли! И дырку в горшке пробивали, и крышку взламывали, но так и не смогли ничего сделать.

Птицы беспомощно стояли, разглядывая горшок, как вдруг услыхали чей-то голос:

— Не спуститься ли к вам? Не помочь ли вам, вороны?

Они быстро подняли головы. На краю ямы, глядя на них, сидел Смирре-лис. Такого красивого лиса, в такой ярко-рыжей шубе им на своем веку видеть не приходилось. Портило лиса только одно — прокушенное ухо.

— Если хочешь помочь нам, помоги! — разрешил лису Иле — Буйный Ветер.

В тот же миг он и его сородичи поспешно вылетели из ямы. Лис спрыгнул вниз, стал кусать горшок и стягивать с него крышку. Но даже он не смог ее открыть.

— Как по-твоему, что в этом горшке? — спросил Иле — Буйный Ветер.

Лис, внимательно прислушиваясь, стал катать горшок лапой взад-вперед.

— Ничего, кроме серебряных монет, там быть не может, —

заявил он.

Это превзошло все самые смелые ожидания ворон.

— Так, по-твоему, там серебро? — закаркали они.

Глаза у ворон от жадности чуть не выскочили из орбит. Как ни странно, но больше всего на свете вороны любят серебряные монеты.

— Слышите, как бренчат? — крикнул лис и еще раз катанул горшок. — Не знаю только, как к ним подобраться.

— Как же нам быть? — огорченно каркнули вороны.

Лис стоял в раздумье, поскребывая левой лапой голову. Может, теперь с помощью ворон ему удастся завладеть этим малышом, который всякий раз ускользает от него?

— А я знаю, кто может открыть вам горшок! — воскликнул лис.

— Скажи — кто? Скажи — кто? — обрадовавшись, закаркали вороны, изо всех сил хлопая крыльями.

— Так и быть, скажу, коли пойдете со мной на уговор, — молвил лис.

И он поведал воронам о Малыше-Коротыше, который наверняка откроет горшок, если птицы сумеют притащить его на пустошь. Но в награду за совет лис потребовал выдать ему мальчика, как только тот достанет из горшка серебряные монеты.

Воронам ни к чему было щадить Малыша-Коротыша, и они тотчас согласились.

Сговориться с лисом было просто, а вот узнать, где сейчас Малыш-Коротыш и дикие гуси, — куда труднее.

Иле — Буйный Ветер сам полетел с пятьюдесятью воронами на поиски, пообещав вскоре вернуться. Но день проходил за днем, а на горной гряде Крокосен не было о них ни слуху ни духу.

ПОХИЩЕННЫЙ ВОРОНАМИ

Среда, 13 апреля

Дикие гуси проснулись, лишь только начало светать: перед полетом в Эстеръётланд им надо было раздобыть немного корма. Скалистый островок в заливе Госфьерден, где они ночевали, был мал и гол, но в воде вокруг острова виднелось множество водорослей, которые могли утолить голод. Малышу-Коротышу было гораздо хуже — он не мог найти ничего съедобного.

Голодный, озябший, он стоял, хмуро озираясь по сторонам, и вдруг увидел двух белок, игравших на поросшем деревьями мысу, как раз против скалистого островка. Мальчик подумал — а вдруг у белок остались с зимы какие-нибудь припасы? И он попросил

белого гусака перенести его на мыс, там он попытается выклянчить у белок несколько орехов.

Большой белый гусак тотчас переплыл с ним через пролив. Но, на беду, белки так веселились, гоняя друг друга с дерева на дерево, что и слушать мальчика не стали, а упрыгали еще дальше в глубь рощи. Мальчик поспешил за ними, и вскоре гусак, плескавшийся в воде у берега, потерял его из виду.

Мальчик брел по лужайке среди высоких подснежников, достававших ему почти до самого подбородка, как вдруг почувствовал, что кто-то схватил его сзади и пытается приподнять в воздух. Обернувшись, он увидел, что какая-то ворона держит его за шиворот. Он хотел было вырваться, но тут подоспела еще одна ворона, которая крепко вцепилась ему в чулок и опрокинула навзничь.

Если бы Нильс Хольгерссон позвал на помощь, белый гусак наверняка бы его освободил. Но Малыш-Коротыш думал, что уж с двумя-то воронами он и сам справится. Он пинал их ногами и колотил изо всех сил, но вороны крепко держали его. В конце концов им удалось подняться вместе с ним в воздух. И сделали они это так неосторожно, что мальчик на лету ударился головой о ветку дерева. От сильного удара в висок в глазах у него потемнело, и он потерял сознание.

Когда Нильс снова открыл глаза, он уже парил высоко над землей. Память медленно возвращалась к нему, и вначале он не мог понять, где находится. Под ним расстилался огромный пушистый ковер, затканный большими неровными зеленовато-коричневыми узорами. Ковер этот казался толстым и таким роскошным! Мальчик даже пожалел, что с ним так скверно обращаются. Ковер был рваный, весь в дырках и прорехах; правда, кое-где залатанный, но заплатки уже расползались. И самое удивительное то, что ковер, как видно, был разостлан на зеркальном полу. Да, да, ведь сквозь дырки и прорехи в ковре просвечивало сверкающее зеркальное стекло.

Еще мальчик обратил внимание на то, что солнце катилось по небу вверх. Вскоре зеркальное стекло под дырками и прорехами в ковре стало отсвечивать багрянцем и золотом. Диво, да и только! Мальчик любовался великолепными переливами красок, хотя и не понимал, что все-таки он видит на самом деле. Но вот вороны опустились вниз, и тогда он разглядел, что огромный ковер под ним — земля, одетая в зеленые — хвойные и коричневые — оголенные лиственные леса. Дырки же и прорехи в ковре оказались сверкающими заливами, проливами и мелкими озерцами.

Нильс вспомнил, что, когда он впервые летал в поднебесье,

земля в Сконе предстала перед ним в виде клетчатой скатерти. Ну а эта, похожая на разорванный ковер? Как называется она?

Он стал задавать себе множество вопросов: почему он не сидит больше на спине белого гусака? почему вокруг него — целая туча ворон? и почему его дергают, швыряют в разные стороны и вот-вот разорвут на части?

Вдруг он все понял. Его похитили вороны. Белый гусак по-прежнему ждет его в воде у берега, а дикие гуси полетят нынче на север, в Эстеръётланд. Его же волокут на юго-запад! Это он понял из того, что солнце осталось у него за спиной. Значит, большой лесистый ковер под ним — наверняка Смоланд!

«Что будет с белым гусаком, если я не смогу больше заботиться о нем?!» — подумал мальчик и начал кричать воронам, чтоб они сию же минуту отнесли его назад, к диким гусям. За себя он ни капельки не боялся: вороны, ясно, утащили его из чистого озорства!

Вороны же, не обращая ни малейшего внимания на его крики, стремительно мчались вперед. Но немного погодя кто-то из них захлопал крыльями, что означало: «Смотрите вверх! Опасность!» Они тут же нырнули вниз, в ельник, и, протиснувшись сквозь иглистые ветви до самой земли, усадили мальчика под густой елью. Он был спрятан так надежно, что разглядеть его не смог бы даже зоркий глаз сокола.

Пятьдесят ворон, нацелив на мальчика хищные клювы, окружили его со всех сторон.

— Может, хоть сейчас вы скажете, вороны, зачем меня похитили? — спросил он.

Но не успел он договорить, как самый большой из окруживших его ворон прошипел:

— Замолчи! А не то выклюю тебе глаза!

Ясно было, что он от своих слов не отступится, и мальчику пришлось повиноваться. Так он и сидел, не спуская глаз с ворон, а вороны — с него.

Чем дольше он на них смотрел, тем меньше они ему нравились. Отвращение охватывало его при взгляде на их перья — пыльные, неухоженные! Казалось, вороны не знают, что такое купаться или чистить перья. Их лапы были грязными-прегрязными, а в клювах виднелись остатки корма. Да, это тебе не чистюли — дикие гуси! Мальчик подумал, что они похожи на мошенников и лиходеев: такие же жестокие, хищные, вороватые и наглые с виду.

Да, ну и в разбойничью же шайку он попал!

В тот же миг Нильс услышал над головой призывный клич диких гусей: «Где ты?» — «Я здесь!» — «Где ты?» — «Я здесь!»

Он понял, что Акка вместе с другими гусями ищет его. Но не успел он им ответить, как самый большой из стаи ворон, вероятно их хёвдинг, прошипел ему прямо в ухо:

— Помни про свои глаза!

И мальчику ничего не оставалось, как молчать.

Дикие гуси, должно быть, и не подозревали, что он так близко от них, и лишь случайно пролетали над этим лесом. Еще несколько раз донеслись до него их клики, потом они замерли вдали.

«А теперь выпутывайся сам, Малыш-Коротыш! — сказал он себе. — Покажи, выучился ли ты чему-нибудь за три недели жизни на безлюдных диких пустошах!»

Немного погодя вороны стали собираться в путь: как видно, они намеревались нести его, по-прежнему держа за шиворот и за чулок. И тогда мальчик сказал:

— Может, среди вас найдется сильная ворона, которая сможет понести меня на спине? Вы так худо обошлись со мной, что я вот-вот умру. Позвольте мне ехать верхом! Я не брошусь вниз с вороньей спины, обещаю вам!

— Уж не думаешь ли ты, что нас страшно беспокоит, каково тебе? — каркнул предводитель стаи.

Но тут приковылял самый крупный и рослый из всей стаи ворон, взъерошенный, неуклюжий, с белым пером в одном из крыльев, и сказал:

— Нам же лучше, Иле — Буйный Ветер, если мы доставим Малыша-Коротыша целым и невредимым. Попробую-ка я отнести его.

— Коли тебе это под силу, Фумле-Друмле, я не против, — согласился Иле — Буйный Ветер. — Только гляди не урони его!

Это была уже победа, и мальчик снова повеселел. «Нечего падать духом, даже если тебя украли вороны, — думал он. — С такими недотепами я уж, верно, справлюсь».

Вороны полетели дальше на юго-запад Смоланда. Стояло чудесное утро, солнечное, спокойное, и птицы внизу, на земле, во все горло распевали свои свадебные песни. В высоком темном бору на верхушке ели сидел, свесив крылья, сам дрозд и распевал во все горло:

— Как ты хороша! Как хороша! Как хороша! Никого нет краше тебя! Краше тебя! Краше тебя!

И, закончив свою песню, он тотчас же принимался за нее снова.

Мальчик как раз пролетал над лесом; услыхав, что дрозд повторяет одну и ту же песенку, видимо, не зная другой, он приложил руки ко рту и закричал вниз:

— Слыхали мы такое! Слыхали мы такое!

— Кто-кто? Кто-кто? Кто-кто? Кто насмехается надо мной? — без конца заливался дрозд, пытаясь разглядеть того, кто кричал.

— Похищенный воронами! Похищенный воронами насмехается над твоей песенкой! — отвечал мальчик.

В этот миг вороний хёвдинг, повернув голову, сказал:

— Помни про свои глаза, Малыш-Коротыш!

А мальчик подумал: «Плевать мне на тебя! Я докажу, что не боюсь ворон!»

Они летели все дальше и дальше; повсюду виднелись одни леса да озера. В березовой роще сидела на оголенной ветке лесная горлица, а перед ней стоял голубок. Распушив перья, изогнув шею, он то и дело надувался так, что грудкой упирался в ветку. Голубок непрерывно ворковал:

— Ты, ты, ты — самая пригожая во всем лесу! Никого нет лучше тебя, тебя, тебя!

А над ними в поднебесье пролетал мальчик и, услыхав воркованье голубка, не смог удержаться и закричал:

— Не верь ему! Не верь ему!

— Кто-кто-кто клевещет на меня? Кто врет? — заворковал голубок, пытаясь разглядеть того, кто кричал.

— Схваченный воронами клевещет на тебя! Схваченный воронами врет! — воскликнул мальчик.

Иле — Буйный Ветер снова повернул голову к мальчику и велел ему замолчать. Но Фумле-Друмле, который нес Нильса на спине, каркнул:

— Пусть его болтает! Малые пташки подумают, что это мы, вороны, стали такими острыми на язык и веселыми!

— Не такие уж они глупые! — закаркал Иле — Буйный Ветер, но слова эти, видимо, пришлись ему по вкусу, потому что мальчику уже не запрещалось кричать сколько ему вздумается. Почти все время вороны летели над дремучими лесами. Только изредка на лесных опушках мелькали селения с маленькой церковью и жалкими лачугами. Но вот они увидели старинную, уютную помещичью усадьбу с красными стенами и крутой крышей. За усадьбой тоже поднимался лес, перед ней расстилалось озеро. Высокие клены окружали двор, в саду росли низкие и широкие кусты крыжовника. На самой верхушке флюгера сидел скворец и пел так громко, чтобы каждое его слово слышала скворчиха, сидевшая в скворечнике на грушевом дереве.

— У нас четыре маленьких красивых яичка! — распевал скворец. — У нас четыре маленьких красивых круглых яичка! У нас в гнезде полным-полно прекрасных яичек!

Когда скворец в тысячный раз запел свою песенку, над

усадьбой как раз пролетал мальчик. Приставив руки ко рту, он закричал:

— Сорока украдет яички! Сорока украдет яички!

— Кто-кто хочет напугать меня? — беспокойно захлопав крыльями, спросил скворец.

— Плененный воронами пугает тебя! — ответил мальчик.

На этот раз вороний хёвдинг и не пытался утихомирить мальчика. А все вороны так развеселились, что закаркали от удовольствия.

Чем дальше летели они в глубь Смоланда, тем шире становились озера, тем больше было там островков и мысов. А на берегу одного из озер, красуясь перед уткой, стоял селезень и крякал:

— Буду верен тебе до конца дней моих! Буду верен тебе до конца дней моих!

— Еще лето не кончится, как обманет! — закричал, пролетая мимо, мальчик.

— Это еще кто-кто такой? — воскликнул селезень.

— Меня зовут Украденный воронами! — заорал мальчик.

В полдень вороны опустились на пастбище. Они рыскали кругом, отыскивая себе корм, но никто и не подумал угостить чем-нибудь мальчика. Но тут к хёвдингу подлетел Фумле-Друмле с веткой шиповника, на которой оставалось еще несколько прошлогодних красных ягод.

— Это тебе, Иле — Буйный Ветер! — сказал он. — Чудесный корм, как раз для тебя!

Иле — Буйный Ветер презрительно фыркнул.

— Неужто ты воображаешь, что я стану есть старые сухие ягоды? — спросил он.

— А я-то думал, ты обрадуешься! — с притворной досадой сказал Фумле-Друмле и отшвырнул ветку с ягодами в сторону. Но она упала рядом с мальчиком, и тот, не будь дураком, схватил ветку и наелся ягод.

Когда насытились и вороны, они начали болтать, и кто-то из стаи каркнул:

— О чем ты думаешь, Иле — Буйный Ветер? Уж больно ты нынче смирный!

— Помнится мне, жила когда-то в здешних краях курица. И до того она любила свою хозяйку! Вот однажды решила курица ее осчастливить и снесла яиц на целый цыплячий выводок. А спрятала она эти яйца под половицами скотного двора. Сидя на яйцах, курица все время представляла себе, как обрадуется хозяйка цыплятам! Ну а хозяйка только диву давалась: куда исчезла курица? Искала она ее, да так никогда и не нашла.

Отгадай, Длинный Клюв, кто нашел курицу и яйца?

— Это отгадать легко, Иле — Буйный Ветер! Но раз уж ты заговорил о своих подвигах, расскажу историю вроде твоей. Помните большую черную кошку с пасторского двора в приходе Хиннерюд? Как она злилась на хозяев, ведь они всегда отбирали у нее новорожденных котят и топили их! Один раз ей удалось спасти котят, она спрятала их в стоге соломы в поле. И не могла на них налюбоваться! Только меня котята порадовали куда больше, чем ее. Да-да, меня!

Тут вороны вошли в такой раж, что стали каркать, перебивая друг друга.

— Подумаешь, воровать яйца да каких-то паршивых котят! Это дело нехитрое! — крикнул кто-то из стаи. — Вот я однажды охотился за зайчонком, почти уже взрослым зайцем. Нелегко было гоняться за ним в подлеске!

Только он прокаркал эти слова, как его перебил один из сородичей:

— Может, это и забавно — дразнить куриц да кошек, а по мне так куда лучше, коли вороне удастся насолить человеку! Вот я однажды украл серебряную ложку…

Но тут мальчик счел, что не пристало ему слушать такую гнусную болтовню.

— Эй вы, вороны! — крикнул он. — И не стыдно вам без конца похваляться своими разбойными подвигами! Три недели прожил я среди диких гусей и не видал, не слыхал от них ничего, кроме хорошего. Худой у вас хёвдинг, если он позволяет грабить и убивать! Пора вам зажить по-новому. А не то берегитесь! Уж я знаю, людям до того надоела ваша злоба, что они постараются извести весь ваш род! И тогда вам быстро придет конец!

Иле — Буйный Ветер и другие вороны, услыхав эти речи, так рассвирепели, что хотели броситься на мальчика и растерзать его. Но Фумле-Друмле, хохоча и каркая, заслонил его собой.

— Нет, нет, нет! — притворившись испуганным, закаркал он. — Что скажет Кора — Легкий Ветерок, если вы растерзаете Малыша-Коротыша еще до того, как он добудет нам серебряные монеты?

— Эх ты, Фумле-Друмле, бабы испугался! — презрительно крикнул Иле — Буйный Ветер. Но и он, и другие вороны тут же оставили мальчика в покое.

Вскоре вороны полетели дальше. Прежде Малыш-Коротыш не верил, что Смоланд так уж беден, как про него говорят. Правда, это глухой лесной край, да и горных кряжей здесь видимо-невидимо. Но по берегам рек и озер тянулись вспаханные поля, и настоящего безлюдья он еще не встретил. Однако чем дальше

продвигались вороны в глубь Смоланда, тем реже попадались селения и отдельные домишки. Под конец Малыш-Коротыш решил, что залетел в настоящую пустыню, где, кроме болот, пустошей да холмов, ничего нет.

Солнце уже клонилось к закату, но было еще светло, когда вороны добрались наконец до большой вересковой пустоши. Иле — Буйный Ветер выслал вперед гонца с вестью, что поход его увенчался успехом. Когда это стало известно на пустоши, Кора — Легкий Ветерок в сопровождении многих сотен ворон с каменистой гряды Крокосен поднялась в воздух, чтобы встретить победителей. Под оглушительное карканье, которое подняли встречавшие их вороны, Фумле-Друмле сказал мальчику:

— Ты так славно веселил и забавлял меня в пути, что в самом деле полюбился мне. И потому я хочу дать тебе добрый совет. Лишь только мы сядем на пустоши, тебя кое о чем попросят. Дело это покажется тебе проще простого. Но берегись, не вздумай браться за него!

Затем Фумле-Друмле поставил Нильса Хольгерссона на дно ямы. Мальчик бросился наземь, да так и остался лежать, словно умирал от усталости. Вокруг него хлопали крыльями тучи ворон. Казалось, в воздухе бушует буря. Но он не поднимал глаз и лежал по-прежнему неподвижно.

— Малыш-Коротыш! — каркнул Иле — Буйный Ветер. — Вставай! Ты должен помочь нам в одном деле, совсем для тебя пустяковом!

Мальчик не шевелился, притворяясь спящим.

Тогда Иле — Буйный Ветер, схватив его за руку, потащил к старинному глиняному горшку, стоявшему посреди ямы.

— Поднимайся, Малыш-Коротыш! — снова каркнул он. — И открой этот горшок!

— Не мешай мне спать! — рассердился мальчик. — Я очень устал и нынче вечером ничего делать не могу. Погоди до завтра!

— Сию минуту открой горшок! — тряся мальчика, вопил Иле — Буйный Ветер.

Нильс сел и стал внимательно осматривать горшок.

— Где мне, несчастному ребенку, открыть такой горшок! Он — с меня величиной!

— Открывай! — снова приказал Иле — Буйный Ветер. — Не то худо будет!

Мальчик поднялся, шатаясь, подковылял еще ближе к горшку, попробовал было приподнять крышку, но тут же опустил руки.

— Вообще-то я не так уж и слаб! — сказал он. — Дайте мне поспать до утра, и тогда я, пожалуй, справлюсь с этой крышкой.

Хёвдингу не терпелось получить серебряные монеты.

Ринувшись вперед, он ущипнул мальчика за ногу. Такого обращения, да еще от вороны, мальчик стерпеть не мог. Вырвавшись, он отбежал немного назад, вытащил свой ножик из чехла и выставил его вперед.

— Берегись! — закричал он.

Иле — Буйный Ветер, однако, так ожесточился, что не заметил, какая ему грозит опасность. Словно слепой, кинулся он на мальчика и наткнулся прямо на ножик. Нильс быстро отдернул ножик, но Иле — Буйный Ветер, распустив крылья, упал замертво.

— Иле — Буйный Ветер мертв! Чужак убил нашего хёвдинга! — закаркали стоявшие вблизи вороны.

Поднялся ужасный шум. Одни плакали, другие взывали к отмщению. И все вместе, с Фумле-Друмле во главе, прыгали, хлопая крыльями под самым носом у мальчика. Но Фумле-Друмле, как всегда, вел себя бестолково. Он не переставая хлопал крыльями над головой Нильса, мешая остальным приблизиться и вонзить в него клювы.

Мальчик уже было решил, что ему — конец: от ворон не удерешь и не спрячешься. Да и где спрятаться? Но тут он вспомнил про глиняный горшок. Схватившись за крышку, он что есть силы рванул ее к себе — и прыгнул в горшок. Но горшок почти доверху был набит мелкими истертыми серебряными монетками. И протиснуться туда мальчик никак не мог. Тогда, наклонившись, он стал выбрасывать монеты из горшка.

До этой самой минуты вороны сплошной тучей носились вокруг, пытаясь схватить Нильса клювом. Но когда он стал выбрасывать монеты, они, разом забыв о мести, поспешно кинулись собирать серебро. Мальчик швырял монеты горстями, а все вороны, даже Кора — Легкий Ветерок, ловили их. И те, кому удалось схватить хоть одну монетку, тут же быстро улетали в свое гнездо, чтобы поскорее ее спрятать.

Выбросив все серебряные монеты из горшка, мальчик поднял голову. В яме оставался один-единственный из вороньей стаи. То был Фумле-Друмле с белым пером в одном из крыльев, тот, что принес его сюда на спине.

— Ты и сам не знаешь, какую великую службу мне сослужил, — совсем иным голосом, чем прежде, сказал Фумле-Друмле. — Я спасу тебе жизнь. Садись ко мне на спину, я отнесу тебя на ночь в надежное убежище! А утром позабочусь о том, чтобы ты вернулся назад, к диким гусям.

ЛАЧУГА

Четверг, 14 апреля

Когда мальчик проснулся на другое утро, над ним висел ситцевый клетчатый полог. Спросонья ему показалось, что он — дома, в своей кровати.

— Скоро ли матушка принесет кофе? — пробормотал он.

Но тут же вспомнил: ведь он — в заброшенной лачуге на горной гряде Крокосен, куда накануне вечером доставил его Фумле-Друмле.

После вчерашнего полета тело мальчика ломило, и он решил полежать спокойно до тех пор, пока не явится Фумле-Друмле, пообещавший непременно прилететь за ним.

Отодвинув полог в сторону, мальчик стал оглядывать горницу. Да, такой постройки, как эта, ему видеть не приходилось! Стены были сложены из бревен всего в несколько венцов. Потолка вовсе не было, и из горницы можно было видеть резной конек крыши. Лачуга была так мала, что казалось, ее построили для таких малышей, как Нильс, а не для настоящих людей. Однако такого большого очага он, пожалуй, никогда не видел. Входная дверь находилась рядом с очагом; узенькая-преузенькая, она скорее напоминала ставень. Свет в лачугу проникал через низкое и широкое окно с мелкими стеклами.

Мебели в горнице почти не было. Лавка и стол под окном были крепко-накрепко прилажены к стене, точно так же, как пестро раскрашенный стенной шкаф и большая кровать, на которой лежал мальчик.

Нильс невольно задумался: чья это лачуга и почему она заброшена? Хотя похоже, что люди, которые здесь жили, собирались вернуться. На очаге еще стояли кофейник и кашник, в углу в запечке лежала вязанка дров, а около нее — скребок для золы и кочерга. К лавке была прислонена прялка, на полочке, чуть повыше окошка, лежали спички, сальная свечка, пакля, лен и несколько мотков пряжи.

Кровать была застелена, а на стене сохранилось еще несколько длинных полос тканых обоев, на которых были намалеваны три короля — Каспар, Мельхиор и Валтасар,[20] верхом на конях. Одни и те же кони, одни и те же всадники повторялись множество раз. Они мчались вскачь по всей горнице, они неслись во весь опор даже под стропилами крыши.

Но вдруг, под самой крышей, мальчик увидел несколько сухих хлебцев, нанизанных на шест.[21] Хоть и заплесневелый, хоть и черствый с виду, это был все-таки хлеб! Мигом вскочив, Нильс ударил по шесту кочергой, и один хлебец свалился на пол. Наевшись, мальчик доверху набил хлебом котомку. До чего же все-таки вкусен был этот черствый хлеб!

Нильс еще раз оглядел горницу: что бы еще взять? что может

пригодиться в пути?

«Ничего плохого в этом, наверно, нет, ведь люди бросили свой дом», — подумал он.

Но все вещи в горнице оказались большими и тяжелыми для него. Единственное, что он мог поднять, — это несколько спичек.

Он влез на стол, а оттуда по занавеске добрался до полочки над окном. Пока он засовывал спички в котомку, в окошко влетела ворона с белым пером в одном из крыльев — Фумле-Друмле.

— Вот и я! — каркнул он, опустившись на стол. — Я не мог прибыть раньше, стая выбирала нового хёвдинга.

— Кого же выбрали? — спросил мальчик.

— Выбрали того, кто не терпит ни разбоя, ни несправедливости. Выбрали Гарма Белоперого, который прежде звался Фумле-Друмле, — молвил он и гордо выпрямился, стараясь придать себе величавую осанку.

— Хороший выбор сделали вороны! — обрадовался мальчик и поздравил его.

— Да, меня есть с чем поздравить! — согласился Гарм и стал рассказывать мальчику, что ему пришлось пережить под началом прежнего хёвдинга и его супруги — Коры — Легкий Ветерок.

Но тут мальчик вдруг услыхал под окошком голос, показавшийся ему хорошо знакомым.

— Так он здесь? — спросил Смирре-лис.

— Да, он прячется в горнице, — отвечал вороний голос.

— Берегись, Малыш-Коротыш! — воскликнул Гарм. — Под окошком — Кора — Легкий Ветерок вместе с Лисом, который хочет тебя съесть…

Не успел он договорить, как в окошке показалась морда Смирре. Под напором лиса ветхая, трухлявая оконная рама сразу поддалась. Миг — и Смирре уже на подоконнике. Гарм Белоперый не успел улететь, и Смирре тут же его придушил. Затем, спрыгнув на пол, лис стал оглядываться в поисках мальчика.

Тот попытался спрятаться за большим пучком пакли, но Смирре уже увидел его и, весь сжавшись в комок, изготовился к прыжку. Горница была так мала, а крыша так низка, что лису не стоило бы большого труда настигнуть мальчика. Но Нильс уже не был безоружен. Он быстро зажег спичку, поднес ее к пакле и, когда пакля вспыхнула, бросил ее в Смирре-лиса. Почуяв огонь, лис дико перепугался. Забыв о мальчике, он со всех ног кинулся вон из лачуги.

А мальчик, выбравшись из одной беды, попал в другую, еще худшую. От пучка пакли, который он швырнул в Смирре-лиса, огонь перекинулся на полог кровати. Нильс, спрыгнув на пол,

пытался погасить огонь, но пламя уже жарко пылало, горница быстро наполнилась дымом, и Смирре-лис, задержавшийся под окошком, сразу понял, что происходит.

— Ну, Малыш-Коротыш! — пролаял он. — Что ты выберешь: изжариться живьем или попасть ко мне в зубы? Я бы, ясное дело, предпочел съесть тебя, но какая бы смерть тебя ни постигла, я все равно буду рад!

Мальчик понимал, что лис прав, выбора у него не было. Огонь разгорался с ужасающей быстротой… Кровать пылала, от пола поднимался дым, а по лоскутам разрисованной ткани пламя переползало с одного всадника к другому. Прыгнув в очаг, Нильс попытался открыть отдушину духовки, как вдруг услыхал, что в замочную скважину вставили ключ и медленно его поворачивают, — должно быть, пришли люди. В беде, которая ему угрожала, мальчик даже обрадовался им и кинулся к порогу. Дверь распахнулась, и в горницу вошли двое детей. Нильс стремглав проскочил мимо них и не видел, как изменились лица детей при виде родной горницы, полыхавшей огнем.

Однако зная, что Смирре-лис его ждет, Нильс не посмел отбежать далеко. Лучше держаться поближе к детям! Он обернулся, желая посмотреть, кто же они, и тут же бросился навстречу им с криком:

— Вот это да! Здравствуй, Оса-пастушка! Здравствуй, малыш Матс!

Нильс поступил так безрассудно, потому что от такой неожиданной и счастливой встречи он совершенно забыл, кто он теперь и где он. Все, что произошло с ним за последнее время: говорящие звери, птицы, да и лачуга, охваченная пламенем, — все исчезло из его памяти. Ему казалось, что он снова расхаживает в Вестра Вемменхёге по полю, где уже сжата рожь, и пасет гусиное стадо, а на соседнем поле пасут своих гусей эти вот смоландские ребятишки. И каждый раз, стоило ему их увидеть, он вскакивал на каменную ограду и кричал: «Вот это да! Здравствуй, Оса-пастушка! Здравствуй, малыш Матс!»

Эти же слова он прокричал им и сейчас.

Но дети, увидев, что к ним, протянув руки, бежит крохотный человечек, смертельно испугались и, схватившись друг за дружку, отступили на несколько шагов назад.

Только тут мальчик очнулся и все вспомнил. Ведь он больше не человек! Ведь его заколдовали! И дети узнают об этом! Подавленный стыдом и горем, он помчался куда глаза глядят.

Скоро Нильс добежал до вересковой пустоши, и здесь его ожидала радостная встреча. Среди вереска он разглядел что-то белое, и прямо навстречу ему вышел белый гусак вместе с

Дунфин-Пушинкой. Увидев Нильса, бегущего сломя голову, белый гусак решил, что того преследуют враги. Он поспешно забросил его к себе на спину и взмыл ввысь.

XVII СТАРАЯ КРЕСТЬЯНКА

Четверг, 14 апреля

Поздним вечером в пустынных и бедных краях северного Смоланда трое усталых путников искали ночного пристанища. Но ничего найти не могли, хотя вовсе не были неженками, которым вынь да положь мягкую постель и хорошо натопленную горницу.

— Эх, будь у одного из этих длинных горных кряжей высокая и крутая вершина! Лис бы туда не подступился! Хорошее было бы место для привала! — сказал один из путников.

— Эх, будь одно из этих замерзших болот сырым и топким! Лис не посмел бы туда нос сунуть! Тоже было бы подходящее пристанище! — молвил второй.

— Эх, будь у одного из этих застывших озер, мимо которых мы пролетаем, вода у берега! Лис не пробрался бы на льдину, и мы нашли бы тогда прибежище, которое ищем! — вздохнул третий.

Солнце уже зашло, и крылатых путников стало неудержимо клонить ко сну — того и гляди свалятся на землю.

Это было хуже всего. И по мере того как надвигалась ночь, третий путник, который заставлял себя не спать, беспокоился все больше и больше. «Вот беда, — думал он, — и угораздило же нас залететь в такие края, где озера и болота еще подо льдом и лису открыты все дороги. В других местах лед уже растаял, но мы, верно, летим над горной, самой холодной стороной Смоланда, куда весна еще не добралась. Ума не приложу, где найти надежный ночлег? Если не спрятаться в укромном местечке, Смирре-лис схватит нас еще до утра!»

Он озирался по сторонам, но подходящего пристанища не видел. А вечер был темный и пасмурный, с ветром, изморосью. И с каждой минутой вокруг становилось все более жутко и неприютно.

Может показаться странным, но путники, казалось, вовсе не горели желанием просить убежище в какой-нибудь усадьбе. Они пролетали мимо многих селений, так и не постучавшись ни в одну дверь. Они не обращали внимания даже на маленькие бедные лачуги у лесных опушек, куда стучатся все нищие странники. И всякий, кто видел бы это, сказал: поделом им, раз они не ищут помощи там, где она сама плывет им в руки.

Когда совсем стемнело и лишь у края небосвода едва теплилась еще полоска света, путники — а двое из них уже почти засыпали на лету — наткнулись на крестьянскую усадьбу. Она

стояла особняком, далеко от других домов, и казалась совсем необитаемой. Из трубы не поднимался дымок, в окнах не светился огонь, на дворе — ни души. Увидев эту усадьбу, тот из троих, что бодрствовал, подумал: «Будь что будет, но в эту усадьбу нам надо попасть. Лучшего — не найти».

Вскоре все трое уже стояли на дворе возле дома. Двое путников тут же заснули, а третий стал озираться по сторонам — где бы найти приют на ночь. Усадьба была довольно большая: кроме жилого дома, конюшни и скотного двора, там высился еще ряд строений под одной крышей — кладовые, гумно, сеновалы и сараи с рыболовной снастью. Но все это выглядело ужасно бедным и запущенным. У дома и служб были серые, замшелые, покосившиеся стены, которые, казалось, вот-вот рухнут. Крыши зияли дырами, а покосившиеся двери висели на ржавых петлях. Видно, в усадьбе давно не раздавался стук молотка.

Тот, кто бодрствовал, сразу догадался, где здесь скотный двор. Он хорошенько потряс своих спутников и, когда те проснулись, повел их туда. К счастью, двери хлева были заперты только на крюк, который удалось поднять с помощью прутика. Тот, кто бодрствовал, с облегчением вздохнул при мысли, что скоро они будут в безопасности. Но когда двери хлева с резким скрипом распахнулись, он услыхал мычание коровы.

— Наконец-то вы явились, хозяйка! — сказала она. — А я-то думала, уж не накормите меня нынче вечером.

Узнав, что они на скотном дворе не одни, бодрствующий испуганно остановился на пороге. Но увидев, что в хлеву, кроме коровы да трех-четырех куриц, никого нет, набравшись храбрости, вымолвил:

— Мы, трое бедных путников, хотим укрыться в каком-нибудь местечке, где нас не тронет лис и не поймает человек. Подойдет ли нам это убежище?

— Еще бы не подойдет, — отвечала корова, — хоть стены здесь и ветхие, но лису сюда все равно не пробраться, а в усадьбе никто, кроме дряхлой старушки, не живет. Где уж ей кого-нибудь поймать! Ну а вы — кто такие будете? — спросила она, поворачиваясь в стойле, чтобы взглянуть на чужаков.

— Я — Нильс Хольгерссон из Вестра Вемменхёга, меня заколдовали и превратили в домового, — ответил первый из путников. — Со мною домашний гусь, на котором я езжу верхом, и серая гусыня.

— Такие диковинные гости к нам еще не захаживали, — промычала корова. — Добро пожаловать! Хотя лучше бы вместо вас пришла хозяйка и накормила меня ужином.

Мальчик повел гусей в хлев, который был довольно велик, и

оставил их в пустом стойле, где они мигом заснули. Себе же он соорудил маленькую постельку из соломы и лег, надеясь, что и сам тотчас же заснет.

Но не тут-то было: несчастная, некормленая корова ни минутки не могла постоять спокойно. Она трясла цепью, топталась в стойле и жаловалась на голод. Мальчик не сомкнул глаз и лежал, вспоминая все, что произошло с ним за эти последние дни.

Он думал об Осе-пастушке и маленьком Матсе, которых так неожиданно встретил. Стало быть, лачуга, которую он умудрился поджечь, и есть их старый дом в Смоланде! Он припомнил, как однажды они говорили о лачуге на большой вересковой пустоши. Теперь же дети вернулись пешком издалека, а когда добрались до своего родного дома, он полыхал огнем. И виноват во всем он, Нильс! Сердце его сжалось от боли. Если он когда-нибудь снова станет человеком, то постарается вознаградить Осу и Матса за то, что причинил им такое горе.

Потом мысли Нильса перенеслись к воронам, а когда он подумал о Фумле-Друмле, который спас его и погиб сразу же после того, как был избран хёвдингом, он так опечалился, что слезы выступили у него на глазах.

Сколько он пережил за последние дни! Но зато какое великое счастье выпало ему на долю — ведь гусак и Пушинка отыскали его!

Вот что рассказал белый гусак. Лишь только дикие гуси заметили, что Малыш-Коротыш исчез, они стали расспрашивать о нем всех встречных лесных зверюшек и птиц. И вскоре узнали, что Нильса похитила стая смоландского воронья. Но вороны уже скрылись из виду, а куда они улетели — никто не мог сказать. Тогда Акка велела диким гусям разбиться попарно и отправиться в разные стороны искать его. Однако спустя два дня, в любом случае — найдут они мальчика или нет, — гуси должны были встретиться в северо-западном Смоланде, на высокой горной вершине, что зовется Таберг и напоминает косо срубленную башню. Акка указала сородичам самые верные дорожные приметы и подробно описала, как найти Таберг. На том они и расстались.

Белый гусак выбрал в спутницы Пушинку; они летали повсюду, страшно беспокоясь о мальчике. Во время своих странствий они слышали, как пел-разорялся дрозд, сидевший на верхушке дерева. Он злился на кого-то, кто назвал себя Похищенным воронами и якобы насмехался над ним, самим дроздом! Мортен и Пушинка завязали беседу с дроздом, и он показал им, в какую сторону улетел этот самый Похищенный воронами. Потом им повстречались голубок, скворец и селезень.

Все они жаловались на злодея, который помешал им петь их песенки и которого звали Схваченный воронами, Плененный воронами и Украденный воронами. Так гусак с Пушинкой напали на след Малыша-Коротыша, и этот след привел их на вересковую пустошь в Суннербу.

Отыскав мальчика, они отправились с Нильсом на северо-запад к горе Таберг. Но лететь туда было далеко, темнота настигла их прежде, чем показалась гора. И, страшно измученные, они расположились на ночлег в усадьбе.

«Только бы добраться завтра до горы Таберг, и тогда конец всем заботам», — думал Нильс, глубже зарываясь в солому, чтобы согреться.

Корова никак не могла угомониться в своем стойле. И вдруг она заговорила с мальчиком:

— Кто-то из вас говорил, что он — домовой. Коли это правда, он должен уметь ходить за коровой!

— А что тебе надо? — спросил мальчик.

— Да все: меня сегодня и не доили, и не чистили, — ответила корова. — Мне не положили на ночь корма в ясли и не сменили соломенную подстилку. Как стало смеркаться, пришла сюда хозяйка — чтобы покормить и подоить меня, как всегда. Да только стало ей так плохо, что она сразу же ушла обратно и не вернулась.

— Вот досада, ведь я так мал и слаб, — сказал мальчик, — что вряд ли смогу помочь тебе.

— Зря ты вбил себе в голову, что ты слаб, потому что мал, — промычала корова. — Все домовые, о которых я слышала, были до того сильны, что могли притащить целый воз сена, а ударом кулака убить насмерть корову.

Мальчик, не удержавшись, расхохотался.

— Те домовые — не чета мне, — сказал он. — Но я отвяжу тебя, открою двери, и ты сможешь напиться воды из лужи на дворе. Еще я могу влезть на сеновал и сбросить тебе сена в ясли.

— Хоть и небольшая, а все-таки помощь! — обрадовалась корова.

Сказано — сделано. И скоро корова уже стояла перед яслями, полными сена. Наконец-то он спокойно заснет, подумал мальчик. Но только он забрался на свое ложе, как корова снова заговорила:

— Ты, наверно, рассердишься, если я попрошу тебя сослужить мне еще одну службу?

— Ладно уж, помогу, если это в моих силах! — ответил мальчик.

— Сходи тогда в дом, он прямо против скотного двора, и погляди, как там моя хозяйка. Боюсь, не стряслась ли с ней беда.

— Нет, этого я сделать не могу, — отказался мальчик. — Я не смею показаться людям на глаза.

— Неужто ты боишься дряхлой, больной старушки? — засмеялась корова. — Да и в дом тебе заходить не надо. Загляни только в дверную щелку.

— Ну если речь идет о такой малости, так и быть, схожу, — согласился мальчик.

Отворив двери хлева, он отправился к дому. Ночь была просто ужасная. На небе ни месяца, ни звездочки, в кромешной тьме выл ветер, хлестал дождь! А хуже всего было то, что на крыше дома, на самом коньке, сидели рядком семь больших сов. Мальчик с ужасом слушал, как они ухают и жалуются на скверную погоду. А что, если хоть одна из них заприметит его? Тогда он пропал.

— Бедный тот, кто ростом мал! — вздохнул мальчик. И было отчего сокрушаться. Пока он шел к дому, его дважды сбило с ног ветром. Один раз ветер загнал его в лужу, такую глубокую, что он чуть не утонул. Но все-таки он добрался до дома.

Взобравшись на крыльцо, он перекувырнулся через порог и вошел в сени. Дверь в горницу была заперта, но внизу, в одном из ее углов, было отверстие для кошки, чтобы она могла свободно бегать туда-сюда. И мальчик безо всякого труда смог заглянуть в горницу.

Но в тот же миг он отпрянул назад. Старая женщина с седыми волосами лежала, вытянувшись во весь рост, на полу. Она не шевелилась, не стонала, а лицо ее было таким белым, словно невидимый месяц отбросил на него свой бледный свет.

Нильс вспомнил, что, когда умер его дедушка, лицо у него стало таким же удивительно белым. И он понял, что старушка, должно быть, тоже умерла. Смерть, верно, настигла ее внезапно, и она не успела даже лечь в постель.

Мальчик страшно испугался, очутившись в кромешной тьме наедине с мертвой, и, сбежав стремглав с крыльца, помчался назад к скотному двору.

Выслушав его рассказ, корова перестала жевать сено.

— Стало быть, хозяйка померла! — промычала она. — Теперь и мне скоро конец.

— Найдется, верно, кому позаботиться о вас, — утешил корову Нильс.

— Ты не знаешь, — сказала она, — что я прожила уже вдвое больше отпущенных мне дней; кабы не хозяйка, меня давно бы повели на убой. Да я и не хочу жить, раз она больше не придет и не станет доить и холить меня.

Корова долго молчала, но мальчик чувствовал, что она не

спит. Потом корова спросила:

— Хозяйка лежит на голом полу?

— Да, — ответил мальчик.

— Раньше она всегда приходила на скотный двор и рассказывала о всех своих горестях и заботах. Я понимала эти речи, хоть и не могла ей отвечать. Последние же дни она ходила сама не своя — горевала, что никого с ней не будет, когда настанет ее последний час. Она боялась, что некому будет закрыть ей глаза и сложить руки на груди. Может, ты это сделаешь?

Мальчик заколебался. Ему вспомнилось, что, когда умер дедушка, мать обрядила его. Но ему казалось, что сам он не осмелится в эту жуткую ночь пойти к мертвой старушке. Он не сказал «нет», но и шагу к двери не сделал.

Помолчав немного, словно ожидая ответа, но так и не дождавшись его, корова стала рассказывать мальчику о своей хозяйке.

А о ней было что рассказать! И прежде всего о ее детях. Каждый день приходили они на скотный двор, ухаживали за скотиной, а летом пасли ее на лугах и болотах, так что корова все про них знала. Много радости принесли они своей матери — эти работящие, веселые и умные дети. Уж кто-кто, а корова знает, на что годны ее пастухи.

И усадьба не всегда была такой бедной, как нынче! Земли тут много, правда, пашни маловато, зато повсюду чудесные пастбища. Одно время в каждом стойле на скотном дворе стояло по корове, а воловий хлев, что теперь пуст, был битком набит волами. То-то радость и веселье царили и в доме, и на скотном дворе! Бывало, хозяйка отворяет ворота скотного двора, а сама поет-распевает. Коровы же, заслышав, что она идет, мычат от радости.

Но вот — умер хозяин. Пришлось хозяйке взять на свои плечи и усадьбу, и всю работу по дому, и заботу о малышах. Не уступая в силе мужику, она и пахала, и собирала урожай, и домовничала. По вечерам, приходя доить коров, она порой плакала от усталости.

Но вспомнив своих детей, вытирала слезы и бодро говорила: «Ничего, настанут и для меня счастливые деньки! Лишь бы дети подросли! Да, лишь бы дети подросли!»

Но стоило детям подрасти, как одолела их тоска, страшная тоска! Они не захотели оставаться дома и отправились в чужие края. И никакой подмоги матушка от них так и не дождалась. Кое-кто из них, правда, успел жениться, прежде чем уехал, вот они и оставили своих ребятишек в родном доме. И теперь, когда

хозяйка приходила на скотный двор, ее, точь-в-точь как когда-то родные дети, сопровождали внучата. Они тоже пасли коров. А по вечерам, когда хозяйка так уставала, что иной раз засыпала за дойкой коров, ее всегда поддерживала мысль о внуках. «Настанут и для меня счастливые деньки, — повторяла она, стряхивая с себя сон, — лишь бы внучата подросли!»

Но когда и внучата подросли и стали хорошими, дельными людьми, они все до единого уехали к родителям в чужие края. Никто из них не вернулся домой. И осталась старая хозяйка одна.

Никогда она не уговаривала ни детей, ни внуков жить с ней в усадьбе. «Неужто, Рыжуха, я стану им мешать, когда они могут повидать белый свет и найти свое счастье, — говаривала она, входя в стойло своей старой коровы. — А здесь, в Смоланде, их ждет только нищета».

Но когда уехал последний внук, хозяйка сразу сдала. Она сгорбилась, поседела и еле-еле таскала ноги. Она забросила работу и перестала хозяйничать в усадьбе: пропади, мол, все пропадом. А волов и коров распродала! Оставила себе всего-навсего одну старую корову, Рыжуху, которая и беседовала теперь с Малышом-Коротышом. Ее она пожалела — ведь все дети и внуки пасли ее когда-то.

Хозяйка могла бы нанять и служанок, и работников, которые помогали бы ей. Но ей видеть не хотелось возле себя чужих, после того как родные ее покинули. Казалось, она даже радовалась тому, что усадьба приходит в упадок. Раз никто из детей и внуков не приедет и не возьмет на себя хозяйство, пусть все идет прахом.

Больше всего она боялась, чтобы дети не проведали, как ей тяжко. «Только бы дети не узнали! Только бы дети не узнали!» — вздыхала она, ковыляя по скотному двору.

Дети без конца писали ей, просили приехать к ним. Но она не желала. Не желала даже видеть те края, которые отняли у нее детей и внуков, такая в ней жила обида. И тут же она укоряла себя: «Ну и дура я. Почему я не люблю те края, которые были так добры к ним?! Нет, все равно, не желаю их видеть!»

Ни о ком и ни о чем, кроме детей и внуков, она не помышляла. И все время думала: почему им пришлось уехать? Летом она выводила корову пощипать травку на большом болоте. Сама же целые дни, уронив руки на колени, сидела на краю болота, а по дороге домой говорила: «Видишь ли, Рыжуха, были бы здесь большие тучные пашни с доброй землей вместо этих скудных, тощих болот, они бы не уехали».

Порой она гневалась на болото, такое огромное, но не приносившее никакой пользы; болото виновато в том, что дети уехали, — часами толковала она.

Нынче же, в этот последний вечер, она очень ослабла, дрожала сильнее, чем всегда, и не в силах была даже подоить корову. Прислонившись к стойлу, она рассказала, что к ней приходили двое крестьян и хотели откупить у нее болото. «Они собираются вырыть канавы, отвести воду и сеять там хлеб. Слышь-ка, Рыжуха, — говорила она, — слышь-ка, они думают, будто на болоте может расти рожь. Напишу-ка я детям, пускай возвращаются домой. Незачем им оставаться в чужих краях, раз они могут прокормиться у себя дома!»

За этим-то она и пошла в дом…

Но мальчик уже не слушал, что рассказывала старая корова. Отворив двери хлева, он пошел в дом, к старушке, которую недавно так боялся.

Оглянувшись по сторонам, он увидел в горнице вещи, какие бывают только у тех, у кого родственники живут в Америке. В углу стояла американская качалка, стол перед окошком был покрыт цветастой плюшевой скатертью, на кровати лежало красивое покрывало. На комоде возвышались вазы и пара подсвечников с толстыми витыми свечами. На стене висели фотографии детей и внуков хозяйки.

Отыскав коробок со спичками, мальчик зажег свечи. И не для того, чтобы лучше видеть, а чтобы почтить, как ему казалось, память старушки.

Потом он подошел к ней, закрыл ей глаза, сложил на груди руки и откинул со лба седые, редкие волосы.

Он и думать забыл бояться. И был лишь глубоко опечален тем, что ей пришлось на старости лет коротать свои дни в тоске и одиночестве. И пусть хотя бы эту последнюю ночь она будет не одна. Он останется с ней…

И вдруг Нильс подумал об отце с матушкой: «Неужто родители могут так тосковать по своим детям?! Вот уж не знал! Неужто, когда дети уезжают, им кажется, будто жизнь их кончена? Неужто и у нас дома так же тоскуют по мне, как эта старушка тосковала по своим?!»

Он боялся этому поверить. Разве он стоит того, чтобы кто-то стал по нему тосковать? Но ведь он может стать другим!..

Со стен горницы серьезно и неулыбчиво, какими-то незрячими глазами смотрели дети и внуки хозяйки — щеголеватые крепкие мужчины, невесты в подвенечных уборах, одетые в белое дети.

— Бедняги! — обратился к ним Нильс. — Ваша матушка померла, и теперь ничем не исправить то, что вы от нее уехали. Но моя-то матушка жива!..

Оборвав свою мысль, он кивнул самому себе и заулыбался:

— Моя матушка жива! — повторил он. — И батюшка, и матушка мои — оба живы!

XVIII ОТ ГОРЫ ТАБЕРГ ДО ХУСКВАРНЫ

Пятница, 15 апреля

Мальчик заснул только под утро, и ему приснились отец с матерью. Он едва их узнал: оба постарели, поседели, и лица их покрылись морщинами. Он спросил, отчего они так переменились? А они ответили, что состарились от тоски по нему. Он и растрогался, и удивился, ведь он-то всегда думал, что они только и мечтают избавиться от него.

Когда мальчик проснулся, стояло ясное, погожее утро. Сначала он сам позавтракал кусочком хлеба, который нашел в горнице, потом задал корм и своим гусям, и корове. Затем открыл настежь ворота скотного двора, чтобы корова могла уйти в ближнюю усадьбу. Когда она явится туда одна, соседи, наверно, поймут — со старушкой стряслась беда. Они поспешат в заброшенную усадьбу — поглядеть, что с хозяйкой, найдут ее и похоронят.

Лишь только мальчик и гуси поднялись в воздух, они сразу же увидели вдали высокую гору с почти отвесными склонами и косо срезанной вершиной. И тотчас догадались, что это Таберг и есть.

А на вершине горы их уже ожидали Акка с Юкси и Какси, Кольме и Нелье, Вииси и Кууси и все шестеро гусят. То-то было радости! Когда они увидали, что гусак и Пушинка возвращаются вместе с Малышом-Коротышом, они так загоготали, так захлопали крыльями, что и описать невозможно!

Склоны горы Таберг почти доверху заросли лесом, но маковка ее осталась голой, и оттуда во все стороны открывались широкие просторы. Мальчик невольно подумал: правду говорит предание о Смоланде, будто тот, кто сотворил все это, не дал себе труда подумать, а рубанул с плеча, кое-как. На востоке, на юге, на западе нет почти ничего, кроме убогих плоскогорий с темными ельниками, бурыми болотами, скованными льдом озерами да синеющими горными кряжами. А на севере все по-иному. Сразу видно, что эту землю создавали с величайшей любовью и заботой. Всюду видны прекрасные горы, тихие долины и извилистые реки, текущие к огромному озеру Веттерн. Освободившись ото льда, оно сверкало и светилось таким ясным светом, словно было заполнено не водой, а горящими голубым огнем свечами.

Это озеро и делало северную сторону Смоланда такой красивой. Казалось, будто над озером поднимается голубая мерцающая дымка, окутывающая всю округу. Рощи и пригорки,

крыши и шпили башен города Йёнчёпинга, лежавшего на берегу озера Веттерн, тонули в ласкающей глаз светлой голубизне. «Если на небе есть какие-то земли, — подумал мальчик, — они, ясное дело, такие же голубые».

Когда наступил день, гуси продолжали свой перелет в голубые дали. Птицы были необычайно довольны и шумели так, что всякий, у кого были уши, не мог их не услышать.

Стоял первый по-настоящему погожий весенний день в здешних краях. До сей поры весна трудилась под дождем, в ненастье, а тут вдруг в один миг установилась прекрасная погода. Люди почувствовали такую страстную тоску по летнему теплу и зеленым лесам, что им стало трудно заниматься своими делами. Когда дикие гуси, вольные и веселые, пролетали высоко над землей, не нашлось ни одного человека, который бы не бросил работу и не поглядел им вслед.

Первыми увидели диких гусей рудокопы, добывавшие руду на горе Таберг. Услыхав гусиное гоготанье, рудокопы бросили бурить скважины для взрывчатки, а один из них закричал птицам:

— Куда летите? Куда летите?

Гуси не поняли их слов, но мальчик, свесившись со спины гусака, отвечал вместо них:

— Туда, где нет ни кирки, ни молотка!

Услыхав такой ответ, рудокопы подумали, что это их собственная тоска по летнему теплу и зеленым лесам превратила гусиное гоготанье в человеческую речь.

— Возьмите нас с собой! Возьмите нас с собой! — завопили они.

— Только не в нынешнем году! — отозвался мальчик. — Только не в нынешнем году!

Дикие гуси летели вдоль реки Табергсон, к озеру Мункшён и по-прежнему поднимали страшный шум и гам. Здесь, на узкой полоске земли между озерами Мункшён и Веттерн, лежит город Йёнчёпинг с его огромными фабричными корпусами. Дикие гуси пролетели сначала над Мункшё — бумажной фабрикой на берегу озера. Обеденный перерыв как раз кончился, толпы рабочих устремились к воротам фабрики.

Увидав диких гусей, они остановились на миг, прислушиваясь к их гоготанью.

— Куда летите? Куда летите? — закричал какой-то рабочий. Дикие гуси не поняли его слов, и вместо них ответил мальчик:

— Туда, где нет ни машин, ни паровых котлов!

Услыхав такой ответ, рабочие подумали, что это их собственная тоска по летнему теплу и зеленым лесам превратила гусиное гоготанье в человеческую речь.

— Возьмите нас с собой! Возьмите нас с собой! — закричали многие из них.

— Только не в нынешнем году! — отозвался мальчик. — Только не в нынешнем году!

Гуси пролетали уже над знаменитой, похожей на крепость спичечной фабрикой, поднимавшей к небу высокие трубы. На фабричных дворах, тянувшихся по берегу озера Веттерн, не видно было ни души. Но в огромном цехе сидели молодые работницы, набивая спичками коробки. Прекрасная погода заставила их распахнуть окна, и к ним донеслись клики диких гусей. Работница, сидевшая ближе всех к окну, высунулась оттуда со спичечным коробком в руках и закричала:

— Куда летите? Куда летите?

— В страну, где не нужны ни свечки, ни спички! — отвечал мальчик.

Девушке почудилось, будто она разобрала отдельные слова, и она закричала в ответ:

— Возьмите меня с собой! Возьмите меня с собой!

— Только не в нынешнем году! Только не в нынешнем году! — отозвался мальчик.

К востоку от фабрик, в прекрасном месте, о каком только может мечтать любой город, и находится Йёнчёпинг. Берега у продолговатого озера Веттерн — высокие, крутые, песчаные, как на востоке, так и на западе. На юге же песчаные эти стены чуть опускаются и образуют большие ворота, ведущие прямо к озеру. А посреди ворот расположен Йёнчёпинг. Позади города — озеро Мункшён, впереди его — озеро Веттерн.

Гуси, пролетая над этим длинным, узким городом, поднимали такой же шум, как и в селениях. Однако в городе им никто не ответил. Станут еще горожане останавливаться на улице и окликать диких гусей!

Полет продолжался вдоль берега озера Веттерн, и через час гуси уже парили над больницей Санна. Несколько больных вышли на веранду порадоваться весенней погоде — и услыхали вдруг гусиное гоготанье.

— Куда летите? Куда летите? — спросил один из них слабым, еле слышным голосом.

— В страну, где нет ни горя, ни болезней! — ответил мальчик.

— Возьмите нас с собой! — закричали больные.

— Только не в нынешнем году! — отозвался мальчик. — Только не в нынешнем году!

Пролетев еще немного вперед, гуси очутились над городком Хускварна, лежавшим в долине и окруженном красивыми

обрывистыми горами. Там с вершины одной из гор длинным узким водопадом низвергалась река. У подножья гор расположились мастерские и фабрики, на дне долины рассыпались домики рабочих и зеленые садики. А посреди них возвышались здания школы.

Только дикие гуси показались над долиной, как в тот же миг зазвонил колокол и на школьный двор выбежали дети. Их было так много, что они мгновенно заполнили весь двор.

— Куда летите? Куда летите? — закричали дети, услыхав клики диких гусей.

— Туда, где нет ни учебников, ни уроков! — отвечал мальчик.

— Возьмите нас с собой! — завопили дети. — Возьмите нас с собой!

— Только не в нынешнем году, а через год! — отозвался мальчик. — Только не в нынешнем году, а в будущем!

XIX БОЛЬШОЕ ПТИЧЬЕ ОЗЕРО

ЯРРО — ДИКИЙ СЕЛЕЗЕНЬ

На восточном берегу озера Веттерн высится гора Омберг, к востоку от нее расстилается болото Датсмоссе, а еще дальше на восток лежит озеро Токерн. Его окружает со всех сторон большая равнина Эстьётаслеттен.

Токерн — громадное озеро, однако в старину оно было еще больше. Потом людям показалось, что оно отнимает слишком много места у плодородной равнины, и они попытались отвести воду, чтобы сеять рожь и собирать урожай на дне озера. Однако осушить озеро целиком не удалось, и Токерн по-прежнему скрывает в своих глубинах плодородные земли. После первой попытки отвести воду озеро сильно обмелело. Берега его превратились в топкие, затянутые тиной болота, и повсюду над водой поднялись небольшие илистые островки.

Нашелся, однако, на свете некто, для кого болотистые берега озера и его илистые островки стали сущим раем. Это тростник. Любо ему стоять по колено в воде, только бы макушка была на свежем ветру. Такая ему тут благодать, что порой он вырастает выше человеческого роста и образует вокруг всего озера широкую зеленую живую изгородь, такую густую, что лодке тут почти не пробиться. И только там, где люди его выкорчевали, озеро стало доступно им.

Но хотя тростник не подпускает к озеру людей, он в то же время дает приют и защиту множеству других живых существ. В его густых зарослях, где в изобилии водится утиный корм — водоросли, мокрицы, личинки комаров, рыбья молодь да червяки, — птиц видимо-невидимо! А сколько здесь славных укромных местечек у берегов мелких заводей, прудочков и затонов, где водяные птицы могут высиживать яйца и выкармливать своих птенцов! Здесь они избавлены от врагов и от забот о прокорме.

Птиц тут и вправду не счесть.

А некоторые прилетают сюда из года в год, с тех пор как прознали, какое это прекрасное убежище. Первые, кто поселились здесь, были утки-кряквы; они и поныне тысячами гнездятся на озере. Но кряквы уже не владеют всем озером, а вынуждены делить его с лебедями, утками-поганками (их еще зовут чомгами или нырками), лысухами, утками-широконосками и тучами других птиц.

Токерн наверняка самое обширное и самое чудесное птичье озеро в стране, и птицы должны считать себя счастливыми, пока у них есть такое пристанище. Но долго ли им удастся сохранить власть над тростниковыми зарослями и илистыми берегами?! Ведь людям никак не забыть, что воды озера плещутся над доброй, плодородной землей; вот они нет-нет да и вспомнят об этом. И если они смогут осушить озеро, не одной тысяче птиц придется переселиться в другие края.

В те времена, когда Нильс Хольгерссон путешествовал по свету с дикими гусями, жил у озера Токерн, в стае крякв, селезень по имени Ярро. Был он еще совсем юным и прожил на свете всего одно лето, одну осень и одну зиму. А нынче настала первая в его жизни весна! Недавно он вернулся из Северной Африки и когда в назначенный срок добрался до озера, оно еще лежало под ледяным покровом.

Однажды вечером, когда Ярро вместе с другими кряквами забавлялся, летая над озером наперегонки, какой-то охотник выпустил в птицу несколько зарядов. Он попал селезню в грудь. Не желая достаться подстрелившему его охотнику, селезень продолжал лететь из последних сил, не думая, куда летит, и желая лишь уйти подальше. Так он миновал озеро и опустился у ворот большой крестьянской усадьбы на берегу озера Токерн. Подобрал селезня молодой работник и, увидев, что тот еще жив, — селезень из последних сил клюнул ему палец, — осторожно перенес его в горницу и показал хозяйке, молодой женщине с ласковым лицом. Она тотчас взяла Ярро на руки, погладила его по спинке и стерла кровь, выступившую на покрытой пухом грудке. Он был так красив, этот раненый селезень: темно-изумрудная блестящая головка, белое ожерелье на шее, коричневато-красная спинка и синие с серебристым отливом зеркальца на крыльях, — что женщине стало очень жаль его. Быстро соорудив в плетеной корзинке гнездо, она уложила в него селезня. Ярро все время хлопал крыльями и боролся, желая вырваться на волю. Когда же он понял, что люди вовсе не собираются его убивать, он спокойно улегся в корзинке и погрузился в сон.

Селезень проснулся оттого, что кто-то тихонько толкал его в бок. Открыв глаза, Ярро страшно перепугался. Теперь-то он уж точно пропал! Рядом с ним стоял тот, кто был опаснее и людей, и хищных птиц: сам Цезарь, длинношерстный охотничий пес, натасканный на птиц. И он с любопытством обнюхивал Ярро.

Прошлым летом, когда Ярро был еще желтеньким пушистым утенком, он всякий раз пугался, заслышав над зарослями тростника отчаянный крик:

— Цезарь идет! Цезарь идет!

И если Ярро видел, как этот коричневый, в белых пятнах, с клыкастой пастью пес бредет среди тростниковых зарослей, ему чудилось, будто перед ним — сама смерть. Больше всего на свете селезень боялся встретить Цезаря.

И на беду свою Ярро угораздило попасть в ту самую усадьбу, что была Цезарю домом. И вот теперь пес стоял над ним.

— Это еще кто такой? — проворчал Цезарь. — Как ты попал в эту горницу? Разве твой дом не в тростниковых зарослях?

Ярро едва собрался с духом ему ответить и пискнул:

— Не гневайся на меня, Цезарь, за то, что я попал в эту горницу! Это не моя вина. Меня подстрелили. И люди сами уложили меня в корзинку.

— Вот как? Стало быть, люди сами уложили тебя в корзинку! — тявкнул Цезарь. — Значит, они собираются тебя вылечить. Хотя, по мне, было бы куда умнее съесть тебя, раз ты в их руках. Но все равно в этой горнице ты в безопасности. И нечего так дрожать. Мы — не на озере Токерн.

С этими словами Цезарь отошел и улегся перед пылающим очагом. Лишь только Ярро понял, что ужасная опасность миновала, он ощутил страшную усталость и снова погрузился в сон.

Когда селезень проснулся, он увидел, что перед ним стоит плошка с зерном и мисочка с водой. Несмотря на слабость, он принялся есть. Хозяйка, увидев, что он клюет зерно, подошла и ласково погладила его. Ярро снова заснул. И так много дней подряд он только и делал, что спал да ел.

Однажды утром Ярро почувствовал себя настолько бодрым, что вылез из корзинки и заковылял по полу, но, не сделав и нескольких шагов, упал да так и остался лежать. Тут подоспел Цезарь, разинул свою огромную пасть и схватил селезня. Ярро снова подумал, что пес собирается его загрызть, но Цезарь бережно отнес селезня в корзинку, не причинив ему ни малейшего вреда. Ярро проникся необычайным доверием к Цезарю и в следующий раз, когда отправился разгуливать по горнице, подошел прямо к Цезарю и улегся рядом с ним. С тех пор пес и селезень стали добрыми друзьями, и каждый день теперь Ярро подолгу спал в лапах у Цезаря.

Но еще больше, чем к Цезарю, Ярро привязался к хозяйке. Ее он ни чуточки не боялся и даже терся головкой о хозяйкину руку, когда она приносила ему корм. Стоило ей выйти из горницы, как он вздыхал от горя; когда же она возвращалась, он радостно кричал ей на своем утином языке:

— Добро пожаловать!

Ярро начисто забыл, как он прежде боялся и собак, и людей. Теперь ему казалось, что они кротки, добры, и он полюбил их. Ему хотелось скорее выздороветь, полететь на озеро Токерн и возвестить всем уткам-кряквам, что их заклятые враги совсем неопасны и нечего их бояться.

Ярро заметил — у людей, как и у Цезаря, глаза такие спокойные-спокойные. Заглянешь в них, и тебе становится хорошо! Единственная обитательница горницы, с кем он не любил встречаться взглядом, была Клурина — домашняя кошка. Правда, и она не причиняла ему зла, но он ей ни капельки не доверял. Кроме того, она вечно насмехалась над ним за то, что он так привязался к людям.

— Думаешь, они из любви заботятся о тебе? — говорила Клурина. — Вот погоди, разжиреешь, они быстро свернут тебе шею! Уж я-то их знаю!

У Ярро, как у всех птиц, было нежное, преданное сердце, и кошкины слова ужасно огорчали его. Он не мог поверить, что хозяйка захочет свернуть ему шею. Ничего подобного не мог он подумать и о ее сынке, крошечном мальчугане, который, лепеча и мирно играя, часами просиживал возле его корзинки. Ярро казалось, что люди любят его не меньше, чем он их.

Однажды, когда Ярро с Цезарем, как обычно, лежали у очага, Клурина, усевшись рядом, начала дразнить селезня:

— Любопытно, Ярро, что вы, утки-кряквы, станете делать на будущий год, когда Токерн осушат и превратят в пашню?!

— Что ты такое мяукаешь, Клурина! — в ужасе вскочил Ярро.

— Ах, я всегда забываю, Ярро! Ведь ты не понимаешь людские речи! Не то что мы с Цезарем! — замурлыкала кошка. — А не то бы ты услыхал, как еще вчера работники, которые приходили к хозяину, толковали, будто из озера Токерн отведут всю воду и дно его на будущий год станет сухим, как пол в нашей горнице. Куда же вы, утки-кряквы, тогда денетесь?

Услыхав кошкины слова, Ярро так разозлился, что зашипел, словно уж.

— Ты — злюка, точь-в-точь как птица-лысуха, — закричал он Клурине. — Ты хочешь натравить меня на людей! Не верю, чтоб они замыслили такое! Ведь они-то знают, что Токерн — собственность крякв! Зачем людям обездоливать и лишать родного дома тысячи птиц?! Все это ты нарочно придумала, хочешь меня запугать. Чтоб тебя задрал Горго-орел! Чтоб хозяйка отрезала тебе усы!

Но утихомирить Клурину Ярро не смог.

— Так-так… по-твоему, я лгу! — мяукнула она. — Спроси тогда Цезаря! Он тоже был вчера вечером в горнице! Цезарь

никогда не врет!

— Цезарь, — сказал Ярро, — ты понимаешь человеческие речи куда лучше Клурины. Правда, она ослышалась? Подумай только, что станется со всеми нами, если люди осушат озеро Токерн и превратят его в пашни! Тогда там не будет ни водорослей, ни корма для взрослых уток, ни мокриц, ни рыбьей молоди, ни лягушек, ни личинок комаров для утят. Тогда исчезнет и тростник, где теперь могут прятаться утята, что еще не умеют летать. Уткам придется искать себе другое пристанище. А где найдешь такой приют, как на озере Токерн? Цезарь, скажи, правда ведь, Клурина ослышалась?

Пес во время беседы Ярро с кошкой вел себя как-то странно. Он не спал, но когда селезень обратился к нему, пес зевнул и, уткнувшись длинным носом в передние лапы, мигом заснул глубоким сном.

Кошка, лукаво улыбаясь, взглянула на Цезаря.

— Сдается мне, Цезарь не хочет тебе отвечать, — сказала она селезню. — Все они одинаковы, эти собаки: не желают признавать, что люди способны на несправедливость. Мне-то уж можешь поверить; я открою тебе тайну, почему они как раз теперь собираются осушить озеро. Пока вы, кряквы, одни владели озером, люди не хотели спускать воду. Ведь от вас какой-никакой, а все же прок. Теперь же утки-поганки да лысухи и разные другие птицы, непригодные для еды, захватили почти все тростниковые заросли. Зачем же людям ради них сохранять все озеро?

Ярро, и не подумав отвечать Клурине, вытянул шею и закричал Цезарю в самое ухо:

— Цезарь! Ты же знаешь, там еще столько крякв, что они тучами носятся над озером! Скажи: ведь люди не могут сделать их всех бездомными?! Скажи: это неправда!

Тут Цезарь вскочил и так набросился на Клурину, что та, спасаясь от него, прыгнула на полку.

— Я научу тебя помалкивать, когда я сплю! — прорычал Цезарь. — Неужто я не знаю, что люди собираются спустить воду из озера в нынешнем году?! Но об этом и прежде толковали уже не раз, да ничего не вышло! А такое черное дело не по мне, нет моего согласия на это! Если Токерн осушат, где я стану охотиться? Дура ты, Клурина, радуешься чужим бедам! А где ты да я станем забавляться, когда на озере не будет больше птиц?

МАНОК

Воскресенье, 17 апреля

Через несколько дней Ярро уже так оправился, что мог летать по всей горнице. Хозяйка то и дело гладила его, а малыш выбегал на двор и собирал для него первые травинки. Когда хозяйка ласкала селезня, ему не хотелось разлучаться с людьми и он готов был остаться с ними навсегда.

Но однажды ранним утром хозяйка накинула на крылья селезня какие-то силки, мешавшие ему подняться в воздух, и передала Ярро работнику, тому самому, который нашел его в усадьбе. Сунув Ярро под мышку, работник спустился с ним вниз к озеру Токерн.

Пока селезень хворал, лед уже стаял. Старый, сухой прошлогодний тростник еще окаймлял берега и небольшие каменистые островки. Но водяные растения начали давать побеги, и их зеленые верхушки уже показались кое-где на водной глади. Почти все перелетные птицы вернулись домой. Из тростника торчали изогнутые клювы кроншнепов. По воде скользили утки-поганки с новенькими пышными воротничками из перьев, спускавшимися на их прямые шеи, а бекасы тащили травку для своих гнезд.

Работник сел в лодку-плоскодонку, положил Ярро на дно и начал отталкиваться шестом от берега. Тут в лодку прыгнул Цезарь. Селезень, уже привыкший видеть от людей только добро, сказал ему, что очень благодарен работнику, который вывез его на озеро. Только незачем было опутывать его силками! Он вовсе не собирается улетать от хозяев. Цезарь не ответил. Да и вообще в то утро он был неразговорчив.

Ярро, правда, немного удивило, что работник захватил с собой ружье. Ему не верилось: неужто кто-либо из добрых людей, живших в крестьянской усадьбе, захочет стрелять птиц? Да и Цезарь говорил ему, будто люди в эту пору не охотятся.

— Охотиться сейчас запрещено, но, ясное дело, этот запрет не для меня, — гордо произнес пес.

Тем временем работник подплыл к одному из небольших, окруженных тростником островков. Он вылез из лодки, собрал сухой тростник в большую кучу, а сам спрятался за ней. Ярро же, опутанному силками и привязанному к лодке длинной веревочкой, позволили погулять по мелководью.

Вдруг Ярро заметил несколько молодых селезней, вместе с которыми он прежде не раз летал наперегонки над озером. Они были далеко, но Ярро подозвал их к себе громким кряканьем. Они ответили на его клич, и большая красивая стая крякв начала приближаться к островку. Они еще подлетали, когда Ярро начал рассказывать им о своем чудесном спасении и о людской доброте. Вдруг за его спиной прогремели два выстрела. Три утки упали

мертвыми в заросли тростника, а Цезарь, бултыхнувшись в воду, подобрал их.

И тогда Ярро понял. Люди спасли его, чтобы сделать манком. Им это удалось — три утки погибли по его вине. Ему казалось, что он и сам вот-вот умрет от стыда и что даже его друг Цезарь с презрением смотрит на него. Когда они вернулись домой, селезень не посмел лечь рядом с собакой.

На другое утро Ярро снова отвезли на отмель, И на этот раз он вскоре заметил нескольких уток. Но увидев, что они летят к нему, селезень закричал:

— Прочь! Прочь! Берегитесь! Летите в другую сторону. За тростником прячется охотник! Я только манок!

К счастью, кряквы его услышали и пролетели стороной.

Ярро был так занят сторожевой службой, что даже не успел пощипать травы. Стоило хоть одной птице приблизиться к островку, как он выкрикивал ей свое предостережение. Он предупреждал даже уток-поганок, хотя терпеть их не мог. Ведь они выживали крякв из самых лучших убежищ! Но Ярро не желал, чтобы хоть одна птица попала в беду из-за него. И в этот день работнику пришлось вернуться домой, так и не сделав ни одного выстрела.

Несмотря на это, Цезарь в тот день был настроен более ласково, чем вчера. А когда настал вечер, он, схватив селезня зубами, отнес его к очагу и держал в своих лапах, пока тот спал. Но Ярро уже не жилось в усадьбе так хорошо, как прежде; он был глубоко несчастен. Сердце его разрывалось при мысли о том, что люди никогда его не любили. Когда хозяйка или малыш подходили погладить селезня, он засовывал клюв под крыло и притворялся спящим.

Много дней подряд нес Ярро свою горькую сторожевую службу, и его уже хорошо знали на всем озере Токерн. Но вот однажды утром, когда он по своему обыкновению прокричал: «Берегитесь, птицы! Не приближайтесь ко мне! Я всего лишь манок!» — к отмели, где он был привязан, подплыло гнездо утки-поганки. Ничего удивительного в этом не было. Гнездо сохранилось с прошлого года, а так как поганкины гнезда построены так, что могут плавать по воде, словно лодки, их часто носит по озеру. Но Ярро застыл на месте, не спуская глаз с гнезда; оно так уверенно плыло прямо к каменистому островку, словно чья-то рука направляла его.

Когда же гнездо очутилось совсем близко, Ярро увидел, что в нем сидит и гребет двумя щепками крошечный человечек — такого крошечного ему еще видеть не доводилось. И этот человечек прокричал селезню:

— Спустись как можно ближе к воде, Ярро, и приготовься! Скоро тебя освободят, и ты сможешь улететь!

Миг спустя поганкино гнездо причалило к берегу, но маленький гребец не покидал его, а молча сидел, забившись между веточками и соломинками. Ярро тоже не шевелился. Он словно окаменел от страха при мысли, что его спасителя могут обнаружить.

Вдруг в воздухе показалась стая диких гусей. Ярро, опомнившись, предупредил их громким кряканьем, но, несмотря на это, они несколько раз пролетели взад-вперед над отмелью. Правда, они держались так высоко, что выстрел бы их все равно не достал, но работник все-таки не удержался, и несколько раз пальнул им вслед. Не успели отгреметь выстрелы, как крошечный мальчуган, прыгнув на берег, вытащил из чехла маленький нож и быстрыми ударами перерезал силки, стягивавшие крылья селезня.

— Улетай, Ярро, пока работник не перезарядил ружье! — воскликнул он. Сам же, вскочив в поганкино гнездо, оттолкнулся от берега.

Охотник не сводил глаз с гусей и не заметил, как Ярро освободили. Пес же следил за тем, что происходит, и лишь только Ярро поднял крылья, он, ринувшись вперед, вцепился ему в шею. Селезень жалобно закричал, но мальчуган, освободивший его, с величайшим спокойствием сказал Цезарю:

— Если ты и на самом деле столь же благороден, как кажешься, ты не захочешь вынудить эту честную птицу сидеть здесь, накликая беду на других!

В ответ Цезарь недовольно оскалился, но все же отпустил селезня.

— Улетай, Ярро! — рявкнул он. — Ты и вправду слишком хорош для того, чтобы служить манком! И вовсе не ради этого я хотел тебя удержать. Ведь без тебя в доме станет так пусто!

КАК ЛЮДИ ХОТЕЛИ ОСУШИТЬ ОЗЕРО

Среда, 20 апреля

В самом деле, в крестьянской усадьбе стало ужасно пусто и тоскливо без селезня. Время для собаки и кошки тянулось медленно; не из-за кого стало грызться. Хозяйке же недоставало радостного кряканья, которым ее встречал селезень. Однако больше всех тосковал по Ярро малыш, Пер-Ула. Трех лет от роду, единственный ребенок в семье, он никогда в жизни ни с кем не играл так весело, как с селезнем. Услыхав, что Ярро остался на озере Токерн со своими утками, он не мог примириться с этим и

все думал да думал о том, как бы вернуть селезня обратно.

Ведь Пер-Ула часто болтал с Ярро, пока тот молча лежал в своей корзинке, и малыш был уверен, что селезень понимает его. Вот он и стал просить матушку отвести его вниз к озеру. Он обязательно встретит там селезня и уговорит его вернуться. Матушка не желала и слушать сына, но малыш не отставал.

На другой день после того, как Ярро исчез, хозяйка, выпустив мальчика во двор поиграть, приказала Цезарю, который лежал на крыльце:

— Цезарь, присматривай за Пером-Улой!

Если бы все было как обычно, Цезарь послушался бы ее приказа и зорко караулил мальчика, не отпуская от себя ни на шаг. Но Цезарь в эти дни был сам не свой. Он знал, что крестьяне, жившие на берегах озера, всерьез принялись обсуждать, как осушить Токерн. Уткам придется улететь прочь, а ему, Цезарю, никогда больше не видать хорошей охоты. Пес был так поглощен мыслями о своей беде, что забыл про Пера-Улу.

Малыш, предоставленный самому себе, тут же решил спуститься вниз к озеру и потолковать с селезнем. Отворив калитку, Пер-Ула затопал по узкой тропинке, проложенной на топких заболоченных лугах. Пока его видно было из усадьбы, он шел медленно, а потом припустил без оглядки. Он страшно боялся, что матушка или кто другой окликнут его и не пустят на озеро. Хоть он ничего дурного не замышлял, но все же чувствовал, что домашние не одобрили бы его поступка.

Спустившись вниз к берегу, Пер-Ула несколько раз окликнул селезня и долго-долго ждал его. Мимо пролетали целые стаи уток, похожих на крякв, но они не обращали на мальчика ни малейшего внимания. Значит, Ярро среди них не было.

И Пер-Ула надумал сам отправиться к нему на озеро, где, верно, легче будет отыскать селезня. У берега стояла уйма хороших лодок, но все они были крепко-накрепко привязаны. И лишь старая, рассохшаяся плоскодонка, такая дырявая, что никому и в голову не пришло бы прокатиться на ней, стояла пустая и не на привязи. Пер-Ула влез в плоскодонку, ничуть не смущаясь тем, что дно ее залито водой. Грести он не мог и вместо этого стал изо всех сил раскачивать лодку. Никому из взрослых, наверное, не удалось бы вынести такую плоскодонку на озеро. Но когда на озере высокая вода и опасность подстерегает на каждом шагу, у малышей вдруг обнаруживается удивительная тяга к мореплаванью. Вскоре Пер-Ула уже плыл в лодке по озеру Токерн и звал селезня.

Стоило старой плоскодонке немного покачаться на волнах, как вода хлынула во все щели. Но Пер-Ула, ничуть не беспокоясь,

сидел на маленькой скамье на носу, окликая каждую птицу, пролетавшую мимо, и удивляясь, что Ярро не показывается.

В конце концов селезень услыхал крики мальчика и понял, что тот его разыскивает. Ярро несказанно обрадовался — хоть один из людей искренне любит его. Он стрелой кинулся к Перу-Уле, уселся рядом с ним и дал себя погладить. Оба были безмерно счастливы свидеться вновь.

Внезапно Ярро заметил, что плоскодонка наполовину заполнилась водой и вот-вот потонет. Он попытался втолковать Перу-Уле, что ему надо поскорее выбираться на берег — ведь ни летать, ни плавать он не умеет. Но малыш его не понимал. Тогда, не мешкая ни минуты, Ярро поспешил за помощью.

Вскоре он вернулся, неся на спине крошечного мальчугана, который был ростом намного меньше Пера-Улы. Если бы мальчуган не говорил и не двигался, его можно было бы принять за куклу. Он велел Перу-Уле тотчас взять длинный узкий шест, лежавший на дне плоскодонки, и с его помощью подвести лодку к одному из островков. Пер-Ула послушался и вместе с мальчуганом стал гнать лодку вперед. Несколько ударов шестом, и они подплыли к каменистому островку, окаймленному тростником. И в тот самый миг, когда нога малыша коснулась земли, плоскодонка, доверху наполнившись водой, затонула.

Увидев это, Пер-Ула уже не сомневался, что батюшка с матушкой страшно рассердятся. Он собрался было заплакать, но тут на островок опустилась стая больших серых птиц — это были дикие гуси. Крошечный мальчуган подвел Пера-Улу к птицам и стал рассказывать ему, как их зовут и что они говорят Малышу стало ужасно весело, и он забыл обо всем на свете.

Между тем в усадьбе хватились мальчика и стали его искать. Обшарили все сараи, клети и чуланы, заглянули в колодец и спустились в погреб. Узнавали и в соседних усадьбах, не заблудился ли Пер-Ула и не попал ли туда; поискали мальчика по всем окрестным дорогам, тропкам, да и внизу на берегу озера. Но его нигде не было, найти его не смогли.

Цезарь сразу догадался, что хозяева ищут Пера-Улу, но он и лапой не пошевелил, чтобы навести их на верный след. Он молча лежал на своем месте, будто дело это его вовсе не касается.

Лишь после полудня обнаружили следы мальчика внизу у причала. И тогда же заметили, что старая, рассохшаяся плоскодонка исчезла.

Хозяин с работниками тотчас сели в лодки и вышли на Токерн искать мальчика. Допоздна плавали они по озеру, но следов ребенка так и не нашли. Все решили: старая посудина затонула, и малыш мертвый лежит на дне озера.

Вечером мать Пера-Улы бродила по берегу. Хотя никто уже не сомневался в том, что мальчик утонул, она не могла поверить в это и продолжала искать сына. Она искала его в зарослях тростника и камыша, без устали бродила по низкому, заболоченному берегу, не замечая, что ходит по воде и что промокла насквозь. Ее душило безысходное отчаяние. Она не плакала, но непрестанно ломала руки и громким жалобным голосом звала своего сына.

Вокруг не смолкали крики лебедей, уток и кроншнепов. Женщине казалось, что птицы следуют за ней по пятам и жалуются и сетуют, точь-в-точь как она сама. «Должно быть, и у них горе, раз они так стонут», — подумала она. Но тут же опомнилась. Ведь это же всего-навсего птицы. Какое у них может быть горе!

Даже после захода солнца не смолкли горестные крики птиц. Многие следовали за женщиной и, разрезая крыльями воздух, со свистом и стонами проносились над ее головой.

Наконец отчаяние, переполнявшее сердце матери, заставило ее понять, что и у птиц может быть горе. Ведь и у них свои заботы о гнезде и о птенцах, свои огорчения и тревоги. И не такая уж большая разница между человеком и всеми живыми существами.

Тут она вспомнила, что крестьяне почти решили согнать с озера всех птиц, лишить их родного дома. «Вот какое у них горе! — подумала она. — Где они теперь будут вскармливать своих птенцов?»

Казалось бы, доброе и славное дело — превратить озеро в пашни и луга, но, может, надо осушить не Токерн, а какое-нибудь другое озеро, которое не служит прибежищем для стольких птиц?

Да, завтра крестьяне окончательно решат судьбу озера. И не потому ли ее маленький сынок как раз сегодня и пропал? Может это предостережение, чтобы склонить ее сердце к милосердию и, пока не поздно, предотвратить столь жестокое деяние?!

Женщина быстро направилась в усадьбу и поделилась своими думами с мужем. Она сказала, что смерть Пера-Улы — кара им обоим. И сразу поняла: муж ее думает то же, что и она.

У них и без того был большой надел земли, но если бы воду в озере спустили, их владения бы удвоились. Потому-то они пеклись об этом больше других крестьян. И как раз отец Пера-Улы подбил соседей пойти на такое дело, чтобы оставить сыну вдвое больше земли, чем ему самому досталось от отца.

И вот теперь Токерн отобрал у него сына накануне того дня, когда он должен был подписать контракт об осушении озера. Жене не пришлось долго отговаривать его от этой затеи.

— Да, наверно, Господу не угодно, чтобы мы нарушили

сотворенный им порядок, — сказал он, — я утром поговорю об этом с другими и думаю, мы так и решим! Пусть все остается, как есть.

Пока хозяева толковали меж собой, Цезарь лежал у очага. Приподняв голову, он внимательно слушал. Когда же ему показалось, что теперь дело выгорело, пес подошел к хозяйке и, вцепившись зубами в подол юбки, повел ее к двери.

— Цезарь! Никак ты знаешь, где Пер-Ула?! — закричала она.

Радостно залаяв, пес бросился к двери. Она отворила дверь, и Цезарь ринулся прямо вниз, к озеру. Теперь хозяйка была уверена, что он знает, где Пер-Ула, и побежала следом за ним. И стоило им спуститься вниз к берегу, как с озера послышался детский плач.

Пер-Ула провел с Малышом-Коротышом и птицами самый веселый день своей жизни, но потом вдруг заплакал, потому что проголодался и боялся темноты. Он очень обрадовался, когда появились матушка с Цезарем, а следом за ними отец и забрали его домой.

XX ПРЕДСКАЗАНИЕ

Пятница, 22 апреля

Как-то ночью Нильс спал на небольшом скалистом островке озера Токерн; проснулся он от ударов весел. Едва он открыл глаза, как его ослепил такой яркий свет, что мальчик начал мигать и щуриться.

Вскоре на краю тростниковых зарослей он заметил плоскодонку, на корме которой на железном штыре был укреплен горящий смоляной факел. Багровое пламя факела отражалось в водах черного, как ночь, озера, и яркий свет, должно быть, привлекал рыб: вокруг отблесков пламени мелькало множество темных полосок; они непрерывно шевелились, то и дело меняясь местами.

В плоскодонке сидели два старика. Один греб, другой, стоя на корме, держал в руках короткую острогу с грубыми крючками на конце. Тот, что греб, в своем тонком поношенном плаще походил на бедного рыбака. Он был мал ростом, суховат и, судя по обветренному лицу, привык, видно, выходить на озеро в любую погоду. Другой — плотный, хорошо одетый крестьянин, держался с достоинством, уверенно, должно быть, жил он в достатке.

— Стой! — приказал крестьянин, когда лодка подошла к каменистому островку, где спал Нильс, и с этими словами метнул острогу в воду. Когда же он вытащил ее, из озерной глуби, на крючке извивался великолепный длинный угорь.

— Глянь-ка, — сказал крестьянин, снимая угря с крючка. — Хорош! Такого не стыдно домой принести. Богатый у нас улов! Можно спокойно поворачивать обратно.

Но спутник его не брался за весла, а сидел озираясь вокруг.

— Красота-то какая сегодня ночью на озере! — сказал он.

На озере и в самом деле было красиво. Стояла мертвая тишина, и вся водная гладь словно отдыхала, застыв в блаженном покое. Его нарушали лишь полоски на воде, там, где прошла лодка. Озеро мирно лежало, будто золотистая дорожка, освещенная огнем. Ясное, иссиня-черное небо было густо усеяно звездами. Берега, кроме западного, скрывались за островками, поросшими тростником. Там, на западе, огромным треугольником чернела на небосводе гора Омберг, мрачная и могучая, казавшаяся еще более высокой, чем обычно.

Крестьянин отвернул лицо, чтобы отблески пламени не слепили глаза, и огляделся вокруг.

— Да, красиво здесь, в Эстеръюльне,[22] — произнес он, — но

красота здешних мест — это еще не самое важное.

— Что же тогда самое важное? — спросил гребец.

— А то, что здешние края люди всегда любили и почитали!

— Да, наверно, это правда.

— Хорошо бы знать, что так пребудет вечно.

— Кто ж это может знать? — спросил сидевший на веслах.

— В нашем роду хранится старинное предание, — заговорил крестьянин, опираясь на острогу, — которое переходит от отца к сыну, а в предании говорится о том, что станется с Эстеръётландом.

— Может, расскажешь? — попросил гребец.

— Мы не рассказываем это предание всем встречным-поперечным, но от старого товарища не утаю:

* * *

— В поместье Ульвоса, здесь в Эстеръётланде… — начал крестьянин (по голосу его чувствовалось, что историю эту он не раз слыхивал от других и выучил ее назубок). — Так вот, в поместье этом много лет тому назад жила одна госпожа. Она владела даром ясновидения, умела заглядывать в будущее и предсказывать людям, что с ними случится, до того точно, словно уже видела это собственными глазами. Зато и шла о ней слава повсюду. Из ближних и дальних краев к ней валили люди, желая узнать свое будущее.

И вот сидела как-то хозяйка Ульвосы в зале своего замка и пряла, как водилось в былые времена. Тут в зал вошел бедный-пребедный крестьянин и сел на лавку возле самых дверей.

— Хотелось бы знать, любезная фру, о чем вы думаете? — немного погодя спросил крестьянин.

— Думаю я о возвышенных и священных делах, — отвечала она.

— Ну а если я спрошу вас о том, что меня заботит?

— Да у тебя, поди, одна забота — как бы побольше собрать зерна со своей пашни. Ну, а я привыкла, чтоб мне задавали вопросы императоры — удержится ли у них на голове корона. Или папа римский — сохранит ли он ключи своей власти.

— Да, на такие вопросы отвечать, видно, нелегко. Слышал я еще, будто никто не ушел отсюда довольный тем, что ему предсказали.

Тут хозяйка Ульвосы, закусив губу, чуть приподнялась на скамье.

— Так вот что ты обо мне слышал! — молвила она. — Ну что

ж, спроси и ты меня, о чем хотел. Посмотрим, смогу ли я потрафить тебе.

Крестьянин поведал ей свое дело. Он пришел спросить, что ждет в будущем провинцию Эстеръётланд? Дороже родного края для него нет ничего на свете, и если он услышит обнадеживающий ответ на свой вопрос, то успокоится до конца дней своих.

— Ну, если ты только это хочешь узнать, — молвила мудрая госпожа, — думаю, останешься доволен. Знай — не сойти мне с места — Эстеръётланд ждет счастливая участь! Этой провинции всегда найдется чем похвалиться перед другими.

— Славный ответ, любезная фру! — сказал крестьянин, — и я им премного доволен; только хотелось бы знать, как это сделается.

— Очень просто, — ответила хозяйка Ульвосы. — Ведь Эстеръётланд и так уже широко известен! Разве найдется в Швеции хотя бы одна область, которая может похвалиться сразу двумя такими монастырями, как Альвастра и Врета, и таким чудесным собором, как в Линчёпинге?

— Так-то оно так, — сказал крестьянин, — да только я человек старый и знаю, что пристрастия людей со временем меняются. Боюсь, настанет час, когда они не будут почитать наш край ни за Альвастру, ни за Врету, ни за наш собор.

— Может, ты и прав, — молвила хозяйка Ульвосы, — но все равно можешь не сомневаться в моем пророчестве. Я велю возвести новый монастырь в усадьбе Вадстена, и он, пожалуй, станет самым знаменитым на Севере. Туда будет ездить и знать, и простой люд, и все станут прославлять этот край за то, что в его пределах есть такая святыня.

Крестьянин ответил, что рад ее словам. Только ему хотелось бы знать, что принесет их краям честь, если монастырь в Вадстене вдруг утратит свою славу.

— Нелегко тебе угодить, — сказала хозяйка Ульвосы, — но я все же могу заглянуть в будущее и предсказать: прежде чем монастырь в Вадстене утратит свой блеск, рядом с ним воздвигнут замок, великолепнее которого по тем временам не будет на свете. И станут гостить в том замке короли да князья, и сия прекрасная жемчужина прославит наш край.

— И это мне тоже отрадно слышать, — сказал крестьянин. — Но я человек старый и знаю, как преходяща слава всех королей и князей. А если и замок придет в упадок, любопытно, что привлечет взоры людей к здешним краям?

— Многое же ты хочешь знать, — молвила хозяйка Ульвосы, — но я все же могу заглянуть в будущее и предсказать:

вижу, как жизнь бьет ключом в лесах вокруг Финспонга! Вижу, как встают там железоделательные заводы и кузни, и полагаю, что вся провинция будет в великой чести, когда там станут добывать железо!

Крестьянин не скрывал, сколь радостно ему слышать такое.

— Ну а если грянет беда и Финспонгский рудник тоже утратит свою славу?

— Нелегко тебе угодить, — вздохнула хозяйка Ульвосы, — но я все же могу заглянуть в будущее и предсказать: вижу, как господа возводят в приозерье большие, богатые поместья. Думается мне, эти господские усадьбы украсят наши края куда больше, чем все, о чем я говорила.

— Ну а если настанет время, когда эти большие поместья никого уже не удивят? — стоял на своем крестьянин.

— Все равно, не бойся, — сказала хозяйка Ульвосы. — Вижу, как у самого берега озера Веттерн бурлят старейшие у нас в стране целебные источники на лугах Медеви. Эти источники принесут нашим краям небывалую славу!

— Великую новость узнал я от тебя, — обрадовался крестьянин. — Ну а если настанет время, когда люди станут искать исцеления у других источников?

— Не печалься из-за этого, — ответила хозяйка Ульвосы. — Вижу, как тысячи и тысячи людей селятся на нашей земле от Муталы до Мема, и неустанно трудятся. Они проложат водный путь через всю провинцию, и все снова станут славить Эстеръётланд.

Но крестьянин никак не унимался.

— Вижу, как водопады у Муталы вертят колеса, — продолжала хозяйка Ульвосы. На щеках ее выступили красные пятна, она начала терять терпение. — Слышу, как стучат кузнечные молоты в Мутале, а ткацкие станы в Норчёпинге.

— Да, добрая это весть, — согласился крестьянин, — но ведь все на свете меняется.

У госпожи лопнуло наконец терпение.

— Ты говоришь — все меняется, — сказала она. — А я вот назову тебе такое, что останется вечным и неизменным. Это — такие вот спесивые и упрямые крестьяне, как ты! И не переведутся они в здешних краях до конца света!

Не успела хозяйка Ульвосы вымолвить эти слова, как крестьянин поднялся, радостный, довольный, и поблагодарил ее за добрые вести.

— Наконец-то я доволен, — сказал он.

— Теперь-то мне ясно, чего ты желал, — вымолвила хозяйка.

— Думаю я, любезная фру, — сказал крестьянин, — все, что

возводится на земле по приказу королей, духовенства и сильных мира сего, не проживет века. А вот когда вы сказали: в Эстеръётланде не переведутся крестьяне — гордые и стойкие, я знаю: края наши вечно будут в чести. Только те, кто своими руками украшают землю, могут из века в век приносить своей стране благосостояние и славу!

XXI СЕРМЯЖНЫЙ ЛОСКУТ

Суббота, 23 апреля

Мальчик летел высоко-высоко в поднебесье. Под ним простиралась огромная равнина Эстъётаслеттен. А он, сидя верхом на белом гусе, пересчитывал на лету бесчисленные белые церкви, поднимавшиеся над небольшими рощами. Прошло совсем немного времени, а он насчитал уже целых пятьдесят. Но сбился со счета и перестал.

Во многих усадьбах высились огромные, выкрашенные в белый цвет двухэтажные дома, такие богатые на вид, что мальчик не переставал удивляться.

«Должно быть, крестьян в здешних краях нет, — сказал он самому себе, — крестьянских усадеб я не вижу».

Тут все гуси как загогочут:

— Крестьяне живут здесь, как господа! Крестьяне живут здесь, как господа!

На равнине лед и снег уже растаяли, и всюду начались весенние полевые работы.

— Что за длинные раки ползут по полям? — немного погодя спросил мальчик.

— Это — плуги и волы! Плуги и волы! — хором отвечали дикие гуси.

Волы тащились так медленно, что трудно было даже понять, двигаются они или стоят на месте. И гуси кричали им:

— Этак вам землю до будущего года не вспахать! Вам землю до будущего года не вспахать!

Но и волы не оставались в долгу. Задрав морды, они мычали:

— От нас за один час пользы больше, чем от таких, как вы, за целую жизнь!

Кое-где плуги были запряжены лошадьми. Они двигались вперед куда ретивей и быстрей, чем волы. Но гуси и тут не могли удержаться, чтобы не подразнить лошадей.

— Не стыдно вам воловью лямку тянуть? — гоготали они. — Не стыдно вам воловью лямку тянуть?

— А вам не стыдно лентяйничать? — ржали в ответ лошади.

По двору усадьбы расхаживал баран. Его только-только остригли, и он то легко носился по двору — бодался, ронял на землю малышей, загонял цепного пса в конуру, то расхаживал с важным видом, будто он всей усадьбе — хозяин.

— Баран, а баран, куда шерсть девал? — допытывались гуси из поднебесья.

— Отослал на камвольную фабрику Драгс в Норчёпинге, — протяжно блея, ответил баран.

— Баран, а баран, куда рога девал? — допытывались гуси.

Но рогов у барана, к его величайшему горю, никогда не бывало. И спросить барана о рогах — значило нанести ему кровную обиду. Баран так разгневался, что долгое время бегал по двору, бодая лбом воздух…

По проселочной дороге шел какой-то человек, гоня перед собой стадо поросят из Сконе. Им было всего несколько недель от роду, и хозяин собирался продать их на севере. Малютки бодро семенили ножками и, тесно сгрудившись, держались рядышком.

— Хрю-хрю-хрю! Зачем так рано отобрали нас у батюшки с матушкой! Хрю-хрю-хрю! Что будет с нами, бедными детками? — хрюкали поросята.

Тут даже дикие гуси пожалели и не стали задирать несчастных малюток.

— Вам будет лучше, чем вы думаете! — загоготали они, пролетая мимо.

Проносясь над равниной, мальчик глянул вниз на провинцию Эстеръётланд, и ему вдруг вспомнилась сказка о сермяжном лоскуте, которую он слышал уже давным-давно. Он плохо помнил ее, но в сказке говорилось что-то о кафтане, сшитом наполовину из златотканого бархата, а наполовину из сермяжины. Но хозяин кафтана так богато изукрасил сермяжный лоскут жемчужинами и драгоценными каменьями, что он ярко сверкал и казался гораздо красивее и намного дороже, нежели золотое тканье.

Вот и провинция Эстеръётланд состояла из одной большой равнины, зажатой между двумя поросшими лесом нагорьями — одним на севере, другим на юге. Оба они, окутанные золотистой дымкой, казались голубыми и чудесно светились, озаренные утренним солнцем. Равнина же, раскинувшая бесконечные, по-зимнему оголенные поля, была ничуть не лучше обыкновенного серого сермяжного лоскута.

Но люди, видно, благоденствовали на этой равнине, щедрой и доброй. Вот они и попытались украсить ее как можно богаче! Мальчик, летя высоко-высоко в поднебесье, думал, что города и усадьбы, церкви и фабрики, замки и железнодорожные станции усеяли серую равнину, словно мелкие и крупные драгоценные камни. Черепичные крыши блестели, а оконные стекла сверкали, словно дорогие украшения. Желтые проселочные дороги, блестящие железнодорожные рельсы и голубые воды каналов протянулись между отдельными городками и селениями, как стежки шелкового узора. Город Линчёпинг раскинулся вокруг своего собора точно жемчужная оправа драгоценного камня, а

усадьбы походили на маленькие брошки и пуговицы. В узоре не было большого порядка, но было великолепие, которым никогда не устанешь любоваться.

Гуси, покинув окрестности Омберга, летели на восток вдоль Йёта — канала, уже начавшего прихорашиваться к лету. Всюду расхаживали рабочие, приводившие в порядок берега канала и смолившие большие ворота шлюзов.

Да, повсюду кипела работа, все готовились встретить весну, даже в городах. На лесах перед домами, преображая их, трудились маляры и каменщики, служанки мыли оконные стекла. Внизу, в гавани, люди чистили-красили парусники и пароходы.

У Норчёпинга дикие гуси покинули равнину и полетели в Кольморденский лес. Некоторое время они мчались над старой проселочной дорогой, извивающейся вдоль ущелий и тянувшейся под дикими горными уступами, как вдруг мальчик закричал:

— Мортен-гусак, Мортен-гусак, я уронил башмачок!

Нильс сидел верхом на гусаке, болтая ногами, и один башмак, неожиданно соскользнув с его ноги, упал на землю.

Гусак повернул назад и стал снижаться, но тут мальчик увидел, что двое детей, которые шли по дороге, подобрали его башмачок.

— Мортен-гусак, Мортен-гусак, — поспешно закричал мальчик, — поднимайся скорее ввысь! Мы опоздали! Не видать мне больше моего башмака!

А внизу на дороге стояли Оса-пастушка и ее брат, маленький Матс, и рассматривали крохотный деревянный башмачок, свалившийся к ним прямо с неба.

— Его потеряли дикие гуси! — сказал маленький Матс.

Но Оса-пастушка стояла в молчаливом раздумье, глядя на башмачок. А потом медленно, с расстановкой сказала:

— Помнишь, малыш Матс? Когда мы проходили мимо замка Эведсклостер, мы слышали толки о том, что крестьяне в одной усадьбе видели домового, одетого в кожаные штанишки и в деревянные башмачки. Ну прямо работник из усадьбы, да и только! А помнишь, в замке Витшёвле одна девочка рассказывала, будто Гуа-Ниссе — домовой в деревянных башмачках улетел на спине гусака? Когда же мы вернулись в нашу лачугу, малыш Матс, разве нам не встретился там какой-то кроха, одетый точь-в-точь как говорят! И он тоже умчался на спине гусака. Может, это он самый и ехал верхом на своем гусаке и потерял деревянный башмачок?! Ну тот, о ком мы не раз слышали.

— Да, видно, ты права, — подтвердил маленький Матс.

Они стали вертеть башмачок то так, то этак и разглядывать его. Ведь не каждый день находишь на проселочной дороге

деревянный башмачок домового Гуа-Ниссе!

— Погоди-ка, погоди-ка, малыш Матс! — вскричала вдруг Оса-пастушка. — Тут что-то сбоку написано!

— И вправду написано. Только буквы такие маленькие!

— Дай-ка поглядеть! А вот… Здесь написано: «Нильс Хольгерссон из Вестра Вемменхёга».

— Ничего диковинней этого я не слыхивал! — сказал маленький Матс.

ТОМ ВТОРОЙ

XXII САГА О КАРРЕ И СЕРОШКУРОМ

КОЛЬМОРДЕНСКИЙ ЛЕС

К северу от Бровикена, на границе между Эстеръётландом и Сёрмландом,[23] расположена гора, которая тянется на много-много миль в длину, да и шириною она более мили. Будь высота этой горы такой же, как ее длина или ширина, ее считали бы одной из самых чудесных в мире. Но высоты-то ей как раз и не хватает.

Бывает, встретишь в пути недостроенный дом, владелец которого поначалу было размахнулся, а потом так и не смог довести дело до конца. Подойдешь к дому поближе и увидишь — фундамент прочен, своды могучи, подвалы глубоки, но стен и крыши нет. Поднимается строение над землей всего лишь на несколько футов. И при виде этой пограничной горы вспоминается такой вот заброшенный дом. В основании чувствуется мощь, дикость и широкий размах, но в целом это — не настоящая гора, а незаконченное сооружение. Словно зодчий утомился, создав такое мощное подножье горы, и забросил свою работу, не успев воздвигнуть крутые обрывы, остроконечные пики и каменистые горные гряды.

Но зато гигантский горный кряж покрыт рослыми и могучими деревьями. На лесных опушках и в ложбинах растут дуб и липа, по берегам озер — береза и ольха, на отвесных скалах — сосны, и повсюду, где есть хоть горстка земли, — ели. Всё вместе это и образует большой Кольморденский лес. В стародавние времена он внушал такой ужас путникам, что, готовясь идти лесом, они молились богу, боясь встретить там свой смертный час.

Поначалу, когда Кольморденский лес был еще молодым, ему пришлось пережить тяжкие времена на голой скалистой почве. Но, вынужденный найти себе опору среди твердых гранитных глыб, питаясь влагой из скудных, каменистых ручьев, лес, повзрослев, закалился. Он стал сильным и крепким, подобно человеку, который в юности вынужден был в поте лица трудиться, чтобы пробить себе дорогу в жизни. Лес разросся, в нем появились деревья в три обхвата, их ветви сплелись в густую непроницаемую сеть, а твердые и скользкие корни опутали всю землю. Деревья с мощными замшелыми стволами и ветвями, с которых свисали длинные белёсые бороды, были похожи на троллей. Лес стал надежным убежищем для диких зверей и разбойников, для тех, кто умел пробираться и красться сквозь его

глухую чащу. Всех же остальных он — сумрачный, дикий, непроходимый — страшил, и без особой нужды в него не ходили.

Когда люди стали селиться в Сёрмланде и Эстеръётланде, они постепенно выкорчевали все леса, что росли в плодородных долах и на равнинах. А Кольморденский лес, росший на тощей скалистой почве, никто вырубать не захотел. Однако чем дольше стоял он нетронутым, тем могущественнее становился. Лес уподобился крепости, стены которой день ото дня наращивали толщину, и пробиться сквозь эти древесные громады можно было только с помощью топора.

Обычно леса боятся людей. А Кольморденского леса, мрачного и дремучего, боялись люди. Охотники и те, кто отваживался собирать там хворост, зачастую сбивались с пути в непролазной лесной чащобе и нередко оказывались на краю гибели. Путникам, желавшим попасть из Эстеръётланда в Сёрмланд, приходилось чуть ли не ощупью пробираться узкими звериными тропами, потому что люди, жившие у границы этих двух провинций, не в силах были проложить дорогу через лес. Не было там ни мостов, ни паромов, ни гатей для переправы через реки, озера и болота. Во всем лесу не отыскать было хижины, где обитали бы мирные люди. Зато звериные логова и разбойничьи пещеры попадались там чуть ли не на каждом шагу. Немногим удавалось целыми и невредимыми пройти через лес; куда больше было тех, кто, поскользнувшись, срывался в пропасть или — иногда даже верхом на лошади — увязал в трясине, кого грабили разбойники или преследовали хищные звери. Но даже те, кто жил за пределами этого леса, немало терпели от него бед. Ведь волки и медведи то и дело спускались из Кольмордена вниз и задирали скотину. А истребить хищников было невозможно — дремучий лес надежно защищал их.

Но мало-помалу люди начали покорять лес. На горных склонах вырастали усадьбы и селения. В самом лесу прокладывались первые дороги, а близ Крукека в дикой глухомани монахи воздвигли монастырскую обитель, где путники находили надежное убежище.

Но лес по-прежнему оставался опасным — вплоть до того самого дня, пока одному человеку, проникшему далеко в его дебри, не посчастливилось обнаружить руду в каменистой почве. Лишь только весть об этом разнеслась по округе, в лес хлынули толпы людей — кто разведать его богатства, кто в поисках работы.

Вот тут-то лес и прибрали к рукам: закладывали рудники, рыли шахты и строили металлургические заводы в глухих лесных угодьях. Горный промысел требовал огромного расхода дров и

угля. Дровосеки и углежоги проникали далеко в старый девственный лес и вскоре почти совсем уничтожили его — где вырубили, а где и сожгли. Земли вокруг рудников превращались в пашни. Туда понаехала уйма новоселов, и вскоре в прежних лесных краях, где раньше не было ничего, кроме медвежьих берлог, поднялись новые селения с церквами и пасторскими дворами.

Повсюду прокладывали дороги и просеки, хищным же зверям и разбойникам настал конец. Помня свою недавнюю вражду к этому лесу и теперь обретя наконец власть над ним, люди были особенно жестоки и, казалось, желали вовсе стереть его с лица земли.

К счастью для леса, залежи руды в шахтах Кольмордена не были уж так велики и добыча ее стала мало-помалу уменьшаться, а заводы закрываться. Потом прекратилась и заготовка угля; Кольморден, получив хоть малую передышку, смог чуть-чуть вздохнуть. Лес снова начал расти, набирая силу, захватывая все новые пространства и окаймляя усадьбы и рудники, как вода — островки в море. Многие люди, поселившиеся в окрестностях Кольмордена, остались без дела и с трудом могли заработать себе на пропитание. Они пытались заняться земледелием, но старые лесные угодья охотнее родили и выращивали гигантские дубы и огромные вековые сосны, нежели репу и зерновые.

Кольморденский лес на глазах становился все могучей и дремучей, в то время как люди беднели и нищали. Но потом им пришло на ум, что лес может приносить пользу и там найдется, чем прокормиться.

Из леса стали вывозить бревна, доски и продавать их жителям равнин, которые свои леса уже давно повывели. А вскоре люди поняли, что если они будут вести себя разумно, лес прокормит их не хуже рудников и пашен. Позабыв старую вражду, они стали относиться к лесу как к своему лучшему другу, научились заботиться о нем и любить его.

ПЕС КАРР

Лет за двенадцать до того, как Нильс Хольгерссон начал путешествовать по свету с дикими гусями, один из владельцев рудников в Кольморденском лесу решил избавиться от своего охотничьего пса, так как тот охотился за всеми овцами и курами, которые только попадались ему на глаза. Он призвал лесничего и попросил его увести пса в лес и пристрелить.

Надев поводок на шею пса, лесничий повел его в чащу, туда, где обычно пристреливали и закапывали всех отслуживших свой

век собак из помещичьих усадеб.

Карр — так звали пса — был маленький и черный, с рыжей грудкой и рыжими передними лапами. Он отличался большим умом и даже понимал, о чем говорят люди. Вот и теперь, когда лесничий повел его в лес, пес сразу догадался, что его ожидает. Но и виду не подал, а наоборот — старался казаться таким же беззаботным, как всегда. Ведь они шли лесом, где Карр был грозой для птиц и мелких зверюшек, и он не мог позволить себе выказать перед ними страх — повесить голову или опустить хвост.

Во все стороны от старого рудника простирался бескрайний лес, славившийся как среди людей, так и среди зверей. Владельцы этого леса уже много-много лет так дрожали над ним, что редко позволяли срубить хотя бы одно дерево на дрова. Им было жалко даже прореживать лес, так что он мог расти привольно и благоденствовать. Само собой разумеется: лес, который так оберегали, должен был стать любимейшим прибежищем диких зверей — и они водились там несметными стаями. Звери называли этот лес Фридскуген, что значит Мирный, и считали его лучшим приютом для себя во всей стране.

«Ну, Карр, и обрадовались бы в лесной чаще, если б узнали, что тебя ожидает, — подумал пес. Но тут же завилял хвостом и весело залаял, чтоб никому и в голову не пришло, будто он боится или пал духом. — Что за жизнь, если уж и поохотиться иной раз нельзя! Кто-кто, а я ни капельки в этом не раскаиваюсь».

Но вдруг Карр весь переменился. Он отстал от лесничего, поднял голову, словно собираясь завыть. Ему явно припомнилось что-то не очень радостное.

А случилось это накануне вечером. Было самое начало лета, лосихи недавно отелились, и Карру удалось отбить от матери и загнать в болото лосенка, которому было не более пяти дней от роду. Он гонял малыша взад и вперед среди кочек лишь для того, чтобы позабавиться его страхом. Лосиха знала, что совсем недавно болото оттаяло, снова стало топким и бездонным и не выдержит ее громадную тушу. И она осталась стоять на краю трясины. Но когда Карр погнал лосенка все дальше и дальше в глубь болота, она внезапно решилась: ступила в болото, прогнала пса, забрала лосенка и повернула с ним к берегу. Лоси искуснее других животных умеют ходить по зыбкой и опасной трясине, и казалось, ей удастся счастливо выбраться на твердую землю. Но когда до суши оставалось уже совсем немного, кочка, на которую она встала, провалилась в топь, а вместе с ней — и лосиха. Она попыталась выбраться, но, не найдя надежной опоры, продолжала все глубже и глубже увязать в трясине. Карр с ужасом, не смея

перевести дух, глядел на тонущую лосиху. Ну и зададут же ему трепку, если узнают, что это он навлек беду на лосиху! Насмерть перепуганный, он со всех ног бросился прочь и мчался без оглядки, не смея остановиться, пока не очутился дома.

Об этой истории и вспомнил сейчас Карр. Никогда прежде не испытывал он такого чувства вины, как при этом воспоминании. Ведь он вовсе не собирался убивать ни лосиху, ни ее сосунка и лишил их жизни, сам того не желая.

«Может, они еще живы? — с внезапной надеждой подумал пес. — Они еще не погибли, когда я убежал. Может, они спаслись?»

У него появилось непреодолимое желание узнать, живы ли лосиха с лосенком. К счастью, лесничий не очень-то крепко держал поводок. Внезапный прыжок в сторону, и пес, вырвавшись из рук лесничего, во всю прыть помчался в сторону болота. Тот и прицелиться не успел, а Карра уже и след простыл.

Лесничий кинулся вдогонку. Пес стоял на кочке в нескольких метрах от края болота и громко выл. Лесничий решил разузнать, в чем там дело. Положив ружье, он пополз к собаке и вскоре увидел в трясине мертвую лосиху. Рядом, тесно прижавшись к ней, лежал маленький лосенок. Он был еще жив, но так измучен, что не мог пошевелиться. Карр то склонялся над лосенком и лизал его, то опять начинал выть, призывая на помощь.

Лесничий поднял голову сосунка и потащил его из трясины. Пес понял, что лосенка спасут. Вне себя от счастья, он прыгал вокруг лесничего, лизал ему руки и радостно визжал.

Лесничий отнес лосенка домой и запер его в загоне для овец и свиней на скотном дворе. Затем созвал людей, чтобы помогли вытащить из болота погибшую лосиху. Только когда все было сделано, он наконец вспомнил, что должен был пристрелить Карра. Поманив пса, все время следовавшего за ним по пятам, он снова повел его в лес.

Вначале лесничий направился было к собачьему кладбищу, но по дороге, как видно, передумал и внезапно повернул в сторону усадьбы.

Карр спокойно шел за лесничим, но заметив, что тот идет к его старому дому, встревожился. Лесничий наверняка догадался, что это он, Карр, виноват в смерти лосихи, и теперь, прежде чем убить, ему зададут хорошую трепку.

А хуже побоев для Карра ничего на свете не было. В предчувствии расправы он вошел во двор понурившись и в усадьбе ни на кого не глядел, как будто ни с кем здесь не был знаком.

Владелец рудника стоял на крыльце.

— Что это с вами за пес, лесничий? Надеюсь, не Карр? Его вы давным-давно должны были пристрелить.

Лесничий стал рассказывать о лосях, а Карр весь сжался, стараясь стать как можно меньше и незаметней.

Но лесничий рассказал историю лосихи с лосенком вовсе не так, как ожидал Карр. К своему удивлению, пес понял, что лесничий хвалит его за то, что он хотел спасти лосей.

— Нет, этого пса я пристрелить не могу! — заключил свой рассказ лесничий.

Пес просто ушам своим не верил. Может, он ослышался? Неужто ему сохранят жизнь только за то, что он беспокоился о лосях?

Хозяин собаки тоже подумал: «Карр вел себя достойно». Но оставлять его в усадьбе он все же не захотел и сказал:

— Если вы, лесничий, желаете взять Карра и поручитесь, что он станет вести себя лучше, чем до сих пор, пусть живет!

Лесничий охотно на это согласился. Вот так и случилось, что Карр перебрался в лесничество.

БЕГСТВО ЛОСЯ СЕРОШКУРОГО

С того самого дня, как Карр перешел к лесничему, он навсегда покончил с недозволенной охотой в лесу. И вовсе не потому, что боялся, а просто не хотел, чтобы на него гневался новый хозяин. С тех пор как лесничий спас ему жизнь, Карр полюбил его так преданно, что ни о чем другом и не помышлял, как только следовать за ним по пятам и оберегать его. Если лесничий куда-нибудь шел из дому, Карр бежал впереди, разведывая дорогу, а если тот сидел дома, пес лежал у дверей, наблюдая за всеми, кто приходил или уходил.

Когда же в лесничестве было спокойно, на дороге не слышно было шагов, а хозяин ухаживал за деревцами, посаженными в саду, пес играл с лосенком.

Поначалу лосенок нисколько не занимал Карра. Но так как пес сопровождал хозяина повсюду, и на скотный двор тоже, у него вошло в привычку сидеть перед загоном и разглядывать сосунка, когда лесничий поил его молоком. Лесничий прозвал лосенка Серошкурый, считая, что лучшего имени такому страшиле не придумать, и Карр был с ним совершенно согласен. Всякий раз, глядя на лосенка, пес думал, что никого уродливее и нескладнее этого сосунка и на свете нет. Ножки у лосенка были длинные и слабые, и со стороны казалось, что он ходит на расшатанных ходулях. Большая голова с морщинистой, как будто старой кожей всегда свисала набок. Шкура топорщилась, точно помятая, и

лежала складками, будто лосенок напялил на себя шубу с чужого плеча. Вид у него был всегда горестный и недовольный. Но удивительное дело — завидев Карра, он каждый раз поспешно поднимался, словно радовался ему.

Лосенок совсем не рос, день ото дня ему становилось все хуже, и однажды он не смог подняться даже навстречу Карру. Тогда пес забежал к лосенку в загон, и в глазах бедного сосунка вдруг зажглись радостные огоньки, словно исполнилось самое заветное его желание. Теперь Карр стал прибегать к лосенку каждый день и проводил с ним долгие часы. Он вылизывал его, играл и баловался с ним, а также наставлял, рассказывая разные премудрости, которые надлежит знать лесным жителям.

Как ни странно, но с тех пор, как Карр стал забегать к лосенку в загон, тот начал набираться силы, расти и за несколько недель вымахал так, что почти не вмещался в маленький загон. Пришлось перевести его на огороженное пастбище. Пожив там несколько месяцев, Серошкурый отрастил длинные-предлинные ноги и, если бы захотел, мог бы спокойно переступать через изгородь. Тогда владелец рудника позволил лесничему обнести пастбище высокой оградой. Здесь лось прожил несколько лет и превратился в сильное и статное животное. Карр, как только позволяло ему время, навещал лося, но теперь уже не из сострадания, а оттого, что они крепко подружились. И хотя лось по-прежнему был невеселым и вялым, псу нередко удавалось расшевелить его.

Серошкурый провел уже пять лет в лесничестве, когда владелец рудника получил письмо от заморского зоопарка, который хотел приобрести лося. Хозяин обрадовался этому предложению, лесничий же опечалился. Но не в его власти было сказать «нет», и лося решили продать. Карр вскоре разнюхал, что затевают люди, и поспешил все рассказать лосю.

Пес страшно боялся потерять друга, но лось спокойно принял эту весть: он не обрадовался ей, но, казалось, и не опечалился.

— И ты без всякого сопротивления позволишь увести себя? — спросил Карр.

— А что толку сопротивляться! — равнодушно ответил Серошкурый. — Я бы лучше остался здесь, но если меня продадут, придется расстаться.

Карр стоял, изучая взглядом Серошкурого. Тот еще не возмужал окончательно: рога у него были не так широки, горб — не так высок, а грива — не так густа, как у настоящего взрослого лося. И все же он был уже достаточно силен, чтобы бороться за свою свободу.

«Ничего не поделаешь: он провел всю свою жизнь в

неволе», — подумал Карр. Но лосю не сказал ни слова.

Выждав до полуночи, пес снова пришел на лосиный двор. Он знал, что в это время отдохнувший и выспавшийся лось принимается за первую кормежку.

— Правильно сделаешь, Серошкурый, если позволишь себя увести, — прикинувшись спокойным и довольным, сказал Карр. — Будешь жить взаперти в большом саду, не зная забот. Жаль только, что тебе придется уйти отсюда, так и не увидев леса. Ты ведь знаешь, у твоих сородичей есть присловье: «Лось без леса — не лось! Лес без лося — не лес!» А ты ведь даже ни разу не побывал в лесу.

Серошкурый поднял голову от клевера, который он жевал.

— Я бы хотел увидеть лес, но как перескочить через ограду? — как всегда вяло спросил он.

— Да где уж тебе с твоими-то короткими ногами! — усмехнулся Карр.

Лось исподлобья глянул на Карра, который, несмотря на свой малый рост и короткие лапы, много раз на дню перепрыгивал через изгородь. И тогда, подойдя к ограде, Серошкурый одним скачком перемахнул через нее и оказался на воле, сам не зная, как это получилось.

Карр повел Серошкурого в глубь леса. Стояла прекрасная лунная ночь, какие бывают в конце лета. Но под деревьями было темно, и лось ступал медленно и осторожно.

— Может, лучше повернуть назад? — спросил Карр. — Ты ведь никогда прежде не бывал в дремучем лесу, можешь ногу сломать.

В ответ на эти слова Серошкурый только быстрее и смелее зашагал вперед.

Карр повел лося в ту сторону, где могучие ели росли так тесно и близко друг к другу, что под их сень не проникал ни малейший ветерок.

— Здесь, в лесной чащобе, твои сородичи обычно прячутся от холода и бурь, — сказал Карр, — и проводят всю зиму под открытым небом. Там же, куда попадешь ты, живется намного лучше. У тебя будет крыша над головой и хлев, как у вола.

Серошкурый не вымолвил ни слова в ответ; он стоял, жадно вдыхая крепкий запах хвои.

— Ты что-нибудь еще мне покажешь, — спросил он наконец, — или я увидел уже весь лес?..

Тогда Карр повел его к большому болоту и показал лосю поросшие мхом кочки и зыбкую трясину.

— По этому болоту лоси спасаются бегством, когда им грозит опасность, — сказал Карр. — Не знаю, как им это удается, ведь

они такие большие и тяжелые, но они проходят по болоту, умудряясь не утонуть. Ты бы, верно, не смог удержаться на такой зыбкой и опасной трясине, да тебе это и ни к чему, за тобой ведь никогда не станут гнаться охотники!

Серошкурый, не вымолвив ни слова, сильным скачком очутился на болоте. Он обрадовался, почувствовав, как колышутся под ним мшистые кочки. Лось промчался наискосок через болото и снова вернулся к Карру, ни разу не застряв в трясине.

— Мы уже осмотрели весь лес? — спросил он.

— Нет, еще не весь! — ответил Карр.

И тут же повел лося к лесной опушке, поросшей пышным чернолесьем: дубом, осиной и липой.

— Здесь твои сородичи кормятся листьями и древесной корой, — сказал Карр. — Они считают это лучшим кормом на свете, но тебя за морем будут кормить, наверно, еще вкуснее!

Серошкурый подивился могучим лиственным деревьям, вздымавшим над ним свои зеленые своды. Он полакомился и дубовыми листьями, и корой осины.

— Терпко и вкусно, — сказал он. — Куда лучше клевера!

— Вот и славно, что ты хоть разок отведал такого корма, — обрадовался пес.

Затем он повел лося к небольшому лесному озерцу. Оно лежало тихое-претихое, отражая в своей сверкающей глади берега, окутанные легкими и светлыми туманами.

Серошкурый так и замер на месте! Впервые в жизни он увидел озеро.

— Что это такое, Карр? — спросил он.

— Это большая вода, это озеро! — пояснил Карр. — Твои собратья обычно переплывают озеро с одного берега на другой. Смешно даже думать, что тебе это по плечу, но ты бы мог по крайней мере спуститься вниз и искупаться.

Сам Карр тут же бросился в воду и поплыл. Серошкурый же еще долго стоял на берегу, но в конце концов решился и спустился вслед за Карром. Когда лось ощутил мягкую прохладу воды, у него от радости захватило дух. Ему захотелось освежить водой и горбатую свою спину; он зашел поглубже в озеро и, почувствовав, что вода держит его, поплыл. Он долго еще блаженствовал в воде, плавая кругами вокруг Карра.

Когда они вновь вышли на берег, пес спросил, не пойти ли им домой.

— До утра далеко. Побродим еще часок-другой в лесу, — ответил Серошкурый.

Они вернулись в хвойный лес и вскоре очутились на

небольшой поляне, озаренной лунным светом. Поляна вся заросла травой и цветами, сверкавшими капельками росы. Посреди лесного луга паслось целое стадо: лось и несколько лосих с лосятами. Серошкурый прямо остолбенел. Едва бросив взгляд на лосих и лосят, он уставился на старого лося с широкими ветвистыми рогами, украшенными множеством отростков, с высоким горбом, густой бородкой и покрытым длинными волосами подгрудком.

— Это кто еще такой? — с изумлением спросил Серошкурый.

— Зовут его Рогатый, — ответил Карр, — он твой сородич. У тебя тоже когда-нибудь вырастут такие же широкие рога и такая же густая грива. Останься ты в лесу, ты бы, наверно, тоже стал вожаком лосиного стада.

— Раз он мой сородич, я подойду поближе, взгляну на него, — сказал Серошкурый. — Вот уж не подумал бы, что бывают такие величественные животные.

Серошкурый направился к лосям, но тут же вернулся назад к Карру, поджидавшему его на лесной опушке.

— Должно быть, тебя не очень любезно приняли? — осведомился Карр.

— Я сказал ему, что впервые в жизни встретил сородичей, и попросил дозволения попастись с ними на лугу, а он прогнал меня, пригрозив забодать.

— Правильно сделал, что не стал с ним драться, — одобрил Серошкурого Карр. — Молодой лось, только-только отрастивший рога, должен остерегаться драки со старыми лосями. Правда, если бы кто другой отступил без боя, о нем пошла бы дурная слава по всему лесу! Но тебе-то что! Ведь ты переселишься за море!

Едва Карр вымолвил эти слова, как Серошкурый круто повернулся и устремился снова на луг, навстречу старому лосю. Началась битва: выставив вперед рога, лоси с силой ударяли друг друга. И случилось так, что Рогатый стал теснить Серошкурого, заставив пятиться назад по всему лугу. Видно, Серошкурый еще не умел пользоваться своей могучей силой. Но оказавшись у лесной опушки, он уперся копытами в землю, стал крепче бить рогами и откинул наконец Рогатого назад. Серошкурый бился молча, а Рогатый фыркал и пыхтел. Теперь уже Серошкурый теснил старого лося.

Вдруг послышался страшный треск: это на рогах старого лося сломался один отросток. С дикой силой вырвавшись из власти Серошкурого, Рогатый помчался к лесу.

Карр по-прежнему стоял на лесной опушке, когда к нему подошел Серошкурый.

— Ну, теперь ты видел все, что есть в лесу, — сказал пес. — Хочешь пойти домой?

— Да, наверно, уже пора, — ответил лось.

По дороге домой оба молчали. Карр то и дело вздыхал, словно разочаровался в каких-то своих ожиданиях, Серошкурый же вышагивал, высоко подняв голову, и, казалось, радовался своим приключениям. Он шел как всегда уверенно, пока не подошел к изгороди. Но тут он остановился. Окинув взглядом тесный загон, где до сих пор жил, он увидел утоптанную землю, увядший корм, маленькое корытце, из которого пил воду, и темный сарай, где спал.

— Лось без леса — не лось! Лес без лося — не лес! — воскликнул он и, вскинув голову так, что коснулся затылком спины, ринулся обратно в глубь леса.

БЕСПОМОЩНЫЙ

Каждый год в августе в глухой чащобе леса Фридскуген появлялось несколько серо-белых ночных бабочек из семейства, которое называют «монашенки». Были они малы и немногочисленны, так что почти никто не обращал на них внимания. Пропорхав несколько ночей в еловых зарослях, они откладывали несколько тысяч яичек на древесных стволах, а сами вскоре падали мертвыми на землю.

Когда же наступала весна, из яичек выползали маленькие крапчатые гусеницы, которые начинали пожирать еловую хвою. И хотя они были страшно прожорливы, но причинить деревьям серьезный вред не могли, потому что их самих жестоко преследовали птицы. Редко удавалось хотя бы нескольким сотням гусениц спастись от своих врагов.

Гусеницы, которые успевали уже подрасти, заползали на ветви, пряли себе из белых нитей кокон и окукливались. Но через несколько недель большую половину куколок склевывали птицы. Если же в августе появлялась сотня крылатых бабочек-«монашенок», можно было считать, что год у них урожайный.

Такое вот незавидное существование и вели «монашенки» долгие годы в лесу Фридскуген. Так продолжалось бы и дальше, не появись у них неожиданный благодетель.

А появился он благодаря Серошкурому.

Весь следующий день после бегства из лесничества лось бродил по лесу, пытаясь найти приют. Уже к вечеру, протиснувшись сквозь густые заросли старых высоких елей, почти лишенных коры, он обнаружил за ними поляну, покрытую вязкой

грязью. Посередине ее стояла большая и глубокая лужа черной болотной воды. Место это не пришлось Серошкурому по душе, и он уже хотел было уйти, но тут его взгляд привлек пучок ярко-зеленых листьев белокрыльника, росшего неподалеку от лужи.

Шевельнув листьями белокрыльника, лось разбудил спавшую под ним огромную старую ужиху. От Карра он слышал о ядовитых гадюках, которые водятся в лесу Фридскуген. И когда черная ужиха подняла голову, высунула раздвоенный язык и зашипела, лось решил, что наткнулся на самую страшную змею. Перепугавшись насмерть, он так ударил змею копытом, что размозжил ей голову, и опрометью кинулся прочь.

Лишь только Серошкурый исчез, из лужи вынырнул уж, такой же длинный и черный, как убитая ужиха, и пополз к ней.

— Неужто ты и впрямь мертва, старушка Безвредная? — жалобно прошипел он. — Столько лет нам было так хорошо вдвоем, так уютно в этой трясине! Мы прожили вместе такую долгую жизнь, что стали намного старше всех прочих ужей в здешнем лесу! Ох! Страшнее горя для меня нет!

Уж был в таком отчаянии, что извивался точно раненый, и даже лягушкам, жившим в вечном страхе перед ним, стало его жаль.

— Сколько, должно быть, злобы в том, кто убил бедную ужиху, которая и защищаться-то не может! Злодей заслуживает самой жестокой, самой беспощадной кары, — прошипел уж и поднял голову. — Я не я буду, если не отомщу за Безвредную! Клянусь, что я, Беспомощный, старейший уж в лесу, не успокоюсь до тех пор, пока этот лось не падет мертвым на землю, как моя старая жена-ужиха!

Дав клятву, уж свернулся кольцом и впал в глубокое раздумье. Да и было о чем подумать. Разве есть для бедного ужа задача труднее, чем отомстить огромному, сильному лосю?

Старик Беспомощный ломал голову дни и ночи, однако ничего путного так и не мог придумать.

Но вот однажды ночью, страдая бессонницей, уж лежал погруженный в свои думы о мести и вдруг услыхал легкий шелест над головой. Взглянув наверх, он заметил несколько светлых бабочек-«монашенок», резвившихся среди деревьев. Он долго не спускал с них глаз, потом громко зашипел и вскоре заснул, видимо, очень довольный тем, что придумал. На другой день уж пополз к гадюке, змею Крюле, обитавшему в скалистой стороне леса Фридскуген, рассказал ему о смерти своей старой жены-ужихи и попросил, чтобы Крюле, жало которого так ядовито, отомстил за нее. Но Крюле вовсе не хотелось сражаться с лосем.

— Если я нападу на Серошкурого, он убьет меня. Старушка

Безвредная мертва, нам ее не воскресить. Зачем же зря навлекать на себя беду?

Услыхав такой ответ, уж поднял голову над землей на целый фут и страшно зашипел.

— Ви-ш-ш, ва-ш-ш! Ви-ш-ш, ва-ш-ш! Жаль, что ты, владеющий столь ядовитым орудием, так труслив, что не смеешь пустить его в ход!

Услыхав эти слова, Крюле в свой черед разгневался.

— Ползи туда откуда приполз, старик Беспомощный! Зубы мои наливаются ядом, но я, так и быть, пощажу тебя, поскольку ты мой сородич!

Но уж не тронулся с места, и они еще долго шипели, осыпая друг друга оскорблениями. Когда же Крюле до того рассвирепел, что даже и шипеть не мог, а лишь без конца высовывал язык, Беспомощный вдруг заговорил с гадюкой совсем иначе.

— Вообще-то я к тебе по другому делу, — сказал он, понизив голос до вкрадчивого шепота, — но, наверно, я так разозлил тебя, что ты не захочешь мне помочь?

— Отчего же, если ты не станешь просить меня о чем-то невозможном, я — к твоим услугам.

— Так вот, — продолжал Беспомощный, — в ельнике, поблизости от моего болотца, живет семейство бабочек-«монашенок», которые в конце лета начинают порхать по ночам.

— Знаю, о ком ты говоришь, — молвил Крюле, — так что же с ними приключилось?

— Это самый малочисленный народец в лесу среди насекомых, — сказал Беспомощный, — и самый безвредный: их гусеницы довольствуются одной лишь еловой хвоей.

— Да, знаю, — заметил Крюле.

— Боюсь, что этот народец вскоре вовсе истребят, — сказал уж. — Столько разных птиц склевывает весной их гусениц.

Крюле решил, что Беспомощный желает приберечь гусениц для себя, и дружелюбно ответил:

— Хочешь, я скажу совам, чтобы оставили этих еловых червяков в покое?

— Да, хорошо бы, если б ты это устроил, — попросил уж. — Ведь твое слово много значит в здешнем лесу!

— Может, мне и дроздам замолвить доброе словечко за этих пожирателей хвои? — спросил польщенный Крюле. — Я к твоим услугам, если, повторяю, ты не потребуешь от меня чего-то невозможного.

— Хорошо бы! Спасибо за обещание помочь в добром деле, — поблагодарил Беспомощный. — Я рад, что приполз сюда.

БАБОЧКИ-«МОНАШЕНКИ»

Прошло много лет. Карр сладко спал на крыльце. Лето только начиналось, стояла пора коротких ночей, и было совсем светло, хотя солнце еще не поднялось. Внезапно Карр проснулся оттого, что кто-то позвал его по имени. Ему показалось, что он узнал голос Серошкурого, приходившего повидаться с ним почти каждую ночь и поспешил на зов.

Не дожидаясь пса, лось помчался напролом сквозь дремучие еловые заросли. Карр напрягал все силы, чтобы не сбиться со следа.

— Карр, Карр! — послышалось снова в ночи. То был явно голос Серошкурого, хотя псу показалось, будто он звучал совсем иначе, чем прежде.

— Бегу, бегу! Где ты? — крикнул пес.

— Карр! Карр! Неужто ты не замечаешь, как опадает хвоя в лесу? — спросил Серошкурый.

И тут Карр увидел, что с елей, точно частый дождик, непрерывно сыплется хвоя.

— Да, вижу, — пролаял пес и ринулся в лесную чащу на голос лося. Он чуть было снова не потерял его след.

— Карр! Карр! — почти ревел Серошкурый. — Неужто ты не чуешь, как пахнет в лесу?

Остановившись, Карр принюхался. Только теперь он вдруг почувствовал, что ели испускают какой-то сильный запах, более крепкий, чем всегда.

— Да, чую, — откликнулся пес и снова устремился за Серошкурым.

Лось по-прежнему во всю прыть мчался вперед, так что псу было никак его не догнать.

— Карр! — немного погодя снова закричал Серошкурый. — Неужто ты не слышишь, как похрустывают ветви деревьев?

Его голос прозвучал так горестно, что мог бы растрогать даже камень. Карр остановился, прислушиваясь, и уловил слабое, но отчетливое похрустывание на верхушках деревьев. Казалось, там тикают часы.

— Да, слышу! — закричал Карр и остановился, догадавшись, что лось вовсе не желает, чтобы он следовал за ним по пятам. Он просто позвал его поглядеть, что творится в лесу.

Карр стоял под елью с пушистыми, развесистыми ветвями и жесткой темно-зеленой хвоей. Пес внимательно посмотрел на дерево, и вдруг ему показалось, будто хвоя шевелится. Подойдя ближе, он увидел тучи серо-белых гусениц, сплошь облепивших ветви дерева. Гусеницы ползли по ветвям, обгладывая их и

пожирая хвою. И все деревья вокруг неумолчно похрустывали под натиском крошечных жующих челюстей. Объеденная хвоя непрерывно падала на землю, а бедные ели испускали необычайно сильный запах, мучительно раздражавший Карра.

Его внимание привлекла огромная статная ель, росшая поблизости. «Этой ели, может, удастся сохранить хвою», — подумал пес, но, приглядевшись внимательнее, увидел, что и ее постигла та же участь. «Что бы это могло значить? — ломал голову Карр. — До чего жалко прекрасные деревья! Скоро не останется и следа от их красы!» Пес бегал от дерева к дереву, пытаясь понять, что же случилось. «Вот сосна! Может, ее они тронуть не посмели?» — понадеялся Карр. Но гусеницы напали и на сосну. «А вот береза! Ой, и тут они! И тут тоже! Лесничий не обрадуется!»

Пес побежал в самые глухие заросли, чтобы узнать, как далеко зашло лесное бедствие. Но куда бы он ни заглядывал, всюду слышалось похрустывание, чувствовался тот же запах и падал такой же хвойный дождь. Везде были гусеницы, объедавшие лес догола.

Но вот пес забрел в такие места, где не чувствовалось мучительного запаха и где царили тишина и покой. «Тут — конец их власти», — решил Карр. Он остановился и огляделся. Но оказалось, что здесь гусеницы уже закончили свою работу, и хвойные деревья стояли раздетые, лишенные игл. Между их мертвыми ветвями протянулось множество запутанных нитей, спряденных гусеницами и служивших им мостами и дорогами.

Тут, среди погибших деревьев, и ждал Карра Серошкурый. Он был не один. Рядом с ним стояли четыре старых лося, самые почитаемые в лесу. Карр знал их. То был Горбатый, маленький лось с очень большим горбом — такого ни у одного из его сородичей не было, и Рогатый, самый статный во всем здешнем лосином племени, Жесткогривый, с жесткой густой шерстью, и еще один, старый-престарый длинноногий лось, которого звали Могучий. Горячий и воинственный, он немного присмирел после того, как во время последней осенней охоты ему всадили пулю в бедро.

— Скажите, что творится в здешнем лесу? — спросил Карр, подойдя к лосям. Они стояли, понурив голову, далеко выпятив верхнюю губу, и, казалось, были погружены в глубокое раздумье.

— Кто его знает, — ответил Серошкурый. — Этот крылатый народец слыл самым бессильным в лесу и никому прежде не причинял вреда, но за последние годы он сильно расплодился и теперь, того и гляди, уничтожит весь лес.

— Да, плохо дело, — пролаял Карр, — но я вижу, что

мудрейшие из мудрых в лесу собрались на совет и, может, уже придумали, как спасти Фридскуген?

Горбатый величественно приподнял свою тяжелую голову и, прядая длинными ушами, сказал:

— Мы призвали тебя сюда, Карр, чтобы спросить: знают ли люди про это бедствие в лесу?

— Нет, — ответил Карр. — Люди ничего не знают. Так далеко в лесную чащу не забредает ни один человек, разве что в охотничью пору.

— Мы, старейшие в лесу, — молвил тогда Рогатый, — считаем, что нам, животным, одним с этой бедой не справиться.

— Призвать сюда людей — значит положить конец миру в нашем мирном лесу! — сказал Жесткогривый. — И это тоже беда, ничуть не меньше первой.

— Но нельзя же допустить, чтоб уничтожили весь лес, — возразил Могучий. — Выбора у нас нет!

Карр догадался, что лосям трудно выразить свои мысли словами, и попытался им помочь.

— Может, вы хотите, чтобы я рассказал людям про напасть в здешнем лесу? — спросил он.

Тут старые лоси, все, как один, закивали головами.

— Тяжело просить помощи у людей, но иного средства у нас нет.

Карр пустился в обратный путь. Он очень спешил, глубоко опечаленный всем, что увидел. Вдруг навстречу ему выполз черный уж.

— Счастливой встречи в лесу! — прошипел уж.

— И тебе счастливой встречи в лесу! — на ходу тявкнул Карр. Но уж, изогнувшись, попытался задержать его. «Может, он тоже тревожится о судьбе леса», — подумал Карр и остановился. Уж тотчас начал говорить о великом лесном бедствии.

— Настанет конец миру и покою в здешнем лесу, если сюда призовут людей! — сказал он.

— Я боюсь того же, — ответил Карр, — но старейшие в лесу, верно, знают, что делают!

— Я-то мог бы найти средство получше, — пообещал уж, — кабы мне дали за это награду, какую я хочу.

— А не тебя ли кличут Беспомощным? — насмешливо спросил пес.

— Я — тоже старейший в лесу, — заявил уж, — и знаю, как избавиться от этой напасти.

— Ну, если ты сможешь уничтожить гусениц, — обрадовался Карр, — никто не откажется исполнить все, что ты только пожелаешь.

Услыхав ответ Карра, уж свернулся кольцом и, только надежно укрывшись под корневищем дерева, продолжил беседу:

— Тогда передай от меня привет Серошкурому и скажи ему: пусть убирается из леса Фридскуген и идет на север, не останавливаясь до тех пор, пока в лесу ему не встретится ни единого дуба. И пусть не возвращается назад, покуда жив старик Беспомощный. А я нашлю хворь и мор на всех тех, кто ползает по деревьям и обгладывает еловую хвою.

— Ты что это мелешь?! — зарычал Карр, и шерсть на его спине встала дыбом. — Что худого сделал тебе Серошкурый?

— Он убил ту, кого я любил больше всех на свете, — прошипел змей, — и я хочу отомстить ему.

Не успел Беспомощный замолчать, как пес кинулся к нему, но уж, лежавший под корневищем, был недосягаем.

— Лежи, где лежишь, и помалкивай, — сказал наконец Карр. — Мы уберем этих еловых червяков без твоей помощи.

На другой день по лесной дороге шли владелец рудника и лесничий. Вначале Карр бежал рядом с ними, но немного погодя исчез, а вскоре из лесной чащи послышался его громкий лай.

— Карр гонит дичь! — сказал владелец рудника.

Но лесничий не поверил этому.

— Уже много лет Карр не нарушал запрета на охоту в лесу, — возразил он. И кинулся в чащобу поглядеть, почему лает Карр. Его спутник пошел за ним.

Лай привел их в самую глушь леса. Вдруг пес смолк. Люди остановились, прислушиваясь. И тут, в мертвой тишине, они услышали, как работают челюстями гусеницы, увидели, как дождем сыплется хвоя, и почувствовали сильный запах. С ужасом смотрели они на деревья, сплошь покрытые гусеницами бабочек-«монашенок», этими крохотными врагами деревьев, способными уничтожить лес на много-много миль вокруг.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА С БАБОЧКАМИ-«МОНАШЕНКАМИ»

Наступила весна. Однажды утром Карр бежал по лесу.

— Карр, Карр! — окликнул его кто-то.

Карр обернулся. Он не ослышался. То кричал старый лис, стоявший у входа в свою нору.

— Не скажешь, Карр, делают что-нибудь люди ради спасения леса? — спросил лис.

— Будь спокоен. Они трудятся не покладая рук.

— Люди истребили весь мой род, а теперь убьют и меня, — пожаловался лис. — Но это им простится, только бы они помогли лесу.

Каждый раз, когда Карр появлялся в лесу, его обязательно кто-нибудь спрашивал, могут ли люди помочь лесу. Ответить на этот вопрос было не так-то легко. Люди и сами не знали, удастся ли им победить бабочек-«монашенок».

Каждый день более ста человек выходили в лес, желая спасти его от гибели. Они валили деревья там, где лес пострадал больше всего, очищали подлесок и срубали нижние ветки, чтобы гусеницы не могли переползать с одного дерева на другое. Они прорубали широкие просеки вокруг опустошенных лесных угодий и раскладывали там смазанные клеем жерди, которые преграждали гусеницам путь в новые места. Люди обводили кольцами клея стволы деревьев, на которых уже были гусеницы, чтобы помешать им спуститься вниз, вынудить их остаться наверху и околеть с голоду. Оставалось только удивляться, вспоминая, как в былые времена люди ненавидели старый Кольморден и боялись его.

Все это продолжалось почти до самого лета. Люди с нетерпением ожидали, когда же гусеницы начнут вылупляться из яичек. Они были уверены, что хорошо подготовились к встрече с ними и теперь большинство гусениц подохнет с голоду.

И вот в начале лета стали появляться гусеницы, и было их в стократ больше, чем в прошлом году. Но это было бы не страшно, если бы их удалось запереть, если бы они не смогли раздобыть себе корм.

Но получилось не совсем так, как надеялись люди. Правда, немало гусениц застряло на смазанных клеем жердях, а целым полчищам помешали круги из клея и они не смогли спуститься вниз с древесных стволов. Но полностью запереть гусениц не удалось. Они все же вырывались и наружу, за ограждения. Они были повсюду: ползли по проселочным дорогам, по изгородям усадеб, по стенам домов. Они странствовали по всему лесу Фридскуген, переходя и в другие стороны Кольморденского леса.

— Они не успокоятся, пока не объедят весь наш лес, — говорили люди. Всякий раз, когда они входили в лес, слезы наворачивались у них на глаза.

Карр испытывал страшное отвращение к этому ползучему племени, безжалостно объедающему деревья, и с трудом заставлял себя выходить за порог лесничества. Но он очень соскучился по Серошкурому и однажды решил отправиться в лосиные угодья. Он бежал по лесу и, опустив нос к самой земле, отыскивал следы лося. Вот пес очутился возле дерева, у которого в прошлом году встретил Беспомощного, и снова увидел его под корневищем. Уж окликнул Карра и спросил:

— Ты передал Серошкурому мои слова? Уйдет он в изгнание?

Карр огрызнулся и попытался схватить ужа.

— Все же потолкуй с ним, — посоветовал Беспомощный. — Видишь, люди не знают средства против этой напасти.

— Да и тебе оно неведомо! — ответил Карр и помчался дальше.

Скоро он отыскал Серошкурого. Лось был мрачен и, едва поздоровавшись, тотчас заговорил про Кольморден.

— Все бы отдал, чтоб отвести эту беду! — сказал он.

— Тогда я, пожалуй, скажу тебе: ты бы мог спасти лес, — сказал Карр и передал лосю то, что говорил ему уж.

— Пообещай это кто другой, а не старик Беспомощный, я бы не задумываясь ушел в изгнание, — молвил лось. — Но откуда у несчастного ужа такая власть?

«Ясное дело, это одно бахвальство, — решил Карр. — Ужи всегда прикидываются, будто знают куда больше других».

Когда Карр собрался домой, Серошкурый пошел проводить его до дороги. И тут Карр услыхал, как дрозд, сидевший на верхушке ели, воскликнул:

— Вот идет Серошкурый! Это он сгубил лес! Вот идет Серошкурый! Это он сгубил лес!

Карр решил, что ослышался, но немного погодя пробегавший по лесной тропке заяц, увидев их, остановился и, прядая ушами, заверещал:

— Вот идет Серошкурый! Это он сгубил лес!

И снова пустился бежать со всех ног.

— Чего это они? — спросил Карр.

— Сам не знаю, — ответил Серошкурый. — Наверное, птицы и мелкие зверюшки в лесу сердятся на меня за то, что я посоветовал призвать на помощь людей. Ведь они вырубили подлесок и тем самым разорили все их надежные убежища — гнезда и норки.

Все время, пока они шли вместе, со всех сторон беспрерывно слышалось:

— Вот идет Серошкурый! Это он сгубил лес!

Серошкурый делал вид, будто не слышит, но теперь Карр понял, почему лось так печален.

— Послушай-ка, Серошкурый, — решился спросить Карр, — что это имел в виду уж… он сказал, будто ты убил ту, кого он любил больше всех на свете…

— Откуда мне знать! — удивился Серошкурый. — Тебе-то известно, что я никогда никого не убиваю.

Вскоре они повстречали четверку старых лосей: Горбатого, Рогатого, Жесткогривого и Могучего. Медленно и степенно шествовали они друг за другом.

— Счастливой встречи в лесу! — приветствовал их Серошкурый.

— Счастливой встречи и тебе! — отвечали лоси. — А мы как раз искали тебя, Серошкурый, хотели посоветоваться насчет леса.

— Нам удалось узнать, — торжественно начал Горбатый, — будто в нашем лесу было совершено злодеяние; оно осталось безнаказанным, и оттого весь лес обречен на гибель.

— Какое еще злодеяние? — спросил Серошкурый.

— Кто-то убил безвредное животное, которое и в пищу-то ему не годилось. А здесь, в мирном лесу Фридскуген, это считается злодеянием.

— Кто же совершил такое низкое преступление?! — возмутился Серошкурый.

— Ходит молва, будто в этом повинен какой-то лось. Вот мы и хотим тебя спросить: может, ты что-нибудь знаешь?

— Нет, — ответил Серошкурый, — я никогда не слышал, чтобы лось убил безвредное животное!

Расставшись со старыми лосями, Серошкурый отправился с Карром дальше. Он становился все молчаливее и молчаливее и шел, низко опустив голову. И тут они наткнулись на Крюле, лежавшего на своей каменной глыбе.

— Вот идет Серошкурый! Это он сгубил лес! — прошипел, как и все другие обитатели леса, Крюле.

У Серошкурого внезапно лопнуло терпение. Подойдя к гадюке, он поднял переднее копыто.

— Собираешься убить меня точь-в-точь так, как убил старую ужиху? — спросил Крюле.

— Когда это я убивал ужиху?! — возмутился Серошкурый.

— В самый первый день, лишь только появившись в лесу, ты убил жену ужа Беспомощного, — напомнил лосю Крюле.

Серошкурый отпрянул от гадюки и проговорил в отчаянии:

— Карр, это я совершил ужасное преступление. Я лишил жизни безобидное животное. Из-за меня погибает лес.

— Что ты мелешь? — прервал его Карр.

— Скажи ужу Беспомощному, что нынче ночью Серошкурый уходит в изгнание.

— Ни за что я этого не скажу! — вскричал Карр. — Северные края опасны для лосей!

— Неужели ты думаешь, Карр, я захочу остаться здесь после того, как навлек на лес такую страшную беду? — спросил Серошкурый.

— Только не торопись! Подожди до завтра!

— Ведь ты сам учил меня: «Лось без леса — не лось! Лес без лося — не лес!» — напомнил Серошкурый.

На том они и расстались. Карр отправился домой, но этот разговор с лосем так обеспокоил его, что уже на другой день он снова пришел в лес — встретиться с другом. Но Серошкурого нигде не было, да пес и не очень-то его искал. Он понял, что лось ушел в изгнание.

Унылый и мрачный, возвращался Карр домой. Он не мог простить Серошкурому, что тот позволил этому несчастному ужу так себя одурачить! Неслыханная глупость! Ну какой такой волшебной силой может обладать Беспомощный?

Когда Карр, погруженный в свои думы, подошел к дому, он увидел лесничего, указывавшего на какое-то дерево.

— Чего ты там высматриваешь? — спросил его стоявший рядом работник.

— На гусениц мор напал, — сказал лесничий.

Карр несказанно удивился, но еще больше разгневался оттого, что уж смог сдержать свое слово. Придется теперь Серошкурому до скончания века коротать жизнь на чужбине! Этот Беспомощный, наверно, никогда не околеет!

Но вдруг Карру пришла в голову мысль, немного утешившая его. «Может, Беспомощный и не доживет до самой глубокой старости. Пусть только уничтожит гусениц, а там я знаю кое-кого, кто загрызет его насмерть! Не всегда же он будет прятаться под корневищем! Пусть только высунется из своего логова!»

На гусениц действительно напал мор, но в первое лето все они не погибли. Многие из них успели превратиться в куколок. Из куколок же вышли миллионы бабочек. Они летали по ночам среди деревьев, словно снежинки в пургу, откладывая уйму яичек. Казалось, метет поземка! На следующий год можно было ожидать, что лесу станет еще хуже. Но, к счастью, дурные предчувствия не оправдались. Мор на гусениц быстро распространялся от одного конца леса к другому. Захворавшие гусеницы переставали обгладывать хвою, заползали на верхушки деревьев и там умирали. Люди страшно радовались, видя это, но еще больше радовались лесные звери и птицы.

Истосковавшийся по Серошкурому Карр мечтал о том дне, когда он наконец загрызет Беспомощного.

Но гусеницы успели расселиться на много миль в соседние леса, так что и нынешним летом хворь их окончательно не погубила.

Перелетные птицы передавали Карру приветы от Серошкурого: он жив, и ему хорошо. Но они же поведали тайком, что лося не раз преследовали браконьеры и он только с большим трудом спасся от их пуль.

Карра мучили тоска и заботы. Надо было ждать еще два лета;

только тогда придет конец этим гусеницам.

Но вот наконец Карр услыхал от лесничего, что лес вне опасности, и тотчас отправился на охоту за Беспомощным. Однако придя в лесную чащу, пес понял: его постигла ужасная беда — он не может больше охотиться, не может бегать, не может выслеживать врага. Пока длилось это долгое-долгое ожидание, к Карру подкралась старость. Сам того не заметив, пес одряхлел и почти ослеп. Он не в силах был убить даже ужа, не мог избавить своего друга Серошкурого от заклятого врага.

ВОЗМЕЗДИЕ

Однажды в полдень Акка с Кебнекайсе и ее стая опустились на берегу лесного озера. Они все еще находились в Кольморденском лесу, хотя уже покинули Эстеръётланд и прилетели в уезд Йонокер, что в Сёрмланде.

Весна, как обычно бывает в горах, запаздывала, и почти все озеро, кроме узкой закраины вдоль берега, было покрыто льдом. Гуси тотчас полезли в воду купаться и добывать корм. А Нильс Хольгерссон, потерявший утром деревянный башмак, отправился в заросли ольхи и березы, поискать кору, которой можно было бы обернуть ногу.

Мальчик забрел довольно далеко в лесную чащу. Он беспокойно озирался по сторонам: не по душе ему было в этом лесу! «То ли дело равнина, — думал он. — Там хоть видишь, кто идет или летит тебе навстречу. Да и в буковом лесу куда ни шло: земля там почти голая. А этот лес, как все березняки да ельники, непроходим и дик. Как еще люди их терпят! Будь я хозяином здешних лесов, я бы их давно срубил!»

Наконец Нильс нашел подходящий кусок бересты и только стал прилаживать его к ноге, как вдруг услыхал за спиной шорох. Обернувшись, он увидел, что прямо к нему по хворосту ползет змей. Змей был удивительно длинный и толстый, но мальчик заметил, что по бокам головы у него — светлые пятна, и потому спокойно остался стоять на месте. «Это всего-навсего обыкновенный уж. Он мне, наверно, не сделает ничего плохого», — подумал он.

Но уж вдруг так сильно толкнул его в грудь, что мальчик упал. А когда он, тотчас вскочив на ноги, помчался прочь, змей пополз следом. Почва в лесу была каменистая, покрытая колючими иглами, и быстро бежать мальчик не мог; змей же преследовал его по пятам.

Вдруг прямо перед собой Малыш-Коротыш увидел большой щербатый валун и стал карабкаться на него. «Сюда-то ужу за

мной не влезть», — подумал он. Но благополучно взобравшись наверх и оглянувшись, увидел, что змей силится взобраться и туда.

Сверху на валуне, наполовину с него свисая, лежал другой, почти круглый камень величиной с человеческую голову. Непонятно даже, как он там вообще держался. Когда над валуном показалась голова змея, мальчик, забежав за круглый камень, столкнул его. Камень скатился прямо на змея, прижал его к земле, да так и остался лежать.

«Камень сделал свое дело, — подумал мальчик, с облегчением переводя дух. — Пожалуй, в более страшной переделке за все путешествие мне бывать не приходилось».

Не успел он опомниться, как сверху раздался шум, и рядом со змеем опустилась на землю птица. По величине и обличью птица напоминала ворону, но у нее было красивое, черное, с блестящим отливом оперение.

Из предосторожности мальчик спрятался в трещине камня. Путешествие с воронами было еще свежо в его памяти, и он не хотел рисковать.

Черная птица расхаживала широкими размашистыми шагами вдоль туловища змея, пытаясь перевернуть его клювом. Наконец, раскинув крылья, она закричала резко и пронзительно:

— Да это же старик Беспомощный! Он мертв!

Мальчик понял, что птица эта не ворона, а ворон, и даже догадался, как его зовут.

Ворон еще раз прошелся вдоль туловища змея, затем, остановившись в глубоком раздумье, стал почесывать лапкой затылок.

— Не может быть, чтобы в одном лесу было два таких огромных ужа, — сказал он. — Наверняка это он!

Ворон только было собрался вонзить клюв в змея, как вдруг остановился.

— Не будь дурнем, Батаки! — сказал он самому себе. — И не вздумай сразу же съесть этого ужа; позови сюда Карра. Он не поверит, что Беспомощный мертв, пока сам не увидит его.

Ворон до того смешно, до того торжественно расхаживал, беседуя сам с собой, что Нильс, сидевший затаив дыхание, не выдержал и расхохотался.

Услыхав его смех, ворон одним взмахом крыльев взлетел на валун. Мальчик быстро поднялся, подошел к нему и спросил:

— А ты случайно не Батаки-ворон, добрый друг Акки с Кебнекайсе?

Внимательно разглядев его, ворон три раза кивнул головой.

— А это ты летаешь с дикими гусями? Это тебя они кличут

Малыш-Коротыш? — полюбопытствовал он.

— Да, это я! — ответил мальчик.

— Вот славно, что ты мне повстречался. Может, скажешь, кто убил этого ужа?

— Я скатил на него камень, когда он гнался за мной; камень его и убил, — признался мальчик и рассказал, как все получилось.

— Ловко для такого малыша, как ты, — восхитился ворон. — В здешних краях у меня есть друг, вот уж он обрадуется, что змей убит! А я тоже хотел бы сослужить тебе службу, отблагодарить тебя.

— Скажи, почему ты так радуешься, что Беспомощный убит? — спросил мальчик.

— Ох, — вздохнул ворон, — длинная это история. У тебя не хватит терпения выслушать ее до конца.

Но мальчик настаивал, и ворон рассказал ему всю историю Карра, Серошкурого и ужа Беспомощного. Когда он кончил, мальчик сидел некоторое время молча, задумчиво глядя перед собой, а потом сказал:

— Спасибо тебе! Мне кажется, я лучше понял жизнь леса, когда выслушал эту историю. А осталось хоть что-нибудь от леса Фридскуген?

— Большая часть уничтожена, — ответил Батаки. — Деревья выглядят так, словно в лесу бушевал пожар. Их придется срубить, и пройдет немало лет, прежде чем лес станет таким, как прежде.

— Поделом этому ужу, — сказал мальчик. — И все же не пойму: неужели он и впрямь был такой мудрый, что сумел наслать мор на гусениц?

— Может, он просто знал, что на них нападет такая хворь, — молвил Батаки и, отвернув голову, прислушался.

— Слышишь? — каркнул он. — Карр где-то близко. До чего же он обрадуется, когда увидит, что Беспомощный мертв!

Мальчик тоже прислушался к звукам, доносившимся со стороны озера.

— Карр беседует с дикими гусями, — сказал он.

— Он, наверно, притащился к берегу, надеется получить весточку о Серошкуром, — каркнул Батаки.

Мальчик с вороном соскочили с валуна и поспешили вниз, к озеру. А там уже гуси, выйдя из воды, толковали со стариком Карром, таким хилым и слабым, что казалось, он вот-вот упадет мертвым.

— Это и есть Карр, — сказал мальчику Батаки. — Пусть сначала послушает диких гусей. А потом скажем ему, что Беспомощный мертв!

Вскоре они услыхали, как Акка рассказывает Карру:

— Было то в прошлом году, в пору нашего весеннего перелета. Однажды утром мы, Юкси, Какси и я, вылетели с озера Сильян в Далекарлии и помчались над огромными пограничными лесами между Далекарлией и Хельсингландом. Внизу ничего не было видно, кроме мрачных черно-зеленых хвойных лесов. Снег высокими сугробами еще лежал между деревьями, в реках, скованных льдом, кое-где темнели полыньи, на берегах же снег местами стаял. Мы почти не видели ни селений, ни усадеб, лишь на летних пастбищах — серые хижины, пустующие зимой. То тут, то там бежали узкие и извилистые лесные дороги, по которым люди зимой возили бревна. А внизу, по берегам рек, были навалены огромные штабеля строевого леса.

Летим мы и вдруг видим — трое охотников идут лесом и ведут на своре собак. У охотников никаких ружей не было, лишь одни ножи за поясом. Охотники шли не по извилистым лесным тропам, а напрямик по твердому ледяному насту. Казалось, они хорошо знают, куда идут, чтобы найти то, что ищут.

Мы, дикие гуси, летели высоко-высоко, а лес лежал под нами прямо как на ладони. При виде охотников нам захотелось узнать, какого зверя они собираются травить. Мы стали летать взад-вперед, всматриваясь в лесную чащу, и вдруг в глухих зарослях увидели вроде бы три больших, поросших мхом камня. Да нет, это не могли быть камни. Иначе бы их замело снегом.

Мы стали быстро снижаться. И тут три каменные глыбы зашевелились. Оказалось, это было лоси: лось и две лосихи с лосятами, укрывшиеся в лесной глуши. Лось поднялся, и когда мы спустились на землю, подошел к нам. Такого большого и великолепного лося мне на моем веку видеть не доводилось. Но когда он заметил, что разбудили его всего-навсего бедные дикие гуси, он вновь улегся.

— Нет, старина-батюшка, не время спать, — сказала я ему. — Бегите, и как можно скорее! В лесу рыщут охотники, они направляются прямо к вашему лежбищу!

— Спасибо вам, матушка-гусыня! — сказал лось, — казалось, он вот-вот заснет, — но вы ведь хорошо знаете, что в это время года отстрел лосей запрещен. Это охотники, верно, охотятся на лисиц.

— В лесу видимо-невидимо лисьих следов, но охотники и не глядят в ту сторону! Верьте мне, они знают, что вы залегли здесь! Они идут прямо на вас. Они вышли без ружей, только с рогатинами и ножами, ведь весной стрелять в лесу нельзя.

Лось продолжал спокойно лежать, но лосихи встревожились.

— Может, гусыня правду говорит, — сказали они и начали

подниматься.

— Лежите тихонько! — велел лось. — Никакие охотники в эту глухомань не придут. Не бойтесь!

Мы снова поднялись в воздух. Но продолжали парить — на нашей обычной высоте — над лосиным лежбищем, желая поглядеть, что станется с лосями.

Вдруг видим — лось выходит из чащи. Понюхав воздух, он пошел прямо на охотников. Сухие ветки громко трещали у него под копытами. На пути лося лежало большое, открытое болото. Туда-то он и направился и встал посреди топи, где ничто его не защищало.

Лось стоял там до тех пор, пока на лесной опушке не показались охотники. Тогда он повернул и побежал в сторону, противоположную той, откуда вышел. Охотники спустили собак, а сами что есть мочи помчались за ним на лыжах.

Закинув голову, лось бежал во всю прыть, вздымая копытами снег: вокруг него словно клубилось снежное облако. И собаки, и охотники сильно поотстали. Тут он остановился, как будто поджидая их; но стоило им показаться, и он снова ринулся вперед. Мы поняли, что он хочет отвести охотников от лежбища, где остались лосихи, и поразились его храбрости. Ведь он сам кинулся навстречу опасности ради того, чтобы его лосих оставили в покое! Никто из нас не улетал, нам хотелось видеть, чем все кончится.

Охота длилась уже несколько часов. Мы только диву давались: неужели охотники думали, что им удастся измотать такого сильного бегуна, как этот лось?

Но тут мы увидели, что лось уже не может мчаться так быстро, как прежде, и гораздо осторожнее ступает по снегу. Когда же он поднимал ногу, на снегу оставались кровавые следы.

И мы поняли, почему охотники были так упорны. Они надеялись, что снег поможет им извести лося. Он был тяжел, непрестанно проваливался в сугробы, твердый снежный наст резал кожу на его ногах и раздирал ее в кровь. Каждый шаг был для лося мучительным. А охотники и собаки, более легкие, чем он, свободно передвигались по насту и без устали продолжали его преследовать.

Лось все бежал и бежал вперед, но шаги его становились все более неверными, он то и дело спотыкался и тяжело дышал. Под конец лось потерял терпение. Он остановился, чтобы подпустить ближе собак и охотников и сразиться с ними не на жизнь, а на смерть. Стоя в ожидании, он поглядел ввысь и, увидев нас, диких гусей, круживших у него над головой, закричал:

— Не улетайте, дикие гуси, пока все не кончится. А когда в

следующий раз полетите над Кольморденским лесом, отыщите там пса Карра! Он живет у лесничего! Скажите ему, что его друг Серошкурый пал славной смертью!

Когда Акка дошла в своем рассказе до этого места, старый пес поднялся и, ковыляя, подошел к ней еще ближе.

— Серошкурый прожил честную жизнь, — сказал он. — И он знает меня. Знает, что я храбрый пес и буду гордиться им, услыхав, что он принял славную смерть. Расскажите только…

— Карр! Карр! — послышался из леса голос человека.

Старый пес быстро поднял голову и задрал хвост, словно желая придать себе дерзкий и гордый вид, но тут же снова поник головой и опустил хвост.

— Меня зовет хозяин, — сказал он, — я не хочу, чтобы он меня ждал. Недавно он зарядил ружье; мы пойдем с ним в лес — в последний раз. Спасибо тебе, дикая гусыня. Теперь я узнал все, что мне надо, и спокойно встречу смерть.

XXIII ВОЛШЕБНЫЙ САД [24]

Воскресенье, 24 апреля

На другой день дикие гуси летели к северу над Сёрмландом. Сидя на спине гусака, мальчик смотрел вниз и думал: «Не похожа эта провинция ни на одну из тех, что я видел раньше. Нет тут ни широких равнин, как в Сконе и Эстеръётланде, нет и огромных, растущих сплошняком лесов, как в Смоланде. Здесь — пестрая смесь всего, что есть на свете! Будто взяли большое озеро и большую реку, большой лес и большую гору, разделили на мелкие куски, все перемешали друг с другом и разбросали по земле в беспорядке».

И в самом деле, под ним лежали одни лишь малые долины, малые озера, малые пригорки и малые лесочки. Ничто здесь не раскидывалось широко и вольно. Стоило какой-нибудь равнине чуть-чуть раздвинуться — откуда ни возьмись появлялся пригорок и вставал ей поперек пути. А если пригорок пытался вытянуться в каменистую горную гряду, перед ним, заступая дорогу, расстилалась равнина. А уж если озеро пыталось стать чуть-чуть длиннее, оно тотчас суживалось в реку. Реке же, в свой черед, никак не удавалось свободно разлиться по сторонам: расширяясь, она тут же превращалась в озеро.

Дикие гуси летели почти вровень с морским берегом, и мальчик смог бросить взгляд и на море. Он видел, что даже море не могло широко раскинуть здесь свои воды: множество островков дробило его на мелкие части. Но и островки не чувствовали себя вольно и свободно — ведь на них снова наступало море. В этой провинции одно непрерывно сменялось другим: хвойный лес — лиственным, поля — болотами, а помещичьи усадьбы — крестьянскими лачугами.

На полях не видно было работающих людей, зато толпы их двигались по дорогам и тропам. В черном платье, с молитвенником и носовым платком в руках выходили они из маленьких лесных домишек на склонах Кольмордена. «Наверно, сегодня воскресенье», — думал мальчик, глядя на идущих в церковь прихожан. Среди них он кое-где разглядел женихов с невестами, ехавших в сопровождении целой свиты гостей; в одном месте по дороге медленно двигалась похоронная процессия. И большие господские кареты, и маленькие крестьянские одноколки, и лодки на озере — всё направлялось в сторону церкви.

Мальчик пролетел над церковью в Бьёрквике, над приходами

Бетной, Блакстой и Вадсбру; затем гуси устремились к Шёлдинге и к Флуде. И повсюду Нильс слышал, как звонят колокола. Казалось, прозрачный воздух весь напоен чудесными звуками.

«В какой бы уголок страны я ни залетел, — подумал мальчик, — я всюду услышу эти звонкие колокола и никогда не собьюсь с пути истинного».

Гуси пролетели уже добрую часть Сёрмланда, когда мальчик увидел черную точку, двигавшуюся под ними на земле. Сперва он подумал, что это собака, и тут же забыл бы о ней, если б она не держала путь в ту же сторону, куда летели и дикие гуси. Она мчалась по открытым полям и редким лесочкам, перепрыгивала канавы, перемахивала изгороди, словно ни одна преграда не могла ее остановить.

— Похоже, это снова Смирре-лис! — сказал мальчик. — Ну, да мы все равно от него улетим!

Дикие гуси понеслись изо всех сил и летели так до тех пор, пока лис не скрылся из виду. Тогда они развернулись большой дугой и полетели на запад, а потом на юг, словно собирались вернуться назад в Эстеръётланд. «Все-таки это был Смирре, — подумал мальчик, — раз Акка свернула в сторону и выбрала другой путь».

Когда день уже клонился к вечеру, дикие гуси пролетели над старым Сёрмландским поместьем, которое называлось Стура Юлё. Позади огромного белого дома расстилался лиственный парк, а перед домом блестело озеро — тоже Стура Юлё. Его холмистые берега были изрезаны скалистыми мысами. Старинный дом казался таким гостеприимным, что, когда гуси пролетали над усадьбой, мальчик невольно вздохнул. Хорошо бы в конце дня, проведенного в воздухе, войти вот в такую усадьбу, а не приземляться в болотистой низине или на ледяной наст!

Но об этом нечего было и мечтать! Дикие гуси опустились на лесной лужок к северу от усадьбы. Лужок почти сплошь был затоплен водой, лишь редкие кочки выступали над ее поверхностью. Пожалуй, для мальчика это было самое плохое ночное пристанище за все время путешествия.

Некоторое время он сидел в нерешительности на спине гусака. Потом стал перескакивать с кочки на кочку, пока не добрался до твердой земли. И сразу же поспешил к старинной усадьбе.

Случилось так, что в тот самый вечер в домике на торпе, снятом в аренду у хозяина поместья Стура Юлё, собралось несколько человек. Они беседовали у очага о воскресной проповеди, о весенних работах и о погоде. Когда же беседа стала постепенно угасать, гости начали просить древнюю старушку,

мать торпаря, рассказать им какие-нибудь истории о привидениях.

Известно, что ни в одной провинции страны нет столько старинных усадеб и столько историй о привидениях, как в Сёрмланде. В молодости старушка служила во многих богатых поместьях и знала великое множество необыкновенных историй, которые могла бы рассказывать до самого утра, да так правдиво и складно, что все, кто слушал, верили каждому ее слову. Когда старушка прерывала свой рассказ и, прислушиваясь к чему-то, говорила: «Не иначе, кто-то крадется!» — все вздрагивали от страха.

Когда старушка поведала все свои истории про поместья Эриксберг и Вибюхольм, Юлита и Лагмансё, кто-то спросил, не случалось ли каких-нибудь чудес в усадьбе Стура Юлё.

— Как не случаться! — подтвердила старушка.

Все тотчас пожелали услышать предания об этой усадьбе.

И старушка снова принялась рассказывать. В стародавние времена на холме, к северу от усадьбы Стура Юлё, где теперь ничего, кроме леса, не увидишь, стоял замок, а перед замком был разбит чудесный сад. И вот случилось однажды человеку, который правил в ту пору всем Сёрмландом и которого звали господин Карл, приехать в тот замок. Поел он, попил, а после вышел в сад и долго-долго стоял там, глядя на прекрасные берега озера Стура Юлё. Стоит он там, радуется и думает: нет на свете края лучше Сёрмланда! И вдруг слышит, что за его спиной кто-то вздыхает. Оборачивается он и видит старого крестьянина-издольщика, который склонился над своей лопатой да так и стоит, головы не поднимает.

— Это ты так тяжко вздыхаешь? — спросил господин Карл. — О чем тебе вздыхать?

— Как же мне не вздыхать, когда день-деньской я рою здесь землю, — ответил издольщик.

Господину Карлу не по душе было, когда народ жаловался, да и нравом он был горяч.

— Тебе что, не на что больше жаловаться? — закричал он. — Я бы радовался, если бы мне до конца дней моих пришлось рыть землю в Сёрмланде.

— Да сбудется то, чего желает ваша милость! — ответил издольщик.

И говорят, будто господину Карлу из-за этих его слов не привелось обрести покоя после смерти. Будто бы каждую ночь приходил он в поместье Стура Юлё и рыл землю в саду! Да, теперь-то там нет больше ни замка, ни сада, а на их месте — самый обыкновенный поросший лесом холм. Но если придется

кому-нибудь проходить там темной ночью, он, может, и увидит тот самый сад.

Тут старушка смолкла и глянула в темный угол горницы.

— Вроде бы там кто-то шевелится? — спросила она.

— Да нет, матушка, рассказывайте дальше! — попросила ее невестка, — давеча я видела, что крысы прогрызли в углу большую дырку, но у меня столько всяких хлопот, что я забыла заткнуть ее. Скажите-ка лучше, видел ли кто-нибудь тот волшебный сад?

— Да уж, доложу я тебе, видел его мой родной батюшка, — оживилась старушка. — Шел он однажды летом в ночную пору по лесу и вдруг видит — перед ним высокая садовая стена, а за стеной — удивительные деревья. И так они от цветов и от плодов отяжелели, что ветви их через стену книзу клонятся. Подошел батюшка тихонько поближе, стоит, дивится. Откуда такой сад взялся? А тут вдруг открываются ворота в стене, выходит оттуда садовник, в фартуке, с лопатой в руке, и спрашивает: не желает ли отец осмотреть его сад? Отец собрался было последовать за ним, но вдруг глянул ему в лицо. И тут же узнал его густые волосы и бородку клинышком. То был вылитый господин Карл, каким батюшка не раз видал его на портретах во всех усадьбах, где он…

Тут она снова прервала свой рассказ. На этот раз виной была головешка, вспыхнувшая так, что искры и уголья рассыпались по всему полу. Темные углы озарились на миг светом, и старушке показалось, будто возле крысиной дырки сидел на полу и внимательно слушал ее рассказ какой-то крохотный мальчик, который тут же скрылся.

Невестка взяла веник и совок, вымела уголья и снова села.

— Рассказывайте дальше, матушка, — попросила она.

Но старушка не пожелала продолжать рассказ.

— Хватит на сегодня, — молвила она каким-то странным голосом. И невестка увидела, что старушка побледнела, а руки ее дрожат.

— Да, матушка притомилась, пора ей спать, — сказала она.

Вскоре мальчик снова вернулся в лес к диким гусям. Он шел, жуя морковку, которую нашел возле погреба. Он считал, что сытно поужинал, и был доволен, что просидел несколько часов в теплой горнице. «Теперь бы еще найти хорошее место для ночлега!» — думал он.

Тут ему пришло в голову, что лучше всего лечь спать на верхушку пушистой ели, росшей у обочины дороги. Он взобрался на дерево и, сплетя несколько веточек, соорудил из них себе постель. Он лежал, думая о том, что услышал в горнице, и прежде

всего о господине Карле, который будто бы бродит здесь, в лесу Стура Юлё. Вскоре, однако, мальчик, забыв обо всем, уснул и проспал бы до самого утра, если бы прямо под ним не заскрежетали створы широко распахнувшихся ворот.

Мгновенно пробудившись, мальчик протер глаза и огляделся вокруг. Рядом с ним высилась каменная стена вышиной в человеческий рост, а над стеной виднелись деревья, сгибавшиеся под тяжестью плодов.

Вначале он очень удивился. Ведь когда он засыпал, никаких фруктовых деревьев тут не было. Но мальчик вспомнил рассказ старушки и догадался, что это за сад.

Но вот чудо! Он ничуть не испугался, а наоборот, ему страшно захотелось попасть в этот сад. На ели, приютившей его на ночь, было темно и холодно, в саду же — светло и тепло. И мальчику показалось даже, будто и плоды, и розы сверкают, озаренные ярким солнечным светом. Как славно было бы хоть немного погреться на летнем солнышке! Ведь он так долго терпел холод и ненастье! А проникнуть в сад совсем нетрудно. В высокой стене, рядом с елью, где лежал мальчик, видны ворота, и старый садовник как раз отворяет их большие железные створы. А вот и он сам стоит в воротах, вглядываясь в лесную чащу и словно кого-то поджидая.

Мальчик мигом слезает с дерева, подходит к садовнику с колпачком в руке, учтиво кланяется и спрашивает, можно ли осмотреть сад.

— Да, можно! — сурово отвечает садовник. — Входи!

И, впустив мальчика, он снова прикрывает ворота, замыкает их тяжелым ключом и засовывает ключ за пояс. А мальчик тем временем разглядывает садовника. У него грубое лицо с большими усами, бородкой клинышком и резко очерченным носом. Если бы не синий садовничий фартук и тяжелая лопата в руках, мальчик принял бы его за старого солдата.

Широкими шагами направляется садовник в глубь сада, и мальчику приходится бежать, чтобы не отстать от него. Они идут по узкой тропинке, и мальчик нечаянно ступает на край лужайки. Но садовник его тут же строго предупреждает, чтобы он не смел топтать траву, и теперь он бежит позади своего проводника.

«Видно, садовник считает унизительным для себя показывать сад такому, как я», — думает Нильс. И не осмеливается его ни о чем спросить, а только бежит следом. Время от времени садовник бросает ему словечко. У самой стены тянется густая живая изгородь, и, когда они пробираются через нее, садовник говорит, что он называет эту изгородь Кольморденский лес.

— Да, изгородь эта большая, и название ей вполне

подходит, — отвечает мальчик, но садовник даже не слушает, что говорит ему Нильс.

Они выходят наконец из кустов, и перед мальчиком открывается большая часть сада. Он тут же замечает, что сад не очень велик, всего в несколько тунландов.[25] Высокая стена защищает его с юга и запада, но на севере и востоке сад окружен водой, так что здесь ограда не нужна.

Садовник остановился подвязать виноградную лозу, а мальчик тем временем, воспользовавшись случаем, огляделся. Не так уж много садов довелось ему видеть в своей жизни, но он сразу понял, что этот сад совсем не похож на другие. Он, верно, был разбит на старинный лад. Таких садов нынче не увидишь. Сколько здесь маленьких горок, маленьких цветников и маленьких живых изгородей, маленьких травянистых газонов и маленьких беседок! А какая уйма мелких прудов и причудливо извивающихся каналов, прозрачная, ярко-зеленая вода которых отражает все вокруг. Везде растут горделивые деревья и чудесные цветы. Мальчику кажется, будто он попал в рай. Всплеснув руками, он громко восклицает:

— Такой красоты я никогда не видел! Что это за сад?

Садовник тотчас же поворачивается к нему и грубым голосом отвечает:

— Сад этот называется Сёрмланд. Кто ты такой, что даже этого не знаешь? Провинция Сёрмланд всегда считалась одной из самых прекрасных в нашем королевстве.

Мальчик на миг задумался было над таким ответом, но кругом столько всяких диковин! А какие чудесные цветы! У него просто глаза разбегаются, и он не успевает разобраться, что означают слова садовника. Его внимание привлекают крошечные беседки и павильоны, разбросанные по всему саду. Особенно много их по берегам небольших прудов и каналов. Это вовсе не настоящие домики. Они так малы, словно построены для таких малышей, как он, Нильс. А до чего они нарядны и милы, эти домики! Среди них встречаются самые разные: одни похожи на замки с башнями и флигелями, другие напоминают церкви, а третьи — мельницы или крестьянские домики.

Мальчику хотелось бы остановиться и разглядеть каждый из них поближе, но он не смеет, он неотступно следует за садовником. Вскоре они подходят к другому строению; оно больше и намного величественнее, чем те, которые попадались им прежде. Трехэтажное, с красивым фасадом и боковыми крылами, оно высится на пригорке и окружено со всех сторон цветниками. Добраться к нему можно по небольшим затейливым мостикам, переброшенным через каналы.

Мальчик не смеет остановиться. Но проходя мимо всей этой красоты, он так тяжко вздыхает, что суровый садовник останавливается.

— Это место я называю Эриксберг, — говорит он. — Если хочешь, можешь пойти туда, но берегись хозяйки Пинторпа.[26]

Мальчику не надо повторять эти слова дважды. Он бежит по окаймленным деревьями аллеям, по небольшим мостикам, мимо цветников и входит прямо в ворота. Все кругом словно нарочно приспособлено для таких, как он. Ступеньки в меру высоки, двери открывать не трудно. Разве он мог когда-нибудь подумать, что увидит столько чудес! Натертые воском дубовые полы сверкают как зеркало, лепные потолки украшены росписью. Стены сплошь увешаны картинами, мебель раззолочена и обтянута шелком. Одни покои заставлены шкафами с книгами, в других шкафы битком набиты всякими драгоценными безделушками.

Но как ни торопился Нильс, он не успевает осмотреть и половины дома, потому что садовник вдруг окликает его. А когда мальчик выходит на крыльцо, старик покусывает от нетерпения усы и спрашивает:

— Ну как? Видел хозяйку Пинторпа?

Но Нильс отвечает, что ни одной живой души не видел, и лицо садовника искажается мукой.

— Хозяйка Пинторпа и та обрела покой, а я — нет! — говорит он.

Мальчик и представить себе не мог, что голос человека может так дрожать от отчаяния.

И снова садовник широким размашистым шагом идет вперед, а мальчик бежит за ним, пытаясь осмотреть все диковины на своем пути. Они обходят пруд, который чуть-чуть больше остальных. Длинные белые павильоны, похожие на помещичьи дома, высятся повсюду над зарослями кустарника и цветниками. Садовник не останавливается, но, шагая вперед, время от времени бросает мальчику:

— Этот пруд я называю озеро Юнгарен. А вот — поместье Данбюхольм! Вот — Хагбюберга! А вот — Хувста! Вот Окерё!

Еще несколько гигантских шагов — и садовник добирается до маленького пруда, который он называет озеро Бовен. Но тут он слышит, как Нильс вскрикивает от удивления, застыв перед небольшим мостиком, который ведет к замку на островке посреди пруда.

Садовник останавливается и говорит:

— Перебеги мостик и осмотри замок Вибюхольм, коли у тебя есть охота. Но берегись Белой дамы![27]

Мальчику, ясное дело, не надо повторять это дважды. На

стенах в замке висит столько портретов, что ему кажется, будто он рассматривает огромную старинную книгу с картинками. Ему страшно любопытно, и он готов провести тут всю ночь напролет, но вскоре он слышит, как садовник зовет его:

— Иди скорее! Иди! У меня есть дела поважнее, чем дожидаться какого-то мальчишку!

Когда запыхавшийся от бега Нильс появляется на мостике, старик кричит ему:

— Ну как? Видел Белую даму?

Нет, мальчик не видел ни одной живой души и говорит об этом садовнику. Тогда старик с такой силой ударяет лопатой по камню, что камень раскалывается надвое.

— Белая дама из замка Вибюхольм и та обрела покой, а я — нет! — с невыразимым отчаянием произносит старик.

До сих пор они бродили в южной стороне сада, теперь же садовник сворачивает к западу. Здесь все по-другому. Земля покрыта широкими травяными коврами, которые перемежаются грядками клубники, другими ягодниками и капустными полями. Здесь тоже встречаются маленькие беседки, только чаще всего выкрашенные в красный цвет. Они похожи скорее на крестьянские домики и окружены хмельниками и вишневыми садиками.

Садовник на мгновение останавливается и бросает мальчику:

— Эти места я называю Вингокер.

Вскоре он показывает на строение, по виду напоминающее кузницу.

— Это мастерская, где изготавливают разные инструменты и снасти, — говорит он. — Я называю ее Эскильстуна. Можешь осмотреть эту мастерскую, коли есть охота!

Мальчик входит и видит множество колес, которые вертятся, молотов, которые куют, токарных станков, которые точат. Глаза разбегаются при виде этого зрелища, и он мог бы проходить тут всю ночь напролет, если бы садовник не позвал его снова.

Потом они идут вдоль озера в северной стороне сада. Берег озера — это сплошные мысы и бухточки, бухточки и мысы. У мысов разбросаны небольшие островки, отделенные от суши узкими проливами. Островки — тоже часть сада и ухожены так же заботливо, как и все кругом.

Одна прекрасная картина сменяется другой, но мальчик проходит мимо не останавливаясь, пока не приближается к внушительного вида церкви из красного кирпича. Она величаво высится на мысу, затененном густой зеленью фруктового сада. Садовник хочет опять пройти мимо, но мальчик собирается с духом и просит разрешения войти в храм.

— Ну войди! — отвечает тот, — только берегись епископа

Рогге! Может статься, он и поныне обитает здесь, в Стренгнесе!

Мальчик вбегает в церковь и начинает разглядывать старинные гробницы, образа и запрестольные шкафы, набитые драгоценной церковной утварью. Больше всего восхищает его рыцарь в позолоченных латах, который стоит в глубокой нише в преддверии храма. И в самом храме есть что посмотреть! Тут он мог бы бродить всю ночь напролет, но нужно спешить. Не заставлять же садовника ждать!

Выйдя из церкви, мальчик замечает, что садовник наблюдает за совой, которая охотится за птичкой, горихвосткой. Старик свистит горихвостке, та летит к нему и доверчиво садится на плечо, а когда сова, одержимая охотничьим пылом, летит следом, он отгоняет ее лопатой. «Он вовсе не так грозен, как кажется», — думает мальчик, видя, как нежно оберегает старик бедную пташку.

Заметив мальчика, садовник оборачивается к нему и спрашивает, не видел ли он епископа Рогге. И когда мальчик отвечает «нет!», он с величайшей досадой говорит:

— Епископ Рогге и тот обрел покой, а я — нет!

Вскоре они подходят к самому замечательному из множества кукольных домиков. Это укрепленный замок из красного кирпича с тремя могучими круглыми башнями, соединенными с тремя же длинными строениями под одной крышей.

— Пойди туда и осмотри замок, коли у тебя есть охота! — говорит садовник. — Это Грипсхольм, но берегись, как бы тебе не встретиться с королем Эриком.[28]

Миновав мрачные сводчатые ворота, мальчик очутился на большом треугольном дворе, окруженном низенькими домами. Они не очень привлекательны с виду, и Нильс туда не заходит, он только пытается поиграть в чехарду, перескакивая через длинные пушки, которые стоят во дворе, и бежит дальше. Он минует еще одни сводчатые ворота и попадает на другой внутренний двор, окруженный великолепными строениями. Тут уж мальчик входит в замок — в большие старинные покои с деревянными поперечными балками на потолке. Стены здесь увешаны большими мрачными полотнами, потемневшими от времени: чопорные дамы и господа изображены на них в чудных накрахмаленных воротниках.

Поднявшись выше по лестнице, мальчик находит более светлые и веселые покои. Теперь-то он догадывается, что это — королевский замок: ведь на стенах ничего, кроме парадных портретов королей и королев, нет!

Еще выше — большая галерея, а вдоль нее разные покои, обставленные прекрасной белой лакированной мебелью. Есть там

и маленькая театральная зала, а совсем рядом настоящая темница — камера с голыми каменными стенами, зарешеченными оконцами и полом, истертым тяжелыми шагами узников. Мальчику все так любопытно, что ему хотелось бы пробыть в замке много-много дней! Но садовник зовет его, и он не смеет его ослушаться.

— Ну как? Видел короля Эрика? — спрашивает старик, когда Нильс выходит из замка.

Но мальчик никого не видел, и когда он говорит об этом, старик снова повторяет:

— Король Эрик и тот обрел покой, я — нет!

И в его словах опять слышится глубочайшее отчаяние.

Потом они идут в восточную сторону сада — мимо купальни, которую садовник называет Сёдертэлье, и старинного замка — Хёрнингсхольм. Правда, здесь смотреть особенно нечего. Тут лишь скалы да шхеры, их видимо-невидимо, и чем дальше шхеры от берега, тем они более пустынны и голы.

Садовник с мальчиком поворачивает к югу, и Нильс узнает ту самую живую изгородь, которая называется Кольморденский лес. Значит, они приближаются к выходу.

Мальчику страшно понравилось все, что он увидел. И когда они подходят к большой решетке ворот, он хочет поблагодарить садовника. Но старик не слушает, а направляется прямо к воротам. Там он поворачивается к мальчику и протягивает ему лопату.

— Подержи-ка ее, — говорит он, — пока я отопру ворота!

Но мальчику и так уже страшно неловко, что он причинил столько хлопот этому суровому старому человеку, и он не хочет его больше тревожить.

— Незачем отворять ради меня эти тяжелые ворота, — просит он и в тот же миг вылезает через прутья решетки. Ведь для него, такого маленького, это сущие пустяки.

Он ничего дурного не думает и поэтому очень удивлен, когда слышит, как за его спиной садовник рычит от гнева, топает ногами и изо всех сил трясет железную решетку.

— Что случилось? Что случилось? — спрашивает мальчик. — Я просто не хотел затруднять вас, господин садовник. Отчего ж вы так разозлились?

— Как же мне не злиться? — отвечает старик. — Мне только и нужно было, чтобы ты взял в руки лопату! Она бы так и осталась у тебя, и ты бы садовничал, сменив меня. А теперь кто знает, сколько лет мне еще здесь обретаться!

Вне себя от злости он опять трясет ворота. Но мальчику становится жаль садовника, и он хочет его утешить.

— Не печальтесь так, господин Карл из Сёрмланда, — говорит он, — ведь никто на свете не смог бы садовничать так хорошо, как вы!

Только мальчик успевает вымолвить эти слова, как старый садовник тотчас успокаивается и замолкает. Мальчику кажется даже, будто суровое его лицо светлеет. Но разглядеть как следует садовника он не может: в тот же миг старик начинает блекнуть и исчезает, словно в тумане. И тут же блекнет и исчезает вместе с цветами, плодами и солнечным светом весь сад. А на том месте, где он стоял, нет ничего, кроме дикой и бедной, поросшей лесом земли.

XXIV В ПРОВИНЦИИ НЕРКЕ

ИСЕТТЕРС-КАЙСА

В стародавние времена жила в провинции Нерке троллиха по имени Исеттерс-Кайса. Ей часто приходилось иметь дело с бурями да ветрами, а таких троллих всегда называют Кайса. Родом же она была с болота Исеттерс, в приходе Аскер, потому и прозвали ее Исеттерс-Кайса.

Считалось, что дом ее — в Аскере, но она появлялась и в других местах. Повстречать ее можно было в любом уголке Нерке. Вот уж была троллиха! Нигде такой больше не сыщешь!

Кайса не была мрачной и угрюмой, не то что другие троллихи. Наоборот, она славилась веселым нравом и озорством. И ничего милее ветреной погоды для нее не было. Только, бывало, подует крепкий ветерок, а она уже тут как тут — пляшет и кружится по равнине Неркеслеттен.

Собственно говоря, вся провинция Нерке — это одна сплошная равнина, окруженная со всех сторон лесистыми горными кряжами. И только в северо-восточном ее углу, где озеро Йельмарен[29] как бы исторгается из провинции Нерке, в длинной горной изгороди виднеется просвет.

Сильный ветер, собравшись с силами на Балтийском море, неудержимо проносится между сёрмландскими холмами и без особого труда врывается в Нерке со стороны приозерья. Он мчится над всей равниной Неркеслеттен, но на западе натыкается на высокую стену горной гряды Чильсберген, и она отбрасывает его назад. Тогда, извиваясь словно змей, ветер отступает на юг. Однако там его встречает лесистый склон Тиведен и дает ему такой отпор, что ветер сломя голову мчится на восток. Ну а на востоке есть плоскогорье Тюлескуг, и оно отсылает ветер на север, к горе Чеглан, откуда тот снова поворачивает к Чильсбергену, Тиведену и Тюлескугу.

Так летая, ветер описывает круги — все меньшие и меньшие, — пока не останавливается посреди равнины, где начинает без конца кружиться и скакать, как юла. В такие дни, когда смерчи проносились над равниной, Исеттерс-Кайса не переставала веселиться. Стоя в самой середине вихря, она плясала и вертелась волчком. Ее длинные волосы развевались в вышине среди туч. Шлейф платья волочился и мел землю, вздымая тучи пыли, а вся равнина расстилалась у ее ног, словно огромный танцевальный зал.

По утрам Исеттерс-Кайса обычно сидела на какой-нибудь высокой сосне на макушке горы и оглядывала равнину. Зимой, когда устанавливался хороший санный путь и на дорогах было много путников, она поднимала метели и наметала сугробы, такие высокие, что люди только-только к вечеру добирались домой. Летом же, в благоприятные для сенокоса дни, Исеттерс-Кайса таилась где-нибудь до тех пор, пока не погрузят первые возы с сеном. Вот тут-то она и налетала, а с ней вместе и ливневые дожди, которые уже не давали людям трудиться в тот день.

По правде говоря, Исеттерс-Кайса только и думала о том, как бы досадить людям. Углежоги с горной гряды Чильсберген едва осмеливались сомкнуть глаза. Ведь стоило Кайсе увидеть угольную яму без караульного, она тут же подкрадывалась и раздувала уголья с такой силой, что тотчас вспыхивало яркое пламя. А случись перевозчикам руды из Лаксо и Сварто пуститься в путь поздно вечером, Исеттерс-Кайса окутывала дорогу и всю округу такими густыми туманами, что и люди, и лошади сбивались с пути и тяжелые сани вязли в болотах и топях.

Когда пасторша в селении Гланскаммар накрыла однажды летним вечером стол в саду и подала кофе, а ветер сорвал скатерть со стола, опрокинув и чашки, и блюдца; когда в Эребру ветром снесло шляпу с головы бургомистра и он вынужден был бежать за ней по всей рыночной площади, никто не сомневался, чьи это проделки. И когда на озере Йельмарен сели на мель шхуны, груженные овощами; когда выстиранное белье сдувало ветром и волокло в пыли; когда по вечерам дым не мог выбиться из труб и валил в дома — нетрудно было догадаться, кто это разгуливает по равнине и забавляется.

Хотя Исеттерс-Кайса и досаждала людям всяческими проказами, она была вовсе не такая уж злая. Она не любила тех, кто сварлив, скуп и черств. Но честных людей и бедных маленьких детишек она частенько брала под свою защиту. Старожилы рассказывают, будто однажды, когда загорелась аскерская церковь, откуда ни возьмись налетела как вихрь Исеттерс-Кайса, опустилась на крышу церкви прямо в огонь и дым и отвела беду.

Однако жители Нерке, бывало, уставали от проделок Исеттерс-Кайсы. Зато она никогда не уставала от своих проказ. Сидя на краю грозовой тучи и глядя вниз на приветливую и щедрую провинцию Нерке: на ее великолепные крестьянские усадьбы на равнине, на богатые рудники и фабрики в горной округе, на плавно несущую воды реку Свартон и изобилующие рыбой равнинные озера, на славный город Эребру,

раскинувшийся вокруг величавого старинного замка с массивными и прочными башнями по углам, — глядя на все это, Кайса, должно быть, думала: «Кабы не я, людям здесь жилось бы уж слишком спокойно! Они стали бы вялыми и сонными. Потому-то им нужна такая, как я, чтобы встряхивать их и не давать скучать».

И вот она, дико хохоча и стрекоча как сорока, вихрем неслась вперед и кружилась, плясала по равнине от одного ее края до другого. А когда житель Нерке видел, как троллиха расстилает свой длинный шлейф пыли над равниной, он не мог удержаться от улыбки. Хоть и проказница, хоть и насмешница, а все же добрая она, эта Исеттерс-Кайса! Крестьянам ее забавы были столь же живительны, как равнине — хлещущий ее буйный ветер.

Нынче, правда, говорят, будто Исеттерс-Кайса давно умерла, как и все другие тролли с троллихами. Но поверить в это просто невозможно, как невозможно представить, что над равниной Неркеслеттен никогда больше не будет плясать свежий порывистый ветер, с шумом, свистом и долгими проливными дождями.

Тот, кто думает, будто Исеттерс-Кайса умерла, пусть послушает, что творилось в Нерке в тот год, когда над равниной пролетал Нильс Хольгерссон, и тогда пусть сам скажет — правда это или нет.

ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ЯРМАРКИ

Среда, 27 апреля

То было накануне большой ярмарки скота в Эребру. Дождь лил в тот день как из ведра. Казалось, разверзлись все хляби небесные, и многие про себя думали: «Точь-в-точь как во времена Исеттерс-Кайсы. Больше всего каверз она приберегала как раз к праздничным дням. Такой ливень накануне ярмарки — это в ее духе».

Чем дальше, тем сильнее лил дождь. А под вечер начался настоящий потоп. Дороги размыло, и люди, которые со своей скотиной вышли из дому заблаговременно, чтобы поспеть на ярмарку в срок, попали в страшную переделку. Измученные коровы и волы не желали трогаться с места, а многие из них ложились на землю, не в силах идти дальше. Тем, кто жил у дороги, пришлось распахнуть двери своих домов для направлявшихся на ярмарку гостей и предоставить им приют. Не только дома, но и сараи, и конюшни — все было переполнено.

Те, кому удалось добраться до постоялого двора, пожалели,

что не остановились в какой-нибудь лачуге у дороги. Все стойла в хлевах и конюшнях были уже заняты. Лошадей и коров приходилось оставлять на дворе под дождем. Хорошо еще, если повезло их владельцам и они смогли попасть под крышу. На дворе, где некоторые животные стояли прямо в лужах и не могли даже прилечь, было страшно мокро, грязно и тесно. Хорошие хозяева, правда, раздобыли своей скотине солому на подстилку и прикрыли ее попонами. Но нашлись среди крестьян и такие, что сидели на постоялом дворе, бражничали, играли в кости, забыв и думать о своих волах и коровах.

В тот вечер дикие гуси с мальчиком прилетели на каменистый островок на озеро Йельмарен. От суши его отделял такой узкий и мелкий пролив, что в мелководье его легко можно было перейти, не замочив ноги.

На островке, как и повсюду, лил сильный дождь. Мальчик не мог заснуть из-за непрерывно падавших на него капель. Он стал бродить по каменистому островку, надеясь хоть чуточку согреться.

Только он успел сделать несколько шагов, как вдруг услышал плеск воды и увидел среди прибрежных кустов одинокого коня. Такого старого, жалкого и иссохшего коняги мальчику видеть не приходилось! Ноги у него окостенели, а отощал он так, что можно было все ребра пересчитать. На нем не было ни сбруи, ни седла, один лишь старый недоуздок, с которого свисал полусгнивший обрывок веревки. Видно, конь сорвался с привязи.

Он направился прямо к тому месту, где стоя спали гуси, и мальчик испугался, как бы конь их не растоптал.

— Куда идешь? Гляди хорошенько под ноги! — закричал он.

— Наконец-то я тебя отыскал! — сказал конь и подошел к мальчику. — Я прошел целую милю, чтобы встретить тебя.

— Ты слышал обо мне? — удивленно спросил мальчик.

— Как я ни стар, а у меня тоже есть уши. Нынче многие говорят о тебе.

Конь склонил голову, желая получше разглядеть мальчика, и тот вдруг увидел, какие красивые печальные глаза и умная морда у этого старого коня.

«Должно быть, в молодости он был добрым породистым конем, но на старости лет ему пришлось худо», — подумал мальчик.

— Я бы хотел, чтобы ты пошел со мной и помог мне в одном деле, — попросил Нильса конь.

Мальчик понимал, что идти с тем, кто сам так жалок с виду, опасно, и стал отказываться, ссылаясь на непогоду.

— Сидеть на моей спине тебе будет ничуть не хуже, чем

лежать здесь, — настаивал конь. — Может, тебе просто боязно идти с такой старой клячей, как я?

— Да нет, я пойду с тобой, — ответил мальчик.

— Тогда разбуди гусей и договорись, куда им завтра прилететь за тобой! — велел конь.

Вскоре мальчик уже сидел у него на спине. Старый конь бежал гораздо быстрее, чем ожидал мальчик. Но все-таки Нильсу пришлось долго ехать сквозь ночь и ненастье, прежде чем они остановились у большого и очень неприютного на вид постоялого двора. К окружавшему его плетню было привязано тридцать-сорок лошадей, волов и коров, ничем не защищенных от дождя. На дворе стояли телеги с высокими ящиками, в которых были заперты овцы и телята, поросята и куры.

Конь встал у плетня. Мальчик по-прежнему сидел у него на спине и молча озирался по сторонам. Он видел, как тяжко приходится лошадям, волам и коровам.

— Как случилось, что вы стоите под дождем? — спросил он.

— Мы направлялись на ярмарку в Эребру, но нам пришлось завернуть сюда из-за дождя. Это постоялый двор, однако сюда понаехало столько путников, что места под крышей на скотном дворе нам уже не досталось.

Не ответив ни слова, Нильс стал смотреть вокруг.

Некоторые животные спали, но всюду слышалось недовольство, ропот и жалобы бодрствующих. У несчастных были причины сетовать, потому что погода стала еще хуже прежнего. Дул леденящий, пронизывающий ветер, а дождь вперемешку со снегом хлестал, будто плетью. Не трудно было догадаться, какой помощи ожидал конь от мальчика.

— Видишь, прямо против постоялого двора — богатая крестьянская усадьба? — спросил конь.

— Да, — ответил мальчик, — вижу и не могу понять, как это ваши хозяева не потребовали там для вас пристанища? Может, и там уже все переполнено?

— Нет, там чужих нет, — ответил конь. — Крестьяне, что живут в усадьбе, такие жадные и негостеприимные, что никому не помогут. Нечего и просить об этом. Я родился и вырос в этой усадьбе, — продолжал конь — Знаю, что там есть большая конюшня и большой скотный двор! А стойла — все пустые! Их просто не счесть! Помоги нам войти туда!

— Не знаю, смогу ли я, — заколебался мальчик.

Но ему было так жаль бедных животных, что он решил попытать счастья.

Прибежав в чужую усадьбу, он тотчас увидел, что конюшни и хлевы заперты на замок, а ключи из замочных скважин вынуты.

Он стоял, не зная, на что решиться, как вдруг неожиданно подоспела помощь — с шумом налетел бешеный порыв ветра и распахнул дверь сарая, прямо против которого стоял мальчик. Сарай был пуст.

Мальчик тотчас вернулся назад к коню.

— Попасть в конюшню или на скотный двор нельзя, — сказал он, — но в усадьбе есть большой пустой сарай для сена, который забыли запереть; туда-то я вас и отведу

— Ну, спасибо тебе! — молвил конь. — Хорошо бы хоть разок переночевать на старом пепелище! Это единственное желание, которое у меня еще осталось.

Между тем в богатой крестьянской усадьбе, стоявшей против постоялого двора, в тот вечер еще не спали.

У хозяина, тридцатипятилетнего мужчины, рослого и статного, было красивое, но довольно хмурое лицо. Днем он попал под дождь, вымок до нитки и за ужином попросил старушку мать, которая, несмотря на старость, еще хозяйничала в усадьбе, развести огонь в очаге. Матушка его развела слабый огонек — в этой усадьбе не привыкли зря переводить дрова, — а хозяин повесил свою куртку на стул и пододвинул его к огню. Поставив ногу на приступок очага, хозяин оперся локтем на колено да так и застыл, глядя на огонь. Он простоял так несколько часов подряд, лишь изредка подбрасывая в очаг полено.

Хозяйка, собрав остатки ужина со стола, постелила сыну постель и ушла к себе в маленькую каморку. Время от времени она появлялась в дверях и удивленно глядела на сына, который по-прежнему неподвижно стоял у очага, хотя давно пора было ложиться спать.

— Ничего, ничего, матушка, — успокаивал он ее. — Просто мне вспомнились прежние времена.

Дело в том, что когда давеча он проходил мимо постоялого двора, к нему подошел барышник и предложил купить старую клячу — до того заморенную и неухоженную, что крестьянин спросил парня, в своем ли тот уме. За дурака он его, что ли, считает, предлагая такую дохлятину?!

— Вовсе нет, — ответил барышник. — Просто я думал, раз конь этот прежде принадлежал вам, может, вы приютите его в старости. А ему это ох как нужно!

Тут крестьянин повнимательней взглянул на коня и тотчас признал его. Ведь он сам вскормил, а потом и выездил его! Тем не менее хозяину и в голову не пришло откупить эту старую негодную клячу. Еще чего не хватало! Не таков он, чтобы зря швыряться своими кровными денежками.

Но все-таки встреча с конем пробудила в нем множество воспоминаний. Они-то и растревожили его душу и лишили его сна.

Да, это был красивый, добрый конь! Сколько было радости, когда отец позволил ему, еще совсем юнцу, ходить за конем! Больше всех других животных любил он своего коня, сам объездил его, всегда сам кормил. Отец даже стал пенять, что он его слишком хорошо кормит, так он стал украдкой задавать овес своему любимцу.

В церковь он всегда ездил верхом — только ради того, чтобы похвастаться конем. Хоть сам он ходил в домотканом, сшитом дома платье и тележка у него была самая что ни на есть простая и даже некрашеная, зато его конь был лучшим из всех коней, поднимавшихся на церковный холм.

Однажды он заикнулся отцу о том, что не худо бы ему справить новое, покупное платье, а тележку выкрасить. Отец прямо окаменел! Сыну показалось, что старика вот-вот хватит удар. Тогда он попытался растолковать отцу: раз он ездит на таком красивом, холеном коне, ему и самому надо выглядеть пристойно, под стать коню.

Отец ни слова ему не ответил, но несколько дней спустя поехал в Эребру и продал там коня.

Это было жестоко с его стороны, но отец, видно, боялся, как бы из-за коня сын не ступил на стезю тщеславия и мотовства. Теперь же, когда прошло столько лет, молодой хозяин не мог не признать, что отец был прав. Такой конь, ясное дело, вечно вводил бы его в искушение. Но тогда он страшно горевал. Он, бывало, ездил в Эребру только затем, чтобы постоять на углу улицы и поглядеть, как конь проскачет мимо, или прокрасться к нему в конюшню с куском сахара.

«Когда батюшка помрет, а я унаследую усадьбу, — думал он, — я откуплю своего коня. Это первое, что я сделаю».

Отец умер. И сам он уже несколько лет хозяйствовал в усадьбе, но ни разу так и не попытался откупить коня. И думать о нем давным-давно забыл. Вспомнил только нынче вечером! Как же так получилось, что он совсем позабыл про своего коня? Дело было, пожалуй, в том, что отец его, человек крутой и упрямый, обрел над ним большую власть. Когда сын подрос, стал работать в усадьбе и учиться хозяйствовать, он уверился в том, что отец всегда и во всем прав. И когда унаследовал усадьбу, старался всегда поступать так, как поступил бы его отец.

Он знал, что соседи осуждали отца за жадность. Но, наверно, так и нужно — крепче придерживать кошелек, не швыряться попусту деньгами и не расточать добро, которое тебе досталось.

Лучше прослыть скрягой, но зато хозяйствовать в свободной от долгов усадьбе.

Только он подумал об этом, как вдруг вздрогнул всем телом: ему послышалось, будто чей-то резкий, передразнивавший его голос повторил слово в слово: «Лучше крепче придерживать кошелек… Лучше прослыть скрягой, но зато хозяйствовать в свободной от долгов усадьбе».

Голос звучал так насмешливо, словно потешался над его житейской мудростью. Поняв, что все это ему почудилось и он принял завывание ветра в трубе за человеческую речь, крестьянин успокоился и поглядел на стенные часы. И тут они глухо пробили одиннадцать раз.

«На дворе уже ночь! Пора ложиться спать», — подумал он, но вспомнил, что вечером не обошел, как обычно, усадьбу, не проверил, все ли двери и ставни заперты, все ли свечи погашены. С тех пор как он стал хозяином, он никогда не пренебрегал своими обязанностями. Набросив куртку, он вышел навстречу непогоде.

Во дворе все было в порядке, только дверь пустого сарая с сеном распахнуло ветром. Хозяин пошел за ключом, запер сарай, а ключ сунул в карман. Затем вернулся обратно в большую горницу, снял куртку и повесил ее перед очагом. Но и теперь он спать не лег, а стал ходить взад-вперед по горнице. Стояла ужасная погода, дул холодный, пронизывающий ветер, лил дождь, смешанный со снегом. А его старый конь мерз и мокнул под открытым небом, не имея даже попоны, которая укрыла бы его от непогоды. Ему, хозяину такой богатой усадьбы, следовало бы дать пристанище своему старому другу, раз уж тот очутился в здешних краях!

Меж тем мальчик услыхал, как на постоялом дворе старые стенные часы хрипло пробили одиннадцать. И он, разбудив коров, волов и лошадей, начал их отвязывать, чтобы отвести в сарай крестьянской усадьбы. Это отняло довольно много времени. Наконец все было готово, и животные длинной вереницей потянулись в усадьбу жадного хозяина, а мальчик указывал им путь.

За это время хозяин успел запереть сарай, и когда животные пришли туда, они оказались перед запертой дверью. Мальчик был обескуражен и сконфужен. Ну нет, он не допустит, чтобы скотина и лошади остались во дворе! Он войдет в дом и раздобудет ключ!

Раздумывая, как это лучше сделать, он вдруг увидел, что по дороге идут две маленькие девочки. Вот они остановились перед постоялым двором.

— Ну, Бритта-Майя, — сказала одна, — хватит плакать!

Наконец-то мы у постоялого двора. Нас, наверно, пустят сюда!

«Вот кто сможет мне помочь», — подумал мальчик и закричал:

— Нет, нет, и не вздумайте идти на постоялый двор! Ничего у вас не выйдет! А в этой крестьянской усадьбе гостей нет! Туда и идите!

Малютки отчетливо расслышали его слова, но не могли разглядеть в такой кромешной тьме, кто с ними говорит. Старшая из девочек тотчас ответила:

— В эту усадьбу мы идти не хотим! Здесь живут жадные и злые люди! Это из-за них мы ходим по дорогам с протянутой рукой.

— Может, оно и так, — согласился мальчик, — но в другом месте вы все равно не найдете пристанища. Вот увидите, все обойдется!

— Ну что ж, попытать счастья можно, но нас и на порог не пустят, — сказали малютки, поднимаясь на крыльцо.

Хозяин по-прежнему стоял у очага и думал о своем коне, когда вдруг раздался стук в дверь. Он пошел посмотреть, кого это принесло в такой поздний час, твердо решив не поддаваться на уговоры путников. Когда он отворил дверь, сильный порыв ветра вырвал ее у него из рук и распахнул настежь. Девочки воспользовались этим и проскользнули в дом.

Вернувшись в горницу, хозяин увидел двух жалких маленьких побирушек, оборванных, грязных и голодных. Они стояли, согнувшись под тяжестью котомок, которые были величиною ничуть не меньше их самих.

— Кто вы такие и почему шляетесь так поздно? — неприветливо спросил хозяин.

Девочки сперва сняли с себя котомки, затем подошли к хозяину и, здороваясь, протянули ему свои маленькие ручки.

— Нас зовут Анна и Бритта-Майя из Энгердета, — сказала старшая, — мы просим разрешить нам переночевать.

Он не принял протянутых рук и только было собрался выгнать нищих малюток, как еще одно давнее воспоминание возникло в его памяти: «Энгердет… постой, постой… А, это та маленькая лачуга, где жили бедная вдова и ее пятеро детишек…» Вдова задолжала его отцу несколько сотен крон, и, чтобы взыскать долг, отец велел продать ее лачугу. Вдове пришлось уехать со старшими детьми в Норланд, искать работу, а две младшеньких остались на попечении прихода.

У него стало горько на душе, когда он вспомнил эту историю. Он знал, что отца жестоко осуждали, когда он потребовал вернуть деньги, хотя право и было на его стороне.

— Где вы нынче живете? — строго спросил он девочек. — Разве приход не заботится о вас? Почему вы бродяжничаете и побираетесь?

— Мы не виноваты, — ответила старшая. — Люди, у которых мы живем, послали нас попрошайничать.

— Ну да жаловаться вам нечего, котомки-то у вас битком набиты, — буркнул крестьянин. — Вот и ешьте то, что насобирали — здесь для вас еды не припасено. Хозяйка и все служанки уже спят. А прилечь можете в запечье, там не замерзнете.

Он махнул рукой, словно говоря: от меня вы больше ничего не дождетесь, — и глаза его стали еще суровее. А про себя он подумал: «Мне бы надо радоваться! Ведь у меня был отец, который неустанно пекся о своем имуществе. Будь иначе, может и я, как эти девчонки, бродил бы в детстве по округе с нищенской сумой на спине».

Только-только он об этом подумал, как резкий, передразнивавший его голос, который он уже слышал нынче вечером, повторил слово в слово его тайные мысли. Ну конечно, это опять ветер шумит в трубе. Но вот диво-то: когда ветер повторял его слова, они казались ему ужасно глупыми, жестокими и лживыми.

Раздражение, копившееся в нем весь вечер, прорвалось наконец, когда дети, растянувшись рядышком на твердом полу, стали что-то бормотать про себя.

— Замолчите вы или нет! — крикнул крестьянин.

Но бормотанье не смолкло, и он снова заорал, чтобы они замолчали.

— Когда матушка от нас уезжала, — ответил ему ясный детский голосок, — она заставила меня поклясться, что каждый вечер я стану читать молитву. И я, и Бритта-Майя, мы только прочитаем «Господь, возлюбивший детей…» и сразу замолчим.

Этот голосок совсем обезоружил его, он сел и, не шелохнувшись, молча сидел, пока малютки читали молитву. Потом, сам не свой, стал быстрыми шагами ходить взад-вперед по горнице.

Доброго, преданного коня выгнали, извели вконец, детей превратили в нищих бродяжек! И все это — дело рук его отца! А может, отец не всегда поступал по совести?..

Он сел на стул, обхватив голову руками. Лицо его исказилось, губы задрожали, на глазах выступили слезы, которые он поспешил отереть. Но это не помогло, слезы набегали снова и снова.

Тут открылась дверь из каморки матери, и он, поспешно

повернув стул, сел к ней спиной. Но она, должно быть, заметила, что с сыном творится что-то неладное, и долго молча стояла у него за спиной, словно ожидая, когда он с ней заговорит. Но не дождавшись, решила помочь ему, понимая, как трудно мужчинам говорить о самом сокровенном.

Из своей каморки она видела все, что происходило в большой горнице, и спрашивать ей было не о чем. Молча подошла он к спящим детям, подняла их, отнесла в каморку и положила на свою кровать. А потом снова вышла к сыну.

— Ларс, — сказала она, не скрывая, что видит его слезы, — позволь мне оставить этих детей у себя.

— Ты что, матушка?! — воскликнул он, пытаясь справиться с собой.

— У меня за них долгие годы болела душа. С тех пор, как отец отнял лачугу у их матери. Да и у тебя тоже болела…

— Так ведь…

— Я хочу их оставить и сделать из них достойных людей. Нельзя допустить, чтобы такие хорошие девочки превратились в побирушек.

Сын не мог выговорить ни слова, слезы неудержимо катились по его щекам; взяв морщинистую руку матери в свою, он погладил ее.

Но вдруг, словно чего-то испугавшись, вскочил:

— А что сказал бы на это отец?

— Отец был здесь хозяином в свое время, теперь настал твой черед. Покуда отец был жив, приходилось его слушаться. Теперь же ты должен стать самим собой, показать, каков ты.

Сын был так поражен словами матери, что перестал плакать.

— Я таков, каков есть, — ответил он.

— Нет, — возразила мать, — ты только пытаешься походить на отца. Отец жил в суровые времена, и это вселило в него страх перед бедностью. Ему казалось, что нужно думать прежде всего только о себе. Ты же никогда не знал нищеты, которая могла бы тебя ожесточить. А добра у тебя больше, чем нужно, и было бы грешно не подумать и о других.

Когда малютки вошли в дом, мальчик, прокравшись за ними следом, спрятался в темном углу. Не прошло и нескольких минут, как он увидел ключ от сарая, торчавший из кармана хозяйской куртки. «Когда крестьянин выставит детей за дверь, я возьму ключ и убегу», — подумал он.

Но девочек не выгнали, и мальчик, сидя в углу, не знал, что же ему делать.

Мать долго беседовала с сыном, и мало-помалу слезы его высохли, лицо просветлело, и он казался уже совсем другим

человеком. Так он и сидел, продолжая поглаживать старую, морщинистую руку матери.

— Ну, а теперь пора ложиться, — сказала старушка, увидев, что сын успокоился.

— Нет, — возразил он, вскочив на ноги, — я не могу лечь спать. Есть еще кое-кто, кому я нынче ночью должен дать приют.

Не сказав больше ни слова, он быстро набросил на себя куртку, зажег фонарь и вышел. По-прежнему дул ветер и было холодно; хозяин, тихонько напевая, спустился с крыльца. Он сейчас думал о том, признает ли его старый конь и захочет ли вернуться в старую конюшню.

Проходя по двору, хозяин услыхал, как ветер где-то хлопает дверью. «А, наверно, это снова дверь того сарая. Замок там еле держался», — подумал он и направился туда.

Притворяя дверь, он вдруг услышал какой-то шорох. Это вбежал в сарай мальчик, который ухитрился выйти из дому вместе с хозяином.

Крестьянин, распахнув дверь, осветил сарай фонарем и с удивлением увидел там лошадей и коров, которые привольно разлеглись на соломе и спокойно спали.

А дело было так. Скотина, оставленная мальчиком во дворе, недолго мокла под дождем. Сильный порыв ветра сорвал замок с проржавевших гвоздей, распахнул дверь сарая, и скотина вошла под крышу.

Хозяин рассердился было на непрошеных гостей и начал кричать, собираясь разбудить их и выгнать вон. Но лошади, волы и коровы лежали спокойно, словно не слыша его криков. Лишь один старый конь поднялся на ноги и медленно пошел к крестьянину.

Узнав своего коня по поступи, хозяин разом смолк и приподнял навстречу ему фонарь.

И, ласково гладя коня, он шептал:

— Ах ты конь мой, конь! Что же это с тобой сделали? Да, хороший ты мой, я откуплю тебя. Ты никогда больше не покинешь эту усадьбу! Ты получишь все, чего ты только пожелаешь, дорогой мой! Те, кого ты привел с собой, пусть ночуют здесь, ты же пойдешь со мной в конюшню. Теперь я могу задать тебе столько овса, сколько ты в силах съесть, и мне не придется делать это украдкой. Может, тебя еще не совсем доконали, и ты снова станешь самым прекрасным конем во всей округе!

Вот так-то! Так-то!

XXV ЛЕДОХОД

Четверг, 28 апреля

На другой день стояла хорошая, ясная погода. Хотя с запада и дул сильный ветер, но ему были все рады: он высушит дороги, размякшие после вчерашнего ливня.

Рано утром на проезжей дороге, что ведет из Сёрмланда в Нерке, показалось двое смоландских ребятишек — Оса-пастушка и маленький Матс. Дорога тянулась вдоль южного берега озера Йельмарен, и дети шли, не отрывая глаз ото льда, еще покрывавшего большую часть озера. Утреннее солнце ярким светом заливало лед, и он не казался грязным и неприглядным, каким обычно бывает весенний лед, а наоборот — весь светился белизной и будто манил к себе. Дождевая вода уже стекла в полыньи или же просочилась сквозь трещины, и, насколько хватал глаз, перед детьми расстилался крепкий и сухой лед.

Оса-пастушка и маленький Матс брели на север. Они только и думали о том, как сократился бы их путь, если бы они прошли наискосок по большому озеру, вместо того чтобы обходить его кругом. Они хорошо знали, как опасен вешний лед, но сегодня ледяной покров выглядел так надежно. У берега он был в несколько дюймов толщиной! Дети приметили тропку, по которой они могли бы пройти; а противоположный берег казался таким близким — добраться до него можно было всего за один час.

— Давай-ка попробуем, — сказал маленький Матс. — Будем глядеть в оба, чтобы не свалиться в прорубь, и быстро доберемся.

Они спустились на озеро. Лед был не очень скользкий, и шагалось по нему хорошо. Правда, поверх льда воды было куда больше, чем им казалось с берега, и кое-где, особенно там, где проходило течение, лед стал уже пористым и ноздреватым. Таких мест следовало остерегаться, но это было совсем не трудно средь бела дня, при ярком солнечном свете.

Быстро и легко продвигаясь вперед, дети только и говорили о том, как разумно они поступили, отправившись по льду, вместо того чтобы продолжать путь по размытой дождем проселочной дороге.

Через час они были уже совсем рядом с островком Винён. Тут их приметила из окошка какая-то старушка. Выбежав из лачуги, она, всплеснув руками, закричала. Что она кричала, дети разобрать не могли, однако сразу догадались: она предупреждала их об опасности. Но надо быть последними дураками, решили

дети, чтобы подняться на берег, когда все так хорошо получается…

И они прошли мимо островка Винён. Им оставалось не более одной мили ходу по льду. Но на ледяном поле стали попадаться большие скопления воды, которые то и дело приходилось обходить. Ребятишек это только забавляло. Они состязались, наперегонки отыскивая, где лед крепче. Они еще не устали и не проголодались. День только начинался, и они лишь смеялись, встречая на пути все новые и новые препятствия.

Время от времени они смотрели на противоположный берег, но он как будто не приближался, хотя шли они уже около часа. Дети были немного удивлены тем, что озеро оказалось таким широким.

— Берег словно убегает от нас, — сказал маленький Матс.

А западный ветер с каждой минутой все крепчал. Здесь, на льду, дети были беззащитны перед ним. Он так обвивал платье вокруг тела, что трудно было ступать. Холодный ветер был первой серьезной напастью, встретившейся им на пути.

Детей удивило, что ветер налетал с таким воем, словно нес с собой шум большой мельницы или гул механической мастерской. Ведь ничего подобного на этих ледяных просторах не было.

Брат с сестрой прошли мимо большого острова Вален с его западной стороны и думали, что теперь северный берег уже недалеко. А ветер между тем все крепчал и крепчал, и все нарастал сопровождавший его громкий рокот. Дети вдруг догадались, что то был рокот волн, шумно бившихся о берег. В это плохо верилось — ведь все озеро было еще покрыто льдом.

Остановившись, они огляделись. И тут только заметили далеко на западе, чуть ниже островков Бьёрнён и Йёксхольмслан огромный белый вал, который катился по озеру. Сначала они было подумали, что это снежная поземка мчится вдоль дороги, но потом поняли: это пена волн, которые выбрасывались на лед. Озеро уже вскрылось на западе, и, как им показалось, белый вал пены быстро двигался на восток.

Не вымолвив ни слова, дети взялись за руки и кинулись бежать. Они не знали, всюду ли взламывается лед, но чувствовали, что им грозит страшная опасность.

Вдруг на том самом месте, где они только что пробежали, лед начал колыхаться: то поднимался, то опускался, словно кто-то подталкивал его снизу. Затем послышался глухой треск, и по льду во все стороны пошли трещины.

На секунду все стихло, потом началось снова; лед опять стал то подниматься, то опускаться. Трещины превращались в полыньи, в которых страшно бурлила вода. Полыньи смыкались в

широкие разводья, а ледяной покров стал разламываться на огромные льдины.

— Оса, — сказал маленький Матс, — это, верно, ледоход.

— Да, малыш Матс, — подтвердила Оса, — но мы еще можем успеть выбраться на берег. Бежим!

И правда, ветру и волнам предстояла еще немалая работа — убрать лед с озера. Самое трудное уже свершилось, когда ледяной покров раскололся на куски, но все эти льдины надо было размельчить, а затем бросить друг на дружку, сокрушить, истребить, растворить. На озере оставалось еще много твердого и крепкого льда, лежавшего огромным нетронутым полем.

Но самое страшное заключалось в том, что дети не могли охватить взглядом весь ледяной покров. Они не могли видеть, где узкие, а где широкие разводья, которые невозможно перешагнуть. Они не знали, где находятся самые большие льдины, которые еще могут выдержать их тяжесть. Они метались то туда, то сюда и уходили в глубь озера, вместо того чтобы двигаться к его берегам. Вконец сбитые с толку и перепуганные, дети в оцепенении застыли на месте посреди этой равнины трескавшегося льда и только плакали.

Вдруг прямо над ними быстро и шумно пролетели клином дикие гуси. Они громко и пронзительно кричали. Но самым поразительным было то, что в гусином гоготанье дети уловили слова:

— Идите напра-во, напра-во, напра-во!

Оса и маленький Матс тотчас послушались совета и двинулись направо, но вскоре снова остановились в нерешительности перед широкой промоиной.

И опять они услыхали, как над их головами кричат гуси, и в гусином гоготанье разобрали несколько слов:

— Стой-те на месте! Стой-те на месте!

Дети, ни слова не говоря друг другу о том, что каждый из них услышал, застыли на месте как вкопанные. Вскоре льдины сомкнулись, и они смогли перебраться через полынью.

Снова взявшись за руки, они побежали, страшась не только грозящей им опасности, но и голоса, что пришел им на помощь.

Когда они снова остановились в нерешительности, сверху вдруг донесся тот же голос:

— Пря-мо вперед! Пря-мо вперед! Пря-мо вперед!

Так продолжалось примерно с полчаса. Дети уже добрались до вытянутого в длину мыса Лунгерсудден и смогли подняться со льда на берег. Но страх их был так силен, что, ступив на твердую почву, они, ни на секунду не останавливаясь и не оглядываясь на озеро, где волны, остервенев, ворочали ледяные глыбы,

помчались вперед. Однако, отбежав немного в глубь мыса, Оса вдруг остановилась.

— Подожди меня здесь, малыш Матс, — сказала она, — я кое-что забыла.

Оса-пастушка снова спустилась на берег озера. Порывшись в котомке, она вытащила маленький деревянный башмачок и поставила его на камень, где башмачок был хорошо виден. Затем, ни разу не оглянувшись, вернулась к маленькому Матсу.

И стоило ей повернуться спиной к озеру, как большой белый гусак стрелой ринулся с неба вниз, схватил клювом деревянный башмачок и так же стремительно снова взмыл ввысь.

XXVI РАЗДЕЛ НАСЛЕДСТВА

Четверг, 28 апреля

Пособив Осе-пастушке и маленькому Матсу перейти озеро Йельмарен, дикие гуси устремились прямо на север и летели до тех пор, пока не добрались до Вестманланда. Там они опустились на одну из больших нив в приходе Феллингсбру, чтобы отдохнуть и пощипать травку.

Мальчик был голоден не меньше гусей, однако сколько он ни искал, не мог найти в поле ничего съедобного. Осматриваясь по сторонам, Нильс заметил неподалеку двух работников, идущих за плугом. Но вот они, оставив плуги, уселись завтракать. Мальчик подкрался к ним совсем близко. Может, когда работники поедят, ему достанется хоть несколько крошек или корочка хлеба.

А в это время по дороге, тянувшейся вдоль поля, брел какой-то старик. Увидев пахарей, он перелез через изгородь и подошел к ним.

— Как хорошо, что не придется завтракать одному, сидя у обочины, — сказал он и вытащил из заплечной котомки хлеб и масло.

Между стариком и работниками завязалась беседа, и вскоре они узнали, что он с рудника Нурберг. Теперь уже не работает — слишком стар, чтоб лазить по рудничным лестницам; но жить продолжает рядом с рудником в небольшом домике. А здесь, в Феллингсбру, у него дочь замужем. Вот гостил у нее. Она хочет, чтобы он совсем сюда перебрался, да ему никак на это не решиться.

— Вот как, стало быть, по-вашему, здесь хуже, чем в Нурберге, — чуть поджав губы, сказали крестьяне, считавшие, что Феллингсбру — один из самых больших и богатых приходов в здешней округе.

— Разве я смогу жить на такой равнине? — сказал старик, взмахнув руками так, словно сама мысль об этом была просто недопустима.

Тут они вполне дружелюбно стали спорить о том, в какой стороне Вестманланда лучше всего жить. Один из пахарей родился в Феллингсбру и очень нахваливал здешнюю равнину. Другой же был родом из окрестностей города Вестероса и утверждал, что в тамошних краях нет лучше берегов озера Меларен с его поросшими чернолесьем островками и чудесными мысками. Старик, однако, желая доказать собеседникам свою правоту, рассказал историю, которую в дни молодости сам

слыхал от тогдашних стариков.

— Жила в стародавние времена здесь, в Вестманланде, старая госпожа из рода великанов. Была она очень богата и владела всем этим обширным краем. Но хоть и купалась она в золоте, однако же снедала великаншу забота: не знала она, как поделить свои владения между тремя сыновьями.

О двух старших-то она не очень и пеклась, зато меньшенький был ее любимцем. И хотелось ей, чтобы львиная доля наследства досталась ему. Однако она боялась, как бы между ним и братьями не начались раздоры, если бы она обделила старших.

Вот однажды почувствовала госпожа — смерть ее близка. Времени на раздумье у нее не оставалось. И призвала она трех своих сыновей, повела с ними разговор о наследстве.

— Поделила я все свои владения на три равные доли, из коих вы вольны выбирать то, что вам по душе, — молвила она. — Одна доля — холмы, поросшие дубняком, островки с чернолесьем и цветущие луга. А собрала я их все вокруг озера Меларен. Тот, кто выберет этот надел, получит доброе пастбище для овец и коров на приозерных лугах, а на островках — листья для зимнего корма скота, если не захочет пустить эти островки под сады. В пашнях недостатка здесь тоже не будет, хотя вся земля изрезана на куски. Великое множество бухт и заливов врезается тут в сушу, так что можно заняться и судоходством, взимать деньги за провоз. Найдутся и удобные места для гаваней — там, где реки впадают в озеро, — и вырастут в этих краях и города, и селения. А сыновья владельца этого надела еще в детстве научатся переезжать с островка на островок и сделаются славными корабельщиками. Они смогут плавать и по морям в чужеземные королевства и добывать себе богатства. Да, таков первый надел. Что скажете о нем?

Все три сына в один голос объявили, что доля эта — прекрасна, а тот, кому она достанется, может считать себя счастливцем.

— Да, тот, кто выберет ее, не ошибется, — сказала старая великанша, — но и другая доля ничуть не хуже. Тут я собрала все равнины и пашни, которыми владею, да и выложила их одну подле другой в окрестностях озера Меларен, до самой Далекарлии. Тот, кто получит этот надел, думается мне, не пожалеет. Он может стать хлебопашцем, возделать земли сколько душе угодно и построить большие усадьбы. Ни ему, ни его потомкам не придется тревожиться о своем достатке. Ну, а чтобы равнина не покрылась болотами, я протянула через нее несколько длинных рвов. Найдутся там и пороги, где можно поставить мельницы и кузни. А вдоль рвов я возвела насыпи из щебня: там

могут расти леса, годные на дрова. Таков второй надел, и думается, у того, кому он достанется, не будет причин для недовольства.

Согласились с великаншей сыновья и давай благодарить ее. Хорошо матушка о них позаботилась!

— Я сделала все, что в моих силах, — молвила старая великанша. — А теперь хочу сказать о том, что более всего меня заботит. В первый надел сложила я лесные луга, пастбища и поросшие дубняком холмы; в другой — все пашни и новины. А как стала собирать третий, увидела, что ничего, кроме поросших сосняком холмов, еловых лесов, горных кряжей, крутых горных склонов, гранитных глыб, тощих кустов можжевельника, жалкого березняка да мелких озер, у меня не остается. А этому, само собой, никто из вас не обрадуется. Но все равно собрала я все эти жалкие крохи и разложила их к северу и к западу от равнинных земель. Боюсь только, что тому, кто выберет этот надел, ничего, кроме нищеты, не уготовано. Овцы да козы — вот и весь домашний скот, который можно там разводить, а чтобы прокормиться, придется выходить на озера — промышлять рыболовством либо охотиться в лесу. Есть там, правда, немало водопадов и порогов, так что мельниц можно понастроить видимо-невидимо. Только как бы владельцу этого надела не пришлось перемалывать одну древесную кору. Да и хлопот с волками и медведями там не оберешься: их на диких безлюдных пустошах тьма-тьмущая! Вот таков третий надел. Знаю, с двумя другими его и сравнить нельзя, и не будь я так стара, я бы все переделила заново, но теперь уж ничего не сделаешь. И нет мне покоя в мой последний час! Не знаю, кому из вас оставить худший надел? Были вы мне все трое добрыми сынами и тяжко мне быть несправедливой к кому-либо из вас.

И тут старая великанша с опаской взглянула на сыновей. Они уже больше не говорили, что она разделила свое имение по справедливости и хорошо позаботилась о них. Молча стояли они, и на лицах их было написано: никто из них не хотел бы получить последний надел.

А старая великанша лежала, дрожа от страха. И сыновья ее видели, какие муки она терпит. Ведь ей приходится неравно делить между ними свои владения!

Не смог самый младший сын, больше всех любивший свою мать, видеть, как она страдает! И он сказал:

— Не печальтесь, матушка, лежите спокойно. Третий надел можете отдать мне. Уж я как-нибудь перебьюсь. И даже если мне будет худо, не стану гневаться на вас за то, что братьям моим достались лучшие доли.

Услыхав эти слова, великанша сразу успокоилась; а раздать два других надела труда не составляло. Были они одинаково хороши.

Покончив с завещанием, старуха мать поблагодарила меньшого сына и сказала: от него она иного и не ждала. И сказала, что он вспомнит, как она его любила, когда поднимется на свою пустошь.

Закрыла она тут глаза и умерла.

После похорон отправились братья в свои владения. Старшие остались довольны тем, что получили в наследство. А как пришел на свою дикую пустошь меньшой, увидел он, что матушка правду говорила: ничего ему, кроме крутых горных склонов да мелких озер, не досталось. Но матушка и впрямь думала о нем с любовью, когда собирала эту долю. Это был красивейший край, правда, дикий и суровый, но все-таки — прекрасный. Ему он пришелся по душе, хотя пользы от него, видно, будет мало…

Окидывая взглядом горы, которые он получил в удел, меньшой сын вдруг заметил, что у них какой-то необычный вид. А присмотревшись повнимательней, увидел: они повсюду испещрены рудными жилами. Больше всего в его владениях было железа, но немало также серебра и меди. И тут он понял: на его-то долю выпало куда больше богатства, нежели на долю других братьев. И мало-помалу дошло до него, почему так хитро поделила свои владения его старая матушка.

XXVII В БЕРГСЛАГЕНЕ [30]

Четверг, 28 апреля

У диких гусей выдался трудный перелет. Позавтракав на полях в Феллингсбру, они направились было прямо на север через Вестманланд. Но западный ветер, который все крепчал и крепчал, под конец отшвырнул гусей вместо севера на восток, к самой границе с Упландом.

Они летели высоко в поднебесье, и ветер со страшной силой гнал их вперед. Мальчику хотелось разглядеть Вестманланд, и он свесил голову вниз, но увидел совсем немного. Он заметил только, что местность здесь, на востоке, — плоская, равнинная и как-то необычно иссечена бегущими с севера на юг бороздами и полосами, почти прямыми, с равными промежутками между ними.

— Эта равнина такая же полосатая, как матушкин передник, — удивился мальчик. — Не пойму только, что за полосы ее пересекают?

— Реки и горные кряжи, проселочные дороги и железнодорожные пути! — загоготали дикие гуси. — Реки и горные кряжи, проселочные дороги и железнодорожные пути!

И в самом деле: когда гусей отбросило на восток, они сначала летели над рекой Хедстрёммен, которая течет между двумя горными кряжами, сопутствуя железной дороге. Затем гусей отнесло к речке Кольбексон. Вдоль нее по одному берегу проходит железная дорога, а по другому — горная гряда, которую пересекает проселочная дорога. Потом гусям встретилась река Свартон, вдоль нее также тянулись горные гряды и проселочные дороги, и речка Лиллон с могучим горным кряжем Баделучдсосен на берегу. И наконец речка Сагон, на правом берегу которой виднелась и проселочная дорога, и железнодорожные пути.

«Никогда прежде я не видел столько дорог, которые бы шли в одну сторону, — подумал мальчик. — Должно быть, немало товаров везут с севера через здешние края».

Это его очень удивило. Он-то всегда считал, что к северу от Вестманланда Швеция кончается и дальше ничего, кроме леса и пустошей, нет.

Когда диких гусей отнесло ветром к речке Сагон, Акка поняла, что они очутились вовсе не там, куда направлялись. Она круто повернула вместе со всей стаей и, борясь с резким встречным ветром, стала пробиваться обратно на запад. Стая еще раз пролетела над полосатой равниной и снова углубилась в

западный край Вестманланда, покрытый лесистыми горными цепями.

Все время, пока стая летела над равниной, мальчик сидел, свесив голову, и глядел на землю. Но когда равнина осталась позади и начались обширные леса, Нильс выпрямился, чтобы дать глазам отдых. Ведь на земле, поросшей лесом и усеянной мелкими озерами, ничего особенного не увидишь!

Но вдруг с земли донесся какой-то скрип — словно кто-то жаловался.

Тогда Нильс снова наклонился и глянул вниз. Дикие гуси, борясь со встречным ветром, летели не очень быстро, и мальчик легко мог разглядеть под собой землю. Первое, что он заметил, был черный глубокий провал, который вел прямо в глубь земли. Над провалом был сооружен подъемник из толстых бревен; в эту минуту он как раз с воем и скрежетом поднимал бочку, груженную камнями. Большие груды таких же камней лежали вокруг, а на земле сидели женщины и дети и разбирали эти камни. Под навесом пыхтела паровая машина, несколько повозок с камнями спускалось по узкой конной тропе. Невдалеке, на лесной опушке, виднелись небольшие домики рабочих.

Мальчик в недоумении закричал во все горло вниз:

— Что это за место, где добывают столько серого гранита?

— Нет, вы только послушайте этого дурачка! Послушайте этого дурачка! — зачирикали воробьи. Родом из здешних мест, они знали все на свете. — Он не может отличить железную руду от серого гранита!

Тут мальчик понял, что перед ним шахта. И немного разочаровался, так как думал, что шахты располагаются высоко в горах; эта же лежала на ровной местности между двумя горными кряжами.

Вскоре шахта осталась позади, и Нильс снова стал смотреть вперед, а не вниз, потому что не ожидал увидеть ничего нового, кроме поросших ельником и березняком горных кряжей.

Вдруг от земли сильно повеяло теплом, и он поспешно глянул вниз, чтобы узнать, откуда идет это тепло.

Под ним громоздились большие груды угля и руды, а посредине высилось восьмиугольное выкрашенное в красный цвет строение, посылавшее огромные снопы огня к небу.

Сначала мальчик решил, что на земле пожар. Но потом увидел, как спокойно, не обращая внимания на огонь, ходят внизу люди. Однако сколько он ни ломал голову, он так и не мог понять, что там происходит, и закричал:

— Как называется это место, где никому нет дела, что горит дом?

— Нет, вы только послушайте! Послушайте! Он боится огня! — защебетали зяблики. Гнездясь на лесной опушке, они хорошо знали, что творится по соседству. — Он понятия не имеет, как плавят железо из руды! Он не может отличить огня плавильни от пламени пожара!

Вскоре дикие гуси оставили плавильню позади, и мальчик снова стал глядеть вперед, а не вниз, так как думал: «Здесь, в этих поросших лесом краях, смотреть особенно нечего».

Но стоило ему отлететь чуть подальше, как он услыхал страшный шум и грохот на земле.

Поглядев вниз, он заметил небольшой поток, который, громко бурля, сбегал с горной кручи. Возле водопада стояло большое строение с черной крышей и высокой трубой, посылавшее ввысь густые, пронизанные искрами клубы дыма. Перед строением лежали груды железа и уголь. Земля вокруг была черная, и черными были дороги, разбегавшиеся во все стороны. От высокого строения и доносился этот ужасный грохот и шипение. Казалось, кто-то сильными ударами пытается защититься от ревущего дикого зверя. Но удивительно! Никому не было дела до того, что там творится! Неподалеку, под зелеными деревьями, виднелись домишки рабочих, а еще дальше поднималась большая белая господская усадьба. Во дворах домиков мирно играли дети, а в аллеях усадьбы спокойно прогуливались взрослые.

— Как называется это место, где никому нет дела, что в доме кого-то убивают? — закричал сверху мальчик.

— Хак-ак-ак-ак-ак! Вон летит тот, кто ничего не знает! Хак-ак-ак-ак! — застрекотала сорока. — Никого там не убивают и не раздирают на куски! Это лопается и шипит железо, когда его кладут под молот!

Вскоре железоделательный завод остался позади, и мальчик снова стал глядеть вперед, а не вниз, так как Думал: «Здесь, в этих поросших лесом краях, смотреть особенно нечего».

Не прошло и часа, как он услышал звон колокола и еще разок взглянул на землю: откуда доносится этот звон?

И тут мальчик увидел внизу крестьянскую усадьбу, какой ему никогда прежде видеть не доводилось. Дом, выкрашенный в красный цвет, был длинный, но не очень высокий, всего в один этаж. Нельзя сказать, чтобы возводили его с размахом. Зато рядом с домом располагалось много служб — конюшни, скотный двор, сараи — всего не перечесть. И служб этих было в два-три раза больше, чем в обычной усадьбе. Любопытно, что там могло храниться? Ведь рядом с усадьбой никаких полей не было. В лесной чаще, правда, Нильс увидел несколько клочков пашен, но

они были так малы, что их едва можно было назвать полями. И на каждом из них возвышался свой амбар, готовый принять на хранение весь урожай, какой только удастся собрать с этого поля.

На крыше конюшни под колпаком был укреплен колокол, возвещавший время обеда. Оттуда-то и доносился звон. Хозяин вместе с работниками направился к поварне, и мальчик увидел, что работников у него немало и все они — рослые и статные.

— Что за люди строят такие огромные усадьбы в самой чаще леса, там, где нет пашен? — закричал мальчик.

Петух, взобравшийся на кучу мусора, тотчас закукарекал:

— Ку-ка-ре-ку! Ку-ка-ре-ку! Это — старый горный промысел! Старый горный промысел! Пашни здесь — под землей! Пашни здесь — под землей! Пашни здесь — под землей!

Наконец мальчик начал понимать: не такие уж это непроходимые лесные дебри! Здесь, среди лесов и гор, скрыто много любопытного!

Были здесь старые брошенные шахты с накренившимися подъемными кранами, земля вокруг которых была сплошь изрыта буровыми скважинами; были и действующие шахты, где кипела работа и грохотали взрывы, долетавшие даже до слуха гусей в поднебесье. Недалеко от шахт, на опушках леса, стояли целые рабочие поселки. Встречались тут и старые, покинутые кузни, где сквозь проломленные крыши виднелись громадные железные молоты и сложенные из кирпича неуклюжие горны. Были здесь и большие, недавно возведенные железоделательные заводы, где молоты трудились и стучали так, что дрожала земля. А рядом на пустошах как ни в чем не бывало раскинулись небольшие тихие селения, которым, казалось, нет никакого дела до стоявшего здесь грохота и шума. Над землей бежали канатные дороги; по ним медленно двигались корзины, наполненные рудой. На всех водопадах жужжали колеса, электрические провода тянулись через молчаливый лес, а по рельсам тянулись необычайно длинные железнодорожные составы из шестидесяти, семидесяти вагонов, груженные рудой и углем, железными брусьями и стальной проволокой.

Некоторое время мальчик молча глядел на все это, а потом не выдержал.

— Как зовется этот край, где растет одно лишь железо? — закричал он, заранее зная, что птицы на земле поднимут его на смех.

Тут старый филин, спавший в заброшенной плавильне, пробудился ото сна. Вытянув вперед круглую голову, он заухал жутким голосом:

— Ух, ух, ух! Этот край зовется Бергслаген! Если бы здесь не

росло железо, тут и поныне жили бы одни филины и медведи!

XXVIII ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД

Четверг, 28 апреля

Почти весь день, пока дикие гуси летели над Бергслагеном, продолжал дуть сильный западный ветер. И стоило им только повернуть к северу, их тут же отбрасывало на восток. Но Акка, предполагавшая, что как раз там и рыщет Смирре-лис, настойчиво поворачивала стаю обратно на запад. Дикие гуси медленно, с трудом продвигались вперед и в полдень еще оставались в пределах рудников Вестманланда. К вечеру ветер вдруг стал стихать, и усталые путешественники обрадовались было, что часок-другой до заката солнца смогут спокойно продолжать полет. Но неожиданно налетел страшный порыв ветра. Точно воздушные шарики, погнал он диких гусей вперед. Мальчика, который беззаботно, не чуя опасности, сидел на спине гусака, сорвало ветром и швырнуло в пустынные воздушные просторы.

Маленький и легкий, он не мог на таком страшном ветру сразу упасть на землю. Сначала его чуточку покружило, а потом он тихо и плавно, словно лист с дерева, опустился вниз.

«Не так уж это страшно, — еще на лету подумал мальчик. — Я падаю на землю медленно, будто клочок бумаги. Мортен-гусак наверняка тут же прилетит и подберет меня».

Очутившись на земле, мальчик тотчас сорвал с головы колпачок и стал размахивать им, чтобы белый гусак увидел его.

— Я — здесь, где — ты? Я — здесь, где — ты? — кричал он.

Однако большой белый гусак не показывался. Не видно было в небе и гусиной стаи. Казалось, она бесследно исчезла.

Нильса это удивило, но он ничуть не испугался и не обеспокоился. Ему и в голову не пришло, что Акка или Мортен-гусак могут бросить его. Видно, гусей унес страшный порыв ветра. Как только им удастся повернуть назад, они прилетят и подберут его.

«Но что это? Куда я попал?» — подумал, немного оглядевшись, мальчик. Он упал не на ровную, гладкую землю, а в глубокое и широкое горное ущелье, окруженное со всех сторон почти отвесными скалистыми стенами. Ущелье напоминало храм, только без крыши. На земле лежало несколько больших каменных глыб, а между ними росли мох, брусничник и невысокие березки. То тут, то там в скалистых стенах виднелись выступы, а с них свисали обломки рудничных лестниц. С одной стороны открывался черный свод, который, видимо, вел далеко-далеко в

глубь горы.

Мальчик не зря целый день летал над Бергслагеном. Он сразу догадался, что в старые времена люди добывали в этом месте руду — оттого и образовалось большое ущелье. «Все же надо попытаться выбраться на землю, — подумал он, — а то дикие гуси могут не найти меня!» Только он собрался подойти к скале, как кто-то обхватил его сзади и грубый голос прорычал возле самого уха:

— Ты кто такой?

Мальчик быстро обернулся и в первую минуту подумал, что перед ним — большая каменная глыба, поросшая длинным буро-серым мхом. Но тут он увидел: каменная глыба передвигается на широченных лапах, у нее — голова, глаза и огромная пасть, из которой раздается глухое рычание.

Он не нашелся что ответить, да огромная звериная туша и не ждала ответа. Опрокинув мальчика навзничь, зверь стал обнюхивать его и переворачивать лапой с боку на бок. Нильсу показалось, что его вот-вот проглотят. Но зверь, видимо передумав, вдруг прорычал кому-то:

— Ворчун, Бормотун, детки мои, идите сюда, тут есть чем поживиться!

Тотчас, откуда ни возьмись, появилась пара лохматых малышей, с мягкой, как у щенят, шерстью, нетвердо державшихся на своих лапах.

— Что вы такое нашли, матушка-медведица? Можно поглядеть? Можно поглядеть? — завопили малыши.

«Вон что, стало быть, меня угораздило наткнуться на медведицу с медвежатами, — подумал мальчик. — Боюсь, Смирре-лису больше не придется охотиться за мной».

Медведица лапой подвинула мальчика к медвежатам, и один из них, схватив его зубами, тотчас кинулся бежать. Но кусал он его не больно, так как был настроен игриво и, прежде чем убить Малыша-Коротыша, хотел хорошенько позабавиться. Другой медвежонок помчался следом, чтобы вырвать мальчика, но, ужасно неуклюжий, свалился прямо на голову своему братцу. Медвежата стали кататься по земле, непрерывно ворча, кусая и царапая друг друга.

Мальчик, освободившись, подбежал к скалистой стене и стал карабкаться наверх. Тут оба медвежонка дружно ринулись за ним, быстро нагнали мальчика и швырнули его в мох, точно мячик. «Да, теперь я знаю, каково бедняге мышонку, когда он попадает в когти кошке», — подумал мальчик.

Много раз он пытался удрать. Он забегал в глубь старого штрека, прятался за каменными глыбами, влезал на березы, но

медвежата находили его везде. Поймав, они тотчас же его отпускали, он убегал, его ловили, и все повторялось сначала. Медвежатам очень нравилась такая игра.

Наконец мальчик так устал и так ему все надоело, что он бросился плашмя на землю.

— Беги, — зарычали медвежата, — а не то мы тебя съедим!

— Ну и ешьте, — сказал мальчик, — больше я бегать не могу!

Оба косолапых малыша тотчас заковыляли к медведице и, захныкав, стали жаловаться:

— Матушка-медведица, матушка-медведица, он не хочет больше с нами играть!

— Тогда возьмите и разделите его поровну между собой! — посоветовала медведица.

Услыхав эти слова, мальчик так испугался, что тут же вскочил и начал снова с ними играть.

Когда настало время ложиться спать, медведица позвала малышей к себе в берлогу; расшалившиеся медвежата решили и завтра продолжить свои игры и забавы. Положив мальчика между собой, они придавили его с обеих сторон лапами, чтобы сразу же проснуться, едва тот шевельнется. Медвежата скоро заснули, а мальчик лежал и думал, что через некоторое время попробует украдкой выбраться и улизнуть от них. Но он ужасно устал — ведь никогда в жизни его так не швыряли, не катали, не гоняли и не вертели. И он сам не заметил, как под храп медведей тоже заснул.

Вскоре появился и сам отец семейства, папаша медведь. Мальчик проснулся, услыхав, как он спускается в старую шахту и под его лапами сыплются камни и щебень. Не смея пошевельнуться, Нильс все же вытягивал шею, пытаясь разглядеть медведя. Это был грубо скроенный, но могучий немолодой уже зверь с громадными лапами, большими сверкающими клыками и маленькими злобными глазками. Когда мальчик увидел этого старого хозяина леса, по спине его забегали мурашки.

— Здесь пахнет человеком! — громовым голосом взревел медведь, лишь только приблизился к медведице.

— Чепуха! И как тебе только такое в голову взбрело! — проворчала медведица, спокойно продолжая лежать на своем месте. — Ведь у нас нынче с людьми уговор: мы их не трогаем. Но если хоть один из них полезет туда, где живу я с детенышами, от него мокрого места не останется, не то что запаха.

Медведь улегся рядом с медведицей, однако не успокоился и не переставал фыркать и обнюхивать воздух.

— Брось вынюхивать! — взревела медведица. — Ты хорошо меня знаешь: неужели я допущу, чтобы хоть одна шерстинка

упала с головы малышей?! Рассказывай лучше, где шатался? Я не видала тебя целую неделю!

— Я бродил в поисках места для новой берлоги — сказал медведь. — Сперва направился в Вермланд повидаться с сородичами в Эксхераде и узнать, каково им там живется. Да только зря я ходил. Все ушли оттуда. Во всем лесу не осталось ни одной медвежьей берлоги.

— Может, люди хотят остаться одни на земле? — пробормотала медведица. — Даже если мы не будем трогать скотину и людей, станем кормиться одной брусникой, муравьями да овсом — все равно в лесу нам жизни не будет. Куда бы податься, чтобы нас оставили в покое? — кипятилась она.

— Тут, в шахте, нам долгие-долгие годы жилось чудесно, — сказал медведь. — Но с тех пор, как совсем близко от нас построили этот завод — настоящую громыхальню, мне тут не по душе. Да, так вот, под конец побывал я к востоку от реки Дальэльвен, в рудничном поселке Гарпенберг, и осмотрелся. Там тоже немало старых буровых скважин и других хороших убежищ. Я думаю, в той округе можно жить в мире, подальше от людей…

В тот же миг медведь поднялся и стал бродить вокруг, обнюхивая воздух.

— Непонятно, стоит мне заговорить о людях, как я снова чую запах человека, — проворчал он.

— Пойди погляди сам, коли не веришь, — рассердилась медведица. — Да и спрятаться тут человеку негде.

Медведь, принюхиваясь, обошел всю берлогу. Наконец он снова лег, не вымолвив ни слова.

— Ну что, не говорила я тебе? — фыркнула медведица. — По-твоему, ни носа, ни ушей ни у кого, кроме тебя, нет!

— При таком соседстве, как у нас, излишняя осторожность не помешает! — совсем тихо возразил медведь.

Но тут же, громко зарычав, вскочил. На беду, один из медвежат положил лапу на лицо Нильса Хольгерссона, и бедняга просто задохнулся. Он принялся громко кашлять, чихать, и тут уж медведица не могла удержать мужа. Расшвыряв медвежат направо и налево, он увидел мальчика, прежде чем тот успел подняться.

Медведь тут же проглотил бы Нильса, если бы к ним не бросилась медведица.

— Не тронь! Я отдала его малышам! — заревела она. — Им было так весело с ним, что они не захотели его съесть, а решили оставить на завтра.

Но медведь отшвырнул и жену.

— Не лезь не в свое дело! Неужели ты не чуешь, что от него за семь миль несет человеком! Я его сию минуту съем, не то он

сыграет с нами злую шутку!

Он снова открыл пасть, но мальчик, воспользовавшись ссорой медведей, успел вытащить из котомки серные спички — в них была вся его защита. Чиркнув спичкой по кожаной штанине, он сунул ее медведю прямо в пасть.

Медведь фыркнул, почуяв запах серы, и огонек тут же угас. У мальчика была наготове новая спичка, но, к его удивлению, медведь больше не стал на него кидаться.

— А много у тебя таких голубых розочек? — спросил медведь.

— Столько, что я могу сжечь весь лес дотла! — приврал Нильс, желая запугать медведя.

— А может, тебе под силу спалить и дом, и усадьбу? — продолжал допытываться медведь.

— Да, и это мне ничего не стоит, — похвастался мальчик, надеясь, что медведь станет бояться его.

— Вот хорошо! — обрадовался медведь. — Этим ты сослужил бы мне добрую службу! Хорошо, что я не съел тебя!

С этими словами медведь, осторожно и бережно взяв мальчика в зубы, стал вылезать из берлоги. Несмотря на свой огромный рост и необычайную тяжесть, медведь поразительно быстро и легко взобрался наверх и пустился бежать в лесную чащу. Созданный для жизни в дремучих лесах, он свободно проникал в самые густые заросли и стремительно несся вперед, как лодка по воде.

Наконец они достигли лесной опушки, с которой был виден железоделательный завод. Тут медведь улегся на землю, поставил перед собой мальчика и, крепко держа его обеими лапами, заревел:

— Погляди-ка теперь вниз, на эту громыхальню!

Внизу у самого водопада раскинулся огромный железоделательный завод. Длинные трубы выбрасывали клубы черного дыма, пылало пламя плавилен, светились многочисленные окна. Воздух дрожал от шума и грохота работающих молотов и прокатных станов. Здание завода окружали огромные углехранилища, склады и сараи. Всюду виднелись кучи шлака и штабеля досок. Чуть подальше расположились жилища рабочих, красивые виллы и школа, дома собраний и торговые лавки. Но все строения были окутаны тишиной и, казалось, спали. Мальчик даже не посмотрел в их сторону, ему хотелось лишь оглядеть железоделательный завод, земля вокруг которого вся почернела. Вскипая белой пеной, низвергался вниз водопад. Красивым сводчатым потолком вздымалось над плавильнями темно-голубое небо, а печи метали

вверх снопы света и искр, огонь и дым. Ничего подобного мальчик никогда в жизни не видел.

— Только смотри, не ври, будто можешь поджечь такой большой завод! — пригрозил медведь.

Мальчик стоял, зажатый медвежьими лапами, и думал, что единственное спасение — это уверить медведя в своем всемогуществе.

— А мне все равно — большой он или маленький! Я любой завод могу спалить!

— Тогда я тебе вот что скажу! — прорычал медведь. — Предки мои обитали в здешних краях с тех самых пор, как в стране начали расти леса. Я унаследовал от них охотничьи угодья и пастбища, берлоги и потайные убежища! Все эти годы я прожил здесь счастливо и мирно. Сначала люди мне не очень-то докучали. Они расхаживали тут, долбили гору, добывали понемногу руду, а внизу, у водопада, стояли их кузни и плавильни. Молот стучал всего лишь несколько раз в день, а огонь в плавильной печи раздували не чаще чем раз в два месяца. С этим я мирился. Но в последние годы, с тех пор как люди возвели здешнюю громыхальню, которая тарахтит дни и ночи напролет, мне стало тут невмоготу. Прежде в этих краях жили только заводчик да несколько кузнецов, а нынче понабралось столько людей, что никогда не чувствуешь себя в безопасности. Я сперва задумал бежать отсюда, но сегодня, сдается, отыскал средство получше.

Мальчика разобрало любопытство, какое такое средство придумал медведь, но он не успел спросить. Медведь снова схватил его зубами и затрусил вместе с ним вниз с пригорка. Нильс ничего не мог увидеть, но по все возрастающему шуму понял, что они приближаются к железоделательному заводу.

Медведь хорошо знал этот завод. Много раз глухими ночами бродил он вокруг, недоумевая, почему не кончается этот адский грохот. Он ощупывал лапами крепкие стены и с тоской понимал, что у него не хватит сил одним ударом опрокинуть всю постройку на землю.

Медведь не боялся, что его увидят, его темная шкура сливалась с черной землей, к тому же он и держался в тени у стен. Зверь без опаски прошел между мастерскими и взобрался на гору шлака. Он встал на задние лапы и, охватив мальчика передними, поднял его.

— Попробуй-ка заглянуть в этот дом, — велел он.

На заводе как раз шла плавка стали по способу Бессемера. В большой черный круглый шар, установленный высоко под потолком и наполненный расплавленным чугуном, вгоняли

сильную струю воздуха. И когда воздух с ужасающим шумом проникал в расплавленную толщу железа, оттуда извергались бесчисленные рои искр. Разноцветные искры, большие и маленькие, вылетали в виде снопов, пучков, а то и длинных гроздьев. Они разлетались, ударяясь о стенку. Медведь позволил мальчику любоваться яркой игрой искр до тех пор, пока продувка воздухом не прекратилась и красная, отливающая чудесным светом сталь не потекла из круглого шара в несколько подставленных ковшов. Мальчик до того увлекся этим прекрасным зрелищем, что забыл про сжимавшие его медвежьи лапы!

Медведь решил показать мальчику и прокатный цех. Здесь шла совсем другая работа. Из отверстия печи мастеровой брал короткую, толстую, раскаленную добела металлическую болванку и закладывал ее под прокатный валок. Когда болванка попадала под валок, она сдавливалась. Тут ее подхватывал другой мастеровой и закладывал под еще более тесный прокатный валок. Так болванку и переносили от одного валка к другому, растягивали и сжимали, и в конце концов она превращалась в многометровую, сверкающую раскаленную проволоку. Но пока трудились над первой болванкой, из печи доставали новую и клали под прокатные валки, а потом — и третью. Непрерывно, точно шипящие змеи, извивались на полу все новые и новые нити проволоки. Мальчику нравилось это необычное зрелище, но еще веселее было глядеть на рабочих: ловкие и быстрые, они легко, словно играючи, хватали огненных змей щипцами и водворяли их под прокатные валки.

«Вот это — настоящее мужское дело», — подумал про себя мальчик.

Благодаря медведю Нильс сумел заглянуть и в литейную, и в кузницу, где выковывали прутковое железо — железные прутья. Он не переставал удивляться тому, как рабочие запросто обращаются с огнем и железом. Черные, закопченные кузнецы казались ему волшебниками. Эти люди покорили огонь, они не боятся ни жара, ни пламени, они могут делать с железом все, что вздумается! Трудно было поверить, что обыкновенные люди могут обладать подобным могуществом.

— Вот так они и трудятся день за днем, ночь за ночью, — пожаловался медведь и улегся на землю. — До чего надоело! Хорошо, что я теперь могу положить этому конец!

— Как вы это сделаете? — спросил мальчик.

— Я думаю, ты спалишь все эти строения, — прорычал медведь. — Тогда бы я отдохнул от этой нескончаемой людской работы и мог бы остаться на житье в родных краях.

Мальчик похолодел. Так вот зачем медведь притащил его сюда!

— Если ты подожжешь эту громыхальню, обещаю сохранить тебе жизнь, — сказал медведь. — А если заупрямишься, тебе конец!

Большие мастерские были сложены из кирпича, и мальчик подумал, что медведь может приказывать сколько угодно: выполнить его желание все равно нельзя. Но тут же увидел, что ошибся. Рядом с ним лежали кучи соломы и стружек, которые легко было поджечь, а возле кучи стружек возвышался штабель досок. За досками виднелся большой склад каменного угля. Он доходил до самых мастерских, и если мастерские загорятся, огонь сразу перекинется на крышу завода. Пламя охватит все, что может гореть, стены треснут от жара, машины превратятся в груду металла.

— Ну, так подожжешь ты завод или нет? — нетерпеливо спросил медведь.

По совести, Нильс должен был ответить: «Не хочу!» Но он знал, что тогда медвежьи лапы, сжимавшие ему грудь, мигом задушат его.

— Позвольте мне еще подумать, — попросил он.

— Ладно, думай, — согласился медведь. — Но я вот что скажу тебе: это благодаря железу люди одержали верх над медведями. Потому-то я и хочу спалить этот завод.

Мальчику надо было воспользоваться передышкой и поразмыслить, как бы поскорее удрать. Но от страха он ничего не мог придумать. Как ни странно, в голову лезли совсем другие мысли. Он думал о том, каким прекрасным помощником человеку было всегда железо! Ведь из железа сделано столько всего: плуг, вспахивающий поле; топор, строящий дом; коса, скашивающая траву, и наконец — нож, который нужен всегда и везде! Из железа сделана уздечка, с помощью которой правят лошадью, и замок, который запирает дверь. Железными гвоздями скрепляют мебель, железными листами покрывают крышу. Ружье, истребляющее диких зверей, — из железа, и кирка, которой прорубают в скале шахту, — тоже. Железом обивают военные корабли, которые он видел в Карлскруне, по железным рельсам катят по всей стране поезда. Из железа — игла, что шьет куртки, ножницы, которыми стригут овец, котелок, в котором варят еду. Большое и малое, все-все, что полезно и необходимо человеку, сделано из железа. Да, косолапый прав: только благодаря железу люди одержали верх над медведями.

— Ну, так подожжешь ты завод или нет? — снова спросил медведь.

Мальчик очнулся от размышлений. Надо же, он занят всякими пустяками, а ему надо думать о спасении.

— Потерпите еще немного, — сказал он. — Дело это — важное, и мне надо поразмыслить.

— Ладно, думай, только недолго! — согласился медведь. — Но говорю тебе — железо виной тому, что люди стали умнее медведей. Потому-то я и хочу непременно спалить этот завод.

Следовало воспользоваться новой передышкой, чтобы поискать путь к спасению, но мальчик не мог этого сделать. Голова его была занята тем, что он видел на заводе. Только теперь он начал понимать, сколько людям пришлось потрудиться, какие чудеса придумать, прежде чем они нашли нынешний способ плавить руду. Он представлял себе, как покрытые копотью кузнецы прежних времен стоят склонившись над теперешним заводским горном, недоумевая, как с ним обращаться. Быть может, потому и вознесся так высоко человеческий разум, что людям долго пришлось ломать голову над этим железом. Наконец они так далеко зашли, что научились строить вот такие большие заводы. Да, наверно, люди и не подозревают, чем они обязаны железу. Взять хотя бы Бергслаген…

— Ну, так подожжешь ты завод или нет? — снова раздался голос медведя. Мальчик вздрогнул. Надо же, он стоит тут, тратя время на бесполезные думы, а сам не знает, как спастись.

— Нелегко решиться на такое дело, — сказал он. — Позвольте мне еще подумать.

— Еще немножко могу подождать. Но больше на отсрочку не надейся. Железо виной тому, что люди стали жить в нашем медвежьем углу, и я должен спалить этот завод.

Мальчик понимал: чтобы спастись — надо как-то перехитрить медведя, но, испуганный и растерянный, он не мог собраться с мыслями. Подумать только! Как преобразился этот бедный и пустынный прежде край! Какое там оживление, как кипит работа на безлюдных когда-то пустошах. Подумать только! Сколько людей нашли работу на больших заводах! И не только работу, но и кров. Ведь он сам видел немало поселков, выросших вокруг заводов. А железные дороги, а телеграфные провода, которые протянулись…

— Ну, так подожжешь ты завод или нет? — рявкнул медведь.

Мальчик провел рукой по лбу. Как спастись, он так и не придумал, но знал твердо, что не причинит зла железу, этому доброму помощнику и кормильцу всех богатых и бедных в здешних краях!

— Не хочу! — ответил Нильс.

Медведь чуть крепче сжал его лапами.

— Вы не заставите меня спалить завод! — сказал мальчик. — Железо слишком большое благо для людей, и рука моя не поднимется его уничтожить!

— Неужели ты надеешься, что после этого я оставлю тебя в живых? — рявкнул медведь.

— Нет, не надеюсь, — ответил Нильс, глядя зверю прямо в глаза.

Медведь еще крепче сжал его лапами. От боли на глазах мальчика выступили слезы, но он не проронил ни слова.

— Ах так! — зарычал зверь, медленно занося над ним лапу — он все же надеялся, что в последнюю минуту мальчишка одумается.

Но тут вдруг Нильс услышал громкий щелчок и увидел, как всего в нескольких шагах от них блеснул ствол ружья. Поглощенный каждый своим, они и не заметили, что к ним совсем близко подкрался человек.

— Папаша медведь! — завопил мальчик. — Разве вы не слышите, как щелкает курок? Бегите, а не то вас застрелят!

Не выпуская Нильса, зверь бросился бежать. В ту же минуту раздались выстрелы, но пули, просвистев над самым ухом медведя, даже не задели его.

Теперь, в пасти у зверя, мальчик понял, какого он свалял дурака; такой глупости он еще никогда не делал.

Промолчи он, и медведя бы застрелили, а он был бы спасен. Но Нильс так привык помогать зверям и птицам, что предостерег медведя не задумываясь.

Только очутившись в лесной чаще, зверь остановился и, опустив мальчика на землю, стал его благодарить:

— Спасибо тебе, малыш! Если б не ты, меня бы уже не было в живых. Хочу тебе отплатить за добро добром. Доведется тебе встретиться когда-нибудь с медведем, скажи ему лишь одно-единственное словечко, которое я шепну тебе на ушко, и он тебя не тронет.

И медведь, наклонившись к самому уху мальчика, прошептал ему заветное словечко. Но тут ему показалось, что собаки и охотник приближаются, и он поспешил дальше. Нильс же остался в лесу, все еще не веря, что он цел и невредим.

* * *

Дикие гуси весь вечер летали взад-вперед, высматривая и окликая Малыша-Коротыша, но так и не смогли его найти. Давно зашло солнце, а они все еще продолжали поиски; когда же совсем

стемнело и пора было устраиваться на ночлег, гусей охватило глубокое отчаяние. Не приходилось сомневаться, что мальчик, падая, разбился насмерть и лежит теперь мертвый в дремучей лесной чаще.

Но на другое утро, когда солнце, взойдя над горами, разбудило диких гусей, они, к неописуемой своей радости, увидели, что мальчик, как всегда, спит среди них. От радостных криков и гогота птиц Нильс проснулся и, видя их удивление, не смог удержаться от смеха.

Гусям так не терпелось узнать, что с ним такое случилось, что они даже не пожелали лететь на пастбище, пока он не поведает им о своих приключениях. Мальчик быстро и весело рассказал им всю историю с медвежьим семейством.

— Ну, а как я вернулся назад, вы уже, наверно, знаете, — сказал он.

— Нет, мы ничего не знаем. Мы думали, ты разбился насмерть.

— Вот те раз! — удивился мальчик. — Так вот, когда медведь ушел, я взобрался на елку и заснул. А на рассвете проснулся оттого, что надо мной с шумом опустился орел и схватил меня когтями. Ну, думаю, — конец. Но он ничего худого мне не сделал, а наоборот, прилетел сюда и опустил меня среди вас.

— А он не сказал, как его зовут? — спросил Мортен-гусак.

— Он улетел, прежде чем я успел сказать «спасибо». Я думал, матушка Акка послала его за мной.

— И впрямь чудно! — загоготал большой белый гусак. — Ты уверен, что это был орел?

— Я, правда, никогда прежде орла не видел, — ответил мальчик — Но такую большую и сильную птицу иначе как орлом не назовешь.

Мортен-гусак повернулся к диким гусям, желая узнать, что они думают об этом. Но гуси смотрели в небо и делали вид, будто это их совсем не касается.

— Однако не след нам забывать нынче о завтраке, — молвила Акка и расправила крылья, готовясь к полету.

XXIX РЕКА ДАЛЬЭЛЬВЕН

Пятница, 29 апреля

В этот день Нильсу Хольгерссону удалось увидеть южную Далекарлию. Дикие гуси летели над огромными рудниками поселка Гренгесберг, над большими заводами у городка Лудвика, над железоделательным заводом Ульвсхюттан, над старой заброшенной фабрикой в поселке Гренгсхаммар к равнинам возле селения Стура Туна и к реке Дальэльвен. В начале пути, когда мальчик видел множество фабричных и заводских труб, поднимающихся над горными кряжами, ему казалось, что он снова летит над Вестманландом. Но он увидел и кое-что новое. Это была большая река, первая настоящая река, встретившаяся на пути Нильса! И он только диву давался, глядя, как катится широкий и могучий поток, пересекая всю Далекарлию. Когда дикие гуси добрались до плавучего моста у селения Турсонг, они повернули и полетели на северо-запад вдоль реки. Мальчик сидел, глядя вниз, на почти сплошь застроенные берега. У рабочих поселков Думнарвет и Кварнсведен он увидел большие водопады, которые давали жизнь бумажной фабрике и большим заводам. Он смотрел на реку и видел мирно покоившиеся там плавучие мосты из бревенчатых плотов, паромы, ходившие от одного берега реки к другому, множество бревен, которые неслись по реке, железные дороги, которые тянулись по ее берегам или пересекали ее. И тут только мальчик начал понимать, какая это полноводная и удивительная река.

Дальэльвен делала крутой поворот на север. В излучине ее было пустынно и безлюдно. Дикие гуси опустились на землю — пощипать травку на лугу. Мальчик тотчас сбежал вниз по высокому берегу — поглядеть на реку, которая текла внизу. Рядом с рекой проходила проселочная дорога, и путники переправлялись тут на пароме. Для мальчика это было в диковинку, ему очень хотелось посмотреть, как люди переезжают на другой берег, но, почувствовав внезапно страшную усталость, он решил немного поспать. «Ведь нынче ночью я почти не сомкнул глаз», — подумал он, заползая на густо заросший бугорок; укрывшись поплотнее травой и соломинками, он заснул.

Разбудили Нильса человеческие голоса. Он открыл глаза и увидел двух путников. Они сидели на бугорке в ожидании парома, который задерживали большие льдины, и говорили о том, как трудно им сладить с этой рекой.

— Неужто нынче будет такое же наводнение, как в прошлом

году? — спросил один крестьянин. — Тогда река поднялась вровень с телефонными столбами и унесла с собой наш плавучий мост из плотов.

— Ну, в прошлом-то году вода не причинила большого вреда округе, — сказал второй, — а вот в позапрошлом снесла у меня сарай, битком набитый сеном.

— Никогда не забуду ночь, когда вода пошла на приступ большого моста у Думнарвета, — вставил железнодорожный рабочий. — Никто тогда на заводе глаз не сомкнул.

— Да, в самом деле, река все разрушает на своем пути, — сказал высокий статный малый, — однако когда я слышу, как вы ее поносите, мне вспоминается наш приходский пастор. Были как-то у него в усадьбе гости. Сидели они и жаловались на реку, точь-в-точь как вы. А пастор вдруг взволновался и стал рассказывать одну историю. Когда же он кончил, не нашлось никого, кто сказал бы хоть одно дурное слово про реку Дальэльвен. Будь вы там, и с вами случилось бы то же самое.

Когда путники, ожидавшие парома, услыхали эти слова, им тоже захотелось узнать, что рассказал о реке пастор. И тогда крестьянин поведал им историю реки так, как она ему запомнилась.

У самой норвежской границы, среди скал, приютилось горное озерцо. Из него вытекала речка, бурливая и непокорная. Хоть была она невелика, прозвали ту речку Стурон, что значит — Большая Река. И в самом деле, похоже было, что предстоит ей большое плавание.

Вот вышла речка из озерца и стала оглядываться: куда бы направить свой бег? Но зрелище, которое ей представилось, было не из веселых. Справа, слева да и прямо перед ней — ничего, кроме поросших лесом горных кряжей и нагромождений горных скал с высокими горными вершинами.

Кинула Стурон взгляд на запад. Там высилась гора Лонгфьеллет с вершинами Юпгравстётен, Барфрёхогна и Стурветтесхогна. Посмотрела речка на север. Там поднимались горы Несфьелль, на востоке вздымалась вершина Нипфьеллет, а на юге — Стедьян. Стала тут речка раздумывать: не повернуть ли ей лучше назад, к озерцу? Но все-таки решила попытаться пробиться к морю. И вот двинулась она в путь.

Каждому понятно, как трудно было речке прокладывать русло. То лес вставал перед ней, то горы, то разные другие преграды. Чтобы продвигаться вперед, ей приходилось с корнем вырывать одну сосну за другой. Весной, лишь только наступало половодье, речка становилась могущественной и сильной, она наполнялась талым снегом из еловых лесов. Горные же потоки

приносили ей воду с гор. А речка только этого и ждала. Со страшной силой бежала она вперед, увлекая за собой камни, землю и прорывая себе путь среди песчаных холмов. По осени речка, разбухшая от осенних дождей, трудилась с такой же силой.

В один прекрасный день, когда Стурон, по обыкновению, прокладывала себе путь вперед, услыхала она справа, в дремучей лесной чаще, шум и журчанье воды. Прислушалась речка повнимательней и даже чуть приостановила свой бег.

— Кто бы это мог быть? — спросила она.

Лес, стеной стоявший вокруг, не мог не посмеяться над ней:

— Ты, наверно, думаешь, что ты одна на свете! А вот и нет! Шум, который ты слышишь, это шум речки Грёвельон, вытекающей из озера Грёвельшён. Она только-только проложила себе путь через красивую долину и прибежит к морю, наверно, вместе с тобой.

Но Стурон была река норовистая, спесивая и на слова леса даже и внимания не обратила.

— Ну и бедняжка эта Грёвельон: не может одна справиться, — молвила она. — Скажи-ка ей, что речка Стурон из озера Воншён — уже на пути к морю; она позаботится и о Грёвельон, поможет ей добраться туда, если она захочет сопровождать Стурон!

— Ты хоть и мала, однако же хвастлива, — молвил лес. — Я передам твой привет; правда, не думаю, что Грёвельон он придется по душе.

Но на другой день лес передал привет от речки Грёвельон и сказал, что той пришлось трудно и она рада любой помощи, что она, как только сможет, соединится с речкой Стурон.

Ну, после этого Стурон, само собой, помчалась еще быстрее и забежала так далеко, что оказалась у красивого узкого озера, в котором отражались горные вершины Идребергет и Стедьян.

— Это еще что такое? — застыв от изумления, спросила Стурон. — Неужели я мчалась вперед, как бешеная, чтобы снова вернуться к озеру Воншён?

Но лес, который в те времена рос повсюду, ответил:

— Вовсе нет! Ты не у озера Воншён! Это — озеро Идрешён. Оно наполнилось водами реки Сёрэльвен. Вот это настоящая река! Сейчас она как раз кончила заливать озеро и занята тем, что пытается выйти из его берегов.

Услыхав эти слова, Стурон тотчас сказала лесу:

— Ты, растущий повсюду, можешь передать речке Сёрэльвен, что сюда явилась речка Стурон из озера Воншён. Если Сёрэльвен позволит мне пройти через озеро Идрешён, я возьму ее с собой в море. Ей не придется больше печалиться о том, как она туда

попадет, об этом позабочусь я!

— Я могу передать твои слова, — молвил лес, — только не думаю, чтобы речка Сёрэльвен пошла с тобой на уговор. Ведь она не менее могуча, чем ты!

Но на другой день лес ответил ей, что Сёрэльвен утомилась прокладывать себе дорогу в одиночестве и с радостью соединится со Стурон.

Прошла тогда речка Стурон через озеро и начала, как и прежде, единоборствовать с лесом и скалами. Много ли, мало ли прошло времени, а оказалась однажды речка в долине меж горами. Крепко-накрепко закрыли эту долину стены гор, и не было речке оттуда пути. Стурон бурлила от злости, но не могла двинуться дальше.

Услыхав ее яростный шум, лес спросил:

— Что, и тебе пришел конец?

— Вовсе нет, — ответила Стурон. — Просто я занята великими делами: намереваюсь наполнить своими водами озеро, точь-в-точь как речка Сёрэльвен.

И стала она заливать своими водами озеро Сёрнашён, и работа эта заняла у нее все лето. Однако по мере того как вода в озере прибывала, Стурон и сама поднималась все выше и выше и наконец, отыскав себе выход, прорвалась из ущелья к югу, счастливо избежав опасности.

Однажды услыхала речка слева от себя могучий рев воды, какого ей никогда прежде слышать не приходилось, и она тотчас же спросила, что это значит.

У леса, как всегда, ответ был наготове:

— Это речка Фьетэльвен, — молвил он. — Слышишь, как она шумит, бурлит и кипит, прокладывая себе путь к морю.

— Если ты подойдешь так близко к речке Фьетэльвен, что слова твои заглушат ее шум и она тебя услышит, — сказала Стурон, — передай ей привет да скажи этой жалкой речушке, что речка Стурон из озера Воншён поможет ей добраться до моря. Но за это она должна взять мое имя и течь по моему руслу.

— Вряд ли Фьетэльвен откажется от того, чтобы одной добежать к морю, — сказал лес.

Но на другой день ему пришлось признать, что и Фьетэльвен устала прорывать себе путь и готова соединиться с речкой Стурон.

А та все двигалась и двигалась вперед. Но все-таки Стурон не была еще так велика, как можно было бы ожидать, зная, сколько у нее помощников. Зато она была страшно спесива и самоуверенна. Стремительным потоком, со страшным грохотом неслась она вперед, прибирая к рукам все, что струилось и журчало, будь то

даже всего-навсего весенний ручеек.

Однажды Стурон услыхала, как далеко-далеко на западе шумит какая-то река. И когда она спросила лес о ней, тот ответил, что это — речка Фулуэльв, которая берет свое начало в горах Фулуфьелль и уже успела проложить себе длинное и широкое русло.

Узнав про это, Стурон и ей послала свой обычный привет, а лес, как всегда, взялся передать его.

На другой день он вернулся с ответом от речки Фулуэльв.

— Передай речке Стурон, — сказала Фулуэльв, — никаких помощников мне не надо! Это мне скорее пристало бы передавать такие приветы, а не речке Стурон. Разве может она сравниться со мной в могуществе! И уж к морю-то я приду первая.

А у Стурон уже и ответ наготове.

— Немедленно передай речке Фулуэльв, — закричала она лесу, — я вызываю ее на единоборство! Пусть бежит со мной наперегонки и докажет, что она более могущественна, чем я. Победительницей станет та, что первой придет к морю.

Услыхав эти слова, Фулуэльв тут же ответила:

— Ссориться со Стурон мне ни к чему. Мне больше по душе спокойно течь своим путем. Однако было бы трусостью с моей стороны не вступить в единоборство, ведь горы Фулуфьелль, я уверена, помогут мне, питая своими родниками.

Так и началось единоборство двух потоков. С еще большим шумом и много быстрее, чем прежде, помчались они вперед, не ведая покоя ни летом ни зимой.

Трудно пришлось Стурон. Казалось, что она вот-вот раскается в своем безрассудстве. Ведь она наткнулась на почти непреодолимое препятствие — огромная гора преградила ей путь. Пробиться сквозь нее можно было лишь через узкую расселину. Речка сжалась и, бурно пенясь, рванулась вперед. Однако ей пришлось еще долгие годы точить и долбить камни, прежде чем удалось раздвинуть узкую расселину в мало-мальски сносное русло.

И все это время Стурон не реже чем раз в полгода спрашивала, как поживает Фулуэльв.

— Лучше быть не может, — отвечал лес. — Теперь она соединилась с речкой Йорэльвен, которую питают воды с норвежских гор.

В другой раз, когда она спросила про Фулуэльв, лес ответил:

— О ней тебе печалиться не надо. Совсем недавно она вобрала в себя воды озера Хормундшён.

А Стурон и сама собиралась завладеть озером Хормундшён. Услыхав, что оно отошло к Фулуэльв, она страшно разъярилась,

прорвалась наконец сквозь тесное ущелье Тренгслет и выскочила оттуда, дикая и бурливая, унося с собой много больше деревьев и земли, чем обычно. Стояла весна, и воды реки затопили всю округу между горами Хючьебергет и Весабергет, и, прежде чем успокоиться, речка вырыла ту долину, которая зовется Эльвдален.

— Любопытно, что скажет об этом Фулуэльв? — спросила у леса Стурон.

А Фулуэльв вырыла тем временем долины, где селения Транстранд и Лима; затем, успокоившись, надолго застыла у горы Лимед, раздумывая, как бы найти обходной путь, потому что не смела броситься вниз, под кручу. Но услыхав, что Стурон прорвалась сквозь ущелье Тренгслет и вырыла долину Эльвдален, она сказала: «Будь что будет, спокойно стоять на месте я больше не стану». И бросилась очертя голову в водопад Лимедсфорсен.

Хоть и был он высок, как гора, Фулуэльв, цела и невредима, спустилась вниз и давай без устали трудиться! Речка вырыла долины Малунг и Йерна, потом уговорила речку Ванон соединиться с нею, хотя та была длиною не менее десяти миль, и разлилась по всей большой долине озера Веньян.

Однако порой речке Фулуэльв чудилось, будто она слышит ужасный шум.

— Мне все кажется, что Стурон кидается в море, — говорила она.

— Ну нет, — отвечал ей лес. — Ты и вправду слышишь шум речки Стурон, но она еще не добралась до моря. Она вобрала в себя воды озер Скаттунген и Урсашён и теперь возомнила о себе, что может залить своими водами всю долину озера Сильян.

Радостней вести для речки Фулуэльв быть не могло. Если Стурон достигла глубокой долины озера Сильян, она обязательно окажется взаперти, в плену. И она, Фулуэльв, наверняка прибежит к морю раньше.

Рассудив так, Фулуэльв стала медленней и спокойней двигаться вперед. Самую трудную работу она проделывала весной, широко разливаясь и затопляя леса и песчаные холмы. И где бы она ни проходила, после нее оставались размытые и выкорчеванные долины. Так и текла она от селения к селению, от прихода к приходу, от Йерны к Носу, а от Носа к Флуде, откуда направилась в Гагнеф. Местность здесь была совсем ровная: горы отступили назад, и Фулуэльв стало до того легко пробиваться вперед, что она совсем перестала торопиться и начала, словно юный ручеек, игриво извиваться, образуя мелкие бухточки.

Но если Фулуэльв забыла про речку Стурон, то та не забыла про Фулуэльв. Каждый день трудилась она, стремясь затопить своими водами долину озера Сильян, вырваться из нее и

продолжить свой бег. А долина простиралась перед ней, словно огромная бездонная чаша, и, казалось, никак не могла наполниться до краев. Стурон порой думала, что ей придется залить даже гору Йесундабергет, чтобы выбраться из темницы. Она пыталась вырваться на волю у города Ретвик, но путь ей преградила гора Лердальсбергет. В конце концов речка все же прорвалась внизу у Лександа.

— Не говори речке Фулуэльв о том, что я вышла на волю, — попросила Стурон.

И лес обещал молчать.

Захватив с собой мимоходом и озеро Иншён, горделивая и могучая Стурон понесла свои воды через Гагнеф.

Едва Стурон успела объявиться в Гагнефе, неподалеку от Мьёльгена, как увидала какую-то широкую реку; величественно катила она свои светлые сверкающие воды и с необыкновенной легкостью, словно играючи, раздвигала на своем пути леса и песчаные холмы.

— Как называется этот дивный поток? — спросила Стурон.

Но случилось так, что Фулуэльв (а то была она) задала подобный же вопрос:

— Как называется этот горделивый и могучий поток, который течет с севера? Вот уж не думала увидеть такую сильную и величественную реку!

И тогда лес громко-прегромко, чтобы обе реки услыхали его, сказал:

— Раз уж вы обе, Стурон и Фулуэльв, обронили доброе словечко друг о друге, вы не станете больше единоборствовать, а соединитесь и вместе попытаетесь проложить путь к морю.

Видимо, слова его пришлись по душе обеим рекам. Однако перед ними встало еще одно совсем непредвиденное препятствие: ни одна не пожелала отказаться от своего имени и назваться именем другой. Это было выше их сил.

Они, может, так и не пришли бы к согласию, если бы лес не предложил каждой из них отказаться от своего имени и взять третье, совсем новое имя.

На том речки и сошлись, позвав в крестные отцы лес. И тот решил так: пусть река Стурон назовется Эстра-Дальэльвен, что значит Восточная, а река Фулуэльв наречется Вестра-Дальэльвен, что значит Западная. Когда же реки наконец сольются, пусть зовутся просто-напросто — Дальэльвен.

И теперь, соединившись, оба этих потока помчались вперед с силой, которой никто не мог противостоять. Они выровняли землю в Стура Туне так, что она стала гладкой, словно двор усадьбы. Ни на минуту не приостанавливая свой бег, промчались

реки вниз через пороги у Кварнсведена и Думнарвета. А приблизившись к озеру Рунн, они вобрали в себя его воды, вынудив и все окрестные потоки слиться с ними. Потом они отправились на восток к морю, широко разливаясь по равнинам и образуя бесчисленные озера. Добрую память оставили они о себе у завода Сёдерфорс и у селения Эльвкарлебю, а потом наконец добрались и к морю.

И когда они уже собрались ринуться в море, вспомнились рекам и долгое их единоборство, и все злоключения, что выпали им на долю.

Устав и состарившись, они только диву давались, почему в юности их так увлекали борьба и соперничество. И задумались реки: была ли во всем этом хоть какая-нибудь польза?

Ответа на свой вопрос они так и не получили, потому что лес остался далеко позади на высоком берегу, а сами они не могли вернуться обратно по своему руслу и увидеть, как туда, где они прокладывали дорогу, пришли люди, увидеть, какие селения поднялись вдоль озер на пути реки Эстра-Дальэльвен и в долинах реки Вестра-Дальэльвен. Они так и не узнали, что все это произошло только в тех краях, где они промчались в могучем своем единоборстве. В остальной же округе и до сих пор ничего нет, кроме безлюдных лесов да гор.

XXX ЛЬВИНАЯ ДОЛЯ НАСЛЕДСТВА — ДОЛЯ БРАТА

СТАРЫЙ ГОРНЯЦКИЙ ГОРОД

Пятница, 29 апреля

Во всей Швеции не было другого места, которое бы Батаки-ворон любил так, как Фалун. Стоило земле чуть освободиться от снега, как он уже отправлялся туда и проводил несколько недель вблизи старого горняцкого города.

Фалун лежит в лощине, по которой течет коротенькая речушка. В северном конце лощины красуется чистое и красивое озерцо с зелеными, изрезанными многочисленными мысами берегами. И зовется оно Варпан. В южной стороне долины находится небольшой, напоминающий озерцо, залив озера Рунн. И называется он — Тискен. Залив мелководен, вода в нем мутная, а болотистые берега, заваленные разным хламом, неприглядны. К востоку от долины тянется красивая возвышенность, склоны ее покрыты густо разросшимися садами, а на вершине растут величественные сосны и молодые стройные березки. К западу от Фалуна также поднимается горный кряж. Самая высокая из его вершин скудно поросла хвойным лесом, склон же, голый и обнаженный, — настоящая пустыня: ни деревца, ни травки. И лишь большие каменные глыбы покрывают землю.

Город же Фалун построен как будто под стать этой лощине. Там, где зелень всего гуще, высятся самые красивые и величественные здания: две церкви, ратуша, губернаторский дом, контора горного промысла, банки, гостиницы, школа, больница, красивые виллы и господские дома. На более же мрачной, лишенной растительности стороне долины стоят маленькие, выкрашенные в красный цвет одноэтажные домики, длинные, неприветливые дощатые заборы и большие тяжелые фабричные строения. А за улицами, посреди огромной каменистой пустыни, расположен Фалунский рудник с шахтами, подъемниками и насосами, со старинными, покосившимися на неровной почве постройками, с черными крутыми горами шлака и длинными рядами заржавелых печей.

Батаки-ворона никогда не привлекала ни восточная сторона города, ни даже чудное озеро Варпан. Зато по душе ему была западная сторона города и маленький залив Тискен.

Батаки-ворон любил все таинственное, все, что давало пищу

уму, заставляло ломать голову. А как раз немало такого было на «черной», рудничной стороне города. Ворону доставляло удовольствие часами размышлять над разгадкой какой-нибудь тайны. Вот, к примеру, почему старый, выкрашенный в красный цвет деревянный город не сгорел дотла, как все другие красные деревянные города по всей стране? Или: сколько еще времени могут простоять покосившиеся домишки на краю рудника? Всякий раз, залетая на дно громадной ямы, зиявшей посреди рудника и носившей название Стура Стётен, он недоумевал, как могло возникнуть это гигантское полое пространство. Он дивился крутым горам шлака, которые громоздились вокруг домов рудокопов и вокруг Стётена, ограждая их, точно стены. Ворон пытался понять, о чем хочет поведать маленький колокол, который звонит через равные промежутки времени круглый год, издавая короткие, мрачные и глухие звуки. Но более всего занимало ворона — а что там, под землей, где многие сотни лет добывалась медная руда и всё, точно муравейник, было изрыто подземными ходами. Когда же наконец Батаки удавалось получить ответы на мучившие его вопросы, он отправлялся в каменистую пустыню, чтобы поразмыслить еще и над тем, почему меж каменными глыбами не растет трава, или же опускался вниз, к Тискену. Это озерцо он считал самым диковинным из всех, какие только приходилось ему видеть. И его очень беспокоило, почему там не водится рыба, а воды, когда их взбаламучивает буря, становятся бурыми, хотя воды большого рудничного ручья, впадавшего в Тискен, прозрачны и сверкают, отливая золотом. Батаки удивляли и остатки снесенных строений, еще остававшиеся на берегу, и маленькое селение Тисксоген, утопавшее в зеленых тенистых садах. Как могла такая красота существовать здесь, между голой каменистой пустыней и диковинным озерцом?

В тот год, когда Нильс Хольгерссон путешествовал по свету с дикими гусями, на берегу залива Тискен, неподалеку от города, еще стоял старый домишко, который называли Серной варницей, потому что там в иные годы несколько месяцев подряд выпаривали серу. Это была древняя развалюха, когда-то красная, но мало-помалу сменившая цвет на серо-бурый. Множество маленьких оконец почти всегда были закрыты черными ставнями, а дверь крепко заперта. Батаки ни разу не удалось заглянуть внутрь домика, который вызывал у него страшнейшее любопытство. Ворон не раз прыгал по крыше, отыскивая какую-нибудь щель, или сидел на трубе, заглядывая вниз через узкое отверстие дымохода.

Однажды с Батаки стряслась ужасная беда. В тот день дул

сильный ветер. Одна из ставен Серной варницы распахнулась, и Батаки умудрился влететь через оконце в дом; наконец-то он увидит его изнутри! Но только ворон очутился в Серной варнице, как ставня за его спиной захлопнулась, и Батаки оказался в плену.

Сквозь щели в домишко проникал дневной свет, и Батаки был рад хотя бы тому, что мог осмотреться. Он не увидел ничего, кроме большой печи и нескольких вмурованных в нее котлов. Ворон быстро нагляделся на них, и ему захотелось вылететь из Серной варницы. Да какое там! Ни одно оконце, ни одна дверь не открывались. А ветер не желал отбрасывать назад ставню. Он и думать об этом забыл. Ворон оказался в настоящей темнице.

Он стал каркать, звать на помощь и не переставал кричать целый день. Вряд ли еще какие-нибудь звери или птицы могут поднимать такой страшный шум, как вороны. Весть о том, что Батаки-ворон сидит взаперти, разлетелась по всей округе. Первым узнал эту новость полосатый серый кот из селения Тисксоген. Он рассказал про беду, приключившуюся с вороном, курам, а те прокудахтали о ней пролетавшим мимо птицам. Вскоре об этом стало известно всем галкам и голубям, и воронам, и воробьям города Фалун. Они тотчас же прилетели к старой Серной варнице, желая поподробнее разузнать, как это случилось. Все страшно шумели и очень жалели ворона, но никто не мог придумать, как ему помочь.

Внезапно Батаки закричал своим резким, пронзительным голосом:

— Эй вы, там, наверху! Замолчите и слушайте меня! Раз вы хотите мне помочь, разведайте, где сейчас старая дикая гусыня Акка с Кебнекайсе и ее стая! Я думаю, они должны быть в эту пору в Далекарлии! Расскажите Акке, что со мной приключилось! Помочь мне может только тот, кого она возит с собой!

Агарь — почтовая голубка, лучшая вестница во всей стране — отыскала стаю диких гусей на берегу реки Дальэльвен, и, когда сгустились сумерки, прилетела назад вместе с Аккой. Птицы опустились у Серной варницы. С Аккой был Малыш-Коротыш, но других ее спутников они оставили на каменистом островке озера Рунн, так как Акка считала, что, если они полетят с ней в Фалун, вреда от этого будет больше, чем пользы.

Посовещавшись недолго с Батаки, Акка взяла Малыша-Коротыша и полетела в усадьбу, стоявшую совсем близко от Серной варницы. Она тихо парила над садом и березовыми рощицами, окружавшими небольшое поместье. И гусыня, и мальчик неотрывно глядели вниз, что-то высматривая на земле. В доме, как видно, жили дети, которые частенько играли на

воздухе. Во дворе были раскиданы разные игрушки.

Вскоре Акка и Нильс нашли то, что искали. Возле веселого весеннего ручейка, журчанье которого напоминало постукивание маленьких молоточков, мальчик заметил стамеску. А рядом с новенькой, еще не готовой к плаванью каноэ, стоявшей на козлах, Нильс нашел моток бечевки.

Прихватив стамеску и бечевку, они полетели обратно в Серную варницу. Обвязав одним концом бечевки трубу, мальчик опустил в глубокое отверстие дымохода другой ее конец и соскользнул по нему вниз. Поздоровавшись с Батаки, который принялся горячо и учтиво благодарить его за помощь, мальчик начал стамеской пробивать в стене дырку.

Стены у Серной варницы были не из толстых, при каждом ударе мальчик отбивал всего одну щепочку, такую маленькую и тонкую, что любая крыса могла бы запросто перекусить ее передними зубами. Было ясно, что ему придется работать всю ночь напролет, а может, и еще дольше, прежде чем удастся выдолбить дыру, через которую ворон сможет выбраться из лачуги.

Батаки так жаждал вылететь на волю, что не в силах был заснуть. И все время, пока мальчик работал, он стоял рядом. Вначале Нильс трудился очень рьяно, но вскоре удары стамески стали раздаваться все реже и реже, а потом и вовсе смолкли.

— Ты, верно, устал, — сказал ворон, — и уже не можешь больше работать?

— Нет, я не устал, — ответил мальчик, снова взяв в руки стамеску, — но я так давно не спал ночью по-настоящему. Уж и не знаю, как мне продержаться, чтобы не заснуть.

Работа опять закипела, но ненадолго — удары стамески снова становились все реже и реже. Ворону пришлось опять разбудить мальчика. Что делать? Наверно, чтоб заставить Нильса бодрствовать, надо придумать что-нибудь любопытное. А не то придется ворону оставаться в Серной варнице не только нынешней ночью, но и весь завтрашний день.

— Может, работа будет лучше спориться, если я расскажу тебе одну историю? — спросил он.

— Да, пожалуй, — согласился, зевая, Нильс. Ему снова так захотелось спать, что он едва не выронил из рук стамеску.

САГА О ФАЛУНСКОМ РУДНИКЕ

— Надо тебе сказать, Малыш-Коротыш, — начал Батаки, — что живу я на свете уже много-много лет. Доводилось мне и с добром, и со злом встречаться и не раз томиться в неволе. Вот я и

научился не только понимать язык людей, но и набрался у них мудрости. Смею тебя уверить, что в этом краю не найдется ни одной птицы, которая бы так хорошо знала твоих сородичей, как я.

Много лет я просидел в клетке у одного горного мастера здесь, в Фалуне, и услыхал в его доме то, что расскажу тебе сейчас.

В давние-предавние времена жил тут в Далекарлии великан, и было у него две дочери. Вот состарился великан и почувствовал, что смерть близка; и решил он поделить между дочерьми свои владения. А самое большое его богатство составляли медные горы.

Призвал он к себе дочерей и говорит:

— Хочу оставить вам наследство, но поклянитесь, что, если какой-нибудь чужак отыщет ваши медные горы, вы убьете его. Убьете раньше, чем он успеет показать их кому-либо другому.

Старшая из дочерей великана, грубая и жестокая, ничуть не колеблясь, поклялась выполнить последнюю волю отца.

Другая же была мягче нравом, и отец увидел, что она призадумалась, прежде чем дать клятву. Потому-то и оставил он ей лишь третью часть своих владений. Старшей же досталось вдвое больше.

— Знаю, что на тебя можно положиться как на настоящего мужчину, — сказал великан старшей дочери. — Получай поэтому львиную долю наследства — долю брата.

Вскоре умер старый великан, а обе дочери свято следовали его завету. Не раз случалось какому-нибудь бедному дровосеку или охотнику наткнуться невзначай на медную руду: ведь во многих местах она залегала совсем неглубоко! Но стоило тому дровосеку или охотнику добраться до дому и поведать кому-нибудь, что он нашел, как с ним тотчас же приключалась беда: то высохшая сосна на него обрушивалась, то лавина с горы на беднягу скатывалась. И ни разу не удалось этим несчастным показать кому-нибудь, где в этой дикой безлюдной глухомани скрыт бесценный клад.

В те времена был такой обычай: крестьяне отсылали летом скотину на пастбище, далеко в лесную чащу. Вместе со стадом шли девушки-пастушки: они доили коров, варили сыр и сбивали масло. А чтобы у них было пристанище в дремучей глуши, крестьяне, выбрав подходящее местечко, рубили и корчевали деревья и строили маленькие пастушьи хижины. Называлось все это летним пастбищем или летним выгоном.

И вот случилось так, что один крестьянин — а жил он близ реки Дальэльвен в приходе Турсонг — выстроил пастушьи

хижины возле озера Рунн. А земля там была такая каменистая, что никто и не пытался ее возделывать. Однажды осенью отправился крестьянин на пастбище с двумя вьючными лошадьми — надо было пригнать домой скотину да перевезти бочонки с маслом и круги сыра. Стал он скотину пересчитывать, глядь, а у одного козла рога совсем рыжие.

— Отчего это у козла Коре такие рыжие рога? — спросил крестьянин пастушку.

— Откуда мне знать, — отвечала она. — Он каждый вечер возвращается домой с такими рогами. Наверно, считает, что так красивее!

— Ну и ну! — воскликнул крестьянин.

— Он с норовом, этот козел! Только я почищу ему рога, он тут же опять скачет в горы. А как вернется, рога у него снова рыжие, — продолжала свой рассказ пастушка.

— Очисть-ка ему рога еще разок, — велел крестьянин, — а я погляжу, что он станет делать!

Только очистили козлу рога, он тотчас поскакал в лес, а крестьянин пошел следом за ним. Догнал он козла и видит: тот рогами о какие-то рыже-бурые камни трется.

Поднял крестьянин камни, попробовал на вкус, понюхал. И понял, что наткнулся на медную жилу.

Стоит он в раздумье и вдруг видит: прямо на него с крутого косогора каменная глыба валится! Крестьянин успел отскочить в сторону и спасся; но козел Коре угодил прямо под глыбу и был убит наповал. Глянул крестьянин вверх и видит: стоит на откосе огромная, могучая великанша и собирается другую глыбу прямо на него скатить.

— Чего это ты вздумала? — закричал крестьянин. — Ведь я не причинил зла ни тебе, ни твоим родичам.

— Знаю, — молвила великанша. — Только я должна убить тебя, раз ты нашел мою медную гору.

Печально прозвучал ее голос, будто не по своей воле собиралась она его убить. Набрался крестьянин храбрости да и завел с ней разговор. Поведала она ему тут и про отца, старика-великана, и про клятву, и про старшую сестру, которой львиная доля досталась.

— Так тяжело убивать ни в чем не повинных горемык, когда они про мою гору узнают, — молвила она. — Лучше бы мне вовек не видать этого клада. Но уж коли я дала слово, надо его держать.

И снова за каменную глыбу взялась.

— Не спеши! — попросил крестьянин. — Незачем меня убивать, чтобы сдержать свою клятву! Ведь медную руду не я нашел, а козел, и его ты уже убила.

— Так, по-твоему, на тебя не надо сбрасывать камень? — заколебалась дочь великана.

— Ясное дело, нет, — ответил крестьянин. — Ты и без того сдержала клятву, лучше не надо.

Вот так разумно потолковал он с великаншей, и та согласилась сохранить ему жизнь.

Крестьянин сначала отогнал домой своих коров, а потом спустился вниз, в Бергслаген, где нанял работников, знавших толк в горном деле. Они-то и пособили ему вырыть шахту в том самом месте, где лишился жизни козел. Вначале крестьянин опасался, как бы дочь великана его не убила, но той, верно, надоело стеречь свою медную гору, и она оставила крестьянина в покое.

Медная жила, которую он открыл, проходила совсем неглубоко, и добывать руду было нетрудно. Крестьянин вместе с работниками таскал из лесу дрова и разводил на верхушке медной горы большие костры. Камни от жары лопались и открывали путь к руде. Потом руду обжигали, покуда не получали чистую медь, безо всякого шлака.

В старые времена меди в повседневном обиходе нужно было куда больше, чем теперь. На медь был большой спрос, и крестьянин — владелец рудника быстро разбогател. Выстроил он себе большую богатую усадьбу вблизи рудника и назвал ее в честь козла — «Корарвет» — «Наследство Коре». На богослужение в Турсонг крестьянин стал ездить верхом на коне, подкованном серебром. А когда дочь его выходила замуж, он велел сварить пиво на двадцати бочках солода и зажарить на вертелах десять огромных быков.

В те времена люди в своем захолустье жили уединенно, каждый сам по себе, и вести не передавались из уст в уста так быстро, как нынче. Но все же молва о богатой медной жиле облетела многих. И те, у кого не было более выгодной работы, отправились в Далекарлию. А в усадьбе Корарвет радушно принимали всех бедных странников. Крестьянин нанимал их добывать руду и платил доброе жалованье. А руды там было достаточно, даже предостаточно, и чем больше он нанимал работников, тем больше богател.

Но однажды вечером пришли в Корарвет четверо парней с горняцкими кайлами на плече. Приняли их так же радушно, как и прочих, но когда крестьянин спросил, не желают ли они у него поработать, они твердо ответили:

— Мы хотим добывать руду для себя.

— Но ведь эта медная гора — моя, — возразил крестьянин.

— А мы и не собираемся добывать руду в твоей шахте, —

отвечали чужаки. — Гора велика, а на руду, что свободно, ничем не огороженная, лежит в глухой безлюдной пустоши, у нас не меньше прав, чем у тебя.

На том разговор и кончился, но крестьянин их из дома не выгнал. На другой день, рано поутру, парни отправились в горы, нашли чуть поодаль медную руду и стали ее выламывать. Спустя несколько дней пришел к ним крестьянин и сказал:

— Руды в здешних краях хоть отбавляй. Только, думается, вы мне все же должны платить налог с той руды, которую добываете. Ведь это моя заслуга, что здесь принялись за горный промысел.

— Это еще почему? — удивились чужаки. — Руды здесь всем хватит и еще останется.

— Я своим хитроумием снял с горы заклятие, — сказал крестьянин и поведал чужакам о дочерях великана, о львиной доле брата и страшной клятве.

Выслушали они его внимательно, но в рассказе крестьянина их привлекала вовсе не история козла Коре.

— Стало быть, другая великанша еще грознее той, что встретилась тебе? — спросили они.

— Думаю, милосердия от нее ждать нечего, — ответил крестьянин.

Он ушел, но все-таки не упускал чужаков из виду — издали за ними следил. А через час увидел, что они бросили работу и пошли в лес.

Вечером сидят работники в усадьбе Корарвет за ужином и слышат вдруг жуткий волчий вой. А потом отчаянный человеческий крик перебил звериный вой. Крестьянин вскочил, но работникам, видно, не хотелось идти за ним, и они сказали:

— Коли этих ворюг задерут волки, поделом им!

— Нет, надо помочь тем, кто в беде, — молвил крестьянин и пошел из усадьбы. Пятьдесят работников нехотя последовали за ним.

Вскоре увидали они огромную-преогромную стаю волков: волки друг на друга наскакивают, из-за добычи дерутся. Прогнали работники волков и смотрят — лежат на земле четыре человека до того изуродованных, что и узнать нельзя. Только по четырем горняцким кайлам поняли, что это те самые чужаки.

Так и осталась медная гора в руках одного человека до самой его смерти, а потом перешла к его сыновьям. Все вместе трудились они на руднике, и ту руду, что добывали за год, делили на части, бросали жребий, кому какая достанется, и плавили каждый свою долю в собственных печах. Стали они богатейшими горнодобытчиками и отстроили себе большие богатые усадьбы. А после них продолжили рудный промысел их

наследники, пооткрывали новые шахты и приумножали добычу меди. Год за годом росла слава тех мест, и все больше и больше рудокопов стекалось туда. Одни жили совсем близко от рудников, у других были дома и усадьбы по всей округе. Вырос тут огромный поселок, и прозвали эти места Стура Коппарбергет — большой горнорудный округ.

Однако руда, которая залегала на поверхности и которую можно было добывать, как камни в каменоломне, начала подходить к концу. И пришлось рудокопам искать ее в недрах земли. Сквозь узкие скважины и длинные извилистые ходы проникали они в темные глубины, разводили в забоях костры и взрывали горы. Выламывать руду всегда трудно, а тут еще мучительный и едкий дым от пороха, который медленно улетучивался. А как трудно было доставлять руду по крутым лестницам на поверхность земли!

И чем глубже проникали люди в недра горы, тем опаснее становилась добыча меди. Порой из какого-нибудь глухого угла шахты вырывались пенящиеся потоки воды, порой в галереях рудника обрушивались своды, погребая рудокопов. Работать в большой шахте стало так опасно, что никто не шел на это по доброй воле. И тогда издали указ: приговоренным к смерти злодеям, объявленным вне закона бродягам, скрывавшимся в окрестных лесах, будет даровано прощение, ежели они пожелают стать рудокопами в Фалуне.

Ну а львиную долю брата долгие годы никому и в голову не приходило искать. Однако среди отпетых голов, что приходили в Стура Коппарбергет, немало было и таких, для которых всякие приключения были дороже жизни. Вот они и стали прочесывать округу в надежде найти эту медную жилу.

Какая участь выпала на долю тех, кто искал руду, никто не знает. Но о двух рудокопах сохранилось такое предание. Пришли они однажды зимним вечером к своему хозяину и говорят, что отыскали могучую медную жилу в лесу; дорогу к ней они приметили и завтра укажут ее хозяину. Но следующий день был воскресный, и хозяин не пожелал идти в лес искать руду. Вместо этого отправился он по льду озера Варпан в церковь со всеми своими домочадцами. Туда добрались благополучно, но на обратном пути оба работника, что нашли клад, попали в прорубь и утонули. Вспомнили тут люди старинное предание о львиной доле брата и решили, что ее-то эти рудокопы и нашли.

Чтобы облегчить добычу руды, надумали хозяева-горнопромышленники призвать иноземцев, сведущих в горном деле. И научили их иноземные мастера строить хитрые сооружения, откачивавшие воду из шахт и поднимавшие руду

блоками на-гора. Иноземцы не очень-то верили сказке о великановых дочерях, но подумывали, что, может, и вправду где-то вблизи есть могучая рудная жила, и упорно искали ее. Однажды вечером явился с рудника на тамошний постоялый двор один управляющий из немцев и сказал: он-де отыскал «надел брата». Но от одной мысли о великом богатстве, которое выпадет ему на долю, ум у него словно помутился, и немец вовсе ошалел. Закатил он той же ночью пирушку, бражничал, плясал, играл в кости, а под конец затеял пьяную драку и был убит одним из собутыльников.

В Стура Коппарбергете все еще добывалось такое количество руды, что этот медный рудник считался богатейшим во всем мире. Он приносил огромные доходы не только ближайшей округе. Сокровища, добытые из его недр, стали немалым подспорьем для государства свеев[31] в трудные времена. Благодаря этим сокровищам вырос город Фалун, и столь велика была слава этого рудника, что шведские короли ввели в обычай наезжать в Фалун и прозвали город «источником счастья и сокровищницей государства свеев».

Люди непрестанно думали: какое огромное богатство таилось в недрах старого рудника! И ничего удивительного в том, что кое-кто верил, будто поблизости хранится медное сокровище вдвое больше первого. И досадовал: неужто так до него и не добраться? Многие рисковали жизнью в поисках львиной доли брата, да все зря.

Одним из последних, кто видел этот надел, был молодой фалунский горнозаводчик из зажиточной семьи, владевший усадьбой и плавильной печью в городе. Задумал он жениться на пригожей крестьянской девушке из Лександа и посватался к ней. Но она ему отказала, не пожелав переселяться в Фалун, где дым и копоть от плавильных печей густым облаком висели над городом. Стоило ей только о том подумать, как ее сразу охватывал страх. А горнозаводчику девушка крепко полюбилась! Он-то прожил в Фалуне всю свою жизнь, и никогда бы ему на ум не пришло, что этот город может быть кому-то не по душе. Но когда он, печальный, возвращался домой и посмотрел на свой город, он тоже ужаснулся. Одни плавильные печи повсюду, и не только в городе и поблизости от него, но и по всей окрестности! Из печей огонь так и пышет, так и пышет, а вокруг черные горы шлака навалены. Стоят печи повсюду — в селениях и приходах, на заводах и у лесопилен — и в Грюксбу, и в Бенгтсарвете, возле Бергсгордена, у Стеннесета и Корснеса, в Вике и даже у Аспебуды. Из огромного зева рудника, из сотен плавильных печей поднимается тяжелый, душный, едкий серный дым и, словно

туман, заволакивает весь город. Растения из-за дыма вовсе не растут, и оттого земля далеко вокруг гола и бесплодна! Понял тогда рудокоп: девушка, привыкшая к солнцу и к зелени на берегу сверкающего озера Сильян, здесь жить не сможет.

Еще мрачнее стало у рудокопа на душе. Не захотелось ему идти домой, свернул он с дороги да и побрел куда глаза глядят, в дикую лесную чащобу. Так в тоске и проблуждал он весь день, а вечером увидел вдруг гору. Сверкала эта гора, словно золотая. Пригляделся рудокоп и понял, что это — могучая жила медной руды! Сначала он было обрадовался, а потом до него дошло: ведь это же львиная доля брата! Скольких она людей сгубила! Испугался он и думает: «Беда, видно, за мной по пятам ходит. Может, теперь мой черед с жизнью прощаться, раз я такое богатство нашел?»

Повернулся он и уныло побрел домой. Идет, а навстречу ему — женщина, рослая такая, дородная. По виду — полновластная хозяйка горной усадьбы. Но он не мог припомнить, видел ли ее где-нибудь прежде.

— Что ты делаешь в лесу? — спросила женщина. — Ты, смотрю, весь день тут рыщешь!

— Да я ходил искал место, где бы поселиться. Девушка из Далекарлии, которую я люблю, не желает жить в Фалуне.

— А не собираешься ли ты добывать руду из медной горы, что сейчас нашел? — спрашивает она его.

— Нет, я должен покончить с рудным промыслом, а не то не видать мне моей любимой.

— Гляди, не отступись от своих слов, не то худо будет. А сдержишь обещание, тогда никакое зло тебе не страшно, — молвила женщина.

Да тут же и сгинула. А он и вправду сделал так, как волей-неволей обещал: бросил добычу руды и выстроил усадьбу вдалеке от Фалуна. И та, которую он любил, согласилась переехать к нему.

На том ворон кончил свой рассказ. Хотя мальчик не спал, работа у него все равно не очень-то спорилась.

— А что было потом? — спросил он, когда ворон смолк.

— Ну, с той поры добыча меди мало-помалу сошла на нет. Город Фалун еще стоит. Но все старые плавильные печи исчезли. Тем, кто живет в старинных горняцких усадьбах, приходится заниматься земледелием либо лесным промыслом. На Фалунском руднике медь подходит к концу. И теперь, более чем когда-либо, не худо бы разыскать надел брата.

— Так этот горнозаводчик, стало быть, последний, кто видел его? — спросил мальчик.

— Я расскажу тебе, кто видел его в последний раз, когда ты выдолбишь дыру в стене и выпустишь меня на волю, — пообещал Батаки.

Мальчик встрепенулся и начал работать чуть быстрее. Ему показалось, будто последние слова Батаки прозвучали как-то странно. Словно он дал понять, будто он последним видел большую рудную жилу. Может, Батаки с каким-то особым умыслом рассказал ему эту историю?

— Ты, верно, частенько летал в здешних краях? — спросил мальчик, желая выведать правду. — И высмотрел кое-что, когда парил над окрестными лесами да горами?

— Я бы мог показать тебе немало диковин, как только ты справишься со своей работой, — снова пообещал ворон.

Мальчик начал так усердно орудовать стамеской, что только щепки летели. Теперь он окончательно уверился: это ворон нашел львиную долю брата.

— Жаль, что ты — ворон и не можешь пользоваться богатством, которое отыскал, — сказал он.

— Не желаю больше толковать об этом, пока не увижу, что ты выдолбил дыру в стене и я могу вылететь на волю, — ответил ворон.

Мальчик работал с большим усердием — железо чуть не раскалилось у него в руках. Ему казалось, что он догадался, каковы намерения Батаки. Ворон сам не может добывать руду и, как видно, собирается подарить свой клад ему, Нильсу Хольгерссону. Пожалуй, это так. Да умнее и не придумаешь! Если ему посчастливится узнать тайну ворона, он вернется сюда, как только снова станет человеком, и у него в руках окажутся все эти богатства. Он заработает много-много денег, и они ему очень пригодятся. Он откупит всю округу Вестра Вемменхёг и выстроит там замок, такой же большой, как Витшёвле. И в один прекрасный день пригласит хусмана Хольгера Нильссона с женой к себе в замок. Когда же они явятся, он встретит их на верхней ступеньке крыльца и скажет:

— Добро пожаловать, входите и будьте как дома!

Они, ясное дело, не узнают его и удивятся, кто этот знатный господин, который пригласил их в свой замок?!

— По душе ли вам остаться на житье в таком замке? — спросит он.

— Само собой, — ответят они, — только такой замок не про нас!

А он скажет:

— А вот и нет! Этот замок — награда вам за большого белого гусака, который улетел от вас несколько лет тому назад.

Мальчик все проворнее и проворнее работал стамеской. И еще он потратит деньги на то, чтобы выстроить новый домик для Осы-пастушки и маленького Матса на вересковой пустоши в Суннербу. Тот домик будет много больше и лучше прежнего. Еще он откупит озеро Токерн и подарит его уткам, а еще…

— Теперь, можно сказать, ты работал быстро, — похвалил мальчика ворон. — Сдается, дырка уже большая.

Ворону в самом деле удалось протиснуться в дыру. Мальчик вылез вслед за ним и увидел, что Батаки сидит на камне в нескольких шагах от Серной варницы.

— Теперь я выполню свое обещание, Малыш-Коротыш, — торжественно сказал Батаки, — и скажу тебе: да, я видел львиную долю брата. Но не советую искать ее; много долгих лет потратил я на поиски, прежде чем разведал, где она.

— Я-то думал, ты скажешь мне, где этот надел, в награду за то, что я помог тебе выбраться из темницы, — разочарованно протянул мальчик.

— Ты, должно быть, очень хотел спать, пока я рассказывал о львиной доле брата, — усмехнулся Батаки. — Иначе бы ты не надеялся. Разве ты не понял, что всякого, кто хотел узнать, где находится этот надел, постигла беда? Нет уж! Батаки долго прожил на свете и научился помалкивать.

Взмахнув крыльями, он улетел прочь.

Акка крепко спала, стоя на земле возле Серной варницы. И прошло немало времени, прежде чем мальчик разбудил ее. Он был удручен и опечален тем, что ему не досталось такое огромное богатство. Да и вообще радоваться было нечему!

«История про великановых дочерей — сказки, — сказал он самому себе. — Не верю я ни в россказни про волков, ни в истории про слабый лед. Правда лишь то, что, когда бедные рудокопы находили в глухом лесу большую медную жилу, у них голова шла кругом от радости. Но потом они забывали, где она, эта жила, и сильно разочаровывались. Даже жить больше не могли. И со мной теперь творится то же самое».

XXXI ПРАЗДНИК СВЯТОЙ ВАЛЬБОРГ

Суббота, 30 апреля

Есть в году день, которого все дети Далекарлии ждут почти с таким же нетерпением, как Рождества. Это — последний день апреля, день святой Вальборг, праздник встречи весны. Вечером этого дня детям позволяют жечь повсюду костры.

Задолго до праздника мальчики и девочки начинают собирать все, что только может гореть. Из лесу они несут хворост, собирают сухие ветки и шишки, в селениях подбирают стружки у столяра, щепки, кору и корявые чурки у дровосека. Каждый день ходят они к лавочнику, выпрашивая у него старые лари. Если же кому-нибудь посчастливится раздобыть пустую бочку из-под дегтя, он прячет это драгоценнейшее сокровище понадежнее и осмеливается вытащить его только в самую последнюю минуту, когда уже пора зажигать костер. Тонкие прутья, которыми подпирают молодой горох и бобы, поваленные ветром изгороди, разная поломанная утварь, снасти и забытые на полях вешала для просушки соломы, навесы, под которыми сушится зерно, — все в эту пору в опасности, все становится добычей детей.

И вот наконец приходит этот прекрасный долгожданный день. В каждом селении, либо на холме, либо внизу у берега озера, с утра начинают складывать в огромную кучу хворост, сучья и все прочее, что удалось собрать. В некоторых селениях готовят не один, а два, а то и три костра. Случается ведь и так, что мальчишки и девчонки никак не могут сговориться вместе собирать хворост. Или же дети, которые живут на южном конце селения, хотят зажечь костер у себя, а те, что живут на северном, складывают свой. Обычно к полудню уже все готово, и дети в нетерпении бродят вокруг сложенных костров с коробками спичек в кармане, дожидаясь темноты. А в Далекарлии в эту пору ужасно долго не наступает вечер. В восемь часов еще только начинает смеркаться. Ходить в ожидании — скучно и холодно. Ведь зима еще не кончилась, а весна не наступила, и по-настоящему тепло только в полдень, когда солнце стоит высоко в небе. Хотя на вырубках и пашнях снег давно стаял, но в лесах еще лежат высокие сугробы, озера скованы льдом, а к ночи становится еще холоднее. И бывает, что самые маленькие и самые нетерпеливые дети не выдерживают и зажигают костер еще до темноты. Вечно они торопятся! Однако старшие мужественно ждут, пока не стемнеет, чтобы костры были хорошо видны.

Наконец наступает долгожданный час. Все уже здесь, каждый

принес для костра хотя бы крохотную щепку. По обычаю, зажигает костер самый старший мальчуган. Он берет пучок соломы, поджигает его и сует этот факел в кучу хвороста. Вспыхивает пламя, шипит, потрескивает хворост, пылают тонкие веточки, валит черный, густой дым. Вот уже занялись верхние ветки, взметнулись ввысь яркие языки пламени; костер достигает нескольких метров, и его видно далеко по всей округе.

Теперь можно оглядеться. Вон там горит еще костер, там — еще один! Вон вспыхнул костер на пригорке, а тот — выше всех — на вершине горы! Все хотят, чтобы их костер был самым большим и ярким! И чтобы он затмил все другие костры! Потому-то в последнюю минуту дети кидаются домой и клянчат у матери или отца еще какие-нибудь обломки досок или поленья.

Когда огонь разгорается, приходят поглядеть на него и взрослые, и старики. До чего же красив костер! И он не только освещает все вокруг. Такое от него исходит тепло, так манит он присесть поближе на камень или на кочку! Все рассаживаются вокруг, завороженно вглядываясь в костер. Кому-нибудь непременно придет в голову мысль сварить немного кофе, раз уж горит такой чудесный огонь. А пока закипает кофейник, кто-то обязательно начнет рассказывать занятную историю, а когда она кончается, начинает свою повесть другой.

Взрослые думают про свой кофе да про занимательные истории. У детей же одна забота — как бы получше и подольше горел их костер. Ведь весна наступает так медленно, так неохотно ломается лед и тает снег! Не худо бы хоть немного пособить весне своими кострами! Ведь сейчас даже трудно представить себе, что близок час весны, что скоро начнут набухать и распускаться почки!

* * *

Дикие гуси заночевали на льду озера Сильян. С севера резкими порывами налетал холодный ветер, и мальчик с удовольствием спрятался под крыло белого гусака. Но долго спать ему не пришлось, внезапно его разбудил оружейный выстрел. Выскользнув из-под гусиного крыла, мальчик испуганно огляделся.

На льду, поблизости от гусиной стаи, все было спокойно. Как мальчик ни всматривался в ледяную равнину озера, он не мог разглядеть охотника. Но, глянув на берег, он подумал, что начинается какое-то дьявольское наваждение, вроде того, что было в Винете или в волшебном, призрачном саду у Стура Юлё.

Днем дикие гуси не один раз пролетели над большим озером, выбирая, где бы им приземлиться. Мальчик видел на берегах озера большие церкви и селения, похожие на маленькие городки. То были Лександ, Ретвик, Мура, Суллерен. Нильс удивился, как густо застроен этот северный край. Он оказался куда веселее и приветливее, чем ожидал мальчик. Ничего жуткого или пугающего…

Но сейчас на тех же самых берегах в глухой темной ночи огромным полукольцом зловеще пылали высокие костры. Они полыхали в Муре у северного конца озера, на берегу в Суллерёне, в Викарбю, на холмах чуть повыше городка Шурберг, на церковном мысу у Ретвика, на горе Лердальсбергет и на многих мысах и пригорках до самого Лександа. Нильс начал считать и насчитал их более сотни. Откуда бы взялось столько огней, не будь тут замешаны чародейство и колдовство?

Все гуси пробудились при звуке выстрела, но Акка, бросив взгляд на берег, успокоила их:

— Это человеческие детеныши забавляются.

И тогда гуси снова сунули головы под крыло и тотчас уснули.

А мальчик по-прежнему стоял и не мог отвести взгляда от золотого ожерелья огней. Его, как ночную бабочку или комара, тянуло к теплу и свету; он с радостью подошел бы поближе, однако не смел оставить гусей — выстрелы продолжали греметь один за другим. Но вскоре Нильс понял, что птицам не угрожает никакая опасность: просто люди так веселились у костров, что им мало было смеха и криков, им нужно было еще палить из ружей! Вот у большого костра, ярко пылавшего высоко на горе, стали пускать ракеты. Потом этот костер взвился еще выше. Казалось, люди хотели, чтобы их веселье и радость вознеслись до самого неба!

Сам того не замечая, мальчик медленно приближался к берегу. Вдруг до него донеслись звуки песни. Тут уж он не мог удержаться и помчался вперед со всех ног.

Далеко в бухту Ретвикен выдавалась необычайно длинная пароходная пристань, а на самом ее краю стояла толпа людей. Они вдохновенно пели, и их звонкие голоса разносились в поздней ночи далеко над озером. Может, эти люди думали, что весна, подобно диким гусям, спит на льду озера Сильян, и хотели своим пением разбудить ее? Песни сменяли одна другую, и все они были о родной Далекарлии. «Теплым летом, когда песнь поет земля, у двух широких рек далекарлийских…», затем «В поход, в поход на Туну…», а под конец «В Далекарлии нашей живут до сих пор…». Нильс слушал, и перед его мысленным взором вставала незнакомая, но такая светлая и чудесная страна. Казалось, люди

желали умилостивить весну и внушали ей: «Глянь, какая прекрасная страна тебя ожидает! Неужели ты не придешь к ней на помощь? Неужели ты позволишь зиме еще дольше угнетать столь прекрасные края?!»

Когда пение смолкло, Нильс поспешил к берегу. Лед в глубине бухты уже стаял, но в нее нанесло столько песку, что мальчик смог благополучно добраться до берега. С величайшей осторожностью он так близко подкрался к костру, горевшему на берегу, что мог увидеть людей, сидевших и стоявших вокруг, мог услышать их речи. И снова он подумал, что все это ему мерещится. Никогда прежде не доводилось ему встречать людей в такой одежде. Женщины были в черных остроконечных чепцах, коротеньких белых дубленых полушубках, зеленых шелковых лифах, в черных юбках и передниках, испещренных белыми, красными, зелеными и черными полосками. На мужчинах были круглые шляпы с низкой тульей, синие сюртуки, отделанные красным кантом, желтые кожаные штаны затянуты ниже колен красными подвязками с кисточками. Может быть, все дело в одежде, только эти люди показались Нильсу более статными и красивыми, чем жители других провинций. И разговаривали они друг с другом на каком-то особом наречии, так что мальчик долгое время ничего не мог разобрать. Их наряды напомнили ему одежды, которые хранила в своем сундуке матушка и которые давным-давно никто не носил. И Нильс снова подумал: «Уж не мерещится ли мне? Может быть, это какой-то древний народ, сотни лет назад ушедший из жизни?» Но нет, он видел, что перед ним самые что ни на есть обыкновенные люди. Просто те, кто жил в окрестностях озера Сильян, сохранили больше от минувших времен и в речах, и в одежде, и в обычаях, чем жители других провинций, которых знал мальчик.

Вскоре он понял, что люди, сидевшие у костра, говорили о прежних временах. Они вспоминали, как жилось им в юные годы, как приходилось странствовать по нескончаемым дорогам в чужих краях, чтобы заработать на хлеб своей семье, Нильс услыхал множество историй, но больше всего ему запомнился рассказ одной старой женщины о тяжкой судьбе, выпавшей на ее долю.

РАССКАЗ ЧЕРСТИ С ТОРФЯНОГО БОЛОТА

— Нас, детей, у отца с матушкой было много, а усадьба наша в Эстбъёрке была небольшая, да и времена выдались суровые. Так что, как минуло мне шестнадцать, пришлось уйти из дому на заработки. В котомке лежало у меня несколько караваев хлеба,

телячья лопатка да кусочек сыра. А в кармане бренчали двадцать четыре скиллинга[32] — вот и все деньги на дорогу. Остальные припасы, вместе со сменой рабочей одежды, я сложила в кожаный мешок и отправила в Стокгольм со знакомым возчиком.

Вышли мы, двадцать парней и девушек из Ретвика, на дорогу, что ведет в город Фалун, и давай отмеривать милю за милей. Это вам не на поезде ехать, в удобных-то вагонах, как едут ныне далекарлийские девицы. Сейчас-то до Стокгольма добраться — всего ничего, каких-нибудь восемь-девять часов! А мы хоть и делали по три-четыре мили в день, только через неделю добрались до него,

Вот, значит, в 1845 году, в апреле четырнадцатого дня, увидала я в первый раз столицу нашу Стокгольм. Как только вошли мы в город, люди давай друг дружке кричать да подсмеиваться.

— Глянь-ка! Далекарлийский полк идет!

И впрямь: шли мы по улицам с таким грохотом, что казалось, будто целый полк шагает. Ведь все мы надели башмаки на высоких каблуках — а башмачник туда не менее пятидесяти большущих гвоздей всадил, да с непривычки к горбатым булыжным городским улицам многие из нас спотыкались и падали.

Завернули мы на постоялый двор, где останавливались люди из Далекарлии; звался он «Белая лошадь», а расположен был на улице Стура Бадстугатан в южном конце города — Сёдере. Люди же из Муры жили на постоялом дворе «Большая корона» по той же самой улице. Из тех двадцати четырех скиллингов, которые я взяла из дому, оставалось уже только восемнадцать! Спешно надо было искать заработок. Одна из землячек сказала, чтоб я наведалась к ротмистру, жившему у Хурнстулла. Он и нанял меня на четыре дня вскапывать грядки и садовничать. Платил он мне поденно — двадцать четыре скиллинга в день на моих собственных харчах. С таких денег не очень-то потратишься на еду, вот я и ходила полуголодная. Только раз наелась досыта: маленькие господские дочки увидели, какой скудный у меня обед, побежали на кухню и выпросили для меня еды.

Потом я стала работать у одной госпожи на улице Норландсгатан. Жилье у меня там было прескверное, крысы стащили и чепец, и шейный платок, да еще проели дыру в кожаном мешке с провизией. Пришлось зачинить его старым голенищем. Не смогла я здесь больше двух недель проработать, и пришлось домой пешком топать — всего с двумя риксдалерами в кармане.

Пошла я на этот раз через Лександ и остановилась на

несколько дней в селении Рённес. Помнится, хозяева там варили молочный суп из молотой овсяной муки с отрубями да мякиной. Ничего другого у них не было, но и это казалось вкусным в те голодные дни.

Да, в том году похвалиться мне было особенно нечем, но на другой год еще хуже пришлось. Снова надо было на заработки отправляться; дома-то у нас есть было нечего. Пошла я на сей раз с двумя далекарлийскими девушками в Худиксваль, а идти туда — двадцать четыре мили. Да еще с кожаными мешками на спине — везти-то их было теперь не на чем! Мы думали, что нас наймут садовничать. Но только рано пришли мы в Худиксваль: повсюду еще лежал глубокий снег, и никакой работы в саду, ясное дело, не нашлось. Пошла я тогда по крестьянским хуторам, просилась в работницы. Милые вы мои, до чего ж я устала и изголодалась, прежде чем добралась до усадьбы, где сжалились надо мной и наняли чесать шерсть за восемь скиллингов в день, Ну, а как пришла весна, нашла я работу в городе. Садовничала там до самого июля. Только одолела меня такая тоска по дому, что я подалась в Ретвик. Было мне тогда всего семнадцать годков. Башмаки я износила, и пришлось двадцать четыре мили идти босиком. И все же в душе я радовалась: ведь мне удалось сберечь целых пятнадцать риксдалеров. А для маленьких братцев и сестриц я несла несколько черствых булочек да кулек с сахаром, который сумела скопить. Когда кто-нибудь угощал меня кофе с двумя кусочками сахара, один я всегда прятала.

Вот сидите вы тут, далекарлийские девчонки, и даже не думаете бога-то возблагодарить за хорошие времена, что он нам ниспослал! А в ту пору один неурожайный год сменялся другим. Всем молодым парням и девушкам из Далекарлии приходилось идти из дому на заработки. Вот и на третий год, это уже был 1847-й, пошла я снова в Стокгольм и на этот раз работала в большом саду Стура Хурнсберг. Нас, девушек из Далекарлии, было там немало. Платили нам поденно чуть-чуть побольше обычного, да мы еще на всем старались выгадать. Даже старые гвозди да кости в садах подбирали и продавали в лавку ветошника, а на вырученные деньги покупали себе вместо хлеба солдатские сухари из казенной пекарни. В конце июля отправилась я домой, чтобы помочь собрать урожай. На этот раз мне удалось скопить целых тридцать риксдалеров.

На другой год снова пришлось идти на заработки. Посчастливилось мне наняться в усадьбу королевского конюшего под Стокгольмом. В то лето в Логордсъердете проходили манёвры. Вот маркитант и послал меня пособить на походной кухне, а помещалась она в большой полковой повозке. До самой

смерти не забуду, пусть хоть сто лет мне стукнет, как в Йердете мне довелось однажды трубить в пастуший рожок перед самим Оскаром Первым.[33] В награду я получила тогда от него целых два риксдалера.

А после я много лет подряд была в летнюю пору перевозчицей в бухте Брунсвикен под Стокгольмом и плавала между Албану и Хагой, где королевский замок. То было самое лучшее для меня время. С собой в лодку мы всегда брали на всякий случай пастушьи рожки, и порой те, кого мы перевозили, сами брали весла, а мы им играли. Когда же осенью перевоз кончался, я ходила в Упланд, молотить зерно в крестьянских усадьбах, и к Рождеству обычно возвращалась домой с сотней или около того риксдалеров в кармане. И еще зарабатывала зерно на молотьбе; отец забирал его потом по санному пути. Да, если б я с моими сестрами и братьями не приносила домой деньги, жить было бы не на что. Зерно с нашей собственной земли кончалось чаще всего к Рождеству, картошки же в ту пору люди сажали мало.

Приходилось прикупать зерно у лавочника, а когда рожь стоит сорок риксдалеров бочонок, а овес — двадцать четыре, тут уж поломаешь голову, как свести концы с концами. Помнится, не раз отдавали мы корову за бочонок овса. В те времена в овсяный хлеб подмешивали мелко рубленную солому. Правду сказать, такой хлеб с соломой в горло не шел. Каждый кусочек водой надо было запивать, а то и не проглотишь.

Вот так и кочевала я до тех самых пор, покуда замуж не вышла. А было это в 1856 году. Мы-то с Йоном моим еще в Стокгольме сдружились, и когда я в тот год отправилась домой, то побаивалась маленько в душе, как бы стокгольмские девчонки его не отбили. Они так и звали его — Красавчик Йон с Торфяного болота или Красавчик Далекарлиец. Но он не обманул меня, а как скопил немного деньжат, сыграли мы свадьбу.

Жили мы потом в радости и без особых забот, да только длилось это недолго. В 1863 году Йон помер, и осталась я одна с пятью ребятишками, мал-мала меньше. Правда, прожить уже было легче, ведь в Далекарлии настали лучшие времена. Разве сравнишь их с прежними! И хлеба, и картошки теперь было вдоволь! Я сама обрабатывала крохотные наделы земли, которые унаследовала от Йона, да и домик у меня как-никак был свой собственный. Шли годы, дети, что не померли, выросли. Живется им, слава Богу, не худо. Они и понятия не имеют, до чего тяжко приходилось людям в Далекарлии, когда их матушка была еще молода…

Старушка замолчала. Пока она говорила, костер догорел; все

поднялись и засобирались по домам. Давно пора было ложиться спать. Мальчик тоже отправился восвояси — искать на льду своих спутников. И пока он бежал один в темноте, в ушах у него все время звучала песня, которую он недавно слышал на пристани:

> «В Далекарлии нашей живут до сих пор и верность, и честь, несмотря на невзгоды…»

Потом шли еще какие-то слова, которые он забыл, но конец-то песни помнил ясно:

> «Хоть хлеб мы нередко мешали с древесной корой, но все ж великие мужи находили порой опору у бедного люда…»

Мальчик припомнил то, что слышал в школе о роде Стуре,[34] и о том, кто звался Густавом Васой.[35] Нильс удивлялся тогда: почему они искали помощи не у кого-нибудь, а у далекарлийцев? Но теперь он это понял. Если в этом краю живут такие женщины, как эта старушка у костра, то здешних мужчин и вовсе ничем не согнешь.

XXXII В ПОИСКАХ КОРМА

Воскресенье, 1 мая

Проснувшись на другое утро, мальчик тотчас соскользнул со спины гуся и оказался вместо льда в мягком пушистом снегу. Он даже засмеялся от неожиданности. Снег еще продолжал падать. В воздухе кружились белые хлопья, такие большие, что их можно было принять за крылья замерзших бабочек. Все озеро Сильян и его берега были покрыты белоснежным ковром уже в несколько сантиметров толщиной. Дикие гуси, накрытые снежными шапками, были похожи на маленькие сугробы.

Время от времени Акка, Юкси и Какси тоже просыпались, но убедившись, что снегопад продолжается, снова поспешно прятали голову под крыло. Они, видно, считали, что в такую погоду лучше всего спать. И мальчик, последовав их примеру, снова залез под крыло Мортена. Проснулся он от звона церковных колоколов в Ретвике, возвещавших о начале богослужения. Снегопад кончился, но с севера дул резкий ветер, а на озере стоял жгучий мороз. Мальчик был голоден и очень обрадовался, когда дикие гуси наконец стряхнули с себя снег и полетели на берег разыскивать корм.

В тот день в ретвикской церкви готовились к первому причастию детей. Дети пришли загодя и чинно беседовали, сбившись в небольшие стайки на церковном холме. Ради этого дня они нарядились в новые праздничные одежды своего края, такие яркие и пестрые, что их было видно издалека.

— Милая матушка Акка, лети медленней! — закричал мальчик, когда они приблизились к церкви. — Я хочу поглядеть на детей!

Это желание показалось гусыне-предводительнице вполне резонным, она спустилась как можно ниже и три раза облетела вокруг церкви. Трудно сказать, как выглядели дети вблизи, но сверху Нильсу показалось, что он никогда не видел таких красивых мальчиков и девочек.

«Пожалуй, и в королевском замке, среди принцев и принцесс, не найти детей красивее этих!» — сказал он самому себе.

Снегу в этот день выпало немало. Все поля в Ретвике оказались заснеженными, и Акка никак не могла найти местечка, куда можно было бы приземлиться. Тогда она недолго думая полетела на юг в Лександ. А там весной, как всегда, юноши и девушки уходили на поиски работы; в приходе оставались почти одни старики. Вот и сейчас дикие гуси увидели, как длинная

вереница дряхлых старушек тянулась в церковь. Они медленно шли по белой, покрытой снегом земле, меж белоствольных берез, сами все в белом: в белоснежных дубленых полушубках, в белых кожаных юбках, в желто-черно-белых полосатых передниках и в белых остроконечных чепцах, плотно сидевших на их седых головах.

— Милая матушка Акка, лети медленней! — попросил мальчик. — Я хочу поглядеть на старушек!

И это его желание показалось гусыне-предводительнице вполне резонным, она спустилась как можно ниже и три раза пролетела взад-вперед над березовой аллеей. Трудно сказать, как выглядели старушки вблизи, но сверху мальчику показалось, что он никогда не видел таких мудрых и достойных старых женщин.

«Эти старушки так величественны, словно сыновья их — короли, а дочери — королевы!» — сказал он самому себе.

Но и в Лександе было не лучше, чем в Ретвике. Повсюду толстым покровом лежал снег, и Акка не видела иного выхода, кроме как лететь на юг, до Гагнефа.

В Гагнефе в тот день перед службой было погребение. Похоронная процессия поздно прибыла в церковь, и похороны немного задержались. Когда прилетели дикие гуси, не все прихожане успели войти в церковь и многие женщины еще расхаживали по кладбищу, останавливаясь у могил своих близких. Женщины были одеты в кофты с зеленым лифом и красными рукавами, на головах у них были цветастые платки с пестрой бахромой.

— Милая матушка Акка, лети медленней! — попросил мальчик. — Я хочу поглядеть на крестьянок!

И это желание показалось гусыне-предводительнице вполне резонным, она спустилась как можно ниже и три раза пролетела взад-вперед над кладбищем. Трудно сказать, как выглядели крестьянки вблизи, но сверху Нильсу показалось, что среди деревьев мелькают не фигуры женщин, а какие-то прекрасные цветы.

«Они словно выросли в королевском саду», — подумал он.

Но и в Гагнефе были сплошь заснеженные поля; диким гусям не оставалось ничего другого, как продолжить путь на юг, во Флуду.

Во Флуде в тот день после службы предстояло венчание. В церкви еще было полно народу, и свадебный поезд дожидался на церковном холме. Жених расхаживал в длинном синем сюртуке, штанах до колен и красной шапочке. Невеста, в богатом наряде, украшенном драгоценностями, цветами и пестрыми лентами, с блестящей короной на распущенных волосах, казалась просто

ослепительной, глазам было больно смотреть на нее. Лифы и подолы юбок у невестиных подружек были расшиты розами и тюльпанами. Родители жениха и невесты, соседи и другие гости — все были в нарядных далекарлийских одеждах.

— Милая матушка Акка, лети медленнее! — попросил мальчик. — Я хочу поглядеть на молодых.

И гусыня-предводительница спустилась как можно ниже, и три раза пролетела туда и обратно над церковным холмом. Трудно сказать, как выглядели молодые вблизи, но сверху Нильсу показалось, что такой красавицы невесты, такого гордого жениха и таких нарядных гостей нигде больше не найти.

«Вряд ли король и королева, живущие в замке, красивее этих людей», — подумал он.

Во Флуде дикие гуси нашли наконец голые, свободные от снега поля, и лететь дальше в поисках корма им не понадобилось.

XXXIII НАВОДНЕНИЕ

1–4 мая

Уже много дней подряд к северу от озера Меларен бушевала страшная непогода. Небо было сплошь затянуто серыми тучами: свистел ветер, хлестал дождь. Люди и животные понимали, что за приход весны тоже надо расплачиваться, но все же непогода сильно им докучала.

Однажды дождь лил не переставая целый день, и снежные сугробы в еловых лесах начали всерьез таять. Потекли весенние ручьи. Лужи в усадьбах, стоячие воды в канавах, вода на топких лугах и в болотах — все пришло в движение, пытаясь пробиться к ручьям, чтобы те захватили их с собой в море.

Ручьи спешили как можно скорее добежать до рек, которые впадают в озеро Меларен, а реки изо всех сил стремились к озеру, желая напоить его своими водами. Но вот все мелкие озера в Упланде и Бергслагене в один и тот же день сбросили с себя ледяной покров; зато вытекавшие из них реки наполнились ледяными глыбами и чуть не вышли из берегов. Многоводные и шумные, они все неслись в озеро Меларен, и вскоре оно приняло в себя столько воды, что больше уже не могло вместить. Бурным потоком устремились его воды к своему стоку, но фарватер протока Норстрём такой узкий, что воды замедлили свой бег. Вдобавок сильный восточный ветер гнал к берегу высокие морские волны, и они преградили путь пресным водам, которые проток Стрёммен[36] в заливе Сальтшён[37] желал влить в Балтийское море. Но поскольку реки непрерывно приносили в озеро Меларен все новые и новые воды, а проток Норстрём не успевал их уносить, большому озеру ничего не оставалось, как только выйти из берегов.

Оно поднималось медленно-медленно, словно опасаясь нанести урон прекрасным своим берегам. Но так как они почти всюду низки и пологи, понадобилось совсем немного времени, чтобы вода на много метров окрест затопила сушу. А большего и не требовалось — по всей округе начался величайший переполох.

Есть в озере Меларен нечто своеобычное. Состоит оно из одних лишь узких заливов, бухт и проливов. Нигде не расстилает оно широкие, бичуемые штормами просторы вод. Нигде не найдешь здесь голых, пустынных, открытых всем ветрам берегов. На озере множество уютных, поросших деревьями островков, скалистых шхер, мысов и заливов, как будто созданных для увеселительных поездок, прогулок под парусами и рыбной ловли.

А живописные берега озера словно предназначены для всех этих великолепных дворцов, летних вилл, помещичьих усадеб и всяких увеселительных заведений.

Обычно ласковое и дружелюбное, озеро Меларен иной раз по весне изменяет своему мирному нраву, сбрасывает улыбчивую маску и приносит людям немало бед.

Вот и этой весной, судя по всему, оно собиралось устроить настоящее наводнение. И люди стали поспешно конопатить и смолить плоты и плоскодонки, стоявшие зимой на приколе, переносить на берег мостки для стирки и полоскания белья. Всюду укрепляли, насколько можно, мосты и виадуки. Путевые обходчики, которые служили на железной дороге, идущей вдоль побережья, непрерывно осматривали железнодорожную насыпь и не смели сомкнуть глаз ни днем ни ночью.

Крестьяне, хранившие сено или сухую листву в сараях на низких скалистых островках, спешили переправить этот корм на берег. Рыбаки вытаскивали вентеря и сети, чтобы их не смыло половодьем. У паромных переправ скапливались толпы путников. Все, кому надо было попасть домой или, наоборот, уехать из дому, торопились поскорее перебраться на другой берег, пока не поздно.

Но самая большая спешка царила в окрестностях Стокгольма, где по берегам тянутся бесконечные дачные поселки. Правда, большинство вилл стоит довольно высоко на берегу и им не грозит ни малейшая опасность, но при каждой из них есть причал и купальня, а их нужно было перевезти в безопасное место.

Но не только людей беспокоило то, что озеро Меларен начало выходить из берегов. Уток, которые сидели на яйцах в прибрежных кустах, полевых мышей, землероек, обитательниц побережья, — всех охватил страх за своих крошечных беспомощных детенышей. Даже гордые лебеди и те тревожились, как бы наводнение не уничтожило их гнезда и яйца.

И было отчего страшиться и опасаться — с каждым часом вода в озере все прибывала и прибывала. Ивы и ольхи на прибрежных отмелях уже погрузились в воду, затопило сады и огороды и размыло грядки с уже зеленевшими пряными травами. Полям ржи, на которые проникла вода, она тоже нанесла немалый урон.

Озеро продолжало подниматься уже много дней подряд. Низкие пойменные луга вокруг замка Грипсхольм скрылись под водой, и громадный замок оказался отделенным от суши не узким рвом, как обычно, а широким проливом. По набережной в Стренгнесе — этому излюбленному месту прогулок горожан — мчался бурлящий поток, а жители Вестероса готовили лодки,

чтобы передвигаться по улицам.

Лежбище лосей, перезимовавших на скалистом островке посреди озера Меларен, оказалось под водой, и им пришлось вплавь добираться до берега. По воде плыло бессчетное множество пивных бочек и ушатов, бревен и досок, и даже целый склад дров. И повсюду спасательные лодки с людьми, готовыми прийти на помощь…

В один из этих тяжких дней в березовой роще к северу от озера Меларен появился Смирре-лис. Как всегда, он был занят одной мыслью — как бы отыскать диких гусей с Малышом-Коротышом. Он давно уже потерял их след и совсем было пал духом. И вот сегодня, когда он увидел на березовой ветке почтовую голубку Агарь, у него появилась надежда.

— Как хорошо, Агарь, что я встретил тебя, — обрадовался Смирре. — Может, ты скажешь мне, где сейчас Акка с Кебнекайсе и ее стая?

— Может, я и знаю, где они, — ответила Агарь, — но тебе не скажу!

— Твое дело! Я ведь только хотел передать им привет и весточку от меня, — сказал Смирре. — Ты, верно, знаешь, как худо нынче на озере Меларен. Там — большое наводнение, и лебеди — а их в бухте Йельставикен не счесть — скоро лишатся своих гнезд и потомства. Но Дагаклар-Яснодень — лебединый король слыхал про малыша, который летает с гусиной стаей и помогает птицам в беде. Вот король и послал меня спросить Акку, не пожелает ли она прилететь в Йельставикен вместе с Малышом-Коротышом?

— Привет и просьбу я передам, — ответила Агарь. — Не пойму только, как такой кроха может помочь лебедям?

— Я и сам не пойму, — вздохнул Смирре. — Однако он может перенести на берег все что угодно.

— Чудно и то, что лебединый король Яснодень передает диким гусям привет и вести через лиса, — удивилась Агарь.

— Ты права, мы с гусями и впрямь враги, — кротко произнес Смирре. — Но когда великая беда на пороге, надо помогать друг дружке. Впрочем, не говори Акке, что получила весть через лиса. Она ведь такая недоверчивая и подозрительная!

ЛЕБЕДИ В БУХТЕ ЙЕЛЬСТАВИКЕН

Самое надежное прибежище для водоплавающей птицы на всем озере Меларен — это бухта Йельставикен в глубине залива Экольсундсвикен. А залив этот, в свою очередь, ответвляется от другого залива, Норра Бьеркёфьерден, одного из самых больших

и длинных заливов, которым озеро Меларен вдается на востоке в сушу провинции Упланд.

Бухта Йельставикен — мелководна, с отлогими берегами и такими же густыми зарослями тростника, как на озере Токерн. Хотя бухту и не сравнить по величине с этим прославленным птичьим озером, все же и здесь птицы находили великолепный приют, потому что уже много-много лет назад бухта Йельставикен стала заповедной. Она давно была пристанищем многочисленного лебединого племени, и нынешний владелец расположенной неподалеку усадьбы Экольсунд, где в старину живали короли, запретил охоту в заливе, чтобы не спугивать лебедей и не очень их беспокоить.

Лишь только Акка получила весть о том, что лебединый народ нуждается в ее помощи, она поспешила в Йельставикен. Прилетев туда вместе со стаей вечером, она тотчас увидела, сколько бед причинило в бухте наводнение. Порывистый ветер сорвал с мест большие лебединые гнезда и разогнал их по заливу. Одни гнезда уже совсем разрушились, другие опрокинулись, яйца же из них вывалились и блестели на дне бухты.

Сами лебеди собрались станицей у восточного берега, который был лучше всего защищен от ветра. Хотя они сильно пострадали от наводнения, гордые птицы старались не выказывать своего горя.

— Не надо отчаиваться, — повторяли они. — В бухте хватит тростника и стеблей водяных растений. Мы скоро соорудим себе новые гнезда.

Никому из них и в голову не приходило звать на помощь чужаков, и они даже не подозревали, что Смирре-лис послал за дикими гусями.

Лебедей в бухте было видимо-невидимо — много сотен, не меньше, — и располагались они в строгом порядке, по возрасту, чинам и званиям: молодые и неопытные — с края, старые и мудрые — чуть подальше, ближе к середине круга. В самой же середине бухты разместились Дагаклар-Яснодень — лебединый король и Снефрид-Снегомира — лебединая королева, — самые старшие в стае. Большая часть лебединого племени была их потомками.

Яснодень и Снегомира могли бы немало порассказать о тех днях, когда лебеди их рода были домашними птицами, обитавшими во рвах и прудах замков Швеции. Но одна лебединая чета вырвалась как-то из плена и поселилась в бухте Йельставикен; от этой-то четы и пошли все лебеди, которые гнездились здесь. Нынче дикие лебединые племена можно было встретить и во многих других бухтах и заливах озера Меларен, и

даже в озерах Токерн и Хурнборгашён в Вестеръётланде. И все эти новопоселенцы прибыли из бухты Йельставикен, так что лебеди, населявшие бухту, очень гордились тем, что род их столь приумножился и расселился по разным озерам.

Дикие гуси опустились на воду у западного берега, но Акка, не желая терять ни минуты, тотчас направилась со стаей к противоположному берегу, к лебедям. По правде сказать, гусыня была крайне удивлена тем, что лебеди послали за ней. Она сочла это за великую честь и готова была сделать для лебедей все, что только в ее силах.

Подплывая к лебедям, Акка на мгновение остановилась, чтобы поглядеть, ровно ли держат строй ее гуси, соблюдают ли должные промежутки между собой.

— Держитесь прямее! — напомнила она. — Не глазейте на лебедей так, будто вы никогда в своей жизни не видели ничего красивого. И не обращайте внимания на их слова, что бы они ни говорили!

Не впервые наведывалась Акка к старой королевской чете, и лебеди всегда выказывали ей уважение, подобавшее такой бывалой, много путешествовавшей и почтенной птице, как Акка. Но ей было не очень-то по душе плыть среди всех этих лебедей, которые окружали короля и королеву. Рядом с лебедями Акка всегда чувствовала себя такой маленькой, серой и невзрачной, а тут еще кто-нибудь из них непременно начинал отпускать колкости по поводу всякого там серенького нищего люда. И тогда разумнее всего было делать вид, будто ничего не слышишь.

На сей раз все шло на удивление хорошо. Лебеди молчаливо расступались, и дикие гуси словно плыли по улице, окаймленной большими белоснежными птицами. До чего же они были красивы, когда надували крылья, точно паруса, желая покрасоваться перед чужаками! Против обыкновения, они не сказали о гусях ни единого колкого слова, и Акка была крайне удивлена.

«Яснодень, видно, узнал про их дерзости и велел им держаться учтиво», — подумала гусыня-предводительница.

Но вот лебеди, изо всех сил пытавшиеся соблюсти приличия, увидели белого гусака, замыкавшего вереницу диких гусей. В один миг учтивости их как не бывало. Поднялся страшный шум, раздались удивленные и злые возгласы.

— Это еще что такое? — воскликнул один из лебедей. — Никак дикие гуси обзавелись белыми перьями?

— Уж не воображают ли они, будто белые перья помогут им стать лебедями?! — раздались со всех сторон крики.

Лебеди вопили звонкими, сильными голосами, перебивая друг друга. Им невозможно было объяснить, что перед ними —

обыкновенный домашний гусак, который пристал к стае диких гусей.

— Верно, это сам гусиный король плывет! — презрительно шипели они.

— Нет, какая наглость!

— Это не гусь! Это всего-навсего домашняя утка!

Большой белый гусак, помня наказ Акки — не отвечать, что бы лебеди ни говорили, старался делать вид, будто ничего не слышит. Стиснув клюв, он изо всех сил работал лапами. Но все напрасно! Лебеди становились все более и более дерзкими.

— А это еще что за лягушонок у него на спине? — спросил один из лебедей.

— Они, верно, думают, мы не видим, что это лягушонок, хоть он и одет как человек.

Даже лебеди из дальних рядов, только что чинно лежавшие на воде, устремились на эти крики, тесня друг друга. Началась беспорядочная толчея и давка. Каждый старался пробиться вперед, чтобы взглянуть на дикого белого гусака.

— Ишь какой — примазывается к лебедям! Постыдился бы!

— Да он такой же серый, как и остальные! Просто он окунулся в ларь с мукой на крестьянском дворе!

Акка уже подплыла к лебединому королю и только собралась спросить, что за помощь ему нужна от нее, как вдруг Яснодень заметил волнение среди своего народа.

— Это еще что такое? Разве я не велел им быть учтивыми с гостями? — с недовольным видом спросил он.

Снегомира — лебединая королева поплыла наводить порядок среди подданных, а Яснодень снова повернулся к Акке. Но Снегомира тотчас же вернулась, необычайно взволнованная.

— Почему ты не заставишь из замолчать? — крикнул лебединый король,

— Там — дикий белый гусь! — отвечала Снегомира. — Какой позор! Стыдно смотреть на него! Не удивительно, что лебеди злятся.

— Дикий белый гусь? — переспросил Яснодень. — Чепуха! Быть того не может! Ты, верно, ошиблась.

Давка вокруг Мортена все усиливалась. Акка и другие дикие гуси пытались подплыть к нему, но их толкали то туда, то сюда, и они никак не могли пробиться к гусаку.

Тогда старый лебединый король, самый сильный из всех, быстро поплыл вперед и, расшвыряв лебедей в разные стороны, проложил себе дорогу. Увидев и в самом деле белого гусака, он разгневался не меньше других. Шипя от злости, он ринулся прямо на Мортена и выдрал у него несколько перьев.

— Ишь как вырядился! Я отучу тебя, дикий гусь, являться к лебедям в таком виде! — крикнул он.

— Лети, Мортен-гусак, лети прочь, лети прочь! — воскликнула Акка; она поняла, что лебеди выдернут все перья у белого гусака.

— Лети прочь, лети прочь! — кричал и Малыш-Коротыш.

Но лебеди так зажали гусака между собой, что он не мог взмахнуть крыльями. Со всех сторон к нему тянулись крепкие лебединые клювы, грозившие общипать его до последнего перышка.

Мортен-гусак защищался что было сил. И даже давал сдачи. Дикие гуси тоже ввязались в драку. Кончилось бы все это печально, если бы совершенно неожиданно не подоспела помощь.

Маленькая птичка, горихвостка, заметила, что диким гусям приходится туго, что лебеди их одолевают. И она издала пронзительный призывный клич. Так кричат мелкие пташки, когда нужно прогнать ястреба или сокола. Не успела она крикнуть и три раза, как быстрокрылые пичужки со всей округи мигом слетелись в огромный шумный рой и поспешили к бухте Йельставикен.

Эти крохотные слабосильные пташки тучей кинулись на лебедей. Они оглушали их своими пронзительными голосами, непрестанно порхали у них перед глазами, так быстро трепеща крыльями, что у лебедей кружилась голова; но больше всего они выводили их из себя своими криками:

— Позор, позор вам, лебеди! Позор, позор вам, лебеди!

Нападение пташек длилось всего несколько мгновений, но когда их рой рассеялся и лебеди опомнились, они увидели, что дикие гуси уже в воздухе и летят на другой берег бухты.

НОВЫЙ ЦЕПНОЙ ПЕС

Одно по крайней мере было хорошо: преследовать диких гусей высокомерные лебеди сочли недостойным, и гуси смогли спокойно устроиться на ночлег в зарослях тростника.

Что же до Нильса Хольгерссона, то он, страшно проголодавшийся, не мог заснуть.

«Надо пробраться в какой-нибудь дом и немного поесть!» — решил он.

Найти суденышко, когда столько всего плавало по озеру, для такого малыша, как Нильс Хольгерссон, не составляло ни малейшего труда. Недолго думая, он прыгнул на обломок доски, качавшийся среди тростника, выловил из воды небольшую палку и с ее помощью, отталкиваясь, поплыл к берегу.

Только он причалил, как рядом раздался какой-то плеск. Мальчик притаился. Оглядевшись, он увидел всего в нескольких метрах от себя лебедь, которая спала в своем большом гнезде. И еще он увидел Смирре-лиса, который, ступив в воду, крался к лебединому гнезду.

— Эй! Эй! Эй! Вставай! Вставай! — закричал мальчик, шлепнув по воде палкой.

Лебедь поднялась на ноги, но не очень проворно. Лис успел бы на нее наброситься, если бы захотел. Но Смирре, увидев мальчика, предпочел погнаться за ним.

Малыш-Коротыш кинулся на берег. Перед ним расстилались одни лишь обширные, ровные луга. Нигде ни деревца, на которое он мог бы забраться, ни норки, куда бы он мог спрятаться. Оставалось одно — бежать со всех ног. Мальчик был хорошим бегуном, но, разумеется, не мог состязаться в быстроте и ловкости с лисом, когда тот ничем не обременен. Ведь на сей раз Смирре не тащил в зубах гусыню…

Неподалеку от озера светились окошки нескольких торпарских лачуг. Мальчик, не раздумывая, помчался в ту сторону, но тут же понял: пока он добежит до тех домишек, Смирре не единожды успеет его догнать.

Один раз лис чуть было не настиг его, но мальчик так стремительно метнулся в сторону, что Смирре промчался мимо. Нильс даже выиграл немного времени. Но вскоре лис опять стал нагонять его, и тогда мальчик бросился навстречу двум деревенским паренькам, которые, на его счастье, появились поблизости. Они весь день и вечер провели на озере, вылавливая плывущую по воде домашнюю утварь, и теперь возвращались домой.

Пареньки так устали, им так хотелось спать, что они не заметили в сумерках ни лиса, ни мальчика. Нильс, ни слова не говоря и не прося помощи, засеменил рядом с ними. «Уж подойти-то к людям Смирре не посмеет», — решил он.

Но вскоре мальчик услыхал, что лис, мягко ступая, крадется за ними. Наверное, он рассчитывал, что пареньки примут его за собаку, и осмелился подойти так близко.

— Смотри, какой-то пес увязался за нами, — сказал один из пареньков. — Уж не хочет ли он нас укусить?

Другой, остановившись, оглянулся.

— Пошел прочь! Чего тебе надо? — крикнул он и пнул лиса ногой так, что тот перелетел через дорогу.

Лис поотстал, но продолжал следовать за людьми, благоразумно держась в нескольких шагах от них.

Пареньки вскоре подошли к торпу и свернули к одной из

лачуг. Мальчик — за ними, собираясь войти вместе с пареньками в дом. Но когда навстречу хозяевам из конуры кинулся, гремя цепью, огромный, великолепный длинношерстный пес, мальчик вдруг изменил свое намерение и остался во дворе.

— Слышь-ка, пес, а пес! — тихонько позвал он, лишь только пареньки затворили за собой дверь. — Не поможешь ли поймать нынче ночью лиса?

Пес уже плохо видел, а от долгой жизни на цепи стал раздражительным и злым.

— Поймать лиса?! Да ты кто такой, чтоб издеваться надо мной? — пролаял он в сердцах. — Попробуй подойти поближе, узнаешь, как шутки шутить!

— Поверь, я нисколечко не боюсь подойти к тебе поближе! — засмеялся мальчик, подбегая к нему. Пес, увидев его, от изумления не мог вымолвить ни слова.

— Это меня прозвали Малыш-Коротыш, это я путешествую по свету с дикими гусями, — представился Нильс. — Может, ты слыхал про меня?

— Воробьи не раз чирикали мне про тебя, — неохотно признался пес. — Выходит, это ты совершил столько великих подвигов? Для такого щенка неплохо.

— До сих пор мне почти все время везло, — скромно сказал мальчик, — но теперь, если ты не поможешь, — мне конец. За мной охотится лис. Он караулит за углом.

— Ну, оттуда мне и не учуять этого разбойника. Но ничего, скоро мы от него избавимся!

И пес рванулся вперед, насколько позволила ему цепь, и залился нескончаемым лаем.

— Да вряд ли нынче ночью он снова сюда пожалует, — проворчал он.

— Одного лая маловато, этим Смирре-лиса не запугаешь, — вздохнул мальчик. — Скоро он явится опять, и было бы хорошо, если бы ты захватил его в плен.

— Ты что, опять со мной шутки шутить? — зарычал пес.

— Я скажу тебе, что нужно делать, — понизил голос мальчик. — Только давай заберемся в конуру, чтобы лис нас не подслушал.

Они залезли в конуру и долго там шептались.

Немного погодя лис высунул нос из-за угла и, убедившись, что все кругом спокойно, тихонько вошел во двор и принюхался. Учуяв, что мальчик прячется в собачьей конуре, он уселся на почтительном расстоянии — поразмыслить, как бы выманить его оттуда. Вдруг цепной пес высунул голову из конуры и прорычал:

— Пошел прочь, не то выскочу и поймаю тебя!

— Буду сидеть сколько вздумается! — дерзко ответил лис.

— Убирайся, покуда цел, — еще раз грозно предупредил пес. — А не то после этой ночи охотиться тебе больше не придется!

Но лис только ухмыльнулся и, не двинувшись с места, бросил презрительно.

— Цепь у тебя коротка!

— Ну что ж, я тебя предупреждал дважды, — пролаял пес, выходя из конуры. — Теперь — пеняй на себя!

В тот же миг он одним прыжком подскочил к лису — ведь мальчик отстегнул его ошейник вместе с цепью. Пес с лисом схватились не на жизнь, а на смерть, но длился этот бой недолго. Через несколько секунд лис уже лежал на земле, прижатый так, что не мог вздохнуть.

— А теперь — смирно! Не то разорву тебя на куски! — рявкнул пес и за шкирку потащил лиса к своей конуре. Тут подоспел и мальчик с цепью и ошейником. Дважды обернув ошейник вокруг лисьей шеи, он щелкнул замком и проверил, надежен ли он. Все это время лис, обезумевший от страха, лежал смирно, не смея шевельнуться.

— Ну, Смирре-лис, надеюсь, из тебя выйдет добрый цепной пес! — пошутил мальчик, когда все было кончено.

XXXIV САГА ОБ УПЛАНДЕ

Четверг, 5 мая

На другое утро дождь прекратился, но ветер продолжал бушевать, а вода все поднималась. Но сразу же после обеда неожиданно наступил перелом и установилась вдруг чудесная погода, стало тепло, тихо и отрадно.

Мальчик в прекрасном расположении духа лежал на большой болотной кочке, поросшей нарядной цветущей калужницей, и смотрел ввысь, в голубое небо. В это время он услышал детские голоса. Два маленьких школьника с книгами и корзинками со съестным медленно плелись по узенькой тропке, змеившейся вдоль берега. Вид у них был самый несчастный. Дети подошли совсем близко и, не заметив Нильса, уселись на камне прямо против него.

— Ну и разгневается же матушка, когда узнает, что мы и нынче не ответили урок, — сказал один.

— Да и отец тоже, — добавил другой. И оба, не в силах превозмочь своего горя, громко заревели, к великому удивлению Нильса.

Он уже подумывал, как бы ему утешить чем-нибудь малышей, но тут на тропинке показалась маленькая сгорбленная старушка с милым и добрым лицом. Увидев школьников, она остановилась.

— Что вы плачете, дети? — спросила старушка, и они рассказали ей, что не смогли ответить в школе урок, а теперь им совестно и они не хотят идти домой.

— О чем же был этот трудный урок, который вы не смогли выучить? — спросила старушка.

Дети ответили, что урок был обо всей провинции Упланд.

— Да, может, оно и нелегко учиться по книгам! — посочувствовала старушка, потом добавила: — Вот послушайте-ка, какую историю рассказывала мне когда-то моя матушка об этом крае. Я-то в школу не хаживала, ученой премудрости набраться не могла, но рассказы матушки на всю жизнь запомнила.

— Так вот, значит, сказывала матушка, — начала старушка, присев на камень рядом с детьми, — что в давние-предавние времена была Упланд самой бедной и самой неприглядной из всех шведских провинций. Ничего-то там, кроме тощих глинистых полей да приземистых каменистых холмов, не было. Да так оно, пожалуй, и поныне еще остается во многих местах, хотя нам, тем, кто живет в низине, у самого озера Меларен, эти поля и холмы

почти не видны.

Ну вот, так ли, этак ли, только была Упланд и впрямь бедна и убога. И понимала к тому же, что другие провинции считают ее самой ничтожной. Разобрала тут Упланд досада, и так надоела ей эта нищета, что надела она однажды котомку на спину, взяла посох в руки да и отправилась просить милостыни у тех, кому в жизни больше повезло.

Двинулась сначала Упланд на юг и дошла до самой провинции Сконе. Пришла туда, стала жаловаться на бедность и попросила землицы.

— Ума не приложу, что подавать всем этим попрошайкам! — сказала Сконе. — Ну ладно, дай-ка погляжу! А вот! Я недавно вырыла несколько ям, где добывают мергель. Забирай себе землю, которую я выбросила на обочину. Может, она тебе и сгодится.

Поблагодарила Упланд, приняла подарок и направилась в провинцию Вестеръётланд. Здесь она тоже пожаловалась на бедность и попросила землицы.

— Землицы я тебе не дам, — сказала ей Вестеръётланд. — Стану я свои плодородные поля всяким нищенкам раздавать! Хочешь, бери одну из мелких речушек, которые по равнине текут, может, она тебе на что-нибудь да сгодится.

Поблагодарила ее Упланд и завернула в провинцию Халланд. Стала она тут снова жаловаться на бедность и попросила землицы.

— Я не богаче тебя, — отвечала Халланд, — и не мне тебя одаривать. Но можешь выломать себе несколько скал и взять их с собой, если сочтешь, что это окупит твои труды.

Поблагодарила Упланд, приняла подарок и направилась к провинции Бохуслен. Здесь позволили ей набрать в котомку жалких голых шхер — столько, сколько захочется.

— С виду-то они неказисты, зато хорошо защищают от ветра, — объяснила Бохуслен. — Они тебе сгодятся, раз ты, как и я, прибрежная жительница.

Упланд была благодарна за любые дары; она принимала все, не отказываясь, хотя повсюду получала только то, от чего все были рады избавиться. Провинция Вермланд швырнула ей скального грунта. Вестманланд дала цепь горных кряжей. Провинция Эстеръётланд подарила часть дремучего леса Кольморден, а Смоланд почти доверху наполнила ее котомку торфяными болотами, каменистыми осыпями да холмами, поросшими вереском.

Провинция Сёрмланд не пожелала дарить ничего, кроме нескольких заливов на озере Меларен. Далекарлия также решила, что ни единого клочка суши не уступит, и спросила, не

удовольствуется ли Упланд частью реки Дальэльвен.

Напоследок Упланд получила от Нерке несколько заболоченных лугов на берегу озера Йельмарен, и вот тогда-то котомка ее оказалась набитой доверху. Тут Упланд решила, что нет ей больше нужды странствовать и побираться.

Вернулась она домой, стала вынимать все, что насобирала, и тяжко вздохнула: уж больно много всякого хлама ей надавали. Стала она ломать голову, как бы сделать так, чтобы извлечь хоть какую ни на есть пользу от этих даров.

Шли годы, а Упланд без устали благоустраивала свои владения, украшала их. Так что под конец получилось у нее все так, как ей того хотелось.

А в то время шли споры, где в Швеции жить королю и где быть столице государства. Вот и собрались все провинции на совет. Ясно, каждой хотелось, чтобы король ей достался.

Спорили они, спорили, а под конец Упланд и говорит:

— Король, по-моему, должен жить в провинции, которая всех умнее и рачительней.

Все сочли, что это мудрые слова, и решили: провинция, которая покажет себя самой умной и дельной, получит короля и столицу в придачу.

Провинции еще и домой не успели вернуться, а Упланд — тут как тут — гонцов во все края рассылает и всех к себе в гости зовет.

— Уж какое там гостеприимство может оказать нам этот нищий край? — удивились провинции, но приглашение приняли.

А как явились в Упланд, ахнули: застроен весь край чудесными усадьбами, на побережьях стоят города, а по водам, что Упланд окружают, целые флотилии кораблей плывут.

— И не стыдно тебе при таком-то богатстве побираться! — попрекнули ее другие провинции.

— Я позвала вас, чтобы сказать спасибо за ваши дары, — ответила Упланд. — Это благодаря вам я теперь благоденствую.

Первое, что я сделала, когда вернулась домой, — продолжала она, — это провела реку Дальэльвен по своим владениям и устроила на ней два мощных водопада: один у селения Сёдерфорс, другой у Эльвкарлебю. К югу от реки, у Даннемуры, положила я скальный грунт; его я от провинции Вермланд получила. И вот чудо! Она, видать, проглядела, что мне подарила! Грунт-то весь был из железной руды! А вокруг я насадила лес, который отдала мне провинция Эстеръётланд. Ну а коли в одном месте скопились и руда, и вода, и лес, где можно добывать древесный уголь, — ясное дело, быть здесь богатому руднику!

После того, как я все так благоустроила на севере, взялась я за горные кряжи Вестманланда да и растянула их до самого озера Меларен. Образовали они там мысы и острова, а те оделись в зелень и стали прекрасны, точно волшебные сады. Заливы же, которые мне Сёрмланд подарила, я сузила так, что они врезались далеко в сушу и углубились так, что стали пригодны для судоходства и смогли завязать знакомство со всем миром.

Справилась я на севере и на юге со всеми делами и двинулась к восточному берегу. Собрала я там все голые шхеры, скалистые холмы, вересковые пустоши и бесплодные земли, что вы мне от щедрот своих уделили, и бросила их в море. Из них-то и получились мои скалистые острова с островками. А уж для рыболовства и судоходства ничего лучше не придумаешь! Я считаю их наиважнейшим своим богатством.

После этого оставались у меня те несколько горсток земли, которые получила я от Сконе. Их я определила в самую середину плодородной долины Ваксаласлеттен. А медлительную речку, что подарила мне провинция Вестеръётланд, я пустила через равнину и соединила ее с заливами озера Меларен.

Поняли тут провинции, как дело делалось, и хоть они и были чуть раздосадованы, но не могли не признать, что Упланд распорядилась всем как нельзя лучше.

— Многого ты достигла малыми средствами! — сказали провинции. — Стало быть, ты и есть самая мудрая и самая рачительная из нас!

— Спасибо вам на добром слове! — поблагодарила Упланд. — Раз вы так говорите, стало быть, король со столицей мне и достанется!

Разгневались тут было провинции, да что поделаешь? От своих слов негоже отступаться!

Получила Упланд короля со столицей и стала наипервейшей из всех областей Швеции. Но было это вполне справедливо. Ведь разум да рачительность и должны возвышать тех, кто ими наделен.

XXXV В УПСАЛЕ

Четверг, 5 мая

СТУДЕНТ

В те времена, когда Нильс Хольгерссон путешествовал по свету с дикими гусями, учился в Упсале один прекрасный молодой человек. Жил он в маленькой мансарде и был столь скромен в своих расходах, что люди говорили, будто он воздухом питается. К занятиям он готовился прилежно и справлялся с ними быстрее и лучше, чем кто бы то ни было. Но он не был ни зубрилой, ни ученым занудой, а умел и повеселиться с товарищами. Словом, был такой, каким и должен быть настоящий студент. Его не в чем было бы упрекнуть, если б успехи не вскружили ему немножко голову. Но с кем не бывает! Успех не каждому по плечу, особенно в юности.

Проснувшись однажды утром, студент лежал и думал о том, как хорошо ему живется. «Все меня любят, и товарищи, и преподаватели, — сказал он самому себе. — А как успешно идут у меня занятия! Сегодня я сдам последний экзамен, а скоро и учебе конец. Если я кончу курс в срок, найдется для меня и место с хорошим жалованьем. Чудо, как мне везет! Ну да я это заслужил, я столько работаю, что счастье должно следовать за мной по пятам».

Студенты не сидят вместе по классным комнатам на уроках, как школьники, — они занимаются каждый у себя дома. Как справятся с чем-нибудь одним, идут к своим профессорам для беседы по всему этому предмету сразу. Такая проверка знаний и называется «экзамен» или иногда «предварительный экзамен». В тот самый день нашему студенту предстояло сдать последний и самый трудный из них.

Он оделся и, позавтракав, сразу же сел за письменный стол, чтобы напоследок еще разок заглянуть в свои книги. «Хоть это ни к чему при моей подготовке, все же подзубрю еще немного, чтобы потом мне не в чем было бы себя упрекнуть».

Он занимался совсем недолго, как вдруг в дверь постучали и в комнату вошел юноша, тоже студент, с толстой кипой бумаг под мышкой. Но этот студент был совсем не похож на сидевшего за письменным столом — застенчивый, робкий и бедный, в старом поношенном платье. Если он и знал в чем-то толк, то только в книгах. О нем говорили, что он, должно быть, очень умный и ученый. Но сам он был так в себе неуверен, так всегда боялся и

стеснялся, что ни разу не осмелился пойти сдать экзамен. Все считали его «вечным студентом», который из года в год будет пребывать в Упсале, без конца учиться и учиться, но все равно из него никогда ничего путного не выйдет.

Сейчас этот «вечный студент» хотел попросить товарища прочитать книгу, которую он написал. Это была не напечатанная книга, а пока всего лишь рукопись.

— Ты сделаешь мне большое одолжение, если прочитаешь мою рукопись, — сказал он. — Посмотри, стоящее ли это сочинение.

Студент, которому так во всем везло, подумал: «Верно я говорю, что все меня любят. Даже этот нелюдим решился показать свою работу не кому-нибудь, а только мне. Он хочет знать мое суждение о ней».

Он пообещал прочитать рукопись как можно скорее, и второй студент положил ее перед ним на стол.

— Береги рукопись, — попросил он. — Я работал над ней целых пять лет, и если она пропадет, мне ее не восстановить.

— Ничего дурного с ней не случится, пока она лежит у меня на столе, — успокоил его хозяин комнаты.

И тот ушел.

Студент придвинул к себе толстую кипу бумаг.

— Интересно, что он тут накропал, — сказал он. — А, «История города Упсаль»! Неплохо!

Студент этот любил Упсалу больше всех других городов на свете, и его разобрало любопытство, что же написал «вечный студент» об этом городе.

— Вообще-то я могу и сейчас приняться за чтение, — пробормотал он. — Все равно бесполезно зубрить в последнюю минуту, от этого больше знать не будешь.

Студент стал читать и не мог оторваться от рукописи, пока не прочитал все до последней страницы. А закончив, изумленно воскликнул:

— Вот это да! Ну и молодец! Вот это ученый! Когда книга выйдет в свет, его карьера сделана. Мне доставит большую радость сказать ему, что рукопись хороша!

Он аккуратно собрал все разрозненные листки бумаги, бережно положил их на стол. И тут услыхал бой часов.

— Боже мой! Ведь меня ждет профессор! — спохватился он и бросился на чердак, где в кладовой висела его черная форменная одежда. Как часто бывает, когда люди спешат, замок и ключ не слушались его, и прошло довольно много времени, пока студент вернулся назад.

На пороге он громко вскрикнул. В спешке студент оставил

дверь распахнутой, а окно, у которого стоял письменный стол, было тоже открыто. И студент, войдя в комнату, увидел, как листы рукописи, кружась на сильном сквозняке, уносились один за другим в окно. Одним прыжком он подскочил к столу и прикрыл ладонью бумаги. Но спасти смог совсем немного. На письменном столе оставалось всего десять или двенадцать страниц рукописи. Остальные уже плясали на ветру над дворами и крышами.

Студент высунулся из окна, чтобы посмотреть, куда улетели листы бумаги. На выступе крыши у чердачного окошка он увидел черную птицу, глядевшую на него с какой-то насмешливой торжественностью. «Это, похоже, ворон, — подумал студент. — Наверно, правду говорят, что вороны предвещают беду».

Несколько листов бумаги еще лежали на крышах. Он, конечно, мог бы спасти по крайней мере большую часть утраченного, если бы ему не нужно было сдавать экзамен. Но он посчитал, что в первую очередь должен заняться собственными делами. «Ведь от этого зависит все мое будущее», — подумал он.

Надев студенческую форму, он помчался к профессору. Но и по дороге мысль о потерянной рукописи не оставляла его. «Какой досадный случай! — думал он. — И как на беду, мне надо спешить».

Профессор начал задавать ему вопросы, но студент все никак не мог отделаться от мысли о рукописи. «Что такое сказал перед уходом этот несчастный? — пытался он вспомнить. — Ах да… он работал над книгой пять лет… и не сможет ее восстановить. Не знаю, как мне набраться храбрости сказать ему, что рукопись пропала?!»

Студент был страшно взволнован всем случившимся и не мог собраться с мыслями. Все его знания точно ветром сдуло. Он плохо понимал вопросы профессора и нес в ответ какую-то чепуху. Профессор пришел в ужас от его невежества и в конце концов вынужден был сказать, что экзамен студент провалил.

Выйдя на улицу, тот почувствовал себя самым несчастным человеком на свете. «Ну, теперь не видать мне места, на которое я рассчитывал, — подумал он. — А во всем виноват этот «вечный студент». И угораздило же его явиться с рукописью как раз сегодня! Вот так всегда и бывает, когда оказываешь другим услуги».

Тут студент увидел, что навстречу ему идет тот, о ком он думал. У него мелькнула мысль пока не говорить про рукопись, а сначала попытаться найти ее, и он, неприветливо кивнув, хотел было пройти мимо. Увидев это, «вечный студент», который как раз думал, что скажет товарищ о его книге, крайне испугался и,

схватив студента за рукав, спросил, прочитал ли тот его работу.

— Я сдавал экзамен, — нетерпеливо ответил студент.

Но второй подумал, что товарищу не понравилась книга и поэтому он избегает его. Значит, работа, которую он писал целых пять лет, никуда не годится! «Вечному студенту» показалось — сердце его вот-вот разорвется! В отчаянии он сказал:

— Послушай! Если книга никудышная, я не желаю ее больше видеть! Прочитай рукопись побыстрее и скажи, что ты о ней думаешь. Если же она никуда не годится, можешь ее сжечь, я в самом деле больше не хочу ее видеть!

И, круто повернувшись, ушел. Студент посмотрел ему вслед, словно собираясь окликнуть, но раздумал и пошел домой.

Дома он поспешно переоделся в будничное платье и побежал разыскивать рукопись. Он искал всюду: на улицах, на рыночной площади, в садах, во дворах, побывал даже за городом. Но так и не смог найти ни одного листка.

Прошло уже несколько часов в безуспешных поисках; он проголодался и решил пообедать. Но в харчевне он снова встретил «вечного студента», который тут же подошел к нему в надежде услышать хоть что-нибудь о своей книге.

— Я сам приду к тебе вечером и все расскажу, — резко и холодно сказал студент. Он решил не сознаваться, что рукопись потеряна, пока окончательно не убедится: найти ее невозможно. «Вечный студент» страшно побледнел.

— Ты помнишь? Если она никуда не годится, уничтожь ее! — повторил он и ушел в полной уверенности, что товарищ не доволен его книгой.

А тот снова поспешил в город и продолжал поиска, пока не стемнело. Но он так ничего и не нашел. На обратном пути ему встретилось несколько однокашников.

— Где ты пропадал, почему не пришел на наш весенний праздник? — спросили они.

— А разве был весенний праздник? — спросил студент — Я совсем позабыл о нем.

В это время в толпе промелькнула молодая девушка, которую он любил. Она прошла мимо, беседуя с каким-то молодым человеком и мило ему улыбаясь, и даже не взглянула на нашего студента. Тут только он вспомнил, что пригласил ее на весенний праздник… А сам туда даже не явился! Что она теперь о нем подумает?

Его больно кольнуло в сердце, и он хотел поспешить за ней следом, но вдруг один из его друзей сказал:

— Знаете, этому «вечному студенту» Стенбергу худо. Сегодня вечером он заболел.

— Надеюсь, ничего опасного? — быстро спросил студент.

— Что-то с сердцем. У него был тяжелый приступ, который может с минуты на минуту повториться. Врач считает, что больного гнетет какое-то горе, и если устранить причину этого горя, ему может стать лучше.

Вскоре наш студент уже входил в комнату «вечного студента». Тот лежал в кровати, бледный, измученный тяжелым приступом.

— Я пришел поговорить о твоей книге, — сказал студент. — Знаешь, это — великолепная работа! Мне редко приходилось читать что-либо более прекрасное!

«Вечный студент», с трудом приподнявшись с постели, посмотрел на товарища.

— Почему же ты так странно вел себя в полдень?

— Я был в дурном настроении, так как не сдал экзамена. Я не думал, что для тебя так важно мое мнение. Твоя книга очень хороша.

Больной недоверчиво взглянул на него: он был уверен, что товарищ скрывает от него правду.

— Ты, верно, слыхал про мою болезнь и хочешь утешить меня, потому так и говоришь!

— Вовсе нет. Твоя книга — прекрасна! Поверь мне!

— Так ты в самом деле не уничтожил ее, как я просил?!

— Что я, с ума сошел?!

— Тогда принеси ее сюда! Покажи мне, что ты ее не уничтожил, и я тебе поверю! — прошептал больной, опускаясь на подушки, такой слабый и истомленный, что студент испугался, как бы приступ не начался снова.

Какой мучительный стыд почувствовал наш студент! Взяв руки больного в свои, он рассказал ему всю правду. Рассказал, как листки рукописи сдуло ветром и как худо ему было целый день — ведь он причинил товарищу такое горе!

Когда он кончил свой рассказ, больной похлопал его по руке.

— Как ты добр ко мне, по-настоящему добр! Ты сочиняешь истории, желая пощадить меня! Я все понимаю! Ты послушался меня и уничтожил плохую рукопись, но не хочешь признаваться в этом теперь… ты думаешь, я этого не перенесу.

Студент стал уверять его, что говорит правду, но больной упорно стоял на своем и не хотел ему верить.

— Тогда верни мне рукопись, и я тебе поверю, — повторил он.

Ему становилось все хуже, и студент вынужден был уйти, чтобы не причинять больному страданий.

Вернувшись домой, студент почувствовал такую тяжесть на

душе, такую усталость, что едва мог держаться на ногах. Вскипятив чай, он тут же лег в постель и, натянув одеяло, вспомнил, как счастлив был утром! А теперь… сам испортил свою карьеру… Но это еще можно бы пережить…

«Хуже всего то, что я принес горе другому человеку. И никогда себе этого не прощу», — казнился он, а потом подумал: «Сегодня ночью мне не уснуть».

Но, как ни странно, стоило ему положить голову на подушку, как он тут же задремал, даже не успев потушить лампу, горевшую на ночном столике.

ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК

Случилось так, что в тот миг, когда студент заснул, на выступе крыши против окошка чердака появился крошечный человечек, в желтых кожаных штанах, зеленой безрукавке и белом колпачке. Малыш стоял, глядя на спящего и думая: будь он на месте студента, который лежит на кровати, он считал бы себя счастливым.

Всего несколько часов тому назад Нильс Хольгерссон отдыхал у бухты Экольсундсвикен на болотной кочке, поросшей калужницей, а в Упсале он очутился по прихоти Батаки-ворона, который выманил мальчика на поиски приключений.

Сам Нильс ни о чем подобном и не помышлял. Он лежал на кочке и смотрел в небо, как вдруг увидел, что среди проносящихся над ним облаков летит Батаки. Мальчик хотел было спрятаться от ворона, но Батаки уже заметил его. Мгновение — и ворон, стоя среди цветов калужницы, заговорил с Нильсом, словно он и Малыш-Коротыш были лучшими друзьями.

Мальчик заметил, что при всей мрачности и важности Батаки в глазах его прыгали чертики. Не иначе, ворон прилетел лишь ради того, чтобы потешиться над ним. И Нильс решил не обращать внимания на его слова.

Батаки сказал, что все время думал о том, как бы отблагодарить Малыша-Коротыша. Ведь он не мог ему сказать, где находится львиная доля брата. Вот он и прилетел сюда, желая поведать Малышу-Коротышу другую важную тайну: как заколдованному домовым мальчику снова стать человеком.

Ясное дело, ворон думал, будто мальчик тотчас попадется на удочку, раз он бросил ему такую наживку. Но Нильс холодно ответил, что он снова станет человеком, если сумеет доставить белого гусака целым и невредимым сначала в Лапландию, а потом и на юг, в Сконе.

— Не легко провести гусака в целости и сохранности через

всю страну, — прокаркал Батаки. — Тебе следовало бы иметь про запас другое средство, если это не поможет. Но раз ты не желаешь ничего слышать, что ж, я молчу.

Тут мальчик возразил, что он не против, если Батаки хочет поведать ему еще одну тайну.

— Так я и сделаю, но только в подходящее для этого время. Садись ко мне на спину и полетим. Может, во время полета нам подвернется такой благоприятный случай.

Мальчик снова заколебался, так как не знал, что за птица этот Батаки.

— Ты боишься мне довериться? — спросил ворон.

Но мальчик терпеть не мог, когда говорили, будто он чего-то боится. Миг — и он уже сидел на спине ворона. Батаки полетел с ним в Упсалу. Там он посадил мальчика на крышу какого-то дома, велел сначала осмотреться, а потом спросил, кто, по его мнению, живет в этом городе и кто им управляет.

Мальчик огляделся по сторонам. Это был довольно большой город, раскинувшийся посреди широкой возделанной равнины. Здесь было множество великолепных и нарядных домов, а на одной из возвышенностей стоял сложенный из камня замок с мощными стенами и двумя могучими башнями.

— Может, здесь живут король и его слуги? — спросил он.

— Молодец, верно отгадал, — ответил ворон. — В давние времена здесь короновались шведские короли, но потом город утратил свое великолепие.

Мальчик еще раз посмотрел вокруг и обратил внимание на большой собор с прекрасными порталами и изукрашенными стенами. Вечерняя заря играла на трех его высоких башенных шпилях.

— Может, здесь живут епископ и его причт? — спросил он.

— Молодец, верно отгадал! — ответил ворон. — Здесь некогда жили архиепископы, столь же могущественные, как и сами короли. Тут и ныне живет архиепископ, но управляет городом вовсе не он.

— Тогда я не знаю, что и думать, — сказал мальчик.

— Этим городом управляет наука, — ответил ворон. — И большие здания, которые ты видишь вокруг, воздвигнуты для нее и ее служителей.

Мальчик не мог этому поверить.

— Летим со мной, сам увидишь! — позвал Нильса ворон.

Они полетели и стали кружить между большими домами. Многие окна были отворены. Мальчик заглядывал то в одно, то в другое и убеждался, что ворон говорил правду.

Батаки показал ему огромную библиотеку — вместительный

старинный дом, весь — от подвалов до конька крыши — заполненный книгами. Затем ворон перенес Нильса к величественному зданию университета и показал великолепные залы, где читали лекции. Они пролетели мимо старинного здания, именуемого Густавианум,[38] в окнах которого виднелись чучела разных животных, и над большими оранжереями со множеством заморских растений, и над обсерваторией, откуда длинная подзорная труба была направлена прямо в небо.

Мимо проплывали многочисленные окна, в которых они видели почтенных стариков с очками на носу. Старики сидели и писали либо читали в комнатах, стены которых были сплошь заставлены книгами. Ворон с Нильсом пролетали и мимо чердачных каморок, где студенты корпели над толстыми старыми книгами.

Наконец ворон опустился на какую-то крышу.

— Ну как, правду я говорю: этим городом управляет ученая премудрость? — спросил он.

И мальчик признал, что он прав.

— Не будь я ворон, — продолжал Батаки, — а всего лишь человек, как ты, я бы поселился здесь и изо дня в день сидел бы в комнате, битком набитой книгами, и изучал бы все подряд. А у тебя нет охоты учиться?

— Нет, уж лучше летать по свету с дикими гусями, — ответил мальчик.

— А не хотел бы ты стать тем, кто исцеляет разные болезни? — спросил ворон.

— Может, и хотел бы!

— А не хотел бы ты стать тем, кто знает обо всем, что творится в мире, говорит на разных языках и может сказать, по каким дорогам странствуют в небе солнце, месяц и звезды? — спросил ворон.

— Вот это было бы занятно!

— А не хотел бы ты научиться различать добро и зло, справедливость и несправедливость?

— Это пригодилось бы, — сказал мальчик. — Но это я и сам иной раз без всякой науки делал.

— А не хотел бы ты выучиться на пастора и читать проповеди в вашей приходской церкви?

— Отец с матерью куда как обрадовались бы, коли б я так далеко пошел, — ответил мальчик.

Ворон, задавая Нильсу вопросы, дал ему понять, что те, кому довелось жить в городе Упсала и учиться в тамошнем университете, — счастливчики. Но и это еще не пробудило у Малыша-Коротыша охоту стать одним из них.

Так уж нечаянно случилось, что большой весенний праздник, который каждый год празднуют в Упсале, состоялся в тот самый вечер.

И тут Нильсу Хольгерссону довелось увидеть шествие студентов к Ботаническому саду,[39] где и должен был начаться праздник. Все в белых шапочках, они шли широкими длинными рядами, и улица напоминала темный водный поток, усеянный белыми кувшинками. Студенты несли белые шелковые, шитые золотом флаги и пели в честь весны. Вдохновенные песни как бы сами собой парили над их головами, так что Нильсу Хольгерссону показалось даже, что это не студенты, а сама весна, притаившись где-то, поет свои солнечные гимны. Он и представить себе не мог, что обыкновенные люди могут так прекрасно петь. Их пение напоминало то шорох ветра в хвойных вершинах, то звон металла, то клики диких лебедей на взморье.

В Ботаническом саду, где лужайки успели покрыться светлой весенней зеленью и уже начали распускаться листья на деревьях, все остановились перед трибуной, и молодой статный человек, взойдя на нее, стал говорить.

Трибуна была воздвигнута на крыльце одной из больших оранжерей, и ворон посадил мальчика на крышу этой оранжереи. Там он тихонько и просидел весь праздник и слышал речи выступавших. Под конец место на трибуне занял какой-то старец. Он сказал, что самое лучшее в жизни — это молодые годы и возможность провести их в Упсале. Он говорил о ни с чем не сравнимом счастье научного труда в тиши библиотек и о тех многих светлых юношеских радостях, которыми нигде нельзя так насладиться, как здесь, в дружном студенческом кругу. Не раз возвращался он в своей речи к мысли о том, какое это счастье — жить среди веселых, благородно мыслящих товарищей. Именно благодаря им, говорил он, труд становится столь сладостным, надежды — столь светлыми, а горе так быстро забывается.

Мальчик, слушая его и глядя сверху на студентов, которые полукругом стояли перед трибуной, начал понимать, что и в самом деле прекраснее всего — быть среди них. Это — высокая честь, это — большое счастье! Всякий становится чуть лучше и выше, если он не живет одиночкой, а принадлежит к подобному товариществу!

Затем снова зазвучала песня, а после песни опять стали произносить речи. Мальчик прежде и представить себе не мог, как можно так складно соединять слова, что они обретают над людьми власть, волнуют, приободряют и радуют.

Нильс Хольгерссон смотрел все больше на студентов, однако в саду были не только они. И Нильс это заметил. Сюда пришли и

юные девушки в светлых одеждах, в красивых весенних шляпках и много другого народу. Но казалось, все, так же как и мальчик, явились туда только ради того, чтобы взглянуть на студентов.

Порой речи и песни прерывались, и тогда молодежь растекалась по всему саду. Однако вскоре начинал говорить новый оратор, и тотчас же вокруг него собиралась толпа слушателей. Так продолжалось до тех пор, пока не наступил вечер.

Когда праздник кончился, мальчик глубоко вздохнул и протер глаза, словно пробуждаясь ото сна. Эти люди, полные радости жизни, уверенные в светлом будущем, словно заражали всех своим счастьем и весельем. Вместе с ними и мальчик как будто очутился в далекой стране радости, где никогда прежде ему бывать не доводилось. Но когда отзвучала последняя песня, он почувствовал, как печальна его собственная жизнь, и ему стало так горько, что не захотелось даже возвращаться к своим бедным спутникам.

Ворон, сидевший рядом с Нильсом, закаркал ему в ухо:

— А теперь, Малыш-Коротыш, я научу тебя, как снова стать человеком! Когда встретишь кого-нибудь, кто скажет, что охотно очутился бы на твоем месте и летал бы по свету с дикими гусями, ты не зевай, а ответь ему… — И тут Батаки тихонько сказал прямо в ухо мальчику несколько слов, таких могущественных и опасных, что произнести их вслух было никак нельзя; их можно было только прошептать, если не желаешь всерьез испытать их силу.

— Ну, вот и все, после этих слов ты снова станешь человеком, — сказал под конец Батаки.

— Нет, вряд ли такое случится, — возразил мальчик, — потому что я, верно, никогда не встречу кого-нибудь, кто пожелал бы очутиться на моем месте.

— Всякое может случиться, — загадочно произнес ворон.

Он полетел с мальчиком в город и посадил его на выступ какой-то крыши перед окошком мансарды. В каморке горела лампа, окно было приотворено, и мальчик довольно долго стоял там, думая о том, как, должно быть, счастлив тот студент, который спит в этой каморке.

ИСПЫТАНИЕ

Студент очнулся ото сна и увидел, что на ночном столике горит лампа. «Надо же, я забыл ее погасить», — подумал он и приподнялся на локте, чтобы прикрутить фитиль. Но не успел он дотянуться до лампы, как увидел, что на письменном столе кто-то

шевелится.

Комната была совсем маленькая. Между кроватью и столом оставался лишь узенький проход, и студент отчетливо видел свои книги, бумаги, письменные принадлежности и фотографии, которыми был завален стол, а также спиртовку и чайный поднос, оставленные на столе с вечера. Но всего удивительней, что так же отчетливо, как и все прочее, он видел какого-то крошечного человечка; склонившись над масленкой, человечек готовил себе бутерброд.

Студент столько пережил за вчерашний день, что им владело какое-то отупение. Он не удивился, не испугался такого зрелища, а лишь подумал равнодушно: «Ничего особенного. Малыш, как видно, пришел перекусить».

Студент снова улегся, так и не потушив лампы, и, полузакрыв глаза, стал следить за малышом. Тот уселся на пресс-папье и принялся за еду. Один за другим он уписывал бутерброды из остатков ужина студента, закатывая от удовольствия глаза и причмокивая губами. Как видно, сухие корочки хлеба и черствая горбушка сыра были для него редчайшими лакомствами.

Не желая ему мешать, студент подождал, пока малыш насытится, и только тогда заговорил с ним:

— Эй! Ты кто такой?

От неожиданности мальчик резко вскочил и побежал к окошку, но видя, что студент спокойно продолжает лежать и не преследует его, остановился.

— Я — Нильс Хольгерссон из Вестра Вемменхёга, — сказал он. — Я — человек, как и ты, но меня заколдовали, превратили в домового, и с тех пор я летаю по свету со стаей диких гусей.

— Неслыханная история! — изумленно воскликнул студент и учинил мальчику форменный допрос. Он долго расспрашивал его и узнал почти все, что тот пережил с тех пор, как улетел из дому.

— До чего тебе славно живется! — позавидовал студент. — Эх, хорошо бы очутиться на твоем месте и улететь от всех забот!

Батаки-ворон ожидал Нильса снаружи, на подоконнике, и, услышав слова студента, предупреждающе постучал клювом в окно. Нильс понял, что ворон боится, как бы он не сплоховал, если студент произнесет нужные слова.

— О, неужто ты захочешь поменяться со мной? — спросил мальчик. — Разве может студент желать стать кем-нибудь другим?

— Точно так думал и я, проснувшись сегодня утром, — ответил студент. — Но если бы ты только знал, что случилось со мной потом! Теперь мне конец! В самом деле, для меня лучше было бы улететь с дикими гусями!

Мальчик снова услыхал, как Батаки стучит клювом в окно, и от волнения у него даже закружилась голова и забилось сердце — казалось, студент вот-вот произнесет нужные слова.

— Я рассказал тебе обо всем, что случилось со мной, — обратился он к студенту, — может, и ты расскажешь, что же стряслось с тобой?

Студент страшно обрадовался. Наконец-то он мог кому-то довериться и откровенно рассказать обо всем, что с ним приключилось.

— Все бы ничего, — сказал он под конец, — если бы только я не принес беды товарищу. И самое лучшее для меня было бы очутиться на твоем месте и летать по свету с дикими гусями!

Батаки опять громко застучал клювом в окно, но мальчик сидел молча, глядя в одну точку.

— Погоди немного, скоро ты услышишь обо мне! — тихим голосом сказал он наконец студенту, прошел медленным шагом по всему письменному столу и вышел через окно на крышу. Уже всходило солнце, и Упсалу залил нежный розовый свет зари. Все башни и башенки празднично засверкали, заискрились, и мальчик не мог не сказать еще раз самому себе: этот город — поистине город радости.

— Что ты наделал? — накинулся на Нильса ворон. — Теперь ты навсегда утратил надежду стать человеком.

— Неохота мне меняться местами со студентом, — засмеялся мальчик. — Меня ждали бы одни только беды из-за этих листков бумаги, которые унес ветер.

— Нашел из-за чего печалиться, — усмехнулся Батаки. — Да я могу хоть сейчас принести их обратно.

— Что можешь, то можешь, это верно, — согласился мальчик, — только принесешь ли? Хотелось бы сперва их увидеть.

Батаки не произнес ни слова. Взмахнув крыльями, он улетел и вскоре вернулся назад с несколькими листками бумаги в клюве. Целый час он летал взад-вперед, прилежный как ласточка, таскающая глину для своего гнезда, и приносил мальчику один листок за другим.

— Погляди, здесь, кажется, почти все, — запыхавшись, каркнул он наконец и снова пристроился у окна.

— Спасибо тебе! — поблагодарил мальчик. — Теперь пойду, потолкую со студентом.

Вдруг Батаки, бросив взгляд в комнату, увидел, что студент разглаживает листы рукописи и складывает их по порядку.

— Такого дурака, как ты, я еще не встречал! — налетел Батаки на мальчика. — Ты успел отдать рукопись студенту?! Тогда нечего больше ходить к нему. Теперь уж он не скажет, что

хочет очутиться на твоем месте.

А мальчик с улыбкой смотрел на студента, который, вне себя от радости, в одной рубашке начал вдруг плясать в своей каморке.

Тут мальчик повернулся к ворону и сказал:

— Я все понял, Батаки. Ты ведь хотел испытать меня, не правда ли? Ты, наверно, думаешь, что, если я только смогу стать снова человеком, я брошу Мортена-гусака и ему самому придется заботиться о себе во время этого тяжелого путешествия. Но когда студент рассказал свою историю, я понял, как ужасно изменить товарищу. И этого я никогда не сделаю.

Батаки почесал лапкой затылок. Он был сконфужен. Не найдя что ответить, он молча подставил мальчику спину, и они полетели назад, к диким гусям.

XXXVI ДУНФИН-ПУШИНКА

ГОРОД, КОТОРЫЙ ПЛАВАЕТ НА ВОДЕ

Пятница, 6 мая

Казалось, никого на свете не было милее и добрее маленькой серой гусыни Дунфин-Пушинки. Все дикие гуси очень ее любили, а белый гусак готов был ради нее пойти на смерть. Когда Пушинка о чем-нибудь просила, даже Акка не могла сказать «нет».

Лишь только гуси очутились в окрестностях озера Меларен, Пушинка сразу начала узнавать родные места. Вот впереди заблестело море, усеянное островами-шхерами, а там, на небольшом скалистом островке, жили ее родители и сестры. Она попросила диких гусей завернуть к ее дому, прежде чем они продолжат путь на север. Пусть родичи узнают, что она жива. То-то будет радости!

Акка откровенно сказала, что, по ее мнению, родители и сестры Пушинки не отличаются великой любовью, раз бросили ее одну на острове Эланд. Но Пушинка не пожелала признавать справедливость ее слов.

— А что еще им было делать? — спросила она. — Ведь летать я не могла, и они это видели. Не оставаться же им ради меня на острове Эланд!

Чтобы завлечь диких гусей на свой родной островок, Пушинка стала красочно описывать им свой дом в шхерах. Это — скалистый островок, и если глядеть на него издали, можно подумать, что ничего, кроме камней, там нет. Но когда подлетишь ближе, увидишь великолепные гусиные пастбища в ущельях и расселинах. А до чего хорошо высиживать там птенцов среди горных скал! Или меж ивовых кустов! Лучших мест для этого не сыскать! Но самое лучшее на островке — старый рыболов, который там живет. Пушинка слыхала, будто он в молодые годы слыл искуснейшим стрелком и вечно пропадал на взморье, охотясь на птиц. Но теперь, на старости лет, с тех пор, как жена его умерла, а дети разбрелись по свету и он остался один в своем гнезде, рыболов стал заботиться о птицах, обитающих на его шхере. Он не делает по ним ни одного выстрела и другим не позволяет стрелять в птиц! Всегда обходит дозором птичьи гнезда, а когда утки и гусыни сидят на яйцах, приносит им корм. И никто его не боится. Пушинка сама не раз бывала в хижине рыболова и лакомилась крошками хлеба.

Оттого, что рыболов так добр к птицам, их слетается на шхеру великое множество. До чего же там бывает тесно! И если прилетишь поздней весной, может случиться, что все места, где высиживают птенцов, уже заняты! Потому-то родители Пушинки и ее сестры вынуждены были улететь от нее.

Полет на островок занял бы всего один-единственный день, но дикие гуси понимали, что они опаздывают и что лучше бы им лететь прямо на север. Однако Пушинка так долго их упрашивала, что гуси наконец уступили.

Наутро, хорошенько подкрепившись, они поднялись в воздух и полетели на восток через озеро Меларен. Мальчик точно не знал, куда они держат путь, но заметил, что чем дальше они углубляются на восток, тем оживленнее становится на озере и тем гуще заселены берега.

Нагруженные паромы, баржи и шхуны, плоскодонки и рыбачьи лодки направлялись на восток, и туда же, порой обгоняя их, плыли один за другим красивые белые пароходы. Вдоль берегов тянулись проселочные дороги и железнодорожные пути, по ним тоже все двигалось в одну и ту же сторону. Где-то на востоке было, видимо, какое-то место, куда все непременно хотели попасть нынче же утром.

На одном из островов Нильс увидел большой белый замок, а на берегах стали попадаться красивые дома и виллы. Чем дальше на восток, тем чаще и чаще они встречались, а потом уже стояли впритык друг к другу. Вскоре весь берег оказался застроен самыми разными домами. В одном месте высился настоящий замок, в другом скособочилась убогая лачуга. Тут поднималась длинная, приземистая господская усадьба, там — вилла со множеством башенок. Некоторые дома были окружены садами, но большинство из них расположилось в лиственном лесу, окаймлявшем берег, и там не надо было сажать деревья. Но как ни разнились между собой дома, одно было у них общее — от обычных серых и однообразных зданий они отличались нарядной яркой окраской: зеленой, голубой, белой, красной — и казались сверху игрушечными. Мальчик просто залюбовался этими веселыми прибрежными домиками и виллами.

Вдруг Пушинка закричала:

— Теперь я узнаю, где мы! Вон город, который плавает на воде!

Мальчик посмотрел вперед, но сперва ничего не увидел, кроме светлой и прозрачной дымки тумана, клубившегося над водой. Но потом он стал различать высокие башенные шпили и дома со множеством окон. Они то выступали из тумана, то снова скрывались по мере того, как прозрачная дымка двигалась то

туда, то сюда. Но ни единой полоски суши он разглядеть не мог. Все строения, казалось, покоились на воде.

Чем ближе к городу на воде, тем реже и реже встречались им разноцветные, похожие на игрушечные домики. Их сменили мрачные фабричные здания. За высокими заборами тянулись большие склады угля и досок, а у черных, грязных причалов стояли неуклюжие грузовые пароходы. Но простиравшаяся и над ними мерцающая прозрачная дымка удивительно преобразила окрестность, и все казалось величественным, могучим и почти красивым.

Дикие гуси пролетели над фабриками, грузовыми пароходами и уже приближались к окутанным дымкой тумана башенным шпилям. Над головами диких гусей тоже парила легкая, прозрачная, местами розовая, местами светло-голубая дымка. Но внизу туман внезапно сгустился и плотным дымчатым покровом затянул воды и сушу. Он скрыл фундаменты и нижние этажи домов, но верхние вместе с крышей, башнями и фронтонами были хорошо видны. Мальчик мог бы догадаться, что эти дома стоят на холмах и пригорках, но туман скрывал землю, и ему представилось, что они необыкновенно высоки, будто Вавилонская башня. Выплывавшие из молочно-белого тумана, они казались мрачными и черными — ведь солнце еще не показалось на востоке и не могло осветить их.

Мальчик понимал, что летит над большим городом, — со всех сторон из тумана выступали крыши и шпили. Порой в непроницаемой пелене мелькал просвет, и Нильс замечал внизу стремительно несущийся поток, но берега нигде разглядеть не мог. Все это было красиво, но он чувствовал себя немного не в своей тарелке, как бывает всегда, когда встречаешься с чем-то, чего не можешь разгадать.

Когда город остался позади, туман рассеялся и берега, воды и острова стали отчетливо видны. Мальчик обернулся, надеясь получше разглядеть город, но он выглядел теперь еще необычнее. Прозрачная дымка, словно отняв краски у солнечного сияния, парила над городом, отливая ярчайшим багрянцем и то ли синевой, то ли золотом. Дома были ослепительно белыми, будто сотканными из света, а окна и башенные шпили сверкали огнем. И все, как и прежде, плыло по воде.

Дикие гуси направились прямо на восток. Вначале, казалось, все было почти таким же, как у озера Меларен. Сперва они летели над фабриками и мастерскими. Затем на берегах опять появились виллы, а на воде шхуны и пароходы, но теперь уже они приходили с востока и плыли на запад, прямо к городу.

Дикие гуси полетели дальше, и вместо узких заливов и

бухточек озера Меларен да мелких островков перед ними раскинулись более обширные воды и более крупные острова. Суша отодвинулась куда-то в сторону и вскоре, казалось, исчезла. Растительность сделалась более скудной, лиственные деревья более редкими, их вытеснили сосны. Вилл больше не было, зато появились крестьянские домики и рыбачьи хижины.

Дикие гуси летели все дальше и дальше. Им уже больше не встречались крупные заселенные острова, лишь бесчисленное множество мелких шхер было рассеяно по воде. Уже не узкие тесные заливы и не островки, а огромное безбрежное море расстилалось перед гусиной стаей.

Дикие гуси опустились на скалистый островок, и тут мальчик обратился к Пушинке:

— Что это за большой город, над которым мы пролетали?

— Не знаю, как зовется он среди людей, — ответила Пушинка. — Мы, серые гуси, называем его Город, который плавает на воде.

СЕСТРЫ

У Дунфин-Пушинки было две сестры: Вингшён — Прекраснокрылая и Гюльдёга — Златоглазая. Сильные, умные птицы, они, однако, не отличались ни таким мягким, пушистым и блестящим оперением, как у Пушинки, ни таким милым, кротким нравом. Они были еще маленькими желтыми гусятами, когда поняли, что и родителям их, и родичам, и даже доброму рыболову Пушинка больше по душе. И сестры с детства возненавидели ее.

Когда дикие гуси приземлились на шхере, Прекраснокрылая и Златоглазая как раз паслись на маленькой зеленой лужайке неподалеку от берега и сразу же увидели чужаков.

— Глянь-ка, сестрица Златоглазая, какие великолепные дикие гуси разгуливают по нашему островку, — молвила Прекраснокрылая. — Мне редко приходилось видеть птиц с такой дивной осанкой. Глянь-ка, среди них есть и белый гусак! Видала ты кого-нибудь красивее? Он может свободно сойти за лебедя!

Златоглазая согласилась с сестрой и предположила, что это, по-видимому, какие-то знатные чужеземцы прибыли на их островок. Но вдруг, запнувшись на полуслове, она воскликнула:

— Сестрица Прекраснокрылая, сестрица Прекраснокрылая, ты не видишь, кто прилетел вместе с ними?

Тут Прекраснокрылая тоже узнала Пушинку и застыла на месте с разинутым от изумления клювом.

— Неужели это она? — наконец придя в себя, прогоготала

Прекраснокрылая. — Не может быть! Как она затесалась в такое знатное общество? Она давно должна была подохнуть с голоду на Эланде!

— Хуже всего, что она может наябедничать батюшке с матушкой, рассказать им, как мы со всей силой налетели тогда на нее и вывихнули крыло, — молвила Златоглазая. — Кончится тем, что нас сгонят со шхеры!

— Жди беды, раз эта балованная молодка вернулась назад, — злобно прошипела Прекраснокрылая. — Поначалу, пожалуй, умнее всего сделать вид, будто мы ей очень рады. Она ведь ужасно глупа и, верно, даже не догадалась, что мы ее толкнули нарочно.

Пока Прекраснокрылая и Златокрылая гоготали, решая, как им быть, дикие гуси стояли на берегу, расправляя крылья после перелета. Потом они длинной вереницей поднялись на скалистый берег, к расселине в скале, где, как сказала Пушинка, обычно паслись ее родители.

Родители Пушинки были чудесные почтенные птицы. Жили они на островке дольше всех других и всегда помогали советом и делом всем вновь прибывшим. Они тоже видели, как прилетели дикие гуси, но не узнали в их стае Пушинку.

— Вот чудеса, что дикие гуси приземлились как раз на нашей шхере! — сказал хозяин гнезда, отец Пушинки — Замечательные птицы, видно по полету! Но где найти пастбище для такой большой стаи?

— Не так уж у нас и тесно! — молвила его жена, кроткая и добрая, как Пушинка. — Неужто мы не сможем принять как положено этих нежданных гостей?

Когда стая во главе с Аккой приблизилась, родители Пушинки вышли ей навстречу. И только собрались было сказать «Добро пожаловать на наш островок!», как со своего места в хвосте стаи взлетела Пушинка и, опустившись между родителями, вскричала:

— Батюшка! Матушка! Это я! Разве вы не узнаете меня? Я — Пушинка!

Старые гуси не сразу поверили своим глазам, но потом, разумеется, узнали дочь и несказанно обрадовались. Пока дикие гуси, Мортен-гусак, да и сама Дунфин-Пушинка наперебой рассказывали, как она была спасена, прибежали Прекраснокрылая и Златоглазая. Еще издали они стали кричать «Добро пожаловать!» и делали вид, будто страшно радуются возвращению Пушинки, так что та была искренне растрогана.

Диким гусям пришлось по душе на шхере, и они решили отправиться в путь на следующее утро. Тут сестры спросили

Пушинку, не хочет ли она поглядеть, где они собираются вить гнезда. Пушинка согласилась и последовала за ними. Места, которые выбрали себе сестры, были прекрасные — укромные и хорошо защищенные.

— А где поселишься ты, Пушинка? — спросили они.

— Я? — удивилась молодая гусыня. — Я и не думаю оставаться на шхере. Я полечу с дикими гусями на север, в Лапландию.

— Жаль, что ты нас покидаешь! — притворно вздохнули сестры.

— Я охотно осталась бы с вами и с родителями, — сказала Пушинка, — но я уже обещала большому белому гусаку выйти за него…

— Что? — зашипела от злости Прекраснокрылая. — Тебе достанется в мужья белый красавец гусак? Но это же: — Тут она осеклась, потому что в этот миг Златоглазая больно толкнула сестру.

Да, было о чем посудачить злым сестрам в то утро! Они выходили из себя оттого, что у Пушинки такой красавец жених, белый гусак. Сами они, правда, тоже уже обручились, но их женихи были самые заурядные серые гуси. После Мортена-гусака собственные женихи показались сестрам такими уродливыми и простоватыми, что им больше и глядеть-то на них не хотелось.

— Экая досада! — молвила Златоглазая. — Лучше бы он достался тебе, сестрица Прекраснокрылая!

— А по мне, лучше бы он издох. Ведь теперь я буду все лето только и думать, что Пушинка вышла за такого красавца — белого гусака! — прошипела Прекраснокрылая.

Тем не менее сестры продолжали притворяться, будто страсть как любят Пушинку, а после обеда Златоглазая взяла ее с собой, показать серого гусака, за которого собиралась выйти замуж.

— Он не так красив, как твой, зато можно не беспокоиться — уж он-то тот, за кого себя выдает!

— О чем это ты, сестрица Златоглазая? — спросила Пушинка.

Сперва Златоглазая не хотела объяснять, что она имела в виду, но под конец все же призналась: они с Прекраснокрылой всё думают, что с белым гусаком — нечисто.

— Где ж это видано, чтобы белый гусак летал в одной стае с дикими серыми гусями, — сказала сестра Пушинке, — и мы всё думаем: уж не заколдован ли он?

— Да вы просто глупышки! Ведь он домашний гусь! — с негодованием воскликнула Пушинка.

— Но он возит с собой заколдованного человечка и вполне может быть, что и сам заколдован, — стояла на своем

Златоглазая. — А ты не боишься? Может, твой Мортен — черный баклан?

Златоглазая говорила складно, и бедная Пушинка испугалась до смерти.

— Ты говоришь не то, что думаешь, — жалобно сказала маленькая серая гусыня. — Ты просто хочешь напугать меня!

— Я желаю тебе добра, Пушинка, — возразила Златоглазая. — Ужасно было бы видеть, как ты улетаешь с черным бакланом. Но я дам тебе совет: попытайся заставить белого гусака съесть несколько корешков. Я их сама собирала! Если он заколдован, это тотчас же обнаружится! А если нет, он останется самим собой.

* * *

Нильс сидел среди диких гусей, слушая беседу Акки и старого серого гусака-хозяина, как вдруг прилетела с истошным криком Пушинка:

— Малыш-Коротыш! Малыш-Коротыш! Мортен-гусак умирает! Я погубила его!

— Бери меня к себе на спину, Пушинка! И отнеси скорее к нему! — завопил мальчик.

За ними последовала и Акка с дикими гусями.

Белый гусак лежал на земле, с трудом переводя дух и не в силах вымолвить ни слова.

— Пощекочи ему под горлом и похлопай его по спине! — посоветовала мальчику Акка.

Нильс так и сделал; большой белый гусак закашлялся и выплюнул большой корешок, застрявший у него в горле.

— Ты эти корешки ел? — спросила Акка, показав на корешки, лежавшие на земле.

— Да, — ответил гусак.

— Твое счастье, что они застряли у тебя в горле, — сказала Акка. — Они ядовиты. Если бы ты проглотил их, ты бы тут же издох.

— Пушинка попросила меня их съесть! — недоуменно произнес гусак.

— Корешки мне дали сестры, — сказала Пушинка и поведала диким гусям всю историю.

— Берегись своих сестер, Пушинка, — предупредила Акка, — от них тебе добра ждать нечего!

Но Пушинка, сама такая добрая, не верила, будто кто-то может желать ей зла. И когда немного погодя за ней явилась

Прекраснокрылая, чтобы тоже показать своего жениха, Пушинка, не раздумывая, последовала за ней.

— Да, он не так красив, как твой, — сказала сестра Пушинки, — зато он куда храбрее и отчаяннее!

— Откуда ты знаешь? — ревниво спросила Пушинка.

— Вот послушай! В шхеры повадился летать хищник-чужак. Каждое утро он уносит либо чайку, либо утку. На шхерах только стон стоит.

— Что еще за хищник? — спросила Пушинка.

— Мы не знаем, — ответила сестра. — Такого никогда прежде на шхере не видывали. А удивительней всего — он никогда не нападает на нас, гусей. Но мой жених вбил себе в голову, что не позже завтрашнего утра он должен сразиться с хищником и прогнать его.

— Может, все и обойдется! — утешила ее Пушинка.

— Навряд ли, — вздохнула сестра. — Будь мой жених так же велик ростом да силен, как твой, еще можно было бы надеяться!

— Хочешь, я попрошу Мортена-гусака сразиться с хищником? — спросила Пушинка.

— Ясное дело, хочу, — отвечала Прекраснокрылая. — Большей службы ты мне сослужить не можешь!

На другое утро белый гусак проснулся еще до восхода солнца, поднялся на верхушку шхеры и стал глядеть по сторонам. Вскоре он увидел, как с запада летит большая темная птица. Размах крыльев птицы был очень широк, и нетрудно было догадаться, что это орел. Гусак не ожидал противника опаснее филина, и он понял — живым от этого хищника не уйти. Но ему и в голову бы не пришло отказаться от битвы, будь его враг даже во сто крат сильнее его.

Орел камнем ринулся вниз за чайкой и запустил в нее когти. Но не успел он снова взмыть ввысь, как вперед бросился Мортен-гусак.

— Отпусти ее! — вскричал он. — И никогда больше сюда не возвращайся, иначе будешь иметь дело со мной!

— Ты что, спятил? — заклекотал орел. — Твое счастье, что я не дерусь с гусями. А не то бы тебе несдобровать!

Мортен-гусак решил, что орел считает зазорным биться с ним, и, оскорбясь, сам ринулся к нему, злобно ущипнул за шею и стал бить его крыльями.

Этого орел, само собой, стерпеть не мог и начал давать сдачи, хоть и не в полную силу.

Мальчик спал там же, где и Акка с дикими гусями, как вдруг услыхал, что его зовет Пушинка.

— Малыш-Коротыш! Малыш-Коротыш! Мортена-гусака когтит

насмерть орел!

— Бери меня к себе на спину, Пушинка! И отнеси скорее к нему! — попросил мальчик.

Когда они прилетели, Мортен-гусак, окровавленный и истерзанный, все еще бился с орлом. Сражаться с хищником мальчик был не в силах, и ему ничего не оставалось, как позвать на помощь.

— Лети быстрее, Пушинка! Зови сюда Акку и диких гусей! — закричал он.

Услыхав эти слова, орел тут же утихомирился.

— Кто называет здесь имя Акки? — спросил он.

А увидав Малыша-Коротыша и заслышав гоготанье диких гусей, он взмахнул крыльями.

— Скажи Акке, что я никак не ожидал встретить ее или кого-нибудь из ее стаи здесь, в открытом море! — заклекотал он и, гордо паря в воздухе, быстро улетел прочь

— Это тот самый орел, который однажды отнес меня обратно к диким гусям! — удивленно глядя ему вслед, сказал мальчик.

Дикие гуси намеревались пораньше улететь со шхеры, но вначале им все же хотелось подкрепиться на пастбище. Пока они щипали травку, к Пушинке подлетела птица — чернеть.

— Поклон от твоих сестриц! — молвила она. — Они не смеют показаться на глаза диким гусям, но просили напомнить тебе, чтобы ты не улетала со шхеры, не повидавшись со старым рыболовом!

— И правда, надо его навестить! — всполошилась Пушинка.

Но она была уже так напугана, что не решилась отправиться одна, и попросила белого гусака с Малышом-Коротышом проводить ее до рыбачьей хижины.

Дверь была отворена настежь. Пушинка вошла в хижину, а спутники ее остались за дверью. Через секунду они услыхали, что Акка подает знак отправляться в путь, и позвали Пушинку. Серая гусыня вышла из лачуги и помчалась вместе с дикими гусями со скалистого островка.

Они пронеслись уже довольно далеко над шхерами, когда мальчику вдруг показалось странным, как летит дикая гусыня. Пушинка летела обычно тихо и легко. А эта гусыня с шумом рассекала воздух тяжелыми ударами крыльев.

— Акка, вернись! Акка, вернись! — закричал мальчик. — Это не та гусыня! Это — вовсе не Пушинка! С нами летит Прекраснокрылая!

Не успел он произнести эти слова, как серая гусыня издала такой отвратительный и злобный крик, что все поняли, кто она. Акка и другие гуси повернулись к ней, но серая гусыня,

кинувшись к белому гусаку, схватила Малыша-Коротыша и, держа его в клюве, ринулась прочь.

Началась стремительная охота среди шхер. Прекраснокрылая летела быстро, но дикие гуси уже настигали ее, и у нее не оставалось надежды ускользнуть.

Внезапно они увидели, как внизу, с моря, курится вверх легкий белый дымок; до них долетел звук выстрела. Разгорячившись, гуси не заметили, что мчались прямо над лодкой, где сидел какой-то одинокий рыбак.

Выстрел, правда, не задел никого, но как раз здесь, над лодкой, Прекраснокрылая раскрыла клюв и выронила Малыша-Коротыша в море.

XXXVII СТОКГОЛЬМ

Суббота, 7 мая

Несколько лет тому назад служил в Скансене,[40] гигантском парке под Стокгольмом, где собрано столько разных диковин, невысокий старичок по имени Клемент Ларссон, родом из Хельсингланда. А в Скансен он пришел, чтоб подзаработать, играя на своей скрипке старинные народные песни. Но за скрипку он брался чаще всего только после обеда. Утром же обычно сидел сторожем в одном из чудесных крестьянских домов, что свезли в Скансен со всех концов страны.

Сначала Клемент думал, что теперь, на старости лет, ему живется куда лучше, чем он когда-либо мечтал. Но потом он начал страшно тосковать, особенно во время сторожевой службы. Хорошо еще, если в дом, чтобы осмотреть его, заходили посетители. Но порой Клементу приходилось долгими часами сидеть там одному. Тогда он с тоской вспоминал родные края и даже боялся, что ему придется отказаться от места. Однако Клемент был очень беден и знал, что дома он будет только в тягость приходу, и потому терпел свою теперешнюю жизнь, хотя с каждым днем чувствовал себя все несчастнее и несчастнее.

Однажды после полудня, в начале мая, у Клемента выдалось несколько свободных часов. День стоял погожий, и старик отправился погулять по крутому склону, который ведет вниз со Скансена. И встретил там рыбака со шхер, который шел с плетеным мешком за спиной. Этого молодого бойкого парня Клемент видел уже не в первый раз. Рыбак обычно приходил в Скансен и приносил морских птиц, которых ему удавалось поймать.

На этот раз рыбак, остановив старика, спросил, дома ли управитель Скансена; Клемент ему ответил и в свою очередь полюбопытствовал, какая на этот раз добыча у рыбака в мешке.

— Можешь сам поглядеть, Клемент, — ответил рыбак, — если в благодарность за это дашь мне добрый совет — сколько можно запросить за эту диковину.

И он протянул мешок Клементу. Тот заглянул туда раз, потом другой, и в испуге отпрянул назад.

— Боже ты мой, Осбьёрн! — воскликнул он. — Откуда он взялся?

Клементу тотчас вспомнилось, как в детстве матушка рассказывала ему о малом народце, о домовых, которые живут под половицами в доме, и стращала — мол, ничего нельзя брать

без спросу или быть неслухом, а не то домовые рассердятся. Когда же Клемент вырос, он счел, что матушка придумала всех этих маленьких человечков-домовых, чтобы держать сына в узде. А теперь, выходит, матушка вовсе ничего не сочиняла, ведь в мешке Осбьёрна лежал самый настоящий домовой!

В душе Клемента еще жили остатки детских страхов, и когда он заглянул в мешок, то почувствовал, как по спине у него забегали мурашки. Осбьёрн заметил, что старик боится, и рассмеялся. Однако Клементу было не до смеха.

— Расскажи мне, Осбьёрн, где ты его раздобыл? — серьезно попросил он.

— Я вовсе не искал его, поверь мне, — сказал рыбак. — Он сам невесть откуда взялся. Я вышел в море на рассвете и захватил с собой в лодку ружье. Только я успел отчалить от берега, вижу — летят с востока дикие гуси и отчаянно так гогочут. Я выстрелил, но промахнулся и ни в одного из них не попал. А вместо гусей шлепнулся вниз вот этот человечек. Он упал в воду так близко от лодки, что мне оставалось только протянуть за ним руку.

— Но ты не подстрелил его, Осбьёрн?

— Да нет же, он цел и невредим! Правда, выкупавшись в море, он, сдается, немного не в себе. Ну, я изловчился и парусиновой ниткой связал ему руки и ноги, чтоб он не смог удрать. Видишь ли, я сразу подумал: эта диковина ну прямо для Скансена!

Удивительно, но, услышав от рыболова, как он поймал малыша, Клемент не на шутку испугался. Ему пришло на память все, что он в детстве слышал о маленьком народце, о том, как он добр к друзьям и как мстит недругам. Матушка сказывала, будто тем, кто пытается удержать домового в неволе, несдобровать.

— Отпустил бы ты его на волю, Осбьёрн, — сказал он.

— Меня и так чуть не заставили отпустить его, — признался рыбак. — Знаешь, Клемент, дикие гуси преследовали меня до самого дома, а потом все утро кружили над шхерой и страшно гоготали — видать, хотели отнять малыша. Мало того, все пернатые — и чайки, и морские ласточки, и прочие малявки, на которых и пороха-то тратить жалко, — слетелись со всех сторон, опустились на шхеру и давай орать. Ну и шум подняли! А когда я вышел из дому, они как налетят на меня и давай махать крыльями. Ничего не поделаешь, пришлось вернуться. Жена умоляла меня отпустить малыша на волю, но я заупрямился. Нет, думаю, будь по-моему, его место здесь в Скансене. Выставил я в окошко одну из кукол моих детишек, а домового запрятал поглубже в мешок и пустился в путь. А птицы, верно, подумали, что это он стоит в окошке; они дали мне отплыть, не стали меня

преследовать.

— Он ничего не говорит? — спросил Клемент.

— Вначале он пытался было прокричать птицам какие-то слова, но мне это не понравилось, и я засунул ему в рот кляп.

— Разве можно с ним так обращаться? Эх, Осбьёрн, — укоризненно покачал головой Клемент. — Неужто ты не понимаешь, что это — нечисть?

— Ума не приложу, что он за птица, — спокойно ответил Осбьёрн. — По мне, пусть думают другие. А мне бы только хорошенько заплатили за него, и ладно! Скажи-ка лучше, Клемент, как по-твоему, сколько мне даст за него господин Доктор из Скансена?

Клемент долго не отвечал. На него напал ужасный страх. Ему вдруг представилось как наяву, будто матушка стоит рядом и внушает ему, совсем крохе, чтобы он всегда был добр к малому народцу.

— Не знаю, Осбьёрн, сколько тебе заплатит господин Доктор из Скансена, — произнес он наконец. — Но если ты отдашь малыша мне, я заплачу тебе двадцать крон.

Услыхав про такие большие деньги, Осбьёрн в изумлении поглядел на музыканта. Клемент, верно, думает, что малыш обладает какой-то тайной властью и может ему пригодиться, решил он. А неизвестно еще, припишет ли малышу волшебную силу господин Доктор и даст ли за него такую дорогую цену… И рыбак пошел на сделку с Клементом.

Музыкант сунул покупку в свой широкий карман, вернулся в Скансен и вошел в одну из пастушьих хижин, привезенных с летнего пастбища. Там не было ни посетителей, ни караульных. Закрыв за собой дверь, старик вытащил из кармана домового и осторожно положил его на лавку. Малыш был все еще связан, во рту у него торчал кляп.

— Послушай-ка, что я скажу! — начал старик. — Я знаю, такие, как ты, не любят попадаться людям на глаза и не хотят, чтобы совали нос в их дела. Потому-то я и думаю отпустить тебя на волю. Но взамен ты должен дать мне клятву остаться в здешнем парке, пока я не позволю тебе уйти отсюда. Коли согласен, кивни три раза!

Клемент выжидающе глянул на домового, но тот лежал неподвижно и безучастно.

— Тебе здесь будет не худо, — продолжал Клемент. — Я стану кормить тебя каждый день; ты найдешь здесь чем заняться, и время не будет тянуться. Только не уходи в другое место без моего на то позволения. Давай уговоримся о тайном знаке! Пока я буду выставлять тебе еду в белой плошке, ты остаешься в

Скансене, а как выставлю еду в голубой, можешь уходить.

Старик снова замолчал, ожидая, что домовой кивнет ему три раза, но тот не шевелился.

— Раз так, — молвил Клемент, — делать нечего, придется показать тебя здешнему хозяину. Тебя посадят в стеклянный шкаф, и все жители большого города Стокгольма сбегутся поглазеть на тебя.

Слова старика, как видно, испугали домового; лишь только Клемент замолчал, он тут же подал ему знак, что согласен.

— Вот и ладно! — обрадовался Клемент, вытащил перочинный нож и перерезал парусиновую нитку, связывающую руки домового. Затем он быстро пошел к двери.

Прежде всего мальчик мигом развязал нитку, стягивавшую лодыжки, и вытащил кляп изо рта. Когда же он наконец повернулся к Клементу Ларссону, чтобы поблагодарить его, тот уже исчез.

* * *

Не успел Клемент отойти от своей хижины, как встретил красивого осанистого пожилого господина; он, как видно, направлялся к расположенному неподалеку холму, с которого открывался прекрасный вид на Стокгольм. Клемент не мог припомнить, чтобы он когда-нибудь видел этого статного господина. Но тот, должно быть, обратил внимание на Клемента, когда он играл на скрипке. Господин остановился и заговорил с ним.

— Здравствуй, Клемент! — поздоровался он. — Как поживаешь? Уж не захворал ли ты? Ты заметно похудел в последнее время.

От старого господина веяло такой добротой, что Клемент набрался храбрости и рассказал, как тяжко ему здесь и как он тоскует по дому.

— Что ты говоришь? — удивился статный пожилой господин. — Ты тоскуешь по дому здесь, в Стокгольме? Это просто невозможно.

Казалось, пожилой господин был оскорблен в своих самых лучших чувствах. Но вспомнив, что перед ним — всего лишь невежественный старик из Хельсингланда, он снова стал приветлив.

— Ты, верно, никогда и не слыхивал о том, как возник город Стокгольм, Клемент? А если бы знал, то понял бы, что твое желание уехать отсюда — просто блажь. Пойдем сядем вон на ту

скамейку, я расскажу тебе немного про Стокгольм.

Несколько минут осанистый пожилой господин молча смотрел на Стокгольм, который во всем своем великолепии простирался перед ним. Упоенный красотой здешних мест, он несколько раз глубоко вздохнул, а потом повернулся к музыканту.

— Смотри, Клемент! — сказал он и начал чертить тростью на песчаной дорожке небольшую географическую карту. — Это — Упланд; вот тут из этой провинции выдвигается на юг мыс, изрезанный множеством заливов и бухт. А здесь из Сёрмланда навстречу ему выступает, но уже на север, другой мыс, который также разделен множеством бухт и заливов. На западе лежит озеро, все заполненное многочисленными островками. Это — Меларен. Здесь же с востока текут другие воды, которые едва могут протиснуться между островами и шхерами. Это — Балтийское море. Там же, Клемент, где Упланд встречается с Сёрмландом, а Меларен — с Балтийским морем, протекает коротенькая речка. Четыре небольших скалистых островка разделяют речку на множество рукавов — водяных протоков. Один из них называется Норстрём, что значит Северный, но прежде его величали Стоксунд — Бревенчатый пролив.

Вот эти-то скалистые, поросшие чернолесьем островки сначала были самыми обычными, ничем не примечательными островками, каких еще и ныне на озере Меларен предостаточно. Долгое время они были совершенно необитаемы. Вне всякого сомнения, местоположение островков — прекрасное, поскольку они находятся между двумя водоемами и двумя провинциями, но никто на это и внимания не обращал. Год за годом люди селились только на островках озера Меларен и на шхерах, а на этих скалистых островках в протоке Стрёммен жители так и не появлялись. Порой случалось какому-нибудь путешественнику пристать к одному из островков и разбить на ночь палатку. Но никто не оставался там надолго.

Однажды некий рыболов, живший на острове Лидингён, что посреди залива Сальтшён, направился в лодке на озеро Меларен. Ему посчастливилось: его ждал такой богатый улов, что он позабыл о времени и поплыл домой только поздно вечером. Он успел добраться лишь до четырех скалистых островков, как совсем стемнело. И тогда он счел, что лучше всего высадиться на одном из них и дожидаться глубокой ночи, когда взойдет месяц. А это непременно должно было случиться.

Стояло позднее лето, вечера были уже темные, но теплые и погожие. Рыболов вытащил лодку на берег, лег рядом, положив голову на камень, и заснул. Когда же он проснулся, месяц уже

давным-давно взошел и так сверкал прямо над головой, что было светло как днем.

Рыболов вскочил и только было собрался столкнуть лодку в воду, как вдруг увидел, что по протоку движется много-много каких-то темных точек. Это был огромный косяк тюленей, быстро плывущих прямо к скалистому островку. Увидав, что тюлени собираются вползти на берег, парень нагнулся, чтобы отыскать гарпун, который всегда возил с собой на дне лодки. Но когда он снова поднял голову, тюлени уже исчезли. А вместо них на берегу стояли прекраснейшие юные девы, одетые в зеленые шелковые платья со шлейфами, с жемчужными коронами на головах. Тут рыболов догадался, что это — русалки, которые живут на безлюдных шхерах, далеко-далеко в море. А в тот день они облачились в тюленьи шкуры и приплыли сюда, желая порезвиться при свете месяца на зеленых скалистых островках.

Юные русалки поднялись на скалистый островок, и рыболов, тихонько положив гарпун в лодку, незаметно прокрался поближе к ним и стал глядеть во все глаза. Он слыхал, будто русалки прекрасны собой и будто всякий, кому случится их увидеть, очаровывается их красотой. Тут ему пришлось признаться самому себе, что так оно и есть.

Полюбовавшись немного, как русалки танцуют под деревьями, он спустился вниз к берегу, взял одну из лежащих там тюленьих шкур и спрятал ее под камень. А сам лег рядом со своей лодкой и притворился, будто спит.

Вскоре он увидел, что юные русалки тоже спускаются вниз на берег. Весело смеясь и болтая, они стали облачаться в тюленьи шкуры. Вдруг на берегу раздался отчаянный вопль и рыдания: одна из русалок не могла найти свой тюлений наряд. Подруги русалки бегали по берегу, помогая ей искать, но все было напрасно. Вдруг небо начало бледнеть, занялась заря. Тут русалкам, видно, дольше оставаться на берегу было нельзя. И все поплыли прочь, кроме той, что лишилась тюленьей шкуры. Она так и осталась сидеть на берегу и горько плакать.

Рыболову было ее жаль, но он заставил себя лежать смирно, пока совсем не рассвело. Тогда он поднялся и спустил лодку на воду, а взявшись за весла, прикинулся, будто только сейчас невзначай увидел русалку.

— Кто ты? — вскричал он. — Может, ты с разбитого корабля?

Она кинулась к нему и стала расспрашивать, не видал ли он ее тюленьей шкуры. Но рыболов притворился, будто вовсе не понимает, о чем она спрашивает. Села она тут на берег и снова заплакала. Тогда он позвал ее к себе в лодку.

— Поедем ко мне домой, — предложил он, — матушка моя

позаботится о тебе! Не можешь же ты оставаться здесь на островке, где нет ни теплой постели, ни еды.

Он был так красноречив, что русалка согласилась уехать вместе с ним и села в лодку.

Рыболов и его матушка были очень добры к бедной морской деве, и ей, казалось, жилось у них не худо. С каждым днем она делалась все веселее, помогала старушке домовничать и была точно такой же, как всякая другая девушка со шхер, только не в пример краше. Однажды рыболов спросил ее, хочет ли она стать его женой, и она не стала противиться, а сразу же сказала «да».

Начали они готовиться к свадьбе. А как пришло время облачаться в невестин наряд, русалка надела зеленое платье со шлейфом и переливчатую жемчужную корону, в которой рыболов увидел ее в первый раз. Но в те времена на шхерах не было ни пастора, ни церкви, и надо было ехать на озеро Меларен, чтобы обвенчать жениха с невестой.

У рыболова в лодке сидели его невеста и мать, и он греб так сильно, что, опередив всех остальных, заплыл далеко-далеко. И вдруг увидел знакомый скалистый островок в протоке Стрёммен, на котором встретил свою невесту, что сидела теперь рядом с ним, такая гордая и нарядная. И тут он, не удержавшись, улыбнулся.

— Чему это ты улыбаешься? — спросила она.

— Я думаю о той ночи, когда спрятал твою тюленью шкуру, — отвечал рыболов.

Теперь-то он был глубоко уверен в любви русалки и не считал нужным что-либо от нее скрывать.

— О чем ты говоришь? — удивилась невеста. — Никакой тюленьей шкуры у меня и не было.

Казалось, она все позабыла.

— А ты не помнишь, как танцевала с другими русалками? — спросил он.

— Не знаю, о чем ты толкуешь, — ответила невеста. — Тебе, видно, приснился диковинный сон!

— А коли я покажу тебе тюленью шкуру, ты поверишь мне? — спросил рыболов и повернул лодку к скалистому островку.

Они вышли на берег, и он вытащил тюленью шкуру из-под камня, где ее спрятал.

Увидев тюленью шкуру, невеста в тот же миг рванула ее к себе и набросила на голову. Шкура обвилась вокруг нее, точно живая, и русалка тут же бросилась в проток Стрёммен.

Жених, видя, как она уплывает, прыгнул за ней в воду, но не смог догнать. В отчаянии, что ему не удержать ее, он бросился к берегу, схватил в лодке гарпун и метнул его в русалку. Удар

оказался более метким, чем он думал. Бедная русалка, испустив жалобный крик, исчезла в глубине.

Рыболов остался стоять на берегу, ожидая, не покажется ли она вновь. Но тут он заметил, что вода вокруг вдруг как-то засветилась, стала прекрасна, как никогда. Вода сверкала и блестела, отливая то белым, то нежно-розовым, словно перламутровая изнанка морской раковины.

Когда же сверкающие волны ударились о берега, рыболову показалось, будто изменились и они. Берега начали цвести и благоухать. Над ними разлился мягкий свет, и они обрели невиданную красу.

И тут он понял, почему все так получилось. Ведь тот, кто увидит русалок, считает их прекраснее всех на свете. А когда кровь русалки смешалась с водами озера и омыла берега, им передалась в наследство ее русалочья красота. И отныне всякий, кто только увидит эти воды, эти берега, непременно полюбит их и вечно станет тянуться к ним в томительной тоске.

Тут пожилой осанистый господин взглянул на Клемента. Старик серьезно кивнул в ответ, не сказав ни слова, чтобы не помешать рассказчику.

— И заметь, Клемент, — продолжал пожилой господин, и в глазах у него вдруг мелькнул лукавый огонек, — что с той самой поры люди начали селиться на этих скалистых островках. Сначала там жили одни рыбаки да крестьяне. Но постепенно эти места стали все больше привлекать людей. И вот в один прекрасный день по протоку прошел парусник самого короля. Король стал толковать про эти островки со своим ярлом[41] и обратил внимание на то, что все суда, державшие курс в глубь озера Меларен, проходили мимо них. Тут ярл и скажи: надо, мол, закрыть здесь фарватер на замок, отпирать и запирать его по своему желанию — впускать торговые суда и не давать ходу разбойным флотилиям.

— Так оно и вышло, — проговорил пожилой господин и, поднявшись, снова стал чертить тростью на песке. — Видишь, на самом большом из островков ярл воздвиг укрепленный замок-крепость с мощной сторожевой башней. И назвал он тот замок Чернан — сердцевина, ядро. Новоселы обнесли скалистый островок стенами. На северной и южной его стороне прорубили они в стенах ворота, а над ними возвели неприступные башни. Они перекинули мосты к другим островкам и тоже оградили их высокими стенами с башнями. На воде же вокруг понаставили целый частокол свай с засовами — поперечными балками, которые выдвигались и задвигались, и ни одно судно не могло самовольно проплыть мимо.

Вот так и получилось, Клемент, что эти четыре островка, которые долго никто не замечал, вскоре были сильно укреплены. Но и это еще не все! Здешние берега и проливы притягивали к себе, и вскоре сюда со всех сторон хлынул поток людей, желавших поселиться на островках. Начали они возводить своими силами рядом с замком собор, который позднее нарекли Стурчюрка — Большой собор. А лачуги себе первоселенцы строили за крепостными стенами. Сначала было новоселов не так уж и много, но по тем временам много и не требовалось, чтобы считать поселение городом.[42] Город же нарекли Стокгольмом; он зовется так и поныне.

Настал день, когда ярл, начавший здесь работы, упокоился навек, но Стокгольм не остался без зодчих. Появились монахи, которые звались Серые братья. Стокгольм пришелся им по душе, и они испросили позволения построить здесь монастырь. Король даровал им небольшой островок, один из самых малых, тот, что выходит к озеру Меларен. На нем они и воздвигли монастырь, а островок был назван позднее Громункехольмен — Остров Серых братьев. Но тут явились другие монахи, по прозванию Черные братья. Они также испросили право строиться в Стокгольме, и их монастырь был воздвигнут на островке Стадсхольмен, что значит Городской, неподалеку от южных ворот. На этом же, самом большом из островков, к северу от города усердные мужи основали больницу — Дом Святого Духа, на соседнем островке построили мельницу, а у шхеры возле нее ловили рыбу. Пролив между теми двумя островками зарос, и сейчас, как тебе известно, здесь всего лишь один остров, но он и теперь еще зовется островом Святого Духа — Хельгеандсхольмен.

Ну, а мелкие, поросшие чернолесьем островки застроили домами. Ведь люди валом валили сюда, к здешним, влекущим к себе берегам и водам.

Пришли сюда и благочестивые сестры из ордена Святой Клары и попросили землицы для монастырской обители. Но им оставалось только поселиться на северном берегу, на Нормальме, как он теперь называется. Разумеется, они были не очень довольны, так как Нормальм пересечен высоким горным кряжем, на котором когда-то стояла городская виселица, так что это место слыло малопочтенным. Сестры ордена Святой Клары все же построили свою церковь и длинное монастырское здание на берегу, у подножия горного кряжа. Обосновавшись, они вскоре обрели последователей. В северной части острова, на вершине горного кряжа, была построена больница вместе с церковью Святого Йерана, а у подножия того же кряжа воздвигнута церковь Святого Якоба.

Начали строить и на Сёдермальме, там, где гора в этой южной части города круто вздымается над берегом. Там поднялась церковь Святой Марии.

Не думай, Клемент, будто одни лишь монахи да духовенство переселялись в Стокгольм. Вовсе нет! Было там немало и других людей и прежде всего немецких купцов и ремесленников. Тогда они были куда более умелые, чем сами шведы, и потому их охотно принимали. Поселившись за городскими стенами, они снесли маленькие жалкие домишки, которые стояли там прежде, и построили высокие, великолепные дома из камня. Но места не хватало, и пришлось немцам ставить дома впритык один к другому, фасадами в сторону узеньких улиц.

Вот и суди сам, как Стокгольм притягивал к себе людей.

Тут на дорожке показался какой-то человек, который быстро шел прямо к ним. Но господин, беседовавший с Клементом, помахал рукой, и тот остановился на почтительном расстоянии. Пожилой господин снова сел на скамейку рядом с музыкантом и сказал:

— Ты должен оказать мне услугу, Клемент. Мне не представится более случая побеседовать с тобой, но я велю послать тебе книгу о Стокгольме, а ты прочти ее от начала до конца. Я, можно сказать, открыл для тебя Стокгольм! А теперь изучай его сам, по книге. Прочти о том, как жила и менялась столица Швеции, и о том, как маленький, тесный, обнесенный стенами город на островках раскинулся в наши дни великим морем домов, которые мы видим внизу под нами. Прочти о том, как на месте мрачной сторожевой башни замка Чернан был возведен прекрасный, светлый дворец, который также стоит прямо под нами; и как церковь монастыря Серых братьев стала усыпальницей шведских королей. Прочти о том, как застраивался один островок за другим, и как огороды на южном и северном концах города превратились в прекрасные парки либо в застроенные домами кварталы, как выравнивали горные кряжи, а проливы наполняли водой. И о том, как запертый со всех сторон охотничий заповедник — Юргорден превратился в любимейшее место гуляний народа. Ты должен освоиться в Стокгольме, Клемент! Ведь этот город принадлежит не только стокгольмцам. Он принадлежит и тебе, и всей Швеции!

Когда будешь читать про столицу нашего королевства, вспомни, я правду говорил, будто она всех притягивает к себе. В Стокгольм переехал король, потом знатные господа понастроили там свои дворцы, а после туда потянулся разный люд. Так что видишь, Стокгольм — город, который живет не только ради себя и ради ближней округи. Он — город всего государства, его

столица

Ты ведь знаешь, Клемент, что повсюду в стране созываются сходы прихожан, а в Стокгольме заседает риксдаг, решающий судьбу всего нашего народа. В каждой провинции Швеции есть судья, в Стокгольме же находится верховный суд, которому подчинены все остальные суды. Повсюду есть казармы и войска, но из Стокгольма повелевают всей армией. Повсюду в стране тянутся железные дороги, а в Стокгольме пекутся о них о всех. Отсюда правят священнослужителями, учителями, врачами, управляющими имениями и ленсманами.[43] Здесь — сердце всей страны! Отсюда текут деньги, которые носят в кармане, и марки, которые наклеивают на письма. Отсюда непременно что-то перепадает на долю каждого шведа, и у каждого шведа найдется здесь какое-нибудь дело. В Стокгольме никто не должен чувствовать себя чужим и тосковать по дому. Здесь все шведы — дома.

А когда ты прочтешь обо всех собранных здесь сокровищах, вспомни и о том, последнем, что манит сюда людей. Это — старинные дома в Скансене, старинные одежды и старинная домашняя утварь. Это — старинные танцы, музыканты и сказочники. Все доброе, все старинное призвано в Скансен для того, чтобы воздать им честь и возродить, овеянное новой славой, для всего народа!

Когда же ты будешь читать книгу о Стокгольме, Клемент, сядь сюда, на это самое место! И ты увидишь, как искрятся, весело играя, волны, как сияют красотой берега! И тебя тоже зачарует этот город!

Голос красивого пожилого господина был исполнен силы, звучал могущественно и повелительно, а глаза сверкали. Он поднялся и ушел, простившись с Клементом легким прикосновением руки. И старик понял, что тот, кто говорил с ним, должно быть, важный господин. И поклонился ему вслед.

На другой день к Клементу явился придворный лакей с большой книгой в красном переплете и с письмом. А в письме было сказано, что книга — подарок короля.

После этого у старого Клемента в голове как будто помутилось, и услышать от него хоть одно разумное слово стало просто невозможно. Через неделю он явился к Доктору и отказался от места, сославшись на то, что ему надо вернуться домой.

— Но почему? Неужели ты здесь не можешь прижиться? — спросил Доктор.

— Да, я уже прижился, — ответил Клемент. — Эта беда мне не грозит, но все равно мне надо домой.

Старый музыкант долго был в смятении. Король хотел, чтобы он получше узнал Стокгольм и прижился здесь. Но Клементу непременно хотелось рассказать дома о том, что сам король говорил ему об этом. Он не мог отказать себе в удовольствии: дома, на церковном холме, поведать всем без разбора — и бедным, и богатым — как король был добр к нему; как сидел рядом с ним на скамье и прислал ему в подарок книгу; как целый час беседовал с ним, бедным старым музыкантом, чтобы исцелить его от тоски по дому. Ясное дело, можно было бы прекрасно рассказать всю эту историю старикам лапландцам да девушкам из Далекарлии и здесь, в Скансене. Но совсем другое дело — поведать все землякам!

Даже если ему, Клементу, суждено угодить в богадельню в родном приходе — что ж, и это ему не страшно! Ведь он стал теперь совсем другим человеком — человеком, которого будут уважать и чтить.

И, не в силах превозмочь вновь вспыхнувшую тоску по дому, Клемент пошел к Доктору и сказал, что вынужден отказаться от места.

XXXVIII ГОРГО-ОРЕЛ

В ГОРНОЙ ДОЛИНЕ

Высоко-высоко в горах Лапландии, на неприступном и крутом скалистом склоне прилепилось старое орлиное гнездо. Оно было сложено из сосновых веток, наваленных одна на другую. Многие годы гнездо достраивалось, укреплялось и теперь достигало нескольких метров в ширину и было высоким, как чум лапландца.

Скалистый уступ с приютившимся там орлиным гнездом возносился над просторной долиной, где каждое лето селилась стая диких гусей. Чудесным прибежищем стала для них эта долина. Она была так надежно укрыта горами, что даже среди лапландцев немногие знали о ней. Посреди долины лежало небольшое круглое озерцо, где вполне хватало корма маленьким гусятам. На берегах озера, усеянных кочками, поросших ивовыми кустами и невысокими карликовыми березками, гусыни всегда находили уютные местечки, чтобы высиживать птенцов.

С незапамятных времен орлы гнездились на вершине скалы, а дикие гуси — внизу, в горной долине. Из года в год разбойники орлы похищали нескольких гусей, но старались не губить слишком много птиц, опасаясь, что дикие гуси станут избегать долину. С другой стороны, это грозное соседство приносило гусям и немалую пользу. Настоящие душегубы, орлы держали, однако, на почтительном расстоянии от долины всех других хищников.

Однажды утром — это было за несколько лет до того, как Нильс Хольгерссон путешествовал по свету с дикими гусями, — старая гусыня-предводительница, Акка с Кебнекайсе, стоя на берегу озерца в долине, глядела вверх на орлиное гнездо. Орлы вылетали на охоту обычно вскоре после восхода солнца, и все эти годы, что Акка со своей стаей жила в долине, она каждое утро вот так же ждала, когда они наконец вылетят. Ей надо было знать — останутся ли орлы охотиться в долине или улетят в другие охотничьи угодья.

Она ждала недолго; вскоре чета великолепных птиц вылетела из своего гнезда. Прекрасные, хотя и внушающие ужас, они воспарили над долиной и скрылись за горами. Акка с облегчением вздохнула.

Старая гусыня-предводительница уже давно перестала нестись и высиживать птенцов. Теперь она только опекала молодых и, перелетая от одного гусиного гнезда к другому,

давала советы, как выводить птенцов и как заботиться о них. Кроме того, она зорко следила не только за орлами, но и за песцами, совами и прочими врагами, опасными для диких гусей и их гусят.

Ближе к обеду Акка снова начала высматривать в небе орлов, как это делала каждый день летом, все те годы, что жила в долине. Еще издали по полету орлов она узнавала, добрая ли была охота, и если добрая, успокаивалась — в этом случае ничто не угрожало ее стае. Но в этот день она так и не увидела, чтоб орлы вернулись в свое гнездо. «Верно, стара я стала и невнимательна, — подумала она. — Должно быть, проглядела, когда орлы вернулись».

И после полудня она, вновь взглянув на скалу, не увидела хищников на крутом скалистом уступе, где они обычно восседали, наслаждаясь послеобеденным покоем. Не увидела она их и вечером, когда они должны были купаться в горном озерце. Подумав, что она, как видно, опять их прозевала, Акка снова стала сетовать: стара, мол, стала. Она так привыкла к тому, что орлы обычно сидят на вершине горы над долиной! И даже представить себе не могла, что они туда не вернулись.

На другое утро Акка проснулась ни свет ни заря и стала поджидать орлов. Она их так и не увидела, зато в утренней тиши услыхала крик, и злобный, и жалобный, который доносился как будто из орлиного гнезда. «Неужто наверху у орлов и впрямь что-то стряслось?» — подумала гусыня. Она быстро взлетела и поднялась так высоко, что смогла заглянуть в орлиное гнездо.

Ни орла, ни орлицы там не было. В огромном гнезде Акка увидела только некрасивого полуголого орленка, который орал, требуя, чтобы его накормили. Акка медленно и неуверенно спустилась к орлиному гнезду. Какое ужасное место! Можно было сразу сказать, что здесь обитают разбойники. И в гнезде, и на скалистом уступе — повсюду валялись побелевшие кости, окровавленные перья и клочья шерсти, заячьи головы, птичьи клювы и поросшие перьями лапки белых куропаток. Да и сам орленок, лежавший посреди всех этих останков, был просто омерзителен: огромный разинутый клюв, неуклюжее, покрытое пушком туловище и чуть заметные крылья, из которых, как шипы, торчали будущие перья.

С трудом преодолевая отвращение, Акка села на край гнезда, но все время беспокойно оглядывалась по сторонам, ожидая с минуты на минуту, что взрослые орлы вернутся домой.

— Вот хорошо, наконец-то хоть кто-то прилетел! — закричал орленок. — Сейчас же накорми меня!

— Ну, ну, не спеши так! — попыталась угомонить его Акка. —

Скажи сперва, где твои отец с матерью?

— А кто их знает? Сами улетели вчера утром, а мне на прокорм оставили одну пеструшку. Но тебе-то понятно, что я ее уже давно съел. И не стыдно матери, бросила меня подыхать с голоду!

Теперь Акка уже не сомневалась, что взрослых орлов подстрелили, и подумала, что, если орленок подохнет с голоду, разбойничьему роду в долине придет конец. Но ее тут же покоробило от этой мысли. Неужели она, Акка, не поможет осиротевшему орленку хотя бы тем, что в ее силах?!

— Чего расселась тут и глазеешь на меня?! — завопил орленок. — Ты что, не слыхала? Есть хочу!

Акка распростерла крылья, быстро полетела вниз и опустилась на берегу маленького озерца в долине. Немного погодя она вновь поднялась к орлиному гнезду: в клюве у нее болтался лосось. Но когда она положила перед орленком рыбу, тот пришел в ярость.

— Неужто, по-твоему, я стану это есть? — зло зашипел он, отшвырнув рыбу в сторону и пытаясь клюнуть Акку. — Достань мне белую куропатку или пеструшку, слышишь?

Тут Акка, вытянув шею, больно щипнула орленка в поросший пушком затылок.

— Вот что, — загоготала старая гусыня, — уж коли я стану добывать тебе корм, будь доволен тем, что дают. Твои отец с матерью погибли, от них помощи ждать нечего, и если желаешь подохнуть с голоду, ожидая, что тебе подадут белых куропаток да пеструшек, — дело твое. Я тебе мешать не стану!

С этими словами Акка улетела и довольно долго не показывалась в орлином гнезде. Изголодавшийся орленок съел рыбу, и когда гусыня положила перед ним еще одну, он тотчас ее проглотил, хотя было видно, что этот корм ему явно не по вкусу.

Тяжелая работа выпала на долю Акки. Взрослые орлы так никогда и не появились, и ей одной пришлось добывать корм орленку. Она приносила ему рыбу и лягушек; этот непривычный корм, казалось, не приносил ему вреда, так как он быстро рос и становился все сильнее. Он скоро позабыл своих родителей-орлов и думал, что Акка-то и есть его настоящая мать. Акка же, со своей стороны, полюбила орленка, словно родное дитя. Она старалась получше воспитать его и отучить от дикой злобы и высокомерия.

Через несколько недель Акка стала замечать, что приближается пора линьки, когда птицы меняют перья и не могут летать. Целый месяц она не сможет приносить орленку корм, и он наверняка подохнет с голоду.

— Вот что, Горго, — сказала однажды своему питомцу

Акка. — Я не сумею больше прилетать к тебе сюда. Ты должен набраться храбрости и сам спуститься вниз, где я по-прежнему буду добывать тебе корм. Выбирай: либо погибнуть с голоду в горах, либо броситься на крыльях вниз, в долину! Но это может стоить тебе жизни!

Ни минуты не задумываясь, орленок взобрался на край гнезда и, едва смерив взглядом расстояние до дна долины, распростер свои маленькие неокрепшие крылья и ринулся вниз. В воздухе он несколько раз перевернулся, но все же сумел выправиться и спустился на землю цел и невредим.

Все лето Горго провел в долине в обществе маленьких гусят и стал их добрым товарищем. Он сам стал считать себя гусенком и пытался делать все так же, как они. Когда гусята бросались в озеро, он лез в воду вслед за ними, пока однажды чуть не утонул.

Испытывая страшное унижение оттого, что не может научиться плавать, он пошел к Акке и стал ей жаловаться.

— Почему я не могу плавать, как другие? — спросил он.

— Уж больно кривые когти и длинные пальцы ты отрастил, когда лежал на скалистой плите, — ответила Акка. — Но не печалься. Все равно из тебя еще выйдет прекрасная птица!

Вскоре крылья орленка выросли настолько, что могли поднять его в воздух. Но он догадался об этом только осенью, когда гусята стали учиться летать. И тут он по праву стал гордиться собой. В летных состязаниях он вскоре опередил всех своих товарищей. Те никогда не оставались в воздухе дольше, чем их заставляли. Он же проводил в небе целые дни, постигая искусство летать.

Горго еще не знал, что он — птица высокого полета, иного роду-племени, чем гуси, но не мог не заметить многое, подчас удивлявшее его. И он постоянно задавал Акке вопросы:

— Почему белые куропатки и пеструшки бегут и прячутся, стоит им заметить мою тень в горах? Других молодых гусей они так не боятся!

— Уж больно выросли твои крылья, когда ты лежал на скалистой плите, — отвечала Акка. — Это и отпугивает мелких пташек и зверюшек! Но не печалься. Все равно из тебя еще выйдет прекрасная птица!

После того, как орленок научился хорошо летать, он смог и сам удить рыбу, ловить лягушек, но вскоре стал раздумывать и над этим.

— Почему же так получилось, что я кормлюсь рыбой да лягушками? — недоумевал он. — Ведь у молодых гусей совсем иной корм.

— Это оттого, что я не могла приносить тебе что-нибудь

другое, пока ты лежал на скалистой плите, — отвечала Акка. — Но не печалься. Все равно из тебя еще выйдет прекрасная птица!

Когда дикие гуси отправились в свой осенний перелет, Горго, по-прежнему считая себя диким гусем, отправился вместе с ними, в их стае. Но в воздухе было полно и других птиц, мчавшихся на юг, и среди них поднялся страшный переполох, когда Акка показалась в сопровождении орла. Вокруг косяка диких гусей стали кружиться стаи любопытных пернатых, громко высказывавших свое удивление. Акка попросила их помолчать, но не так-то легко было заставить смолкнуть столько крикливых птичьих клювиков.

— Почему они обзывают меня орлом? — непрерывно спрашивал Горго, все больше и больше приходя в ярость. — Разве они не видят, что я — дикий гусь? Я-то ведь не пожиратель птиц, который истребляет себе подобных. Как смеют они так оскорблять меня?

Однажды дикие гуси пролетали над крестьянской усадьбой, во дворе которой множество кур копалось в мусорной куче, выбирая корм.

— Орел! Орел! — закричали куры и бросились наутек в поисках убежища.

И тут Горго, который не раз слышал, как орлов честят злодеями и разбойниками, не смог сдержать гнева. Сложив крылья, он камнем ринулся на землю и запустил когти в одну из кур.

— Я отучу тебя, отучу обзывать меня орлом! — яростно вскричал он, ударяя ее клювом.

Но в тот же миг Акка позвала его из вышины, и он послушно поднялся к ней в небо.

Рассерженная гусыня летела ему навстречу.

— Ты что делаешь? — закричала она и несколько раз ударила его клювом. — Неужто ты собирался задрать эту жалкую курицу? Стыдись!

Увидев, что орел покорно снес наказание, птицы, следовавшие за стаей, осыпали Горго градом издевок и насмешек. Униженный орел обратил к Акке злобный взгляд — казалось, еще миг, и он бросится на нее. Но тут же одумался и сильными взмахами крыльев взмыл высоко в небо, чтобы не слышать птичьих криков. Он долго парил там в высоте, а потом совсем скрылся из виду.

В стае диких гусей он появился три дня спустя.

— Я знаю теперь, кто я, — сказал он Акке. — Раз уж я орел, я должен жить так, как подобает орлу. Однако мы можем остаться друзьями. Я никогда не нападу ни на тебя, ни на кого другого из

твоей стаи.

Акка же лелеяла горделивую мечту — перевоспитать орла, сделать из него добрую, мирную птицу, и ей было невыносимо слышать, что он хочет жить так, как принято у орлов.

— Неужто, по-твоему, я захочу быть другом пожирателя птиц? — спросила она. — Если ты будешь жить так, как я тебя учила, только тогда я разрешу тебе лететь с нами.

Оба были горды и непреклонны, и ни один не желал уступить другому. Кончилось тем, что Акка запретила орлу показываться ей на глаза. Гнев гусыни-предводительницы был страшен, никто не смел называть при ней имени Горго.

С той поры орел метался по всей стране, одинокий и неприкаянный, как все отпетые разбойники. Частенько бывал он в мрачном расположении духа и наверняка не раз тосковал по той поре, когда, считая себя диким гусем, забавлялся с веселыми гусятами. Своей дерзкой отвагой Горго снискал великую славу среди диких птиц и зверей. Говорили, будто на всем белом свете он не боится никого, кроме своей приемной матери Акки.

И еще говорили, что никогда в жизни он не охотился на диких гусей.

В НЕВОЛЕ

Горго было всего три года от роду — он еще не успел найти себе подругу и свить с ней где-нибудь гнездо. И вот однажды случилось так, что он был пойман охотником и продан в Скансен. Там еще до него обитала чета орлов. Их держали в плену, в клетке из железных прутьев, прикрытой сверху стальной проволочной сеткой. Клетка, правда, стояла на воле и была так велика, что туда удалось пересадить несколько деревьев и навалить довольно большую груду камней. Пусть орлы чувствуют себя как дома! Однако птицам там было плохо; почти целый день они сидели неподвижно на одном и том же месте. Их темные красивые перья взъерошились и утратили блеск, глаза с безнадежной тоской были устремлены ввысь, в небо.

Первую неделю в Скансене Горго был еще бодр и оживлен, но потом на него напала страшная сонливость. Как и другие орлы, он смирно сидел на одном и том же месте, уставившись в одну точку и ничего не замечая вокруг.

Однажды утром Горго, пребывавший в своем обычном оцепенении, услыхал, как кто-то снизу зовет его. Он едва заставил себя опустить взгляд на землю, откуда раздавался голос.

— Кто зовет меня? — спросил он.

— Горго, неужели ты меня не узнаешь? Я — Малыш-Коротыш,

который путешествовал по свету с дикими гусями.

— Что, Акка тоже в неволе? — спросил Горго так вяло, словно пытался собраться с мыслями после долгого сна.

— Нет, и Акка, и белый гусак, и вся стая, верно, целые и невредимые, уже на севере, в Лапландии. Один я здесь, в плену.

Но Горго, кажется, его уже не слышал — он отвел взгляд и снова устремил его в ту же невидимую точку.

— Орел! — воскликнул Нильс. — Я не забыл, как ты однажды принес меня назад к диким гусям и как пощадил белого гусака! Скажи, чем я могу теперь пособить тебе?

Горго, с трудом подняв голову, сказал:

— Не мешай мне, Малыш-Коротыш! Я сплю и вижу во сне, будто я, вольный, парю высоко-высоко в небе, и я не желаю просыпаться.

— Встряхнись и погляди вокруг, — убеждал его мальчик. — А не то вскоре станешь таким же жалким, как и эти орлы!

— Хотел бы я быть как они. Они глубоко погрузились в свои сны, и ничто не может их отвлечь, — отвечал Горго.

Когда настала ночь и орлы давно уже спали, вдруг послышалось легкое царапанье о стальную проволочную сетку, покрывавшую орлиную клетку сверху. Двум старым, отупевшим орлам-пленникам шум не помешал, но Горго проснулся.

— Кто там? Кто там скребется на крыше? — спросил он.

— Горго, это я, Малыш-Коротыш, — ответил Нильс. — Я подпиливаю стальную проволоку наверху, чтобы выпустить тебя.

Орел поднял голову и в свете лунной ночи увидел мальчика, подпиливавшего стальную проволочную сетку. На миг он преисполнился надежды, но тут же снова пал духом.

— Я — большая птица, Малыш-Коротыш, — сказал он. — Где тебе распилить столько стальных проволок, чтобы я мог выбраться на волю? Лучше брось эту затею и оставь меня в покое!

— Спи, не обращай на меня внимания, — ответил мальчик. — Сегодня ночью и даже завтра мне эту работу не осилить. Но все же я попытаюсь освободить тебя, здесь ты погибнешь!

Горго снова заснул, но утром, проснувшись, он тотчас увидел, что немало стальных проволок уже перепилено. В тот день он был намного бодрее, чем во все другие дни плена. Хлопая крыльями, он прыгал с ветки на ветку по дереву, желая поразмяться.

На другое утро, лишь первая полоска зари окрасила небо, Малыш-Коротыш разбудил орла.

— Теперь, Горго, попытайся! — сказал он.

Орел глянул вверх. И впрямь — мальчик распилил столько проволок, что в стальной сетке зияла большая дыра.

Горго расправил крылья и рванулся ввысь. Первые его

попытки выбраться из плена были неудачны, и орел падал обратно в клетку. Но наконец ему повезло, и он счастливо вылетел на волю.

Гордо рея, он взмыл под облака. Крошечный Малыш-Коротыш сидел, с тоской глядя ему вслед и мечтая о том, чтобы кто-нибудь тоже выпустил его на свободу.

К тому времени мальчик уже освоился в Скансене и был тут как дома. Он перезнакомился со всеми обитавшими там животными, а со многими даже подружился.

В Скансене было что посмотреть и чему поучиться, и мальчик подчас не замечал, как идет время. Однако он ни на одну минуту не переставал тосковать по Мортену-гусаку и другим своим спутникам. «Не будь я связан обещанием, — думал он, — я бы уже давно нашел птицу, которая бы отнесла меня к ним.

Может показаться невероятным, что Клемент Ларссон не вернул мальчику свободу, но следует вспомнить, как помутилось в голове у старого музыканта перед тем, как он покинул Скансен. В то утро, когда ему надо было уезжать, он все же думал выставить малышу кашу с молоком в голубой плошке, но, на беду, такой нигде не нашлось. К тому же все обитатели Скансена — лапландцы, далекарлийские девушки, строительные рабочие и садовники — пришли к нему проститься, и он так и не успел раздобыть голубую плошку. Пора было уезжать, и Клементу ничего другого не оставалось, как только попросить о помощи одного хорошо знакомого ему старика из Лапландии.

— Случилось, что один из малого народца, из домовых, живет здесь, в Скансене, — сказал ему Клемент, — и я обычно кормлю его по утрам. Окажи мне услугу: возьми эти монетки, купи голубую плошку и поставь ее завтра с кашей и молоком под лестницу Бульнеской лачуги.

Старик лапландец удивился такой просьбе, но у Клемента не было времени растолковать подробней; он торопился на станцию, к поезду.

Честный лапландец отправился в Юргорден за плошкой, но так как подходящей голубой ему не попалось, он купил белую. И в белой плошке добросовестно выставлял домовому каждое утро кашу с молоком.

Вот так и получилось, что мальчика не освободили от его слова. И он с обидой думал — Клемент уехал, а вот ему уйти не позволил.

В эту ночь мальчик больше чем когда-либо тосковал по свободе. Ведь уже прошла весна и наступило лето. Много раз за время путешествия он страдал от холода и ненастья, а когда очутился в Скансене, то подумал: может, это и хорошо, что ему

пришлось прервать полет с дикими гусями. Ведь попади он в Лапландию в мае, он бы попросту там замерз. Теперь же стало тепло, земля покрылась травой, березы и тополя оделись блестящей шелковистой листвой, даже осторожные дубы начали разворачивать свои листья. Зацвели вишневые, да и все другие фруктовые деревья. На ягодных кустах уже виднелись мелкие зеленые ягодки. Горох, капуста и бобы зеленели на огородах Скансена. «Должно быть, теперь и на севере, в Лапландии, тепло и радостно, — думал мальчик. — Как хотел бы я снова очутиться на спине у Мортена-гусака! До чего хорошо было бы снова в такое чудесное утро лететь в нагретом тихом воздухе и глядеть вниз на землю, такую нарядную, украшенную зелеными травами и яркими цветами.

Так он сидел и думал, как вдруг из облаков стремглав вынырнул орел и опустился рядом с ним на крышу клетки.

— Я хотел испытать свои крылья, поглядеть, годятся ли они еще для полета, — сказал Горго. — Надеюсь, ты не подумал, что я брошу тебя здесь, в неволе? Садись ко мне на спину, я отнесу тебя к твоим спутникам!

— Нет, нельзя! — ответил мальчик. — Я дал слово остаться здесь, пока меня не выпустят на свободу.

— Это еще что за глупости! — рассердился Горго. — Сначала тебя притащили против твоей воли, а потом заставили дать обещание остаться здесь! Неужто ты не понимаешь, что такую клятву никто держать не станет!

— И все же я вынужден остаться, — сказал мальчик. — Спасибо тебе, ты очень добр, но помочь ты мне ничем не можешь.

— Не могу помочь? — спросил Горго. — Сейчас увидишь!

В тот же миг он подцепил Нильса Хольгерссона своей большой когтистой лапой, поднялся с ним под самые облака и понесся на север.

XXXIX ВПЕРЕД, ЧЕРЕЗ ЙЕСТРИКЛАНД!

ДРАГОЦЕННЫЙ ПОЯС

Среда, 15 июня

Стокгольм уже скрылся из виду, а Горго все летел на север. Наконец он приземлился на поросший лесом холм и отпустил крепко зажатого в когтистой лапе мальчика.

Очутившись на воле, тот со всех ног пустился бежать в ту сторону, где, как ему казалось, лежал город.

Орел гигантским прыжком догнал мальчика и придержал его лапой.

— Неужто ты собираешься вернуться назад в темницу? — спросил он.

— Какое тебе дело? Куда хочу, туда и бегу! — ответил, пытаясь освободиться, мальчик.

Тогда орел снова крепко обхватил Нильса своей могучей лапой и, поднявшись с ним в воздух, помчался дальше на север.

Орел пролетел всю провинцию Упланд и нигде больше не останавливался, пока не добрался до водопада близ Эльвкарлебю. Он сел на камень посреди бурлящей реки, у самого подножья водопада, и только тут отпустил своего пленника.

Мальчик сразу понял, что здесь от орла ему никуда не скрыться. Сверху белопенной стеной низвергался водопад, а вокруг кипел и клокотал могучий поток. Нильс был очень огорчен тем, что невольно нарушил свое слово. Он решил не разговаривать с орлом и повернулся к нему спиной.

Опустившись в таком месте, откуда мальчик не мог убежать, орел стал рассказывать, как его воспитала Акка с Кебнекайсе и как он, сам того не желая, сделался врагом своей приемной матери.

— Теперь, Малыш-Коротыш, ты, может, поймешь, почему мне хочется снова доставить тебя назад к диким гусям, — молвил он под конец. — Я слыхал, будто ты в великой милости у Акки, и хотел просить тебя помирить нас.

Как только мальчик понял, что орел унес его из Скансена не просто из упрямства, он перестал на него сердиться и дружески сказал:

— Я бы охотно выполнил твою просьбу и помог тебе, но ведь я связан клятвой.

И он, в свою очередь, поведал орлу, как попал в плен и как Клемент Ларссон, не выпустив его на волю, оставил Скансен.

Но орел не желал отступаться от своих намерений:

— Послушай-ка меня, Малыш-Коротыш! Мои крылья могут доставить тебя, куда захочешь, а глаза — отыскать все, что твоей душе угодно. Расскажи мне, каков с виду человек, который взял с тебя слово; я найду его и отнесу тебя к нему. А уж там — твоя забота заставить его отпустить тебя.

Мальчику пришлись по душе слова орла.

— Сразу видно, Горго, что твоей приемной матерью была такая мудрая птица, как Акка, — улыбнулся он.

Затем он очень точно описал орлу Клемента Ларссона и добавил, что слышал в Скансене, будто старый музыкант родом из провинции Хельсингланд.

— Мы обыщем всю эту провинцию, от Лингбу до Мелланшё, от Стурбергета до Хурнсландета, — пообещал Горго. — И завтра, прежде чем наступит вечер, ты побеседуешь с этим человеком.

— Ты сулишь больше, чем можешь выполнить, — не поверил ему Нильс.

— Плохим был бы я орлом, если б не мог справиться даже с такой малостью, — ответил Горго.

Когда орел с Малышом-Коротышом улетели из Эльвкарлебю, они были уже добрыми друзьями. На этот раз мальчик пустился в путь верхом на спине орла. Теперь у него была возможность осмотреть те места, над которыми он пролетал. Ведь когда орел нес его в своих когтях, Нильс ничего не видел. Не до того ему было, да это, пожалуй, и к лучшему. Он наверняка бы сильно огорчился, если бы знал, что пролетел, так ничего и не разглядев, над курганами Упсалы, над большим заводом в Эстербю, над копями Даннемуры и над старинным замком Эрбюхус.

Орел нес его со страшной скоростью над Йестрикландом. Южная часть провинции не очень-то привлекла внимание мальчика. Там тянулась бесконечная равнина, сплошь поросшая еловым лесом. Зато к северу, от границы Далекарлии до Ботнического залива, раскинулся дивный край — холмы, одетые чернолесьем, зеркальная гладь озер и бурлящие потоки. Вокруг белых церквей теснились многолюдные селения, дороги и железнодорожные пути повсюду пересекали друг друга, дома утопали в яркой зелени, а из цветущих садов доносилось сладостное благоухание.

Вдоль водных путей располагалось множество больших железоделательных заводов, похожих на те, какие мальчик видел уже в Бергслагене. С равными промежутками она тянулись в один ряд до самого моря, на берегу которого белели громады домов какого-то большого города. К северу от этого благодатного края снова пошли темные мрачные леса. Но это была уже не равнина,

и леса напоминали здесь вспенившиеся морские волны: они то поднимались вверх, покрывая высокие горные кряжи, то сбегали вниз, в долины.

«Эта провинция — в юбке из ельника и в кофте из гранита, — подумал мальчик, — а опоясана она драгоценным поясом, равного которому нет на свете! Ведь он расшит голубыми озерами да цветущими лугами. Огромные железоделательные заводы украшают его, точно драгоценные камни. А вместо пряжки на поясе — целый город со множеством домов, с церквами и замками».

* * *

Путешественники пролетели изрядную часть пути на север над этим лесистым краем; наконец Горго опустился на голую скалистую вершину. Мальчик тут же соскочил, на землю, а орел сказал:

— Мне не забыть свою клетку и не стать по-настоящему вольной птицей, пока я не слетало на охоту! Как ты, не будешь бояться, если, я улечу от тебя?

— Да нет, не буду! — заверил его мальчик.

— Броди где вздумается, только до захода солнца возвращайся сюда, на это самое место, — предупредил его орел и улетел.

Сидя на камне и глядя на голые скалы и на обступавшие их дремучие леса, мальчик почувствовал себя совсем одиноким и заброшенным. Но не прошло и получаса, как внизу, в лесу, вдруг зазвучала песня, и он увидел, как что-то светлое мелькает между стволами деревьев. Вскоре он уже разглядел голубой с желтым крестом флаг, а судя по песне и веселому гулу, которые доносились до него, понял, что за флагом следует длинная вереница людей. Но прошло довольно много времени, прежде чем он смог их разглядеть. Мальчик сгорал от любопытства — куда это они направляются с флагом по нехоженым лесным тропам? Никогда бы ему и в голову не пришло, что люди станут подниматься на эти неприютные пустынные горы. Но они взбирались именно сюда. Сначала на лесной опушке появился флаг, а за ним целая процессия, которой флаг указывал путь. На горной пустоши ключом забила жизнь, и в тот день мальчик увидел столько любопытного, что ему ни минуты не пришлось скучать.

ПРАЗДНИК ЛЕСА

На широком горном хребте, где Горго оставил Малыша-Коротыша, лет десять назад случился лесной пожар. Потом обуглившиеся деревья свалили и увезли, а края громадного пожарища, там, где к ним подступал нетронутый огнем бор, начали покрываться лесной порослью. Но большая часть горной пустоши была по-прежнему голой и пустынной. Черные пни торчали среди каменных плит как свидетели того, что некогда здесь рос высокий великолепный лес; ныне же ни один древесный побег не тянулся ввысь из обгоревшей земли.

Люди не переставали удивляться, отчего это лес так медленно одевает горную пустошь. Но никто не подумал о том, что от лесного пожара земля пострадала больше, чем от самой долгой засухи. Огонь не только погубил деревья и все, что росло под ними — вереск и багульник, мох и брусничник; после пожара почва, покрывавшая скалы, стала сухой и рыхлой, будто зола. При любом ветерке она вихрем взметалась в воздух, а так как горная пустошь была открыта всем ветрам, они мало-помалу стали сметать с нее землю. Ветру, само собой, помогала и дождевая вода. Вдвоем они за десять лет подмели и обмыли горную пустошь дочиста. Теперь она лежала такая голая, пустынная и каменистая, что казалось — такой ей и оставаться до скончания века.

Но однажды в начале лета дети той округи, где находилась обгоревшая гора, собрались перед одной из школ. У каждого ребенка на плече была мотыга или лопата, а в руке — узелок со съестным. Длинной вереницей дети стали подниматься в гору. Впереди кто-то нес флаг, по бокам шагали учителя и учительницы, замыкали шествие лесничие и лошадь, тянувшая воз с молодыми сосенками и еловыми семенами.

Дети не остановились ни в одной из березовых рощ, раскинувшихся поблизости от селения, а двинулись дальше в глубь леса. Они шли по старым тропкам, ведущим на летние пастбища, и лисицы высовывали морды из нор, удивляясь: что это за люди? Может, это скотники идут на летние пастбища?! Они шли мимо старых угольных ям, и клесты вертели своими загнутыми клювами, вопрошая друг друга: что это за люди? Может, это углежоги проникли сегодня в дремучую чащу?

Наконец шествие подтянулось к огромному обгоревшему плоскогорью. Каменные глыбы лежали голые, лишенные своего прекрасного покрова из серебристого мха и седого, такого милого на вид оленьего лишайника; их не украшали, как прежде, плети чудесной линией. Вокруг черных вод, скопившихся в расселинах и выемках, не росло ни одного листика заячьего щавеля, ни одного цветка белокрыльника. На небольших островках земли, еще

сохранившихся кое-где в расселинах и между камнями, не зеленел ни папоротник, ни седмичник, ни белый копытень — ни одно из тех легких, мягких и нежных растений, которые обычно украшают еловые леса.

Казалось, когда появились дети, на серых выгоревших вершинах разлился свет. Казалось, теперь на этих помолодевших и повеселевших вершинах все вновь начнет расти и цвести. Кто знает, быть может дети и впрямь помогут этим заброшенным бедным скалам вновь обрести жизнь?!

Дети отдохнули, поели и, взяв мотыги и лопаты, принялись за работу. Лесничие показали им, что надо делать, и дети стали высаживать одну сосенку за другой на все, даже самые крошечные клочки земли, которые им посчастливилось обнаружить. Работая, они серьезно, словно взрослые, толковали друг с другом о том, как эти маленькие деревца свяжут землю и ее не будет уносить ветром. Мало того, потом под деревьями образуется новая почва и в нее упадут семена. А через несколько лет там, где сейчас торчат одни голые каменные глыбы, люди станут собирать и малину, и чернику. Мелкие же саженцы постепенно превратятся в высокие деревья, и из них, может статься, построят со временем большие дома или чудесные корабли.

А если бы дети не пришли сюда и не посадили бы деревья, пока в расселинах оставались еще горстки земли, ее всю унесло бы ветром и водой и гора никогда больше не поросла бы лесом.

— Как хорошо, что мы пришли сюда! — радовались дети. — Еще немножко, и было бы поздно! — И сердца их наполнялись гордостью оттого, что они занимаются таким важным делом.

Пока дети трудились на вершине горы, их отцы и матери сидели дома, но одна мысль не давала им покоя: как-то там их чада справляются с работой?! Ну не смешно ли, что этакие малыши взялись сажать лес! Все же любопытно было бы взглянуть, как у них идут дела? И тут родители, не вытерпев, сами отправились на пустошь. На тропе, ведущей к летнему пастбищу, они встретили соседей.

— Вы на старое пожарище?

— Да, мы туда.

— Вы — в горы, поглядеть на детей?

— В горы. Надо бы узнать, как там у них идут дела?

— Да ничего, кроме баловства, из этого не выйдет!

— Куда им! Ну сколько деревьев могут посадить эдакие крохи?

— Мы захватили с собой кофейник, пусть хлебнут горяченького. Ведь целый день едят всухомятку.

И вот отцы и матери уже наверху, на горе. Сначала им

бросилось в глаза только то, как преобразились эти серые скалы оттого, что повсюду на их склонах рассыпались пестро одетые, розовощекие дети. А присмотревшись, родители удивились, как деловито они работают: одни сажали маленькие сосенки, другие проводили борозды и бросали в них семена, третьи выдергивали вереск, чтобы он не заглушал малюсенькие саженцы. Да, дети взялись за работу всерьез и так старались, что даже головы поднять им было некогда.

Отцы молча постояли минутку-другую, а потом сами, словно забавы ради, стали выдергивать вереск. Дети, уже овладевшие этой наукой, превратились в наставников и стали показывать отцам, а потом и матерям, как ловчей справляться с кустиками вереска.

Вот так и получилось, что взрослые, которые пришли только взглянуть на детей, принялись за работу. Тут дело пошло еще веселее, чем раньше. А спустя некоторое время подоспели и новые помощники.

Теперь потребовалось куда больше мотыг и лопат. Нескольких длинноногих мальчиков отрядили вниз, в селение. Когда они пробегали мимо домов, те, кто не пошли в горы, спрашивали:

— Что случилось? Неужто беда какая?

— Да нет же! Просто все поднялись наверх, на старое пожарище, сажают там лес!

— Ну, коли все там, не станем же мы дома сидеть!

И эти люди тоже пришли на обгоревшую гору. Сперва они молча смотрели, как работают другие, а потом и сами брались за мотыги. Хорошо засевать свое поле весной, мечтая о будущем урожае, но сажать деревья еще более заманчиво!

Этот лесной посев принесет не слабые колосья, а великаны деревья с высокими стволами и могучими ветвями. Лесная страда даст урожай не на одну только зиму, а на долгие, долгие годы вперед. Здесь снова будут летать насекомые, петь дрозды, токовать глухари — словом, на пустынных вершинах снова пробудится жизнь. Да и, кроме того, посадить лес — все равно что воздвигнуть себе памятник перед лицом грядущих поколений. Ведь можно было оставить им в наследство голые угрюмые вершины. Они же получат во владение гордые леса! И, поразмыслив об этом, потомки поймут, как добры и умны были их предки, и преисполнятся к ним уважением и благодарностью.

XL ДЕНЬ В ХЕЛЬСИНГЛАНДЕ

БОЛЬШОЙ ЗЕЛЕНЫЙ ЛИСТ

Четверг, 16 июня

На другой день орел с мальчиком пролетели над провинцией Хельсингланд. Она лежала внизу, обновленная, одетая в свежий весенний наряд из молодой березовой листвы, молодой травки на лугах, молодых всходов на нивах, молодых зеленых шишек на еловых деревьях. Местность была высокая, гористая, но в самой середине ее протянулась просторная и светлая долина, а по обе стороны от нее разбегались другие долины — то узкие и короткие, то широкие и длинные. «Этот край, пожалуй, можно сравнить с листом дерева, — подумал мальчик, — потому что он такой же зеленый, как лист, а долины, разветвляясь и пересекаясь между собой, образуют сеть, подобно жилкам на листе». От самой большой долины сначала отделились две крупные боковые долины: одна — на востоке, другая — на западе. Затем подальше от нее стали ответвляться мелкие, а долина все тянулась и тянулась на север, где от нее снова отчленились два широких рукава. Не сама она значительно сузилась, хотя еще тянулась вперед, пока не исчезла в лесной глухомани.

Посреди большой долины текла многоводная река, расширявшаяся во многих местах в озера. К реке прилегали луга с разбросанными на них маленькими серыми сарайчиками. Выше, над лугами, начинались поля, а на границе долины, у опушки леса, в один почти непрерывный ряд выстроились большие я красивые усадьбы. То там, то тут на берегу реки поднимались церкви, и тогда усадьбы собирались вокруг них в крупные селения. Дома теснились и вокруг железнодорожных станций и лесопильных заводов, разбросанных близ озер и рек. Лесопильни легко угадывались но нагроможденным вокруг них штабелям досок.

В боковых долинах тоже были озера, поля, селения и усадьбы. Эти ответвления большой долины, светлые и улыбчивые, уютно прятались меж темных гор, пока те мало-помалу не начинали их теснить. Тогда долины становились все уже и уже и под конец не могли вместить ничего, кроме маленького ручейка.

На горах, обступивших долины, рос густой хвойный лес — чем выше, тем гуще. Раз здесь широких просторов не было, ему приходилось взбираться на громоздившиеся вокруг хребты. И лес покрывал их, словно мохнатая звериная шкура какое-то костлявое

туловище.

Провинция Хельсингланд сверху казалась очень нарядной. Мальчику удалось увидеть немалую ее часть. Ведь орел в поисках старого музыканта Клемента Ларссона летал, высматривая его, от одной долины к другой.

Когда рассвело, жизнь в усадьбах забила ключом. Первым делом распахнулись настежь двери скотных дворов и коров стали выгонять на волю. В здешних местах скотные дворы строили большими и высокими, с дымовыми трубами, с высокими и широкими окнами; и коровы тут были красивые, светлой шерсти, низкорослые, но проворные, с твердой поступью. Бодрые и веселые, они резво шли в стадо. Вышли со скотного двора и телята с овцами, тоже, как видно, в самом лучшем расположении духа.

С каждой минутой во дворах крестьянских усадеб становилось все оживленнее. Молодые девушки с котомками за спиной расхаживали возле скотины. Мальчик с длинным прутом в руках сгонял в стадо овец. Маленькая собачонка носилась среди коров и облаивала самых бодливых. Хозяин одной из усадеб запряг лошадь и загружал телегу кадками для масла, формами для сыра и разными съестными припасами. Люди смеялись, пели песни, они, как и животные, веселились, словно зная, что их ожидает светлый праздничный день.

Спустя час все направились в лес, покрывавший склоны гор. Одна из девушек шла впереди, приманивая скотину звонкими криками; стадо длинной вереницей тянулось за ней. Пастушонок и овчарка бегали взад-вперед, приглядывая за коровами и овцами, чтобы ни одна не свернула с дороги. Шествие замыкали крестьянин-хозяин и его работник. Они шли с обеих сторон телеги и следили, чтобы она не опрокинулась на узкой, каменистой лесной тропинке.

То ли у крестьян в Хельсингланде был обычай выгонять скот на лесные пастбища в один и тот же день, то ли так случайно получилось, во всяком случае, мальчик увидел, как вереницы людей и животных выходили из каждой долины, из каждой усадьбы и скрывались в пустынном глухом лесу, который тотчас оживал. В темной лесной чаще целый день раздавались крики девушек-коровниц, перезвон и стук коровьих колокольчиков да ботал. Многим приходилось идти длинными, трудными дорогами, и мальчик видел, с каким величайшим трудом преодолевали люди топкие болота, какие большие крюки делали в сторону, обходя буреломы. Не раз случалось, что телеги натыкались на камни и опрокидывались со всей кладью. Но люди встречали все трудности звонким смехом и веселыми шутками.

После полудня путники добрались до летних пастбищ в лесу, где было построено несколько небольших домиков и низенький скотный двор. Когда коровы очутились во дворе между домами, они радостно замычали, словно признали знакомые места, и тотчас принялись щипать сочную зеленую траву. Люди, шутя и весело болтая, натаскали воды и дров, а потом уже внесли в самый вместительный из домов кладь, что привезли с собой на телеге. Вскоре из трубы повалил дым, а вслед за тем девушки-коровницы, пастушонок и хозяин с работником, усевшись вокруг плоского камня, стали обедать.

Горго-орел думал, что наверняка найдет Клемента Ларссона среди тех, кто отправился в лес, на горный выгон. Стоило ему увидеть вереницу людей и скота, идущих на летние пастбища, он опускался как можно ниже и оглядывал людей своими зоркими глазами. Но время шло, а Клемент Ларссон так и не находился.

Орел целый день парил над лесом, а к вечеру прилетел в гористую и безлюдную местность, лежавшую к востоку от самой большой долины. И снова мальчик увидел в лесу под собой летний выгон с пастушьими хижинами. Люди и скотина уже пришли туда. Мужчины кололи дрова, а девушки доили коров.

— Глянь-ка, — молвил Горго. — Сдается, это он!

Орел опустился пониже, и, к своему величайшему удивлению, мальчик увидел, что он говорит правду. Там, на краю горного выгона, колол дрова невысокий старичок. Это и впрямь был Клемент Ларссон.

Горго опустился в дремучем лесу неподалеку от хижин.

— Ну вот, я выполнил то, что обещал, — сказал он, гордо вскинув голову. — Теперь дело за тобой. Потолкуй со старым музыкантом. А я спрячусь в густой хвое на верхушке сосны и подожду тебя.

КАК ОДНАЖДЫ ЖИВОТНЫЕ ВСТРЕЧАЛИ НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ В ЛЕСУ

На горном выгоне дневные дела были закончены и ужин съеден. Но люди засиделись допоздна за беседой. Давненько не бывали они в лесу летней ночью и спать никому не хотелось. Было светло как днем, и девушки-коровницы усердно занимались рукоделием. Время от времени они поднимали голову от работы, вглядывались в лесную чащу и улыбались неизвестно чему. «Ну вот, мы и снова здесь!» — словно говорили они про себя.

И дом, и селение с их беспокойной жизнью и суетой уже отступили как будто в далекое прошлое, а лес окутывал их своим тихим, молчаливым покоем. Когда дома, в усадьбе, они думали о

том, что все лето им придется провести одним в лесу, они не знали, как смогут это выдержать. Но стоило им очутиться на летнем выгоне с пастушьими хижинами, как они поняли, что наступает лучшая пора их жизни.

С ближних летних пастбищ к ним пришли молодые девушки и парни; народу собралось много, и все уселись на зеленой лужайке перед хижинами. Парни должны были назавтра вернуться домой, и девушки давали им разные мелкие поручения и посылали с ними поклоны в селение. Больше ни о чем разговора не было. Беседа пока не клеилась.

Вдруг старшая из девушек подняла голову от работы и весело сказала:

— Негоже нам нынче вечером молча коротать время. Ведь с нами на горном пастбище два человека, которые так любят рассказывать разные истории. Один из них — Клемент Ларссон, который сидит рядом со мной, а другой — Бернхард из Суннаншё. Вон тот, что стоит и глазеет на горную гряду Блаксосен — гряду Буланой лошади. Попросим их рассказать какую-нибудь историю! А тому из них, кто нас лучше позабавит, я подарю шейный платок, который вышиваю.

Слова девушки вызвали шумное одобрение. Те же, кому предстояло состязание, сначала, ясное дело, стали отказываться, но вскоре сдались. Клемент попросил начать Бернхарда, и тот согласился. Он не очень хорошо знал Клемента Ларссона и думал, что тот вылезет с какой-нибудь старой историей о привидениях да троллях. Он знал: люди охотно слушают такие сказки — и решил сам рассказать подобную.

— Много-много лет тому назад, — начал он, — в ночь под Новый год ехал здесь один пастор из Дельсбу, верхом на лошади. Одет он был в шубу и меховую шапку, а к луке седла была у него приторочена сумка. Вез он в ней потир, молитвенник и свое облачение. Его призывали к большому в дальнем лесном селении; вот он и просидел там до позднего вечера, утешая больного. Теперь он наконец возвращался домой дремучим лесом, думая добраться до своей усадьбы хотя бы после полуночи.

Ясное дело, лучше было бы спокойно лежать дома в постели, чем разъезжать ночью верхом. Но пастор не сетовал — ведь ночь могла выдаться для такой прогулки и много хуже. Погода стояла тихая, мягкая, небо чуть заволокли тучи. Полная луна, большая и круглая, плыла за тучами; и хотя ее саму не было видно, она разливала мутный свет. Если бы не этот слабый свет, пастору было бы нелегко разглядеть конную тропу. Зима выдалась бесснежная, и все вокруг было одинакового буро-серого цвета.

В ту ночь пастор ехал верхом на лошади, которой очень

дорожил. Сильная, выносливая, умная, как человек, лошадь эта имела еще одно достоинство: она издали чуяла свой дом и могла отовсюду отыскать к нему дорогу. Пастор знал за ней это свойство и так надеялся на свою лошадь, что никогда не задумывался, в ту ли сторону едет. Так ехал он, опустив поводья, и той пасмурной ночью в дремучем лесу. А мысли его витали где-то далеко.

Он думал и о проповеди, которую должен был назавтра читать, и о многом другом. Прошло немало времени, прежде чем он решил оглянуться и узнать, далеко ли отъехал. Вокруг по-прежнему, как и в начале пути, стеной стоял дремучий лес. Вот так чудо! Ведь он ехал уже долго и должен бы был оказаться в той части прихода, где начинались пахотные земли.

В ту пору в Дельсбу все было точно так же, как и сейчас. Церковь с усадьбой пастора и все большие усадьбы и селения располагались в северном конце прихода вокруг озера Деллен, а в южном были одни леса да горы. Увидев кругом глухой лес, пастор вдруг понял, что по-прежнему находится в южной части прихода и едет совсем не в ту сторону, где дом. Правда, на небе не светились ни луна, ни звезды, по которым он мог бы верно определить свой путь, но пастор обычно чутьем угадывал, где находится, и вот сейчас оно подсказывало ему, что он едет не на север, а на юг, а то, может статься, и на восток.

Он собрался было немедля повернуть лошадь назад, но вдруг передумал. Никогда прежде не случалось ей сбиться с пути, не заблудилась она, наверно, и сегодня. Скорее всего, ошибся он сам — задумался и не следил за дорогой. Пастор предоставил лошади бежать по старому пути, а сам опять погрузился в раздумье.

Но вскоре его сильно хлестнуло длинной веткой и чуть не выбросило из седла. Тогда он все же решил узнать, куда заехал.

Глянув вниз, он заметил, что под копытами лошади стелется мягкий мох и что никакой конной троны там и в помине нет. Тем не менее лошадь довольно резво, твердой, решительной поступью шла вперед, но пастору снова показалось, что едет он совсем не в ту сторону, куда ему надо.

На сей раз он не стал медлить и решил вмешаться. Схватив поводья, он вынудил лошадь повернуть назад, и ему удалось вывести ее обратно на конную тропу. Но после первого же поворота она снова свернула с торной дороги и двинулась в лесную чащу.

Видя такое упрямство лошади, пастор подумал — может статься, она хочет выйти на лучшую дорогу, и снова предоставил ей свободу. Лошадь бежала легко, хотя никакой тропы не было. Если дорогу ей преграждал скалистый утес, она легко и ловко

взбегала наверх, словно горная коза. Если же надо было спуститься с крутизны, лошадь, сдвинув все четыре ноги, съезжала по каменным откосам вниз.

«Только бы она отыскала дорогу до начала службы, — думал пастор. — Не то что скажут мои прихожане из Дельсбу, если я не окажусь вовремя в церкви?!»

Но долго размышлять по этому поводу ему не пришлось, так как он вдруг оказался в знакомом месте. То было маленькое темное лесное озерцо, где он прошлым летом удил рыбу. И он окончательно убедился, что опасался не зря. Лошадь завезла его в лесную чащобу и продолжала упрямо стремиться на юго-восток. Она словно решила увезти пастора как можно дальше от церкви и от усадьбы.

Он поспешно соскочил с седла. Не мог же он позволить лошади тащить себя в такую глухомань! Ему во что бы то ни стало надо было скорее домой, а его верная лошадь вздумала артачиться и упрямо шла не туда, куда ему нужно. Что ж, придется ему идти пешком, а лошадь вести под уздцы, пока они не выйдут на знакомую тропу. Намотав на руку поводья, он пустился в путь. Нелегко было шагать по лесу в тяжелой шубе, но пастор был человек сильный, закаленный, не боявшийся никаких тягот.

Но сегодня лошадь доставляла ему одни огорчения. Она не желала следовать за хозяином и, упершись в землю копытами, всячески ему противилась.

Тут пастор разозлился. Никогда ему не приходилось бить эту лошадь, не хотелось делать это и сегодня. Бросив поводья, он, прежде чем расстаться с ней, сказал:

— Ну что ж, здесь мы и простимся, если ты желаешь идти своей дорогой.

Но не успел он пройти и несколько шагов, как лошадь побежала за ним следом, догнала и осторожно захватила зубами за рукав, пытаясь остановить. Пастор обернулся и заглянул лошади в глаза, желая понять, отчего она так странно себя ведет.

Позднее он сам себе не мог объяснить, как все произошло. Пастор хорошо помнил только, что несмотря на темноту, он явственно видел морду лошади, особенно ее глаза. И прочитал в них, словно это были глаза человека, все, что испытывало животное: лошадь терзал ужасный страх и беспокойство. В глазах ее читались и мольба, и укор. «Я служила тебе верой и правдой, я изо дня в день покорялась твоей воле, — казалось, говорил ее взгляд. — Неужто ты не пойдешь за мной хотя бы этой ночью?»

Пастора тронули умоляющие глаза животного. Что бы там ни было, ясно, что нынче ночью лошадь нуждалась в его помощи. А

так как он был человек не робкого десятка, то решил последовать за ней. Не медля долее, он подвел лошадь к первому попавшемуся камню, чтобы удобнее было сесть в седло.

— Ну, трогай! — сказал он. — Я не оставлю тебя. Пусть никто никогда не посмеет сказать, что пастор из Дельсбу отказался помочь кому-либо в беде.

Он пустил лошадь идти, куда ей хочется, и думал лишь о том, как бы удержаться в седле. Дорога стала трудной, опасной и, казалось, почти все время шла в гору. Лес окружал путников дремучей стеной, и в двух шагах ничего не было видно. Но пастора все равно не покидало ощущение, будто они въезжают на какую-то высокую гору, взбираются на страшные кручи. Ему самому никогда и в голову бы не пришло вести свою лошадь по такому пути.

— Уж не собираешься ли ты, чего доброго, подняться на горную гряду Блаксосен? — спросил пастор и усмехнулся, так как Блаксосен была едва ли не самой высокой горной грядой в Хельсингланде. Но пока они поднимались в гору, пастор стал замечать, что он и лошадь не единственные нынче на этом пути. Он слышал в ночи, как скатывались с круч камни, как трещали сломанные ветви. Казалось, будто какие-то крупные животные и звери прокладывали себе дорогу в лесу. Он знал, что в здешних краях полно волков, и не переставая думал — уж не везет ли его лошадь на единоборство с хищниками?

Дорога шла все в гору да в гору; и чем выше они взбирались, тем сильнее редел лес.

Наконец они очутились на почти оголенном горном гребне, где пастор мог осмотреться по сторонам. Он увидел вокруг лишь бесконечные громады скал и утесов, поросших мрачными дремучими лесами; они то поднимались ввысь, то опускались долу. В царившей вокруг кромешной тьме ему трудно было разглядеть, где они находятся, но вскоре все стало ясно.

«Ну и дела! Ведь я и впрямь въехал на горную гряду Блаксосен, — подумал он. — А может, это другая гора? Да нет! Вон на западе высится скала Йёрвсё — Росомахи, а на востоке, вокруг острова Агён, сверкает море! Да и на севере что-то блестит. Это, наверно, озеро Деллен. А здесь, подо мной, курится белая дымка водопада Нианфорсен! Да, сомнения нет, я поднялся на горную гряду Блаксосен. Вот так история!»

Когда они взобрались на самую высокую вершину, лошадь, словно желая спрятаться, остановилась за густой елью. Пастор, наклонившись, отвел рукой ветви так, чтобы свободно видеть все вокруг.

Перед ним открылась лысая макушка горы, но она вовсе не

была пустынной и необитаемой, как он ожидал. Посреди открытой площадки высился громадный валун, вокруг которого собралось множество диких зверей. Казалось, они прибыли на тинг. Ближе всех к огромному валуну расположились медведи; тяжелые, крепко сколоченные, они напоминали одетые в меховые шубы каменные глыбы. Они лежали, нетерпеливо помаргивая маленькими глазками. Медведи явно пробудились от зимней спячки только ради того, чтобы пойти на тинг. Но их все время клонило ко сну. За ними плотными рядами, окутанные мраком, сидели несколько сотен волков. Уж их-то никак нельзя было назвать сонными! В этой зимней мгле они казались куда оживленнее, чем когда-либо летом. Они сидели на задних лапах, как собаки, хлестали землю хвостами и тяжело дышали, разинув пасти и высунув длинные языки. За спинами волков неслышно крались на своих пружинистых ногах рыси, похожие на огромных уродливых кошек. Они, казалось, не желали попадаться на глаза другим зверям, сторонились их и шипели, когда кто-нибудь подходил к ним поближе. Следующий ряд за рысями занимали росомахи; их морды напоминали собачьи, а шкуры — медвежьи. Им было непривычно, неуютно на земле, и они нетерпеливо топтались на своих широких лапах, стремясь поскорее взобраться на деревья. За ними по всей площадке до самой лесной опушки кишели лисицы, ласки, куницы. Казавшиеся совсем маленькими рядом с другими хищниками, они, ловкие, гибкие и такие красивые, были гораздо более жестоки и кровожадны, чем многие крупные звери.

Пастор видел все очень хорошо, поскольку площадка была ярко освещена багровым пламенем. Ведь на огромной каменной глыбе стояла самая настоящая троллиха с сосновым факелом в руке — от него-то и шел свет. Эта лесная дева, длинная-предлинная, вровень с самыми высокими деревьями в лесу, напоминала со спины гнилой пень; на ней был плащ из еловых ветвей, а на голове вместо волос росли еловые шишки. Она стояла молча, к чему-то прислушиваясь, и, обратив лицо к лесу, всматривалась во тьму.

Хотя пастор видел все совершенно отчетливо, зрелище было настолько невероятное, что все его существо словно восстало и он отказывался верить своим глазам. «Нет, такое просто немыслимо, — думал он. — Я слишком долго скакал в лесной мгле. Все это мне просто мерещится».

Тем не менее он во все глаза смотрел по сторонам, ожидая, что же будет дальше.

Ждать пришлось недолго. В лесу раздался звон колокольчиков, а затем шум, топот и треск ломающихся ветвей,

как бывает, когда стадо животных прокладывает себе путь через лесную чащу.

И правда, огромнее стадо домашних животных поднималось в гору. Они выходила из леса в таком порядке, в каком направлялись обычно на летнее пастбище. Впереди шла корова-вожатка с колокольчиком на шее, затем бык, за ним — другие коровы, а в хвосте молодняк — телки и телята. За ними, теснясь, следовало стадо овец, за овцами — козы, а замыкали шествие лошади с жеребятами. Рядом со стадом бежала овчарка, но ни пастушонка, ни девушки с горного выгона не было.

У пастора защемило сердце; ведь домашние животные шествовали прямехонько навстречу хищникам, на растерзание. Ой хотел было преградить им путь, криком заставить их остановиться, но понял, что задержать скотину нынче ночью не во власти человеческой, и промолчал.

Как мучились домашние животные, идя навстречу тому ужасному, что их ожидало! До чего они были жалкие и перепуганные с виду. Корова-вожатка с колокольчиком на шее шла, понурив голову, еле передвигая ноги. Даже козы не бодались, не прыгали и не резвились. Лошади пытались бодриться, но все равно дрожали от страха. А самой жалкой казалась овчарка. Поджав хвост, она почти ползла по земле.

Корова-вожатка с колокольчиком на шее подвела стадо почти к самой лесной троллихе, стоявшей на вершине каменной глыбы. Корова обошла вокруг валуна, а потом повернула назад к лесу, и ни один из хищников не тронул ее. Точно так же проследовало и все остальное стадо; и ни один из хищников даже не коснулся домашних животных.

Пока скотина проходила мимо лесной девы, она то и дело склоняла свой сосновый факел над кем-либо из животных.

И всякий раз, когда это случалось, хищники испускали громкий и веселый рев, особенно, если факел метил корову или какое-нибудь другое крупное животное. А животное это, видя склоненный над ним факел, кричало громко и пронзительно, словно в него вонзали нож. Стадо же, к которому оно принадлежало, также разражалось жалобами и сетованиями.

Тут пастор начал понимать, что происходит. Ему и раньше доводилось слышать, будто всякий раз под Новый год животные и звери из Дельсбу собираются на горной гряде Блаксосен и лесная троллиха метит своим факелом домашних животных, которые в этом году будут отданы на съедение хищникам. Он испытывал глубочайшее сострадание к несчастной скотине, которая попадет во власть диких зверей, хотя иного господина, кроме человека, у нее не должно бы быть.

Только первое стадо миновало валун, как снизу из лесу снова послышался звон колокольчика, и на вершину горы поднялась новая вереница домашних животных, но уже из другой усадьбы. Стадо это шло в том же порядке, что и первое, и направлялось прямо к лесной деве, которая, по-прежнему стоя на каменной глыбе, беспощадно и сурово посылала на смерть одно животное за другим.

За этим стадом потянулись нескончаемым потоком и остальные. Одни стада были так малы, что состояли всего лишь из одной коровы и нескольких овец, а некоторые даже всего лишь из пары коз. Ясно было, что хозяева их — владельцы маленьких убогих лачуг. Но и эту скотину метила, опуская свой факел, лесная троллиха. Никто не знал пощады.

Пастор думал о крестьянах из Дельсбу, питавших великую любовь к своим домашним животным! «Если б они только знали о том, что здесь творится, они бы этого ни за что не допустили. Они бы скорее пожертвовали собственной жизнью, чем согласились, чтобы скотина их проходила сквозь строй волков и медведей и получала смертный приговор от лесной девы».

Последним поднялось в гору стадо самого пастора. Еще издали узнал он звон колокольчика своей коровы-вожатки; похоже, что узнала его и лошадь пастора. Вся в поту, она дрожала мелкой дрожью.

— Так, стало быть, теперь твой черед пройти мимо лесной троллихи и получить приговор, — сказал пастор лошади. — Не бойся! Я понимаю, почему ты привела меня сюда, и я тебя не предам!

Великолепное стадо пастора прошествовало длинной вереницей из леса и уже подходило к чудищу и к хищникам. Последней шла лошадь, которая привезла своего хозяина на вершину горной гряды Блаксосен. Он не спешился, а продолжал сидеть в седле, позволив лошади везти себя к лесной деве.

При нем не было ни ружья, ни ножа для защиты, когда он отправился навстречу чудищу. Сначала никто его как будто не заметил. Скотина пастора проходила мимо лесной троллихи точно так же, как и другие стада. Однако она ни разу не опустила свой сосновый факел. Стоило же подойти к ней умной лошади, как чудище шевельнулось, словно собираясь обречь ее на смерть.

Но в тот же миг свет факела упал на человека. Лесная дева закричала громким, пронзительным голосом, и факел выпал у нее из рук на землю.

Пламя тотчас же погасло, и свет внезапно сменился тьмой. Пастор уже не мог ничего разглядеть. Да и расслышать тоже ничего не мог. Вокруг воцарилась глубокая тишина, какая обычно

и стоит в зимнюю пору на дикой лесной пустоши.

Но тут тяжелые тучи, покрывавшие небо, внезапно расступились, и в просвете между ними выплыл полный месяц, ярко осветивший землю. И пастор увидел, что он один стоит со своей лошадью на вершине горной гряды Блаксосен. Ни одного из хищников там уже не было. А на земле не осталось и следа топтавших ее копыт. Сам же пастор по-прежнему сидел верхом, а лошадь под ним вся дрожала, обливаясь потом.

Когда пастор съехал вниз с горы и вернулся домой в усадьбу, он и сам не знал, во сне или наяву случилось с ним то, что он пережил. Но одно он твердо знал: то был знак ему, призыв подумать о бедных домашних животных, попадавших во власть хищников. И он стал так истово читать проповеди крестьянам из Дельсбу, что в его времена были истреблены все волки и все медведи в округе. Правда, когда пастора не стало, они появились там вновь.

На этом Бернхард закончил свою историю. Все наперебой расхваливали его, и казалось, не было сомнения в том, что награду получит он. Многие даже шептались: жаль Клемента, ни к чему старику с ним состязаться.

Но Клемент храбро приступил к рассказу.

— Однажды, когда я бродил по Скансену близ Стокгольма и скучал по дому, — начал он…

Далее он поведал своим слушателям о домовом, которого откупил у рыбака, чтобы малышу не пришлось томиться в клетке, где на него без конца глазели бы люди. И еще Клемент рассказал о том, что, сотворив такое доброе дело, он тотчас был за него вознагражден. Старик говорил без умолку, а слушатели его все больше и больше удивлялись. Когда же, наконец, старый музыкант дошел до королевского лакея и чудесной книги, все девушки положили рукоделие на колени. Застыв от изумления, они не спускали глаз с Клемента, которому довелось пережить такие необычайные приключения.

Лишь только Клемент кончил свой рассказ, старшая из девушек объявила, что шейный платок достается ему.

— Бернхард рассказал про то, что было с другим человеком, а Клемент сам попал в настоящую сказку. Это, я думаю, куда любопытней, — добавила она.

Никто с ней не спорил. Услыхав, что Клемент разговаривал с самим королем, все стали смотреть на него совсем другими глазами. Старый музыкант, смущенный и гордый, был на верху блаженства, но изо всех сил старался этого не показывать. Вдруг кто-то спросил его, куда девался домовой?

— Сам-то я не успел выставить ему голубую плошку, —

признался Клемент. — Но я попросил сделать это старика лапландца. А что сталось после с малышом, я того не знаю.

Не успел Клемент вымолвить эти слова, как сверху, неведомо откуда, свалилась и ударила его по носу маленькая сосновая шишка. С дерева она упасть не могла, да и бросить ее никто не мог. Откуда она взялась, так никто и не понял.

— Ай, ай, Клемент! — сказала старшая из девушек. — Похоже, малый народец слышал, о чем мы говорили. Ты сам должен был поставить домовому голубую плошку, а не поручать это другому.

XLI В ПРОВИНЦИИ МЕДЕЛЬПАД

Пятница, 17 июня

На другое утро орел с мальчиком вылетели раным-рано, и Горго, наверно, рассчитывал в этот день оказаться в самой глубине провинции Вестерботтен. Вдруг он услыхал, как мальчик говорит самому себе: «В краю, над которым мы пролетаем, людям, видно, и жить невозможно».

Земля, простиравшаяся под ними, была южной частью Медельпада, и там, кроме сплошных безлюдных лесов, и впрямь ничего не было. Орел, услыхав слова мальчика, тотчас прокричал:

— Нет, жить тут можно, только вместо пашен здесь леса! Вон там, наверху, — лесные пашни!

Мальчик подумал, как велика разница между светло-желтыми полями ржи и темными хвойными лесами! Слабый ржаной колос вырастает за одно лето! А крепко-ствольным хвойным деревьям нужны долгие годы, прежде чем они вырастут и созреют настолько, чтобы можно было снимать урожай.

— Да, надо запастись терпением тому, кто захочет увидеть плоды с такой пашни, — пробормотал он.

Некоторое время орел с мальчиком летели молча, пока не очутились над вырубкой, где не осталось ни одного дерева, а землю сплошь покрывали кора да обрубленные ветки. И тут, пролетая над усеянной пнями землей, орел услыхал, что мальчик говорит самому себе, какие это неприглядные и бедные края!

— На этом лесном поле жатва была прошлой зимой! — тотчас прокричал орел.

Мальчик вспомнил, как дома, в его родных краях, прекрасным светлым летним утром жнецы выезжали в поле на своих жатвенных машинах и за короткое время убирали большую делянку. Урожай же с лесного поля снимали зимой. Дровосеки выходили на дикие пустоши, где высокими сугробами лежал снег, а мороз обжигал лицо и руки. Даже одно дерево свалить тяжело, а чтобы очистить целую лесную делянку, такую большую, как эта, им, наверно, приходилось жить в лесу много недель.

— Умелый, должно быть, народ собирает урожай с такого вот лесного поля! — сказал Нильс.

Несколько взмахов орлиных крыльев, и на краю поляны, усеянной пнями, мальчик увидел низенькую лачугу без единого оконца. Она была сложена из грубых неотесанных бревен, а вместо дверей болталось несколько досок. Крыша из коры и веток уже обвалилась, и внутри лачуги виднелось несколько больших

камней, служивших очагом, да широкие деревянные лавки. Пролетая над лачугой, орел услыхал, как мальчик спрашивает, кто бы мог жить в такой жалкой хижине.

— Здесь жили жнецы, которые убирали лесное поле, ясно?! — тотчас прокричал орел.

Мальчик вспомнил, как дома, в его родных краях, жнецы, веселые и радостные, возвращались с работ домой и как им подавали на стол все самое лучшее, что только матушка хранила в кладовой. Здесь же после тяжких трудов они отдыхали на твердых и жестких лавках в лачуге, которая была хуже любого хлева. А чем они кормились, он вообще понять не мог.

— Да, вряд ли для этих лесных работников устраивали пирушки в честь уборки урожая, — сказал он.

Чуть подальше они увидали ужасно скверную дорогу, петлявшую по лесу. Узкая и извилистая, вся в камнях и выбоинах, она была вдобавок изрезана во многих местах ручьями. Когда они пролетали над ней, орел услыхал, как мальчик спрашивает, что можно перевозить по такой ужасной дороге.

— По этой вот дороге и возили лесную жатву, которую потом складывали в древесные копны! — закричал орел.

Мальчик снова вспомнил, как бывало весело у них дома, в родных краях, когда на больших возах, запряженных двумя сильными лошадьми, везли собранный с поля урожай. Малый, правивший лошадьми, гордо восседал выше всех на снопах, лошади выступали так важно, а сельские ребятишки, которым позволялось взбираться на возы, сидели там, крича и смеясь, то ли от радости, то ли от испуга. А здесь — тяжелые бревна перевозили вверх-вниз по отвесным склонам. Лошадь, должно быть, бывала измотана вконец, а возница, поди, не раз впадал в отчаяние.

— Да, вряд ли эта дорога видела много веселья! — сказал мальчик.

Орел, взмахивая могучими крыльями, несся вперед, и вскоре они очутились на речном берегу, который был сплошь усыпан стружками, щепками и корой. Орел услыхал, как мальчик спрашивает, почему берег так замусорен.

— Здесь лесную жатву складывали в копны! — прокричал орел.

Мальчик вспомнил, как дома, в его родных краях, снопы складывали в копны впритык к усадьбам, словно они служили их лучшим украшением. Здесь же лесную жатву свозили вниз на пустынный берег реки да там и оставляли.

— Вряд ли кто ходит по этой пустоши, пересчитывает свои бревна и сравнивает их с соседскими, — сказал мальчик.

Немного погодя они добрались до большой реки Юнган, текущей по широкой долине. И сразу все кругом переменилось, словно мальчик с орлом попали совсем в другие места. Темный хвойный лес по-прежнему одевал высокие кручи над долиной, но внизу склоны поросли белоствольными березами и осинами. Долина была так обширна, что река во многих местах смогла образовать озера. На берегах раскинулось большое богатое селение с добротными, на совесть построенными усадьбами.

Летя над долиной, орел услыхал, как мальчик спрашивает, хватает ли здешних лугов и пашен, чтобы прокормить столько людей.

— Здесь живут жнецы, которых кормит лесная пашня! — прокричал орел.

Мальчик вспомнил о низеньких домиках и обнесенных изгородью дворах у них в Сконе. Здесь же люди жили в настоящих господских усадьбах.

— Похоже, прибыльное дело лесной промысел, — сказал он.

Орел держал путь прямо на север, через реку, но пролетев немного над ней, услыхал, что мальчик спрашивает, кто заботится о бревнах после того, как их складывают на берегу.

Тогда Горго повернул на восток и полетел вдоль реки Юнган.

— Это река заботится о них и сплавляет бревна на лесную мельницу! — прокричал орел.

Мальчик вспомнил, как у них дома, в родных краях, следили за тем, чтобы ни одно зернышко не пропало. Здесь же тьма-тьмущая бревен плыла по реке и никто за ними не присматривал. Мальчик не мог поверить: неужто хотя бы половина бревен прибывает туда, куда надо? Одни плыли посредине реки, и с ними все было ладно; другие же, оказавшись у берега, натыкались на мысы или же застывали на мели, в спокойной заводи заливов. В озерах бревен скапливалось столько, что они сплошь покрывали всю поверхность. Казалось, они будут отдыхать там, сколько им вздумается. Много бревен застревало у мостов, в водопадах же они порой попросту переламывались. В быстринах бревна спотыкались о камни и выстраивались высокими, колыхающимися штабелями.

— Немало, должно быть, времени потребуется, чтобы это зерно попало на лесную мельницу, — сказал мальчик.

Орел продолжал медленно лететь вдоль реки Юнган. Порой он, распластав крылья, тихо застывал на месте, и мальчик мог разглядеть, как убирают лесной урожай.

Вскоре они подлетели туда, где трудились сплавщики. И орел услыхал, как мальчик спрашивает, что за люди бегают по берегу.

— Это те, кто спасает лесной урожай, который застрял в

пути! — прокричал орел.

Мальчик вспомнил, как спокойно и мирно возили у них дома, в родных краях, урожай на мельницу. Здесь же молодые парни носились по берегу реки с длинными баграми в руках, с трудом направляя лес но нужному руслу. Мокрые с ног до головы, они брели прямо по воде вдоль берега, перепрыгивали с камня на камень посреди бурлящих порогов, ходили по раскачивающимся шатким штабелям бревен, да так спокойно, будто шагали по ровной земле. То были отчаянно смелые и дерзкие люди.

— Смотрю я на это и вспоминаю кузнецов в Бергслагене, которые обращались с огнем так, словно он ничуть не опасен, — сказал мальчик. — А эти сплавщики так играют с водой, будто они над нею господа! Видно, и вправду они усмирили воду и она не смеет им вредить.

Мало-помалу орел с мальчиком приближались к устью реки, и вот уже перед ними расстилается Ботнический залив. Горго, однако, не полетел вперед по прямой, а направился вдоль берега на север. Но не успел он пролететь и несколько миль, как вдруг путешественники увидали внизу лесопильный завод, который мог вполне сойти за маленький городок. Орел, паря над лесопильней, услыхал, как мальчик говорит самому себе: какой это большой, хороший, ну прямо чудесный завод!

— Это — большая лесная мельница! Она мелет бревна и зовется Свартвик! — прокричал орел.

Мальчик вспомнил ветряные мельницы у них дома, в родных краях. Как мирно стояли они среди зеленых равнин, медленно вращая крыльями! Эта же мельница, предназначенная для того, чтобы перемалывать урожай, снятый в лесу, — располагалась у самого берега. На воде перед ней плавало множество бревен, и одно за другим их втаскивали железными цепями но наклонному помосту в дом, напоминавший огромный сарай. Что творилось с ними там, внутри, мальчик видеть не мог, но он слышал страшный шум и грохот. А с другой стороны дома выбегали небольшие вагонетки, доверху груженные белыми досками. Вагонетки катились по блестящим рельсам к складу, где из досок составлялись штабеля, которые, словно дома в большом городе, выстраивались в целые улицы. В одном месте возводили новые штабеля, в другом — разбирали старые и переносили доски на борт больших кораблей, стоявших в ожидании груза. Рабочих там было полным-полно, а за складам досок, ближе к лесу, виднелись их жилища.

— Здесь трудятся так, что скоро распилят весь лес в Медельпаде, — сказал мальчик.

Орел чуть пошевелил крыльями, и они тотчас увидели другой

лесопильный завод, примерно такой же большой, как и первый, — с лесопилкой, складом досок, причалом и жилищами рабочих.

— Вот тебе еще одна из этих огромных лесных мельниц! А зовется она Кубикенборг! — закричал орел.

— Видно, лес дает куда больший урожай, чем можно было бы ожидать, — сказал мальчик. — Но это, должно быть, последняя на нашем пути мельница из тех, что перемалывают бревна.

Горго, тихо шевеля крыльями, пролетел еще мимо нескольких лесопильных заводов и приблизился к большому городу. Услышав, что мальчик спрашивает, какой это город, орел прокричал:

— Это — Сундсвалль! Наипервейшая усадьба во всей лесопильной округе!

Мальчик вспомнил города на юге, в Сконе, такие серые, такие старые и хмурые на вид. Здесь же, на сумрачном севере, город Сундсвалль, уютно расположенный на берегу прекрасного залива, выглядел новехоньким, радостным и каким-то сверкающим. А если смотреть на него сверху, он казался особенно праздничным и веселым; в самой середине города теснились высокие каменные дома, такие великолепные, какие едва ли сыщешь и в самом Стокгольме. Множество деревянных домиков, утопавших в небольших садиках, широким поясом окружали эти каменные дома, но не вплотную, а немного отступя. Казалось, эти деревянные домики знали свое место, знали, что они не чета каменным, и не смели придвинуться к ним поближе.

— Этот город — богат и могуч! — сказал мальчик. — Неужто он стал таким благодаря тощей лесной почве?

Шевельнув крыльями, орел перелетел к острову Альнён, лежавшему прямо против Сундсвалля. Мальчик был поражен: сколько лесопильных заводов выстроилось здесь вдоль берегов! Один подле другого расположились они и на острове Альнён, и на суше прямо против острова — завод к заводу, склад к складу. Мальчик, насчитав по крайней мере сорок таких заводов, решил, что на самом деле их гораздо больше!

— Ну и чудеса здесь на севере, — сказал он. — Таких мне нигде за все путешествие видеть не приходилось. Жизнь так и кипит! Удивительная у нас страна! Куда ни прилетишь, всюду найдется для людей работа, которая их прокормит!

XLII УТРО В ОНГЕРМАНЛАНДЕ

ХЛЕБ

Суббота, 18 июня

На другое утро, пролетев немного над провинцией Онгерманланд, орел сказал, что нынче он голоден и ему надо непременно раздобыть себе корм. Посадив мальчика на громадную сосну, стоявшую на высоком горном кряже, он улетел.

Мальчик нашел себе уютное местечко на развилине двух ветвей и сидел там, глядя вниз на Онгерманланд. Утро стояло пригожее, солнце позолотило верхушки деревьев, слабый ветерок, играя, шевелил хвою, из лесу доносилось дивное благоухание. Перед мальчиком раскинулся чудный край. Нильс был весел, беззаботен, и ему казалось, что никому на свете не живется так хорошо, как ему.

Перед ним открывался широкий, ничем не заслоняемый вид на все стороны. На западе поднимались утесы и горные вершины. И чем дальше они отстояли от него, тем более дикими и высокими казались. На востоке тоже громоздились гряды гор, но они, постепенно опускаясь, становились все ниже, пока не превращались у самого моря в настоящую равнину.

Повсюду сверкали реки и речушки, то и дело образовывавшие водопады и пороги, затруднявшие их бег в горах. Но стоило им приблизиться к побережью, как эти же реки и речушки широко расстилали свои сверкающие воды. Мальчик видел с дерева и Ботнический залив.

У берега он был усеян точками островов и изрезан зубцами мысов. А дальше, в глубине, чистая гладь залива казалась подернутой сплошной голубой пеленой, как летнее небо.

«Здешний край похож на речной берег, над которым недавно пролился дождь и где еще виднеются оставленные им ручейки; ручейки эти растекаются по всему берегу, прокладывая борозды и заполняя их водой. Они змеятся, извиваются, а после сбегаются воедино, — думал мальчик. — До чего же красив Онгерманланд! Помнится, старик лапландец в Скансене говаривал, что Швеция в недобрый для нее час была перевернута кверху ногами. Все смеялись над ним, но он стоял на своем и все повторял: если б эти люди только видели, как чудесно там, наверху, на севере, они бы поняли: вряд ли с самого начала северным землям было предназначено лежать так далеко, на краю света. И я почти уверен, что лапландец говорил правду».

Насмотревшись вволю на открывавшийся перед ним прекрасный вид, мальчик снял со спины котомку, вытащил оттуда кусочек белой крупитчатой булочки и стал есть. «Пожалуй, такой вкусной булки я не едал, — думал он — А как много еще осталось! Хватит, пожалуй, на несколько дней. Не думал я вчера, что раздобуду такое богатство!»

Смакуя булочку, он стал вспоминать, как она к нему попала. «Оттого она и кажется такой вкусной, что досталась мне просто чудом», — подумал он.

Орел и мальчик покинули Медельпад еще накануне вечером. Только они перелетели пределы Онгерманланда, как мальчик увидел речную долину и реку. Они были красивее всех остальных долин и рек, виденных им во время путешествия.

Долина раскинулась среди гор на диво просторно, так что мальчику пришло на ум — уж не вырыла ли ее в стародавние времена другая река, много крупнее и мощнее той, которая текла там сейчас. А после того, как вырыли долину, она мало-помалу стала заполняться песком и землей, конечно, не вся сразу, а начиная от подножия гор. Уже в этом песке и земле та река, что теперь бежала по долине, тоже широкая и многоводная, прорыла глубокое русло и сотворила себе великолепные, затейливо изрезанные берега. Они то опускались вниз мягкими пологими склонами, пестрыми от разбросанных повсюду красных, голубых и желтых цветов, таких ярких, что даже издали мальчик различал их; то поднимались ввысь отвесными стенами и башнями там, где береговая насыпь была твердая-претвердая и даже не могла ее сточить.

С высоты мальчику казалось, будто внизу он видит одновременно три разных мира. Глубоко, на дне долины, где бежала вперед река, был один мир. Там сплавляли лес, там от причала к причалу устремлялись речные суда, шумели лесопильные заводы, нагружались большие баржи. Там ловили лососей, плавали на веслах, ходили под парусами. Там взад-вперед стаями летали ласточки, которые вили гнезда в крутом, отвесном склоне.

Но чуть повыше, на равнине, простиравшейся до подножья гор, начинался совсем другой мир! Там поднимались усадьбы, селения и церкви, а крестьяне засевали свои небольшие пашни. Там повсюду зеленели луга, пасся скот; там, в огородиках, засаженных капустой, трудились женщины; там змеились проселки, шумели по железной дороге поезда.

А над всем этим, на вершинах поросших лесом горных кряжей, мальчик увидел еще один, совсем новый для него мир. Там высиживали птенцов глухарки, в густых зарослях скрывались

лоси, караулили добычу рыси и грызли орехи белки. Там благоухала хвоя, цвел черничник, пели дрозды.

Наглядевшись на эту благодатную долину и горные кряжи, мальчик стал жаловаться, что хочет есть. Вот уже целых два дня у него во рту маковой росинки не было, и он совсем изголодался.

Горго не хотелось, чтобы пошли толки, будто мальчику с ним живется хуже, чем с дикими гусями, и он тотчас замедлил свой полет.

— Что же ты раньше об этом не сказал? — рассердился орел. — Ты получишь столько корма, сколько пожелаешь. Разве можно голодать, когда летаешь вместе с орлом?!

Вскоре Горго увидел какого-то крестьянина, который засевал поле совсем близко от берега реки. Крестьянин носил зерно в корзинке, висевшей у него на груди. Всякий раз, когда зерно в корзинке кончалось, он насыпал новое из мешка, стоявшего у межи. Орел решил, что мешок этот битком набит самым отборным кормом, какой только может пожелать мальчик. И Горго стрелой ринулся к земле.

Но не успел он снизиться, как вокруг поднялся ужасный шум. И сороки, и воробьи, и ласточки, оглушительно крича, бросились к орлу, думая, что он собирается вонзить когти в кого-нибудь из них:

— Прочь, прочь, разбойник! Прочь, прочь, птичий погубитель! — кричали они.

Птицы подняли страшный переполох! На шум прибежал крестьянин, и орлу пришлось поспешно взлететь ввысь, а мальчику так и не досталось ни единого зернышка.

Эти малые пташки сотворили просто чудо. Они не только вынудили орла улететь, но и преследовали его довольно далеко, надо всей долиной. И повсюду их крики слышали люди. Женщины выходили во двор и хлопали в ладоши так, что казалось, будто трещат ружейные залпы, а мужчины выбегали из дому с винтовками в руках.

И так было всякий раз, когда орел пытался спуститься на землю. Мальчик уже потерял надежду, что орел раздобудет ему какую-нибудь еду. Он и не подозревал, до чего все ненавидят и презирают Горго! Ему даже стало жаль орла.

Спустя некоторое время они пролетали над большой крестьянской усадьбой, где хозяйка пекла булки.

Она как раз выставила целый противень со свежеиспеченными белыми булочками во двор. Пусть остынут! А сама стояла рядом и стерегла, чтобы ни кошка, ни собака не украли ни одной булочки.

Орел низко парил над усадьбой, не осмеливаясь на глазах у

крестьянки опуститься на двор. Он растерянно летал взад-вперед, несколько раз почти садился на трубу, но тут же снова взмывал ввысь.

Вдруг крестьянка заметила орла. Подняв голову, она стала следить за ним.

— Чего это он? — подивилась она. — Никак ему моих пшеничных булочек захотелось?

Женщина была такая славная — высокая, светловолосая, с приветливым и открытым лицом. Расхохотавшись от всего сердца, она взяла с противня булочку и подняла ее над головой.

— Хочешь есть, подлетай и возьми! — крикнула крестьянка.

Вряд ли орел разобрал ее слова, но все-таки он сразу понял, что женщина хочет дать ему белую булочку. Он стрелой метнулся вниз, схватил булочку и снова взлетел в вышину.

Когда мальчик увидел, что белая булочка в клюве у орла, на глазах у него выступили слезы. Но плакал он вовсе не от радости, что на несколько дней избавлен от голода. Он был тронут тем, что крестьянка поделилась хлебом с дикой хищной птицей.

Теперь, сидя на верхушке сосны, он снова видел эту картину: высокая светловолосая женщина стоит во дворе своей усадьбы и протягивает орлу булочку!

Женщина эта наверняка узнала в огромной птице орла, разбойника, которого люди обычно встречают громкими выстрелами! Наверно, видела она и крохотного заколдованного мальчика, которого орел нес на спине. Но она не раздумывала, кто они и откуда. Она догадалась, что они голодны, и поделилась с ними своим чудесным хлебом.

«Если я когда-нибудь снова стану человеком, — подумал мальчик, — я отыщу эту славную женщину у большой реки и поблагодарю ее за то, что она была так добра к нам».

ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Мальчик еще завтракал, когда с севера вдруг потянуло легким дымком. Быстро повернувшись в ту сторону, он увидел, что со второго от него лесистого кряжа поднимается небольшой белый, как туман, столбик дыма. Странным казался этот дым в глухой чащобе дремучего леса. Может статься, там летнее пастбище и девушки-коровницы варят к завтраку кофе?

Но удивительно было, как рос и распространялся этот дым. Нет, не мог он подниматься из трубы хижины на горном выгоне! А может, в лесу работают углежоги? В Скансене Нильс видел лачугу углежога и угольную яму. Слышал он, будто такие же есть и в здешних лесах. Но ведь угольщики жгут угли большей частью

осенью и зимой!

Дым разрастался с каждой минутой. Теперь он клубился уже надо всем горным хребтом. Нет, не может быть, чтобы от одной угольной ямы валил такой дым! Должно быть, это пожар! Тем более что птицы целыми стаями взмывали ввысь и перелетали на ближайший горный кряж — и ястребы, и глухари, да и другие птицы, такие маленькие, что издали нельзя было разглядеть, кто они, спасались от пожара.

Невысокий белый столбик дыма превратился в тяжелое белое облако, которое опрокинулось на край лесистой горной гряды и стало опускаться вниз в долину. Из него вылетали искры и хлопья сажи, а порой сквозь дым вырывались и багровые языки пламени. Должно быть, там, в горах, бушевал страшный пожар! Но чему же там гореть? Неужели в лесу пряталась большая крестьянская усадьба? Да нет, от одной усадьбы такого пожара не будет! Теперь дым валил уже не только с лесистого горного кряжа; из долины, которая скрывалась за ближайшей возвышенностью, также стали подниматься клубы дыма. Не иначе — горел весь лес.

Нильсу трудно было поверить, что такой свежий зеленый лес — и вдруг горит! Но, судя по всему, так оно и было! Лес и вправду горел. А что, если огонь перекинется и сюда, к нему?! Правда, вряд ли это возможно, но мальчику все равно захотелось, чтобы орел поскорее вернулся за ним! Лучше убраться подальше от пожара! Один лишь запах гари, который приходилось вдыхать, и тот был просто невыносим.

Какой ужасный треск и шипение раздались вдруг на ближайшем к Нильсу лесистом кряже! Там, на самой верхушке, стояла высокая сосна, точно такая же, на какой сидел мальчик. Эта могучая сосна вымахала выше всех других деревьев. Еще совсем недавно она стояла, ярко освещенная красноватыми лучами утреннего солнца. Теперь же вся хвоя на ней разом вспыхнула, зарделась, запылала! Такой нарядной сосна, наверно, никогда еще не была; однако хвалилась своей красотой она уже в последний раз. Сосна была первым деревом на этом лесистом кряже, которое охватил огонь. Но как пожар смог добраться до нее?! Перелетел ли он туда на своих багровых крыльях? Или же приполз по земле, как змея? Понять это было невозможно. Но так или иначе огонь добрался уже и сюда. Сосна пылала словно костер, сложенный из сухого хвороста.

Подумать только! Теперь уже во многих местах лесистой горной гряды валил дым. Огонь же уподоблялся то птице, то змее. Он мог перелетать по воздуху на большие расстояния, он мог переползать по земле. В одну минуту он охватил весь лесистый горный кряж.

Птицы поспешно улетали, спасаясь от пожара. Они выпархивали из дыма словно большие хлопья сажи и перелетали через долину на ту горную гряду, где сидел на дереве мальчик. Рядом с ним на сосне уселся филин, а веткой выше пристроился ястреб-тетеревятник. В другой день такое соседство было бы опасно для мальчика, но сейчас птицы даже не глядели в его сторону. Не в силах, видимо, постигнуть, что же приключилось с лесом, они не отрывали глаз от огня. Вот на макушку сосны метнулась куница, примостилась на самом кончике ветки и смотрела блестящими глазами на горящий лес. Совсем рядом с куницей сидела белка, но зверюшки, казалось, не замечали друг друга.

Но огонь уже ринулся вниз по склону в долину. Он шипел, он трещал и буйствовал; казалось, в горах бушует буря. Сквозь дым было видно, как языки пламени перекидываются с дерева на дерево. Сначала ель заволакивало тонкой пеленой дыма. Затем вся хвоя разом вспыхивала багровым пламенем, и дерево начинало с треском полыхать.

Внизу, в долине, бежал маленький ручеек, окаймленный ольшаником и невысоким березняком. Казалось, огонь должен был там остановиться. Ведь лиственные деревья не так быстро воспламеняются, как хвойные. Лесной пожар и в самом деле приостановился, словно на его пути встала стена, мешавшая ему двинуться дальше. Огненный вал полыхал на месте, пытаясь перекинуться на сосновый лесок по другую сторону ручейка, но тот, казалось, был для него недосягаем.

Пожар приутих было на время, но вот один особенно длинный язык пламени дотянулся до большой высохшей сосны, стоявшей чуть выше на горном склоне, и вскоре весь откос запылал ярким пламенем. И через ручеек огонь все-таки перекинулся. Стоял такой сильный жар, что любое дерево на склоне вспыхивало в один миг. С шумом и треском, словно неистовая буря или бурный водопад, пожар перенесся на лесистую горную гряду.

Тут ястреб-тетеревятник и филин поднялись в воздух, а куница поспешно спустилась вниз с дерева. Еще немного, и огонь переметнется на верхушку сосны! Самая пора уходить и мальчику, но не легко ему было спуститься по высокому прямому стволу! Крепко, изо всех сил цепляясь за этот ствол, он соскальзывал от одной ветки к другой, а под конец беспомощно свалился на землю. Но времени ощупывать свои ушибы у него не оставалось. Нужно было немедленно спасаться бегством.

Огонь, точно ураган, с треском и шипением налетел на сосну, земля под ногами мальчика нагрелась и начала дымиться. По

одну сторону от него промчалась рысь, по другую извивалась длиннющая гадюка, а совсем рядом с ней клохтала тетерка, бежавшая со всех ног со своими маленькими пушистыми тетеревятами.

Когда беглецы спустились с откоса вниз, в долину, им повстречались люди, которые вышли, чтобы погасить огонь. Они, наверно, явились сюда уже давно, но мальчик все время глядел только в ту сторону, откуда подступал огонь, и не заметил их раньше. В этой ложбине тоже бежал ручей, окаймленный широкой полосой лиственных деревьев, а за ними, под их защитой, трудились люди. Они валили хвойные деревья, стоявшие ближе всех к ольшанику, таскали воду из ручья и выливали ее на землю, очищали землю от вереска и багульника, чтобы огонь не пошел понизу.

Люди также не думали ни о чем другом, кроме лесного пожара, который теперь со страшной силой надвигался на них. Спасавшиеся от огня животные шмыгали у них под ногами, но люди даже не замечали их. Никто не попытался уничтожить гадюку или поймать тетерку, когда та носилась взад-вперед вдоль ручья со всем своим пискливым выводком. Никто не обратил внимания даже на Малыша-Коротыша. В руках у людей были большие сосновые сучья, которые они окунали в ручей. И с этим-то оружием они намеревались вступить в битву с огнем! Людей оказалось не так уж много, и просто чудо, что они готовились сражаться с огнем в то время как все живое в панике бежало от него.

Когда огонь с шумом, треском, нестерпимым жаром и удушливым дымом спустился под откос, готовый перекинуться через ручей, через стену лиственных деревьев и достичь другого берега, даже не останавливаясь, люди вначале отступили, словно были не в силах выдержать его натиск. Но бегство их было недолгим, они снова повернули назад.

Лесной пожар с ужасающей неистовой силой шел на приступ. Искры огненным дождем так и сыпались на лиственные деревья, длинные языки пламени шипя вырывались из клубов дыма, словно лес по другую сторону от ручья безудержно притягивал их к себе.

Но лиственные деревья приостанавливали огонь, а за ними, под их защитой, трудились люди. Там, где начинала куриться земля, они, набрав воды в ведра, остужали ее. Там, где какое-нибудь дерево окутывало дымом, люди бросались к нему, срубали дерево быстрыми ударами топора, валили его и на земле тушили пламя. Там, где огонь прокрадывался к вереску, они били его мокрыми сосновыми ветками и душили намертво.

Дым сделался до того густым, что все вокруг скрылось в его пелене; нельзя было даже разглядеть, как идет битва. Но битва была жестокой — это понимали все, и не раз назревала опасность, что огонь перекинется еще дальше.

Но представьте себе! Все-таки буйный треск огня стал понемногу стихать, а дым рассеиваться. К тому времени лиственные деревья потеряли свои листья, все до единого, земля под ними была выжжена дочерна и обуглена, люди тоже почернели от дыма и копоти и обливались потом. Но лесной пожар был остановлен, огонь перестал полыхать. И только дым, мягкий и белый, стлался по земле, из которой торчало лишь множество черных жердей. Это было все, что осталось от прекрасного, пышно разодетого леса.

Мальчик взобрался на каменную глыбу и оттуда глядел, как угасает огонь. Но теперь, когда пожар был побежден, Нильсу стала угрожать другая беда. Филин и ястреб-тетеревятник разом обратили на него свои взгляды.

Но тут он услышал, как его зовет знакомый голос. Горго-орел с шумом промчался над лесом. И вскоре мальчик уже привычно покачивался на спине орла в вышине, среди туч, в полной безопасности.

XLIII ВЕСТЕРБОТТЕН И ЛАПЛАНДИЯ

ПЯТЕРО РАЗВЕДЧИКОВ

Однажды в Скансене мальчик сидел на крыльце Больнеской пастушьей хижины и слушал, как Клемент Ларссон и старик лапландец говорят о Норланде. Оба были согласны с тем, что это — лучший край в Швеции. Но Клементу Ларссону больше были по душе места к югу от реки Онгерманэльвен, а старик лапландец утверждал, будто самые чудесные края те, что лежат к северу от этой реки.

Толковали они между собой, толковали, а потом вдруг оказалось, что на самом-то деле Клемент нигде севернее Хернёсанда и не бывал! Тут старик лапландец стал его высмеивать и пенять — зачем-де Клемент так твердо и уверенно говорит о землях, которых никогда в жизни не видывал!

— Расскажу-ка я тебе сказку, Клемент, чтоб ты знал, каковы на самом деле Вестерботтен и Лапландия, какова великая Страна Саамов, где тебе бывать не доводилось, — медленно произнес он.

— Никто не может сказать, что я не захотел слушать сказку! Точно так же, как никто не может сказать, что ты не захотел выпить чашку кофе! — ответил Клемент, и старик лапландец начал свою историю.

— Случилось однажды, Клемент, что птицы, жившие внизу, в Швеции, к югу от великой Страны Саамов, стали сетовать, будто тесно им живется. Вот и решили они переселиться на север.

Собрались они на совет и давай судить да рядить. Молодые и горячие, те хотели тотчас пуститься в путь. А старые и мудрые птицы пели свое: надо сначала выслать разведчиков да разузнать, какова чужеземная сторона.

— Пусть каждое из пяти великих птичьих племен вышлет своего разведчика, — сказали мудрейшие птицы. — Надо же нам знать, найдем ли мы на севере корм, гнездовья да убежища?

Пятеро самых надежных и умных птиц были тотчас посланы от пяти великих птичьих племен. Лесные птицы выбрали глухаря, полевые — жаворонка, морские — сизую чайку, водяные — нырка, а горные — полярного вьюрка.

Перед тем как пуститься в путь, глухарь — самый крупный из пятерых и самый почтенный — сказал:

— Впереди — огромные просторы. Если мы отправимся в путь вместе, немало времени потребуется, пока мы облетим весь край, который должны разведать. А если мы полетим врозь и

оглядим всяк свое, дело сладится за несколько дней.

Остальные четверо решили, что это мудрый совет и надо ему последовать. Сошлись все на том, что глухарь осмотрит самую сердцевину края, жаворонок отправится чуть восточнее, а сизая чайка полетит еще дальше на восток, туда, где суша встречается с морем. Нырок вызвался полететь чуть-чуть западнее, чем глухарь, а полярный вьюрок должен был проделать самый дальний путь на запад, вдоль границы Страны Саамов.

Вот так-то и полетели все пятеро птиц на север, до самых пограничных пределов края.

А вернувшись назад, поведали они птицам, которые собрались на сход, обо всем, что видели да слышали.

Сизая чайка, летавшая над взморьем, держала речь первой.

— Добрые края на севере, — молвила она. — Ничего, кроме длинного ряда шхер, там нет. Да еще полным-полно всяких проливов — рыба там так и кишит, а поросших лесом мысов да островов просто не счесть. Многие из них не заселены, и гнездовий для морских птиц там предостаточно. Правда, в проливе порой рыбачат и плавают на судах люди, но это бывает так редко, что не может помешать нам, птицам. Если племя морских птиц желает последовать моему совету, пусть тотчас же летит на север!

После сизой чайки говорил жаворонок, разведывавший весь край вдоль побережья:

— Не знаю, какие такие острова и мысы видела сизая чайка. Я летал лишь над обширными полями да прекраснейшими цветущими лугами. Никогда прежде не доводилось мне видеть земель, так изрезанных большими реками, широкими и могучими! До чего было радостно смотреть, как спокойно катят они свои воды по гладкой равнине! На берегах рек стоят усадьбы, одна от другой близко-преблизко, словно дома на городской улице, а в устьях рек поднимаются города. Но вообще-то край там очень пустынный. Если племя полевых птиц желает послушаться моего совета, пусть тотчас же летит на север!

Вслед за жаворонком речь повел глухарь, летавший над самой сердцевиной края.

— Не знаю, какие такие луга и шхеры видели жаворонок да сизая чайка, — молвил он. — Что до меня, то кроме сосняка и ельника, я ничего на своем пути не встречал. Есть там, правда, немало бурных стремительных рек да топких болот. Все же прочие земли, что не покрыты реками и болотами, поросли хвойными лесами. Не встречал я там ни пашен и полей, ни людского жилья. Если племя лесных птиц желает послушаться моего совета, пусть тотчас же летит на север!

Вслед за глухарем речь повел нырок, разведывавший земли, лежавшие за лесными угодьями.

— Не знаю, где только у жаворонка и у сизой чайки глаза были и какие такие леса видел глухарь, — молвил он. — Только вряд ли то, что есть наверху, на севере, можно назвать сушей. Там повсюду сплошь — большие озера. Да, да! В прекрасных зеленых берегах лежат темно-синие горные озера, из которых изливаются быстрые реки с шумными водопадами. Я видел церкви и большие селения лишь на берегах нескольких озер, а все прочие озера — спокойны и безлюдны. Если племя водяных птиц желает послушаться моего совета, пусть тотчас же летит на север!

Последним говорил полярный вьюрок, летавший вдоль границы:

— Не знаю, какие там озера видел нырок и в каких таких краях летали глухарь и жаворонок да сизая чайка. Я отыскал наверху, на севере, большую горную страну. Мне не встретились там ни равнины, ни могучие хвойные боры, а только горные вершины — одна за другой, только плоскогорья — одно за другим. Есть там ледники и снега, и горные ручьи, в которых текут молочно-белые воды. Ни пашен, ни лугов мои глаза так и не увидели, ничего, кроме земель, поросших ивняком, карликовой березой да оленьим мхом ягелем. Ни крестьян, ни усадеб, ни домашних животных я там не нашел, а одних только лапландцев, их чумы да оленей. Если племя горных птиц желает послушаться моего совета, пусть тотчас же летит на север!

Высказав всяк свое, пятеро разведчиков начали обзывать друг друга врунами и уже готовы были налететь один на другого и затеять драку, чтобы доказать правоту своих слов. Но старые и мудрые птицы, которые определили их в разведчики, с радостью выслушав все речи, остановили забияк.

— Не гневайтесь друг на друга, — сказали они. — Мы поняли из ваших слов, что наверху, на севере, есть и большие плоскогорья, и обширные озерные края, и огромные лесные угодья, и широкие равнины, и много-много шхер. Это — куда больше, чем мы ожидали. Не всякая даже большая страна может похвалиться такими богатыми владениями.

СЕВЕРНЫЙ КРАЙ ПУСКАЕТСЯ В СТРАНСТВИЕ

Суббота, 18 июня

Мальчик вспомнил сказку старика лапландца о пяти разведчиках, так как теперь ему самому довелось путешествовать над теми местами, о которых говорил лапландец. Орел сказал

Нильсу, что ровная полоса побережья, простиравшаяся под ними, — Вестерботтен, а синеватые горные гряды далеко на западе — уже Лапландия.

После страха, пережитого во время лесного пожара, было просто счастьем надежно и уверенно восседать на спине Горго. Да и путешествие их само по себе было прекрасным. Утром ветер дул с севера, потом он переменился, стал попутным, а вскоре, казалось, вовсе стих, и они не ощущали ни малейшего дуновения. Орел летел необычайно спокойно, и порой мальчику чудилось, будто они неподвижно замерли в воздухе и орел все машет да машет крыльями на одном месте.

Зато под ними все точно пришло в движение. Земля и все, что на ней было, медленно плыли на юг. Леса, дома, луга, изгороди, реки, города, шхеры, острова, лесопильные заводы — все и вся пустилось в странствие. Нильс только диву давался, куда это они направляются? Неужто земле и всему, что было на ней, наскучило жить на дальнем севере и они решили переселиться ныне вниз, на юг?

Среди всеобщего движения Нильс увидел лишь один-единственный неподвижный предмет. То был поезд железной дороги. Он стоял прямо под ними и точно так же как Горго-орел, не мог сдвинуться с места. Паровоз дымил и извергал искры, даже мальчику в вышине было слышно, как стучат о рельсы колеса, а между тем сам поезд стоял неподвижно. Мимо него проплывали леса, проносились будки железнодорожных сторожей, шлагбаумы и телеграфные столбы, а поезд по-прежнему оставался недвижим. Широкая река с длинным мостом попалась ему навстречу, но и река и мост через нее без малейшего труда проскользнули под поездом. Под конец к нему примчалась и сама железнодорожная станция. Начальник станции, стоя на перроне с красным флажком в руке, тихо плыл навстречу поезду. Когда же начальник взмахнул своим красным флажком, паровоз, выплюнув еще более черные клубы дыма, чем раньше, боязливо засвистел, словно жалуясь, что стоит на месте. Но в тот же миг он вдруг зашевелился, и точно так же, как раньше железнодорожная станция и все прочее, сам плавно покатился на юг. Мальчик увидел, как распахнулись двери вагонов и из поезда высыпали пассажиры. При этом все — и поезд, и пассажиры — продолжали двигаться на юг.

Тут мальчик оторвал взгляд от земли и стал смотреть прямо перед собой. Оттого, что он так долго не спускал глаз с этого удивительного поезда, в голове у него словно помутилось.

Мальчик стал рассматривать маленькие белые облачка, но через час это ему наскучило и он снова обратил взгляд вниз. И

ему опять показалось, что они с орлом неподвижно застыли в воздухе, а все остальное катится на юг. Сидя на орлиной спине, он мог развлекаться лишь тем, что ему приходило в голову. Он представил себе: что, если бы весь Вестерботтен вдруг и в самом деле пришел в движение и помчался на юг?! Вот было бы забавно! Что, если поле, которое как раз промелькнуло под ним и которое наверняка недавно засеяно — на нем не видно было ни единой зеленой травинки, — поедет вниз, прямо к равнине Сёдерслеттен, в Сконе?! А там в эту пору уже вовсю колосится рожь!

Между тем еловые леса под ними сильно изменились, стали редкими — деревья с короткими ветвями и почти черной хвоей далеко отстояли друг от друга. Некоторые ели с голыми верхушками казались совсем хворыми. На земле под ними валялись старые еловые стволы, на которые никто и внимания не обращал. А что, если этот лес заедет так далеко на юг, что увидит Кольморден?! Каким жалким покажется тогда он самому себе!

Ну а сад, который мальчик увидел прямо под собой? Там росли прекрасные деревья, но фруктовых среди них не было. Не было там ни благородных лип, ни каштанов, а одни лишь рябина да береза. В саду росли пышные кусты, но среди них не было ни желтой акации, ни черной бузины, а одна лишь черемуха да сирень. Там виднелись и грядки с пряными растениями, но какие-то неухоженные. Что, если это жалкое подобие сада докатится до помещичьих садов на юге Сёрмланда?! Тогда, верно, этот клочок земли поймет, что никакой он не сад, а самая настоящая дикая пустошь!

Или взять этот луг, усеянный таким множеством небольших серых сарайчиков, что чуть ли не половина всей луговой земли занята ими и пропадает зря. Что, если и такой луг держит путь к равнине Эстъётаслеттен? Вот удивятся-то при виде его тамошние крестьяне!

Ну а если весь этот обширный, поросший сосняком песчаный край, который внезапно распростерся под ними, покатит вниз, на юг, к парку замка Эведсклостер?! Сосны-то здесь не такие прямые и чопорные, как в обычных лесах, а с густыми ветвями и пышными кронами. И растут они живописными островками на красивейшем ковре из седого оленьего мха ягеля! Так что если весь этот край покатит туда, придется тут великолепному парку замка Эведсклостер признать, что есть на свете и ему ровня!

Ну а что, если эта деревянная церковь внизу под ними, со стенами, обшитыми деревянной щепой — «чешуей» и выкрашенными в красный цвет, с пестро размалеванной колокольней и целым малюсеньким городком из серых амбаров, лавок и кладовых, поравняется с одной из крепких каменных

готландских церквей? Верно, у них найдется что сказать друг другу!

Ну а честь и слава всей здешней округи — могучие, бездонные реки с их великолепными долинами, застроенными усадьбами, с морем сплавных бревен, лесопильными заводами, городами и устьями рек, забитыми пароходами?! Если только такая река покажется к югу от реки Дальэльвен, все реки и горные речки там спрячутся в землю от стыда!

А если эта невообразимо огромная плодородная равнина, что сейчас так красиво стелется под ними, вдруг прикатит с севера и предстанет пред бедными смоландскими крестьянами?! Да они тотчас бросят свои крохотные клочки пашни на тощих каменистых делянках и примутся возделывать северную равнину.

И еще одним этот край был много богаче других — светом. Серые журавли, стоя на одной ноге, спали в болотах. Стало быть, уже настала ночь, хотя все еще было светло. Солнце не отправилось на юг, как все остальное. Наоборот, оно так далеко уплыло на север, что лучи его били Нильсу прямо в лицо! И казалось, в ту ночь оно вовсе не собиралось прятаться за край небосвода. Подумать только! А что, если бы этот свет и это солнце засияли над Вестра Вемменхёгом?! Поди, хусману Хольгеру Нильссону и его жене пришлось бы по душе, если бы они смогли работать целых двадцать четыре часа в сутки!

СОН

Воскресенье, 19 июня

Мальчик поднял голову и огляделся. Сначала он подумал, что не совсем проснулся — так удивительно было все вокруг. Выходит, он спал в таком месте, где никогда прежде не бывал. Да, да, никогда прежде не видал он этой долины, не видал и окружавших ее плотной стеной гор, и таких жалких, каких-то скрюченных маленьких березок, под которыми только что спал! Не узнавал он и круглого озера, раскинувшегося посреди долины!

А где же орел? Мальчик осмотрелся по сторонам, но орла не было. Неужели Горго бросил его? Ну что ж, если даже так — это тоже приключение!

Мальчик снова улегся на землю, закрыл глаза и попытался вспомнить, как все было, когда он засыпал.

Он вспомнил, что в то время, когда он летел над Вестерботтеном, ему казалось, будто он и орел неподвижно стоят в воздухе на одном и том же месте, а вся земля под ними двигается на юг. Но потом орел повернул на северо-запад. Ветер

стал дуть со стороны, и Нильс почувствовал себя как на сквозняке. В тот же миг все переменилось: земля внизу остановилась и стало заметно, что орел мчит вперед как стрела.

— Вот и Лапландия! — воскликнул Горго, и мальчик нагнулся, желая оглядеть край, о котором столько слышал!

Но тут же испытал полное разочарование: ничего, кроме просторных лесных угодий да обширных болот, он так и не увидел. Лес наступал на болото, а болото, в свой черед, наступало на лес. От такого однообразия мальчика совсем сморил сон, и он чуть не свалился вниз.

Нильс сказал орлу, что он не в силах дольше сидеть у него на спине, что ему надо хотя бы чуточку поспать. Горго тотчас опустился на землю, и мальчик бросился на покрывавший ее мох. Но тут орел, обхватив его когтистой лапой, снова взмыл с ним ввысь.

— Спи себе, Малыш-Коротыш! — крикнул он. — Солнечный свет все равно не даст мне заснуть; я продолжу путь!

Хотя мальчику неудобно было висеть в когтях орла, он и вправду задремал, и ему приснился сон.

И привиделось Нильсу во сне, будто он идет по какой-то широкой проселочной дороге на юге Швеции и шагает с такой быстротой, на какую только способны его крошечные ноги. Но шел он не один, по дороге двигалась целая толпа путников, и все в одну и ту же сторону. Рядом с Нильсом шествовали стебли ржи с тяжелыми колосьями на верхушках, цветущий василек, полевые ромашки и большущее семейство маргариток. Тут же пыхтела, согнувшись под тяжестью плодов, яблоня; за ней следовали густо усаженные стручками бобовые стебли и целые заросли ягодных кустов. Высокие лиственные деревья — и бук, и дуб, и липа, гордо шумя своими пышными кронами, медленно двигались посреди дороги, никому не желая ее уступать. У них под ногами вертелись всякие мелкие растения: кустики земляники, подснежники, незабудки, одуванчики и клевер. Сначала Нильсу показалось, будто по дороге шествуют одни только растения. Однако вскоре он понял, что ошибся. Кого там только не было!

Вокруг поспешно шагающих вперед растений вились и жужжали насекомые. В канавах вдоль проселочной дороги плыли рыбы; сидя на ветках странствующих деревьев, пели птицы; ручные и дикие животные торопились обогнать друг друга. В этой толчее шли и люди — одни с лопатами и косами, другие с топорами, третьи с охотничьими ружьями, а четвертые — с вершами для рыбной ловли.

Шествие двигалось вперед бодро и радостно. И не удивительно: Нильс увидел, что предводителем шествия было

само Солнце! Оно катилось вперед по дороге, словно огромная светящаяся голова с волосами из многокрасочных лучей и ликом, дышащим веселостью и добротой.

— Вперед! — непрерывно восклицало Солнце. — Нечего бояться, раз я с вами! Вперед! Вперед!

— Любопытно, куда ведет нас Солнце? — тихонько спросил самого себя мальчик.

Однако же стебель ржи, шагавший бок о бок с ним, услыхал его вопрос и тотчас ответил:

— Оно ведет нас на север, в Лапландию, сразиться с великим Окаменителем, чародеем, который заставляет всех цепенеть на месте.

Мальчик вскоре заметил, что многие путники начинают колебаться, замедляют шаг, а под конец и вовсе останавливаются. Он увидел, как застыло на месте огромное буковое дерево, а косуля и стебель пшеницы замерли у обочины. То же случилось и с кустиками ежевики, и с большими желтыми купальницами, и с каштановыми деревьями, и с серыми куропатками.

Мальчик оглянулся, желая понять, почему многие остановились? И обнаружил, что они уже не в южной Швеции. Шествие двигалось очень быстро и оказалось уже в Свеаланде, где-то посредине страны. Вот начал осторожней двигаться вперед и дуб. Он остановился, немного постоял, потом сделал несколько нерешительных шагов вперед и внезапно замер на месте.

— Почему же дуб не хочет идти вместе с другими? — спросил мальчик.

— Он боится великого Окаменителя, — ответила юная светлая березка, так весело и дерзко шагавшая вперед, что просто радостно было смотреть на нее!

Хотя многие поотстали, оставалась еще огромная толпа, мужественно продолжавшая путь. А Солнце по-прежнему катилось впереди, смеясь и крича:

— Вперед! Вперед! Нечего бояться, раз я с вами!

Толпа все с той же быстротой двигалась вперед. Вскоре все очутились уже на севере, в Норланде, и тут, как Солнце ни кричало, как ни просило, ничто не помогло. Остановилась яблоня. Остановилось вишневое дерево. Остановился и овсяный стебель!

Мальчик повернулся к тем, кто застыл на месте, и спросил:

— Почему вы не идете вместе с нами? Почему изменяете Солнцу?

— Мы не смеем! Боимся великого Окаменителя, который живет в горах на севере, в Лапландии, — отвечали они.

Вскоре мальчик понял, что все они уже далеко-далеко в

самой глубине Лапландии; и здесь толпа, которая неустанно двигалась вперед, заметно поредела. Стебли ржи, ячменя и гороха, кустики земляники, черничник, куст смородины все же добрались сюда; лось и корова тоже шли бок о бок друг с другом. Теперь все они остановились. Люди — те прошли еще немного вперед, а потом застыли на месте и они. Солнце осталось бы почти в полном одиночестве, не появись тут у него новые спутники: ивовые кусты и множество мелких растений присоединились к шествию, точно так же, как лапландцы и северные олени, белые совы, песцы и белые куропатки.

Вдруг мальчик услыхал, как что-то ринулось им навстречу. Оказывается, множество рек и ручьев могучими потоками бешено мчались назад, с гор.

— Почему они так торопятся? — спросил он.

— Они спасаются бегством от великого Окаменителя, который живет наверху, высоко в скалистых горах, — ответила белая куропатка.

Внезапно мальчик увидел, что прямо перед ним поднялась высокая, темная, зубчатая стена. При виде стены все, казалось, отпрянули назад, но Солнце тотчас повернуло к ней свой сияющий лик и залило ее ярким светом. И глядь! Это вовсе не стена преградила им путь, а чудеснейшие горы, громоздившиеся одна на другую. Вершины гор заалели на солнечном свету, а склоны их, все в золотистых бликах, нежно заголубели.

— Вперед! Вперед! Вам ничего не грозит, пока я с вами! — воскликнуло Солнце и покатилось вверх по кручам.

Но на пути в гору храбрая юная березка, могучая сосна и упрямая ель одна за другой покинули Солнце. Затем ему изменили лапландцы, северные олени и ивовые кусты. Под конец, когда Солнце очутилось на вершине горы, с ним не осталось никого, кроме маленького Нильса Хольгерссона.

Солнце вкатилось в ущелье, стены которого были сплошь покрыты льдом, и Нильс Хольгерссон хотел было последовать за ним. Но у входа в ущелье он остановился, так как увидел нечто ужасающее… Далеко-далеко, в самой глубине ущелья, восседал старый тролль. Туловище тролля было изо льда, волосы — из сосулек, а мантия — из снега. У ног тролля лежало несколько черных волков; при виде солнца они поднялись и широко разинули пасти. Одна волчья пасть извергала жгучий холод, другая — воющий северный ветер, третья — кромешную тьму.

«Должно быть, это и есть великий Окаменитель со своею свитой», — подумал мальчик. Он понял, что разумнее всего — убраться отсюда поскорей. Но уж очень разбирало его любопытство: как-то встретятся тролль с Солнцем? И он остался.

Тролль не двинулся с места. Он только повернулся к солнцу своим мерзким ледяным ликом. Солнце же застыло в полной неподвижности; оно лишь улыбалось и сияло. Прошло некоторое время. Мальчику показалось, будто тролль начинает вздыхать, томиться и терзаться. Снежная мантия спала с его плеч, а три страшных волка выли уже не так свирепо. Но вдруг Солнце воскликнуло:

— Время мое истекло! — и выкатилось обратно из ущелья.

Тут тролль выпустил своих трех волков на непрошеных гостей, а за ними разом вырвались из ущелья холод, северный ветер и тьма. И погнали они Солнце изо всех сил.

— Вон отсюда! — кричал тролль. — Прочь! Прочь! Гоните Солнце прочь, чтоб оно никогда больше не воротилось назад! Пусть знает: владыка Лапландии — я!

Нильс Хольгерссон страшно перепугался, услыхав, что Солнце выгоняют из Лапландии. И тут же с диким криком проснулся.

Очнувшись, он увидел, что лежит на дне большой горной долины. Но где же Горго? И как узнать, где он сам?

Поднявшись, мальчик огляделся вокруг. Взгляд его упал на уступ скалы, где примостилось какое-то диковинное сооружение из сосновых ветвей. «Это наверняка такое же орлиное гнездо, о каком Горго…»

Он не додумал свою мысль до конца… Сдернув с головы колпачок, Нильс подбросил его в воздух и закричал «ура!». Он догадался, куда принес его Горго: в ту самую долину, где орлы обитали на уступе скалы, а дикие гуси — внизу в долине. Он был там, куда так стремился! Через несколько минут он встретится с Мортеном-гусаком, с Аккой и со всеми-всеми своими спутниками.

ВСТРЕЧА

Мальчик медленно брел вперед, отыскивая друзей. В долине стояла мертвая тишина. Солнце еще не взошло над отвесными скалами, и Нильс понимал, что в такую рань дикие гуси еще спят. Не прошел он и нескольких шагов, как вдруг, заулыбавшись, остановился. Он увидел удивительно трогательную картину: в маленьком гнезде спала какая-то дикая гусыня, а рядом с гнездом на земле стоял гусак. Правда, и он спал, но ясно было, что он расположился так близко от гнезда, дабы быть наготове в случае малейшей опасности.

Мальчик пошел дальше, не желая мешать гусям, и то и дело заглядывал под низенькие кустики мелкого ивняка. Вскоре он увидел новую чету диких гусей. Они тоже были не из их стаи,

чужаки, но он все равно страшно обрадовался и начал даже напевать. Ведь он уже среди диких гусей!

Он заглянул в другие заросли и здесь наконец увидел парочку, которую сразу узнал. Точно, на яйцах сидела Нелье, а гусак, стоявший рядом с ней, был не кто иной, как Кольме. Нильс не ошибался, в самом деле это были они.

Мальчику очень хотелось их разбудить, но он не стал этого делать и пошел дальше.

Тут он увидел в зарослях Вииси и Кууси, а неподалеку от них нашел Юкси и Какси. Они спали, все четверо, и мальчик прошел мимо, так и не разбудив их.

Когда же он приблизился к следующим зарослям, ему почудилось, будто между ветвями просвечивает что-то белое, и сердце его радостно забилось. Да, как он и ожидал, это были они! На яйцах — до того красиво! — восседала Дунфин-Пушинка, а рядом с ней стоял белый домашний гусак. Вид у гусака, хотя он и спал, был необыкновенно гордый. Еще бы, ведь он охранял свою жену не где-нибудь, а в скалистых горах далекой Лапландии!

Но даже белого гусака мальчик будить не захотел и пошел дальше.

Он бродил довольно долго, и ему удалось найти еще нескольких гусей из своей стаи. Но вот на небольшом холмике он заметил какое-то подобие серой кочки. А подойдя к подножию холмика, увидел, что серая кочка — не кто иной, как Акка с Кебнекайсе. Она и не думала спать, а непрестанно озиралась вокруг, словно стояла на страже, охраняя всю долину.

— Добрый день, матушка Акка! — поздоровался мальчик. — Хорошо, что вы не спите! Будьте добры, не будите пока других гусей часок-другой. Мне хочется потолковать с вами наедине.

Старая гусыня — предводительница стаи ринулась с холмика вниз к мальчику. Сначала она изо всех сил встряхнула его, потом провела клювом по всему его телу сверху вниз — цел ли, потом снова встряхнула. Но все это молча, так как мальчик просил ее не будить других гусей.

Малыш-Коротыш, расцеловав матушку Акку в обе щеки, поведал ей, как его привезли в Скансен и держали там в неволе.

— А теперь я должен рассказать вам, что Смирре-лис с прокушенным кончиком уха сидел в лисьей клетке в Скансене, — добавил мальчик. — И хотя он был жесток к нам, я не мог не пожалеть его. В большом лисятнике немало было других лисов с лисицами, и они там неплохо прижились. Один Смирре сидел все время грустный-прегрустный, тоскуя по свободе. У меня там завелось немало добрых дружков, и однажды я услыхал от одного лапландского пса, что в Скансен явился какой-то человек —

купить лисов и лисиц. Сам он с острова в открытом море. Там сперва истребили всех лисов с лисицами, а теперь крысы у них совсем обнаглели, и островитяне хотят снова завести у себя рыжих зверей. Узнав об этом, я тут же подошел к клетке, где сидел Смирре-лис, и прошептал:

— Завтра, Смирре, сюда придут люди, чтобы увести с собой несколько лисов и лисиц. Не вздумай прятаться, а держись на виду и сделай так, чтобы тебя поймали. Тогда ты выйдешь снова на волю!

Смирре-лис послушался моего совета и бегает теперь по острову на свободе. Что вы скажете на это, матушка Акка? Довольны ли вы тем, как я поступил?

— Ты поступил так, как желала бы поступить я сама, — ответила гусыня-предводительница.

— Вот хорошо, что вы мной довольны! — обрадовался мальчик. — И еще об одном я хочу вас спросить. Однажды я увидел, как Горго-орла, того самого, что бился с Мортеном-гусаком, привезли пленником в Скансен и посадили в орлиную клетку. До чего ж он был жалкий и печальный! Вот я и решил распилить стальные прутья на крыше клетки и выпустить орла на волю. Но я подумал и о том, что он опасный разбойник и пожиратель птиц. И я вдруг заколебался, стоит ли выпускать на волю такого злодея? Может, лучше оставить его в клетке, где он сидит? Что вы на это скажете, матушка Акка? Справедливо ли я рассудил?

— Нет, не справедливо, — ответила Акка. — Что бы там ни говорили про орлов, но они горды и свободолюбивы куда больше других птиц и зверей. И держать их в заточении — не дело. Знаешь что? Отдохни немного и давай-ка полетим туда, в эту большую птичью темницу, и освободим Горго!

— Этих слов я и ждал от вас, матушка Акка! — обрадовался мальчик. — Кое-кто говорит, будто вы больше не любите его! Ну, кого воспитали с таким великим трудом! И не любите будто бы за то, что он живет так, как должно жить орлам. Но нынче я убедился — это все неправда. Пойду-ка погляжу, не проснулся ли Мортен-гусак? А если вы пожелаете сказать спасибо тому, кто принес меня к вам обратно, то, думается, можете встретить его наверху. На той скалистой плите, где нашли когда-то маленького беспомощного орленка.

XLIV ОСА-ПАСТУШКА И МАЛЕНЬКИЙ МАТС

БОЛЕЗНЬ

В тот год, когда Нильс Хольгерссон летал по свету с дикими гусями, ходило немало толков о двух детях, мальчике и девочке, бродивших по всей стране. Родом они были из Смоланда, из уезда Суннербу, и жили некогда со своими родителями и с четырьмя сестрами и братьями в маленькой лачуге на большой вересковой пустоши. Однажды, когда эти брат и сестра были еще малы, к ним в дом поздним вечером постучалась бедная странница и попросилась на ночлег. Хотя лачуга едва-едва вмещала тех, кто там ютился, ее впустили, и хозяйка постелила женщине на полу. Ночью странница так кашляла, что детям казалось, будто весь дом дрожит. А утром она страшно расхворалась и не в силах была продолжать путь!

Отец и мать детей были очень добры к ней и делали все, что могли. Они уступили ей даже свою кровать, а сами легли на полу; отец пошел к лекарю и раздобыл ей капель. Первые дни больная словно одичала: только требовала да приказывала, и никто от нее слова доброго не слышал. Но потом она смягчилась, стала смирной и благодарной. Под конец она только просила — умоляла, чтобы вынесли ее из лачуги на вересковую пустошь и дали там спокойно умереть. Когда же хозяева воспротивились ее воле, она им поведала, что последние годы бродяжничала вместе с цыганским табором. Сама-то она была родом не из цыган, а дочь владельца хеммана, но удрала тайком из дому и пристала к бродячему люду. И ей казалось, будто одна цыганка, разозлившись, наслала на нее хворь. Мало того! Эта цыганка пригрозила ей, что такая же беда постигнет всех, кто примет ее под свой кров и будет добр к ней. Умирающая верила в это, потому-то и умоляла выбросить ее из лачуги и даже не глядеть в ее сторону. Она не хотела навлечь беду на таких добрых людей, как они! Но родители Осы и Матса не уступили ее мольбам и просьбам. Может, они и вправду испугались, но не такие они были люди, чтобы выбросить из дому несчастного, смертельно больного человека.

Вскоре женщина умерла, и пошли тут беды одна за другой. Раньше-то в лачуге на вересковой пустоши знали одни радости. Хоть хозяева лачуги и были люди бедные, но все же не нищие. Отец был бёрдником — мастерил бёрда — гребни для ткацких станков, а мать с детьми помогали ему в работе. Отец

изготавливал сами гребни, их остов, младшие дети вырезали и строгали деревянные зубья, а мать со старшей дочерью продевали в них нити основы. Трудились они с утра до вечера, но всегда бывали веселы и радостны, особенно когда отец рассказывал о днях своих странствий в дальних чужеземных странах, где торговал гребнями.

Отец рассказывал так смешно — просто умора! И мать с детьми, бывало, хохотали до упаду, слушая его истории.

Время после смерти бедной странницы словно кошмарный сон осталось в памяти детей. Они не знали, долго ли, коротко ли оно тянулось, но помнили, что дома у них пошли одни сплошные похороны. Все их братья с сестрами поумирали друг за дружкой, и их похоронили. Умерло-то их четверо, так что похорон было ровно столько же, но детям казалось, будто смертей было куда больше. А под конец в лачуге стало так тихо и так тяжко, словно там каждый день справляли поминки.

Матушка-то еще чуточку держалась, не падала духом, но отец стал вовсе на себя не похож. Он не мог больше ни шутить, ни работать, а сидел с утра до вечера, закрыв лицо руками, погруженный в свои думы.

Однажды — после третьих похорон — отец разразился дикими речами, напугавшими детей. Он сказал, что не может понять, за что на них обрушилась такая беда. Они ведь сделали доброе дело, когда помогли больной женщине. Неужто зло в мире сильнее добра? Матушка, которая уже покорилась судьбе, пыталась образумить отца, но не могла склонить его к смирению.

Через несколько дней они потеряли и отца. Нет, он не умер, он просто ушел, неведомо куда. Захворала старшенькая девочка, ее-то отец всегда любил больше всех других детей. А как увидел, что и она вот-вот умрет, сбежал из дому ото всех бед. Матушка твердила одно: отцу так лучше. Она боялась, как бы он не свихнулся — недолго и в уме повредиться, думая, что бог позволяет жестокому человеку сотворить столько зла на земле!

После того как отец ушел, они совсем обеднели. Сначала он посылал им деньги, но потом, верно, дела его пошли худо, и он перестал помогать семье. А в тот самый день, когда схоронили старшую сестру, матушка заперла лачугу и ушла из дому с двумя оставшимися у нее детьми. Она отправилась в Сконе, чтобы наняться на свекловичные поля, но получила место на сахарном заводе в Юрдберге. Матушка была великая труженица, нравом веселая, прямодушная. Все ее очень любили, а многие удивлялись, как она может оставаться такой спокойной после всего, что перенесла. Но матушка была человек большой силы и терпения. Когда же кто-нибудь заговаривал с нею о двух чудесных

детях, которых она привела с собой, она только повторяла: «И они вскорости помрут!»

Говорила она это без дрожи в голосе, без единой слезинки в глазах. Она уже не ждала ничего, кроме плохого.

Но получилось не так, как думала матушка. Болезнь сразила не Осу с Матсом, а ее саму, и сразила много быстрее, чем четверых детей. Пришла матушка из Смоланда в начале лета, а еще до осени оставила Осу с Матсом одних на всем белом свете.

Во время болезни матушка не раз повторяла детям, чтобы они запомнили: она не раскаивается в том, что позволила хворой женщине остаться у них. Ведь умереть не страшно, если поступаешь справедливо. Все люди должны умереть, это неизбежно. Но от самого человека зависит, умрет ли он с чистой совестью или нет.

Перед тем как уйти навеки, матушка попыталась пристроить детей. Она попросила оставить их в каморке, где летом они жили втроем. Если только у детей найдется пристанище, они никому не будут в тягость. Она знала, что дети смогут сами прокормить себя.

Осе с Матсом позволили жить в каморке, когда они пообещали пасти за это гусей. Нелегко ведь найти малышей, которые хотят взяться за такое дело! И все получилось, как думала матушка: они смогли сами себя прокормить. Девочка умела варить леденцы, а мальчик — вырезать из дерева игрушки, которые они продавали в окрестных усадьбах. У детей была торговая жилка, и вскоре они начали закупать у крестьян яйца и масло, а потом продавали их рабочим сахарного завода. Они были такие честные, надежные и обязательные, что им можно было доверить все на свете. Девочка была старше, и когда ей исполнилось тринадцать лет, она, такая тихая и серьезная, была разумна, точно взрослая. Мальчик же любил болтать и веселиться; сестра говаривала, бывало, что он гогочет, как гуси, которых пасет на полях.

Дети прожили в Юрдберге уже несколько лет, когда однажды вечером в местной школе читали лекцию. Предназначалась-то она для взрослых, но среди слушателей сидели и двое смоландских ребятишек. Сами они себя за детей не считали, да едва ли это могло прийти кому-нибудь в голову. Лектор говорил о страшной болезни, чахотке, которая каждый год убивала столько людей в Швеции. Говорил он ясно, доходчиво, и дети понимали каждое его слово.

После лекции они стали поджидать лектора возле школы. Когда же он вышел, дети, взявшись за руки, торжественно подошли к нему и спросили, не могут ли они с ним потолковать.

Чужой человек, видать, изумился при виде этих розовых округлых ребячьих лиц. Но дети говорили с ним так серьезно, как пристало бы людям втрое старше их. И он выслушал их очень сочувственно и внимательно.

Дети рассказали ему обо всем, что случилось у них в доме, а потом спросили лектора, не думает ли он, что их матушка, сестра и братья померли от хвори, о которой он рассказывал. «Вполне вероятно, — ответил он. — Вряд ли это могло случиться от какой-нибудь иной болезни».

Но если бы матушка с отцом знали то, что детям довелось услышать нынче вечером, они могли бы поостеречься. Сожги они одежду, которая осталась после странницы, выскреби и вымой лачугу дочиста, не пользуйся они ее постельным бельем, все те, о ком так горевали нынче дети, могли бы остаться в живых, сказал лектор. Хотя полностью поручиться за это нельзя, но, по всей вероятности, никто из их близких не заболел бы, если бы они знали, как предостеречься от заразы.

Дети хотя и медлили со следующим вопросом, но уходить не торопились, так как ответ на него был для них самый важный. Стало быть, неправда, что цыганка наслала на них хворь? Ведь они помогли той, на которую она разозлилась. Не было ли тут какой особой причины, раз беда постигла их одних? Нет, лектор мог твердо заверить их, что это не так. Ни один человек не в силах наслать болезнь на другого никакими проклятиями. И они ведь знали теперь, что чахотка распространена по всей стране. Она заглядывала почти в каждый дом, хотя не всюду унесла столько жизней, сколько в их семье.

Дети поблагодарили лектора и ушли. В тот вечер они долго беседовали друг с другом.

Назавтра они пошли и отказались от места. В нынешнем году они не смогут пасти гусей, им надо идти в другие края. Куда же они пойдут? Им надо отыскать отца и сказать ему, что матушка и братья с сестрами умерли от обыкновенной хвори, а не от проклятия, которое наслала на них злая женщина. Они сами так обрадовались, когда узнали про это! Теперь же их долг рассказать обо всем отцу. Он, верно, и по сей день ломает голову над этой загадкой.

Сначала дети отправились в свою лачугу на вересковой пустоши в Суннербу и, к величайшему удивлению, нашли ее в огне. Потом они побрели в усадьбу пастора и там узнали, что один малый, служивший на железной дороге, встретил их отца у Мальмбергета, далеко-далеко в горах Лапландии. Отец работал тогда на руднике, а может, и теперь там работает. Кто его знает! Когда пастор услыхал, что дети хотят отправиться на поиски

отца, он, вытащив карту, показал им, как далеко идти до Мальмбергета, и отсоветовал пускаться в такое путешествие. Но дети сказали, что им обязательно надо отыскать отца. Он ушел из дому, уверовав в одну неправду. А им надо пойти и сказать ему, что он ошибался.

Торговлей дети заработали немного денег, но не захотели тратить их на железнодорожные билеты, а решили весь путь пройти пешком. И ничуть в этом не раскаивались. Они совершили такое необычайное, такое прекрасное путешествие!

Едва оказавшись за пределами Смоланда, они зашли на какой-то крестьянский двор, чтобы купить немного съестного. Хозяйка попалась им веселая и словоохотливая. Она расспросила детей, кто они и откуда, и они рассказали ей всю свою историю.

— Да нет, неужто это правда?! Неужто это правда?! — без конца повторяла женщина, пока они говорили. Она вкусно их угостила, но денег взять не пожелала. Когда дети, наевшись досыта, поднялись из-за стола, женщина спросила, не зайдут ли они по соседству, в ближнее селение к ее брату. И сказала им, как его зовут и где он живет. Дети охотно согласились.

— Поклонитесь ему от меня и расскажите обо всем, что с вами приключилось, — попросила крестьянка.

Дети так и сделали. И брат ее также хорошо о них позаботился. Он даже отвез детей в другое селение, где их тоже радушно встретили. Так с тех пор и повелось. Когда они уходили из какой-нибудь усадьбы, им всякий раз говорили:

— Коли все же заглянете в те края, зайдите туда-то и туда-то и расскажите обо всем, что с вами приключилось.

Почти в каждой усадьбе, куда заходили дети, всегда был кто-то, страдающий грудной хворью. И сами того не ведая, двое детей ходили по стране, наставляя людей, рассказывая, какая опасная болезнь прокралась в их дом и как лучше всего с нею бороться.

Сохранилось предание, будто в стародавние времена, когда великий мор, именуемый чумой — «черной смертью», — опустошал страну, люди видели, что какие-то мальчик с девочкой тоже ходили из одной усадьбы в другую. У мальчика в руках были грабли, и если он приходил к какому-нибудь дому и сгребал сор граблями, это значило, что многие там умрут, но не все. Ведь у грабель зубья редкие, и они не могут забрать все. У девочки же в руках была метла, и если приходила она и подметала перед дверью какого-нибудь дома, это значило, что все, кто живет за этой дверью, перемрут. Метла-то все дочиста выметает!

Ну не удивительно ли, что и в наши дни двое детей пустились в странствие по всей стране, подгоняемые тяжелой и опасной болезнью! Но эти дети не пугали народ граблями да

метлой, а вместо этого говорили:

— Люди! Мы не станем довольствоваться тем, что сгребем сор граблями со двора и подметем пол метлой. Мы возьмем еще швабру и щетку, жидкое и твердое мыло. Мы вымоем все дочиста перед дверью нашего дома и за дверью его тоже. И сами будем чистыми и опрятными. Тогда мы победим эту страшную хворь!

ПОХОРОНЫ МАЛЕНЬКОГО МАТСА

…Маленький Матс умер. Все, кто видел его здоровым и веселым лишь несколько часов тому назад, не могли этому поверить. Но так уж случилось. Маленький Матс умер, и надо было его хоронить.

Произошло это рано утром, и с ним в горнице никого, кроме его сестры Осы, не было. И никто больше не видел, как он умирает.

— Не зови никого, — сказал маленький Матс, почувствовав, что жизнь его близится к концу. И сестра послушалась.

— Я рад, что умираю вовсе не от той хвори, Оса, — сказал маленький Матс. — А ты разве этому не рада?

Когда же Оса ему не ответила, он продолжал:

— Умирать не страшно, только бы не умирать так, как матушка с сестрами да братьями. Если бы такое случилось со мной, тебе бы ни в жизнь не заставить отца поверить, будто нас всех унесла самая обычная хворь. Теперь же все будет ладно, вот увидишь!

Когда маленький Матс умер, Оса долго сидела, думая о том, сколько пришлось пережить ее братцу, маленькому Матсу, на этом свете! И все беды он переносил мужественно, как взрослый. Его последние слова все еще звучали у нее в ушах. Таким же храбрым он был всегда, всю жизнь. И она решила: маленького Матса надо хоронить как взрослого, с такими же почестями.

Она понимала, что добиться этого будет нелегко. Но она должна сделать все ради маленького Матса!

Они находились уже далеко в горах Лапландии, в Мальмбергете, где были большие залежи руды. Странное место, но для Осы теперь, может, это было и к лучшему.

Маленькому Матсу и ей пришлось миновать огромные, бесконечные лесные края, прежде чем они пришли в Мальмберget. По многу дней не видели они ни пашен, ни усадеб, одни лишь небольшие бедные почтовые станции изредка встречались им на пути. Наконец они попали в большое селение Йелливаре, с церковью, железнодорожной станцией, зданием суда, банком, аптекой и гостиницей, раскинувшееся у подножья

высокой горы. Стояла середина лета, когда дети пришли в Йелливаре, но с вершины горы еще тянулись длинные полосы снега. Почти все дома в этом приходе были новенькие, красивые, выстроенные на совесть. Если бы дети не видели снежных полос, спускавшихся с вершины горы, и не заметили бы, что листья на березах еще не распустились, они бы и не подумали, что Йелливаре лежит далеко-далеко на севере, в Лапландии. Но искать отца им надо было вовсе не здесь, а в Мальмбергете, расположенном чуть дальше к северу, а там все было далеко не так благоустроено, как в Йелливаре.

Хотя люди давным-давно знали, что неподалеку от Йелливаре есть большие залежи руды, добыча ее началась здесь всего несколько лет назад, когда сюда провели железную дорогу. Тогда тысячи людей разом устремились в эти места, где работы всем хватало, а вот жить было негде. И людям самим пришлось заботиться о себе, кто как мог. Одни строили себе лачуги из неокоренных бревен, другие мастерили хижины из ларей и ящиков из-под динамита, которые, точно кирпичи, клали один на другой. Теперь-то уж, правда, понастроили здесь немало хороших домов, но все же Мальмбергет выглядел странно. Были там большие кварталы светлых красивых домов, но встречались и нераскорчеванные лесные участки, усеянные пнями и камнями. Были там большие красивые виллы инженеров и управляющего, были и низкие лачуги, стоявшие с того времени, когда люди только начали заселять здешние места. В Мальмбергет провели не только железную дорогу, но и электричество, соорудили большие механические мастерские. По туннелю, освещенному маленькими лампочками, можно было проехать далеко в глубь горы.

Повсюду царило большое оживление, и поезда, груженные рудой, один за другим отходили от железнодорожной станции. А вокруг, как и прежде, простирались дикие безлюдные пустоши, где не вспахивались поля и не строились усадьбы. И никто там не селился, кроме лапландцев, кочующих по всей округе со своими оленями.

И вот теперь Оса сидела и думала: жизнь тут чем-то похожа на здешние места. Все вроде бы было в порядке, как надо, а между тем многое казалось девочке диким и несообразным. Зато, думала она, здесь, пожалуй, легче, чем в других местах, осуществить то, что кажется не совсем обычным.

Она вспомнила, как они с Матсом пришли в Мальмбергет и стали расспрашивать о рабочем по имени Йон Ассарссон, у которого сросшиеся брови. Сросшиеся брови были самым примечательным в отцовском лице. Из-за них его хорошо

запоминали, и детям тотчас сказали, что отец их много лет проработал в Мальмбергете, но сейчас отправился в какое-то странствие. То было в его обычае: как только нападало на него беспокойство, он уходил куда глаза глядят. Где он бродил, никто не знал, но все уверяли, что через несколько недель он вернется. А раз они дети Йона Ассарссона, что ж, пусть дожидаются его в лачуге, в которой он жил. Какая-то женщина вытащила из-под порога ключ от двери и впустила детей в дом. Никто не удивился, что они пришли сюда, как никто, казалось, не удивлялся тому, что их отец порой уходил в дикую, безлюдную глухомань. Здесь, в горах, ничего необычного не видели в чудаках, которые поступали так, как им взбредет в голову.

…Осе нетрудно было придумать, как хоронить брата. В прошлое воскресенье она видела, как хоронили одного из горных мастеров. В церковь в Йелливаре его везли на собственных лошадях управляющего, а за гробом шла длинная-предлинная вереница рудокопов. На кладбище играл оркестр и пел хор. А после погребения всех, кто был в церкви, пригласили в школу на поминки, где пили кофе. Чего-то в этом роде Оса-пастушка желала и для своего брата, маленького Матса.

Она так углубилась в мысли об этом, что явственно представила себе похоронное шествие. Но потом, снова опечалившись, сказала самой себе: вряд ли все устроится так, как ей хочется. И вовсе не потому, что это встанет слишком дорого. Они с маленьким Матсом скопили много денег. Их хватило бы на самые роскошные похороны, какие только она пожелала бы. Просто трудно будет заставить взрослых считаться с желаниями ребенка. Она была всего лишь годом старше Матса, казавшегося таким маленьким и хрупким теперь, когда он лежал перед ней мертвый. Да и она ведь тоже еще ребенок! Может статься, взрослые воспротивятся ее желаниям потому, что она так мала!

Первая, с кем Оса заговорила о похоронах, была сестра милосердия Хильма, которая пришла в лачугу через час после смерти маленького Матса. Еще не успев открыть дверь, она поняла, что мальчика уже нет в живых…

А произошло вот что. Накануне, около полудня, маленький Матс слонялся вокруг рудника и когда подошел ближе к большому входу в шахту, в ней вдруг раздался взрыв. Случайные камни задели мальчика. Он был один и долго пролежал без памяти на земле. Никто не знал о постигшем его несчастье, пока рудокопов, работавших в шахте у самого входа, не известили об этом. Но известили как-то очень странно! Рудокопы уверяли, будто на краю шахты вдруг появился крохотный мальчишка, ростом не более ладони, и крикнул им, что надо поскорее помочь

маленькому Матсу, который истекает кровью возле рудника. Тогда Матса отнесли домой и перевязали, но было слишком поздно. Он потерял столько крови, что выжить уже не мог.

Когда сестра милосердия входила в лачугу, она думала не столько о маленьком Матсе, сколько о его сестре. «Что мне делать с этой несчастной девочкой? — спрашивала она себя. — Чем я могу ее утешить?»

Но Оса не плакала, не сетовала, а спокойно помогла сестре милосердия сделать все, что нужно. Хильма была страшно удивлена, но она все поняла, лишь только Оса заговорила с ней о похоронах.

— Когда речь идет о таком человеке, как малыш Матс, — произнесла Оса, умевшая говорить торжественно и не по годам разумно, — надо прежде всего стараться почтить его память, пока можно. Ну а погоревать я еще успею!

И она стала упрашивать сестру милосердия помочь ей устроить маленькому Матсу достойное погребение. Ведь никто не заслужил этого больше, чем он!

Сестра подумала, что было бы счастьем, если бы хлопоты о похоронах смогли хоть чуточку утешить это бедное одинокое дитя. Она обещала помочь девочке, и это было очень важно для Осы. Она решила, что почти добилась своего, так как сестра Хильма пользовалась на руднике большим влиянием. Каждый рудокоп знал, что там, где взрывы происходят каждый день, его в любую минуту может настичь случайный шальной камень или же придавить каменная глыба. Поэтому каждому хотелось быть в добрых отношениях с сестрой милосердия. И когда Хильма, обойдя вместе с Осой всех рудокопов, просила их проводить в следующее воскресенье на кладбище маленького Матса, отказались лишь немногие.

— Раз сестрица просит, так и быть! — говорили они.

Сестре Хильме удалось сговориться и с духовым квартетом, который должен был играть на похоронах, и с небольшим хором. Снять школьное здание она и не пыталась, но поскольку стояла теплая летняя погода, решили, что кофе на поминках будут пить на свежем воздухе. Скамьи и столы им обещали дать взаймы в монастыре, а чашки и блюдца — в торговых лавках. Жены горняков, хранившие в сундуках вещи, которые не были в употреблении с тех пор, как они поселились здесь, на диких безлюдных пустошах, вытащили ради сестры милосердия скатерти из тонкого полотна, чтобы расстелить их на столах.

У булочника в Будене заказали сухари и крендели, а конфеты в траурных черно-белых обертках — у кондитера в Лулео.

Из-за похорон, которые Оса пожелала устроить своему брату,

маленькому Матсу, в Мальмбергете начался такой переполох, что все только об этом и говорили. Под конец и сам управляющий узнал, что затевается.

А когда он услыхал, что пятьдесят рудокопов будут провожать на кладбище двенадцатилетнего мальчика, который, судя по всему, был просто-напросто нищим бродяжкой, он счел это безумством. Да еще и хор, и оркестр, и еловый лапник на могилу, и кофе на свежем воздухе, и конфеты из Лулео! Управляющий послал за сестрой милосердия и попросил положить конец этой расточительности.

— Грех заставлять бедную девочку пускать деньги на ветер! — сказал он. — Не годится, чтобы взрослые потакали прихотям ребенка! В конце концов вы просто смешны!

Управляющий не злился и не горячился. Говорил он совершенно спокойно и попросил сестру милосердия отменить хор, оркестр и длинную похоронную процессию. Хватит, если мальчика проводят девять-десять человек. И сестра милосердия не стала перечить управляющему. Отчасти из почтения к нему, а отчасти и потому, что в глубине души сознавала его правоту. Слишком большой переполох устроили они из-за нищего мальчонки. Сострадание к бедной девочке одержало верх над разумом!

Сестра милосердия спустилась вниз из виллы управляющего к лачугам рудокопов; она решила сказать Осе, что не может устроить все так, как та желает. Но на сердце у нее было нелегко; уж она-то лучше всех знала, что значат эти похороны для бедной Осы. По дороге она встретила нескольких женщин и поделилась с ними своими заботами. Жены рудокопов тотчас сказали, что управляющий прав. Нечего устраивать такие богатые похороны нищему мальчонке! Девочку, ясное дело, жалко; но это уж слишком, если ребенок вот этак возьмет волю да станет распоряжаться! И хорошо, что ничего из этой затеи не вышло.

Женщины разошлись по домам и разнесли повсюду новость. И вскоре по всем лачугам и даже шахтам распространилась весть о том, что богатых похорон маленькому Матсу не будет. И все тотчас же признали, что это вполне справедливо.

Пожалуй, во всем Мальмбергете нашелся всего один-единственный человек, кто с этим не согласился. То была Оса-пастушка.

Сестре милосердия и вправду пришлось с нею нелегко. Оса не плакала, не сетовала, но и не желала склониться перед волей управляющего. Какое ему дело до ее брата, сказала девочка, раз она не просила у него помощи. И он не может запретить хоронить Матса, как ей вздумается.

Только тогда, когда и другие женщины растолковали ей, что ни одна из них не придет на похороны, раз управляющий запретил, она поняла, что без его позволения не обойтись.

Оса-пастушка молча сидела некоторое время. Потом быстро поднялась.

— Ты куда? — спросила сестра Хильма.

— Пойду побеседую с управляющим, — ответила Оса.

— И не надейся, что он станет тебе потакать, — сказали женщины.

— Малыш Матс хотел бы, чтобы я пошла, — ответила Оса. — Управляющему, может, и невдомек, какой человек был малыш Матс.

Оса-пастушка быстро оделась и вскоре уже шла к управляющему. Всем показалось просто невероятным, что такое дитя, как она, может заставить управляющего, самого могущественного человека во всем Мальмбергете, отступиться от своих слов. Потому-то сестра милосердия и другие женщины не могли не отправиться за ней в некотором отдалении — чтобы поглядеть, хватит ли у нее духу все же пойти к нему.

Оса-пастушка шла посреди дороги. И было в ее облике нечто заставлявшее людей оглядываться и смотреть ей вслед. Она шла такая серьезная и с таким достоинством, словно молодая девушка, идущая к первому причастию. Голову она повязала большим черным шелковым платком, который ей достался от матери. В одной руке она держала свернутый в трубочку носовой платок, в другой — корзинку с деревянными игрушками, вырезанными маленьким Матсом.

Дети, игравшие на дороге, увидали ее и подбежали к ней с криком:

— Куда ты, Оса? Куда ты идешь?

Но Оса не отвечала. Она все шла и шла вперед, словно никого не видела и ничего не слышала. А когда дети, не переставая задавать вопросы, побежали за ней следом, сопровождавшие девочку женщины остановили их.

— Не мешайте ей! — сказали они. — Она идет к управляющему просить, чтобы он позволил устроить торжественные похороны ее братцу, малышу Матсу.

Тут и детям стало страшно от ее дерзости, и они небольшой стайкой последовали за ней — поглядеть, что будет.

Было около шести часов вечера, в шахтах кончалась работа. Оса прошла уже большую часть пути, и тут навстречу ей стали попадаться возвращавшиеся домой рудокопы. Они быстро и размашисто шагали, не глядя по сторонам. Но кое-кто, встретив Осу, заметил в ней что-то необычное. Осу спросили, что

случилось. Она не ответила ни слова, зато другие дети стали громко объяснять, куда она собралась. «Какая храбрая эта малышка!» — подумали рудокопы. И некоторые последовали за ней — поглядеть, чем все кончится.

Оса направилась прямо в контору, где управляющий имел обыкновение сидеть за работой допоздна. Когда она вошла в прихожую, дверь распахнулась, и перед ней на пороге предстал сам управляющий; он был в шляпе, с тростью в руках — собрался уже идти домой обедать.

— Кого тебе? — спросил он, увидев маленькую девочку, закутанную в черный шелковый платок, со свернутым в трубочку носовым платком в руке.

— Мне нужно поговорить с самим управляющим! — торжественно ответила Оса.

— Ну что ж, тогда входи! — пригласил ее управляющий и вернулся в контору. Дверь он оставил открытой, так как не думал, что девочка надолго задержит его. Те, кто сопровождал Осу-пастушку, теперь столпились в прихожей и на крыльце и могли слышать все, о чем говорилось в конторе.

Войдя туда, Оса выпрямилась, сдвинула на затылок головной платок и подняла на управляющего свои доверчивые глаза. Взгляд их был так серьезен, что от него щемило сердце.

— Так вот, малыш-то Матс помер! — сказала она. Голос ее задрожал, и она не смогла больше говорить.

Тут управляющий понял, кто она.

— Так ты и есть та девочка, которая собирается устроить богатые похороны? — доброжелательно сказал он. — И думать забудь об этом, дитя мое! Похороны обойдутся тебе слишком дорого. Узнай я раньше, я бы сразу это пресек.

Лицо девочки дрогнуло, и управляющий решил, что она вот-вот заплачет. Но, пересилив слезы, она сказала:

— Позвольте спросить, могу ли я рассказать вам о малыше Матсе?

— Я уже слышал вашу историю, — как всегда спокойно и приветливо ответил управляющий. — Ты не думай, мне жаль тебя. Но я желаю тебе только добра!

Тут Оса-пастушка, еще больше выпрямившись, сказала громким, звонким голосом:

— Малышу Матсу едва минуло девять лет, когда мы потеряли отца, а потом мать, и он должен был заботиться обо всем сам, как взрослый. Но он считал, что нехорошо выпрашивать даже кусочек хлеба! Он всегда хотел сам платить за себя. Он говорил, что мужчине не пристало побираться. Он ходил по дворам, скупал яйца и масло и заключал торговые сделки, как заправский купец.

Он никогда не тратил зря деньги, он не прятал ни одной монетки, а всегда все отдавал мне. Даже когда малыш Матс пас гусей, он брал с собой в поле еще и другую работу и был так же прилежен, как какой-нибудь старый человек. Крестьяне в Сконе пересылали с Матсом большие деньги, когда он ходил по усадьбам. Они знали, что могут положиться на него как на самих себя. И несправедливо говорить, будто малыш Матс был еще ребенком. Немного найдется взрослых, которые бы…

Управляющий стоял, глядя себе под ноги; на его лице не дрогнул ни единый мускул. И Оса замолчала, увидев, что слова ее пропали даром. У себя в лачуге ей думалось, что она так много может сказать о маленьком Матсе! А сказала так мало… Как же заставить управляющего понять, что маленький Матс заслужил такие же почетные похороны, как и взрослый?

— Раз я сама хочу заплатить за похороны… — сказала Оса и снова умолкла.

Тут управляющий поднял глаза и посмотрел Осе-пастушке прямо в лицо. Он мерил ее взглядом, он оценивал ее по достоинству, так, как умеют это делать те, во власти которых судьбы многих людей. Он думал о том, сколько ей пришлось пережить, потеряв дом, родителей, сестер и братьев. А ведь она не сломлена и из нее наверняка выйдет прекрасный человек! И тут ему стало страшно: ведь он мог еще увеличить то тяжкое бремя, которое она несет. Его запрет может оказаться той последней каплей, которая переполнит чашу! И девочка согнется. Он понял, каких усилий стоило ей прийти к нему, говорить с ним… Да, видно, она любила своего брата больше всего на свете! И нельзя оскорблять такую любовь…

— Ладно. Делай, как знаешь! — сказал управляющий.

XLV СРЕДИ ЛАПЛАНДЦЕВ

После похорон все гости Осы-пастушки ушли, и она осталась одна в маленькой лачуге, принадлежавшей ее отцу. Оса заперла дверь, чтобы никто не мешал ей спокойно думать о брате. Она вспоминала по порядку все, что говорил и делал маленький Матс. Воспоминаний было очень много; ей так и не пришлось лечь спать. Она просидела весь вечер и добрую часть ночи. И чем больше она думала о брате, тем яснее понимала, как тяжело ей будет без него. Под конец, положив голову на столешницу, она горько заплакала.

— Как же мне теперь жить без малыша Матса? — всхлипывала она.

Стояла уже поздняя ночь, а день у Осы-пастушки был утомительный. Не удивительно, что сон сморил ее, лишь только она опустила голову на стол. Не удивительно и то, что ей приснился брат, о котором она как раз думала. Ей почудилось, будто маленький Матс, живой и невредимый, вошел в горницу и сказал:

— Ну, Оса, теперь тебе одной придется разыскивать отца.

— Как это сделать, если я даже не знаю, где его искать, — ответила, как ей показалось, она.

— Не печалься об этом, — быстро и весело, как всегда, ответил маленький Матс. — Я пошлю того, кто поможет тебе.

И в тот самый миг, когда маленький Матс произносил эти слова, раздался явственный стук в дверь лачуги. Оса, не вполне отличая, где сон, а где явь, пошла отворять дверь. «Это наверняка тот, кого обещал прислать мне малыш Матс», — подумала она.

Если бы на пороге стояла сестра Хильма или кто-то из знакомых ей людей, девочка сразу бы поняла, что это — уже не сон. Но к ней постучался малыш-домовой, ростом не более ладони. Хотя стояла глубокая ночь, было светло как днем, и Оса-пастушка увидела, что перед ней — тот самый кроха, которого они с маленьким Матсом не раз встречали во время своих странствий по стране. Тогда она боялась его. Она бы испугалась его и сегодня, если бы по-настоящему проснулась. Но она думала, что ей все еще снится сон, и потому продолжала спокойно стоять у дверей. «Так я и знала, что братец Матс пошлет его, чтобы помочь мне отыскать отца», — подумала она.

И вправду, малыш пришел поговорить с ней об ее отце. Увидав, что она не испугалась, он в нескольких словах поведал ей, где ее отец и как можно до него добраться.

Пока он говорил, Оса-пастушка мало-помалу просыпалась, а

когда домовой кончил, она и вовсе очнулась. И вот тут-то она страшно перепугалась: ведь она стоит и разговаривает с каким-то волшебным сказочным существом. Не поблагодарив его и не произнеся ни слова, она захлопнула у него перед носом дверь и крепко-накрепко заперла. Ей показалось, что малыш опечалился. Но Оса ничего не могла с собой поделать. Смертельно испуганная, она поспешно забралась в кровать и натянула одеяло на глаза.

Но хотя Оса страшно боялась этого малыша, она поняла, что он желает ей добра. И на другой день поспешила последовать его совету.

* * *

На западном берегу Луоссаяуре, небольшого озерца, лежащего в нескольких милях к северу от Мальмбергета, находилось небольшое лапландское стойбище. У южного конца озера поднималась могучая гора Кирунавара, состоявшая, как говорили, из одной железной руды. На северо-востоке от озера располагалась другая гора, Луоссавара, тоже очень богатая железом. К этим горам прокладывали железную дорогу из Йелливаре. Поблизости же от горы Кирунавара строили железнодорожную станцию, гостиницу для приезжих и множество домов для рабочих и инженеров, которые должны были там жить, когда начнется добыча руды. И вырос здесь настоящий маленький городок с веселыми и уютными домиками. Это был уже такой далекий север, что на тамошних низеньких карликовых березках до самой середины лета, а то и позже, не распускались почки.

К западу от озера лежала открытая равнина, и там, как уже говорилось, разбили стойбище несколько лапландских семейств. Прикочевали они туда уже давно, и им вовсе не понадобилось взрывать скалы и ровнять землю под каменный фундамент. После того как они облюбовали сухое и уютное местечко неподалеку от озера, им оставалось лишь срубить два-три ивовых куста и сровнять с землей несколько кочек. Им не было никакой надобности рубить лес и плотничать дни напролет: ставить прочный деревянный сруб, поднимать и покрывать крышу, обшивать стены изнутри гладкими досками, вставлять окна, навешивать двери и делать запоры. Стоило им лишь вбить поглубже в землю деревянные жерди и затянуть их оленьими шкурами — и чум уже, почитай, готов! Не очень много хлопот было у них и с убранством. Долго ли разложить на земле еловые ветки и покрыть их шкурами? А самое важное, оказывается, —

подвесить над очагом, на цепи, крепившейся на самой верхушке чума, там, где сходились жерди, большой котел — в нем варили оленину.

Новоселы на восточном берегу озера, трудившиеся с величайшим рвением, чтобы успеть достроить свои дома, прежде чем наступит суровая зима, только диву давались! Как это лапландцы, кочевавшие в горах дальнего севера с незапамятных времен — много-много сотен лет, так и не подумали о том, что против холода и бурь нужна более надежная зашита, нежели тоненькие стенки чума. А лапландцы тоже недоумевали, зачем это новоселам так надрываться? Ведь для того чтобы хорошо прожить, ничего не надо, кроме одного чума да нескольких оленей!

Однажды в июльский полдень в горах близ Луоссаяуре шел проливной дождь, и лапландцы, которые вообще летом не часто сидят в четырех стенах, все, сколько их было, собрались в одном из чумов и, усевшись вокруг огня, пили кофе.

В то время как лапландцы увлеченно беседовали за чашкой кофе, со стороны Кируны отошла на веслах лодка и причалила близ их стойбища. Из лодки вышел какой-то рабочий с девочкой лет тринадцати-четырнадцати. Собаки бросились на них с громким лаем, а один из лапландцев высунул голову из чума — поглядеть, что случилось. Увидев рабочего, он обрадовался. То был добрый друг лапландцев, приветливый и словоохотливый человек, к тому же умевший говорить по-саамски. И лапландец крикнул ему, чтобы он залезал в чум.

— Ты как раз вовремя приехал, Сёдерберг! Кофейник уже кипит на огне. В дождь все равно делать нечего! Иди к нам да расскажи, какие новости!

Рабочий залез в битком набитый чум, и лапландцы с величайшим трудом, громко смеясь и шутя, освободили для него, а потом и для девочки немного места. Прибывший стал беседовать с хозяевами по-саамски. Девочка, сопровождавшая его, не понимала ни слова и лишь молча сидела, удивленно глядя на котел для оленины и кофейник, на огонь и дым, на лапландцев и лапландок, на детей и собак, на стены и земляной пол, на чашки с кофе и трубки с табаком, на украшенные пестрым узорным шитьем одежды и вырезанные из дерева снасти. Все это было для нее так ново, так непривычно!

Внезапно она перестала глядеть по сторонам, так как заметила, что все лапландцы и лапландки, вынув короткие трубки изо рта, уставились на нее. Да, все в чуме смотрели на девочку. Должно быть, Сёдерберг что-то сказал о ней. Лапландец, сидевший рядом, похлопал ее по плечу, кивнул и сказал по-

шведски:

— Хорошо! Хорошо!

А одна из женщин налила большую чашку кофе, которую бережно передали девочке; мальчик-лапландец, примерно ее лет, стал пробираться между сидевшими на земляном полу взрослыми поближе к ней, пристроился рядом и все таращил на нее глаза.

Девочка догадалась, что Сёдерберг рассказывал лапландцам о том, как она устроила пышные похороны своему братцу, маленькому Матсу. Но ей-то хотелось, чтобы рабочий толковал о ней поменьше, а лучше бы расспросил их, где отец. Ведь тот малыш сказал, что ее отец находится у лапландцев, разбивших стойбище к западу от озера Луоссаяуре. И она выпросила позволение поехать туда, в горы, с поездом, что перевозит гравий, — ведь настоящие, пассажирские поезда еще не ходили по здешней железной дороге. Все рабочие, да и горные мастера тоже, помогали ей, чем могли. Сёдерберг говорил по-саамски и мог разузнать у местных жителей об ее отце. Она надеялась встретить его сразу же, как только приедет, и переводила взгляд с одного лица на другое. Но в чуме были только лапландцы. Отца среди них она так и не увидела.

Оса заметила, что чем дольше лапландцы и Сёдерберг толковали между собой, тем серьезнее и серьезнее они становились. Лапландцы качали головами и стучали пальцем по лбу, словно говорили о ком-то, кто не в своем уме. Тут она так забеспокоилась, что больше не могла выдержать и спросила Сёдерберга, что известно лапландцам об ее отце.

— Они говорят, что он ушел удить рыбу, — ответил рабочий. — Они не знают, вернется ли он в стойбище к вечеру или нет, но как только немного распогодится, кто-нибудь пойдет его искать.

С этими словами он снова повернулся к своим собеседникам и продолжал оживленно с ними разговаривать. Он, как видно, не желал, чтобы Оса задавала ему слишком много вопросов об Йоне Ассарссоне.

* * *

Было утро, и стояла чудесная погода. Ула Серка, самый почитаемый человек среди здешних лапландцев, сказал, что пойдет искать отца Осы. Но он особенно не торопился, а, сидя на корточках перед своим чумом, думал об Йоне Ассарссоне, ломая голову над тем, как передать ему весть о том, что его разыскивает дочь. Все надо было сделать так, чтобы Йон Ассарссон не

испугался и не сбежал. Ведь он такой чудной и боится встреч с детьми! Йон говорил, будто, когда он их видит, на него нападают такие мрачные думы, что ему становится невмоготу.

Пока Ула Серка предавался размышлениям, Оса-пастушка и Аслак, маленький лапландец, не спускавший с нее глаз накануне вечером, сидели перед чумом и беседовали. Аслак уже ходил в школу и умел говорить по-шведски. Он рассказывал Осе о жизни саамского народа и уверял ее, будто саамам или лапландцам живется куда лучше, чем всем остальным людям на свете. Оса же считала, что им живется просто ужасно, и так прямо и сказала об этом мальчику.

— Ты сама не знаешь, о чем говоришь, — молвил Аслак. — Поживи у нас хотя бы с неделю, и ты увидишь, что мы — самый счастливый народ на земле.

— Если я останусь здесь на неделю, я, верно, задохнусь от дыма в чуме, — ответила Оса.

— Не говори так! — попросил ее мальчик. — Ты ничего о нас не знаешь. Я расскажу тебе кое о чем, и ты поймешь: чем дольше ты проживешь среди нас, тем больше полюбишь наш край.

И Аслак стал рассказывать Осе, как было в те времена, когда чума, которую называли «черная смерть», свирепствовала в Швеции. Аслак не знал, косила ли людей чума в горах, в самой Стране Саамов, где они сейчас находились. Но в Йемтланде мор пронесся со страшной силой, и среди саамского народа, кочевавшего там в лесах и горах, все повымирали, кроме одного-единственного мальчика пятнадцати лет от роду. А из шведов, осевших в речных долинах, не осталось в живых никого, кроме его сверстницы — пятнадцатилетней девочки.

Вот и бродили мальчик и девочка, каждый в отдельности, по пустынному краю целую зиму, все искали, нет ли где людей. К весне они наконец встретились, продолжал свой рассказ Аслак. Тут девочка-шведка попросила мальчика-лапландца проводить ее на юг, откуда она добралась бы к людям своего родного племени. Не хотелось ей оставаться в обезлюдевшем Йемтланде, где были одни лишь пустые усадьбы.

— Я провожу тебя, куда захочешь, — пообещал мальчик, — но только когда наступит зима. Сейчас еще весна, мои олени тянутся на запад, в скалистые горы, а ты ведь знаешь: мы, люди племени саамов, должны идти туда, куда ведут нас наши олени.

Девочка-шведка была дочерью богатых родителей, Она привыкла жить в доме под крышей, спать на кровати и есть за столом. Она всегда презирала бедное племя сынов гор — лапландцев и думала, что те, кто живут под открытым небом, очень несчастны. Но она боялась вернуться в свою усадьбу, где

никого, кроме мертвых, не было, и потому попросила мальчика:

— Позволь мне тогда по крайней мере подняться с тобой в горы. Я не хочу бродить одна здесь, где голоса человеческого и то не слыхать!

На это мальчик охотно согласился. Вот так и пришлось девочке сопровождать его с оленями в горы. Оленье стадо стремилось поскорее очутиться на тучных горных пастбищах и делало каждый день большие переходы. Времени поставить чум не было, а в те часы, когда олени останавливались пощипать траву, приходилось бросаться наземь и спать на снегу. Животные чуяли дуновения южного ветра и знали, что через несколько дней он сметет весь снег со склонов гор. Девочке с мальчиком приходилось поспешать за оленями по снегу, который уже начал таять, и по трещавшему под их ногами льду. Когда же они поднялись высоко-высоко в горы, туда, где хвойный лес уже кончался, уступая место корявым карликовым березкам, они смогли несколько недель передохнуть, ожидая, когда же на плоскогорьях стает снег. А потом они стали подниматься и туда. Девочка жаловалась и много раз повторяла: она-де ужасно устала и ей надо непременно вернуться вниз, в речные долины. Но все равно — она неотступно следовала за мальчиком и оленями, потому что ей не хотелось оставаться одной там, где не было ни единой живой души.

Когда они поднялись на плоскогорье, мальчик поставил для девочки чум на красивой зеленой лужайке, спускавшейся вниз к горному ручью. Настал вечер, и мальчик, набрасывая аркан на олених, подоил их одну за другой и предложил девочке попить молока. Потом он вытащил из тайника вяленую оленину и олений сыр, которые люди его племени еще прошлым летом спрятали на вершине. Но девочка по-прежнему жаловалась и была всем недовольна. Она не желала есть ни вяленую оленину, ни олений сыр, она не желала пить оленье молоко. Она не могла привыкнуть сидеть на корточках в чуме и лежать на земле, на сухом хворосте и оленьих шкурах вместо настоящей постели. Но сын горного племени только смеялся над ее сетованиями и по-прежнему был добр к ней.

Через несколько дней, когда мальчик доил олениху, девочка подошла к нему и спросила, не надо ли ему помочь. Вызвалась она и развести огонь под котлом, в котором варилась оленина, и принести воды, и сварить сыр. И настало тут для них счастливое время. Погода стояла теплая, добывать еду было легко. Они вместе ходили ставить силки на птиц, удили лососей в горных быстринах и собирали по болотам морошку.

Когда же лето кончилось, они снова спустились вниз с гор и

добрались до границы между хвойным лесом и чернолесьем. Там они опять поставили чум. Настала пора убоя оленей, и им пришлось трудиться каждый день с утра до вечера. Но и это время все равно было для них счастливым, а дичи и рыбы они добывали даже больше, чем летом. Когда же выпал снег и озера стали покрываться льдом, мальчик с девочкой перекочевали дальше, вниз по склонам гор — на восток, в густой еловый бор. Они поставили чум и занялись зимним промыслом. Мальчик учил девочку сучить нитки из оленьих жил, выделывать оленьи шкуры и шить из них башмаки и платье, вырезать гребни и разные снасти из оленьих рогов, бегать на лыжах и ездить в лапландских санях-волокушах, запряженных оленями. Когда же миновала самая мрачная пора зимы и солнце стало светить уже почти целый день напролет, мальчик сказал девочке: теперь он может проводить ее на юг, где она найдет людей своего племени.

Но девочка, удивленно взглянув на него, спросила:

— Зачем ты меня гонишь? Ты хочешь остаться один со своими оленями?

— Я думал, что это ты хочешь уйти, — молвил мальчик.

— Я жила жизнью саамского народа почти год, — сказала девочка. — И после того как я так долго кочевала на воле по горам и лесам, я не могу вернуться назад, к моему народу, и задыхаться в тесных горницах. Не гони меня прочь, позволь мне остаться здесь! Вы, саамы, живете лучше нас!

Девочка осталась с мальчиком на всю жизнь и никогда не стремилась назад в речные долины. И если бы ты, Оса, пробыла тут хотя бы месяц, ты никогда не смогла бы расстаться с нами.

Этими словами Аслак — маленький лапландец закончил свой рассказ. В тот же миг отец его, Ула Серка, вынув трубку изо рта, встал. Старик Ула знал шведский куда лучше, чем это могло показаться, и понял рассказ сына. Теперь, после рассказа мальчика, ему вдруг стало ясно, как надо подготовить Йона Ассарссона к тому, что сюда явилась его дочь Оса и разыскивает своего отца.

* * *

Ула Серка спустился вниз к озеру Луоссаяуре и прошел довольно далеко по берегу, прежде чем наткнулся на человека, которого искал. Тот сидел на камне и удил рыбу. Рыболов был какой-то вялый и беспомощный с виду, с седыми волосами, сгорбленной спиной и усталым взглядом. То ли он взвалил на себя ношу, которая оказалась ему не под силу, и это сломило его,

то ли все терзался какой-то невыносимо тяжелей думой.

— Ну, Йон, видать, тебе улыбнулось рыбацкое счастье, раз уж ты просидел тут всю ночь? — спросил по-саамски сын гор, подойдя ближе.

Рыболов вздрогнул, подскочил и поднял на Улу глаза. Наживки на его крючке не было, и хоть бы одна пойманная рыбешка валялась рядом с ним на берегу! Он поспешно насадил наживку и забросил удочку. Между тем сын гор опустился рядом с ним на траву и сказал:

— Хотел бы я потолковать с тобой кое о чем. Ты ведь знаешь, была у меня дочка, да померла в прошлом году; очень уж не хватает ее в нашем чуме.

— Да, знаю, — отрезал рыболов, и по его лицу пробежала тень, словно ему пришлось не по душе упоминание об умершем ребенке. Он хорошо говорил по-саамски.

— Только нельзя всю жизнь терзаться своим горем! — заметил лапландец.

— Ясно, это не дело!

— Поэтому-то я нынче и надумал взять в приемыши другого ребенка. Разумно ли это, как по-твоему?

— Надо еще знать, что это за ребенок, Ула! — ответил рыболов.

— Ладно, расскажу тебе, Йон, все, что знаю про эту девочку, — молвил Ула. И он рассказал рыболову, как в нынешнем году, в середине лета прибрели пешком в Мальмбергет двое незнакомых детей, мальчик с девочкой. Искали они там своего отца, а так как отец куда-то ушел, они и остались его дожидаться. Но пока они ждали, мальчика убило камнем при взрыве. А девочка пожелала устроить ему богатые похороны. И Ула очень красочно описал, как маленькая неимущая девочка склонила всех людей помочь ей. И как у нее хватило духу пойти говорить с самим управляющим!

— И эту девочку ты хочешь взять к себе в чум, Ула? — спросил рыболов.

— Да, — ответил лапландец. — Когда мы услыхали эту историю, мы не смогли удержаться от слез. И сказали друг другу: такая хорошая сестра станет и хорошей дочерью. И мы возьмем ее в приемыши.

Некоторое время рыболов сидел молча. А потом спросил:

— Она, верно, из твоего племени, эта девочка?

Видно было, что он решил поддержать беседу, только чтобы доставить радость своему другу-лапландцу.

— Нет, она не из саамов.

— Может, она дочь новосела и привыкла к жизни на севере?

— Нет, она из дальних краев. Она родом с юга, — равнодушно ответил Ула, сделав вид, будто это не так уж и важно.

Но рыболов заметно оживился.

— Тогда не думаю, что ты можешь взять ее в приемыши, — сказал он. — Раз она выросла не здесь, навряд ли ей придется по душе жить зимой в чуме.

— В чуме она найдет добрых родителей, хороших братьев и сестер, — упрямо возразил Ула Серка. — Быть одной еще хуже, чем мерзнуть.

Тут рыболов все более и более красноречиво стал отговаривать своего друга брать в чум девочку. Похоже, он не мог примириться с мыслью о том, что дочь родителей-шведов станет приемышем лапландской семьи.

— Ты ведь говорил, будто в Мальмбергете у нее отец?

— Он умер, — резко ответил лапландец.

— Ты это точно знаешь, Ула?

— Тут и толковать нечего, — презрительно произнес лапландец. — Это и так ясно! Разве пришлось бы девочке и ее брату бродяжничать по всей стране одним, если б отец их был жив? Разве нужно было бы двоим детям самим заботиться о себе, если б у них был отец? Разве маленькой девочке пришлось бы самой говорить с управляющим, если б отец ее был жив? Не помри ее отец, осталась бы она хоть на минутку одна? Особенно теперь, когда по всей Стране Саамов только и идет молва о том, какая она замечательная девочка? Сама-то она верит, что отец ее жив, но я-то думаю, что его уж точно нет в живых.

Человек с усталыми глазами повернулся к Уле и спросил:

— Как зовут эту девочку, Ула?

Сын гор задумался.

— Мне не вспомнить. Спрошу ее.

— Спросишь ее? Она что, уже здесь?

— Она наверху, в моем чуме!

— Как так? Ты, Ула, взял ее к себе, не зная, есть ли на то воля ее отца?

— А мне нет дела до ее отца. Если даже он не умер, он, должно быть, из тех, кто и знать не желает свое дитя! Он, верно, обрадуется, когда кто-нибудь другой позаботится о его дочери.

Рыболов, отбросив в сторону удочку, поспешно поднялся. Он словно пробудился к новой жизни.

— А может, отец ее не такой, как все люди, — продолжал сын гор. — Может, его преследуют мрачные думы и он не может работать? Какой это для нее отец?!

Рыболов уже шел вдоль берега.

— Ты куда? — обратился к нему лапландец.

— Пойду взгляну на твою приемную дочку, Ула.

— Вот и ладно, — обрадовался лапландец. — Пойди взгляни! Увидишь, какая у меня будет славная дочка!

Швед так быстро шел вперед, что Ула едва поспевал за ним. Немного погодя лапландец сказал своему спутнику:

— Вспомнил! Девочку, что я хочу взять в приемыши, зовут Оса Йонсдоттер.

Рыболов не проронил в ответ ни слова, он лишь ускорил шаг. Старый же Ула Серка так обрадовался, что ему захотелось громко смеяться. Когда они подошли ближе к стойбищу, к тому месту, откуда виднелись лапландские чумы, Ула произнес еще несколько слов:

— Она-то явилась к племени саамов, чтобы отыскать своего отца, а вовсе не для того, чтобы пойти ко мне в приемыши. Но если она не отыщет его, я охотно возьму ее к себе в дочки.

Рыболов еще быстрее зашагал вперед.

«Так я и знал, он испугался, когда я пригрозил взять его дочь к саамам», — сказал Ула самому себе.

Когда рудокоп из Кируны, который привез Осу-пастушку в стойбище, возвращался обратно, с ним в лодке сидело уже двое. Они сидели рядом, тесно прижавшись друг к другу и доверчиво держась за руки, словно боялись снова разлучиться. То были Йон Ассарссон и его дочка. Оба неузнаваемо изменились за эти несколько часов. Йон Ассарссон выглядел не таким сгорбленным и усталым, как раньше, а взгляд его стал ясным и добрым, словно он наконец получил ответ на то, что его так долго терзало. А взгляд Осы-пастушки не был таким по-взрослому умудренным, как прежде. Она нашла наконец человека, на которого могла опереться, кому могла довериться. Казалось, будто она снова становится ребенком.

XLVI НА ЮГ! НА ЮГ!

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПУТИ

Суббота, 1 октября

Сидя верхом на спине белого гусака, мальчик мчался вперед высоко-высоко, под самыми облаками. Косяк диких гусей — а было их тридцать один — ровным строем быстро летел на юг. Ветер с шумом трепал гусиные перья, а крылья птиц с таким свистом рассекали воздух, что едва можно было расслышать собственный голос. Акка с Кебнекайсе летела во главе стаи, за ней следовали Юкси и Какси, Кольме и Нелье, Вииси и Кууси, Мортен-гусак и Дунфин-Пушинка. Шестеро молодых гусей, бывших в стае прошлой осенью, теперь покинули ее, чтобы самим заботиться о себе. Вместо них старые гуси вели за собой более двадцати гусят, которые вылупились и выросли этим летом в горной долине. Одиннадцать летели справа, одиннадцать — слева; гусята, как и взрослые гуси, изо всех сил старались лететь, соблюдая равные промежутки между собой.

Бедным малюткам еще никогда не приходилось совершать длительные перелеты и вначале им было трудно поспевать за стаей, летевшей очень быстро.

— Акка с Кебнекайсе! Акка с Кебнекайсе! — жалобно кричали птенцы.

— Что там еще?! — спросила гусыня-предводительница.

— Наши крылышки устали! Наши крылышки устали! — загоготали гусята.

— Чем дольше будете лететь, тем лучше пойдет дело, — ответила гусыня-предводительница, ничуть не замедляя полета. И в самом деле, она была права. Пролетев несколько часов, гусята больше не жаловались на усталость. Но в горной долине они привыкли по целым дням щипать травку и вскоре страшно проголодались.

— Акка, Акка, Акка с Кебнекайсе! — еще более жалобно завопили гусята.

— Что там еще? — спросила гусыня-предводительница.

— Мы ужасно хотим есть! Мы не можем больше лететь!

— Дикие гуси должны приучать себя кормиться воздухом, а пить — ветер, — ответила гусыня-предводительница; она и не подумала остановиться и неслась вперед, не замедляя полета.

Уже через час малютки и в самом деле как будто научились кормиться воздухом и пить ветер и больше не жаловались на

голод. Стая диких гусей все еще мчалась над скалистыми горами северной Швеции, и старые гуси выкрикивали названия всех горных вершин и массивов, мимо которых пролетали, чтобы молодые их запомнили. Но когда они целый час выкрикивали: «Это Порсочёкко, это Сарьекчёкко, это — Сулительма!» — гусята вновь потеряли терпение.

— Акка, Акка, Акка! — пронзительно закричали они.

— Что там еще? — спросила гусыня-предводительница.

— Столько названий не умещается в наших головках! — запищали гусята. — Столько названий не умещается в наших головках!

— Чем больше входит в голову, тем лучше в ней все умещается, — ответила гусыня-предводительница, неумолимо продолжая выкрикивать диковинные названия.

Мальчик подумал, что дикие гуси вовремя отправились на юг. Здесь, в горах севера, выпало уже немало снега, и все кругом, насколько хватало глаз, было белым-бело. Да и, по правде говоря, последнее время им худо жилось в горной долине. Дождь, слякоть, бури, густой туман непрерывно сменяли друг друга. А стоило вдруг погоде разгуляться, как тотчас наступала ледяная стужа. Ягоды и грибы, которыми мальчик кормился все лето, позамерзали либо погнили, так что под конец пришлось ему есть одну сырую рыбу. А она была ему не очень-то по вкусу! Дни стали короткими, а долгие вечера и поздние рассветы казались скучными и тягостными для того, кто не мог спать все то время, пока на небе не было солнца.

Но вот наконец крылышки у гусят подросли настолько, что можно было начинать путешествие на юг. Мальчик страшно этому радовался и, сидя верхом на спине Мортена, только и делал, что пел да смеялся.

Вообще-то Нильсу хотелось поскорее улететь из Лапландии не только из-за того, что там было теперь темно и холодно, а еда стала скудной. Была еще и другая причина.

В первые недели, которые мальчик провел в горной долине, он, разумеется, ничуть не тосковал и вовсе не стремился на юг. Таких чудесных, таких прекрасных мест он, как ему казалось, еще не видывал! Да и забот у него никаких не было! Разве что не дать тучам мошек заесть себя до смерти. В Лапландии мальчик почти не общался с Мортеном. Большой белый гусак только и делал, что охранял Пушинку и ни на шаг не отходил от нее. Зато Нильс еще теснее сдружился с Аккой и Горго-орлом. Втроем они провели немало прекрасных часов. Птицы брали его с собой в дальние путешествия. Он стоял вместе с ними на вершине укутанной снегом горы Кебнекайсе и смотрел оттуда вниз на широкие

ледяные покровы глетчеров, спускавшихся с высоких круч. Побывал он и на вершинах многих других гор, куда редко ступала нога человека. Акка показала ему укромные долины, затерявшиеся среди гор, заглянула с ним в скалистые пещеры, где волчицы вскармливали своих детенышей. Ясное дело, он свел знакомство и с ручными оленями, которые паслись большими стадами на берегу прекрасного озера Турнетреск. Побывал он и внизу, у водопада Стура Шёфаллет, где передал поклон медведям, жившим в здешнем урочище, от их родичей из Бергслагена. И всюду вставал перед ним красивый и величественный край. Нильс был очень рад тому, что повидал Лапландию, но жить там ему бы не хотелось. Акка уж точно была права, когда говорила, что новоселы могли бы оставить здешнюю землю в покое, предоставив ее исконным обитателям — медведям и волкам, оленям и диким гусям, белым совам и пеструшкам да еще лапландцам, которые просто созданы для того, чтобы жить здесь.

Однажды Акка отнесла мальчика на один из больших горных промыслов, и там, у входа в рудник, он наткнулся на маленького Матса, смертельно раненного во время взрыва. После этого мальчик только и думал о том, как бы помочь бедной Осе-пастушке. Но когда она благополучно отыскала своего отца и уже не нуждалась в его помощи, он предпочел сидеть на месте и больше не отлучаться из горной долины. С тех самых пор он непрерывно тосковал о том дне, когда вместе с Мортеном-гусаком полетит домой, чтобы снова стать человеком. Как ему этого хотелось! Тогда уж Оса-пастушка не побоится говорить с ним и не захлопнет дверь прямо у него перед носом!

Да, он был очень счастлив теперь, когда путь его лежал на юг! Увидев первый еловый бор, он стал размахивать колпачком и кричать «ура!». Точно так же приветствовал он первый встреченный им домик новосела, первую козу, первую кошку и первых кур. Его не трогала красота водопадов и чудесных скалистых гор, над которыми он пролетал. К ним он уже привык и едва удостаивал их взглядом. Иное дело, когда вдруг к востоку от этих гор он увидел часовню и усадьбу пастора в маленьком селении Квикъёк. Они показались ему до того красивыми, что на глазах у мальчика выступили слезы.

Диким гусям то и дело попадались стаи перелетных птиц, летевших гораздо большими, сильно разросшимися косяками, нежели весной.

— Куда держите путь, дикие гуси? — кричали птицы. — Куда держите путь?

— Летим в заморские края, как и вы! — отвечали дикие

гуси. — Летим в заморские края, как и вы!

— Да ведь у ваших гусят крылышки еще не окрепли! — кричали птицы. — Где уж им перелететь море на таких слабых крылышках!

Лапландцы со своими оленями тоже переселялись, но только вниз, в долину. В определенном порядке спускались они с гор. Во главе шествия шагал лапландец-предводитель, затем в первых рядах стада шли рослые олени-самцы, потом двигались олени-носилыцики, навьюченные лапландскими чумами и прочей поклажей. Шествие замыкали семь-восемь лапландцев.

Когда дикие гуси увидели оленей, они опустились чуть ниже и закричали:

— Спасибо за чудесное лето! Спасибо за чудесное лето!

— Счастливого пути! Возвращайтесь скорее назад! — отвечали олени.

Когда же диких гусей увидели медведи, они, указав на птиц своим детенышам, проворчали:

— Гляньте-ка на них! Ну и мерзляки, малейшего холодка боятся! Зимовать дома и то не смеют!

Но старые дикие гуси не остались у них в долгу и закричали своим гусятам:

— Гляньте на них! Ну и лентяи! Вместо того чтобы двинуться на юг, будут спать без просыпа целых полгода, лишь бы не утруждать себя!

Внизу, в еловых лесах, сидели нахохлившись озябшие молодые глухари; они смотрели вслед огромным стаям птиц, которые, радостно ликуя, тянулись на юг.

— Когда же наш черед? — спрашивали они своих мам глухарок. — Когда же наш черед?

— А вы останетесь дома с мамами и папами! — отвечали глухари. — А вы останетесь дома с мамами и папами!

НА ГОРЕ ЭСТБЕРГЕТ

Вторник, 4 октября

Всякий, кому доводилось осенью путешествовать в горных урочищах, знает, как там бывает неуютно, когда туманы, клубясь, заволакивают всю окрестность. Тогда ни одной из прекрасных высоких гор, что поднимаются вокруг, попросту не видно. Туманы, правда, случаются и в самый разгар лета, ну а уж осенью-то от них никуда не денешься. Вот и Нильсу Хольгерссону они стали досаждать. Пока стая еще летела над Лапландией, погода стояла довольно сносная. Но не успели дикие гуси

объявить, что они влетают в Йемтланд, как вокруг сгустились туманы, и разглядеть эту провинцию мальчик не мог. Он целый день летел над Йемтландом, так и не зная, что внизу — вздымаются горы или же простирается равнина.

К вечеру дикие гуси опустились на какую-то зеленую полянку, которая со всех сторон начинала круто спускаться вниз. Мальчик понял, что они находятся на вершине холма, но какой это холм — большой или маленький, так и осталось неясно. Они, должно быть, прилетели уже в края, густо заселенные людьми. Ему казалось, будто он слышит и людские голоса, и скрип повозок на дороге, но и в этом он не был уверен.

Мальчику очень хотелось отыскать какую-нибудь усадьбу, но он боялся заблудиться в тумане и не осмеливался отойти от диких гусей. Кругом все либо промокло насквозь, либо отсырело. На каждой травинке, на каждом самом крохотном растеньице повисли мелкие капли дождя, так что стоило мальчику шевельнуться, как на него обрушивался настоящий ливень. «Здесь не намного лучше, чем на севере, в горной долине», — вздохнул он.

Он все же сделал несколько нерешительных шагов и вдруг увидел прямо перед собой какое-то строение, не очень большое, но, по-видимому, высокое — в тумане Нильс не мог разглядеть его крыши. Дверь дома была заперта, и он казался необитаемым. Мальчик понял, что перед ним наблюдательная вышка и что здесь его не ждут ни еда, ни тепло очага. Но все же он поспешил назад к диким гусям и сказал белому гусаку:

— Милый Мортен-гусак, посади меня на спину и отнеси на самую верхушку вон той вышки! Здесь так мокро, что спать нельзя, а там-то уж найдется местечко посуше!

Мортен-гусак тотчас охотно согласился помочь. Он опустил мальчика на площадку, огороженную перилами, где Нильс спокойно проспал до тех пор, пока его не разбудило утреннее солнце.

Но когда он открыл глаза и огляделся, он не мог разобрать, что такое перед ним и где он находится. Однажды на ярмарке ему довелось увидеть в балагане гигантскую картину-панораму. И сейчас ему показалось, будто он вновь стоит в таком же большом круглом балагане с красивой красной крышей, а стены и пол балагана ярко расписаны: тут и обширные просторы, и большие селения, и церкви, и поля, и проселочные дороги, и железнодорожные пути, и вроде бы даже целый город. Вскоре, однако, мальчик догадался, что никакая это не панорама, что он стоит на верхушке наблюдательной вышки, над ним высится розоватое утреннее небо, а вокруг раскинулись настоящие

заселенные людьми края. Но он так отвык от всего, кроме диких неприютных пустошей! Не удивительно, что он принял увиденное за нарисованную картину!

Принять окрестный вид за картину было легко еще и оттого, что все вокруг имело какие-то странные цвета и выглядело необычно. Наблюдательная вышка, на крыше которой находился мальчик, была построена на горе, гора высилась на острове, а остров лежал близ восточного берега большого озера. Но воды его не были свинцово-серыми, какими обычно бывают воды в таких вот внутренних озерах. Большая часть озерной глади казалась такой же розоватой, как утреннее небо, а в глубине бухт — почти черной. Берега же вокруг озера опять-таки не зеленели, как обычно, а золотились и отсвечивали яркой желтизной благодаря покрывавшим их скошенным нивам и желтевшим по-осеннему лиственным лесам. Всю эту желтизну опоясывала широкая темная полоса хвойного леса. Оттого, что лиственный лес стал много светлее, чем летом, мальчику казалось, будто хвойный лес никогда не был таким мрачным, как сегодня утром. За ним на востоке виднелись светлые голубеющие холмы, а вдоль всего западного края небосвода, мерцая, тянулись длинной дугой остроконечные горы. Они были самых разных очертаний и отливали всеми цветами радуги, но такими нежными, мягкими и сверкающими, что назвать их просто красными, либо белыми, либо синими было никак нельзя. Настоящего слова для них было не подобрать.

Но мальчик отвернулся и от гор, и от хвойного леса, желая получше разглядеть ближние окрестности. Вокруг озера на желтом поясе полей виднелись селения с красными домами и белыми церквями. А прямо на востоке, по другую сторону узкого пролива, отделявшего остров от суши, на самом берегу озера раскинулся город. Позади него высилась защищавшая его гора, а вокруг простирались богатые, густо заселенные края.

«Неплохое местечко сумел раздобыть себе этот город, — подумал мальчик. — Узнать бы, как он называется?»

Вдруг он вздрогнул и оглянулся. Он так увлекся, разглядывая окрестности, что не заметил, как на вышку стали подниматься люди.

Они быстро взбегали по ступенькам лестницы, и мальчик едва успел найти себе укромный утолок, чтобы спрятаться, как они уже оказались наверху, на площадке, огороженной перилами.

Это были молодые люди, странствовавшие пешком по Йемтланду. Они говорили, что обошли будто бы уже всю провинцию. И радовались, что пришли в город Эстерсунд еще накануне вечером и что теперь в это ясное утро им

посчастливилось любоваться таким чудесным видом с горы Эстбергет на острове Фрёсён. Отсюда взору открывались окрестности более чем на двадцать миль во все стороны. И на прощание, перед тем как уйти отсюда, они смогут окинуть взглядом весь свой любимый край Йемтланд. Путники показывали друг другу церкви разных приходов, разбросанные вокруг озера.

— Вон там внизу Сунне, — говорили они, — там Марбю, а вон там — Халлен. Вон там на севере — Рёдё, а та церковь, что прямо под нами, — Фрёсё.

Затем они заговорили о скалистых горах. Ближайшие к ним были Увиксфьеллен. Все их узнали. Но потом молодые люди стали спрашивать друг друга, какая из гор — Клёвшёфьеллет, а какая из вершин — Анарисфьеллет, и где Вестерфьеллет, и Альмосабергет, и Орескутан.

Пока они толковали об этом, одна молодая девушка достала карту, расстелила ее у себя на коленях и принялась изучать.

Вдруг она подняла глаза.

— Когда я вижу на карте Йемтланд, — сказала она, — мне кажется, будто провинция эта схожа с большой надменной горой. Я так и жду, что мне расскажут, как когда-то она упиралась вершиной прямо в облака.

— Могучая была бы та гора! — сказал один из ее спутников и расхохотался.

— Да, потому-то она и обрушилась. Но посмотрите сами! Разве провинция эта не похожа на настоящую высокую гору с широким подножием и остроконечной вершиной?!

— Такая гористая местность вполне могла бы быть одной громадной горой, — сказал другой.

— Ну, хоть я и слышал другое предание о Йемтланде, я бы никогда…

— Ты слышал предание о Йемтланде?! — вскричала молодая девушка, не дав ему договорить до конца. — Тогда расскажи его нам сейчас же! Более подходящего места для этого, чем здесь, наверху, откуда виден весь край, не найти.

Все с ней согласились, а товарищ их не заставил себя долго просить и тотчас начал свой рассказ.

САГА О ЙЕМТЛАНДЕ

Случилось это в ту пору, когда в Йемтланде еще встречались великаны. Вот однажды один из этих старых горных исполинов во дворе своей усадьбы чистил коней. Чистил он их, чистил скребницей, и вдруг ни с того ни с сего кони затряслись от

страха.

— Что с вами, кони мои? — спросил великан и оглянулся, чтобы посмотреть, кто же так испугал животных.

Однако он не увидел поблизости ни волков, ни медведей. Единственный, кого он заметил, был какой-то странник, поднимавшийся по тропе, что вела к скалистому жилищу великана.

Хотя ростом и дородством странник уступал великану, но тоже был высокий и сильный с виду. И стоило старому горному исполину завидеть странника, как он задрожал с головы до ног, ничуть не меньше своих коней. Бросил он тут коней и поспешил к великанше — та в застольной сидела, очески льна на веретене пряла.

— Что стряслось? — спросила великанша. — Ты совсем белый, как снег в горах!

— Еще бы мне не побелеть, — молвил великан. — По тропе-то к нам странник идет. Он — один из асов, Тор.[44] Это так же верно, как то, что ты — моя жена!

— Да, не очень-то желанный гость! — молвила великанша. — Не мог бы ты так поворожить и затуманить ему глаза, чтобы он принял нашу усадьбу за скалу и прошел мимо?

— Поздно, никакое колдовство теперь не поможет, — ответил великан. — Слышу, он уже калитку отворяет, во двор входит.

— Тогда послушайся моего совета: спрячься подальше, позволь мне одной встретить его, — быстро сказала великанша. — Уж я постараюсь все так устроить, чтобы вперед ему неповадно было к нам захаживать, чтоб он дорогу к нам позабыл.

Великану пришлись по душе женины слова. Спрятался он в камору, а жена его осталась в застольной; сидела она на скамье, где положено женщинам сидеть, и как ни в чем не бывало пряла, будто знать ничего не знает.

А надо сказать, что в ту пору провинция Йемтланд представляла совсем иную картину, чем в наши дни, — это было одно сплошное и ровное плоскогорье, голое, как лысина! Ведь даже еловый лес и тот на нем расти не мог! Не было там ни единого озера, ни речки, ни клочка земли, где мог бы погулять плуг. Даже этих скал да каменных глыб, что ныне рассеяны повсюду, и то не было! Тогда они громоздились только где-то далеко на западе. Люди в те времена не могли поселиться в этой огромной округе; тем лучше жилось тут великанам. Немало потрудились они над тем, чтобы край этот сделался таким пустынным и неприветливым. И недаром так перепугался горный исполин, когда увидел, что могущественнейший из асов — Тор

приближается к его жилищу. Он-то знал, что асы не любят тех, кто сеет вокруг себя стужу, мглу и опустошение, кто лишает землю богатства и плодородия, мешает людям украшать ее своими жилищами.

Великанше пришлось ждать недолго. Вскоре во дворе послышались твердые шаги, и тот самый странник, которого великан видел на горной тропе, рванул дверь и вошел в горницу. Он не остановился на пороге, как это обычно делали другие путники, а сразу же направился прямо к хозяйке, что сидела в самой глубине застольной, у торцовой стены. Шел он к ней, шел — кажется, уже целый час шел, а успел лишь немного отойти от двери и даже до очага еще не добрался — тот посредине горницы стоял. Странник прибавил шагу. Но прошел еще час, и ему показалось, будто и очаг, и великанша не только не приблизились, а, наоборот, отодвинулись от него и были теперь даже дальше, чем когда он вошел в застольную. Вначале горница не показалась ему очень уж большой. И только когда странник дошел наконец до очага, он понял, до чего велика застольная! Путник так утомился, что ему пришлось опереться на посох — отдохнуть малость. Как увидела великанша, что он остановился, отложила она веретено, поднялась со скамьи и мигом, в два счета, возле него очутилась.

— Нам, великанам, — молвила она, — по душе большие горницы; вот хозяин и супруг мой вечно жалуется, будто эта очень уж тесна. Но я понимаю, как трудно перейти нашу застольную тому, кто может делать лишь маленькие шаги, вроде твоих. Скажи-ка теперь, кто ты такой и чего тебе надобно от великанов?!

Путник хотел было резко ответить ей, но раздумал ссориться с женщиной и спокойно ответил:

— Имя мое — Твердорукий. Я — воин и на своем веку испытал немало приключений. Ныне же я просидел целый год дома, в усадьбе. И только стал раздумывать, неужто нет для меня на свете больше великих дел, как вдруг услыхал от людей, будто вы, великаны, до того худо радеете о здешних горных урочищах, что никто, кроме вас самих, жить тут не может. Вот я и пришел сюда потолковать об этом с хозяином твоим и супругом да спросить его, не пожелает ли он завести здесь порядки получше?!

— Хозяин мой и супруг ушел на охоту, — молвила великанша. — И он сам ответит на твой вопрос, когда вернется. Но скажу тебе, однако, что тому, кто осмелится задавать вопросы горному исполину, надо быть покрепче, чем ты. Подумай о том, как бы тебе не нанесли бесчестья, да отправляйся-ка отсюда подобру-поздорову. Лучше тебе не дожидаться великана.

— Нет, уж раз я сюда явился, я его дождусь, — ответил тот, кто называл себя Твердоруким.

— Я дала тебе добрый совет, — сказала хозяйка, — а ты поступай как знаешь. Садись вот сюда на лавку, а я пойду принесу тебе питье, которым мы потчуем гостей.

Взяла женщина огромный рог и направилась в самый дальний угол застольной, где стояла бочка с медом. И бочка эта не показалась гостю очень уж большой! Но когда хозяйка вытащила втулку, мед полился в рог с таким шумом, будто в горницу ворвался водопад. Рог тут же наполнился медом, и хозяйка захотела заткнуть бочку втулкой. Но не тут-то было! Мед со страшной силой вырвался из бочки, выбил втулку из рук хозяйки и устремился бурным потоком на пол. Великанша попыталась было заткнуть бочку, и снова ей это не удалось. Тогда она позвала на помощь странника:

— Видишь, Твердорукий, как мед от меня убегает! Иди сюда, заткни бочку!

Гость тотчас же поспешил ей на помощь. Взял он втулку и попытался ее воткнуть в бочку. Но мед снова вырвался из бочки сильной струей, залил пол далеко вокруг и стал растекаться по застольной.

Твердорукий снова и снова пытался остановить бурный поток, но так и не смог и в конце концов отбросил втулку в сторону. Пол был уже весь залит медом, и чтобы можно было пройти по горнице, странник стал чертить проходы, рыть глубокие борозды, по которым мог бы стекать мед. Он прокладывал дороги меду в твердых каменистых плитах подобно тому, как дети весной прокладывают в песке дорожки для талой воды. То тут, то там вытаптывал он ногой глубокие ямы, где мог бы скопиться мед. Великанша меж тем молча стояла рядом, но если бы гость поднял на нее взгляд, он увидел бы, с каким изумлением и ужасом смотрит она на его работу. Когда же он с ней управился, великанша насмешливо сказала:

— Спасибо тебе, Твердорукий. Вижу, ты сделал все, что в твоих силах. Обычно хозяин мой и супруг мигом помогает мне заткнуть эту бочку. Но не всем же быть такими могучими, как он! Раз ты с этой работой не справился, отправляйся-ка лучше восвояси.

— Я не уйду, покуда не потолкую с великаном, — твердо ответил странник, хотя заметно было, что он сконфужен и удручен.

— Тогда садись на эту лавку, — сказала женщина, — а я поставлю котелок на огонь и сварю тебе кашу.

Сказано — сделано! Когда каша была уже почти готова,

хозяйка обернулась к гостю со словами:

— Вижу, мука у меня кончилась, и каша не получится такой густой и сытной, как надо. Хватит ли у тебя сил несколько раз ручку мельницы повернуть? Вон она рядом с тобой стоит, ну а зерно между жерновами насыпано. Но тебе придется крепко ручку повернуть — мельница-то туго идет!

Гость не заставил себя долго просить. Да и мельница не показалась ему очень уж большой! Ухватился он за ручку и попытался ее повернуть, чтобы пустить в ход жернова, да так и не смог ручку с места сдвинуть. Поднатужился он изо всех сил, но сумел повернуть ее лишь на один оборот.

Покуда он трудился, великанша молча и удивленно смотрела на него. Когда же он отставил мельницу в сторону, она вымолвила:

— Обычно хозяин мой и супруг куда лучше мне помогает, если мельницу вдруг заест. Да где уж тебе с ней справиться — не по твоим это силам! Неужто ты сам не понимаешь, что лучше тебе не встречаться с тем, кто без особых усилий может молоть на этой самой мельнице сколько вздумается!

— Все же я его дождусь, — тихо и кротко ответил могущественнейший из асов — Тор.

— Тогда садись спокойно на эту лавку, покуда я тебе мягкую постель постелю, — сказала великанша. — Придется тебе, видно, здесь заночевать.

Постелила она гостю целую гору подушек да перин и пожелала ему спокойной ночи.

— Боюсь, не покажется ли тебе эта постель жестковатой, — сказала она. — Правда, супруг мой каждую ночь на таком ложе почивает.

Но когда Твердорукий захотел растянуться на своем ложе, он почувствовал под собой столько бугров и рытвин, что о сне и думать было нечего. Как он ни вертелся, как ни крутился, а устроиться поуютнее так и не смог. Стал он тогда постель разбрасывать — перину сюда, подушку туда, а потом лег и спокойно проспал до самого утра.

Но вот сквозь отдушину в потолке засветило солнце; поднялся тут Твердорукий и покинул жилище великана. Пересек он двор, вышел за калитку и захлопнул ее за собой. Глядь, а великанша рядом с ним стоит.

— Вижу, убираешься восвояси, Твердорукий? — радостно сказала она. — Вот и славно! Лучшего для тебя не придумаешь!

— Если хозяин твой и супруг может спать на такой постели, какую ты мне давеча постелила, — хмуро сказал Твердорукий, — нечего мне с ним и встречаться. Должно быть, он весь из железа и

никому с ним не совладать!

Стоит великанша, к калитке прислонилась.

— Раз уж ты ушел с моего двора, Твердорукий, — вымолвила она, — скажу тебе: твой поход к нам, великанам, был вовсе не так бесславен, как ты думаешь. И не диво, что путь через нашу горницу показался тебе столь долгим. Ведь ты миновал целое плоскогорье, целую горную страну, а зовется она Йемтланд. И то, что ты не смог заткнуть втулкой бочку, тоже не диво! Ведь из нее хлынула вся вода, которая бурными потоками устремляется вниз со снежных гор. А когда ты эту воду — ты-то думал — мед! — с пола нашей горницы отводил, то сотворил борозды и ямы, которые станут отныне реками и озерами. Испытание в силе ты тоже выдержал немалое, когда повернул ручку мельницы всего на один оборот. Ведь между жерновами лежало не зерно, а известняк да сланец. И за один оборот ты столько намолол, что все плоскогорье покрылось доброй, плодородной землей. И ничуть не диво, что ты не смог уснуть в постели, которую я постелила тебе на островерхих вершинах. Ты же разбросал их почти по всей провинции. Может, люди будут благодарны тебе за это меньше, чем за все другое, что ты для них сделал. А теперь прощай! Обещаю, что мы с хозяином и супругом моим переселимся отсюда куда-нибудь подальше, чтобы тебе не так легко было прийти к нам в гости.

Слушал это странник и все больше закипал гневом. А когда великанша умолкла, он схватился за свой молот, который всегда носил за поясом. Но не успел он его поднять, как великанша исчезла, а на том месте, где стояла великанова усадьба, оказалась одна лишь серая отвесная горная стена. Но остались еще могучие реки и озера, которым он высвободил место в горах, да плодородная земля, которую он намолол. Остались и чудесные горы. Они-то и придают провинции Йемтланд всю красоту, а всем тем, кто там гостит, дарят силу, здоровье, радость и жизнелюбие. Да, самый славный из всех своих подвигов могущественнейший ас Тор совершил тогда, когда по всему краю разбросал каменные громады: на севере — Фроствиксфьеллен, на юге — Хелагсфьеллет, Увиксфьеллен — сразу же за приходом Стуршён, Большой и Малый Силь — у самой государственной границы.

XLVII ПРОВИНЦИЯ ХЭРЬЕДАЛЕН И ЕЕ ПРЕДАНИЯ

Вторник, 4 октября

Мальчика начало уже беспокоить, что молодые люди так долго задерживаются на вышке. Пока они не уйдут, Мортену-гусаку не прилететь за ним, а Нильс знал, что дикие гуси торопились продолжить путь. Во время рассказа молодого человека ему казалось, что он слышит гусиное гоготанье и сильные удары крыльев, словно птицы улетали прочь. Но он не осмеливался подойти к перилам, поглядеть, так ли это.

Когда же путешественники наконец ушли и мальчик выбрался из своего убежища, внизу на земле не было уже ни диких гусей, ни даже Мортена-гусака, который должен был прилететь за ним. И мальчик закричал во все горло:

— Где ты? Я — здесь! Где ты? Я — здесь!

Но спутники его не показывались. Он ни на секунду не подумал, что они его бросили. Он просто испугался, не стряслось ли с ними беды, и ломал себе голову, как бы их отыскать. Но вдруг рядом с ним на площадку опустился Батаки-ворон.

Мальчик никогда даже не подозревал, что может так обрадоваться ворону!

— Милый Батаки, — сказал он, — вот хорошо, что ты прилетел! Может, ты знаешь, что сталось с Мортеном-гусаком и со всей стаей?

— Я как раз от них, они шлют тебе поклон! — ответил ворон. — Акка заметила, что на горе рыщет охотник. Поэтому она не посмела дожидаться тебя, а пустилась в путь вместе со всей стаей. Садись ко мне на спину, и ты мигом очутишься у своих друзей!

Мальчик поспешно уселся на спину к ворону, и Батаки вскоре догнал бы диких гусей, не помешай ему туман. Да, как видно, утреннее солнце снова пробудило туман к жизни. Маленькие легкие облачка испарений разом стали подниматься и над озером, и над лесом, и над полями. Они всё сгущались, распространяясь с удивительной быстротой. Вскоре уже вся земля скрылась под белой клубящейся пеленой тумана.

Батаки летел вперед, высоко над этой пеленой; воздух в вышине был прозрачен, солнце сияло, но дикие гуси, должно быть, летели ниже, среди клубящегося тумана, и разглядеть их было невозможно. Мальчик и ворон звали их, кричали, но все

напрасно, дикие гуси не отвечали.

— Вот уж не повезло так не повезло! — молвил под конец Батаки. — Но ничего, мы ведь знаем, что они летят на юг, и пусть только прояснится, я наверняка их разыщу.

Мальчик сильно огорчился, разлучившись с Мортеном, — ведь теперь, во время путешествия, большого белого гусака могло подстерегать особенно много опасностей. Но, промучившись несколько часов, он сказал самому себе, что не надо бояться, никакой беды еще не случилось и, стало быть, не стоит падать духом.

И вдруг он услыхал, как внизу на земле поет петух. Мальчик тотчас свесился вниз со спины ворона и закричал:

— Как зовется край, над которым я лечу? Как зовется край, над которым я лечу?

— Он зовется Хэрьедален, Хэрьедален, Хэрьедален! — запел петух.

— Как там у вас внизу? — спросил мальчик.

— Скалистые горы — на западе, лес — на востоке, широкая речная долина — по всей округе! — заливался петух.

— Спасибо! Хорошо ты все растолковал! — поблагодарил петуха мальчик.

Пролетев еще немного, он услыхал, как внизу в тумане каркает ворона.

— Что за люди живут в здешнем краю? — громко спросил он.

— Добрые и честные крестьяне, — ответила ворона. — Добрые и честные крестьяне!

— Чем они занимаются? — спросил мальчик. — Чем они занимаются?

— Разводят скот и рубят лес! — прокаркала в ответ ворона.

— Спасибо! Хорошо ты все растолковала! — поблагодарил ворону мальчик.

Чуть подальше он услыхал, как кто-то распевает внизу в тумане.

— Есть какой-нибудь город в здешнем краю? — громко спросил мальчик.

— Что? Что такое? Кто это кричит? — откликнулся человек.

— Есть какой-нибудь город в здешнем краю? — повторил свой вопрос мальчик.

— Я хочу знать, кто кричит?! — воскликнул человек.

— Известно наперед: если спросишь человека, ничего не узнаешь! — закричал мальчик.

Вскоре туман рассеялся так же быстро, как налетел и мальчик увидел, что Батаки парит над широкой речной долиной. Местность здесь казалась на редкость красивой — горы высокие,

как и в Йемтланде, но у подножья этих гор не было ни больших приходов, ни плодородных пашен. Селения тут далеко отстояли друг от друга, а поля были малы. Батаки летел вдоль реки на юг до тех пор, пока они не очутились вблизи какого-то селения. Опустившись прямо на жнивье, он посоветовал мальчику сойти на землю.

— На этой пашне летом рос ячмень, — молвил Батаки. — Погляди, не найдешь ли там чего-нибудь съедобного?

Мальчик послушался его совета и вскоре нашел спелый колос. Пока он доставал из него зерна и ел, Батаки завел беседу.

— Видишь вон ту высокую красивую гору — прямо перед нами на юге? — спросил он.

— Да, она уже давно видна, — ответил мальчик.

— Гора эта зовется Сунфьеллет, — продолжал ворон, — и можешь себе представить, в стародавние времена здесь водилось немало волков!

— Да, тут, верно, для них приволье! — подтвердил мальчик.

— Людям, что жили внизу, в речной долине, они не раз приносили беду, — добавил Батаки.

— Может, ты помнишь какую-нибудь историю про волков и собираешься рассказать ее мне? — спросил мальчик.

— Слыхал я, — начал Батаки, — будто давным-давно волки с горы Сунфьеллет напали на парня, который отправился торговать деревянной утварью — бочками, ушатами да лоханями. Был он родом из Хеде, селения в речной долине, что несколькими милями выше того места, где мы с тобой сейчас. Стояла зима, и только он выехал на лед речки Юснан, волки за ним и припустили! Собралось-то их девять-десять, не меньше, а конь у крестьянина был никудышный, и надежды на спасение почти не оставалось.

Как услыхал тот парень волчий вой да увидал, что за ним гонится громадная стая, вконец растерялся, ну просто голову потерял! И не догадался даже все бочки, ушаты да лохани повыбрасывать — сани облегчить. Вместо этого он знай себе коня нахлестывал, и тот несся во весь опор. Вскоре, однако, парень заметил, что волки его догоняют. На берегах реки было безлюдно, а до ближайшей усадьбы — еще несколько миль. Вот он и решил, что настал его последний час, и просто оцепенел от ужаса.

Сидел он так в санях, ни жив ни мертв, и вдруг увидел, как впереди среди еловых ветвей, что были воткнуты в снег вместо дорожных вех, кто-то зашевелился. А как разглядел крестьянин, кто это, еще больше ужаснулся,

Но то были вовсе не волки. Навстречу ему двигалась по льду нищая дряхлая старушка. Звали ее Малин-Финка, и она вечно

бродила по окрестным дорогам да тропкам. Была она горбатая, к тому же чуть хромая, так что он ее издали признал!

Старушка шла прямо на волков. Должно быть, сани заслонили их от нее, и крестьянин из Хеде сразу понял, что, если он проедет мимо и не предупредит ее, она попадет прямо в пасть диких зверей, и пока они загрызут ее до смерти, сам он может спастись.

Старушка шла медленно, опираясь на палку. Ясно было, что ей конец, если только он не придет ей на помощь. Но даже если он остановится и захватит ее в сани, мало надежды на ее спасение! Волки наверняка настигнут их и растерзают всех — и его, и старушку, и коня. И он подумал: может, справедливей пожертвовать одной жизнью ради спасения двух других?

Все это разом промелькнуло у него в голове, лишь только он заметил старушку. Мало того, он успел еще подумать и о том, каково ему будет после, как он будет век каяться, что не помог старой женщине! А если люди, не приведи бог, прознают, что он встретил ее да проехал мимо?!

Тяжкое выпало ему на долю испытание!

«Лучше бы мне ее никогда не встречать!» — сказал он самому себе.

В тот же миг волки дико завыли. Конь вздрогнул и рванулся вперед. Проносясь мимо старой нищенки, которая тоже услыхала волчий вой, крестьянин из Хеде увидел, как она застыла на месте, поняв, что ее ожидает. Она стояла такая беспомощная, рот искажен в молчаливом крике, руки умоляюще протянуты к нему… Но старушка не крикнула и не попыталась броситься в сани. Она просто окаменела от ужаса. «Наверно, я был похож на тролля, когда пронесся мимо нее», — подумал парень.

Убедившись в своем спасении, он попытался уверить себя, что очень этому рад. Но в груди у него саднило, сердце болело. Никогда прежде не случалось ему совершать бесчестный, зазорный поступок, а тут он понял, что опозорен теперь навсегда.

— Нет, будь что будет! — сказал он и придержал коня. — Не могу я бросить ее на съедение!

С величайшим трудом заставил он коня повернуть назад и подъехал обратно к старушке.

— Залезай быстрее в сани! — сердито крикнул он, злясь на самого себя за то, что вернулся. — Не могла дома посидеть, старая троллиха! — в сердцах бросил он. — А теперь и вороной, и я погибнем по твоей милости!

Ни слова не вымолвила старушка в ответ, но крестьянин из Хеде еще больше распалился.

— Вороной уже пробежал нынче целых пять миль, так что,

сама понимаешь, устанет он быстро, а сани не стали легче оттого, что ты на них взгромоздилась, — добавил он беспощадно.

Сквозь скрип полозьев парень услышал тяжелое дыхание волков и понял, что серые настигают их.

— Вот и все! Теперь мы пропали! — вздохнул он. — Попытался я спасти тебя, Малин-Финка, да только радости от этого — ни тебе, ни мне!

Старушка все время молчала, как человек, привычный к тому, что его всегда ругают. Но тут вдруг она сказала:

— Непонятно, отчего ты не сбросишь свою кладь?! Скинь деревянную утварь, и сани сразу станут легче! А завтра вернешься и все подберешь.

Крестьянин из Хеде сразу согласился, что она дело советует, и только подивился про себя, как он сам до этого не додумался. Передал он старушке вожжи, развязал веревку, которая держала деревянные бочки, ушаты да лохани, и сбросил их на лед. Волки, которые совсем уже было настигли сани, остановились обнюхать сброшенную утварь, и путникам снова удалось немного уйти от них вперед.

— Коли и это не поможет, я, уж поверь, по доброй воле отдам себя на растерзание волкам, а ты спасешься! — вымолвила Малин-Финка.

Парень в это время как раз вытаскивал из саней большую тяжелую пивную бочку и вдруг остановился, словно не решаясь сбросить ее. Одна мысль сверлила его мозг: «Неужто конь и здоровенный парень допустят, чтобы старую женщину съели волки?! Должен же быть какой-нибудь путь к спасению! Не может быть, чтобы его не было. Только ума не приложу какой».

Он снова взялся было за бочку — и вдруг разразился хохотом.

Старушка испуганно глянула на него: уж не ума ли он решился? Крестьянин же из Хеде смеялся над самим собой: до чего же он глуп и недогадлив! Ведь проще простого было спасти всех троих. Как он раньше до этого не додумался!

— Слышь-ка, что я тебе скажу, Малин! — проговорил он. — Слов нет, благородно, с твоей стороны, самой броситься в пасть волкам. Но делать этого не надо. Я знаю, как нам спастись всем троим, и при этом ничья жизнь не будет подвергнута опасности. Что бы я ни делал, сиди смирно и правь прямо к селению Линселль! Там разбудишь народ и скажешь, что я остался один на льду в окружении десяти волков и прошу мне помочь!

Крестьянин подождал, пока волки подбегут совсем близко к саням. И тогда, опрокинув на лед большую бочку, сам спрыгнул следом и подлез под нее.

А бочка была огромная-преогромная. В нее вмещалось

столько браги, что хватило бы на Рождество целому селению! Волки подбежали к бочке, стали кусать обручи и пытались ее перевернуть. Но бочка была слишком тяжела и устойчива. Волки так и не смогли добраться до человека, который под ней спрятался.

Зная, что он в безопасности, крестьянин сидел под бочкой и смеялся над волками. Но вскоре сделался серьезным и решил про себя: «Если я снова когда-нибудь попаду в беду, вспомню-ка я эту пивную бочку. И скажу самому себе: никогда не следует отчаиваться раньше времени и тем самым обрекать на гибель себя и других. Всегда есть выход, только надо уметь его найти!»

На этом Батаки закончил свой рассказ.

Однако мальчик уже давно заметил, что ворон никогда ничего не рассказывает без тайного умысла, и потому чем дольше он слушал его рассказ, тем сильнее задумывался.

— Хотел бы я знать, зачем ты рассказывал мне эту историю?! — спросил мальчик.

— Просто я вспомнил о ней, когда глядел на гору Сунфьеллет, — ответил ворон.

Они полетели дальше вдоль реки Юснан и через какой-нибудь час оказались у селения Кольсетт, что лежит у самой границы Хельсингланда.

Здесь ворон опустился неподалеку от маленькой приземистой лачуги. Вместо окон у нее была лишь одна отдушина. Из трубы поднимался дым с искрами, а из лачуги слышались громкие удары молотов.

— Когда я вижу эту кузню, — сказал ворон, — я невольно думаю о том, что в стародавние времена в Хэрьедалене, и особенно в здешнем селении, водились такие превосходные кузнецы, равных которым во всей стране не было.

— Может, ты и о них помнишь какую-нибудь историю и собираешься рассказать ее мне? — спросил мальчик.

— Да, вспоминается мне история об одном кузнеце из Хэрьедалена, — ответил Батаки. — Вызвал он двух других мастеров-кузнецов — одного из Далекарлии, а другого из Вермланда — на состязание: кто лучше выкует гвозди. Приняли те кузнецы вызов, и все трое сошлись здесь, в Кольсетте. Первым начал далекарлиец. Выковал он дюжину гвоздей, да таких ровных, гладких и острых, что любо-дорого глядеть! Потом настал черед вермландца. И он выковал дюжину гвоздей — лучше не надо, а к тому же сработал их вдвое быстрее, чем далекарлиец. Увидев это, те, кто должен был рассудить их, сказали хэрьедаленскому кузнецу, что не стоит и пытаться силы свои пробовать. Все одно — лучше далекарлийца и быстрее

вермландца ему ничего не сделать.

— А я не отступлюсь. Смогу, верно, отличиться и я, — не сдавался кузнец.

Положил он железо сразу на наковальню, не раскалив его прежде в горне, и начал бить молотом, покуда оно не разогрелось. Да и стал выковывать один гвоздь за другим. При этом ни угля, ни мехов, с помощью которых раздувают огонь в горне, он и в руки не брал. Никому еще не доводилось видеть кузнеца, который бы ловчее управлялся с молотом. И объявили хэрьедаленского кузнеца наипервейшим в стране.

Тут Батаки умолк, а мальчик еще больше призадумался.

— Хотел бы я знать, зачем только тебе понадобилось рассказывать мне эту историю?! — спросил мальчик.

— Просто она пришла мне на ум при виде старой кузни, — как можно равнодушней ответил Батаки.

Путешественники снова взмыли ввысь, и ворон понес мальчика на юг, в приход Лилльхердаль, что лежит на самой границе с Далекарлией. Здесь ворон опустился на поросший деревьями курган, поднимавшийся на самой вершине горного кряжа.

— Знаешь ли ты, что это за курган, на котором мы стоим? — спросил Батаки.

Мальчик вынужден был признаться, что не знает.

— Это — могильный курган, — объяснил Батаки. — А похоронен тут человек, которого звали Хэрюльф. Он первым поселился в здешних краях и стал возделывать землю.

— Может, ты и о нем хочешь что-нибудь рассказать? — спросил мальчик.

— О нем я слышал совсем немного, — ответил Батаки. — Он вроде был норвежец и поначалу состоял на службе у норвежского короля, но после не поладил с ним, и пришлось ему бежать из страны. Отправился он тогда к королю свеев, что жил в ту пору в Упсале, и нанялся к нему на службу. Но спустя некоторое время стал он требовать королевскую сестру себе в жены, а когда король не пожелал отдать ему столь знатную девицу, он бежал вместе с нею. Так и получилось, что ни в Норвегии, ни в Швеции жить он не мог, а уходить в заморские края ему не хотелось. «Должен же найтись еще какой-то выход», — подумал он, прихватил свои сокровища и отправился в сопровождении слуг на север через Далекарлию. Ехали они ехали, покуда не добрались до диких дремучих лесов на самой границе Далекарлии. Там он и осел, поставил себе дом и стал первым, кто поселился в этом краю.

Дослушал мальчик предание, что рассказал ему ворон, и призадумался еще больше, чем прежде.

— Хотел бы я знать, зачем только тебе понадобилось рассказывать мне эту историю? — спросил он.

Батаки долго не отвечал, а только вертел головой да жмурил глаза.

— Раз уж мы здесь одни, — наконец сказал он, — воспользуюсь-ка я случаем и спрошу тебя об одном деле. Узнал ли ты точно, на каком условии этот самый домовой, что заколдовал тебя, согласен снова превратить тебя в человека?

— Я слыхал только об одном: я должен доставить белого гусака целым и невредимым на север в Лапландию, а потом снова на юг — в Сконе.

— Так я и думал! — каркнул Батаки. — Вот почему, когда мы встретились в последний раз, ты так гордо говорил о том, что ничего нет на свете хуже, чем изменить другу, который надеется на тебя. Надо бы все же поподробнее справиться у Акки об этом уговоре. Знаешь, ведь она сама побывала у вас в Вестра Вемменхёге и беседовала с домовым.

— Акка мне ни слова об этом не говорила, — забеспокоился мальчик.

— Наверно, она сочла, что лучше тебе не знать, какое условие ставит теперь домовой. Ей, ясно, больше хочется помочь тебе, чем Мортену-гусаку.

— Просто удивительно, Батаки, как тебе всякий раз удается опечалить и встревожить меня! — вздохнул мальчик.

— Может, так оно и кажется с виду, — ответил ворон, — но на сей раз ты будешь мне благодарен, когда я передам тебе слова домового. А сказал он так: ты снова станешь человеком, если доставишь домой Мортена-гусака и матушка твоя его зарежет.

Мальчик вскочил.

— Не иначе, ты это придумал мне со зла! — вскричал он.

— Можешь спросить саму Акку! — каркнул Батаки. — Вон она летит в вышине со всей стаей! И не забудь предания, которые я нынче тебе рассказал! Помни: как бы ни было трудно, всегда есть путь к спасению! Надо его только найти! Меня порадует, когда я увижу, что тебе это удалось!

XLVIII ВЕРМЛАНД И ДАЛЬСЛАНД

Среда, 5 октября

На другой день во время привала, когда Акка щипала травку чуть поодаль от других диких гусей, мальчик улучил минутку и спросил ее, правда ли то, что ему рассказал Батаки. И Акка подтвердила: да, ворон правду говорил. Тогда мальчик взял с гусыни-предводительницы клятву, что она не откроет эту тайну Мортену. Ведь большой белый гусак так отважен и благороден! Мальчик очень боялся, что Мортен может сам навлечь на себя беду, если узнает, каково условие домового.

Потом Нильс угрюмо и молчаливо сидел на спине гусака, понурив голову и ничего вокруг не замечая. Он слышал, как дикие гуси кричали гусятам, что стая влетает в Далекарлию. Что сейчас, в горах севера, они увидят вершину Стедьян! Что они летят над рекой Эстердальэльвен и вот уже приближаются к озеру Хормундшён. А теперь, мол, под ними долина реки Вестердальэльвен! Но мальчик глядеть на все это не желал. «Видно, придется мне всю жизнь летать с дикими гусями по свету, успею еще всласть насмотреться на здешние края, пожалуй, даже больше, чем мне бы того хотелось», — равнодушно думал он.

Он ничуть не оживился и тогда, когда дикие гуси закричали, что они прилетели в Вермланд, и река, вдоль которой они мчатся на юг, — это знаменитая Кларэльвен! «Я уже видел столько рек! — думал он. — Стоит ли эта того, чтобы смотреть на нее?»

Но даже если бы ему этого хотелось, он бы не так уж много и увидел. Ведь в северном Вермланде ничего нет, кроме бескрайних однообразных лесов, сквозь дремучую чащу которых петляет река Кларэльвен, узкая, богатая водопадами. И лишь кое-где попадаются то приземистые, даже без труб лачуги, где живут финны, то яма углежога, то подсека — вырубленное, расчищенное под пашню место в лесу. Но вообще лес тянется так нескончаемо, что можно подумать, будто находишься еще далеко-далеко на севере, в Лапландии.

Дикие гуси опустились на подсеку у самого берега реки Кларэльвен, и пока они разгуливали там, щипля свежие, только-только выбившиеся из земли всходы озимой ржи, мальчик бродил по лесу. Вдруг он услыхал смех и веселый говор. Семеро рослых, крепких парней шли с котомками на спине и топорами через плечо. В тот день мальчик ужасно тосковал по людям и страшно обрадовался, когда все семеро работников сняли свои котомки и уселись на берегу реки — отдохнуть.

Они болтали без умолку, а мальчик лежал, спрятавшись за кочкой, и наслаждался, слушая голоса людей. Вскоре он узнал, что они вермландцы, а идут в Норланд — искать работу. Ну и веселый же был народ эти вермландцы! И им было о чем порассказать, так как они работали уже в самых разных местах. Но в разгар беседы одного из них угораздило сказать, что, хотя он исходил Швецию вдоль и поперек, места красивей, чем Нурдмаркен в западном Вермланде, откуда он родом, ему видеть не доводилось!

— Я признаю, что ты прав, только если ты назовешь вместо Нурдмаркена — Фрюксдален, откуда родом я, — вмешался другой работник.

— А я из Йоссехэрада, — подхватил третий. — И могу сказать: там куда красивее, чем в Нурдмаркене и Фрюксдалене, вместе взятых.

Оказалось, все семеро были из разных концов Вермланда, и каждый из них считал свои родные края лучше и красивее других. Тут пошла такая перебранка! Но никто не мог убедить других, что прав он; казалось, они тут же станут злейшими врагами. Вдруг к ним подошел какой-то прохожий — старик с длинными черными волосами и маленькими прищуренными глазками.

— О чем тут спор, молодцы? — спросил он. — Вы так орете — на весь лес слышно!

Один из вермландцев быстро повернулся к незнакомцу:

— Ты, верно, из финнов, раз бродишь тут в лесной чащобе?

— Да, так оно и есть! — ответил старик.

— Вот хорошо! — обрадовался парень. — Слыхал я не раз, будто вы, финны, разумом не обижены!

— Добрая слава — дороже золота! — признался старик финн.

— А мы вот сидим да спорим, где в Вермланде красивее всего. Не рассудишь ли ты, кто прав, чтобы нам не рассориться вконец.

— Ну что ж, рассужу, как умею, — согласился старик финн. — Но придется вам набраться терпения и послушать одно старинное предание.

— В былые времена, — начал финн, опускаясь на камень, — край к северу от озера Венерн казался людям просто страшным — одни голые скалы да горные кручи. И жить там было вовсе невозможно: ни дорогу проложить, ни лес выкорчевать. Зато край к югу от озера Венерн был благодатным, и землю там было легко возделывать, точь-в-точь как и теперь.

И вот там-то, к югу от озера Венерн, жил один богатый человек. Было у него семеро сыновей — сильных, ловких, но нравом гордых и упрямых. Так что частенько случались между

ними распри да споры — каждому хотелось слыть умнее и лучше других.

Не по душе были отцу их вечные раздоры, и надумал он положить им конец. Призвал он к себе однажды сыновей и спросил, не хотят ли они узнать, кто из них самый умный и достойный.

Сыновья охотно согласились. Лучшего испытания они и не желали.

— Сделаем так, — молвил отец. — Знаете ли вы, что к северу от этого маленького озерца, что зовется Венерн, есть невспаханная пустошь? Лежит она неподалеку от нашего хутора, вся в буграх да камнях, и никакой-то пользы нам от нее нет. Возьмите-ка вы завтра поутру свои плуги, отправляйтесь туда да вспахивайте землю, покуда не стемнеет. А вечером я приду и погляжу, кто сколько успел за день, кто из вас лучше справился с работой.

На другое утро, не успело еще солнце взойти, а семеро братьев уже стоят наготове с лошадьми и плугами. Любо-дорого на них глядеть: лошади вычищены так, что даже лоснятся, стальные плуги так и сверкают, а лемехи у них наново отточены. Помчались тут лошади во весь опор! И вот они уже у озера Венерн! Свернули тогда двое братьев в сторону — захотели озеро объехать, однако старший прямиком в озеро покатил.

— Стану я еще такой малой лужицы страшиться! — сказал он об озере Венерн.

Как увидели другие, какой он храбрый, не захотелось им в грязь лицом ударить. Влезли они на плуги да и погнали лошадей прямо в воду. Лошади-то были рослые и не скоро еще опору под ногами потеряли. Но потом пришлось им вплавь пуститься, а плуги следом по воде потянулись. Только устоять на тех плугах было нелегко и кое-кто из братьев-смельчаков, держась за плуги, начал озеро переплывать, а кое-кто и брода искать. Однако все счастливо перебрались на другой берег и стали вспахивать пустошь. А была та пустошь не чем иным, как земельными угодьями, что зовутся ныне Вермланд и Даль, или Дальсланд.

Старший брат взялся в самой середке пахать, двое помладше — от него по обе стороны встали, а двое других, почти их погодки, — рядом с ними места заняли. Двое же меньших каждый свою борозду вспахивал — один у западного края пустоши, другой — у восточного.

Старший брат проложил сперва прямую и широкую борозду; пустошь-то внизу у озера Венерн была совсем ровной, и возделывать ее было легко. Работа у него ладилась, пока он на валун не наткнулся. И до того большой валун попался, что никак

его было не обогнуть! Пришлось плуг через него перетаскивать. Потом всадил старший брат изо всех сил лемех в землю да и прорезал борозду — широкую и глубокую. Однако спустя час встретилась ему полоса земли — твердая-претвердая! Пришлось и через нее плуг перетаскивать. А как повторилось это с ним еще раз, разозлился он вконец: ну никак борозду одинаково широко и глубоко не провести!

Напоследок стала земля до того каменистой, что лемех ее лишь слегка сверху царапал. Но все же старший брат добрался до северной границы пустоши. Уселся там, сидит, отца поджидает.

Другой брат тоже поначалу широкую и глубокую борозду повел. И как-то удалось ему, к счастью, разные бугорки да расселины стороной объехать. И хотя чем дальше на север, тем чаще приходилось ему делать крюки, тем уже становилась борозда, он так ни разу и не остановился, покуда свою делянку не вспахал. Впал он тут в такой раж, что даже у границы пустоши не остановился, а проехал еще дальше, чем надо было.

У третьего брата, того, что слева от старшего стоял, поначалу тоже все гладко шло. Вывел он борозду чуть пошире, чем у двух старших, но вскоре земля пошла до того тощая, что и пахать ее не стоило. Свернул он тогда на запад, а как только можно стало, двинулся снова на север и стал пахать вглубь да вширь. Однако и ему пришлось остановиться задолго до того, как он до границы пустоши добрался. Но не оставаться же посреди пашни! Повернул он лошадь да и отправился совсем в другую сторону. Но вскоре пошел сплошной камень, обступили пахаря скалы, и пришлось ему остановиться.

«Видать, хуже этой борозды ни у кого из братьев не будет», — подумал он и уселся на плуг, сидит, отца поджидает.

Ну а с другими братьями, если все по порядку рассказывать, так то же самое вышло. Но ни один из них не ударил в грязь лицом. Тем, кто посередке пахал, туго пришлось, ну а тем, кто к востоку и к западу от них шел, еще горше! Ведь там на пустоши — одни каменистые осыпи да трясина, и никак было прямые и ровные борозды не провести. Ну и двое самых младших, надо сказать, немало попотели — им-то без конца пришлось крюки делать. Но и они сделали немало!

Сидят все семеро братьев усталые да понурые, каждый у конца своей борозды, отца поджидают.

А как настал вечер, явился отец и подошел сперва к тому сыну, что дальше всех на западной стороне трудился.

— Добрый вечер! — поздоровался отец. — Ну, как работа спорилась?

— Туговато пришлось! — ответил сын. — Тяжела та пустошь,

которую вы нам вспахать велели!

— Ты ведь сидишь спиной к своей пашне, — сказал отец. — Обернись да погляди, что ты наработал. Не так уж мало и плохо, как ты думаешь!

Оглянулся тут сын и увидел, что там, где он прошел со своим плугом, лежат чудесные долины с озерами, красуются лесистые горные склоны. А прошел он добрую часть Даля и уезда Нурдмаркен в Вермланде, вырыл ложе озер Лаксшён и Лельёнген, Стура Ле и Силарна. Так что недаром отец его работу похвалил!

— А теперь пойдем поглядим, что сделали другие! — позвал отец.

Пошли они и увидели: чего только не напахали братья! Пятый по счету, с которого они начали свой обход, сотворил уезд Иёссехэред с озером Глафсфьорден, третий сын — озеро Вермельн, старший — долину Фрюксдален и озера Фрюкеншёарна — Верхнее, Среднее и Нижнее, а следующий за ним — долину Эльвдален и реку Кларэльвен. Четвертому сыну пришлось над Бергслагеном помучиться, да еще кроме бессчетных мелких озер вырыл он Юнген и Даглёсен. Шестой же и вовсе удивительную борозду провел. Сперва появилось на пустоши место для большого озера Скагерн, потом — узкое-преузкое русло, где ныне река Летэльвен течет.

Этот же, шестой сын, которого угораздило границу пустоши перемахнуть, вырыл уйму мелких озер в Вестманланде.

Окинул отец взглядом весь этот край, сотворенный плугом, и сказал, что, судя по всему, сыновья его потрудились на славу и что он их работой доволен. Да и то сказать, никакой заброшенной пустоши уже не было, а все земельные угодья можно было возделывать и заселять. Ведь семеро сыновей сотворили еще немало богатых рыбой озер и плодородных речных долин. На горных же реках зашумели водопады, которые могли заставить вертеться мельницы, визжать лесопилки, стучать железные молоты. На горных грядах, что высились между бороздами, нашлось место и для лесов, пригодных на дрова и на уголь. Теперь можно было прокладывать дороги к залежам железной руды в Бергслагене.

Обрадовались сыновья словам отца, но захотелось им узнать, чья борозда все же самая лучшая.

— В краю, как этот, что плуг сотворил, — сказал отец, — важнее всего, чтобы борозды друг друга дополняли, подходили бы одна к другой, а какая из них лучше — это вовсе не важно. Сдается мне, тот, кто придет к узким озерам в Нурдмаркене и Дале, волей-неволей признает, что вряд ли ему доводилось видеть что-либо красивее! Но даже и после них придутся ему по

душе светлые, плодородные места вокруг озер Глафсфьорден и Вермельн. А пожил бы он в этом светлом и радостном краю хоть немного, ему бы все равно захотелось переселиться сюда, в эти длинные тесные долины вдоль озер Фрюкеншёарна и реки Кларэльвен. Если же он устанет и от них, то, верно, обрадуется, когда увидит бергслагенские озера. Так они причудливо извиваются и так их много, что и названий-то всех не упомнить! А наглядится он на изрезанные берега этих озер, то уж точно обрадуется, когда встретит такую широкую водную гладь, как на озере Скагерн. И хочу я вам сказать: борозды эти нельзя сравнивать, как никогда не сравнивают сыновей — ни один отец не станет радоваться тому, что один его сын лучше других. Но если он с одинаковой радостью может глядеть на них на всех — от самого младшего до самого старшего, — в душе его воцаряется мир и покой.

XLIX МАЛЕНЬКАЯ ГОСПОДСКАЯ УСАДЬБА

Четверг, 6 октября

Дикие гуси летели вдоль реки Кларэльвен до большого железоделательного завода Мункфорс. Там они свернули на запад, к долине Фрюксдален. Но не успели они долететь до одного из озер Фрюкеншёарна, как стало смеркаться, и они опустились на поросший лесом холм посреди топи. Болото было прекрасным ночным пристанищем для диких гусей, но мальчику показалось, что там ужасно грязно и сыро, и он не прочь был подыскать себе лучшее место для ночлега. Еще с воздуха он видел у подножья лесистого кряжа несколько усадеб и решил отправиться на их поиски.

Идти туда пришлось дольше, чем он думал, и не раз ему хотелось вернуться назад. Но наконец лес вокруг начал редеть, и мальчик вышел к проселочной дороге, которая проходила по лесной опушке. От дороги красивая березовая аллея вела в какую-то усадьбу, и он поспешил туда.

Сначала мальчик попал на задний двор, огромный, как городская площадь, и окруженный со всех сторон длинными красными надворными постройками под одной крышей-связью. Нильс пересек задний двор и увидел еще один двор; там стоял жилой дом с боковым флигелем; позади виднелся заросший сад. К дому вела песчаная дорожка, перерезавшая большую лужайку перед ним. Сам дом был мал и невзрачен, зато лужайку окаймлял ряд прекрасных высоких рябин, стоявших так тесно и разросшихся так густо, что они образовали вокруг нее настоящую зеленую стену. Мальчику показалось, будто он попал в какую-то чудесную горницу с высокими сводами. Над ней покоилось прекрасное блекло-голубое небо, а рябины с их чуть пожелтевшими листьями были унизаны тяжелыми оранжевыми кистями. Трава на лужайках была еще зеленая. Но в тот вечер сверху лился сильный сверкающий лунный свет; он озарял траву столь ярким сиянием, что она блестела, точно серебро.

На дворе не видно было ни души, и мальчик мог свободно разгуливать, где хотел. Когда же он вошел в сад, то сразу повеселел — сколько же тут ягод! Сначала он было полез на невысокую рябину, но не успел добраться до первой кисти, как обнаружил куст черемухи, тоже весь усыпанный ягодами. Съехав вниз по стволу деревца, он забрался на черемуху, но тут же заметил куст смородины, на котором тоже еще висели длинные красные кисточки. И тут он увидал, что весь сад зарос

крыжовником, малиной и шиповником. Повсюду — ягоды, спелые семена, битком набитые зернами колосья! А чуть подальше, на огородных грядках, еще оставалась и брюква, и репа. На дорожке же… нет, он просто не поверил своим глазам! — на дорожке лежало большое спелое яблоко и блестело, озаренное ярким лунным светом!

Взяв яблоко, мальчик уселся на краю лужайки и начал отрезать от него перочинным ножом маленькие кусочки. «Если бы везде так легко можно было добыть вкусную еду, то, пожалуй, не такая уж это беда — на всю жизнь остаться домовым», — подумал мальчик.

Он ел в раздумье яблоко, а потом задал себе вопрос — не лучше ли поселиться здесь, а дикие гуси пусть летят на юг без него. «Не знаю только, как объяснить Мортену-гусаку, почему я не могу вернуться домой, — думал он. — Пожалуй, лучше мне с ним расстаться навсегда… Я бы мог делать себе запасы на зиму, как белки, а если жить в темном уголке конюшни или хлева, то и не замерзнешь».

Только он об этом подумал, как услыхал над головой легкий шорох, и спустя миг кто-то похожий на короткий березовый пенек опустился рядом с ним на землю. Пенек вертелся и ворочался во все стороны, а две светлые точечки на его верхушке горели, точно угольки. Колдовское наваждение, да и только! Но вскоре мальчик разглядел, что у пенька крючковатый клюв, а вокруг горящих глаз торчат перья, и тут же успокоился.

— Какое счастье встретить хоть одну живую душу, — сказал он. — Может, ты, фру сова, расскажешь мне, как называется эта усадьба и что за люди тут живут?

В тот вечер сова-неясыть, как и во все другие осенние вечера, сидела на перекладине большой лестницы, приставленной к крыше дома, и, высматривая крыс, не отрывала глаз от посыпанных гравием дорожек и зеленых лужаек. Но, к ее удивлению, ни одной серой шкурки так и не мелькнуло. Зато она увидела, как кто-то похожий на человека, хотя во много раз меньше ростом, копошится в саду. «Так вот кто отвадил отсюда всех крыс, — подумала сова. — Только кто бы это мог быть? Это — не котенок, не белка и не ласка. Я-то считала, что птица, которая столько лет прожила при старинной господской усадьбе, сколько я, должна бы знать уже все на свете. А я никак не возьму в толк, кто это такой!»

Сову разбирало страшное любопытство. Из-под своей стрехи она долго таращила горящие глаза на удивительного малыша, разгуливавшего по дорожкам, а потом, не выдержав, слетела вниз на землю, желая разглядеть его поближе.

Когда мальчик заговорил, сова, наклонившись вперед, уставилась на него. «Ни когтей, ни колючек у него нет, — подумала она, — но кто его знает, может, у него ядовитый зуб или какое-нибудь другое оружие, пострашнее! Надо разузнать, что это за птица, прежде чем броситься на него».

— Усадьба зовется Морбакка, — произнесла вслух сова, — и в прежние времена здесь жили господа помещики. А сам-то ты что за птица?

— Я вот все думаю, не переселиться ли мне сюда? — не отвечая на вопрос совы, сказал мальчик. — Как по-твоему, стоит это сделать?

— Здесь теперь не то, что прежде, от старой усадьбы мало что осталось, — ответила сова. — Но к этому можно притерпеться. Правда, все зависит от того, чем ты думаешь кормиться. Уж не собираешься ли ты заняться охотой на крыс?

— Да нет, что ты! — воскликнул мальчик. — Как бы крысы меня самого не съели, прежде чем я причиню им хоть малейший вред!

«Как бы узнать, неужто он и впрямь так безобиден, как кажется, — подумала сова. — Надо все же попытаться». Взмахнув крыльями, она взлетела над Нильсом Хольгерссоном и вонзила когти в его плечо, нацеливаясь выклевать ему глаза. Заслонив глаза одной рукой, мальчик другой попытался высвободиться, понимая, что жизни его грозит настоящая опасность. «Неужели на этот раз и в самом деле конец?» — подумал он и стал отчаянно звать на помощь.

* * *

А теперь я должна рассказать о том, как все удивительно получилось. В тот самый год, когда Нильс Хольгерссон летал по свету со стаей диких гусей, одна писательница задумала сочинить книгу о Швеции, книгу, которую дети читали бы в школах. Она долго вынашивала замысел этой книги — от Рождества до самой осени, но так и не написала ни строчки. Под конец ей это ужасно надоело, и она сказала себе:

— Это тебе не по плечу! Садись-ка лучше да сочиняй обычные свои сказки и прочие истории! И пусть кто-нибудь другой напишет эту книгу — поучительную и серьезную, в которой не будет ни одного слова неправды.

Она почти твердо решила отказаться от своего намерения, хотя ей представлялось очень заманчивым написать что-нибудь увлекательное о Швеции. Да, трудно было расстаться с мечтой!

Но неожиданно ей пришло в голову: может быть, работа не клеится оттого, что она сидит в городе, где вокруг одни лишь улицы да стены домов! Что, если уехать из города туда, где она вновь увидит леса и поля?! Может, там дело пойдет лучше?!

Она была из Вермланда и прекрасно понимала, что книгу она начнет с описания родных краев. Ну а прежде всего надо рассказать об усадьбе, в которой она выросла.[45] Усадьба была маленькая, отгороженная от всего мира, и там еще сохранилось немало старинных обычаев! Она думала, что детям будет любопытно узнать про все те бесконечные праздники, которые круглый год отмечали в усадьбе один за другим. Ей хотелось рассказать детям, как у них дома справляли Рождество, Новый год, Пасху и праздник летнего солнцестояния. Рассказать о том, какая мебель и утварь были в усадьбе, как выглядели поварня и клеть, где хранились съестные припасы, скотный двор и конюшня, гумно и баня. Но когда настало время писать об этом, перо не слушалось ее. Почему — она так и не поняла, но так уж, во всяком случае, получилось.

А помнила она обо всем об этом так отчетливо, словно все еще жила в усадьбе, окруженная прежней стариной. И она сказала себе: раз уж все равно она собирается уехать из города, может, стоит съездить в старую усадьбу и поглядеть на нее еще разок, а уж потом приняться за работу?!

Она не была в усадьбе много лет и радовалась, что нашелся предлог поехать туда. По правде говоря, где бы она ни путешествовала, она всегда тосковала по родным местам. Да, ей довелось повидать немало чужих краев — и лучше, и красивей, но нигде она не находила того покоя и уюта, которые знавала в доме своего детства.

Между тем поездка в усадьбу была для нее не такой уж легкой, как могло показаться, — ведь усадьба была продана незнакомым людям! Скорее всего приняли бы ее хорошо, но ей не хотелось приезжать на старое пепелище ради того, чтобы сидеть и болтать там с чужими людьми. Ей хотелось побыть одной и вспомнить хорошенько, как жилось в усадьбе в старые времена. Потому-то она и решила приехать туда поздно вечером, когда все работы будут закончены, а люди разойдутся по домам.

Она и представить себе не могла, что поездка в родной дом будет такой удивительной! По дороге к усадьбе ей казалось, будто с каждой минутой она становится все моложе и моложе. И вот уже вместо пожилой женщины с седеющими волосами в экипаже сидит маленькая девочка в коротенькой юбочке, с длинной белокурой косой! Пожилая женщина узнавала каждую усадьбу, встречавшуюся на пути, и ей уже думалось, что дома у

них и теперь все, как бывало прежде. Вот она подъезжает к усадьбе, а на крыльце ее встречают отец с матушкой, братья и сестры. Старая домоправительница подбегает к окошку поварни поглядеть, кто подъехал; выбегают Нерон и Фрейя и еще несколько дворовых собак и кидаются ей на грудь.

И чем ближе подъезжала она к усадьбе, тем радостнее становилось у нее на душе. Стояла осень, предстояла хлопотная рабочая страда; но как раз благодаря этим-то хлопотам дома у них никогда не бывало скучно или однообразно. По дороге она видела, что с полей убирают картофель; стало быть, и дома у них заняты тем же: сначала выроют картофель и заготовят впрок картофельную муку. Осень выдалась теплая, и она думала, что в этом году вряд ли так уж спешат все снять и убрать в саду и огороде. Кочаны капусты наверняка еще не срезаны с грядок. Интересно, собран ли хмель и сняты ли яблоки? Дома, наверное, уже началась большая уборка, когда все выметают дочиста и всюду наводят порядок. Ведь осенняя ярмарка, что считалась у них в усадьбе, особенно у прислуги, большим праздником, — уже на носу! То-то радости, бывало, выйти вечером в день ярмарки на поварню и поглядеть на чисто вымытый, застланный ветками можжевельника пол, заново побеленные стены и начищенную до блеска медную утварь на полках под самым потолком!

Да и после ярмарки не очень-то отдохнешь! Тут уже как раз самое время трепать лен! В жаркую летнюю пору лен сперва расстилают на лугу, чтобы просушить. Потом его складывают в старой баньке и досушивают, затопив большую печь. А в один прекрасный день, когда лен уже совсем высох, собирают всех женщин, что живут по соседству. Они усаживаются перед банькой и начинают трепать лен, разминают его мялками и колотят трепалами, чтобы получить из сухих жестких стебельков тонкие белые волокна.

Во время такой работы женщины становятся серыми от пыли. Их волосы, платья — все сплошь усыпано кострикой, но все равно женщины веселы и радостны. Весь день стучат мялки и трепала, идет нескончаемая женская болтовня, а когда подходишь к старой баньке, кажется, будто там неистовствует буря.

После того как со льном покончено, начинают печь хрустящие хлебцы, стричь овец и отпускать слуг и служанок к другим хозяевам. В ноябре предстоит убой скота, и тогда все упорно трудятся день-деньской — солят впрок мясо, заготавливая солонину, набивают колбасы, пекут кровяные хлебцы. И еще льют свечи. Примерно в эту же пору должна появиться и швея, которая обычно шьет домотканые шерстяные платья. Наступает веселая пора, когда все домочадцы — женщины и девушки — не покладая

рук вместе занимаются шитьем. Башмачник, который обувает всех в усадьбе, сидит тут же в людской и сапожничает. И никогда не надоест смотреть, как он кроит кожу, подшивает подошвы, прибивает каблуки и вставляет колечки в дырочки для шнурков.

Но больше всего хлопот все-таки перед Рождеством! Когда в праздник Люсии[46] горничная уже в пять часов утра расхаживает по дому с венцом из горящих свеч на голове и приглашает всех пить кофе, это означает, что в ближайшие две недели по утрам не придется долго нежиться в постели. Надо варить пиво, вымачивать рыбу, печь и заниматься предпраздничной уборкой.

Забыв обо всем, путешественница в экипаже как раз мысленно рисовала картину того, как она печет сдобное печенье и рождественские пряники в виде человечков. Неожиданно кучер остановил лошадей у самого въезда в аллею, как она и просила. Она вскочила, еще не совсем очнувшись от своих грез. О, как жутко было очутиться поздним вечером совсем одной на дороге после того, как ей привиделось, будто она — в кругу родных и близких. Она вышла из экипажа и пошла вперед по аллее, стараясь незаметно подойти к старому дому; но разница между былым и нынешним показалась ей такой невыносимо тяжкой, что она охотнее всего повернула бы обратно. «Зачем идти туда? Ведь минувшего все равно не вернешь», — заколебалась она.

Однако раз уж она приехала издалека, надо по крайней мере хотя бы осмотреть усадьбу! И она продолжала идти вперед, но с каждым шагом ей становилось все грустнее и грустнее.

До нее доходили слухи, что усадьба очень изменилась, пришла в упадок. Может, так оно и было, но в вечерней мгле она этого не замечала. Ей даже показалось, будто там все осталось по-прежнему! Вот и пруд! В дни ее юности там было полным-полно карасей, а удить — никто не смел, так как отец требовал, чтобы рыбу оставили в покое. А вот людская и кладовые! И конюшня — над одним из ее флигелей все еще висит небольшой колокол, сзывавший к обеду во время полевых работ! А вот и флюгер, показывающий, откуда дует ветер!

Двор перед жилым домом — по-прежнему был точно запертая со всех сторон горница без единого просвета между деревьями! Так повелось со времен ее отца, у которого рука не поднималась срубить даже куст.

Остановившись в тени большого клена у въездных ворот, она оглянулась по сторонам. И тут случилось чудо: стая голубей прилетела и опустилась рядом с ней на землю.

Ей не верилось, что это — настоящие птицы. Ведь голуби никогда не летают после захода солнца. Должно быть, их разбудил яркий лунный свет. Решив, видно, что наступил день,

они вылетели из своей голубятни, но потом растерялись, не смогли найти дорогу обратно и подлетели к ней, чтобы она помогла им.

При жизни ее родителей в усадьбе водилась уйма голубей, также пользовавшихся особым покровительством отца. Стоило кому-нибудь лишь заикнуться о том, что можно, мол, подать к столу хотя бы одного голубя, как отец впадал в дурное расположение духа. До чего отрадно, что эти прекрасные птицы встретили ее в старой усадьбе! Кто знает, может быть, они не случайно прилетели этой ночью… Может, они хотели подать ей знак… Они, дескать, не забыли, каким чудесным домом была для них здешняя усадьба!

А может, это отец послал своих любимых птиц передать ей привет, чтобы она, вернувшись в родной дом, не чувствовала такого страха и одиночества?!

Когда она подумала об этом, в душе ее поднялась жгучая тоска по былым временам и на глазах выступили слезы. Как прекрасно жилось когда-то здесь в усадьбе! У них бывали недели неустанного труда, но бывали и веселые праздничные торжества. Днем они работали не покладая рук, зато вечерами собирались вокруг лампы и читали Тегнера и Рунеберга, фру Леннгрен и фрёкен Бремер.[47] Они сеяли рожь, но сажали также и розы, и жасмин. Они пряли лен, но пели и народные песни. Они корпели над историей и грамматикой, но ставили также и пьесы в домашнем театре, и сочиняли стихи; они хлопотали у плиты, но учились также играть на флейте и гитаре, на скрипке и фортепьяно. Они сажали в огороде капусту и репу, горох и бобы, но у них был и сад, где в изобилии росли яблоки, груши и всевозможные ягоды. Они жили в уединении, но как раз поэтому и хранили в памяти столько сказок и преданий! Они носили домотканые платья, но зато были независимыми и беззаботными.

«Нигде во всем мире не умеют жить так прекрасно, как жили в дни моей юности вот в такой маленькой усадьбе! — думала она. — Здесь в меру работали и в меру наслаждались жизнью, а радость била ключом все дни напролет. Как бы я хотела вернуться сюда насовсем! Теперь, когда я побывала в родной усадьбе, так тяжело уезжать отсюда!»

И, посмеиваясь сама над собой, она повернулась к стае голубей и спросила:

— Не хотите ли слетать к моему отцу и передать ему, что я тоскую по родному дому? Я долго скиталась по чужим углам! Спросите его, не может ли он сделать так, чтоб я снова вернулась в дом моего детства?!

Не успела она произнести эти слова, как стая снялась с места

и улетела. Она попыталась проследить за полетом голубей, но они тотчас исчезли из виду. Казалось, будто светлая вереница птиц растворилась в мерцании воздуха.

Едва голуби скрылись, как вдруг из сада до нее донеслись громкие крики и, поспешив туда, она увидела нечто совершенно удивительное: на посыпанной гравием дорожке маленький-премаленький человечек, ростом не более ладони, бился с совой-неясытью. Сначала женщина от изумления не могла двинуться с места. Но малыш кричал все жалобней и жалобней; тогда она поспешила вмешаться и разняла сражавшихся. Сова взлетела на дерево, а малыш остался на дорожке, даже не пытаясь спрятаться или убежать.

— Спасибо вам за помощь! — сказал он. — Только зачем вы дали сове улететь? Мне ведь не уйти, пока она сидит на верхушке дерева и караулит меня!

— Да, опрометчиво с моей стороны, что я отпустила ее! Но, может, я смогу проводить тебя домой? — спросила женщина, которая имела обыкновение сочинять сказки, но теперь была немало удивлена тем, что неожиданно наяву вступила в беседу с одним из сказочного малого народца. Но, по правде говоря, встреча эта не так уж и поразила ее. Ведь в глубине души она все время ждала, что при свете месяца у дверей старого дома с ней непременно случится какое-нибудь чудо.

— Вообще-то я собирался переночевать в усадьбе, — ответил мальчик. — Если бы вы только указали мне местечко понадежнее, я бы не вернулся в лес до завтрашнего утра.

— Показать тебе, где переночевать? А ты разве не здешний?

— Ага, вы думали, я из малого народца, — сказал коротыш. — Но я такой же человек, как и вы, хоть меня и заколдовал домовой!

— Диковинней этого мне ничего в жизни слышать не доводилось! Не расскажешь ли, как ты попал в такую беду?

Мальчик ничего не имел против того, чтобы поведать о своих приключениях, а она слушала его и, все больше и больше изумлялась, дивилась и радовалась. «Ну и повезло же мне — встретиться с тем, кто верхом на гусиной спине облетел всю Швецию! — думала она. — То, что он рассказывает, я и опишу в моей книге. И нечего больше печалиться! Как хорошо, что я поехала домой! Подумать только, стоило мне очутиться здесь, в старой усадьбе, как сразу же подоспела помощь».

В тот же миг ей вдруг пришла на ум мысль, которую она едва осмелилась додумать до конца. Она ведь послала с голубями отцу весточку о том, что тоскует по родному дому! И тут же обрела помощь в своей работе, над которой так долго ломала голову.

Неужто это ответ отца на то, о чем она просила?

L КЛАД НА ШХЕРЕ

НА ПУТИ К МОРЮ

Пятница, 7 октября

В начале своего осеннего перелета дикие гуси все время летели прямо на юг. Но после привала в долине Фрюксдален они выбрали другое направление и полетели над западным Вермландом и Дальсландом к провинции Бохуслен.

Веселое это было путешествие! Гусята уже привыкли летать и перестали жаловаться на усталость, а к мальчику мало-помалу снова начала возвращаться его жизнерадостность. Он был счастлив, что ему довелось поговорить с человеком, и очень приободрился, когда пожилая женщина сказала ему: если он будет по-прежнему делать добро всем, с кем только встретится, все кончится для него хорошо. Она, разумеется, не могла подсказать, как ему снова стать человеком, но все же вселила в него каплю надежды и веры. И это, пожалуй, помогло ему придумать, что могло бы удержать большого белого гусака от возвращения домой.

— Знаешь что, Мортен-гусак! — сказал он однажды, когда они быстро летели высоко-высоко в небе. — Скучновато нам, верно, покажется сидеть дома целую зиму, после такого путешествия? Вот я и подумываю: не махнуть ли нам вместе с дикими гусями за море?

— Неужто ты это всерьез?! — испугался гусак. После того как ему удалось доказать, что он способен долететь с дикими гусями до самой Лапландии, ему хотелось лишь одного: вернуться скорее в загон для гусей на торпе у Хольгера Нильссона.

Мальчик молча сидел некоторое время, глядя вниз на Вермланд, где и березняки, и лиственные рощи, и сады — все было одето в желто-багряный осенний убор, а между золотистыми берегами ярко голубели продолговатые озера.

— Никогда еще земля внизу не была такой красивой, как сегодня, — сказал он. — Озера — точно голубой шелк, а берега — словно широкие золоченые ленты. Неужто тебе не жаль, если мы осядем в Вестра Вемменхёге и не увидим больше ничего нового на свете?

— А я думал, тебе хочется отправиться домой к отцу с матушкой и показать, каким ты стал молодцом, — сказал гусак.

Сам-то он все лето только и мечтал о том счастливом часе, когда гордо опустится на двор перед домом Хольгера Нильссона

и представит Дунфин-Пушинку с шестерыми гусятами всем домашним гусям и курам, коровам и кошке, да и самой хозяйке — жене Хольгера Нильссона. Так что он не очень-то обрадовался словам мальчика.

Дикие гуси не раз подолгу отдыхали в тот день. Повсюду им встречались великолепные, уже сжатые нивы, и у гусей едва хватало духу расстаться со жнивьем. И в Дальсланд они прилетели, только когда солнце уже клонилось к закату. Стая тянулась над северо-западным краем Дальсланда, и здесь было еще красивее, чем в Вермланде. А озер было столько, что полоски суши между ними казались всего лишь узенькими береговыми отмелями. Земля тут совсем не годилась для пашен, зато тем лучше приживались на ней деревья, и берега озер походили на прекраснейшие парки. В воздухе или в воде словно было нечто удерживавшее солнечный свет даже после того, как солнце закатилось за поросшую лесом гряду. Золотистые лучи играли на темной блестящей глади озер, а над землей было разлито какое-то бледное розоватое трепещущее мерцание, из которого выступали желтовато-белые березки, ярко-красные осины и оранжево-желтые рябины.

— А тебе, Мортен-гусак, неужто не жалко, что ты никогда больше не увидишь такой красоты? — спросил мальчик.

— Мне больше охота увидеть тучные поля на юге, на равнине Сёдерслетт, чем эти тощие горные склоны, — ответил гусак. — Но раз уж тебе так понадобилось продолжать путешествие, я с тобой не расстанусь.

— Другого ответа я от тебя не ждал, — сказал мальчик, и в голосе его послышалось явное облегчение.

Потом гуси летели над Бохусленом, и мальчик увидел, что горные хребты сдвинулись еще теснее, а долины между ними стали глубокими и узкими, точно ущелья.

Длинные же озера на дне долин казались такими черными, словно лежали уже в подземном королевстве. Чудесные края, ничего не скажешь! Но вскоре, глядя на эти цепи гор, одни склоны которых были освещены узкими полосками солнца, а другие прятались в густой тени, мальчик ощутил затаенное своеобразие их первобытной красоты.

Непонятно, почему ему вдруг пришло на ум, что в стародавние времена здесь жили сильные и смелые воины и им, наверно, привелось испытать немало опасных и необычайных приключений в этих таинственных краях.

Неукротимая жажда удивительных приключений снова охватила Нильса.

«Быть может, в Вемменхёге мне будет недоставать вечного

риска и опасности для жизни, к которым я привык, — подумал он. — Нет уж, лучше довольствоваться тем, что есть».

Он не стал делиться своими думами с большим белым гусаком: гуси что есть духу неслись над Бохусленом и запыхавшийся гусак все равно не смог бы ничего ответить.

Солнце стояло у самого края небосвода, порой исчезая то за одним, то за другим холмом, но дикие гуси мчались вперед с такой скоростью, что оно вновь и вновь озаряло им путь.

Вдруг они увидели на западе блестящую полоску, которая с каждым взмахом гусиных крыльев все росла и ширилась. То было море; оно простиралось перед ними молочно-белое, отливающее то розово-алым, то небесно-голубым. Когда же гуси пролетали мимо прибрежных скал, они вновь увидели повисшее над морем и скалами солнце. Огромное, багровое, оно, казалось, вот-вот нырнет в волны!

Но когда мальчик стал разглядывать вольное безбрежное море и багровое вечернее солнце, сиявшее таким мягким светом, что он смог пристально, не мигая, смотреть на него, он почувствовал, как мир и спокойствие охватывают его душу.

— Не стоит огорчаться, Нильс Хольгерссон, — казалось, говорило ему солнце. — Чудесно жить на свете и малым, и большим! И хорошо, когда весь мир тебе открыт, а сам ты — вольный и беспечный!

ДАР ДИКИХ ГУСЕЙ

Дикие гуси устроились ночевать на маленькой шхере у Фьелльбакки. Ближе к полуночи, когда месяц повис высоко в небе, старая Акка, стряхнув с себя сон, начала будить всех подряд — Юкси и Какси, Кольме и Нелье, Вииси и Кууси. Последним, толкнув его клювом в бок, она разбудила Малыша-Коротыша.

— Что случилось, матушка Акка? — испуганно спросил он, вскочив на ноги.

— Ничего страшного, — ответила гусыня-предводительница, — мы семеро — старейшие в стае — хотим нынче ночью пролететь подальше в глубь моря. Не желаешь ли прогуляться с нами?

Мальчик тотчас смекнул, что Акка не стала бы будить его и звать с собой ради какой-нибудь безделицы, и он тотчас уселся ей на спину. Гуси направились прямо на запад. Сначала они пролетели над длинной чередой крупных и мелких островков у самого побережья, затем над широкой полосой открытой воды и достигли большого скопления островов, расположенных на взморье и звавшихся Ведерёар. Все острова были низкие и

скалистые, и при лунном сиянии видно было, что с запада их до блеска отполировали волны. На тех островах, что были побольше, мальчик заметил даже несколько домов. Акка отыскала одну из самых маленьких шхер и опустилась на нее. Это была всего лишь одна выпуклая, серая глыба гранита, посреди которой виднелась довольно широкая расселина, куда море набросало мельчайший белый морской песок и несколько раковин.

Спустившись со спины гусыни, мальчик увидел совсем рядом что-то похожее на высокий, заостренный кверху камень. Но тотчас же разглядел, что это большая хищная птица, избравшая себе шхеру ночным пристанищем. Не успел он удивиться, почему дикие гуси так неосторожно опустились возле своего опаснейшего врага, как птица прыгнула к ним навстречу и мальчик узнал Горго.

Ни гусыня-предводительница, ни орел нисколько не удивились, увидев друг друга, — у них была явно назначена здесь встреча.

— Молодчина, Горго, — похвалила орла Акка. — Кто бы мог подумать, что ты явишься сюда раньше нас! Ты долго ждал?

— Прилетел-то я вечером, как раз вовремя подгадал, — ответил Горго. — Только боюсь, больше хвалить меня не за что. Я худо справился с поручением, которое вы мне дали.

— Я уверена, Горго, что ты сделал куда больше, чем говоришь, — сказала Акка. — Но прежде чем ты расскажешь нам о своих приключениях, я попрошу Малыша-Коротыша помочь мне отыскать кое-что, спрятанное здесь, на шхере.

Мальчик тем временем рассматривал красивые раковины; услышав свое имя, он поднял на Акку глаза.

— Ты верно, удивился, Малыш-Коротыш, почему мы свернули с прямого пути и полетели сюда, к Вестерхавету?![48] — спросила Акка.

— Меня это и вправду удивило, — ответил мальчик. — Но раз вы, матушка Акка, так сделали, стало быть, на то была причина.

— Больно высоко ты меня ставишь! — растрогалась Акка. — Боюсь, как бы сегодня твоя вера в меня не пошатнулась! Не оказалось бы, что прилетели мы сюда зря.

— Много лет тому назад, — продолжала Акка, — меня и еще нескольких гусей, ныне старейших в стае, во время весеннего перелета буря забросила к этим самым шхерам. Увидев, что перед нами одно лишь безбрежное море, мы испугались, как бы ветер не загнал нас так далеко, что мы не сможем вернуться на сушу. Тогда мы опустились на волны, и буря заставила нас пробыть много дней среди этих пустынных скал, где мы ужасно мучились

от голода. В поисках корма мы однажды оказались в этой расселине, но на беду не нашли ни одной былинки; зато мы увидели наполовину погребенные в песке, крепко завязанные веревкой мешки. В надежде, что в мешках зерно, мы стали их щипать и рвать, пока не разорвали мешковину. Однако из дыр покатились не зерна, а блестящие золотые монеты. Нам, диким гусям, они не нужны, и мы оставили их на том же месте, где и нашли. Потом же и думать забыли о своей находке. Но нынче осенью произошло одно событие, и нам понадобилось золото. Навряд ли клад по-прежнему лежит здесь, но мы все же прилетели сюда и просим тебя посмотреть, цел ли он.

Мальчик спрыгнул в расселину и, взяв в каждую руку по раковине, начал усердно разгребать песок. Никаких мешков он сначала не нашел, но, вырыв довольно глубокую яму, услыхал звон металла и увидел золотую монетку. Порывшись руками в песке, он нащупал множество круглых монет и поспешил выбраться наверх к Акке.

— Мешки истлели и расползлись, — сказал он, — а деньги остались в песке и, думается мне, они все целы.

— Хорошо, — сказала Акка. — Засыпь теперь монеты песком, примни его и разровняй, чтобы никто ничего не заметил.

Мальчик сделал все, как велела старая гусыня; когда же он снова влез на скалу, он страшно удивился. Акка и шестеро других гусей с величайшей торжественностью двигались ему навстречу. Остановившись перед ним, гуси несколько раз так важно наклонили шеи, что он тоже вынужден был снять с головы колпачок и низко поклониться им.

— Дело вот в чем, — начала Акка. — Мы — старейшие в стае — решили, что если бы ты, Малыш-Коротыш, был в услужении у людей и сделал им столько добра, сколько нам, они не расстались бы с тобой, не заплатив тебе щедрого жалованья…

— Не я вам помогал, а вы заботились обо мне, — прервал гусыню мальчик.

— Вот мы и надумали, — продолжала Акка, — раз человек был вместе с нами во время всего путешествия, он не должен уйти из стаи таким же бедняком, каким пришел.

— Я твердо знаю, что то, чему я научился от вас за эти месяцы, дороже любого богатства, любого золота! — воскликнул мальчик.

— Раз эти золотые монеты все еще лежат в расселине после стольких лет, видать, у них нет хозяина, — сказала гусыня-предводительница, — и думается мне, ты можешь взять их себе, Малыш-Коротыш.

— Ведь вы же говорили, что вам самим нужен этот клад!

Разве это не так? — спросил мальчик.

— Нужен, да еще как! Нам надо дать тебе такое жалованье, чтобы твои отец с матушкой подумали, будто ты служил гусопасом у честных и благородных хозяев.

Чуть повернув голову, мальчик бросил взгляд на море, а потом заглянул Акке прямо в ее блестящие глаза.

— Вот чудеса, матушка Акка! Вы увольняете меня со службы и платите жалованье, прежде чем я сам отказался от места! — усмехнулся он.

— Покуда мы, дикие гуси, не покинем Швецию, надеюсь, ты останешься с нами, — решила Акка. — Но я хотела показать тебе, где лежит клад, теперь, пока нам легко добраться до него, не делая слишком большой крюк.

— Вот я и говорю — вы хотите расстаться со мной еще раньше, чем я сам того пожелаю, — стоял на своем Малыш-Коротыш. — Ведь нам было так хорошо вместе и не будет такой уж обузой для стаи, если я полечу с вами и за море.

Когда мальчик умолк, Акка и другие дикие гуси вытянули свои длинные шеи и постояли немного, удивленно втягивая воздух полуоткрытыми клювами.

— Об этом я и не подумала, — призналась, придя в себя, Акка. — Но прежде чем ты окончательно решишься лететь с нами, послушаем, что расскажет Горго. Знай же, когда мы покидали Лапландию, Горго и я надумали, чтобы он слетал к тебе домой, в Сконе, и попытался бы добиться другого, более легкого для тебя уговора с домовым.

— Это правда, — подтвердил Горго. — Но, как я уже сказал, мне не очень повезло. Я быстро отыскал торп Хольгера Нильссона, а полетав над ним несколько часов взад-вперед, увидел домового, который крался между строениями. Я тотчас бросился на него и унес в поле, чтобы никто не помешал нашей беседе. Я сказал ему: мол, меня послала Акка с Кебнекайсе, спросить, не может ли он изменить свой уговор на более легкий и поскорее расколдовать Нильса Хольгерссона?!

«Я бы сделал это со всей охотой, если бы мог, — ответил домовой, — так как слыхал, будто он достойно вел себя во время путешествия. Но это не в моей власти».

Тут я разозлился и сказал, что не побоюсь выклевать ему глаза, ежели он не уступит.

«Делай со мной все, что хочешь, — вымолвил он. — Но с Нильсом Хольгерссоном будет все так, как я сказал. Можешь, правда, передать, что ему лучше бы вернуться поскорее домой со своим гусем. Здесь на торпе — не все ладно. Хольгеру Нильссону пришлось заплатить долг своего брата, которому он очень

доверял, и Хольгер на этом прогорел. Еще он купил коня на деньги, что сам взял в долг. А конь захромал в первый же день, как Хольгер выехал с ним в поле, и никакого толку от него так и нет! Да, скажи еще Нильсу Хольгерссону, что его родителям пришлось продать уже двух коров и если никто не поможет, им придется уйти с торпа».

Услыхав эти слова, мальчик сдвинул брови и так стиснул руки, что даже косточки побелели.

— Ну и жесток же этот домовой! — с горечью воскликнул он. — Сделал так, что я не могу вернуться домой и помочь родителям. Но все равно ему не удастся заставить меня изменить другу! Отец с матушкой — люди честные, и я знаю, что они лучше обойдутся без моей подмоги, нежели захотят, чтобы я вернулся к ним обратно с нечистой совестью.

LI МОРСКОЕ СЕРЕБРО

Суббота, 8 октября

Море, всякий знает, необузданно и враждебно-упорно. Поэтому та часть Швеции, которая более всего подвержена его гневу, была уже много-много тысяч лет тому назад защищена длинной и широкой каменной стеной. И стена эта — Бохуслен.

Стена очень широка и занимает все пространство между Дальсландом и морем, но, как и все обычные прикрытия берегов, все молы и волнорезы, она не очень высока. Сложена стена из увесистых каменных глыб, а кое-где в нее вмурованы целиком длинные горные кряжи.

Да разве стоило бы складывать стену из мелких камешков — голышей да гальки, когда надо было воздвигнуть защитную преграду от нападений моря, преграду, которая простиралась бы от залива Иддефьорд до реки Йётаэльв.

Такие огромные сооружения из камня в наши дни уже не возводят. Стена эта, разумеется, древняя-предревняя, и время ее не пощадило. Громадные глыбы уже не прилегают вплотную друг к другу, как, видимо, это было в самом начале. Между ними образовались трещины, такие широкие и глубокие, что на дне их свободно разместились и поля, и дома. Но каменные глыбы, во всяком случае, не так уж далеко отстоят друг от друга, и можно догадаться, что некогда они были частями одной и той же стены.

В отдалении от моря большая стена сохранилась лучше всего; целая и невредимая, тянется она здесь на огромные расстояния. В самой середине ее проходят длинные глубокие расселины с озерами на дне; но ближе к морскому берегу стена так развалилась, что каждая глыба, точно скала, высится отдельно сама по себе.

Когда посмотришь на эту огромную стену снизу, от самого морского побережья, лишь тогда поймешь по-настоящему, что она поставлена здесь не ради шутки. Какой бы могучей ни была она вначале, море прорвало ее в шести-семи местах и всадило в нее узкие извилистые заливы-фьорды, которые на много миль вдаются в глубь суши. Самая крайняя из составляющих стену каменных глыб скрыта даже под водой, откуда высовывается лишь ее верхушка. Вот так и образовалось тут множество больших и малых островков — шхер, которые составляют целый архипелаг: он-то и встречает грудью самые грозные натиски бурь и моря.

Казалось бы, край, который, в сущности, состоит из одной большой каменной стены, должен быть совершенно бесплоден и

не может прокормить ни одного человека. На самом же деле это не так. Хотя на вершинах холмов и плоскогорий Бохуслена голо и холодно, зато в расселинах скопилось немало доброй, плодородной земли. И здесь можно прекрасно заниматься земледелием, несмотря на то, что полоски пашен не так уж велики. Вблизи же от моря зимы обычно не бывают столь суровы, как в глубине материка, и в местах, защищенных от ветра, благоденствуют даже чуткие к холоду деревья, которые в иных условиях навряд ли пожелали бы расти даже на юге Сконе.

Нельзя также забывать, что Бохуслен лежит возле бескрайнего моря, которое принадлежит всем живущим на земле. Так что и жители Бохуслена могут разъезжать по морским дорогам, которые им не надо ни прокладывать, ни строить. Они могут вылавливать целые стада морских животных, которые им не надо ни пасти, ни холить. Волны, эти морские кони, которым не нужны ни корм ни конюшни, тянут их суда с грузами. Потому-то жители Бохуслена меньше зависят от земледелия и скотоводства, нежели обитатели других краев. Они не боятся селиться ни на исхлестанных бурями шхерах, где нет ни единой зеленой травинки, ни на узких прибрежных полосках у подножья прибрежных же гор, где едва-едва найдется местечко для клочка картофельного поля, и не боятся потому, что знают: великое богатое море может дать им все, в чем они нуждаются.

Но если правда то, что море богато, не менее верно и то, что с ним трудно сладить. Тот, кто желает пользоваться дарами моря, должен знать все его фьорды и бухты, его отмели и течения — словом, он должен знать едва ли не каждый камень на дне морском. Он должен уметь вести лодку в бурю и в густой туман, находить дорогу к побережью в самую мглистую ночь. Он должен знать все народные приметы, предвещающие непогоду, а также переносить холод и сырость. Он должен знать, где, в каких водах проплывают косяки рыбы и где водятся креветки, должен быть сильным, чтобы волочить тяжелые сети и забрасывать невод даже в бушующее море. Но прежде всего у него должно быть храброе сердце, чтобы он мог, не задумываясь, каждый день рисковать жизнью в борьбе с морем.

В то утро, когда дикие гуси летели к Бохуслену, в шхерах было мирно и спокойно. Гуси видели множество мелких рыбачьих поселков, но там на узеньких улочках стояла тишина, никто не входил в маленькие, красиво окрашенные домики и никто не выходил оттуда. Бурые рыбачьи невода висели в строгом порядке в местах, предназначенных для сушки. Тяжелые зеленые и синие рыбачьи лодки со свернутыми парусами стояли вдоль берега. У длинных столов, на которых обычно потрошили треску и палтуса,

не видно было ни одной женщины.

Дикие гуси пролетали также над лоцманскими станциями. Стены лоцманских домов были выкрашены в черно-белый цвет, сбоку высились сигнальные мачты, а лоцманские катера стояли пришвартованные у причала. Во всей ближней округе царили покой и тишина, не видно было ни единого суденышка, которое нуждалось бы в помощи лоцмана, чтобы проплыть по узкому фарватеру.

Маленькие приморские городки, над которыми пролетали дикие гуси, закрыли свои большие купальни, заперли роскошные виллы и спустили флаги. Нигде никакого движения — лишь несколько старых отставных капитанов расхаживали взад-вперед по причалам и тоскливо глядели в морскую даль.

На берегах фьордов и на восточной стороне островов дикие гуси увидали несколько крестьянских усадеб. Там у причала спокойно стояла шлюпка лодочника, а крестьяне с работниками копали картофель либо проверяли, высохли ли бобы, развешанные на высоких решетках.

В больших каменоломнях и на верфях толпились рабочие. Усердно работая молотами и топорами, они время от времени поворачивали голову к морю, словно надеясь, что кто-то прервет их работу.

И птицы — обитатели шхер — вели себя так же спокойно, как и люди. Несколько крупных бакланов, поначалу спавших на отвесной горной стене, один за другим покидали узкие скалистые уступы и медленно летели туда, где они обычно кормились рыбой. Чайки слетелись с моря на сушу и прогуливались по земле, словно заправские вороны.

Но вдруг все разом переменилось. Огромная стая чаек внезапно с шумом взмыла с поля ввысь и с такой быстротой ринулась на юг, что дикие гуси едва успели спросить, куда они несутся, а чайки даже не дали себе труда ответить им. Бакланы поднялись с водной глади и, тяжело махая крыльями, полетели вслед за чайками. По морю, словно длинные темные челноки, засновали дельфины, а косяк тюленей сполз с плоской шхеры и тоже устремился на юг.

— Что там стряслось? Что там стряслось? — без умолку спрашивали дикие гуси и наконец получили ответ от птицы-морянки:

— К Марстранду подошла сельдь! К Марстранду подошла сельдь!

Но всполошились не только птицы и морские животные. Люди, видимо, также получили весть о том, что первые большие косяки сельди вошли в шхеры. На мощенных гладкими плитами

улицах рыбачьего поселка забегали, обгоняя друг друга, рыбаки. Готовились в путь рыбачьи суда. Осторожно втаскивались на борт длинные кошельковые невода для лова сельди, женщины укладывали съестные припасы и проолифенную одежду рыбаков. Мужчины поспешно выскакивали из домов и набрасывали плащи уже на ходу, на улице.

Вскоре весь пролив между шхерами покрылся бурыми и серыми парусами, а люди, сидевшие в лодках, весело перекликались друг с другом. Девушки взобрались на скалистые уступы за домиками и махали рыбакам рукой. Лоцманы, ожидая, что их вот-вот вызовут, обувались в непромокаемые сапоги и готовили катера к выходу в море. Из фьордов выплывали небольшие пароходики, груженные пустыми бочками и ящиками. Крестьяне, копавшие в огородах картофель, побросали лопаты, а рабочие-кораблестроители покинули верфи. Старые капитаны с обветренными загорелыми лицами тоже не смогли усидеть дома и отправились на пароходиках, груженных бочками и ящиками, к югу — хотя бы взглянуть, как ловят сельдь.

Вот и дикие гуси прилетели в Марстранд. Косяки сельди приплыли с запада и прошли к берегу мимо маяка на шхере Хамнешер. В широком фьорде между островком Марстрандсён и шхерой Патерностер рыбачьи суда плыли по три в ряд. Рыбаки знали, что там, где вода темнее и подергивается рябью, где перекатываются мелкие белые барашки, там и ищи сельдь! В тех местах они осторожно и забрасывали длинные кошельковые невода, затем тихонько сворачивали их на дне и стягивали так, что сельдь оказывалась словно в огромных плетеных мешках-кошелях. Потом невода выбирали из воды, опорожняли с помощью сачка и снова забрасывали, и так до тех пор, пока в лодках не становилось тесно от блестящей, серебристой сельди…

Для некоторых рыбачьих артелей лов оказался таким удачным, что суденышки их до самых поручней были битком набиты сельдью. Рыбаки стояли по колено в сельди, и всё на них, начиная с зюйдвесток и кончая полами желтой проолифенной одежды, блестело серебристой чешуей.

Приплывали все новые и новые артели. В поисках сельди рыбаки бросали лот, измеряя глубину моря, но все же некоторые, с таким трудом забросив невода в воду, выбирали их пустыми. Кое-кто из рыбаков, уже наполнивших свои суденышки сельдью доверху, направлялись к большим пароходам, стоявшим на якоре во фьорде, и продавали свой улов; другие шли в Марстранд и выгружали сельдь на пристани. Там за длинными столами уже начали трудиться женщины — чистильщицы рыбы; вычищенную сельдь складывали в бочки и ящики, и вся набережная была

покрыта серебристой чешуей.

Жизнь била ключом, все вокруг так и кипело. Люди словно опьянели от радости, черпая из волн это морское серебро. А дикие гуси без конца парили над островком Марстрандсён, чтобы мальчик смог все как следует разглядеть.

Однако он довольно скоро попросил гусей лететь дальше. Нетрудно было догадаться, почему он не хочет оставаться здесь. Среди рыбаков было немало рослых и статных парней. Лица их под зюйдвестками казались смелыми и решительными, а сами они — сильными и отважными, такими, какими мечтают стать все мальчишки, когда вырастут. И, наверно, не так уж весело было глядеть на них тому, кто обречен был всю жизнь оставаться ничуть не больше обыкновенной селедки.

LII БОЛЬШАЯ ГОСПОДСКАЯ УСАДЬБА

СТАРЫЙ И МОЛОДОЙ ГОСПОДИН

Несколько лет тому назад жила в Вестеръётланде очень добрая и милая молодая учительница народной школы. Преподавала она толково и поддерживать в классе порядок умела. Дети так любили ее, что никогда не позволяли себе прийти в школу, не выучив уроков. Родители учеников тоже были очень ею довольны. И только один-единственный человек на свете никак не мог оценить ее по достоинству — это она сама. Она считала, что все люди умнее и способнее ее, и сокрушалась, что ей до них не дотянуться. Учительница прослужила уже несколько лет, когда школьный совет предложил ей поступить на учительские курсы кустарных промыслов в Неесе, чтобы потом она сама могла обучать детей работать не только головой, но и руками. Даже вообразить невозможно, до чего она перепугалась, когда все стали ее уговаривать согласиться. Неес находился неподалеку от ее школы, и она не раз проходила мимо красивого, величественного старинного поместья, где были эти летние курсы, о которых она слышала много хорошего. Там собирались учителя и учительницы со всей страны, чтобы обучаться разным кустарным ремеслам. Туда приезжали даже из-за границы! И она заранее знала, что ей будет страшно в таком большом незнакомом обществе; казалось, что она никогда не освоится среди этих избранных людей!

Но она не решилась отказать школьному совету и подала прошение. Ее приняли на курсы, и однажды, прекрасным июньским вечером, накануне того дня, когда должны были начаться занятия, уложив свои платья в небольшой саквояж, она отправилась в Неес. Сколько раз останавливалась она на дороге в нерешительности! Как ей хотелось очутиться подальше от этой усадьбы! Но в конце концов она все же пришла туда.

В Неесе царило большое оживление. Из разных мест прибывали сюда будущие слушатели курсов. В большом поместье им предоставляли виллы и торпы, где они должны были поселиться. Все чувствовали себя немного растерянно в непривычном окружении, но молодой учительнице казалось, как всегда, что никто не держится так неловко и странно, как она. Она до того сама себя запугала, что уже ничего не видела и не слышала. Ей и вправду пришлось нелегко. Учительнице отвели одну из комнат красивой виллы, где ей предстояло жить вместе с

несколькими незнакомыми молодыми девушками, а ужинать она должна была с семьюдесятью совершенно чужими людьми. По одну сторону от нее сидел какой-то невысокий господин с желтоватым лицом, приехавший, должно быть, из Японии, по другую — учитель из Йокмокка. За длинными столами с первой же минуты завязалась оживленная беседа, раздавались шутки и смех. Прибывшие знакомились друг с другом, и только она, единственная из всех, не осмеливалась вымолвить ни слова.

На другое утро начались занятия. После утренней молитвы и пения директор рассказал немного о кустарных промыслах и о том, как чередуются часы занятий и отдыха на курсах. Потом, сама не зная как, она, с деревянным бруском в одной руке и с ножом в другой, очутилась перед столярным верстаком, где старый учитель ручного труда попытался научить ее выстругать подпорку для цветов.

Такой работы ей никогда прежде делать не приходилось, навыка у нее не было. А тут еще она так растерялась, что ничего не могла понять. Когда учитель отошел от нее, она опустила нож и брусок на верстак и только беспомощно смотрела на них.

Верстаки были расставлены по всей мастерской» и слушатели весело принялись за работу. Кое-кто, знакомый со столярным ремеслом, подходил к ней, желая помочь. Но она не могла побороть свою скованность и не понимала, что ей советуют. Она стояла, с ужасом думая, что все вокруг видят, как странно и нелепо она себя ведет! От этой мысли несчастная молодая учительница совсем одеревенела.

Настало время завтрака, а после завтрака они снова приступили к работе. Директор прочитал лекцию, затем была гимнастика, и снова урок столярного ремесла. Потом сделали перерыв, когда слушатели обедали и пили кофе в большом солнечном зале собраний, а после обеда был снова ручной труд, затем урок пения, а под конец — игры на свежем воздухе. Молодая учительница целый день была в движении, ходила повсюду вместе со всеми, но по-прежнему испытывала чувство глубокого отчаяния.

Когда впоследствии она вспоминала первые дни, проведенные в Неесе, ей казалось, будто она бродила словно в тумане. Все было как бы затянуто темной, мрачной дымкой, и она просто не видела и не понимала, что творится вокруг. Так продолжалось целых два дня, но на третий к вечеру для нее, к счастью, началось просветление.

Когда они отужинали, один из учителей народной школы, уже немолодой и прежде не раз бывавший в Неесе, стал рассказывать новичкам, как возникли курсы кустарных

промыслов. Молодая учительница сидела совсем близко от рассказчика и не могла не слышать его слов.

Он говорил о том, что Неес — очень старое поместье, большое и красивое. А было оно не лучше и не хуже других, пока старый хозяин, нынешний его владелец, не переселился туда. Человек он богатый и первые годы жизни в усадьбе посвятил себя тому, чтобы сделать господский дом и парк еще красивее и благоустроить жилища своих слуг. Но тут умерла его жена, а так как детей у них не было, старый господин, чувствуя себя порой одиноко в своей большой усадьбе, уговорил молодого племянника, сына сестры, которого очень любил, поселиться у него в Неесе.

Вначале предполагалось, что молодой человек поможет присмотреть за хозяйством в усадьбе. Но когда он по делам имения походил среди нищих лачуг и увидел, каково живется крестьянам, ему в голову начали приходить странные мысли. Он заметил, что долгими зимними вечерами в большинстве лачуг не только мужчины и дети, но часто даже и женщины не занимаются никаким ремеслом или рукоделием. В былые времена людям приходилось прилежно работать руками, чтобы сшить себе одежду или изготовить домашнюю утварь. Ныне же все это можно купить за деньги, и поэтому подобные ремесла попросту вывелись. И молодой господин понял, что в горницах, где больше не занимались рукоделием, исчезли и домашний уют, и достаток.

Иной раз попадался ему дом, где хозяин столярничал, мастерил стулья да столы, а хозяйка сидела за ткацким станом. И сразу было видно, что такая семья не только более зажиточна, но и более счастлива, нежели другие.

Он потолковал об этом со своим дядей, и старик счел, что если люди смогут в часы досуга посвятить себя разным кустарным промыслам, это будет для них великим счастьем. Но для этого требовалось, разумеется, с самого раннего детства умение работать руками. Оба — и дядя, и племянник — решили, что лучше всего способствовать подобному делу, учредив школу кустарных промыслов для детей, где бы их учили изготовлять всякие мелкие поделки из дерева, которое, как они думали, у каждого всегда под рукой. Дядя и племянник были уверены, что человек, научившийся владеть ножом, с легкостью обучится поднимать и кузнечный молот, и молоток башмачника. Тот же, кто не приучил свои руки к работе смолоду, может статься, никогда не узнает, какой это великий инструмент — руки, инструмент, гораздо более ценный, нежели все остальные.

Вот так и начали в Неесе обучать детей кустарным ремеслам, и вскоре хозяева поместья убедились, что это необычайно полезно

и хорошо для малышей и что надобно обучать этому всех шведских детей.

Но как? Ведь в Швеции подрастают сотни тысяч детей, и совершенно невозможно собрать их всех в поместье и обучать кустарным ремеслам. Это просто немыслимо!

И вот тогда молодой господин предложил нечто новое. А если вместо того, чтобы обучать детей, основать курсы кустарных промыслов для их учителей?! Что, если учителя и учительницы со всей страны станут наезжать в Неес и учиться ремеслам? А потом начнут давать уроки детям в своих школах?! Быть может, тогда у всех детей будут умелые руки?

Мысль об этом захватила и дядю, и племянника, и они сделали все, чтобы ее осуществить.

Старый господин выстроил мастерские, зал собраний, гимнастический зал и заботился о том, чтобы слушатели не нуждались ни в еде, ни в крыше над головой. Младший стал директором курсов и, наладив обучение, наблюдал за работами и читал лекции. Более того, он жил постоянно среди слушателей, знал, что делает каждый из них, и стал для них самым искренним и верным другом.

А как много учеников было там с самого начала! Они менялись четыре раза в год, а прошений подавалось гораздо больше, чем могли принять курсы. Вскоре они стали известны и за границей. Из разных стран в Неес стали стекаться ученики и ученицы — обучаться ремеслам. Во всей Швеции не было места столь прославленного на весь мир, как Неес, и ни у одного шведа не было на свете столько друзей, сколько у директора курсов в Нееесе.

Чем дальше учительница слушала, тем светлее становилось у нее на душе. Раньше она не понимала, почему курсы находятся здесь. Она никак не думала, что они были созданы всего лишь двумя людьми, жаждавшими приносить пользу своему народу. И уж вовсе не предполагала, что делают они это бескорыстно и жертвуют всем, чем могут, помогая своим ближним стать лучше и счастливее.

Теперь, когда она осознала ту огромную доброту и человеколюбие, которые скрывались за всеми делами дяди и племянника, это так глубоко взволновало ее, что она чуть не заплакала. Такого ей еще никогда переживать не приходилось.

На другой день она совсем в ином настроении взялась за работу. Раз все давалось ей по доброте сердечной, значит, надо особенно дорожить этим. Она забыла и думать о себе самой и помнила только о том деле, которым занималась, и о той благородной цели, ради которой она изучала кустарные

промыслы. С того часа она училась просто великолепно. Ей ведь все давалось легко, если только от застенчивости она не теряла веру в себя.

Теперь, когда с глаз ее спала темная пелена, она стала на каждом шагу замечать вокруг великую, удивительную доброту. Она увидела, с какой любовью все устроено для тех, кто учился на курсах. Слушателей обучали не только кустарным ремеслам. Директор читал им лекции о воспитании, они занимались гимнастикой, учредили хоровое общество и почти каждый вечер совместно музицировали и читали вслух. Кроме того, им были предоставлены книги, фортепьяно, лодки, купальни — все за счет хозяев, которые хотели, чтобы слушателям жилось хорошо, чтоб они были счастливы. Она начала понимать, каким бесценным было для нее пребывание в большой господской усадьбе в эти прекрасные летние дни. Дом, где жил старый господин, стоял высоко на холме, окруженном почти со всех сторон озером с извилистыми берегами; красивый каменный мостик соединял его с сушей. Никогда не доводилось ей видеть ничего прекраснее цветников на обширных террасах перед домом, вековых дубов в парке и живописной дороги, бегущей вдоль берега озера, где деревья склонялись над тихой водой, или же павильона с галереей на скалистом уступе над озером, откуда открывался великолепный вид. Помещение курсов находилось прямо против господского дома, среди зеленых прибрежных лугов. Но она могла бродить по всему парку, когда у нее было время и желание. Ей казалось, что она никогда прежде не знала, каким дивным бывает лето, пока ей не довелось насладиться им в столь прекрасном месте.

Нельзя сказать, чтобы она сильно изменилась. Нет, она не стала смелей и решительней, но пришло ощущение радости и счастья. Все желали ей только добра, и, согретая добротой, она перестала так страдать от собственной робости. Когда курсы кончились и слушатели начали разъезжаться, как она завидовала тем, кто сумел высказать искреннюю благодарность старому и молодому господину, да к тому же еще красиво выразить свои чувства! Ей-то никогда на это не осмелиться!

Она вернулась домой, снова взялась за работу в школе и опять радовалась всему, чему радовалась обычно. Жила она, как известно, неподалеку от Нееса и могла ходить туда пешком, когда выдавалось свободное время. Сначала она часто так и делала. Между тем одни курсы сменялись другими, в усадьбе появлялись все новые и новые лица. И тогда к ней снова вернулась ее прежняя застенчивость, и она стала все более редкой гостьей в Неесе. Но время, которое она там провела, по-прежнему казалось

ей самым лучшим в ее жизни.

Однажды весной она услышала, что старый господин из Нееса умер. И она вспомнила чудесное лето, которым наслаждалась в его усадьбе, и ей стало горько оттого, что она так его и не поблагодарила как следует. Ему, конечно, приходилось не раз выслушивать слова признательности и от знатных, и от простых людей. Но она была бы счастлива, если бы хоть коротко могла сказать ему, сколько он для нее сделал!

В Неесе занятия проходили точно так же, как и при жизни старого господина. Собственно говоря, он всю свою прекрасную усадьбу завещал курсам кустарных промыслов, а его племянник стоял у кормила и заправлял всеми делами.

Каждый раз, когда учительница приходила в Неес, она находила там что-нибудь новое. Теперь там были не только курсы кустарных промыслов; директор пожелал также возродить старинные народные обычаи, обряды и праздники с играми, плясками, пением и учредил курсы фольклора. Но в усадьбе все оставалось по-прежнему; слушателей, как и раньше, согревала доброта молодого хозяина, делавшего все, чтобы они были счастливы. А когда учителя разъезжались по Швеции и другим странам, возвращаясь к своим маленьким ученикам, то привозили с собой не только знания и умения, но и заряд радости труда.

Однажды в воскресенье, через несколько лет после смерти старого господина, учительница услыхала в церкви, будто директор курсов болен. Еще раньше она слышала, что в последнее время с ним не раз случались тяжелые сердечные приступы. Однако она не думала, что это опасно для жизни. Но на сей раз, видно, он был болен серьезно.

С той минуты, когда учительница услыхала о его болезни, она только и думала о том, что директор, как и его дядя, может умереть, а она так и не решится поблагодарить его. И она все ломала голову, как быть.

В воскресенье после обеда учительница обошла соседей и упросила их отпустить детей с ней в Неес: мол, она слышала, что директор курсов болен, и думает, что ему доставит радость, если к нему придут дети и споют ему несколько песен. Даже если они не успеют вернуться засветло, то вечера теперь лунные и, она думает, идти обратно будет нетрудно. Учительницу не покидало ощущение, что в Неес непременно надо пойти этим вечером. Она боялась, что на другой день будет уже поздно!

САГА О ВЕСТЕРЪЁТЛАНДЕ

Воскресенье, 9 октября

Дикие гуси покинули Бохуслен и к вечеру очутились на западе провинции Вестеръётланд. Они спали на болоте, а маленький Нильс Хольгерссон, спасаясь от сырости, решил пойти к насыпи у шоссейной дороги, пересекавшей болото. Забравшись туда, он как раз искал местечко поудобнее, где можно было бы выспаться, когда увидел, что по дороге движется небольшая толпа людей. То была молодая учительница, а с ней двенадцать-тринадцать детишек. Весело и задушевно беседуя, они шли, сбившись тесной стайкой вокруг учительницы. Мальчику очень захотелось пройтись с ними и послушать, о чем они говорят.

Сделать это было нетрудно; он слез с насыпи и побежал у самой обочины в тени, где его почти невозможно было разглядеть. А когда идет столько людей, шум шагов заглушает все остальное, и никто не мог расслышать, как хрустит гравий под его крошечными башмачками.

Желая подбодрить детей во время пути, учительница рассказывала им старинные предания. Она как раз закончила одну историю, когда к толпе присоединился и мальчик. Но дети стали сразу же просить, чтобы она рассказала еще что-нибудь.

— Слыхали вы о старом великане из Вестеръётланда, что переселился на остров, далеко-далеко в северном море? — спросила учительница.

Нет, такого дети не слыхали; и она начала новый рассказ.

— Однажды темной ночью, в бурю, один корабль потерпел кораблекрушение. Он разбился о прибрежные скалы у маленькой шхеры далеко-далеко в северном море. Из всего экипажа спаслись и выбрались на сушу лишь двое. Не мудрено, что они, промокшие до нитки и совсем окоченевшие, обрадовались, когда увидали на берегу, у самой воды, большой костер из бревен! Поспешили они к огню, думать не думая, что их может подстерегать опасность. Подошли они ближе и видят — сидит у костра страшный старик, да такой огромный и сильный, что и сомнения быть не может: он — из племени великанов.

Замерли они на месте, к костру подойти боятся. Однако же стужа стояла лютая, северная буря так и завывала над шхерой, так и завывала! Поняли они, что если не отогреются у костра, то замерзнут. Набрались они храбрости и подошли к великану.

— Добрый вечер, отец! — молвил старший. — Не позволите ли двум морякам погреться у вашего костра? Наш корабль потерпел кораблекрушение.

Великан вздрогнул, очнулся от раздумья, приподнялся и вытащил меч из ножен.

— Кто вы такие? — спросил он. Старик плохо видел и не мог взять в толк, что за люди с ним говорят.

— Ну, коли хочешь знать, так оба мы из Вестеръётланда, — ответил старший из моряков. — Наш корабль разбился неподалеку отсюда, а мы, измученные и замерзшие, выбрались на берег.

— Не в моем обычае терпеть людей на своей шхере, но коли вы родом из этой провинции, дело иное, — молвил великан и вложил меч в ножны. — Можете посидеть у костра и погреться. Ведь я сам оттуда, долго жил там в Скалунде, в большом кургане.

Уселись моряки на камни. Разговаривать с великаном они не смели, а лишь молча сидели и смотрели на него. И чем дольше они рассматривали великана, тем он казался им огромнее и тем меньше и немощней представлялись они самим себе.

— Худо у меня стало с глазами, — молвил великан. — Я и тени вашей разглядеть не могу. А уж до того любопытно мне узнать, каковы нынче на вид жители Вестеръётланда. Пусть хоть один из вас протянет мне руку, чтоб я мог убедиться: не перевелась еще в Швеции горячая кровь!

Поглядели моряки сперва на кулаки великана, а потом на свои. И никому из них не захотелось ему руку протянуть. Видят, торчит из костра железный вертел, которым великан вместо кочерги головешки мешал, а один его конец раскалился докрасна. Вытащили они вдвоем вертел из огня, подняли и протянули великану. Тот как схватил вертел да как сожмет! Тут плавленое железо у него между пальцами так и потекло!

— Гляжу, не перевелась еще в Швеции горячая кровь! — воскликнул довольный великан.

А моряки во все глаза на него глядят! И снова стало тихо у костра. Однако встреча с земляками заставила великана вспомнить родной Вестеръётланд. Сидит он да и вспоминает то одно, то другое.

— Хотел бы я знать, как там курган в Скалунде? — полюбопытствовал он.

А моряки и знать не знают про курган, о котором исполин спрашивает.

— Он, верно, обвалился, — на свой риск ответил младший. Понял он, что с великаном шутки плохи и нельзя ему не ответить.

— Да, да, так оно, верно, и есть, — подтвердил великан и кивнул головой. — Да этого и надо было ждать, коли жена моя с дочкой его в одно утро насыпали; землю-то они в передниках натаскали!

И снова стал он раздумывать да вспоминать. Дома-то он давно не был. И целый час прошел, прежде чем он кое-что вспомнил.

— Ну а горы Чиннекулле да Биллинген да другие мелкие

горушки, которые по всей огромной равнине разбросаны, они, верно, все еще на своих местах стоят? — спросил великан.

— Стоят себе, — ответил старший. Решил он показать великану, что понимает, как тот могуч, и добавил: — Ну а к этим горам, верно, вы руку приложили? Без вас тут, верно, не обошлось?

— Да нет, эти не я насыпал, — возразил великан. — Но могу сказать: за те горы тебе должно моего отца благодарить. Когда я был совсем малышом, этой огромной равнины в Вестеръётланде и в помине не было. А на ее месте высилось длинное плоскогорье. И тянулось оно от озера Веттерн до самой реки Йётаэльв. Но вот задумали кое-какие речки разрушить это плоскогорье и перенести его вниз к озеру Венерн. А было оно не из твердого гранита, а больше из известняка да сланца, так что совладать с ним ничего не стоило. Помнится, как речки все расширяли да расширяли узкие свои русла и речные долины, так что под конец вместо долин простирались уже целые равнины. Отец мой да я выходили порой поглядеть, как трудятся реки, но ему не по душе пришлось, что они целую гору уничтожили.

— Оставили бы нам хоть несколько местечек, где можно было бы отдыхать, — сказал он однажды да и снял с себя каменные башмаки. Один он задвинул далеко на запад, а другой — далеко на восток. Каменную свою шляпу положил на горную вершину близ берегов озера Венерн, каменную палицу вслед ему бросил, а мой каменный колпачок зашвырнул далеко на юг. Ну а все другие пожитки из доброго твердого камня, что у нас с собой были, он по разным местам разложил. Потом уже реки размыли почти все плоскогорье. Но те горы да вершины, которые батюшка каменными башмаками, шляпой, палицей, колпачком и прочим защитил, реки тронуть не посмели, и все они остались целы-невредимы. Под каблуком одного его башмака горушка Халлеберг схоронилась, а под подошвой — Хуннеберг. Под другим башмаком Биллинген убереглась; отцова шляпа дала прибежище Чиннекулле, под моим колпачком Мёссеберг спряталась, а под каменной палицей — Оллеберг улежала.

Все же прочие мелкие горушки на равнине Вестъётаслеттен тоже по милости моего батюшки сохранились. Хотел бы я знать, много ли найдется ныне в Вестъётланде людей, которых можно было бы так же почитать, как моего отца?

— Мудрено ответить на твой вопрос, — сказал младший, — но все же скажу: коли великанов, как и реки, почитали некогда за их могущество, сдается мне, однако, что людей следует еще более уважать. Ведь это они стали ныне владыками гор и равнин!

Великан недовольно ухмыльнулся. Видать, не по душе

пришелся ему ответ моряка. Однако он тут же спросил:

— Ну а как там поживает водопад Тролльхеттан?

— Бурлит да грохочет, как всегда, — ответил старший. — А может, раз вы горы в Вестеръётланде уберегли, так уж не вы ли и большие водопады сотворили? Верно, без вас тут тоже не обошлось?

— Да нет, не совсем так, — сказал великан, — однако, помнится мне, когда я был совсем малышом, я и все братья мои на них как на горках катались. Вставали мы на бревно и неслись вниз под гору через Гуллёфаллет и Топпёфаллет, да и через три других водопада. А мчались мы с такой быстротой, что вскоре добирались до самого моря. Хотел бы я знать, найдется ли какой-нибудь малый в Вестеръётланде, что и нынче так забавляется?

— Мудрено сказать, — ответил младший. — Сдается мне, однако, что более диковинный подвиг совершили мы, люди, когда канал между водопадами протянули. И мы можем съезжать с водопада Тролльхеттан не только вниз, будто с горы, как вы в детстве, но и подниматься вверх на наших шхунах и пароходах!

— Ну и чудеса! — воскликнул великан; казалось, будто ответ этот его чуть раздосадовал. — А может, вы мне еще скажете, как там поживает край озера Мьёрн? Ну тот, что зовется в народе Свельтурна — то есть Голодный?

— Да, немало было с ним хлопот, — ответил старший. — Уж не по вашей ли милости, отец, стал он таким бесплодным, каменистым да унылым? Ведь кроме вересковых пустошей да низких утесов, там ничего нет. Верно, без вас тут тоже не обошлось?

— Да нет, не совсем так, — сказал великан. — В мои времена рос там чудесный лес. Но как-то играли мы свадьбу одной из дочерей, и понадобилось нам немало дров. Взял я тогда канат, длинный-предлинный, обвязал им лес в этой округе, повалил его одним махом да и понес домой. Хотел бы я знать, найдется ли кто в нынешние времена, кто может одним махом лес повалить?

— Не в моих силах ответить на твой вопрос, — ответил младший. — Но в дни моей молодости места вокруг Свельтурны были голы и бесплодны, а ныне люди там повсюду посадили лес. По мне — это тоже подвиг, и немалый!

— Да, но в южном Вестеръётланде, верно, ни одному человеку не прокормиться? — спросил великан.

— Стало быть, без вас там тоже не обошлось? — спросил старший.

— Да нет, не совсем так, — сказал великан. — Однако помнится мне, когда мы, дети великанов, пасли в тех краях наши стада, мы понастроили великое множество каменных лачуг! А от

всех камней, которые мы там друг в дружку кидали, и земля сделалась каменистой и для земледелия вовсе непригодной. Думается мне, едва ли можно пахать землю в тамошних краях!

— Да, правда твоя, от земледелия там мало проку, — молвил старший, — зато все люди, что живут в тех краях, — умельцы: они либо ткачи, либо резчики по дереву. И сдается мне, более почетно уметь раздобыть себе пропитание в таком бедном краю, нежели приложить руку к тому, чтобы разорить его.

— Осталось мне спросить тебя еще об одном, — молвил великан, — Что теперь у вас там внизу, на побережье, где река Йётаэльв в море впадает?

— Стало быть, вы и там хозяйничали? — спросил младший.

— Да нет, не совсем так, — сказал великан. — Однако помнится мне, было у нас в обычае спускаться вниз к берегу, приманивать к себе кита и мчаться на его спине через фьорды да заливы среди шхер. Хотел бы я знать, найдется ли кто, что и ныне так забавляется?

— Не могу сказать, — ответил моряк, — но, по мне, не менее славный подвиг — то, что мы, люди, построили внизу, близ реки Йётаэльв, город, откуда во все моря плывут корабли.

Ни единого слова не ответил ему великан, и младший моряк, что сам был родом из Гётеборга, стал описывать этот богатый торговый город — его просторную гавань, мосты и каналы, прямые улицы. Ну а предприимчивых торговцев и смелых мореплавателей там не счесть! И у них хватит смекалки превратить Гётеборг в наипервейший город на севере!

С каждым новым ответом морщины на лбу великана становились все глубже. Видно, не по душе ему было, что люди сделались владыками природы!

— Да, послушаешь вас, так в Вестеръётланде немало перемен! — молвил он. — Хотелось бы мне туда вернуться да кое в чем порядок навести!

Услыхал старший моряк его слова и за Вестеръётланд встревожился. Ведь добра от великана, коли он обратно вернется, не жди! Но, разумеется, признаваться, что боится этого, не стал и говорит:

— Не сомневайтесь, отец, встретят вас там честь по чести. Мы велим во все колокола бить!

— Вот как, стало быть, там еще есть колокола? — нерешительно спросил великан. — Разве не разбиты эти большие колокольчики в Хусабю, в Скаре да в Варнхеме?

— Нет, все в целости, да и с тех пор, как вы там были, немало у них и новых собратьев появилось! Ныне в Вестеръётланде не найдется ни одного местечка, где не было бы слышно звона

колоколов.

— Ну, тогда уж лучше мне остаться здесь, — молвил великан, — ведь из-за этих-то колоколов я и переселился оттуда.

Он было призадумался, но вскоре вновь обратился к морякам:

— Можете спокойно лечь у костра. Завтра поутру я сделаю так, что мимо пройдет корабль, который возьмет вас на борт и отвезет в родные края. Но в благодарность за гостеприимство, что я вам оказал, сослужите мне службу. Как вернетесь домой, пойдите к Наидостойнейшему во всем Вестеръётланде, поклонитесь ему от меня и передайте в дар этот перстень. Да скажите, что, если он будет носить этот перстень, он станет много знатнее и богаче других.

Вернулись моряки домой, отправились к Наидостойнейшему во всем Вестеръётланде и передали ему перстень. Но человек этот был разумом не обижен и не стал надевать его сразу на палец. Вместо этого повесил он перстень на ветку маленького дубка у себя во дворе. И в тот же миг дубок стал расти, расти, да так быстро, что все это тотчас же приметили. Дал дубок побеги, отрастил ветви да листья, ствол его потолстел, кора затвердела. Потом дерево зацвело и покрылось желудями. А вскоре дубок так вырос, что более могучего дерева никто и не видывал. Но не успело оно вырасти, как столь же быстро стало увядать: опали листья, отвалились ветки, в стволе сделалось дупло, а само дерево сгнило. И вскоре ничего, кроме трухлявого пня, от него не осталось.

И тогда Наидостойнейший во всем Вестеръётланде взял перстень да и забросил его далеко-далеко, а потом сказал:

— Этот перстень, дар великана, — волшебный. Тот, кто его наденет, обретет силу богатырскую и во всем будет превосходить других. Но миг этот будет краток. Ибо перстень вместе с тем ослабляет того, кто им владеет, настолько, что вскоре и силе его, и счастью приходит конец. Я этот перстень носить не стану! С недобрым умыслом послан он сюда! Надеюсь, никто больше его не подберет!

Однако вполне может статься, что перстень уже кто-то подобрал. Всякий раз, когда какой-нибудь достойный человек напрягается сверх всякой меры, стараясь достичь какой-нибудь цели, люди невольно думают, уж не он ли нашел тот перстень? И не перстень ли заставляет этого человека трудиться сверх сил и увянуть прежде времени, так и не доведя свое дело до конца.

ПЕСНЯ

Кончив свою историю, учительница увидела, что они почти

дошли до Нееса. Уже были видны большие хлевы и амбары, затененные, как, впрочем, и все строения в здешней усадьбе, прекрасными деревьями. Вскоре на вершине холма показался и господский дом.

До этой самой минуты она радовалась, что пошла в усадьбу, и не испытывала ни малейших колебаний. Но тут, при виде дома, она вдруг почувствовала, как мужество ей изменяет. А что, если задуманное ею — сплошное сумасбродство?! И благодарность ее, наверно, никому не нужна! Может, над ней только посмеются… Вот глупая! Примчалась со своими учениками на ночь глядя! Да и петь ни она, ни они красиво не умеют!

Учительница замедлила шаги, а поравнявшись с лестницей, которая вела к дому по склону холма, поднимавшегося несколькими террасами, сошла с дороги и стала подниматься наверх. Она хорошо знала, что с тех пор, как старый господин умер, в его доме никто не живет, и поднималась туда только для того, чтобы выиграть время и как следует поразмыслить — идти ли дальше или повернуть назад.

Когда же она взошла на террасу и увидела господский дом, ослепительно белый, весь залитый лунным светом, увидела живые зеленые изгороди, цветники, вазы и величественную парадную лестницу с балюстрадой, она вовсе пала духом. Как здесь все значительно и прекрасно! Нет, ей здесь делать нечего! Ей казалось, будто этот богатый белый дом говорит ей: «Не подходи ко мне близко. Неужто ты и впрямь думаешь, будто ты и твои ученики могут доставить хоть малейшую радость тому, кто привык жить в подобной роскоши?»

Чтобы прогнать сомнение, закравшееся в ее душу, учительница стала рассказывать детям историю о старом и молодом господине, которую сама услышала, когда училась на курсах кустарных промыслов. И история эта вселила в нее мужество. Ведь и дом, и вся усадьба в самом деле подарены курсам! Подарены для того, чтобы учителя и учительницы проводили счастливейшие дни своей жизни в этом прекрасном поместье, а затем несли бы отсюда и знания, и радость своим ученикам! Ведь хозяева здешней усадьбы, преподнеся такой дар, проявили глубочайшее уважение к труженикам школы. И доказали, что воспитание шведских детей для них превыше всего! Поэтому именно здесь она не должна испытывать ни робости, ни смущения!

Такие мысли несколько утешили ее, и она решила продолжить путь. По старой памяти она спустилась в парк, тянувшийся от склона холма, на котором стоял дом, до самого озера. Пока она шла под сенью чудесных деревьев, казавшихся

такими таинственными при лунном свете, в душе ее пробудилось множество отрадных воспоминаний. Она стала рассказывать детям, как весело здесь бывало в прежние времена и как счастлива она была, когда училась на курсах и каждый день прогуливалась в этом чудесном парке! Она рассказывала им о праздниках, об играх и о работе, но прежде всего о великом благородстве людей, отворивших ворота этой гордой усадьбы для нее и для многих других учителей.

Воспоминания и собственный рассказ укрепили ее мужество. Пройдя через парк, она с детьми перешла мостик и добралась до прибрежных лугов, где среди строений, в которых размещались курсы, стояла вилла директора.

У самого мостика раскинулась поросшая зеленой травкой площадка для игр. И, проходя мимо нее, она красноречиво рассказывала детям, как чудесно бывало здесь летними вечерами. Вся лужайка была заполнена людьми в легких светлых платьях и костюмах, а хороводы и пение чередовались с играми в мяч! Она показала детям Дом дружбы с залом собраний, здание курсов, где читали лекции, строения, где размещались мастерские и гимнастические залы. Стремительно шла она вперед и говорила без умолку, словно отгоняя робость и смущение. Но дойдя наконец до директорской виллы, она остановилась.

— Знаете что, дети, не надо нам идти дальше, — сказала она. — Раньше я об этом не подумала, но, может быть, директор так тяжело болен, что наше пение ему только повредит. Было бы ужасно, если б из-за нас ему стало еще хуже!

Крошечный Нильс шел вместе с детьми и слышал все, о чем говорила учительница. Он понял, что дети пришли спеть кому-то, кто лежит больной в этой вилле, но теперь учительница колеблется, петь или нет, так как боится потревожить больного.

«Жалко, если они уйдут ни с чем, — подумал мальчик. — Ведь нет ничего легче, как разузнать, хочет ли больной послушать их пение. Почему никто не сходит на виллу и не узнает?»

Но учительнице, казалось, это и в голову не приходило; она повернулась и медленно двинулась назад. Некоторые ученики стали было возражать, но она ответила:

— Нет, нет, ни в коем случае! Глупая это была затея — идти сюда на ночь глядя и петь! Мы только помешаем больному!

Тогда Нильс Хольгерссон решил: раз никто не собирается узнавать, в силах ли больной слушать пение, — это надо сделать ему. Отделившись от остальных, он побежал прямо к дому. Перед виллой стоял только что подъехавший экипаж, а возле него старик кучер. Едва мальчик успел приблизиться к подъезду, как дверь отворилась и на крыльце показалась молоденькая служанка

с подносом в руках.

— Вам, Ларссон, придется еще немного подождать лекаря, — сказала она. — Госпожа приказала, чтоб я принесла вам закусить и согреться.

— А как там хозяин? — спросил кучер.

— Он больше не мучается. Но сердце у него словно остановилось. Уже целый час директор лежит не шелохнувшись. Мы даже не знаем, жив он или мертв!

— А что лекарь говорит? Это — конец?

— Может, оно и так, а может, и нет, Ларссон… может, так, а может, и нет… Директор наш лежит и как будто прислушивается, не раздастся ли чей-то зов, чтобы решилась его судьба…

Нильс Хольгерссон быстро помчался обратно по дороге, догонять учительницу со школьниками. Он вспомнил, как было, когда умирал его дедушка, матушкин отец. Он был моряк, и когда лежал на смертном одре, то попросил открыть окошко, чтобы еще раз услышать шум ветра. А этот больной любил жить среди молодежи и слушать их песни, смотреть на их игры…

Учительница нерешительно шла по аллее. Когда она подходила к усадьбе, ей хотелось повернуть назад. Теперь же, когда она удалялась от Нееса, ей тоже хотелось вернуться обратно…

В полном смятении она молча шла с детьми по дорожке. Аллея была так сильно затенена деревьями, что она ничего не могла разглядеть, но ей чудилось, однако, будто она слышит вокруг множество голосов. Со всех сторон доносились к ней тысячи дрожащих от страха голосов, которые, казалось, говорили:

— Мы все так далеко, так далеко! Но ты-то близко! Ступай и спой ему, спой о том, что мы все чувствуем!

И она вспомнила одного за другим тех, кому помогал и о ком заботился директор. Какие нечеловеческие силы надо было иметь, чтобы поддерживать всех, кто в этом нуждался!

«Иди и спой ему! — шептали вокруг голоса. — Не дай ему умереть без последнего привета от всех, кто здесь учился! Не думай, будто ты — ничтожна и незначительна! Думай о той огромной толпе людей, которая стоит за твоей спиной! Дай ему понять, прежде чем он уйдет, как мы любим его!»

И учительница все замедляла и замедляла шаги. Но тут вдруг она услыхала не просто зов из глубины собственной души. Нет, этот голос доносился из окружавшего ее мира. Но то был не обычный человеческий голос! Он напоминал то ли щебет птички, то ли стрекотанье кузнечика. Однако же она явственно услыхала, как голос этот крикнул ей, чтоб она шла назад!

А большего и не требовалось; она, уже не колеблясь,

повернула обратно…

Учительница и дети спели несколько песен под окнами директора. И ей вдруг самой показалось, что их пение этим вечером звучит необыкновенно красиво. Словно все знакомые и незнакомые голоса пели вместе с ними. Воздух был полон каких-то дремлющих затаенных звуков… они словно только и ждали, когда дети с учительницей запоют, чтобы пробудиться от дремоты и присоединиться к их пению.

Тут входная дверь быстро отворилась и кто-то поспешно вышел на крыльцо.

«Это идут сказать мне, что больше петь нельзя, — подумала учительница. — Только б мы не наделали беды!»

Но оказалось, что их приглашают войти в дом отдохнуть, а потом спеть еще несколько песен.

По ступенькам крыльца навстречу учительнице спускался врач.

— На сей раз опасность миновала! — сказал он. — Больной лежал в забытьи, и сердце его билось все слабее и слабее. Но когда вы начали петь, он, казалось, услыхал зов всех тех, кому так нужен! И он почувствовал, что еще не настало время ему искать покоя. Пойте еще! Пойте и радуйтесь, потому что, мне кажется, пение ваше вернуло его к жизни! Теперь, может быть, он останется с нами еще на несколько лет!

LIII ПУТЕШЕСТВИЕ В ВЕММЕНХЁГ

Четверг, 3 ноября

В один прекрасный день, в начале ноября, дикие гуси перелетели через горную гряду Халландсос и очутились в Сконе. До этого они несколько недель паслись на обширных равнинах в окрестностях города Фальчёпинг, а поскольку там же пребывало еще много других больших стай диких гусей, время для стаи Акки протекало весело: старым птицам было о чем побеседовать, а молодые развлекались всякого рода играми и состязаниями.

Нильс же Хольгерссон не очень-то радовался тому, что стая надолго задержалась в Вестеръётланде. Хотя он всячески приободрял себя, но ему трудно было смириться со своей участью. «Скорей бы уж Сконе осталась позади; скорей бы очутиться за морем, — думал он, — тогда бы уж я знал: надеяться не на что, и чувствовал бы себя куда спокойнее».

Но вот наконец однажды утром дикие гуси снялись с места и полетели к югу, в Халланд. Глядеть на землю вначале не доставляло мальчику особого удовольствия. Он думал, что ничего нового там не увидит. На востоке высилась горная гряда с огромными вересковыми пустошами, напоминавшими смоландские. Далее же к западу все было усеяно круглыми холмами да буграми, а побережье изрезано заливами и бухтами примерно так же, как в Бохуслене.

Но когда дикие гуси полетели на юг вдоль прибрежной полосы, мальчик, сидя верхом на гусиной спине, свесился вниз и не смог уже оторвать глаз от земли. Холмы поредели, и теперь под ним простиралась равнина. И берег уже не был так сильно изрезан. Шхеры тоже постепенно редели, а потом и вовсе исчезли, и широкое, открытое море подходило прямо к побережью.

Лес внезапно кончился. Правда, множество безлесных, но тем не менее прекрасных равнин встречалось и на севере страны. Однако все они были окружены лесами, которые росли там повсюду; можно сказать, лес владел всем вокруг, а распаханные земли казались всего лишь огромными вырубками в нем. Да и на самих равнинах было немало и рощиц, и окруженных живыми изгородями пастбищ. Словно для того, чтобы напомнить: лес в любую минуту может вновь заполонить весь край!

Здесь же все было по-иному. Здесь власть забрали бескрайние равнинные земли. Кое-где виднелись большие лесные посадки, но отнюдь не дикие могучие леса. Вся местность лежала перед ним ничем не прикрытая — одна пашня рядом с другой. И это

напоминало мальчику Сконе. Казалось, он узнавал и оголенный берег с песчаными отмелями и горами водорослей. Увидев все это, он и обрадовался, и испугался… «Должно быть, я уже недалеко от дома», — подумал он.

Между тем картина под ними сильно изменилась: вниз из Вестеръётланда и Смоланда, нарушая однообразие, с шумом сбегали реки. Озера, болота, вересковые пустоши и дюны стали преграждать путь пашням. Однако пашни все тянулись дальше и дальше, вплоть до самой горной гряды Халландсос, поднимавшейся со всеми своими прекрасными долинами и ущельями у самых пределов Сконе…

Во время путешествия гусята не раз спрашивали старейших в стае:

— Как там за морем? Как там за морем?

— Потерпите, потерпите! Скоро узнаете! — отвечали те, кто не раз облетел всю страну вдоль и поперек.

Когда гусята видели длинные, поросшие лесом горные отроги Вермланда и сверкавшие между ними озера, либо скалы Бохуслена, либо прекрасные невысокие горушки Вестеръётланда, они, дивясь, спрашивали:

— Неужто на всем свете так? Неужто на всем свете так?

— Потерпите, потерпите! Скоро узнаете, каков белый свет! — отвечали им старые гуси.

Когда же дикие гуси перевалили через Халландсос и пролетели немного вглубь Сконе, Акка закричала:

— Смотрите вниз! Оглядитесь хорошенько! Вот так будет и за морем!

В тот миг они как раз перелетали через горную гряду Сёдерсосен. Вся эта длинная горная цепь была одета в буковые леса, в зелени которых утопали великолепные, украшенные башнями замки. Среди деревьев паслись косули, а на лесных полянках резвились зайцы. До слуха летящих в вышине диких гусей доносились звуки охотничьего рога и хриплый лай собак. Широкие дороги змеились между деревьями, а по дорогам разъезжали в блестящих каретах либо гарцевали на породистых конях дамы и господа. У подножья горной гряды расстилалось озеро Рингшён, на узком мысу которого лежало старинное поместье Бушёклостер. Горную гряду перерезало ущелье Шералид; на дне его, в бездонной глубине между двумя отвесными склонами, одетыми деревьями и кустами, поблескивала какая-то горная река.

— Так будет и за морем? Так будет и за морем? — допытывались гусята.

— Да, так будет и за морем, там, где есть поросшие лесом

горные отроги, — закричала Акка, — но они встречаются нечасто! Потерпите, скоро все увидите, как там и что!

Акка вела диких гусей все дальше на юг, к самой большой равнине в Сконе.

И вот она уже расстилается перед ними со всеми своими широкими нивами, свекловичными полями, испещренными длинными рядами свекольной ботвы, с низенькими, выбеленными усадьбами, окруженными пристройками, с бесчисленными белыми церквушками, с уродливыми серыми сахарными заводами, с маленькими то ли поселками, то ли городками вокруг железнодорожных станций. Вот потянулись торфяные болота с длинными рядами сложенного торфа, каменноугольные шахты с горами черного угля; между аллеями подстриженных ветел бежали дороги; железнодорожные пути пересекались, образуя на равнине густую сеть. То тут, то там сверкали мелкие, окаймленные буками равнинные озера; красивые господские усадьбы украшали их берега.

— Смотрите вниз! Глядите хорошенько! — кричала гусыня-предводительница. — Вот так будет и за морем — от самого берега Балтийского моря до высоких гор, а дальше нам никогда залетать не доводилось!

Когда гусята осмотрели равнину, гусыня-предводительница полетела к берегам Эресунда. Топкие низкие луга постепенно спускались прямо к воде; на берегах пролива лежали длинные гряды почерневших водорослей, выброшенных прибоем. Кое-где виднелись высокие береговые насыпи, а кое-где наносные пески-дюны, в виде отмелей и холмов. На побережье поднимались рыбачьи поселки с длинными рядами одинаковых кирпичных домиков. На молу возвышался небольшой маяк, и повсюду виднелись развешанные для просушки бурые сети.

— Смотрите вниз! Глядите хорошенько! — повторяла Акка. — Вот так будет и за морем!

Пролетела Акка со своей стаей и над несколькими городами. Внизу виднелись бесконечные фабричные трубы, глубокие колодцы улиц между высокими закопченными домами, большие красивые парки и длинные бульвары, гавани, забитые судами, старинные крепостные укрепления и замки с древними церквами.

— Такие города есть и за морем, хотя там они намного больше! — поясняла гусыня-предводительница. — Но и эти города внизу могут еще подрасти, как и вы!

Облетев Сконе, Акка опустилась на болото в приходе Вемменхёг. А Нильса все время мучила одна назойливая мысль. Видимо, Акка нарочно летала над всей провинцией, желая показать ему, что его родной край ничуть не хуже любого другого

в мире. Но в этом не было никакой надобности. Мальчик вовсе и не думал — богата ли, бедна ли его родная земля. С тех пор как он увидел первый поросший ивняком холм и первый приземистый бревенчатый сруб, сердце его заныло от тоски по дому.

LIV У ХОЛЬГЕРА НИЛЬССОНА

Вторник, 8 ноября

Стоял пасмурный и ненастный день. Дикие гуси паслись на просторных нивах вокруг Скурупа; когда все наслаждались послеобеденным отдыхом, Акка вдруг подошла к мальчику.

— Теперь, похоже, ненадолго установится вёдро, — молвила она. — Завтра, думается мне, мы начнем перелет через Балтийское море.

— Вон как! — коротко ответил Нильс. У него перехватило дыхание, и больше он ничего не мог вымолвить. Ведь мальчик все еще надеялся, что, пока он в Сконе, с него снимут заклятье и снова превратят в человека.

— А ведь мы довольно близко от Вестра Вемменхёга, — заметила Акка. — И я подумала, может, тебе хочется заглянуть домой на часок? Ведь пройдет немало времени, прежде чем ты свидишься с кем-нибудь из своих!

— А может, не надо? — возразил мальчик, но в голосе его послышалась радость.

— Если белый гусак останется здесь с нами, никакой беды не случится, — продолжала Акка. — А вот тебе надо, пожалуй, узнать, как там, у тебя дома? Хоть ты и не превратишься в человека, но, может, сумеешь хоть чем-нибудь помочь родителям.

— Ваша правда, матушка Акка! Как я сам до этого не додумался! — воскликнул мальчик, горевший желанием попасть домой.

Через минуту гусыня-предводительница с Нильсом летела к усадьбе Хольгера Нильссона. И вот уже она опускается на землю за каменной оградой, окружающей торп.

— Надо же! Здесь все точь-в-точь как было! — воскликнул мальчик и ловко взобрался на ограду, чтобы оглядеться. — Кажется, будто только вчера я сидел тут и смотрел, как вы летите высоко в небе!

— А есть ли у твоего отца ружье? — внезапно спросила Акка.

— Ясное дело, есть, — ответил мальчик. — Ведь я из-за этого ружья не пошел в то воскресенье в церковь, а остался дома.

— Тогда я не могу дожидаться тебя здесь, — призналась Акка. — Лучше, если ты сам придешь встретиться с нами у мыса Смюгехук завтра поутру, а нынче переночуй здесь.

— Нет, погодите, не улетайте пока, матушка Акка! — закричал мальчик и быстро спрыгнул с ограды. Он не знал почему, но им вдруг овладело странное предчувствие: с дикими

гусями или с ним самим что-то случится, и они никогда больше не встретятся. — Вы ведь видите, как мне плохо. Ведь я не могу снова стать человеком, — продолжал он. — Но все равно я ничуть не раскаиваюсь, что улетел с вами весной. Нет уж, лучше никогда не бывать человеком, чем отказаться от такого путешествия!

Прежде чем ответить, Акка несколько раз втянула клювом воздух.

— Есть дело, о котором мне следовало бы переговорить с тобою раньше, но поскольку ты не собирался возвращаться домой, я считала, что спешить некуда. Однако сейчас не мешает тебе об этом сказать, хуже не будет!

— Вы ведь знаете, что я всегда вас послушаюсь! — воскликнул мальчик.

— Если ты научился у нас чему-нибудь хорошему, Малыш-Коротыш, то ты, может, и не считаешь, что всем на земле должны владеть люди, — повела речь гусыня-предводительница. — Подумай, у вас, людей, такие большие угодья, столько земли! Неужто вы не можете оставить несколько голых шхер, несколько обмелевших озер, болотных трясин, несколько безлюдных скал и отдаленных лесов нам, чтобы мы, бедные птицы и звери, жили там в мире и в покое! Взять хотя бы меня! Всю мою жизнь за мной охотились, меня гнали и преследовали! Хорошо бы знать, что и для такой, как я, есть на свете мирное прибежище!

— Я бы рад помочь вам в этом! — сказал мальчик. — Только у меня, верно, никогда не будет такой власти среди людей!

— Да что мы тут стоим и болтаем, точно не увидимся больше! — воскликнула Акка. — Наговоримся завтра поутру! Теперь же я полечу назад, к своим!

Акка взмахнула было крыльями, но тотчас снова опустилась, погладила несколько раз Малыша-Коротыша клювом и только после этого наконец улетела.

Стоял ясный день, но на дворе не видно было ни души, и мальчик мог идти куда вздумается. Прежде всего он поспешил в коровник; он знал, что у коров разузнает обо всем на свете. Но на скотном дворе было удручающе пусто. Весной там стояли три тучные коровы, теперь же в хлеву была всего одна-единственная — Майская Роза. И с первого же взгляда на нее понятно было, как сильно она тоскует по своим товаркам. Она стояла молча, понурив голову, почти не притрагиваясь к лежащей перед ней соломе.

— Добрый день, Майская Роза! — поздоровался мальчик, бесстрашно вбежав к ней в стойло. — Как поживают батюшка с матушкой? Что поделывают кот, гуси и куры? И куда девались Золотая Лилия и Звездочка?

Услыхав голос мальчика, Майская Роза вздрогнула и, похоже было, намеревалась боднуть его. Но она была уже не так ретива, как раньше, и потому успела разглядеть Нильса Хольгерссона, прежде чем поднять его на рога. Он был так же мал, как и в тот день, когда отправился в путь, и одет точно так же… И все же он стал вовсе не похож на самого себя. У того, прежнего Нильса Хольгерссона, который улетел весной с диким гусями, походка была медленная и тяжелая, голос тягучий, а глаза вечно сонные. А этот Нильс, что воротился домой, был легок на ногу и ловок, говорил быстро, а глаза его так и светились, так и блестели! Как он ни был мал, осанка его была такой гордой и смелой, что он невольно внушал уважение. И хотя сам он казался невеселым, всякий, глядя на него, веселел.

— Му-у, — замычала Майская Роза. — Ходили слухи, будто ты стал совсем другой, но я-то не верила. Добро пожаловать, Нильс Хольгерссон, добро пожаловать! Это первая радостная минута в моей жизни за долгое, долгое время!

— Спасибо тебе, Майская Роза! — растроганно ответил мальчик. Он страшно обрадовался, что его хорошо встретили. — Расскажи-ка теперь мне, как поживают батюшка с матушкой?

— С той поры, как ты улетел, ничего, кроме горестей да бед, они не знали! — сказала Майская Роза. — Однако хуже всего то, что они купили нового коня, — он больших денег стоил. Конь же все лето только корм переводил, а работать не работал. Пристрелить его твой отец не решается, да и продать никак не может. Из-за этого коня Золотой Лилии и Звездочке пришлось уйти отсюда!

По правде, мальчику хотелось узнать совсем про другое, но расспрашивать напрямик он боялся. Поэтому он задал еще один вопрос:

— Матушка, верно, опечалилась, когда увидела, что Мортен-гусак улетел?

— Не думаю, чтоб она сильно горевала из-за гусака, если бы знала, как все получилось и что он сам улетел. Она же более всего сетует, что ее родной сын сбежал из дому, прихватив с собой гусака.

— Вон что… стало быть, она думает… будто я украл гусака? — спросил мальчик.

— А что еще она могла подумать?

— Батюшка с матушкой, стало быть, вбили себе в голову, будто я слонялся все лето, как заправский бродяга?

— Они считают, что с тобой дела плохи, — ответила Майская Роза, — и оплакивают тебя так, словно потеряли самое дорогое на свете.

Услыхав эти слова, мальчик быстро вышел из коровника и отправился в конюшню. Она была невелика, но чиста и опрятна. Видно, Хольгеру Нильссону хотелось устроить все так, чтобы новому коню хорошо там жилось. В деннике стоял великолепный, холеный, пышущий здоровьем конь.

— Добрый день! — поздоровался мальчик. — А я слыхал, будто тут на конюшне стоит не конь, а дохляк! Быть того не может, чтобы речь шла о тебе. Ты-то такой здоровый да холеный с виду!

Повернув голову, конь пристально взглянул на мальчика.

— Уж не сын ли ты хозяина? — спросил он. — Я слыхал о нем немало худого. А у тебя такое доброе лицо! Никогда бы не поверил, что ты — сын хозяина, не знай я, что его заколдовали и превратили в малыша-домового!

— Дурная слава осталась обо мне в здешней усадьбе, — сказал Нильс Хольгерссон, — родная моя матушка и та думает, что я, будто вор, удрал из усадьбы! Ну да это все одно, раз я долго оставаться здесь не собираюсь. Но прежде чем уйти, я хотел бы узнать, какая на тебя хворь напала?!

— Жаль, что ты не останешься, — опечалился конь, — чую, мы с тобой стали бы добрыми друзьями. А у меня никакой хвори и нету. Правда, я занозил чем-то ногу, скорее всего острием ножа или еще чем-то. Заноза сидит так глубоко, что лекарь не смог ее найти; но она все колет да колет, я просто ходить не могу. Если бы ты рассказал Хольгеру Нильссону, что со мной, он бы легко мне помог! Я и сам бы рад приносить пользу. Я же не дармоед! Мне совестно стоять тут, переводить корм да бездельничать.

— Вот хорошо, что настоящей хвори у тебя нет! — обрадовался Нильс. — Попробую сделать так, чтобы тебя вылечили. Можно, я кое-что нацарапаю ножиком на твоем копыте?

Нильс Хольгерссон почти управился с копытом коня, как вдруг услыхал голоса. Чуть приотворив дверь, он выглянул во двор. К дому поднимались отец с матерью. Сразу было видно, что их гнетут тяжкие заботы. Лицо матушки было изрезано морщинами, их стало куда больше, чем прежде, а у отца поседели волосы. Мать уговаривала отца попросить денег в долг у ее деверя.

— Нет, не хочу больше брать взаймы, — сказал отец, проходя мимо конюшни. — Нет ничего хуже, чем влезать в долги. Уж лучше отказаться от дома!

— Я бы не очень этому противилась, если бы не мальчик, — возразила мать. — Но куда он денется, если в один прекрасный день вернется домой, нищий горемыка, — ведь иначе он

вернуться не может, — а нас здесь не будет?

— Да, твоя правда, — отозвался отец, — но мы попросим тех, кто здесь поселится после нас, ласково принять его и сказать, что он для нас — всегда желанный гость! А потом, каков бы он ни был, он слова дурного от нас не услышит. Верно, мать?

— Еще бы! Только бы он вернулся домой! Только бы знать, что ему не приходится голодать и холодать на проезжих дорогах! Ничего на свете я больше не желаю!

Тут отец с матерью вошли в дом, и мальчик ничего уже больше не слышал. Но он был очень тронут и обрадован, узнав, что они так любят его, хотя и думают, будто он ступил на дурной путь. Он хотел было тут же броситься к ним, но подумал: «Может, они станут горевать еще сильнее, коли увидят меня!..»

Пока он стоял так, мучаясь сомнениями, подъехала повозка и остановилась у ворот. Мальчик чуть не вскрикнул от удивления: ведь из повозки вышли и направились к торпу не кто иной, как Оса-пастушка с отцом. Они шли к дому, держась за руки, шли такие тихие и серьезные, но глаза их сияли от счастья. Посреди двора Оса вдруг остановила отца и сказала:

— Помните, батюшка, вы не должны упоминать ни о деревянном башмачке, ни о гусях, ни о малыше-домовом, который до того похож на Нильса Хольгерссона, что если это не он сам, то кто-то очень ему близкий.

— Да нет! Что ты! — ответил Йон Ассарссон. — Я скажу только, что их сын не раз помогал тебе, пока ты разыскивала меня, а сюда мы приехали, чтобы узнать, не можем ли мы, в свой черед, сослужить им службу теперь, когда я стал состоятельным человеком? Ведь с тех пор, как я открыл в горах залежи железа, денег у меня даже больше, чем нужно.

— Я знаю, складно говорить вы умеете! — сказала Оса. — Умолчите только о том, о чем я вас просила.

Они вошли в дом. Мальчик дорого бы дал, чтобы услышать, о чем они станут толковать с его родителями. Но он не решался выйти во двор. Прошло совсем немного времени, и они снова появились на крыльце. Родители Нильса проводили их до самых ворот. И до чего ж они оба повеселели! Просто на диво! Они прямо ожили!

Когда гости уехали, отец с матерью еще долго стояли у ворот и глядели им вслед.

— Ну вот, незачем мне больше так горевать, — сказала матушка, — после того, как я столько доброго услыхала о Нильсе!

— Не так уж много они о нем и рассказали! — задумчиво ответил отец.

— А разве мало? Ведь они приехали сюда единственно ради

нас, сказать, что они желают нам помочь. Ведь наш Нильс сослужил им большую службу! По мне, ты мог бы принять их помощь!

— Нет, мать. Не хочу я ни у кого брать деньги ни в дар, ни взаймы. Сперва надо избавиться от долгов, а потом начнем понемногу работать и снова станем на ноги. Ведь мы с тобой не такие уж дряхлые старики, верно? — смеясь, сказал отец.

— Неужто тебе весело оттого, что приходится отказаться от нашего торпа, в который мы вложили столько труда? — спросила мать.

— Кому как не тебе понять, отчего я смеюсь? — ответил отец. — Когда наш мальчик пропал, меня это так придавило, что я прямо обессилел. Нынче же, когда я знаю, что он жив и вел себя достойно, ты увидишь — Хольгер Нильссон еще на что-нибудь да годится.

Матушка вошла в дом, а мальчику пришлось поспешно спрятаться в уголок, так как в конюшне появился отец. Направившись в стойло к коню, он поднял, по обыкновению, его ногу, чтобы попытаться разглядеть, почему он не ходит.

— Что это? — удивился отец, увидев несколько вырезанных на копыте слов.

«Вытащи железку из ноги!» — прочитал он с удивлением и оглянулся по сторонам. Но тут же стал осматривать и ощупывать копыто изнутри.

— Сдается мне, тут и впрямь торчит что-то острое, — немного погодя пробормотал он.

Пока отец занимался конем, а мальчик сидел, забившись в уголок, на дворе появились новые гости.

А случилось так, что, когда Мортен-гусак очутился совсем близко от своего прежнего дома, он не смог совладать с желанием представить свою жену и детей старым друзьям в родной усадьбе. Вот он, захватив Дунфин-Пушинку с гусятами, и отправился в путь.

Когда гуси прилетели в усадьбу Хольгера Нильссона, на дворе не было ни души. Мортен спокойно и уверенно опустился на землю и стал по-хозяйски расхаживать вокруг, рассказывая Пушинке, как прекрасно ему жилось, когда он был домашним гусем. Показав ей двор, он вдруг заметил, что дверь в коровник отворена.

— Загляните туда на минутку, — пригласил он, — и вы увидите, как там хорошо! Это не то что мокнуть в озерах да болотах!

Стоя на пороге, гусак заглянул в коровник.

— Да тут никого нет, — обрадовался он. — Войди, Пушинка,

и взгляни на гусиный загон! Не бойся! Ни малейшая опасность нам не грозит!

И тут гусак, Пушинка и все шестеро гусят направились прямиком в гусиный загон, чтобы полюбоваться, в какой роскоши и неге жил большой белый гусак до того, как отправился в полет вместе со стаей диких гусей.

— Ну вот, так мы и жили! Это — мое место, а тут стояло корытце, всегда полное доверху овсом и водой, — расписывал гусак. — Погодите-ка, здесь и сейчас еще есть немного корма! — С этими словами он ринулся к корытцу и начал, давясь, глотать овес.

Но Пушинка все беспокоилась и просила:

— Давай выйдем отсюда!

— Еще несколько зернышек! — просил гусак.

И вдруг он, громко загоготав, поспешно бросился к выходу. Но было уже поздно. Дверь захлопнулась, и хозяйка, стоя во дворе, закрыла дверь на крюк. Гуси оказались запертыми в коровнике.

Между тем хозяин вытащил из ноги Вороного острую железную занозу. Он стоял, донельзя довольный, и гладил своего коня, когда в конюшню торопливо вошла хозяйка.

— Иди, отец, погляди, какая у меня добыча! — воскликнула она.

— Нет, погоди, мать! Сперва посмотри сюда! — перебил ее отец. — Теперь я знаю, отчего хромал конь!

— Счастье нам снова улыбается! — радовалась мать. — Подумать только! Большой белый гусак, который исчез по весне, видать, улетел со стаей диких гусей. А нынче он вернулся и привел с собой еще семерых диких гусей. Они вошли в гусиный загон, а я взяла да и заперла их там!

— Вот чудеса! — удивился Хольгер Нильссон. — А знаешь, мать, самое лучшее во всем этом — то, что нам больше не надо думать, будто мальчик бежал из дому, прихватив с собой гусака!

— Да, твоя правда, отец! Боюсь только, не пришлось бы нам заколоть их нынче же вечером. Скоро день святого Мортена, и надо поспешить, если мы хотим успеть отвезти их в город на продажу.

— По мне, грешно заколоть гусака, когда он вернулся к нам домой с таким прибытком, с целой стаей, — не согласился с женой Хольгер Нильссон.

— Будь то в другое время, я бы и не подумала лишать его жизни, но когда нам самим надо уезжать отсюда, мы не можем держать гусей.

— Да и то правда!

— Пойдем, помоги мне перенести их в дом! — попросила она.

Они вышли из конюшни, и вскоре мальчик увидел отца, который направлялся в дом вместе с матерью, прижимая к себе одной рукой Пушинку, а другой — Мортена-гусака. Гусак кричал: «Малыш-Коротыш, помоги мне!» — как кричал всякий раз, когда ему грозила опасность, хотя и не мог знать, что мальчик совсем близко от него.

Нильс Хольгерссон, ясное дело, слышал его крики, но все равно продолжал стоять в дверях конюшни. Но замешкался он вовсе не потому, что желал смерти Мортену-гусаку. В ту минуту он даже не вспомнил о том, что, если гусака заколют, ему самому будет хорошо. Он медлил совсем по другой причине.

Чтобы спасти гусака, ему надо было показаться отцу с матушкой, а к этому у него не было ни малейшей охоты. «Им и без того-то тяжко, — подумал он, — неужто я должен причинить им еще и это горе?»

Но когда дверь за гусаком захлопнулась, мальчик очнулся. Стремглав перебежал он двор, вскочил на дубовую доску у крыльца и ворвался в сени. Тут он по старой привычке сбросил деревянные башмаки и приблизился к двери. Однако ему все еще так не хотелось показываться на глаза отцу с матушкой, что он не в силах был поднять руку и постучать. «Ведь дело идет о жизни и смерти Мортена-гусака, — подумал он, — ведь он был твоим лучшим другом с тех самых пор, когда ты стоял здесь в последний раз!» Ему вспомнилось все, что они с гусаком пережили и на скованных льдом озерах, и в бурном море, и среди опасных хищников. Сердце его преисполнилось благодарности и любви, и он, совладав с собой, постучался в дверь.

— Кто там? — спросил отец и отворил дверь.

— Матушка, не троньте гусака! — крикнул мальчик с порога.

В тот же миг гусак и Пушинка, лежавшие связанными на скамье, загоготали от радости, и он понял, что они еще живы.

Но радовались не они одни.

— Нет, подумать только, какой ты стал рослый да пригожий! — воскликнула в восторге матушка.

Мальчик по-прежнему стоял на пороге, не решаясь войти в горницу, все еще не совсем уверенный в том, как его примут.

— Хвала богу за то, что ты вернулся, — сказала матушка. — Входи же! Входи!

— Добро пожаловать! — пригласил Нильса отец, не в силах более вымолвить ни слова.

Но мальчик все еще топтался на пороге. Он не мог понять, почему они так радуются ему, ведь он такой коротыш?! Но тут к

нему подошла матушка, обняла и потянула за собой в горницу. Тут только он понял, что произошло.

— Матушка! Отец! Я снова большой, я снова — человек! — закричал он.

LV ПРОЩАЙТЕ, ДИКИЕ ГУСИ!

Среда, 9 ноября

На другое утро мальчик поднялся до зари и отправился вниз, к берегу. Еще не совсем рассвело, а он уже стоял на взморье, чуть восточнее рыбачьего поселка Смюге. Он был совсем один на мысу. Перед тем как уйти из дому, он заглянул в гусиный загон к Мортену-гусаку и попытался разбудить его. Но большой белый гусак не пожелал никуда идти из дому. Не сказав ни слова, он сунул голову под крыло и снова заснул.

День обещал быть светлым и погожим. Стояла почти такая же чудесная погода, как и в тот весенний день, когда дикие гуси прилетели в Сконе. Тихо и неподвижно расстилалось море, ни единое дуновение ветерка не колебало воздух. И мальчик думал о том, какой прекрасный перелет ожидает диких гусей.

Сам он был еще словно во сне. То он ощущал себя домовым, то снова человеком. Когда по пути ему встретилась каменная ограда, он побоялся идти дальше, пока не убедился, что за ней не прячется, подстерегая его, какой-нибудь хищник. И тут же сам над собой посмеялся, радуясь тому, что он такой долговязый, большой и сильный и ему нечего бояться.

Придя на берег, он встал на самом краю прибрежной отмели, чтобы дикие гуси увидели его. То был день великого перелета. В воздухе то и дело раздавались призывные клики. Он улыбнулся про себя, подумав, что никто на свете лучше его не знает, о чем кричат друг другу птицы.

Но вот над морем стали кружить и дикие гуси — одна огромная стая за другой. «Нет, это, верно, не мои гуси! Ведь эти улетают прочь, не простившись со мной!» — думал он. Ему так хотелось рассказать им, что он снова стал человеком, и показать, каков он теперь!

Но вот появилась еще одна стая; она летела быстрее и кричала звонче других. И что-то подсказало ему: это и есть стая, которую он ждет. Но сейчас он все же не мог признать ее сразу и так же уверенно, как сделал бы это накануне.

Стая полетела медленнее и стала носиться взад-вперед вдоль берега. Да, это и есть та самая стая! Это он понял и только удивлялся, почему дикие гуси не опускаются рядом с ним. Неужто они не видят его? Нет, этого просто не может быть!

Он попытался было издать призывный клич, чтобы приманить их к себе. Но подумать только! Язык не слушался его! Он так и не смог окликнуть гусей!

Он услыхал гоготанье Акки в вышине, но не разобрал ее слов. «Что это? Неужели дикие гуси говорят теперь на другом языке?» — подивился он.

Он стал махать им своим колпачком, бегать по берегу и кричать:

— Я — здесь, где — ты?! Я — здесь, где — ты?!

Но похоже, это только отпугнуло диких гусей. Они взмыли ввысь и полетели над морем. И тут мальчик наконец-то догадался! Они не знают, что он стал человеком! Они не узнали его!

А подозвать их к себе он не мог. Ведь человек не умеет говорить на языке птиц! Да, он не умел говорить на их языке, и они не могли понять его!

Хотя мальчик был несказанно рад, что его освободили от заклятия, на душе у него стало горько: ведь из-за этого он вынужден разлучиться с дикими гусями, со своими славными товарищами! Он сел на песок и закрыл лицо руками. Что толку теперь и глядеть на них?!

Но тут вдруг он услыхал шум крыльев. Старой матушке Акке показалось слишком тяжело улететь навсегда от Малыша-Коротыша, и она вернулась назад со всей стаей. Теперь, когда мальчик сидел неподвижно, она рискнула подлететь к нему поближе. У нее словно внезапно открылись глаза, каким-то чутьем она узнала мальчика и опустилась на мысу рядом с ним.

Вскрикнув от радости, мальчик обнял старую Акку. Другие гуси, теснясь вокруг, потянулись к нему своими клювами. Они гоготали, болтали без умолку и от всего сердца поздравляли его. И он тоже говорил с ними и благодарил за удивительное путешествие, которое совершил вместе с ними.

Вдруг гуси неожиданно умолкли и отодвинулись от него. Казалось, они хотели сказать: «Ах, ведь он — человек! Он не понимает нас, мы не понимаем его!»

Тут мальчик поднялся, подошел к Акке и стал ласково гладить ее. Так же ласково погладил он Юкси и Какси, Кольме и Нилье, Вииси и Кууси, всех старейших гусей, которые были с ним в стае с самого начала пути.

Потом он направился берегом к дому. Он знал, что птицы горюют недолго, и ему хотелось расстаться с ними, пока они еще грустят о нем.

Он поднялся на песчаный холм, обернулся и стал разглядывать бесчисленные птичьи стаи, тянувшиеся над морем. Все они перекликались между собой. И только одна-единственная стая диких гусей молча летела вперед.

Стая летела безукоризненно ровным клином, не замедляя

полета, а взмахи гусиных крыльев были сильны и могучи. Он провожал ее взглядом до тех пор, пока стая не скрылась из виду. И сердце мальчика стеснила такая тоска, что он, пожалуй, готов был опять стать Малышом-Коротышом, чтобы снова, сидя верхом, летать по свету над сушей и морем вместе со стаей диких гусей.

notes

Notes

1

…рядом с портретом датской королевской четы… — Шведская провинция Сконе принадлежала Дании и отошла к Швеции в 1658 г. по мирному договору, заключенному в Роскилле (Дания).

2

Торп — Участок земли, сдаваемый крестьянам в аренду.

З

Кебнекайсе — вершина на севере Скандинавских гор, самая высокая гора в Швеции.

4

…Юкси из Вассияуре… Какси из Нуольи… - Имена гусей представляет собой первые шесть числительных в финском языке: юкси — один, какси — два, кольме — три, нелье — четыре, вииси — пять, кууси — шесть.

5

…жестяная коробка на ремне — ботанизирка. — В старину такие коробки-ботанизирки натуралисты носили во время экскурсий.

6

…из датского рода Брахе… — Речь идет о старинном дворянском роде датского происхождения, который играл значительную роль в истории Швеции XVI–XVIII вв.

Хемман — хутор, крестьянский земельный надел.

Статары — безземельные крестьяне, батраки, нанимающиеся на год и получающие плату натурой.

9

…на много-много миль… — Шведская миля равна 10 км.

10

Карлскруна — портовый и промышленный город на побережье Балтийского моря.

11

…штевневые украшения… — В старину форштевни кораблей обычно украшали фигурами.

12

Остров Эланд — остров в Балтийском море, принадлежащий Швеции.

13

Остров Рюген (Германия) — находится близ южного побережья Балтийского моря.

14

Остров Готланд - крупнейший остров в Балтийском море, принадлежащий Швеции.

15

…называл их «останцы». — Так назывались скалы причудливой формы, образованные действием воды или ветра.

16

Блокулла — в скандинавской мифологии гора, где обитает нечистая сила.

17

Хускварна — город, живописно расположенный у южной оконечности озера Веттерн.

18

Йёталанд — историческая область Швеции, куда входил ряд провинций, в том числе и Смоланд.

19

Хёвдинг — в древней Скандинавии вождь, предводитель племени.

20

…три короля — Каспар, Мельхиор и Валтасар… — По библейскому преданию, три короля (волхва, мудреца) пришли с востока в Вифлеем, чтобы поклониться младенцу Христу, и принесли ему дары: золото, ладан и смирну.

21

…несколько сухих хлебцев, нанизанных на шест. — Хлебцы, замешанные на крови домашних животных, — пальты — подвешивались на шест.

Эстеръюльне — поэтическое название Эстеръётланда.

23

Сёрмланд — устное поэтическое название лена Сёдерманланд в центральной Швеции.

24

Волшебный сад - макет провинции Сёрмланд (Сёдерманланд) со всеми ее достопримечательностями.

Тунланд — земельная мера, равная 4936 кв. м.

26

…берегись хозяйки Пинторпа. — Хозяйка поместья Пинторп (позже — Эриксберг) известна по народным преданиям своей жестокостью.

27

…берегись Белой дамы! - По старинным повериям, привидение Белой дамы предвещало беду.

28

…с королем Эриком - Имеется в виду шведский король Эрик XIV (годы правления 1560–1568), находившийся в заточении в замке Грипсхольм.

29

Озеро Йельмарен - одно из крупнейших озер в центральной Швеции.

30

Бергслаген — горнорудный район в провинции Блекинге (Южная Швеция).

31

Свеи — старинное название шведов по имени одного из германских племен — предков шведского народа.

32

Скиллинг — медная монета, бывшая в ходу в Швеции с 1776 по 1855 гг.

33

Оскар Первый (1799–1859) — король Швеции и Норвегии (1844–1859).

34

Стуре — старинный дворянский род, игравший большую политическую роль в Швеции конца XV и начала XVI в.

35

Густав Васа (Густав Эрикссон Васа, 1490–1560) — шведский король, основатель династии Васа. Пришел к власти, подняв в 1521 г. народное восстание против господства датских феодалов. Осуществил в Швеции лютеранскую реформу, способствовавшую укреплению королевской власти.

36

Стрёммен — проток, соединяющий Сальтшён с озером Меларен.

37

Сальтшён — залив в Балтийском море, соединяющийся с озером Меларен.

38

Густавианум — главное здание университета в Упсале, построенное в XVII в. при короле Густаве II Адольфе (1594–1632) и названное в его честь.

39

…к Ботаническому саду… — В Ботаническом саду в Упсале работал великий шведский ученый Карл Линней (1707–1778).

40

Скансен — этнографический музей-парк под открытым небом, основанный в Стокгольме на острове Юргорден в 1872 г. Артуром Хаселиусом (1833–1901).

41

Ярл — приближенный короля (конунга), наместник провинции, участвовавший в управлении страной.

42

…чтобы считать поселение городом. — Стокгольм получил права города в 1252 г.

43

Ленсман — должностное лицо, представитель власти на местах.

Тор — древнескандинавский бог грома, бури и плодородия.

45

…в которой она выросла… — Имеется в виду усадьба Морбакка в Вермланде, где родилась и выросла Сельма Лагерлёф.

46

Праздник Люсии - один из наиболее популярных праздников в Швеции; в этот день (11 декабря) выбирают Люсию — самую красивую девушку.

47

…читали Тегнера и Рунеберга, фру Леннгрен и фрёкен Бремер. — Эсайас Тегнер (1782–1846) — знаменитый шведский поэт-романтик, автор «Саги о Фритьофе»; Рунеберг (1804–1877) — один из крупнейших поэтов Финляндии, писавший на шведском языке; Фредрика Бремер (1801–1865) — шведская писательница, уделявшая в своих романах большое внимание женскому вопросу, вошла в историю литературы как создательница жанра шведского семейного романа; Анна-Мария Леннгрен (1754–1817) — шведская писательница и поэтесса, автор социальных сатир и идиллий, написанных под влиянием Руссо, в духе сентиментализма.

48

Вестерхавет — древнее шведское название Северного моря (буквально — Западное море).